

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ТВЕРЬ 1996

Тверской государственный объединенный музей

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2
ВЫПУСК

Тверь 1996

В сборнике представлены доклады 1 и 2-го заседаний научного семинара "Тверская земля и сопредельные территории в древности", проходивших 14-16 марта 1994 г. и 15-18 марта 1995 г. в Тверском государственном объединенном музее.

Хронологически сборник охватывает периоды от финального палеолита до средневековья. Большинство статей посвящено каменному веку и эпохе раннего металла.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных исследований как чисто археологических, так и произведенных на стыке с другими науками: географией и гидронимией, биологией и медициной, геохимией и петрографией и т.д. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох. Ряд статей носит проблемный характер. В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и ее связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым России и Тверского края.

Сборник издан за счет средств, полученных Тверским государственным объединенным музеем от проведения хоздоговорных охранных археологических исследований, и средств АОЗТ "Тверьстрой".

Тверской государственный объединенный музей благодарит АОЗТ "Тверьстрой" (генеральный директор В. А. Громов) за финансовую помощь в издании сборника.

Редакционная коллегия:

И. Н. Черных (ответственный редактор выпуска)
М. А. Ефимов

ISBN 5-87049-045-6

© Тверской государственный
объединенный музей, 1996 г.

© Авторы статей, 1996 г.

К 60-летию ЛЬВА ВЛАДИМИРОВИЧА КОЛЬЦОВА

В 1995 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Л. В. Кольцова - доктора исторических наук, ведущего российского специалиста по мезолиту и прекрасного человека.

Л. В. Кольцов родился 7 апреля 1935 г. в Москве. После окончания средней школы поступил в 1953 г. на исторический факультет Московского университета, где специализировался по кафедре археологии под руководством О. Н. Бадера. Интерес, проявленный Л. В. Кольцовым к проблемам каменного века в студенческие годы, определил его дальнейшую судьбу. После окончания университета в июне 1958 г. Лев Владимирович поступает на работу в Институт археологии в качестве лаборанта, в 1965 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию по мезолиту Волго-Окского междуречья. Плодотворная работа по изучению финального палеолита и мезолита Южной и Восточной Прибалтики завершилась в 1977 г. выходом монографии, которая была успешно защищена Л. В. Кольцовым год спустя как докторская диссертация. Пройдя все должностные ступени, в настоящий момент Лев Владимирович работает ведущим научным сотрудником Отдела каменного века Института археологии РАН.

Со студенческих лет жизнь и работа Л. В. Кольцова были неразрывно связаны с экспедициями по изучению древнейших периодов истории народов Европейской России. В 1954-56, 1959 и 1960 гг. он работал под руководством О. Н. Бадера в Камской экспедиции, а в 1957-59, 1963 и 1967 гг. на раскопах Сунгиря - одной из наиболее интересных стоянок верхнего палеолита. В 1955 г. он принимал участие в работах по изучению палеолита Центра Русской равнины под руководством Д. А. Рогачева. Однако наиболее важной была работа с 1959 г. по 1989 г. в Верхневолжской экспедиции под руководством Д. А. Крайнова, в которой Л. В. Кольцов был заместителем начальника и одновременно возглавлял Разведочный отряд. В эти годы им были открыты и раскопаны важнейшие мезолитические стоянки, позволившие выделить бутовскую и иеневскую культуры в Волго-Окском междуречье. Помимо этого, большие силы были отданы Львом Владимировичем делу сохранения памятников археологии Верхнего Поволжья. В 1984-87 гг. он одновременно с работой в Верхневолжской экспедиции возглавлял новостроечную Капининскую экспедицию, в те годы крупнейшую из экспедиций Института археологии. В это же и последующее время Лев Владимирович редактировал Свод памятников археологии Тверской области - наиболее полный из всех областных сводов Российской Федерации.

Л. В. Кольцовым опубликовано около 100 работ по различным проблемам каменного века, наиболее важные из них, помимо монографии о финальном палеолите и мезолите Южной и Восточной Прибалтики, статьи о сезонном функционировании мезолитических стоянок, о сложении мезолитических культур в лесной зоне Европы. Эти работы ставили новые проблемы и давали новые направления для дальнейших исследований. Важной работой явилось редактирование тома "Мезолит СССР" в серии "Археология СССР", вышедшего в 1989 г. Многие разделы тома редактору пришлось писать заново. В настоящее время Лев Владимирович углубленно занимается теоретической разработкой важнейших вопросов изучения мезолита лесной зоны Европы, используя богатейший опыт, накопленный за прошедшие годы.

Как ведущий специалист по мезолиту Л. В. Кольцов известен не только в нашей стране, но и за рубежом. В 1973 г. он участвовал в работе симпозиума по мезолиту Европы в Варшаве, в 1976 г. - в конгрессе доисторических и протоисторических наук в Ницце, где был избран членом Комитета по изучению мезолита от Советского Союза. Помимо этого, он изучал материалы по мезолиту ряда зарубежных стран.

Л. В. Кольцов в течение ряда лет был ответственным секретарем "Кратких сообщений Института археологии" (КСИА), а затем журнала "Советская археология". Не менее важна и его работа в качестве члена Отдела полевых исследований.

Поздравляя дорогого Льва Владимировича со славным юбилеем, пожелаем ему крепкого здоровья, бодрого настроения и дальнейших творческих успехов.

Коллеги

Л. В. Кольцов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Понятие "археологическая культура" - чисто гносеологическое. Оно облегчает нам оперирование археологическим материалом, найденным при раскопках. Однако разными исследователями оно понимается далеко не однозначно. Порой точки зрения специалистов очень далеко расходятся. Отсюда возникают и разные представления об одном и том же археологическом материале. Наблюдается волюнтаризм и в выделении новых культур, и в их периодизации, и даже в описании материалов. Все это часто затрудняет понимание исторических явлений, взаимоотношения разных археологических данных, их относительного и абсолютного хронологического положения.

Существует целая группа проблем, связанных с понятием "археологическая культура". Зачастую в увлечении находками, материалом мы забываем, что за этим понятием в истории всегда стояла реальная группа людей со сложившейся материальной и духовной культурой, обычаями и мировоззрением. Эта группа оставляла свои памятники, как правило, в определенном ареале в определенное время. Поэтому мы предлагаем понимать под археологической культурой группу археологических памятников, обладающих культурным, хронологическим и территориальным единством. Это положение, возможно, еще потребует уточнения, но сейчас оно представляется достаточно приемлемым.

С чего в настоящее время начинается изучение новой культуры? Обычно в раскопках обнаруживается комплекс материала, который по ряду параметров может отличаться от уже известного. Тогда исследователь и ставит перед собой вопрос о выделении новой культуры.

Однако при этом крайне необходимо не торопиться. Для того чтобы новая археологическая культура могла занять свое определенное место в системе других культур, она должна иметь несколько характеристик, которые могли бы ее выделить из этой системы. Эти особенные черты новой культуры должны быть четко сформулированы.

Прежде всего нужно правильно проанализировать и описать инвентарь, пользуясь для этого постоянными принципами. Изложение особенностей каменного инвентаря следует, по нашему мнению, начинать с определения основной заготовки и способов ее получения, то есть способов раскалывания камня. Только после этого нужно приступать к описанию орудийного комплекса. При этом, конечно, главное внимание должно уделяться так называемым "культуроопределяющим" типам орудий, то есть тем, которые отличают данную культуру от других, ей синхронных. Для культур без керамики это будет, разумеется, в первую очередь, охотничье вооружение, микролитическая группа и, в меньшей степени, группа рубящих орудий. Остальные категории орудий могут иметь значение, но, вероятно, более подчиненное. Подсчет процентного соотношения отдельных категорий и типов в комплексе (который часто неправильно называют статистикой)

тоже, конечно, должен присутствовать в этом описании. Разумеется, должны отмечаться технологические особенности производства орудий.

Если культура керамическая, изучение керамики обычно начинается с ее орнаментации, и только после этого приступают к исследованию форм сосудов и технологии их изготовления. Некоторые специалисты определяют еще размеры сосудов и их количество. Иногда применяется графическая реконструкция или изображение развертки орнаментированной части сосуда.

Выделение новых керамических культур происходит чаще всего по орнаментации сосудов. Однако при этом нужно проявлять чрезвычайную осторожность. Порой используются не целые сосуды, а их отдельные фрагменты, что может привести к заблуждению или ошибке. Только полный, всесторонний анализ имеющихся сосудов может открыть путь к обособлению новой керамической культуры.

Следующий шаг к выделению новой культуры - определение ее ареала. В большинстве случаев памятники любого культурного проявления залегают в компактном расположении. В этом варианте ареал культуры определяется достаточно легко. Однако иногда один или несколько памятников могут располагаться на определенном удалении от основного массива. Тогда следует определить по возможности причину такого рассеивания, чтобы оценить отношение этого памятника (или памятников) к остальным, к основному массиву культуры.

Наконец, третья сторона процесса выделения новой культуры - оценка ее хронологического положения. Конечно, прекрасно, если оно определяется радиоуглеродными или пыльцевыми датами. Однако и здесь иногда требуется осторожность. Порой эти даты не совпадают. Иногда большая разница между датами наблюдается и в случае наличия нескольких радиоуглеродных определений. Не следует совсем отбрасывать и геологические и геоморфологические оценки условий и возраста нахождения памятников или культурных слоев на них, хотя к ним тоже надо относиться с большой осторожностью. Не стоит забывать и возможность чисто археологических датировок путем сравнения с надежно датированными памятниками других культур в случае наличия прямых аналогий в археологическом материале.

После того как культура выделена, и ее выделение обосновано данными по материальному содержанию, территории и хронологии, перед исследователем обычно появляется еще целый ряд вопросов, связанных с ней. Прежде всего, это проблема ее сложения (не стоит употреблять термин "происхождение" применительно к археологической культуре, это будет не совсем корректно. Можно говорить о происхождении населения, оставившего данную культуру). Здесь, вероятно, могут прорабатываться два основных варианта: сложение на основе по меньшей мере двух предшествующих культур (с возможными сегментацией, миграцией, ассимиляцией, адаптацией) или сложение путем сегментации от материнской культуры с последующими миграцией и дальнейшей адаптацией в новых экологических условиях. Во втором случае предок определяется довольно легко, поскольку материальное содержание новой культуры меняется мало. В первом случае требуется большая затрата труда исследователя. Для решения вопроса нужен анализ инвентаря (включая комплекс орудий и технологические особенности) нескольких предшествующих культур, материалы которых иногда встречались на довольно большом расстоянии от изучаемой.

Возможны проработки и других, пока менее изученных вариантов сложения. Внутреннее развитие культуры или ее периодизация должны определяться, в первую очередь, датами, полученными с помощью естественных наук. Только сопоставляя изменения этих дат с переменами в инвентаре, можно с уверенностью говорить о смене этапов развития данной культуры. Чисто типологическая периодизация очень рискованна и может привести в тупик. Если все же нет дат, полученных с помощью естественных методов, периодизацию культуры, может быть, и не следует строить, отложив ее до лучших времен.

Проблема взаимоотношений с соседями тоже крайне важна и сложна. Для ее освещения требуется целый ряд методологических приемов. Сначала надо быть уверенным в синхронности, хотя бы частичной, сравниваемых культур. Затем надо оценить культуруопределяющие признаки этих культур, после этого уяснить, какую роль элементы одной культуры играли в материале

другой, как они попали в эту вторую культуру (был ли это обмен, диффузия или влияние одной культуры на другую). Формы взаимоотношений между соседними культурами могут быть различными :

- 1) отсутствие всяких взаимоотношений;
- 2) одностороннее воздействие в нескольких вариантах;
- 3) взаимодействие в нескольких вариантах;
- 4) генетическая связь (происхождение одной культуры от другой при продолжении существования последней).

Оценка характера взаимоотношений между соседними культурами может пролить свет на ряд моментов древнейшей истории.

В связи с предыдущей стоит проблема контактных зон между культурами. Здесь необходимы оценка глубины контактов, их территориального охвата, характеристика интерференции, выяснение причин контактов.

Требуют своей оценки и некоторые общеисторические процессы, связанные со сложением и развитием той или иной культуры. Их характеристики очень важны для полного изучения культуры. Назову среди них сегментацию, которая может принимать разные формы (быть внешней и внутренней, одинарной, множественной, полной при распаде культуры), миграцию, ассимиляцию или взаимоассимиляцию. Все эти вопросы требуют от специалистов очень внимательного и осторожного подхода к материалу.

Изучение экономики населения, оставившего определенную археологическую культуру, еще одна важная задача исследователя. Неоценимую помощь в этом оказывают, конечно, в первую очередь, фаунистические и флористические остатки (отсюда понятна необходимая тщательность полевого исследования для сбора этих данных). В восстановлении палеоэкономики, разумеется, огромная роль принадлежит типологическому и технологическому анализам. Крайне желателен трасологический анализ всего каменного инвентаря. Очень важен планиграфический анализ комплекса находок и сооружений, открытых на памятниках при раскопках. Только соединение всех этих данных позволит с определенной точностью реконструировать экономику населения культуры. Данные этнографии следует привлекать очень осторожно, учитывая общность социально-экономического развития и природных условий.

В тесной связи с изучением палеоэкономики стоит проблема адаптации древнего населения к условиям среды. Это вопрос, который практически только начинает разрабатываться в археологической науке. Здесь, вероятно, требуется различение форм, способов и средств адаптации. Эти понятия часто путаются в современных исследованиях. Формы адаптации - культурно-экономическая, социальная, биологическая. Способы - конкретный экономический уклад (охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ, охотничье-рыболовческий и т.д.). Средства адаптации - те приемы, которыми пользовался человек, осуществляя не только непосредственную экономическую деятельность, но и постройку жилищ, организацию поселений, стратегию хранения и т.д.

Крайне трудны вопросы, связанные с социальным устройством населения, оставившего данную культуру. Здесь надо упомянуть проблемы определения его социального статуса (род, племя, союз племен и т.д.), оценки социально-производственных территорий отдельных его единиц (в частности, большой и малой семьи, рода и т.д.). В большинстве случаев на уровне наших знаний эти вопросы практически оказываются почти неразрешимыми. Этнографию при этом надо использовать тоже с большой осторожностью.

Нуждаются в изучении и стороны духовной культуры населения, оставившего исследуемую культуру. Это, прежде всего, четыре основных вида искусства каменного века: орнамент, мелкая пластика, прорисовки или гравировки на вещах, наскальные рисунки или гравировки. Второй вопрос, связанный с духовной культурой, - изучение погребального обряда во всех деталях (конструкция погребальных сооружений, положение костяка в случае ингумации, инвентарь, сопровождающий погребения, и т.д.).

Естественно, в данной работе изложен не весь круг проблем, связанных с изучением археологической культуры. Но, как представляется, намеченные контуры могут служить, образно говоря, канвой, по которой следовало бы вышивать рисунок этого понятия, общепринятого в нашей археологической науке.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L. V. Koltsov
SOME ASPECTS OF RESEARCH
OF THE ARCHAEOLOGICAL CULTURES

Summary

The article outlines the programme of research of the archaeological cultures, the latter being viewed upon as a specific cultural, chronological and territorial unity of a certain number of monuments. The first step of this sort of research is the identification of its material contents, and of its chronological, as well as territorial position. This sort of identification is necessary to outline and identify the culture itself. The next step is to solve a number of problems concerning the culture identified. First and foremost of them is the problem of the culture's composition. Several alternatives can be evaluated in this respect, the main of them being: composition on the basis of the preceding two cultures; segmentation of the protoculture.

The new culture's periodization should be based on comparison of changes in inventory to those in dates offered by methods employed by natural science. Of no less importance are the culture's relations with its neighbours (several variants of types of relations can be traced here), as well as the zones of contacts. The historical processes of a more general character, which correspond to the development of the culture, should also be taken into consideration (segmentation, migration, assimilation or mutual assimilation).

Investigation of the economy of population forming the culture under survey is backed up by palaeozoological, palaeobotanical, technicotypological, traceological and planigraphical methods of analysis. Closely connected to the problems of the economy is the problem of adaptation: here we have to differentiate its forms, methods and means. The most difficult is the question dealing with the social structure of the said culture. The survey of the culture's local variants and its social and industrial territories could provide for the solution of this question. The spiritual culture of the population should also be taken into account: special attention is to be paid to all samples of primeval art and to the funeral rituals.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

В. М. Воробьев **ВОЛОКИ В ВЕРХНЕМ ПОДВИНЬЕ**

(к разработке методики изучения древних путей сообщения)

Расселение по внутренним районам суши, особенно в лесной зоне, происходило по одной универсальной модели: движение по берегам реки, сухопутный переход в наиболее удобном месте на соседний водоток и т.д. Великие реки были магистралями, места сближения их бассейнов - основными перепутьями, а сближения истоков и участков течения притоков разных порядков в пределах одного бассейна великой реки формировали сплошную сеть береговых дорог, дорожек и тропинок.

Такая модель, при бесчисленности конкретных ее воплощений, едина для всех эпох - от палеолита до средневековья включительно. Она была основной и для сообществ охотников-рыболовов, и для скотоводов, и для земледельцев. Различались цели хозяйственных коллективов разного типа, и соответственно менялась интенсивность использования тех или иных водных дорог, но в целом их сеть была, конечно, неизменной.

Казалось бы, археологи и специалисты по исторической географии давно должны были детально осмыслить каждый большой регион с точки зрения анализа транзитных и внутренних путей сообщения, опираясь на всю совокупность данных ландшафтоведения, гидрологии, почвоведения и, конечно, гуманитарного знания. В реальной же историографической ситуации географические знания и их применение оказываются весьма поверхностными. Отдельные публикации по частным вопросам этой темы (например, работы В.В.Сидорова, Е.А.Шмидта, Н.А.Макарова) не меняют общей ситуации.

Без построения на физико-географической основе схем путей сообщения в каждом регионе, без их синтеза мы не имеем права на историко-археологические выводы относительно генезиса конкретных культур, их динамики и судеб. Ограниченность географических знаний у археологов, предвзятость в подборе географического материала, отсутствие общих подходов к проблеме путей сообщения и их районирования порождают однобокость выводов, длительное циркулирование в науке множества слабо аргументированных взглядов, суждений по вопросам расселения, освоения территорий, по проблемам археологических культур.

В то же время есть вполне приемлемый и методически конкретный способ рассмотрения проблемы путей сообщения для любого региона. Необходимо:

а) обозначить полосы речных водоразделов внутри каждого достаточно большого и цельного в географическом отношении региона;

б) установить иерархию полос водоразделов: континентальные, между бассейнами главных рек одного склона, между бассейнами притоков первого порядка главной реки и т.д.;

в) определить места наибольшего сближения водотоков разного порядка;

г) маркировать эти гидроузлы как места возможных переходов в другой речной бассейн, исходя из принципа целесообразности (рельеф, конфигурация водотока, цели перехода и т.д.);

д) провести цифровую индексацию всех значимых гидроузлов-переходов, исходя из их иерархии и пространственных координат.

Составленную карту необходимо дополнить на основе историко-географической информации обозначением возможных (основных и второстепенных) водных путей проникновения в данный регион, оставления его, сквозных транзитных путей. Итоговые схемы оснащаются материалами археологического картографирования, корректируются ими и получают таким путем фундаментальное историческое обоснование.

Мной проведено по авторской методике сплошное и детальное районирование гидросистем Великого водораздела Каспийского, Черного и Балтийского морей в пределах нескольких областей России и части Витебской области Беларуси. Таким образом, описаны все пути сообщения в бассейнах верхних течений Волги, Днепра, Западной Двины и рек Ильменского бассейна на общей площади более 100 тысяч кв.км.

Тысячи гидроузлов-переходов получили индивидуальный паспорт: цифровой индекс, координаты и географическое описание. Постепенное пополнение историко-культурной информации обогащает природные биографии гидроузлов.

Проиллюстрирую эту методику кратким рассмотрением бассейна Верхнего Подвинья (рис. 1). Замечу, что конкретный индекс может окончательно закрепиться за гидроузлом-переходом, если цифровой индексации подвергся весь бассейн главной реки. Если же индексация проведена для части бассейна (как в данном случае - для верховий), то гидроузлам присваиваются временные индексы.

Верхнее течение Западной Двины обычно ограничивают устьем ее правого притока р.Межи, на границе Тверской, Смоленской и Псковской областей России (272 км течения из 1020 км всей ее протяженности).

Мною вычерчены полосы водоразделов всех уровней для бассейна Верхнего Подвинья.

Верхним (первым) иерархическим уровнем (1.) является континентальный водораздел, то есть участок полосы Главного Европейского водораздела. В этой полосе бассейн Западной Двины сопрягается с бассейном Днепра (индекс участка 1.1.) и с бассейном Волги (индекс участка 1.2.). Наиболее значимые переходы в бассейн Днепра:

а) с истоков Ельши или Шесницы, лп (левый приток) Межи - на правые притоки Воли, пп (правый приток) Днепра;

б) с левых притоков Обши, лп Межи - на истоки Воли и Соли, пп Днепра;

в) с истока Обши, лп Межи - на исток Днепра.

Наиболее значимые переходы в бассейн Волги:

а) с истока Обши, лп Межи - в бассейн Осуги, лп Вазузы, пп Волги;

б) с истока Лучесы, лп Межи - в бассейн Осуги, лп Вазузы;

в) с истока Березы, лп Межи - на исток Осуги, лп Вазузы;

г) с правобережья Березы, лп Межи - на Сишку и Тудовку, пп Волги;

д) с истоков Межи - на истоки Тудовки, пп Волги;

е) с истока Межи - на истоки Жукопы, пп Волги;

ж) с истока Велесы, лп Западной Двины - на левобережье Жукопы;

з) с истока Западной Двины - на оз. Соблаго, в бассейн Жукопы;

и) несколько переходов с левобережья Волкоты, пп Западной Двины - на правобережье Куди, пп Волги.

Вторым иерархическим уровнем (2.) являются полосы водоразделов главных рек в пределах северного и южного склонов Европы. Западная Двина, относящаяся к северному склону стока (бассейн Балтийского моря), соприкасается с бассейнами Ловати (индекс участка 2.1.) и Полю (индекс участка 2.2.).

Наиболее значимые переходы в бассейн Ловати:

2.1.11. оз. Двинье, исток Двинки, пп Зап. Двины - исток Куньи, пп Ловати;

2.1.21. исток Дедуши, в оз. Заликовье, проточное на Торопе, лп Зап. Двины - истоки Добши, пп Куньи, пп Ловати;

- 2.1.25. правобережье Торопы, пп Зап.Двины - исток Тершинки, пп Оки, пп Куньи, пп Ловати;
2.1.29. оз.Городно на правобережье Торопы, пп Зап.Двины - озера в бассейне Глубочицы, на левобережье Серези, пп Куньи, пп Ловати;
2.1.31. исток Торопы, пп Зап. Двины - оз. Савинское на левобережье Серези, пп Куньи, пп Ловати;
2.1.34. оз.Волкото, проточное на Волкоте, пп Зап.Двины - оз.Долосец, бассейн Серези, пп Куньи, пп Ловати;
2.1.41. оз.Лучане на левобережье Волкоты, пп Зап.Двины - истоки Большого Тудера, пп Куньи, пп Ловати;

Едиственный значимый переход на Полу:

- 2.2.1. оз.Лучане на левобережье Волкоты, пп Зап.Двины - оз.Любино, исток Полы. Длина полосы 2.2.1. всего 7 км.

Именно в этом микрорайоне лежит уникальный супергидроузел:

- а) оз.Илиговское и оз.Лучане, левобережье Волкоты, пп Зап.Двины;
- б) исток Большого Тудера, пп Куньи, пп Ловати;
- в) оз.Любино, исток Полы;
- г) оз.Витьбино, проточное на Куди, пп Волги.

Первые три главных водотока относятся к бассейну Балтийского моря, Волга - крупнейшая река бассейна Каспия. Площадь этого микрорайона - всего 40 кв. км (10x4 км). Его можно обойти по периметру за один (!) световой день. Исключительное значение этого гидроузла как культурного перекрестка подтверждается археологически. Не изучены лишь верховья Большого Тудера.

Третьим иерархическим уровнем (3.) являются полосы водоразделов между бассейнами притоков первого порядка Западной Двины. Например, индекс 3.1.8.1. соответствует гидроузлу-переходу: оз.Струдуно, из него протока в оз.Торопатцо, из него Торопа - озера Долоссо и Бросно, исток Бросницы, пп Волкоты. Третья цифра индекса (8.) - порядковый номер полосы водораздела между бассейнами Торопы и Волкоты как притоками первого порядка. Четвертая цифра (1.) - порядковый номер данного гидроузла в этой полосе.

В пределах Верхнего Подвинья, по моим подсчетам, 49 полос водоразделов третьего уровня и 109 гидроузлов на них, удобных для целесообразных переходов человеческих коллективов. Все получили индивидуальные паспорта.

Четвертым уровнем (4.) являются полосы водоразделов между бассейнами притоков второго порядка главной реки. Индекс уже пятизначный. Например, индекс 4.1.4.9.1. соответствует гидроузлу-переходу: ЮЗ берег оз.Лобно, исток Лобницы, лп Торопы - исток ручья, лп Хотилицы, лп Любутки, лп Торопы. Третья цифра - порядковый номер Торопы как притока первого порядка Западной Двины, на иерархическом уровне. Четвертая цифра - порядковый номер данного гидроузла - перехода в этой полосе.

В пределах Верхнего Подвинья 9 притоков первого порядка Западной Двины имеют гидроузлы этого уровня: Жижица (2 полосы / 6 гидроузлов), Торопа соответственно (27/39), Лососна (3/3), Волкота (8/15), Нетесьма (1/1), Велеса (10/26), Фоминка (2/2), Усодица (1/2), Межа (33/97). Всего водораздельных полос между парами притоков второго порядка 87, а общее число значимых гидроузлов на них - 191.

Пятым уровнем (5.) являются полосы водоразделов между бассейнами притоков третьего порядка главной реки. Индексы шестизначные. Например, индекс 5.1.2.1.1.1. соответствует гидроузлу-переходу: исток Студеницы, пп Волкоты - исток безымянной речки, в оз.Бакановское, система Бросницы, лп Студеницы, пп Волкоты. Третья цифра - порядковый номер Волкоты, притока первого порядка главной реки, имеющего гидроузлы этого уровня. Четвертая цифра - порядковый номер Студеницы в системе Волкоты при описании гидроузлов этого уровня. Пятая цифра - порядковый номер полосы водораздела пятого уровня в бассейне Студеницы: Студеница/Бросница. Шестая цифра - порядковый номер гидроузла в данной полосе водораздела.

В бассейнах трех притоков первого порядка Западной Двины есть гидроузлы пятого уровня: Торопы, Волкоты и Межи.

У Торопы в бассейнах двух ее притоков: Старосельской (4/6) и Бенчины (3/3) есть полосы водоразделов с такими гидроузлами: на 7 полосах 9 гидроузлов.

У Волкоты в бассейнах трех притоков: Студеницы (1/2), Никитихи (2/2) и Говщицы (2/2) - есть полосы водоразделов с такими гидроузлами: на 5 полосах 6 гидроузлов.

У Межи такие полосы есть в бассейнах 11 притоков: Прудка (1/1), Тросны (2/3), Дремовли (4/5), Белейки (1/1), Паникли (1/2), Березы (6/8), Лучесы (1/6), Обши (11/26), Чичатки (1/2), Шесницы (1/1), Ельши (5/11). Всего здесь на 34 полосах 66 волоков.

Итого в Верхнем Подвинье на 46 полосах водоразделов пятого порядка 81 значимый гидроузел-переход.

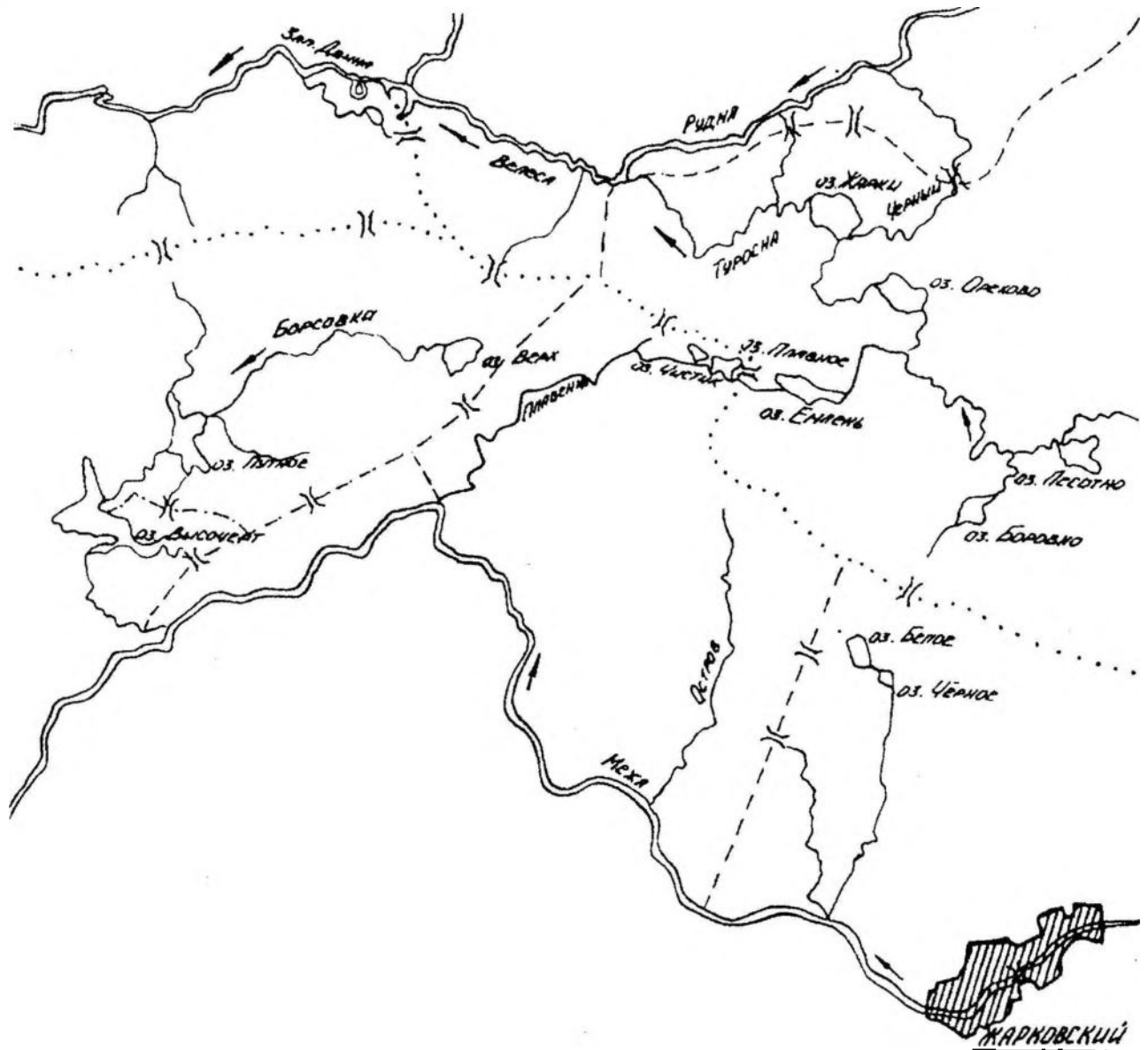

Рис. 1. Полосы водоразделов разных уровней и переходы через них в бассейне Верхнего Подвинья (фрагмент):

- полосы водоразделов между притоками первого порядка главной реки (уровень 3);
- - - - - полосы водоразделов между притоками второго порядка главной реки (уровень 4);
- . - . - . полосы водоразделов между притоками третьего порядка главной реки (уровень 5);
- ══════ волоки-переходы через полосы водоразделов

Шестым уровнем (6.) являются полосы водоразделов между бассейнами притоков четвертого порядка главной реки. Индексы семизначные. Например, индекс 6.1.2.1.2.1.2. соответствует гидроузлу-переходу: исток ручья, лп Везовца, лп Кремены, лп Обши, лп Межи, лп Зап. Двины - правобережье Кремены, лп Обши, лп Межи, лп Зап. Двины. Третья цифра - порядковый номер Межи, притока первого порядка главной реки, в бассейне которого есть гидроузлы шестого уровня. Четвертая цифра - порядковый номер Обши, притока Межи, имеющего в своем бассейне гидроузлы шестого уровня. Пятая цифра - порядковый номер Кремены, притока Обши, имеющего в своем бассейне гидроузлы шестого уровня. Шестая цифра - порядковый номер полосы водораздела шестого уровня между бассейнами Везовца и Кремены. Седьмая цифра - порядковый номер гидроузла в данной полосе водораздела.

В Верхнем Подвинье есть два притока первого порядка главной реки, в бассейнах которых есть гидроузлы шестого уровня: Волкота и Межа.

У Волкоты лишь в бассейне Студеницы есть такие гидроузлы. В бассейне Студеницы они есть лишь в бассейне ее притока Бросницы. На Броснице в трех полосах водоразделов ее притоков - 3 гидроузла.

У Межи такие гидроузлы есть в бассейнах двух притоков - Обши и Ельши. В бассейне Обши они есть в бассейнах Кобыльни, Кремены и Начи; в бассейне Ельши - в бассейне Должницы. Всего в бассейне Межи на 10 полосах водораздела шестого уровня 18 гидроузлов.

Итого в Верхнем Подвинье на 13 полосах водоразделов шестого уровня 21 гидроузел.

Этим шестым иерархическим уровнем и ограничивается индексация водораздельных гидроузлов-переходов Верхнего Подвинья. Переходы-волоки более низких уровней могли использоваться при ежедневной маятниковой миграции в ближайшей хозяйственной округе поселения. Такие маршруты были очень короткими и многовариантными.

Итак, в бассейне Верхнего Подвинья число полос водоразделов разных уровней и число гидроузлов-переходов на них таково:

1 уровень:	2 полосы	46 гидроузлов
2 уровень:	2 полосы	32 гидроузла
3 уровень:	49 полос	109 гидроузлов
4 уровень:	87 полос	191 гидроузел
5 уровень:	46 полос	81 гидроузел
6 уровень:	13 полос	21 гидроузел

Итого: 199 полос 480 гидроузлов

Культурно-историческая значимость этих почти полутысячи гидроузлов-переходов неодинакова. Подробный и точный анализ их под этим углом зрения в основном еще впереди. Но ясно, что каждый из них был по-своему важен как перекресток дорог, и значимость эта не находится в простой зависимости от географической иерархии.

Основными путями продвижения в Верхнее Подвинье представляются следующие:

- а) вверх по Западной Двине;
- б) вверх по Днепру и его правым притокам на левые притоки Западной Двины;
- в) вверх и вниз по Волге на участке от ее истока до устья Вазузы, затем переход на ее правые притоки, а с них на притоки Западной Двины;
- г) вверх по Поле до истока, затем переход на правые притоки Западной Двины;
- д) вверх или вниз по Ловати до устья Куньи, затем переход на правые притоки Западной Двины.

Основные исходные территории, из которых шло сюда население:

1. Восточная Прибалтика и Северная Белоруссия.
2. Верхнее Поднепровье и Подесенье.
3. Ярославско-Тверское Поволжье.
4. Помостье и Приильменье.

В разные археологические эпохи Верхнее Подвинье находилось под основным влиянием одного или более из этих четырех регионов. Они же были и направлениями исхода из Верхнего Подвинья как историко-географической области.

Анализируя намеченные водные пути и места переходов-волоков с использованием сплошной их паспортизации, мы не только улавливаем общую логику расселения, но и очень многие нюансы проникновения коллективов в конкретные урочища, мотивации оседания там. Более того, эта методика позволяет составлять обоснованные прогнозы при планировании археологических разведок. Первые из этих прогнозов уже получили подтверждение.

Рассмотрение конкретно-археологических аспектов проблемы расселения (в Верхнем Подвинье открыто почти полторы тысячи памятников археологии) не входит в задачи данной статьи.

*Тверской областной институт
усовершенствования учителей*

V. M. Vorobyov

**THE WAYS OF TRANSITION IN THE BASIN
OF THE UPPER PART OF ZAPADNAYA DVINA
(to working - out of methods of study of the ancient ways of movement)**

Summary

The model of the ways of movement along the rivers was universal in ancient times. Hydrosystems themselves were invariable enough.

There is a necessity to make up geographical and archaeological schemes of movement in each region. To do this it is necessary: to mark zones of watersheds in concrete region; to make up the system of structural levels for such zones; to point the places where the sources of two or more rivers are situated side by side; to work out the system of indexes to mark these places. In order to need to equip this map with archaeological data.

The author worked out a detailed description of the ways of movement in the basin of the upper part of Zapadnaya Dvina.

He defined 7 levels of watersheds and almost 500 places of optimal transition for human collectives in these zones.

The article describes the method of classification of the ways of movement using the materials of the basin of Zapadnaya Dvina.

*The Tver Regional Institute
for Teacher's Professional Perfection
7, Volokolamsk Av., Tver, Russia*

В.В.Сидоров, А.В.Энговатова

ОСНОВАНИЯ ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПРИСВАИВАЮЩЕГО ХОЗЯЙСТВА

Реконструкция - всегда синтез. И чем больше системно связанных факторов учтено при этом, тем ближе она к действительности. Задача такого синтетического подхода в глобальных реконструкциях сформулирована В.П.Алексеевым [1]. Мы попытались, используя опыт работы на мезолитических и неолитических памятниках, учесть факторы, которые могут быть применены для реконструкции палеоэкономических систем лесной зоны.

Методика палеоэкономических реконструкций остается далекой от строгой обоснованности [2-4]. Систематизация источников реконструкций позволит повысить уровень оценки достоверности и репрезентативности их, наметить белые пятна и направления поиска недостающей информации.

Неполнота археологических источников для реконструкции палеоэкономических систем заставляет обращаться к этнографическим параллелям. Нередко при этом археологический материал оказывается сугубо вспомогательным, предназначенным всего лишь для привязки моделей, выявляемых этнографами, к археологическим культурам [5-8]. Археологические же культуры - это следы самостоятельных общностей, с собственными приемами адаптации, и наша задача - реконструировать именно их.

Присваивающее хозяйство непосредственно зависит от продуктивности природной среды, от количества и доступности присутствующей в ней биомассы. На этом основан расчет "демографической емкости ландшафта" [9-13], при котором непосредственно из оценки биомассы определенной территории извлекается и оценка численности населения: используя достаточно произвольный коэффициент "допустимого изъятия" человеком части биомассы, распределяют полученную таким путем пищу между потенциальными едоками. Однако эти коэффициенты являются искомыми при палеоэкономических реконструкциях, а не даны априорно.

Человек вписан в природную среду через элементы своей культуры, которая не остается неизменной. К элементам культуры относятся и выработанные человеком способы добычи пищи, материализуемые в наборах приемов и в орудийном промысловом комплексе, и система знаний о природной среде. Человек берет от природы далеко не все, что в ней есть пригодного, а лишь то, что включено в его систему культуры. Необходимо также учитывать не только добычу, но и особенности и технические возможности утилизации добытого: от этого зависит, какая часть будет реально использована.

Выявленные следы добычи и обработки пищевых ресурсов - тоже источник для реконструкции хозяйства. За рамками рассмотрения остаются детали хозяйствования, которые лишь опосредованно связаны с добычей и обработкой пищи, технология строительства, изготовления орудий, емкостей, одежды. Имеется еще круг биологических источников, отражающий состав и характер питания непосредственно, хотя и обобщенно, в антропологических остатках - в структуре кос-

ти, характере износа зубов, следах заболеваний [14-15]. Исключительно интересным источником, хотя и не столь интегрированным, являются копролиты человека и животных.

И, наконец, результаты хозяйствования проявляются в состоянии биоценоза [16-18] - это изменения в составе растительности, животного мира, почвы, характера денудационных процессов. Данные по этим явлениям могут быть истолкованы очень неоднозначно, поскольку являются результатом воздействия очень многих факторов, среди которых антропогенные далеко не всегда играют ведущую роль.

Мы предлагаем схему, позволяющую сопоставить степени полноты источников для реконструкции хозяйства и ориентироваться в поисках возможных следов хозяйственной деятельности (табл. 1).

Базовым источником для реконструкции хозяйства является реконструкция природной среды [19-22]. Она основывается, в первую очередь, на палеоботанических методах. Состав пыльцы, семян, макроостатков и условия их залегания позволяют составить представление о характере растительного покрова, а также об основных климатических факторах (годовые температуры, осадки). Учет характера почв и вод района позволяет составить картину биоценозов, в которые включены и популяции животных, оказывающиеся среди промысловых. Данные о фаунистических остатках требуют учета условий образования полученной выборки: она вовсе не обязана отражать подлинную численность и состав видов изучаемого района [23].

Данные по моллюскам и насекомым также очень зависят от условий формирования конкретного участка накопления материала и менее пригодны для широких реконструкций. Кроме того, они могут непосредственно отражать следы хозяйствования (собирательства).

Окружающие человека биоценозы лесной зоны включали немало полезного. Опушки, гари, верховые болота содержат широкий спектр ягод, грибов. Склоны оврагов и долин богаты лещиной. Мог использоваться сок березы, клена. Один из возможных источников растительной пищи, описанный еще В.Г. Богоразом [24], - содержимое желудков травоядных животных. Водное собирательство дает моллюсков, которыми богаты реки и озера: перловица, прудовик, катушка. Можно отметить также возможность ловли земноводных (лягушки, жабы, тритоны), раков, пресмыкающихся (змеи, ящерицы), хотя последние слишком редки и мелки для того, чтобы быть регулярной добычей. В состав пищи потенциально могли входить насекомые, личинки. Сколько-нибудь существенные скопления насекомых для лесной зоны не характерны, и только муравьиные яйца могли быть регулярной добычей, как добывает их и медведь. Особой формой собирательства можно представить добычу меда диких пчел. Могли использоваться также гнезда ос и земляного шмеля, хотя меда в них немного. Потенциальные объекты собирательства - норы грызунов и кладовые белок. Могло существовать собирательство птичьих яиц.

Все это - потенциальные объекты. Использовались ли они реально? Какова доля того или иного вида пищи? Это требуется раскрыть в археологических источниках с минимальным привлечением обоснованных этнографических параллелей. Слишком много примеров игнорирования человеком потенциальных пищевых ресурсов дает этнография, для того чтобы включать все данные, получаемые из реконструкций биоценозов, в хозяйственный оборот.

Собирательство оставляет мало следов инструментов. Это, в первую очередь, емкости: туеса, корзины, ковши. Из инструментов, применяемых при собирательстве, можно назвать палки, не несущие какой-либо обработки. Для корней, нор грызунов могли использоваться копалки, мотыги. Специализированный инструмент для массового сбора ягод - ковш с зубчатым краем. Почти все орудия собирательства деревянные и могут сохраниться лишь в особо благоприятных условиях. Вероятность потери инструментов собирательства на поселении невелика. И только емкости для хранения и переработки в полном составе остаются на поселении.

Копалка применима при добыче норных животных, устройстве ловушек с загородами, строительстве жилищ и оборудовании ям для хранения. Землероющие инструменты легко узнаются по характеру износа. Для доземледельческих обществ эта категория изучена крайне слабо, возможно, из-за того, что ожидаются эти находки только среди деревянных изделий.

Очень интересна в этом отношении обширная серия роговых и костяных орудий из мезоли-

тических и раннеолитических слоев стоянок группы Замостье на р.Дубне, условно определяемых как рубящие. Они имеют симметричное довольно узкое долотовидное острие, сделанное как из отростка рога, так и на трубчатой кости, с характерными следами износа, аналогичными следам на каменных мотыгах. Большая часть их употреблялась в рукояти, но имеются крупные орудия с таким же рабочим концом, которые могли использоваться и без рукояти. Возможно, давно известные "топоры типа Лингби" являются на самом деле землекопными орудиями, мотыгами. Каменные мотыги в мезолитическом комплексе Веретье [25] практически тождественны мотыгам из раннеземледельческих ближневосточных культур, но это вовсе не является доказательством наличия земледелия.

Каменные мотыги продолжают встречаться в комплексах среднего неолита (пьяловская культура). Это чаще всего довольно аморфные треугольные, миндалевидные изделия из сланца, зернистых пород. Некоторые прекрасно шлифованы и имеют сверлину [26]. В позднем неолите-энеолите (волосовская культура) таких изделий уже нет, возможно, роль мотыг играли валиковые шлифованные массивные клинья из зернистых пород, находимые в волосовских слоях. Неизвестны каменные мотыги и в комплексах эпохи бронзы (культура сетчатой керамики), имеющих явные признаки знакомства с земледелием. Возможно, совершенствование рубящих орудий привело к полному переходу на деревянные землекопные орудия.

Остаются не выявлены орудия для собирания сока. В этот набор должен входить кремневый нож, трубочка (может использоваться птичья кость, береста) и емкость (более вероятен туесок, чем глиняный сосуд). Но переработка сока ягод могла потребовать специализированной керамики. Сок мог выпариваться, что оставит следы на керамике, выявляемые специальным анализом, но иногда обнаруживаемые визуально - об этом говорят зерна калины в нагаре раннеолитических сосудов Замостья 2 и Воймежной 1. Сбраживание могло вестись как в глиняных, так и в кожаных емкостях. Его следы могут быть выявлены карпологическим анализом по резкой концентрации однородных зерен ягод в отходах барды в отдельных образцах.

Хранение ягод в глиняных сосудах нерационально из-за пористости их. Для уменьшения проницаемости сосуд можно смолить, подобно античным амфорам (в хорошо сохранившемся слое почти все сосуды имеют сплошной "нагар" на внутренних поверхностях, часто тщательно заглаженный, представляющий собой, по-видимому, специальное покрытие), или пропитывать жиром. К тому же керамика, пропитанная жидкостью, существенно теряет механическую прочность и 20-25-литровые сосуды с соком (это наиболее массовые размеры для лесного неолита [27]) не выдержат собственной тяжести. Тем не менее, значительная часть их служила для хранения, даже после ремонта: подавляющее большинство сосудов имеет следы сшивания по пробитым и рассверленным по сторонам трещин отверстиям с заделыванием швов смолой.

Неплохо может сохраняться ягода в меду, и следы такого хранения могут быть обнаружены. Хорошо хранится выпаренный, концентрированный сок. Необходимо учесть возможность сушки ягод (хранить их, как и грибы, удобнее в плетеных емкостях). Ягоды поздних сборов (брусника, клюква, калина) прекрасно сохраняются на холоде.

Значительно меньше шансов зафиксировать использование в пищу грибов. Они практически не оставляют следов, не имеют специализированных инструментов обработки. Но именно эта категория ресурсов дает максимальный разброс в этнографических материалах, от полного неприятия грибов (ханты, манси) до разнообразного использования десятков видов (русские, литовцы).

Следы использования лещины в слое с сохранившейся органикой - это рассеянная скорлупа. Но встречаются изредка концентрированные ее скопления (волосовское летнее поселение Маслово Болото 4 в Мещере), что говорит о какой-то массовой обработке ореха. Вероятно, это - следы выжимания масла. В слоях с сохранившейся органикой может быть найден и масляный жом, хотя такого рода работа могла вестись и на шлифовальной плите. Шлифовальные же плиты и крупные камни у очага - обычная деталь как позднельяловских, так и волосовских жилищ.

Следы водного собирательства обнаруживаются в виде пластов ракушек (исключительно беззубка

или перловица) в волосовских слоях. Не всегда в почве она сохраняется. Полагаем возможным рассматривать повышенную карбонизацию волосовских слоев именно как результат употребления здесь в пищу моллюсков. Н.А.Хотинский же образование мергеля в таких слоях считает результатом затопления [28], хотя никаких слоев размыва на волосовских памятниках не наблюдается. Обилие ракушек прудовика и катушки в некоторых слоях дубенских памятников не имеет отношения к хозяйственной деятельности и связано с формированием этих слоев как прибрежных шлейфов.

До сих пор не встречены достоверные следы употребления в пищу раков, змей, амфибий, насекомых. Они могут фиксироваться по участкам скопления хитина, костей (хотя присутствие костей лягушки в прибрежных слоях совершенно естественно и без употребления ее в пищу). Ни разу не зафиксированы скопления скорлупы яиц. Возможно, яйца употребляли непосредственно на местах добычи, скорлупа практически не сохраняется - даже на средневековых поселениях, где нет необходимости доказывать употребление куриных яиц, крайне редко удается зафиксировать следы скорлупы.

Лишь часть технологических процедур обработки продуктов собирательства может оказаться зафиксированной известными ныне методами. Необходимо ставить вопрос о совершенствовании карпологического анализа, который позволил бы поднять информативность культурного слоя, показав его не усредненным, а с локальными неоднородностями. Многое может рассказать микроскопический анализ содержимого "нагара" [29]. Вне доступности остаются технологии с использованием органических емкостей (кожаных, деревянных, плетеных).

Этнография показывает разнообразные способы добычи рыбы. Следует рассмотреть три основных направления: 1 - путинный промысел, ориентированный на кратковременную, но массовую заготовку во время нерестового хода рыбы; 2 - сетевое и вершевое рыболовство; 3 - индивидуальная добыча рыбы. Эти три направления дают совершенно разные условия хозяйствования, требуют разной организации, оснащения, способов переработки и различаются по результативности.

Путинная добыча при примитивных средствах лова обеспечивает массовую заготовку значительного запаса, которого хватает на несколько месяцев. Это допускает значительную концентрацию населения, то есть существование довольно крупных поселков при удобных тонах, хороших лодочных стоянках. Главная сложность здесь - в переработке и сохранении запаса. Путинное рыболовство может быть по продуктивности вполне сопоставимо с производящим хозяйством, но оно связано в основном с приморскими районами.

Сетевое и вершевое рыболовство обеспечивает достаточно высокую продуктивность, создает ограниченные запасы, требует довольно определенного технического оснащения и четкой организации. Оно сочетается с добычей нерестовой рыбы, хотя и не столь массовой, как путинная. Индивидуальная добыча требует максимальной выучки, специализированного оснащения, дает очень небольшой запас, но зато крупной рыбы.

Среди орудий рыболовства, в первую очередь, нужно отметить лодку. Озерное рыболовство, как сетевое, так и индивидуальное, мыслимо именно с лодкой. Она нужна и для транспортировки достаточно тяжелой снасти и добычи, и для выхода на место промысла, не доступное с берега. Археологических следов лодок немного.

Можно отметить карельские петроглифы, изображающие крупные челны со множеством промысловиков. Но это транспортное средство больших озер и моря. Такой челн может быть построен из крупного дерева с наращенными бортами.

Малые озера с зарастающими протоками, малые реки, ныне не проходимые и для байдарок, разве что в паводок, соединяющие обжитые озера с магистральными реками, волоки - все это требует небольших легких лодок. Наиболее подходящей была бы лодка типа оморошки, берестяной пироги. Но археологических следов наличия в неолите берестяных лодок у нас нет: неизвестны крупные листы бересты, следы их подготовки. Нет следов использования берестяных лодок и в этнографии народов лесной зоны Европы. Это, по-видимому, сибирско-американский элемент культуры.

Остается ожидать разного типа долбленок. Вариантов форм и технологий здесь много, и

конкретно говорить о типе лодки пока не приходится. Долбление, распаривание с наращиванием бортов, выжигание, выжигание с выскабливанием - все это доступно позднемезолитической и неолитической технике. По-видимому, сложность этой технологии коррелирует с разнообразием и специализированностью рубящих и скоблящих орудий. Массово рубящие орудия появляются в мезолите лесной зоны [30]. Есть среди них и сланцевые шлифованные. Соотношение топоров и тесел примерно 1:3. Ранне-неолитические культуры знакомы с рубящими, набор их существенно не отличается от мезолитического, хотя топоры здесь становятся еще реже. В среднем неолите количественно преобладают сланцевые тесла, часть кремневых не шлифована. Максимальное разнообразие тесел, долот, стамесок - в позднем неолите-энеолите. Характерно, что топоры среди них недостоверны. В этом один из наиболее резких контрастов между культурой специализированных озерных рыболовов (волосовская культура) и лесными скотоводами фатьяновской культуры, которые тесла не знали. Среди волосовских костяных орудий много таких, которые трактуются как долота, стамески, но достоверных следов работы ими по дереву нет.

Если о типе лодки и технологии ее изготовления у нас пока нет данных, то о ее размерах косвенные данные имеются - они отражены в достаточно многочисленных находках весел. Все известные весла тонкие, легкие, остроконечные. Это говорит о небольших размерах лодок и гребле по типу каноз, что хорошо согласуется с использованием лодок на зарастающих озерах.

Свидетельством определяющей роли сетевого рыболовства является расположение неолитических поселений на пологих берегах, пригодных для тоней и для вытаскивания лодок. Непосредственные свидетельства сетевого рыболовства - остатки сетей, грузил, поплавков. Г. М. Буровым отмечены в Висском торфянике остатки сети из корней осоки [31]. Этнографические же параллели дают иные материалы - луб, крапива, сухожильные нити, лен. Каждый из этих материалов требует довольно сложной технологии подготовки, плетения, консервации. А.Я. Брюсов высказал идею, что освоение первой для лесной зоны доместицированной культуры - льна - произошло в III тыс. до н.э. в Прибалтике и в волосовской культуре [32]. Ю.А. Смирнов предположил, что это было связано с потребностями сетевого рыболовства. Лубяные сети тяжелы и жестки. Их устойчивость против гниения тунгусы обеспечивали замачиванием их в крови лося [33]. Легче, но недостаточно прочны сети из крапивы. На волосовских сосудах и на ранне-неолитической керамике Валдая встречаются отпечатки сетей, вмазанные в глину при формовке сосуда, с квадратными ячейками от 7 до 30 мм, с четкими отпечатками крученой нити. Крученая нить имеется среди штампов на керамике пъяловской культуры, начиная с раннего этапа (нач. IV тыс. до н.э.).

Чаще можно ожидать находок грузил. Это гальки, часто с выбитыми выемками, при этом встречаются выбоины по узким торцам, а поперечная оплетка могла делаться без выемок. На Масловом Болоте 4, где были мастерские по изготовлению тесел и копий, грузилами служили бракованные заготовки. Значительная часть грузил не имела выемок и использовалась в берестяной оплетке, как это видно по грузилу из льяловского слоя Замостья 7. Точно такой же способ крепления грузил сохранился вплоть до XX в. На памятниках, где органика не сохраняется, как грузила могут быть истолкованы серии галечек стандартного размера (так, на льяловском поселении Луково озеро 3 компактно залежали 5 галек, заготовка и осколок шлифовальной плиты, выемки выбиты только у последнего).

Поплавки делались обычно из сосновой коры с прорезным отверстием. Реже удается встретить деревянные дисковидные. Стоянка Маслово Болото 4 была усеяна сотнями берестяных поплавков, два из которых были орнаментированы (сосновые здесь тоже встречены, но они единичны). Размеры поплавков, как и грузил, говорят о довольно легкой сети.

Инструменты для плетения сетей хорошо известны в дьяковских городищах раннего железного века. В неолитических слоях Замостья встречены костяные стержни с двузубыми вильчатыми концами, сильно заощенные в работе. Видимо, это и есть один из видов инструментов для плетения сетей.

Рыболовные ловушки бывают двух видов - заколы из жердей с проложенными

между ними ветками и верши. Возможно сочетание обоих видов и использование заколов для индивидуальной добычи рыбы гарпуном. Закол в старице Оки был отмечен В.В.Федоровым при волосовском поселении [34]. И.А.Лозе в Лубанской низменности отмечала остатки закола [35]. Ряд столбов наблюдался Г. М. Буровым в Висском торфянике [31], отмечались они на Масловом Болоте 5. Поселение Воймежная 1 окружено с трех сторон озером с полосой 30-70 м шириной, в которой сотни, если не тысячи кольев, установленных в воде и у берега в волосовское время. Все перечисленные памятники с поздненеолитическими комплексами.

Сложнее с вершами. Они отмечались И.А.Лозе, Д.А.Крайновым. Точно такие же, судя по описанию, объекты в виде пучка до 2 м длиной из длинных прямоугольных в сечении лучин без следов оплетки наблюдались на Замостье 2. По мнению одного из авторов статьи (В.В.Сидоров), они естественного происхождения и возникают при растрескивании дерева в высыхающем торфянике. Загадочна сама технология получения длинных стандартных лучин сечения в среднем 3х12 мм при длине до 2 м, и ничем не мотивирован отказ от изготовления верш из прутьев. Достоверные верши стоянки Сарнате сделаны из более широких и коротких лучин и прекрасно сохранили оплетку.

Средства индивидуальной добычи рыбы изощренны. В первую очередь, это гарпуны - категория довольно хорошо изученная. Применялись они не только для добычи рыбы, но и млекопитающих, особенно бобра. Обломок гарпуна встречен в пробитом черепе бобра в Языково 1 в волосовском слое. К ним примыкают остроги, отличающиеся тем, что имеют несколько острий, что позволяет добывать рыбу меньшего размера, острия же закреплены жестко. Крючки известны двух типов - цельные и составные. Первые вырезаются из кости, снабжены бородкой, иногда несколькими, имеют иногда дополнительные детали для крепления привады или бахромы, ее имитирующей. Хронологически цельные крючки предшествуют составным. Составные включают стержень с нарезками для привязывания лески и крепления к желобку острия. Делались из камня, кости, рога, кабаньего клыка. Реже встречаются соответствующие им острия. Возможно, часть их была деревянной.

Крючки, особенно составные, крупны и массивны. Они не требуют применения грузил, сами служат грузилами. О достаточно тонких и гибких лесках, видимо, сухожильных, говорят отпечатки нитей в штампах на керамике. Грубость крючков такова, что позволяет допускать существенные изменения в поведении рыбы за 4-5 тысяч лет. Современная рыба на такие крючки не пойдет, даже крупная.

Колотушки - необходимый инструмент при ловле крупной рыбы, тем более, если учесть непрочность снасти и неустойчивость лодки. В качестве наворачия для глушения рыбы могли использоваться гальки с пробитым и расточенным отверстием, принимаемые многими исследователями за грузила для сетей. Слишком непропорциональны трудозатраты на расточку отверстия в кварцевой гальке и использование ее как грузила довольно непрочной сети. Могли применяться для глушения и деревянные палицы.

Признаком зимней рыбалки может считаться пешня (возможна ловля в полынье). Пешни определяются по специфическим следам забитости лезвия, хотя для долбления льда могли использоваться и обычные тесла и долота. Такова значительная серия рубящих орудий на зимнем поселении Ловцы 1 в волосовском и льяловском слоях. Использование обычных топоров для устройства проруби характерно и для русского Севера. Нередко "острия под 45 градусов", характерные для мезолита и раннего неолита, тоже трактуются как пешни, но они никогда не имеют соответствующей такой работе забитости лезвия.

Сохранение улова - проблема достаточно сложная. При дефиците соли сушка и квашение ведут к большим потерям, хотя и реальны. Следы квашения на памятниках встречаются - это довольно большие ямы с пластами рыбьих костей на дне (Языково, Варос) [36]. Сложнее зафиксировать вяление, копчение.

Опубликованы единичные определения видового состава рыб в фаунистических комплексах стоянок, которые мало что дают для понимания системы рыболовства [37]. Характер накопления костных остатков рыб и млекопитающих несколько различен и требует разного подхода к

отбору образцов. Помимо рассеянных в слое костей, рыбы кости и чешуя часто залегают густыми скоплениями, достигающими десятков квадратных метров при мощности до 3-5 см. При этом в отдельных частях скопления залегают однородные остатки, соответствующие массовой обработке однородной добычи. Подсчет остатков отдельных участков без продуманной системы отбора дает произвольную, но отнюдь не случайную выборку: очень сильно различаются возможности сохранения костей разных видов. Так, очень мала вероятность сохранения костей лососевых, осетровые обычно представлены только щитками, сом – шипами плавников. Карповые дают громадное количество хорошо заметной и, соответственно, попадающей в коллекцию чешуи. Естественно, максимум костей сохраняется от щуки. Состояние кости может говорить о типе кулинарной обработки (варка, жаренье, запекание, копчение, сушка), но таких исследований, насколько нам известно, не проводилось.

Из инструментов обработки добычи необходимо выделить разделочные ножи, которые могут приобретать признаки специализации. О чистке рыбы говорят пласти чешуи, нередкие на памятниках с хорошей сохранностью органики. Инструменты для чистки рыбы следует искать среди костяных ножей. Они не требуют острых режущих лезвий, их износ при скребении чешуи ведет к завальцовыванию края. Полностью отвечают этим требованиям многочисленные ножи из ребер, частью остроконечные, со следами подправки строганием и с участками завальцовывания. Их можно рассматривать как кухонные ножи. Такие же следы есть на части ножей из лопаток лоса.

Способы охоты неоднократно рассматривались [38] и нет необходимости останавливаться на ряде известных деталей. Мы полагаем необходимым обратить внимание лишь на археологические основания реконструкций.

Состав фауны исследуемой зоны определяется по известным для данного типа биоценозов эталонам. Правда, нельзя быть уверенным, что во все времена фито- и биоценозы полностью повторяли эталонные отношения. Нам даны в составе фаунистических остатков из культурного слоя выборки, трансформированные культурой, которые вовсе не обязаны пропорционально отражать видовой состав биоценоза.

Следует также помнить, что ни процентный состав костей разных видов, ни соотношение выделенных особей не документируют ни реальное количество съеденных на данном поселении животных, ни их соотношение. Интерпретация этих цифр достаточно спорна. Абсолютная численность костей очень сильно зависит от размеров, условий транспортировки, характера сохранности кости и условий накопления материала. При плохой сохранности абсолютное число костей более адекватно отражает соотношение численности, чем подсчет выделяемых особей. Последний показывает только возможный минимум особей, а не реальную численность. Он становится эффективным только при хорошей сохранности кости, при обязательном попадании в выборку нескольких костей от каждой особи.

Состав костей показывает, насколько полно попадала туша на поселение. Но отсутствие каких-то частей еще не значит, что они были брошены: они могли использоваться в промысловом лагере, представленном, в лучшем случае, следами кратковременной стоянки (там, как правило, кость не сохраняется), членами той же общины, какую мы изучаем на долговременном поселении. Так что вопрос о полноте использования мяса остается открытым.

Более поддается решению вопрос об использовании разных видов животных в пищу. Если мы встречаемся с погребенными тушками, или какой-то вид представлен концевыми фалангами, позвонками хвоста и черепом – это говорит против использования его в пищу. Таковы тушки песцов и концевые фаланги пещерного льва на Сунгире, тушки куниц в волосовском слое Маслово Болото 5.

Тем не менее, состав добычи в целом характеризуется фаунистическим материалом. Можно заметить, что многие животные, обычные для выявленного биоценоза, не попадают в состав добычи. Это относится, в первую очередь, к мелким животным. Так, совершенно не встречаются кости бепки, ежа, редки кости зайца. Этнографии известно табуирование каких-то видов, в пер-

вую очередь это относится к медведю, хотя сведения о медвежьем празднике и погребении костей медведя не находят подтверждения в археологическом материале. Медвежий культ мог выражаться в другой форме. Один единственный случай нам известен на поселении Варос, где из раннеяловского слоя была опущена яма, заполненная костями одного медведя. Правда, и здесь нарушение этнографически фиксированных норм: кости были расколоты. Табуирование потребления в пищу определенных видов животных могло выражаться в резком расхождении ожидаемого состава фауны и реально выявленного. В болотах и марях, окружавших стоянки группы Замостье, почему-то избегали охотиться на кабана. Но, по-видимому, характернее более мягкое табуирование - не столько запрет потребления мяса, сколько выполнение определенных ритуалов с добычей. Например, при обилии костей лося на поселениях Маслово Болота здесь полностью отсутствуют фрагменты черепов.

Системы охоты реконструируются при сопоставлении возрастного состава добычи с сезонным поведением данного вида. Так, решительное преобладание в составе добычи молодых бобров И. В. Кириллова истолковывает как свидетельство сухопутной охоты на них в моменты миграций [39]. Но это же можно истолковать как направленный отбор, приближающий охоту к доместикации.

Охотничье снаряжение представлено копиями, наконечниками стрел, остатками луков и кинжалами. Разнообразие форм и размеров наконечников иногда истолковывается как доказательство специализации и на основании подсчета разных типов предлагаются реконструкции систем охоты. Это приходится делать при дефиците органических материалов, при отсутствии кости на подавляющем большинстве мезолитических стоянок.

Но при этом не учитывается, что каменное вооружение составляло лишь небольшую часть снаряжения. В тех комплексах, где сохранились кость и дерево, кремневые стрелы составляют 4-15% их общего количества, и делать вывод о всей совокупности по столь малой, к тому же достаточно обособленной, выборке не представляется корректным. Кремневые стрелы мезолитических слоев Замостья, а также Веретья отличаются от костяных и по гораздо меньшим трудозатратам на изготовление, и меньшей прецизионностью. Можно высказать предположение, что они предназначались для другого вида охоты, например, для ловушек-самострелов, для которых точность стрельбы не существенна. Технические свойства наконечников стрел, на наш взгляд, больше связаны с материалом, чем с типологическими особенностями. Строить гипотезы о функциональной специализации наконечников стрел можно лишь с учетом всей полноты их набора и данных о добыче, полученных независимым методом, что возможно лишь при хорошей сохранности остеологического материала. Эксперимент же с наконечниками не в состоянии доказывать специализацию, хотя и вводит какие-то ограничения в отбор гипотетических вариантов.

Кремневые наконечники копий получают массовое распространение только в среднем неолите (единичны в раннем неолите и недостоверны в мезолите). Тем не менее, ни один исследователь не предполагает отсутствие в более раннее время такой важнейшей категории охотничьего снаряжения, как копья. Их нужно искать в другом материале. Действительно, среди костяных орудий мезолита имеется серия крупных массивных наконечников, жестко закреплявшихся, с небольшими гарпунными зубцами, которые можно рассматривать как наконечники копий. Небольшая часть их имеет конец, оформленный точно так же, как у давно известной и массовой, но так и не истолкованной категории "острие под 45 градусов". Так же оформлен конец некоторых несомненных кинжалов. Просмотр большой серии "острий под 45 градусов" показывает, что следов износа на них практически нет - это не долота и не стамески и, тем более, не пещни. Лишь некоторые сломанные экземпляры имеют грубый износ. Наличие одинаково оформленных "рабочих концов" у этих острий и у оружия позволяет высказать предположение, что и остальные острия служили наконечниками копий. Характер концов, противоположных острию, не противоречит такой гипотезе.

Дротики - промежуточная категория. Необходимо условиться о разграничении их с наконечниками стрел и копий. При этом линейные размеры (длина) - недостаточный критерий. Разграничение их строится по весу - здесь пики частот встречаемости более выражены, чем при замерах длины, что отражает реальное различие их на практике.

Двусторонне обработанные наконечники копий редко доходят до нас целыми. С одной стороны, при изготовлении их значителен процент брака - заготовки копий и их обломки бывают самой массовой категорией изделий. С другой - это крупное и ценное изделие, которое потерять трудно. Количественное соотношение найденных наконечников копий и стрел отражает не столько их реальное соотношение в снаряжении, сколько вероятность попадания в слой. Тем не менее, за количественным соотношением разных категорий метательного вооружения в разных комплексах стоит реальное различие в способах охоты, присущих разным группам.

Кинжалы необходимы для добывания раненого зверя, для обороны от медведя. Снабженные только острием, не имеющие режущих лезвий, они не пригодны для резки мяса или снятия шкур. Костяные кинжалы, снабженные вкладышевыми лезвиями, и без них встречаются в мезолитических комплексах; для среднего неолита характерны кинжалы из разрезанных вдоль трубчатых костей, нередко орнаментированные. Более простые их формы, без орнамента, с использованием эпифиза как рукояти, характерны для волосовской культуры. В это же время появляются здесь кремневые кинжалы, отличающиеся от копий асимметрией. Но кинжалом мог служить любой наконечник копья, насаженный на короткую рукоять. Например, "наконечник копья", найденный в волосовском погребении на стоянке Маслово Болото 5 (погр.2, на поясничных позвонках), явно был кинжалом.

Серия роговых орудий с вкладышами и без них, найденная на стоянках Замостьинской группы в слоях от позднего мезолита до среднего неолита, реконструируется как клевцы. Часть их крепилась через сверленный проух, другие же имели обушковые концы, приспособленные к закреплению в муфте. Два клевца со сверленными проухами выполнены в виде стилизованных голов посей. Близкие к замостьинским клевцам орудия имеются в культуре маглемозе. Некоторые каменные клевцы с фигурными обушками и пробитыми с расточкой отверстиями, найденные в Финляндии и Карелии, относятся обычно к эпохе бронзы, но, учитывая аналогии им в роговых клевцах Замостья, не исключен их ранненеолитический возраст.

Использование охотничьей собаки фиксируется обычно по погребениям собак на поселении. Единичные кости собак истолковываются как следы употребления их в пищу (имеются гипотезы о приручении собак "как мясного резерва", совершенно не учитывающие ни этологии, ни того факта, что кости их на поселении представлены очень выборочно, что говорит о ритуальном использовании собаки гораздо больше, чем о трофическом). Но гораздо больше о присутствии собаки говорят погрызы на костях, а иногда и на костяных орудиях. То, что погрызы довольно редки, свидетельствует о достаточном количестве мяса.

Орудия групповой охоты те же, что и индивидуальной, но кроме того для сооружения ловушек, ловчих ям требуется дополнительный набор рабочих инструментов. Поиски и фиксация ловчих ям в последнее время усиленно ведутся в Западной Сибири. Правда, выявляемые там ямы не подвергаются раскопкам, не зафиксированы и не датированы.

Инструменты разделки мяса - мясные ножи, определяются трасологически, и не обязательно типологически выдержаны.

Сохранение мяса имеет задачей рационально распределить его потребление во времени. Кратковременное сохранение мясной добычи реально в воде, на лабазах. Проследить хранение мяса на месте охоты нет возможности. В пределах поселения могут фиксироваться прибрежные участки, лабазы в виде групп столбовых ям, истолковать которые затруднительно. Более надежно определяются ямы, которые могли использоваться для хранения мяса. На площадке поселения они должны быть приготовлены с осени. Хозяйственные ямы - один из признаков зимнего поселения.

Консервация мяса при дефиците соли сводится к его сушке и копчению с размолом его в муку (пеммикан). Кроме того, возможно сохранение вареного мяса под топленным жиром. При массовой заготовке и консервации мяса в отходах оказываются обильные однородные по видовому составу скопления костей, часто сохраняющих анатомические связки, с минимумом прочего бытового мусора в таких кучах, практически не имеющие следов погрызов. Возможно,

ПРИРОДА ДОБЫЧА УТИЛИЗАЦИЯ			
СЛЕДЫ ДОБЫЧИ		СЛЕДЫ ПЕРЕРАБОТКИ	
РЕСУРСЫ	ИНСТРУМЕНТАРИЙ	СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ	СЛЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СОБИРАТЕЛЬСТВО			
ягоды коренья орехи сок моллюски яйца насекомые раки мелкие животные мед запасы в норах грызунов	корзина, "грабли" копалки корзины емкости специализированные инструменты копалка	сушка, квашение, выпаривание, консервация в меду сушка, размол, выжимание масла сбраживание, выпаривание варка варка размол	карпалогический анализ следы на сосудах зернотерки, скопление скорлупы следы на сосудах раковины, карбонизация, скорлупа хитин зернотерка
РЫБОЛОВСТВО			
Мелкая рыба, однородная по видам, разная рыба Разная рыба Крупная рыба	<i>Сетевое:</i> лодки, весла, тесла, грузила, поплавки, инструменты для плетения сети, отпечатки на керамике <i>Повушки:</i> верши, заколы <i>Подледный лов:</i> пешня, сеть, верша, крючок, палица <i>Пучение:</i> лодка, острога <i>Охота:</i> гарпун, специализированные стрелы	Варка, запекание в золе, квашение, сушка	Скопление чешуи, костей, состояние кости, обгорелые кости, ямы с костями, топография памятника, специализированные орудия
ОХОТА			
Крупная мясная дичь Мелкая дичь Птица, линная дичь	Собака, копьё, лук со стрелами, кинжал <i>Ловушки:</i> копалка, самострел, ловчие ямы стрелы, силки, плашки стрелы, болас, сеть, бумеранг	Транспортировка, сушка, копчение, запекание, варка, вываривание костного жира варка варка, запекание	Топография памятника, специализированные орудия, лодка, волокуши, состав костей; керамика, изменение кости скопление костей состав костей состояние кости, возрастной состав

Табл. 1. Основания палеоэкономических реконструкций присваивающего хозяйства

именно с массовой заготовкой лосятины и консервированием ее связаны мощные кухонные кучи в льяловских слоях поселения Воймежное 1.

Еще один способ консервации, к которому тунгусы прибегали в голодовки, это собирание массивных костей для вываривания костного жира и коллагена [33]. Следы этого - кухонные кучи, состоящие из рубленых эпифизов - были зафиксированы в позднельяловском слое Языково 1 и поздневолоосовском - Маслово Болото 4.

Все отмеченные детали, позволяющие проследить элементы хозяйственной деятельности, являют нам частные случаи. Оценить относительное значение того или иного способа мы можем по частоте наблюдений с поправкой на вероятность фиксации такого наблюдения. При достаточно большом количестве наблюдений мы можем переходить к полуколичественной оценке их (явление массовое, типичное, спорадическое, редкое, уникальное, не встречающееся). Но есть круг источников, дающий интегрированные оценки результатов хозяйствования, - это демографические оценки, особенности структуры костей, наблюдаемые антропологами, и данные естественных наук об изменениях в биоценозе, источником которых может являться деятельность человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В.П.* Объем археологического знания // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М., 1992.
2. *Ланжа А.Г., Русаков С.В.* О возможности моделирования процесса взаимодействия древних человеческих обществ с окружающей средой // Общество и природа: исторические этапы. М., 1981.
3. *Щетенко А.Я.* Палеоэкология и выделение хозяйственно-культурных типов в археологии // Методика археологических исследований и закономерности развития древних обществ. Ашхабад, 1980.
4. *Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблемы соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
5. *Кабо В.Р.* Первобытное общество и природа // Общество и природа: исторические этапы. М., 1981.
6. *Зализняк Л.А.* Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
7. *Зализняк Л.А.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья в эпоху финального палеолита. Киев, 1989.
8. *Clarke D.* Analytical archaeology. London, 1968.
9. *Binford L.* Nunamiut ethnoarchaeology. New York, 1978.
10. *Doluchanov P.M.* Ecology and economy neolithic Eastern Europe. London, 1979.
11. *Матюшин Г.Н.* Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. М., 1988.
12. *Бибилов С.Н.* Некоторые аспекты палеоэкологического моделирования в палеолите // СА. 1969. N 4.
13. *Doluchanov P.M.* The holocene history of the Baltic Sea and ecology of the prehistoric settlements // Baltica. 1977. Vol.6.
14. *Козловская М.В.* Биология палеопопуляций: реконструктивные возможности и перспективы исследований // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М., 1992.
15. *Щедосова В.Н.* Антропологическая палеоэкология и проблемы эпохальной изменчивости // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М., 1992.
16. *Гуман М.А.* Антропогенные изменения растительного покрова центральных районов Русской равнины в голоцене: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1983.
17. *Кременецкий К.В., Гей А.Н.* Хозяйство и природное окружение Самсоновского поселения // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986.
18. *Хотинский Н.А., Гуман М.А.* Антропогенные изменения растительности центра Русской равнины в голоцене (по палинологическим данным) // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981.
19. *Гричук В.П.* Опыт реконструкции некоторых элементов климата северного полушария в атлантический период голоцена // Голоцен. М., 1969.
20. *Спиридонова Е.А.* Опыт восстановления палеоландшафтов верхнего плейстоцена по данным палинологического анализа // Естественные методы в археологии. М., 1989.
21. *Хотинский Н.А.* Природная среда и человек в голоцене // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.
22. *Berglund B.* Handbook of holocene paleoecology and paleohydrology. New York, 1986.
23. *Антипина Е.А., Маслов С.П., Мусатова С.И.* О репрезентативности выборок остеологического материала, получаемых путем отбора "определимых" фрагментов костей // Комплексные методы исследования археологических источников: Материалы к V совещанию 21-23 ноября 1989 г. М., 1989. Вып.1.

24. *Богораз-Тан В.Г.* Восемь племен. М., 1972.
25. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья. М., 1986.
26. *Сидоров В.В.* Стоянка на озере Святом у г.Шатуры // СА. 1975. N 3.
27. *Сидоров В.В.* Позднельяловское поселение Маслово Болото 7 // СА. 1986. N 1.
28. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Природные условия обитания раннеолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
29. *Энговатова А.В.* Калина в рационе питания неолитического населения Волго-Окского междуречья // В печати.
30. *Воробьев В.М.* Происхождение и начальные этапы развития рубящих орудий: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1980.
31. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М., 1967.
32. *Брюсов А.Я.* Древнее поселение на р.Модлоне и другие памятники Архангельской области // МИА. 1951. N 20.
33. *Василевич Г.М.* Эвенки. М., 1967.
34. *Федоров В.В.* Некоторые орудия рыболовства неолитического времени // СА.1937. N 3.
35. *Лозе И.А.* Рыболовный закол эпохи неолита на поселении Звезде // КСИА. 1986. Вып.185.
36. *Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
37. *Цепкин У.А.* Об изменении видового состава промысловой ихтиофауны бассейна Оки в позднем голоцене // БМОИП, отд. биологии. 1981, Вып.2.
38. *Дмитриев П.А.* Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе // ИГАИМК. 1935. вып.106.
39. *Кириллова И.В.* Фауна стоянки Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.,1992.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V. V. Sidorov, A. V. Engovatova

THE BASIS OF PALEOECONOMICAL RECONSTRUCTIONS OF EXTENSIVE ECONOMY

Summary

In research of ecology and socio-cultural adaptation of the ancient population, complex approach to the problem induces an investigator to use the whole spectrum of the sources of information.

This article deals with the problems of a reliable interpretation of archaeological sources. The authors show what factors may be included in paleoeconomic reconstruction of the forest zone. The article also points at some changes in the procurement of the means of subsistence throughout the Mesolithic-Neolithic and the tenacity of some traditional forms of food gathering.

The authors deal with all the material remains of man, the objects he used and made, his dwelling places and his tools, weapons, the remains of his food, his own man bones and, from these, the way how he lived is deduced.

The authors offer their table-classification of the paleoecological and archaeological sources (Tab.1).

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

М. М. Шахнович

ИНДУСТРИЯ КВАРЦА В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ: КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

В эпоху мезолита на огромной территории Северной Европы из-за отсутствия местных месторождений кремня кварц являлся основой индустрии камня. В границы этой условной "бескремневой" зоны включены Северная Фенноскандия, Русская Карелия и Финляндия. Уже на данном этапе исследования можно утверждать, что отмечаемое ранее "определенное сходство" и "единообразие" мезолитического каменного производства в указанном регионе [1, с.155; 2, с.20] главным образом основываются только на общей тенденции кварцевого "господства" и вытекающем из специфики расщепления кварца сходном наборе инвентаря. Исследования последнего десятилетия позволяют говорить о том, что в рамках этой "бескремневой" зоны кварцевая индустрия разбивается на ряд территориально замкнутых направлений с наличием индивидуальных черт технологии расщепления, орудийного состава и особенностей классифицирования отдельных категорий артефактов. На уровне сенсорного обобщения это свидетельствует о неоднородности восприятия кварца как сырья в системе каменного производства в различных регионально-культурных образованиях "кварцевой" зоны. В целом, по нашему мнению, в эпоху мезолита эти различия имели культуросодержащий оттенок. Также, на наш взгляд, основным, но не единственным фактором, определяющим эту разницу, были сила и продолжительность импульсов воздействия территориально соседствующей "кремневой" технологии. В свою очередь, эти импульсы зависели от целого комплекса причин: удаленности от выходов кремня, сланца, лидита; степени "законсервированности" изначально привнесенных навыков обработки кремня во времени и в пространстве; географической защищенности популяций от миграционных потоков и т.п. Таким образом, изложение материала будет направлено на выявление тех или иных проявлений кварцевой индустрии через призму ее взаимодействия с кремневой технологией. Несомненно, что значительную качественную роль на данной территории в этот хронологический период играла и обработка сланца, а также близкого к кремню лидита, но она отражает уже качественно другую грань среза мезолитического каменного производства, менее значимую в рассматриваемом контексте. Также преднамеренно опустим требующую отдельного углубленного разбора проблему значительных несоответствий, возникающих при применении существующей с сер.1950-х гг. практики наложения разработанных для кремневого материала классификационных схем на типологию кварца, некорректной из-за значительного качественного различия кремневой и кварцевой индустрии вследствие разницы в кристаллографическом строении этих двух минералов.

Итак, на уровне обобщения идейной схемы в рамках целостной индустрии кварца выделяются три плоскости рассматриваемого вопроса:

1. Кварц как сырье используется очень незначительно и сугубо подчиненно по отношению к кре-

мню, даже если последний и является предметом импорта. Кварцевый материал не воспринимается как объект с индивидуальными, специфическими свойствами. Предпочтение отдается лучшим разновидностям кварцевых пород (горный хрусталь); на остальных не менее качественных образцах кварца лежит отпечаток его применения по причине некоторой безвыходности из положения с сырьем. Раскалывание конкреций не отработано, схематично. Часты орудия с наличием галечной корки. При общей небрежности воспроизведения вторичная обработка орудий являет собой пример "слепого" калькирования приемов кремневой индустрии (в глубине "кварцевой" зоны подобный стиль работы с кварцевым материалом наблюдается, только начиная с эпохи энеолита). Данные черты хорошо можно проследить на материалах памятников контактной зоны с кремненосными районами: стоянок культуры Кунда в Эстонии и Ленинградской области (типа Сокопок) [3], ряда поселений в Южном Прионежье (Лиственка IIIA - р.Колпь) и на юго-восточном берегу Онежского озера (Муромское VII [4] и Тудозеро V - мезолитические слои). Нужно отметить, что в Южном Прионежье сланцевые и кварцевые орудия появляются только на поздних мезолитических памятниках (VI-V тыс. до н.э.), а на более ранних (с неместным кремнем и с пластинчатой техникой) отсутствуют.

2. Кварцевое сырье - один из полноправных дублеров кремня. Обычно это наблюдается в районах, богатых минералами, близкими по физической структуре к кремню (черт, лидит). Речь идет о культуре комса, охватывавшей береговую линию Норвегии и Кольского полуострова. Здесь кремневая индустрия, при значительном использовании кварца (до 75-80% от общего количества орудий), имела возможность законсервироваться, не растерять свои характерные черты даже без постоянного сырьевого импорта. Следствием процесса познания особенностей расщепления кварца является применение широкого спектра лучших его разновидностей, наиболее приспособленных к переносу на них технологических приемов обработки кремня, а также использование разницы в их физическом строении. Появляются специфичные приемы вторичной обработки, различные модификации орудий. Однако, каменная индустрия в целом носит четкий отпечаток преобладающего использования навыков индустрии кремня или его заменителей, а не кварцевой технологии. Наличествуют, хоть и в небольшом количестве, хорошо выраженные нуклеусы со следами скалывания пластин и микропластин, а также серии дисковидных ядрищ. Широк морфонабор микролитных форм, обработанных ретушью; симметричных и асимметричных черешковых острий; угловых резцов и резцов с подработанным ретушью концом. Диапазон использования ретуши на кварцевых орудиях значительно обширнее, чем где бы то ни было на рассматриваемой территории "бескремневой" зоны. Нельзя не согласиться с установившимся мнением, что культура комса входит в круг памятников аренсбургской традиции и родственна культурам Южной Скандинавии [5].

3. Кварцевая индустрия в ее "чистом", классическом проявлении. Из-за отдаленности выходов кремня (от 250 км и более) и отсутствия его ближайших аналогов индустрия кварца (как основного заменителя) имеет возможность развиваться исключительно индивидуально (самобытно) и полностью оправдывать название - "кварцевая". Производство максимально направлено на оптимальное учтивание и использование всех проявлений разноплановых физических характеристик широкого спектра кварцевых пород. В технологии исчезают "инородные" приемы и остаются только те методы, которые можно охарактеризовать как вытекающие из осознания структурной специфики кварца как минерала. Первичное раскалывание схематично, в основе своей бессистемно. Исходным продуктом становятся нуклевидный кусок (не укладывающийся в морфометрические параметры "классического" нуклеуса) и осколок или отщеп. Полностью теряет всякий смысл и отпадает такое широко применяемое для палеолитических и мезолитических материалов более южных территорий понятие, как "пластинчатость". Приложение вторичной обработки сведено к минимуму: ретуширование как отдельный прием образования рабочего края применяется только для создания скребковых форм, но и то при использовании менее качественных пород кварца, отжим фасеток подменяется "скребковым скалыванием". Типологически широко фиксируются вариации резцового скола при изготовлении ножей, долотовидных орудий, резцов, микролитов и даже редких кварцевых наконечников стрел и острий. Исходя из технологии, можно определить кварцевую индустрию как направленную в своей основе на использование естественного края отщепа или осколка, без вторичной подработки. Типологическое сходство с кремневыми артефактами сохраняется

только на уровне категорий. Появляются отдельные типы и виды орудий, на наш взгляд, присущие в основном индустрии кварца: многофасеточные - полиэдрические, срединные резцы, долотовидные орудия, ножи с вогнутым лезвием ("рыбные?"). Также наблюдается перенос в рамках типа морфологических черт индустрии кварца на редкие изделия из кремня (скребки). Техника обработки кремневого сырья не деградирует, а просто не используется, что можно отметить в сохранении специфичных морфочерт ряда конкретных типов изделий (наконечники стрел, сечения, пластины).

Речь идет о популяции населения на территории юго-востока Русской Карелии (обонежская мезолитическая культура) [6,с.63] и в южных и в центральных районах Финляндии (культура суомусъярви)[7], а также о северном локальном варианте этих культур, занимающем перешеек между Ботническим заливом и Белым морем (Северная Финляндия, Западная и Северная Карелия) [8,с.17].

Долгое время существовало мнение, что памятники культуры суомусъярви распространялись и на всю территорию современной Карелии [9,с.61]. Нужно высказать ряд соображений по этому вопросу. При всей близости каменного инвентаря памятников культуры суомусъярви со сланцевыми и, особенно, с кварцевыми материалами мезолитических комплексов с территории Русской Карелии, по нашему мнению, существуют четкие отличия как в ряде черт индустрии кварца в целом, так и в наборе маркирующих артефактов. Основные типы орудий для культуры суомусъярви - это известные сланцевые наконечники копий, орнаментированные перфорированные камни (т.н. "навершия булав" с воронкообразным отверстием), прямые долота южно-финского типа, желобчатые долота с изогнутой спинкой, косо- и поперечнолезвийные наконечники стрел из кварца [7,с.21]. Прямые долота южно-финского типа из диабазы (т.н. "топоры киско") относятся к поздней фазе эпохи мезолита и имеют очень ограниченный ареал распространения на побережье юга Финляндии. Для точности нужно отметить, что сходные формы, а также и желобчатые долота, встречаются и на памятниках Онежского озера, но, на наш взгляд, это объясняется универсальностью модели данного вида орудия. Если вопрос о хронологической принадлежности "булав" остается открытым, а кварцевые микролиты эпизодично, но фиксируются на стоянках раннекаменного века Западной Карелии, то сланцевые наконечники копий, по данным К. Мейландера и А.Европеуса, а также по современным сообщениям, происходят только со стоянок на древнем побережье Литоринового моря, а также из районов внутренних озер Северной и Центральной Финляндии [10,с.85]. В границах Русской Карелии они ни разу не встречены. Отсутствие такого характерного типа орудия, конечно, может быть объяснено недостаточностью объема раскопок в приграничных районах Карелии, но, вернее всего, оно является отражением хозяйственной направленности населения. Сланцевый наконечник копья - это специфичный атрибут охоты на морского зверя, и, естественно, поэтому его находки фиксируются недалеко от древнего морского побережья и отсутствуют в глубинных континентальных районах. В данном случае его можно принять за культурный тип-определитель. С другой стороны, на памятниках в Финляндии отсутствуют кремневые наконечники стрел постсвидерского типа, в достаточном количестве (ок. 50 без материалов Оленеостровского могильника) наличествующие в мезолите Обонежья [11]. Относительно индустрии кварца можно согласиться со следующим мнением финских специалистов - в мезолитических комплексах Южной Финляндии отмечается существование некоторых традиционных черт кремневого производства. Это - хорошо заметная тенденция к микропластинчатости, наличие черешковых наконечников(?) и наконечников с вентральной ретушью (типа Кунда), отжим биполярной пластины с подготовленного нуклеуса, а также имитация сланцевых орудий (долота, тесла с выемкой, плоские отщеповые куски). В сумме это воспринимается как "иностранный элемент" в едином закрытом технокомплексе "финской кварцевой индустрии" [21].

Для подтверждения наших суждений необходимо вспомнить и географическую ситуацию в эпоху мезолита. В период Анцилового озера (8.5-7.5 тыс.л.н.) очертания северо-запада Европы значительно отличались от современных, привычных нам контуров. Это было обусловлено повышением уровня моря (раннеголоценовая трансгрессия фолас) из-за интенсивного таяния остатков ледника. Акватория Ботнического залива в это время распространялась в глубь

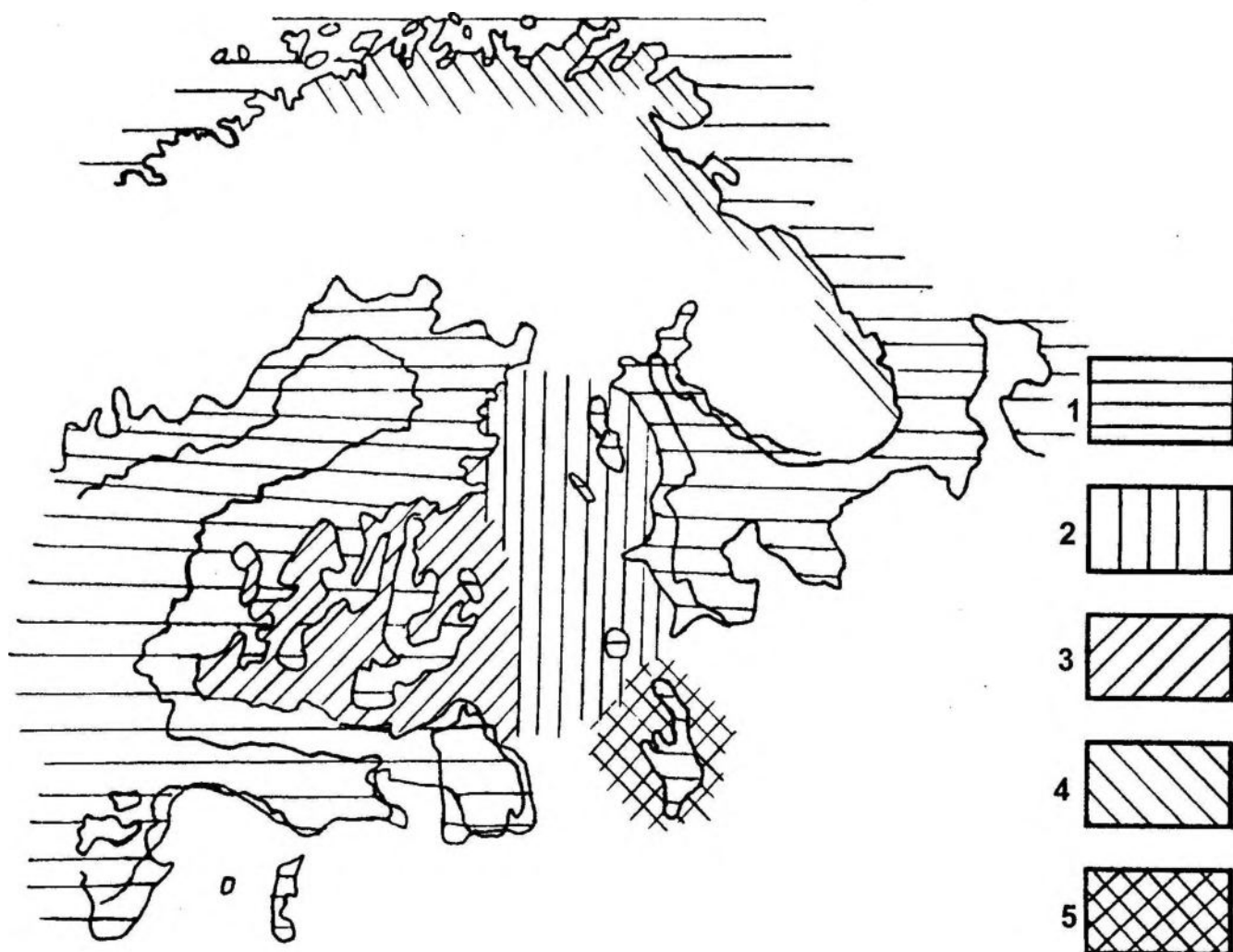

Рис. 1. Мезолитические культуры в Северной Европе:
 1 - акватория в период Анцилового озера 6500 л. до н. э. (по М. Stenberger); 2 - северный локальный вариант; 3 - культура суомусъярви; 4 - культура комса; 5 - культура Обонежья

континента на 150-200 км от современных берегов (рис.1), а в период Литоринового моря - на 50-70 км. Внутренние районы Финляндии изобиловали крупными озерами и глубоко вдающимися в сушу морскими заливами. Прибеломорская низменность была затоплена до отметок 50-60 м абсолютной высоты. Расстояние между Ботническим заливом и Белым морем было меньше современного почти в два раза и не превышало в среднем 250 км (в самом узком месте 150 км). Очерченная область была более компактной и в то же время географически разделенной по естественным водоразделам Онежского озера, Ботнического залива и Белого моря. Население культуры суомусъярви было ориентировано на морской и таежный промыслы, что сближает его с мезолитическими общностями на территории Прибалтики. В Карелии основой хозяйства была охота на лесную дичь.

Для полноты картины следует отметить, что некая "зона контакта" с кремненой территорией наблюдается и для культуры Обонежья. Важное значение в контексте рассматриваемого вопроса имеет учет удаленности памятников от основных выходов кремня. Контактная зона в 200-250 км от источников сырья считается наиболее оптимальной для равномерного его распространения. С увеличением территориального разрыва, т.е. с выходом за пределы 250 км радиуса, резко

уменьшается поступление продукта (в 9 раз при удалении на 500 км от центра) [13, с.55]. Статистический анализ показывает, что материалы стоянок, расположенных дальше чем на 200 км от кремневых залежей, являют пример смешанных сырьевых комплексов. Так, например, район юго - запада Ленинградской области в эпоху мезолита частично снабжался кремнем из долины р.Селижаровки (Тверская обл.), и соотношение в инвентаре кварца и кремня составляло 1:3 [3, с.2]. Для сравнения, на крупных поселениях северного побережья Онежского озера, куда кремень эпизодически поступал с южных берегов (расстояние - 200 км), эта пропорция (для морфологически вычленимых форм) наблюдается в основном с противоположным перевесом: Пиндуши XIVa - 4,2:1; Оровнаволок IX-17:1; Оровнаволок XI - 1:3,2; Оровнаволок XII - 14,3:1; Повенчанка V - 1:2,5 [14;15]. Эти резкие колебания рассматриваемого соотношения на хорошо исследованных объектах (раскопы от 288 до 980 кв.м), сосредоточенных на компактном отрезке побережья (около 25 км), можно объяснить, во-первых, широтой их хронологических границ - от кон. VII тыс. до н.э. (Оровнаволок XV) до нач.V тыс. до н.э. (Оровнаволок XII) и, во-вторых, нерегулярностью поставок кремня, о чем косвенно свидетельствует приблизительное равенство или очень небольшое преобладание отходов производства из кремня над орудиями. Для объективности нужно отметить большую долю (до 25-30%) на этих поселениях изделий из сланца и лидита, что в свое время послужило поводом к выделению в мезолите Карелии отдельного круга "памятников с кварцево-сланцевым инвентарем" [9]. На мезолитических поселениях Западной Карелии, находящихся уже в радиусе 300-500 км от южно-онежских выходов кремня, находки его единичны (1:100), а на небольших по площади стоянках (200-600 кв.м) отсутствуют совсем. Причем, в основном они представлены готовыми изделиями, что, возможно, позволяет говорить уже о восприятии на данных территориях кремневых вещей как ценных предметов "авторитетной торговли" (по К.Ренфрю), тем более, что в основном это наконечники стрел и сечения ножевидных пластин, редко скребки. Сланец здесь единичен, как и кремень, лидит отсутствует полностью. Доминирующим сырьем (98-99%) для производства каменных изделий является местный кварц.

Цель приведенного обзора - разделить ареалы "зоны контакта" с кремненой территорией (Обонежье), где кремневая индустрия имела весомую долю в инвентаре и могла переноситься на обработку кварца (не говоря уже о лидите, очень близком по физическим свойствам к кремню минерале), и территории, куда кремень фактически не проникал и где кварцевое производство долгое время сохраняло свои специфику и самобытность (Северная и Западная Карелия, Центральная и Северная Финляндия). В последнем обширном регионе кварцевая индустрия почти в "чистом" виде продолжала развиваться, вплоть до эпохи неолита [1, с.155].

Постараемся более четко определить характер взаимодействия четырех рассмотренных культурных образований Северной Европы в эпоху мезолита. Уже нельзя говорить о существовании в древности единой этнокультурной области, включавшей в себя племена, жившие на территории Кольского полуострова, Финляндии, Карелии и Норвегии, исходя только из наличия у них общей кварцевой индустрии [16, с.84]. Понятие "технокомплекс" (по Д.Кларку) [17, с.64] достаточно конкретно объясняет общее сходство кварцевых индустрий данных археологических культур как отражение адаптации каменного производства к определенному сырью и нивелированности хозяйственных традиций. Данный термин, активно применяемый в палеолитоведении, расшифровывается следующим образом: "относительно устойчивая система технических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которая возникает и функционирует в широких пространственно-временных границах, в разных археологических культурах, не связанных между собой культурно-генетическим родством" [18, с.10]. Сейчас уже очевидно, что при сравнении культуры комса с побережья Ледовитого океана и археологических культур лесных районов Карелии и Финляндии речь не может идти не только об этническом или генетическом родстве, но также и об одинаковой хозяйственной направленности. Мезолитическую общность Обонежья и культуру суомусъярви, а также их северный локальный вариант можно объединить понятием "культурный круг" или "культурная область".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Песочен П.Э.* Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978.
2. *Гурина Н.Н.* Мезолит Кольского полуострова // Мезолит СССР. М., 1989.
3. *Тимофеев В.И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993.
4. *Косменко М.Г., Витенкова И.Ф.* Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. 1980. N 4.
5. *Шумкин В.Я.* Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993.
6. *Филатова В.Ф.* Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников в Карелии. Петрозаводск, 1991.
7. *Matiskainen H.* Die mesolithische Steinzeit und die Chronologie im Binnenseegebiet Finnlands // Fennoscandia Archaeologica. Helsinki, 1987. IV.
8. *Шахнович М.М., Харин В.Н.* Опыт классификации кварцевых скребков мезолитических поселений Западной Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1.
9. *Паншкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч.1. Л., 1978.
10. *Аугераа А.* Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Helsinki, 1973.
11. *Филатова В.Ф.* Кремневые накопечники стреп в мезолите Карелии // СА. 1987. N 3.
12. *Schulz H.-P.* On the Mesolithic Quartz Industry in Finland // ISKOS. Helsinki, 1990. N 9.
13. *Вуоринен Ю.* Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
14. *Филатова В.Ф.* Мезолитическое поселение Оровнаволок XII // СА. 1988. N 4.
15. *Филатова В.Ф.* Инвентарь поселения Оровнаволок IX // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
16. *Гурина Н.Н.* О некоторых общих элементах культуры древних племен Кольского полуострова и их соседей // Палеолит и неолит. Л., 1986.
17. Классификация в археологии. М., 1990.
18. *Аникович М.В.* Изучение формообразования каменных орудий и обобщающие понятия современного палеолитоведения ("археологическая культура", "путь развития", "технокомплекс", "историко-культурная область") // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб., 1994.

*Карельский республиканский
краеведческий музей,
Петрозаводск*

M. M. Shahnovich

THE QUARTZ INDUSTRY IN THE NORTHERN EUROPE: THE QUALITATIVE ASPECT

Summary

A unique quartz industry existed throughout vast territories of the Northern Europe (Northern Fennoscandia, Russian Karelia and Finland) in the Mesolithic Era. The material obtained so far shows that there is no uniformity in the quartz industry of the outlined region. The quartz industry here is subdivided into a number of trends enclosed by the borders of certain territories, where individual traits in technology, sets of tools and peculiarities of the artifacts' classification, are clearly observed. These differences were of a culturebearing character. The main, though not the only, factor which determined these differences, was the intensity and duration of the flint technology influence. Three

zones could be thus specified: the Khond culture together with settlements of the South Onega Region; the Khomsa culture; Russian Karelia, Finland together with the local variation of the Suomusyarvi and mesolithic culture of the Onega Region in the Northern-Western Karelia and Northern Finland.

***The Karelian State Local Museum
1, Lenin Sq., Pyetrozavodsk, 185035,
Republic of Karelia, Russian Federation***

В. Я. Шумкин
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО
ПЕРИОДА
СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

Общие вопросы исследования каменного века, то обретая особую актуальность, то получая приглушенное звучание, никогда не снимались с повестки дня археологической науки. Возвращение к некоторым из них на примере культур северо-запада Европейского Заполярья объясняется тем, что в этом регионе, при несомненной специфике, происходили процессы, характерные для более южных территорий, причем в наиболее чистом, обособленном виде. Автохтонное население Северной Фенноскандии, природной страны на окраине Европы, включающей помимо Мурманской области России (Кольский полуостров) финскую провинцию Лаппи, шведскую - Лапланд, норвежские - Северный Нордланд, Тромс, Финнмарк, имело близкую генетическую основу, сходное развитие и общие исторические судьбы. Отражение континентальных процессов и событий фиксируется здесь, как правило, в трансформированном, ослабленном виде, что наряду со своеобразием природных условий и оригинальностью исторического развития способствовало более длительному сохранению архаических форм системы жизнеобеспечения, базировавшейся на присваивающей экономике [1, с.9-14].

Археологическое изучение каменного века Северной Фенноскандии ведется давно, но резкая активизация начинается с 70-х годов нашего века. В западной части - благодаря, в основном, реализации региональных Проектов [2, с.541- 547; 3, с.71-116], в восточной - как результат планомерных работ Кольской экспедиции ЛОИА АН СССР - ИИМК РАН [4, с.45-53; 5, с.143-146]. Лучше исследовано побережье, однако и в континентальных районах известны сотни памятников. Самые ранние археологические объекты относятся к культуре комса [6, с.47-60; 7, с.15-33], начало которой относится ко времени не позднее VIII тыс. до н.э.

Еще полвека назад выдающийся скандинавский археолог Г.Йессинг утверждал, что корни неолитического населения уходят в культуру комса [8], и в настоящее время это положение поддерживают практически все исследователи. В отличие от мезолита, чей статус эпохальной стадии развития человеческого общества вызывал и вызывает серьезные возражения [9, с.93; 10, с.225-305], правомерность выделения неолита в качестве самостоятельной периодизационной единицы, пожалуй, не вызывает сомнения. Правда, и здесь есть свои проблемы, но они совершенно иного плана. Среди западноевропейских специалистов сложилась традиция маркировать начало неолита возникновением или заимствованием производящего хозяйства [11, с.5-15]. Большинство российских и финских археологов рубежом этой эпохи считают появление глиняной посуды (керамики). Попытки примирения позиций пока успеха не имели, а предложение

вести особые термины для земледельческого и охотничьего неолита - агро- и агонеолит [12] - не получило общего признания.

Для южных регионов Европы такое противостояние на первый взгляд менее существенно, хотя и имеет принципиальное значение, но для скандинавских материалов приобретает особую остроту. Дело даже не в том, что одни и те же памятники, культуры часть исследователей относит к мезолиту, а другая - к неолиту. Основываясь на социально-экономическом содержании неолитической эпохи, датировав проникновение на север около 5 тыс.л.н. производящего хозяйства, западноевропейские коллеги оказались в сложном положении, особенно при изучении предшествующих и последующих этапов развития. На страницах многих работ замелькали, наряду с мезолитом и неолитом, иногда соседствуя, такие периодизационные единицы, как ранний, молодой, средний, поздний каменные века [3;6]. Нередко происходит вынужденный отказ от общей археологической периодизации, которая заменяется фазами, периодами, не только не совмещающимися с положением одновозрастных однокультурных памятников соседних территорий, но произвольно "режущих по живому" историческое развитие. Так, выделенные для севера Норвегии периоды Саленесхюгда, Нордли, Гропбаккенген, Грессбаккен [13,с.502-515] и т.д. являются не культурами, не этапами определенных эпох, а скорее отражают социальные и экономические изменения, происходящие, по мнению исследователей, в жизни древнего населения. Отдельные культуры Скандинавии получают такие определения, как, например, "технологически неолитическая с мезолитической экономикой" [14,с.98]. Учитывая, что первое введение элементов производящего хозяйства в некоторых регионах было нескончательным, получается, что "неолитические" сообщества сменяются "мезолитическими". Некоторые памятники из-за разночтения в определении палеофаунистических, палеоботанических, палеоантропологических и других данных, изменений взглядов и установок специалистов уже по нескольку раз то обретали неолитические черты, то теряли их. И этот процесс еще далеко не завершен. Сейчас становится все более ясно, что даже на юге Скандинавии, по крайней мере до II тыс. до н.э., сосуществовали группы населения с разными типами экономики, а рецидивы возвращения к присваивающему хозяйству не были чем-то совершенно исключительным. Конечно, по контексту почти всегда можно "разобраться" в подобных флуктуациях и составить субъективное представление, ведущее нередко к новым немалым трудностям.

Появление прогрессивного производящего хозяйства, без сомнения, событие огромного исторического значения. Но возведение его в качество основного, эпохального, разграничительного критерия сопровождается столь серьезными осложнениями, что вряд ли целесообразно взваливать на археологическую периодизацию еще и непосильный социально-экономический "крест", тем более, что выделение как предыдущих, так и последующих подразделений первобытности строится на иных (типологических, морфологических, сырьевых) основаниях. С этих позиций при осознании необходимости общей археологической периодизации, даже признавая ее формальный характер, более оправданным будет придание началу производства глиняной посуды единого и главного критерия неолитического состояния. Помимо него могут быть и другие основания наступления новой эпохи. Так, для Северной Фенноскандии таковыми следует признать использование сланца в качестве широко распространенного поделочного материала и развитие соответствующих эффективных технологий (пиление, пикетаж, шлифовка). Дополнительные маркеры, кроме того, позволяют разграничить неолитические общности Севера, где появление керамики и производства сланцевых орудий датируется кон.V тыс. до н.э., и культуры Карелии и южной Финляндии, для которых характерно использование этой породы не позднее среднего этапа мезолита. Таким образом, "керамический" критерий, как нам представляется, должен быть всеобщим, обязательным, а дополнительные - многочисленными, разнообразными для отдельных регионов, но могут и отсутствовать.

Начало неолита на разных территориях, конечно, будет не совпадать, что вполне соответствует исторической реальности. Производящее хозяйство может возникать в финальном палеолите, в неолите, в эпоху железа, а где-то вообще не вводиться, и возвращение к старой экономике не может серьезно сказаться на археологической периодизации. Те же общества, которые не обрели керамику или утратили навыки ее производства, должны быть отнесены к другим, предыду-

щим или последующим эпохам соответственно главным периодизационным критериям (например, наличие металла и отсутствие глиняной посуды в эпоху железа у населения Лапландии).

Привлечение экономического критерия происходит из осознания несовершенства существующих периодизаций, стремления их изменить, приспособить к определенным, конкретным целям и задачам. Усилия в этом направлении предпринимались неоднократно и постоянно пополняются новыми разработками. Заслуживает внимания археологическая схема, предложенная Г.П.Григорьевым, развитая и дополненная М.В.Аниковичем [15]. Суть ее в выделении ЭР, отличающихся по своей структуре:

1. Олдувей (един, неделим);
2. Ашель (три разновидности);
3. Мустье (пути развития);
4. Новое время (выделение культур, этнических общностей).

Последняя ЭРА может быть разбита на ЭПОХИ: кости, керамики, раннего металла, железа, синтезированных материалов. Схема импонирует выдержанностью *principium divisionis* и приданием появлению нового материала статуса преобразующего фактора. Внутри эпох должны быть свои подразделения (периоды, фазы, этапы и т.д.), выделенные опять же по принципу равенства основания деления и логически укладывающиеся в единую схему. Тогда мезолит - "Золушка системы трех веков" [11, с.5-15], вполне естественно завершает эпоху кости. Следует сказать, что отношение к эрам, эпохам, периодам, "векам", фазам, не говоря уже о таких дефинициях, как культура, культурная область, общность, локальный вариант, тип керамики и т.д., совершенно безответственное. Часто исследователи свободно "жонглируют" определениями, что нередко ведет к искажениям, разночтениям, непониманию. Здесь желательна серьезная реформа, которая, хотя и уменьшит "красочность" описания, будет способствовать ясности изложения.

Появление термически обработанной глиняной посуды - событие эпохального значения, существенно изменившее жизнедеятельность древних обществ. Помимо укрепления технико-экономического потенциала (получение первого искусственного материала, хранение припасов), оно стимулировало и формировало творческие наклонности человека, закрепляло навыки симметрического расположения орнаментации на сферических поверхностях. Для археологии керамика является новым первоклассным источником. Пожалуй, отошли в прошлое горячие дискуссии о приоритете керамических материалов над каменными артефактами в решении реконструкционных задач [16]. Восторжествовало мнение о бездискриминационном использовании остатков материальной культуры во всех ее проявлениях. Но все же приходится, к сожалению, констатировать, что, возможно, как отголосок былых споров или в результате многократного увеличения источниковедческой базы при значительном ее качественном расширении, заметно меньшее внимание к детальному изучению неолитических каменных индустрий. Способствовать преодолению наметившегося отставания может разумное применение методических разработок специалистов, изучающих докерамические общества, где типолого-морфологический анализ представлен достаточно серьезно. Усилия в этом направлении, вероятно, позволят выявить разные дополнительные критерии наступления неолитической эпохи. Для Северной Фенноскандии еще одним маркером оказался резкий типологический и количественный "всплеск" ножей, которые занимают второе после скребков место в наборе каменных орудий.

Серьезной проблемой является анализ кварцевых индустрий. Известны трудности такой работы, многочисленные споры о правомерности выбора оснований. Представляется, что типология кварцевых артефактов должна строиться на несколько других принципах, чем традиционные для кремневых материалов [7;17]. Совершенствованию подобных разработок может способствовать применение трасологических определений. Исследования, успешно выполненные в Швеции [18] с использованием соответствующих методик и аппаратуры, показали, что следы изнашивания на кварцевых орудиях сохраняются не хуже, чем на изделиях из кремня. Значительных достижений в анализе подобных индустрий добились и сотрудники экспериментальной лаборатории ИИМК РАН, возглавляемой Г.Ф.Коробковой [19, с. 32-34]. Не исключено, что результаты исследований кварца будут даже весьма весомее, чем это было для кремневых пород. Следует приветствовать

появление таких методик, но совершенствование типологии должно базироваться, в первую очередь, на технико-морфологических признаках с учетом и привлечением трасологических данных.

Немало гипотез строилось на отсутствии в отдельных районах Фенноскандии кремня, особых пород сланца, шифера, асбеста. Не отрицая роли обмена, необходимо признать, что рассуждения о передвижениях, связях, контактах по используемому материалу должны базироваться не на визуальных наблюдениях, а на результатах соответствующих анализов. Такие исследования, проведенные в Финляндии и Норвегии [20;21], показывают сложность, неоднозначность решений и открывают широкие перспективы при серьезном подходе к проблеме. Как показывает история развития нашей науки, использование данных естественных дисциплин принимает все более актуальный характер. Благодаря прибрежному расположению многих памятников Северной Фенноскандии, возможно определение вероятностных границ функционирования объектов по высотным отметкам, подкрепленное довольно многочисленными радиоуглеродными датами. Однако, во-первых, для создания надежной шкалы абсолютной хронологии требуются десятки согласованных датировок по С-14 для каждого слоя, стоянки, поселения и датировок, проведенных другими методами. А, во-вторых, "здание" археологической периодизации должно возводиться преимущественно на типологическом "краеугольном камне".

Разнообразие ландшафтов Скандинавии, ограниченность раскопок, фрагментарность материалов, нередкое отсутствие фаунистических остатков приводят к проблеме функционального определения археологических объектов. Предложены различные модели ранне-неолитического образа жизни - от бродячего, сезонного, циклического до стабильно-оседлого. Использование этнографических параллелей с саамами, еще недавно существовавшими в условиях дофеодалной формации, здесь особенно соблазнительно. Однако, тип хозяйства средневековых саамов складывался длительное время; система циклических перекочевок с транспортным оленеводством явилась реакцией на ряд кризисных состояний и представляет собой оптимальный вариант сохранения природного равновесия при планомерной эксплуатации нескольких экологических ниш [1, с.4-14; 22, с.129-149]. Следует учитывать несравнимые уровни социальной организации, изменение количественного и популяционного состава фауны, иные ландшафтные условия, вооруженность опытом, техническими средствами. Поэтому при всей ценности использования этнографических предметов быта, приемов добычи средств существования, орнаментации и т.д. для понимания археологического материала проецирование на него образа жизни, способов хозяйствования, верований саамов возможно лишь в самом общем плане, со значительными коррекциями, при сопровождении его совершенствованием полевых и лабораторных методик исследования, направленных на детальное изучение реальных древних памятников.

Затронутые проблемы, конечно, не охватывают всех сложностей изучения раннего неолита Северной Фенноскандии; их подача не претендует на конкретное решение, а, скорее, преследует постановку актуальных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумкин В.Я. К вопросу о формировании ХКТ у древнего населения Кольского полуострова // КСИА. 1988. Вып.193.
2. Hølskog K. Archaeopolitics and responsibilities // *Antiquity*. 1988. V.62. No.236.
3. Nygaard S.E. The stone age of N.Scandinavia // *JWP*. 1989. V.3. No.1.
4. Гурина Н.Н. Древние памятники Кольского полуострова // МИА. 1973. N 122.
5. Шумкин В.Я. Каменный век Кольского полуострова // МКФУ. М., 1989.
6. Hølskog K. The chronology of the young stone age in Varanger, Norway // *NAR*. 1990. V.13. No.1.
7. Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. N2.
8. Gjessing G. Circumpolar stone age // *Acta Arctica*. II. Kobenhavn, 1944.
9. Рогачев А.Н. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // МИА. 1956. N 126.
10. Price J.D. The Mesolithic of W.Europe // *JWP*. 1981. V.9.
11. Zwißbil M. Hunters in transition. Cambridge, 1986.
12. Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1984.

13. *Simonsen P.* Varanger-Funnene II. Tromso, 1961.
14. *Welinder S.* The acculturation of the Pitted Ware culture in Eastern Sweden // MLUNM. Lund, 1987.
15. *Аникович М.В.* К определению понятия "Археологическая эпоха" // В печати.
16. *Фосс М.Е.* Древняя история севера Европейской части СССР // МИА. 1957. N 29.
17. *Шумкин В.Я.* Принципы классификации кварцевых индустрий // Комплексные методы исследования археологических источников. М., 1989.
18. *Кnutsson K.* Making and using stone tools // AUN.10-11. Uppsala, 1987-88.
19. *Коробкова Г.Ф.* Успехи трасологии в изучении лесного неолита // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Л., 1989.
20. *Kinnunen K.* и др. Flint Raw materials of prehistoric Finland. Espoo, 1985.
21. *Hood V.* Prehistoric foragers of the North Atlantic (Stone age of N.Norway and Labrador). Massachusett, 1991.
22. *Шумкин В.Я.* Происхождение саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

V.Ya. Shumkin

PROBLEMS OF THE EARLY NEOLITHIC STUDIES IN THE NORTHERN FENNOSCANDIA

Summary

The Mesolithic-to-Neolithic transition in Northern Europe has a lot of features in common with the processes characteristic of the southern cultures.

In addition the isolated geographical position and long-term traditions of hunter-fishery economy should be taken into account. There are a lot of complicated problems in the study of this period, namely the construction of periodization principles, identification of cultural markers of different epochs, obscure terminology and the use of ethnological analogies for the reconstruction of prehistoric ways of life.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Palase Emb., St.Peterburg, 191065,
Russia*

Ю. Б. Цетлин
ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ДЕКОРИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕЙ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ
(к постановке проблемы)

Орнамент на древней глиняной посуде характеризуется рядом особенностей, которые позволили исследователям с полным основанием считать его одним из важнейших источников по древней истории человеческого общества. К таковым, прежде всего, можно отнести чрезвычайно широкое распространение орнаментированной посуды у самых разных народов Земного шара, а также большое многообразие способов создания и видов орнамента на посуде. Далее нужно подчеркнуть давно установленную этнографами и историками культуры тесную связь орнаментов вообще (и в частности - орнаментов на керамике) с духовным миром древнего человека. И, наконец, еще одна важная черта, выясненная и многократно подтвержденная трудами археологов, состоит в наличии конкретных особенностей орнамента на гончарных изделиях у разных этнокультурных групп древнего населения. Таким образом, современное представление о важности изучения древних орнаментов на посуде нашло твердое объяснение как в специфике самого источника, так и в многолетней исследовательской практике.

Однако, именно эти самые особенности и, в первую очередь, богатство внешней реализации и внутреннего содержания орнамента делают его в то же время одним из наиболее сложных объектов научного анализа и предметом постоянных дискуссий специалистов самого разного профиля - историков, искусствоведов, археологов, этнографов и т.п.

Сегодня изучение древнего гончарства ведется прежде всего на основе двух методологически разных исследовательских подходов: "формально-классификационного" и "историко-культурного". Они различаются между собой, во-первых, по объектам исследования, во-вторых, по задачам исследования, в-третьих, по способам интерпретации получаемой информации.

Основными объектами исследования при формально-классификационном подходе являются некие "формальные" морфологические (соотношение высот и диаметров сосуда, цвет поверхности и излома и т.п.) или естественно-научные (микротвердость, пористость, химический состав черепка и т.д.) признаки. Как правило, число таких формальных признаков бывает весьма значительным. Это позволяет исследователю позднее выделять среди них признаки, "работающие" и "не работающие" на изучение истории.

При историко-культурном подходе основными объектами исследования служат "технологические следы" на посуде, которые выступают в качестве свидетельств использования гончарами конкретных "навыков труда" при создании сосуда, а также - особые "следы", указывающие на характер и сферу использования этого сосуда.

Основной исследовательской задачей при формально-классификационном подходе являются классификация керамического материала, как правило, по этим формальным признакам

и выяснение характера и степени сходства выделившихся групп материала между собой.

При историко-культурном подходе основная исследовательская задача состоит в реконструкции (по результатам изучения навыков труда гончаров) существовавших в древности в данном коллективе конкретных культурных традиций гончарного производства, в изучении закономерностей их формирования, развития и изменения в пространстве и во времени.

Основным способом интерпретации полученных данных при формально классификационном подходе является поиск наиболее "правдоподобного", с точки зрения здравого смысла и опыта конкретного исследователя, объяснения результатов классификации материала. Очевидно, что при этом появляются широкие возможности, с одной стороны, для субъективизма в выводах, а с другой, для длительных и малорезультативных дискуссий между исследователями, пользующимися одними и теми же или близкими материалами.

При историко-культурном подходе получаемые исторические выводы базируются прежде всего на представлении о системном характере навыков труда и культурных традиций древних гончаров, на знании того, какие исторические явления в них отражаются, а также на знании закономерностей поведения гончарных традиций в разных культурно-исторических ситуациях.

Таким образом, эти два подхода представляют собой две последовательные ступени раскрытия содержания археологического материала, в том числе древней керамики как источника исторической информации о прошлом человеческого общества.

Историко-культурный подход к изучению гончарства был впервые разработан применительно к анализу древней гончарной технологии [1], где он и использовался наиболее систематично в последние десятилетия [2-10]. В значительно меньшей степени он пока получил распространение в изучении форм сосудов [11-13].

Что же касается проблем орнаментации на древней глиняной посуде, то их разработка с позиций историко-культурного подхода была начата только в самые последние годы. В рамках этого подхода были намечены три основные направления в изучении орнамента: 1) технико-технологическое, 2) стилистическое и 3) семантическое. В каждом из этих направлений решаются две фундаментальные исследовательские задачи: 1 - выделение разных культурных традиций в области орнаментации глиняной посуды и 2 - изучение закономерностей их формирования, развития и изменения в разных культурно-исторических ситуациях [14].

В предлагаемой статье будет подвергнут обсуждению вопрос об орнаменте, во-первых, как особом историко-культурном явлении и, во-вторых, как источнике по истории древнего населения. Оба этих вопроса еще весьма далеки от решения. Поэтому название статьи сопровождается подзаголовком "К постановке проблемы". Это позволяет не стремиться рассмотреть эти вопросы в полном объеме, что было бы заведомо невыполнимо, а попытаться очертить их общий контур, основное содержание и возможное направление решения. В связи с этим почти все, о чем здесь будет идти речь, можно в той или иной форме найти в специальной литературе. Действительно новым могут в данном случае считаться только попытка приведения этих взглядов в некую систему и рассмотрение основных свойств этой системы с позиций историко-культурного подхода.

Конкретно речь идет о попытке:

во-первых, выработки и обоснования специальной системы понятий для изучения этой предметной области гончарства;

во-вторых, выделения наиболее общих особенностей культурных традиций в гончарной орнаментике и,

в-третьих, выяснения их возможностей служить источником при изучении некоторых проблем истории древнего населения.

Начнем с первого вопроса. Что такое орнамент? Пытаясь дать определение этому понятию, нельзя ограничиваться только областью орнаментов на глиняной посуде. Нужно рассматривать орнамент вообще на любых материальных предметах.

Определение орнамента должно включать взгляд на него с точки зрения его **содержания и формы**.

Орнамент, с точки зрения содержания, - это один из способов отражения и осмысления древним человеком окружающей его природной, экономической, социальной и культурной среды.

Орнамент, с точки зрения формы, определяется двояким образом:

во-первых, как целенаправленная реализация мастером существовавшей в данном коллективе *системы представлений* о внешнем облике того или иного предмета материальной культуры и, во-вторых, как определенная *система символов*, фиксирующая результаты отражения и осмысления древним человеком окружающего мира, создающая определенный внешний облик предмета и имеющая свои особенности у разных групп древнего населения.

Таким образом, исследование орнамента на предмете должно включать выяснение его *содержания и формы*. По степени доступности для изучения на первом месте стоят возможности изучения формы орнамента (т.е. характера его связи с определенным предметом, его технологии, морфологии и структуры), на втором - его *содержания*. В такой последовательности и рассмотрим содержание этих сторон орнамента более подробно.

1. Анализ понятия "**форма орнамента**".

Начнем с рассмотрения существовавших в прошлом *систем представлений о внешнем облике* предметов материальной культуры.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что орнамент относится к прикладным видам изобразительного искусства. Поэтому анализировать его без учета особенностей конкретного предмета, который является материальным носителем орнамента, совершенно бессмысленно. В данном случае в качестве такого носителя выступает глиняная посуда, поверхность которой представляет собой особое "орнаментальное пространство". В зависимости от сложившейся в данном обществе системы представлений оно может выступать в роли либо "потенциального орнаментального пространства" (состояние "**без орнамента**" - сокращенно "**б/о**"), либо "реального орнаментального пространства" (состояние "**с орнаментом**" - сокращенно "**орн**").

Первая система представлений (состояние "без орнамента") характеризуется отсутствием на поверхности сосуда каких-либо целенаправленных смысловых воздействий, осуществленных мастером (реже - потребителем) после завершения "созидательной" или "закрепительной" стадий процесса создания сосуда. Строго говоря, состояние "без орнамента" означает сохранение без изменений *технологического облика* поверхности сосуда.

Вторая система представлений (состояние "с орнаментом"), напротив, отражает ситуацию, когда поверхность сосуда представляет собой только "реальное орнаментальное пространство", т.е. она целиком занята теми или иными видами орнамента.

Наряду с этими двумя основными направлениями развития взглядов людей на поверхность сосудов в истории гончарства широко известны случаи, когда одна часть поверхности сосуда представляет собой "реальное орнаментальное пространство, т.е. поверхность сосуда занята орнаментом лишь частично. Это последнее состояние рассматривается как промежуточное (смешанное) и обозначается : "**орн + б/о**".

Таковы наиболее общие моменты систематики особенностей орнамента с точки зрения представлений о необходимом внешнем облике глиняных сосудов.

Теперь рассмотрим орнамент как особую систему символов. Здесь речь пойдет о выделении (в рамках второго направления развития представлений) основных способов воспроизведения этой "системы символов" на поверхности любых предметов материальной культуры, в данном случае - на сосудах из глины. Конкретных способов нанесения орнаментов на материальные предметы человечество выработало великое множество. Однако, ориентируясь на самые общие особенности подходов к выполнению этой работы, все эти способы можно свести в три большие группы.

Первая группа включает способы, связанные с **искусственным нарушением поверхности** предмета в результате нанесения на него орнамента в виде различных точек, линий и других узоров.

Вторая группа объединяет способы, которые характеризуются нанесением орнамента **без целенаправленного нарушения поверхности** предмета и связаны с использованием красок,

покрытий и некоторых специальных приемов воздействия на поверхность (типа лощения).

Третья группа включает способы, связанные с **искусственным дополнением поверхности** предмета различными элементами, которые усложняют линию его контура путем создания на нем объемных узоров.

Применение трех разных подходов к решению задачи декорирования предметов материальной культуры ведет к созданию трех качественно разных видов орнамента. Орнаменты первого вида названы **"графическими"** (сокращенно - "Г"), второго вида - **"расписными"** (сокращенно - "Р"), а третьего - **"скульптурными"** (сокращенно - "С").

Должен сразу пояснить, что, выбирая эти термины, я опирался на широко распространенную точку зрения о том, что под **графикой** понимается искусство изображения чего-либо с помощью линий, штрихов и точек, без использования красок [15, с.132-133], под **живописью** (и соответственно **росписью**) понимается искусство создания образов с помощью красок [15, с.178, 631], а под **скульптурой** - искусство создания объемных произведений путем лепки, отливки и т. п. [15, с. 178, 631].

При этом нужно иметь в виду, что расширение предметной области использования этих терминов за пределы искусствоведческой сферы с неизбежностью ведет к некоторому изменению их содержания по сравнению с традиционно принятым. Однако на сегодняшний день я не вижу терминов, которые более адекватно отражали бы конкретное содержание исследуемых явлений древней культуры.

Начиная с древнейшего периода в истории гончарства, эти основные способы нанесения орнамента на посуду использовались не только каждый в отдельности, но часто в том или ином сочетании друг с другом. Эти сложные способы предполагали применение для декорирования одного сосуда, например, **"графического"** орнамента в сочетании с **"расписным"**, или **"расписного"** в сочетании со **"скульптурным"** и т.п.

Таким образом, **общая систематика орнаментов как особой системы символов** предполагает выделение трех основных групп орнаментов - **графических, расписных и скульптурных**, а также **разнообразных их сочетаний на одном и том же сосуде**.

2. Анализ понятия **"содержание орнамента"**.

Выше отмечалось, что орнамент является отражением самых разных сторон жизни древнего человека. В нем, в первую очередь, находят отражение, с одной стороны, определенные **субъективные (духовные)** представления древнего человека, а с другой - определенные **объективные** особенности разных групп древнего населения.

Отсюда следует, что анализ содержания орнамента (в частности, на посуде) может вестись в двух планах: семантическом и социально-этнокультурном. Я не буду вдаваться в детали, связанные с анализом сегодняшних успехов в изучении этих сторон содержания орнамента, нашедших отражение в специальной литературе. Отмечу только некоторые характерные особенности современного состояния наших знаний и наших исследовательских возможностей в этой области.

С одной стороны, они состоят в том, что в археологии (особенно первобытной) доказательный анализ семантики древних орнаментов сегодня практически не обеспечен ни методологическими, ни методическими разработками. Все выводы, полученные в этой сфере исследований, являются в очень большой мере гипотетическими. Более того, сегодня, как мне кажется, затруднительно было бы даже попытаться наметить тот путь (помимо изучения этнографии), на котором решение этих задач могло бы быть найдено. Вероятно, эта сторона орнамента может стать объектом, доступным для широкого исследования только в будущем.

С другой стороны, очевидно, что сегодня имеются вполне реальные и методологические, и методические исследовательские возможности для специального, целенаправленного и доказательного исследования именно **социоэтнокультурного аспекта древних орнаментов**, главным образом, по археологическим материалам. В этом направлении, вероятно, и было бы сегодня наиболее целесообразно сосредоточить усилия исследователей. При этом следует подчеркнуть, что реальным фундаментом раскрытия социально-культурного содержания орнамента является изучение его особенностей, входящих в понятие **"форма орнамента"**, которая в большой мере определяется именно его содержанием.

Историко-культурный подход к изучению гончарства позволил выделить основной исследовательский элемент, на котором базируется изучение любого исторического источника для получения объективных и доказательных выводов. Таковым элементом является "культурная традиция".

Специальная литература, посвященная анализу понятия "культурные традиции" и самих культурных традиций в конкретных обществах, чрезвычайно обширна [16;17]. Эта тема нашла отражение даже в специальных историографических работах [18].

Обсуждение сильных и слабых сторон различных определений этого понятия увело бы нас слишком далеко в сторону от рассматриваемой темы. Поэтому я ограничусь тем, что приведу здесь (без обоснования) определение данного понятия, которое, как мне кажется, наиболее полно отражает смысл стоящего за ним историко-культурного явления. А именно: "культурная традиция" - это научно-исследовательское понятие для обозначения сложившейся в обществе естественным путем системы представлений, во-первых, об обязательных способах деятельности человека при решении той или иной практической задачи и, во-вторых, о виде получаемых при этом результатов.

Обобщая изложенные выше представления о форме орнамента на глиняной посуде, можно попытаться дать систематику культурных традиций в области орнаментальной стилистики на самом общем уровне ее анализа.

Несмешанные традиции

I направление:

I.1 - поверхность сосуда оставляется целиком без орнамента (усл. обознач. - б/о).

II направление:

II.1 - использование только графического орнамента (Г);

II.2 - использование только расписного орнамента (Р);

II.3 - использование только скульптурного орнамента (С).

Смешанные традиции в рамках II направления:

II.1+II.2 - сочетание на сосуде графического и расписного орнаментов (Г+Р);

II.1+II.3 - сочетание на сосуде графического и скульптурного орнаментов (Г+С);

II.2+II.3 - сочетание на сосуде расписного и скульптурного орнаментов (Р+С);

II.1+II.2+II.3 - сочетание на сосуде графического, расписного и скульптурного орнаментов (Г+Р+С).

Смешанные традиции I и II направлений:

I.1+II.1 - сочетание на сосуде участков без орнамента и с графическим орнаментом (б/о+Г);

I.1+II.2 - сочетание на сосуде участков без орнамента и с расписным орнаментом (б/о+Р);

I.1+II.3 - сочетание на сосуде участков без орнамента и со скульптурным орнаментом (б/о+С);

I.1+II.1+II.2 - сочетание на сосуде участков без орнамента с графическим и расписным орнаментами (б/о+Г+Р);

I.1+II.1+II.3 - сочетание на сосуде участков без орнамента с графическим и скульптурным орнаментами (б/о+Г+С);

I.1+II.2+II.3 - сочетание на сосуде участков без орнамента с расписным и скульптурным орнаментами (б/о+Р+С);

I.1+II.1+II.2+II.3 - сочетание на сосуде участков без орнамента с графическим, расписным и скульптурным орнаментами (б/о+Г+Р+С).

По этому списку легко заметить, что разные смешанные культурные традиции относятся к различным по глубине уровням смешанности. Как было установлено А.А.Бобринским, смешанные культурные традиции в гончарстве образуются путем "срачивания" более простых традиций в результате смешения их носителей [1]. Опираясь на знание этого механизма, представляется возможным выделить общую последовательность и четыре основных этапа формирования этих традиций во времени (табл.1). При этом следует обратить внимание на то, что речь здесь

идет именно о последовательности **формирования**, а не о последовательности **бытования** этих традиций, которая зависит в каждом случае от конкретной исторической ситуации.

Таким образом, в рамках указанных четырех этапов развития общей структуры орнамента допустимо фиксировать на древней керамике по меньшей мере 15 видов несмешанных и смешанных культурных традиций. Важно подчеркнуть, что речь здесь идет о **самом общем уровне систематики орнаментов**. В действительности, каждый из отмеченных способов создания декора допускает чрезвычайно глубокую, многоуровневую детализацию, рассмотреть которую в рамках статьи не представляется возможным.

В связи с развитием древних орнаментов на посуде следует обратить внимание еще на один момент. Поскольку основные технологически различные способы создания декора (графического, расписного, скульптурного или без орнамента) сформировались за пределами гончарства и много раньше его возникновения, то они (по крайней мере, теоретически) могли **первоначально** попасть на древнейшую глиняную посуду уже **в готовом виде** - как в несмешанном, так и в смешанном. Например, только "графический" или только "расписной" орнаменты на сосудах, или "графический + без орнамента", "графический + расписной" и т.п.

Основной источниковедческий вопрос, который перед нами возникает и на который нужно попытаться дать ответ, формулируется следующим образом: **какого рода исторические явления стоят за фактами "срачивания" ("смешения") разных культурных традиций в сфере декорирования глиняной посуды?**

Для этого обратимся к археологическим данным. Все приведенные выше виды несмешанных и смешанных орнаментальных стилистических традиций широко представлены в древнем гончарстве населения разных районов Земного шара.

Начнем с материалов, характеризующих разные направления развития представлений о поверхности сосуда как особом орнаментальном пространстве - *без орнамента и с орнаментом*.

В настоящее время выделение этих двух систем представлений в "чистом" виде для эпохи древнейшего гончарства затруднительно из-за сложности отделения образцов наиболее ранней глиняной посуды в керамических коллекциях. Однако положение облегчается тем, что между этими полярными точками лежит, как уже отмечалось, широчайший спектр промежуточных состояний, отражающих то или иное сочетание обеих систем представлений. В частности, для известной сегодня наиболее ранней посуды разных районов Земного шара характерно абсолютное преобладание какой-либо одной системы взглядов. Такие случаи уже легко поддаются фиксации по конкретным керамическим коллекциям. Например, основная масса керамики культуры сотто (эта культура была распространена на Ближнем Востоке на рубеже VII и VI тыс. до н.э.) почти лишена орнамента на поверхности сосудов [19, с.138-141]; это же характерно для наиболее ранней посуды Северного Прикаспия [20], Верхнего Поволжья [8; 21] и многих других районов. Наряду с этим, ранне-неолитическая посуда, практически целиком покрытая орнаментом, характерна для культуры дзёмон в Японии [22], культуры сперрингс в Финляндии и Карелии [23], ранней культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной зоны Восточной Европы [24] и т. д. Число тех и других примеров можно значительно увеличить.

Столь же многочисленные примеры история древнего гончарства дает для характеристики разных способов воспроизведения орнамента на поверхности сосудов из глины, а также - случаев различного сочетания этих способов друг с другом на одном сосуде.

Археология знает множество примеров, когда посуда украшена или только графическими орнаментами (например, посуда упоминавшейся уже культуры с ямочно-гребенчатой керамикой), или почти исключительно расписными орнаментами - типа посуды халафской культуры в Месопотамии [25, с.230-261]. По-другому обстоит дело с распространением скульптурных орнаментов на посуде. Сегодня неизвестны неолитические культуры, сосуды которых имели бы только скульптурный орнамент. Однако можно привести примеры культур, где такой орнамент на посуде (в сочетании с другими его видами) представляет собой достаточно массовое явление. Речь идет о некоторых культурах Южной Америки [26] и Китая [27], где не только была широко распространена традиция нанесения скульптурного орнамента на посуду, но часто и са-

ми сосуды изготавливались не как тела вращения, а представляли собой "сосуды-скульптуры".

Неизмеримо больше известно случаев, когда различные принципы декорирования поверхности глиняной посуды оказываются соединенными вместе в пределах одного конкретного сосуда, т.е. когда имеет место факт "сращивания" разных культурных традиций в этой области гончарства. Одним из ярких примеров такого рода могут служить сосуды трипольской культуры, на которых часто не только сочетаются графический и расписной орнаменты, но также известны многочисленные факты, когда нанесенный первоначально графический орнамент затем "расписывался" (точнее, его углубления целенаправленно заполнялись) с помощью разведенной белой глины [28, с.182 и сл.]. Аналогичные факты - совмещение на одном сосуде графического и расписного орнаментов - широко известны и в других нео-энеолитических культурах Юго-восточной Европы [29, с.205-247], а случаи сочетания расписного и скульптурного орнаментов (помимо приведенных выше) известны, например, на керамике халафской культуры на территории Ближнего Востока [25, с.230-261].

Остановлюсь более подробно на одном сюжете. Выше было высказано предположение, что иногда основные виды орнамента могли изначально попасть на посуду уже в сложном, многокомпонентном виде, т.е. в виде, отражающем факт "сращивания" еще в предшествующую эпоху разных способов создания декора на тех или иных предметах материальной культуры. Например, "графический + без орнамента", "графический + расписной" и т.п.

Если под этим углом зрения рассмотреть древнейшую (известную сегодня) керамику Ближнего Востока - керамику культуры сотто, то мы обнаружим, что в преобладающем числе случаев посуда вообще лишена какого-либо орнамента, иногда встречаются сосуды "без орнамента" в сочетании со "скульптурным" орнаментом и очень редко фиксируются сосуды, на которых часть поверхности лишена орнамента, а другая покрыта расписным орнаментом [19, с.134-141]. Не менее показательную картину дает анализ хассунской керамики. Основная масса ее лишь частично покрыта орнаментом. В частности, на ней зафиксировано 37 видов расписного орнамента, 7 видов скульптурного орнамента, 5 видов графического орнамента и только в одном единственном случае на сосуде, происходящем не из самого раннего горизонта памятника, зафиксировано сочетание графического и расписного орнаментов [25, с.87-114].

Таким образом, на наиболее древней посуде отмечены только редкие случаи сочетания скульптурного или расписного орнаментов с участками поверхности без орнамента, эта же традиция сохраняется и позднее, получая постепенно более широкое распространение. При этом факты совмещения разных видов орнамента на одном сосуде практически отсутствуют. Единственным, достаточно широко распространенным явлением в древнейшую эпоху было сочетание на поверхности сосуда традиций двух разных направлений в развитии декора - "б/о + орн". Справедливости ради следует заметить, что в эту раннюю эпоху такое сочетание могло быть следствием не столько "сращивания" этих традиций, сколько отражением процесса "освоения" древними мастерами поверхности сосуда как особого орнаментального пространства. Сходная внешне (но не по существу) картина наблюдается в древнейшую эпоху развития гончарства и на территории центральной части лесной зоны Восточной Европы.

Для неолитической посуды Верхнего Поволжья наиболее характерны несмешанная традиция второго направления - II.1 (т.е. использование только графического орнамента) и смешанная традиция I и II направлений - I.1 + II.1 (т.е. сочетание на сосуде участков без орнамента и с графическим орнаментом), значительно реже была распространена несмешанная традиция I направления - I.1 (т.е. когда поверхность сосуда остается целиком без орнамента).

На основании анализа этих традиций попытаемся выяснить; как меняется во времени соотношение доли орнаментированных и неорнаментированных участков на глиняной посуде (рис.1). Судя по имеющимся в моем распоряжении данным, эта посуда в разные периоды неолита имела существенные особенности в степени распространенности разных подходов к решению задачи декорирования ее поверхности. Присутствие на поверхности сосудов значительных неорнаментированных участков характерно, во-первых, для времени формирования верхневолжской культуры (I период неолита), во-вторых, для среднего этапа в истории культуры с ямоч-

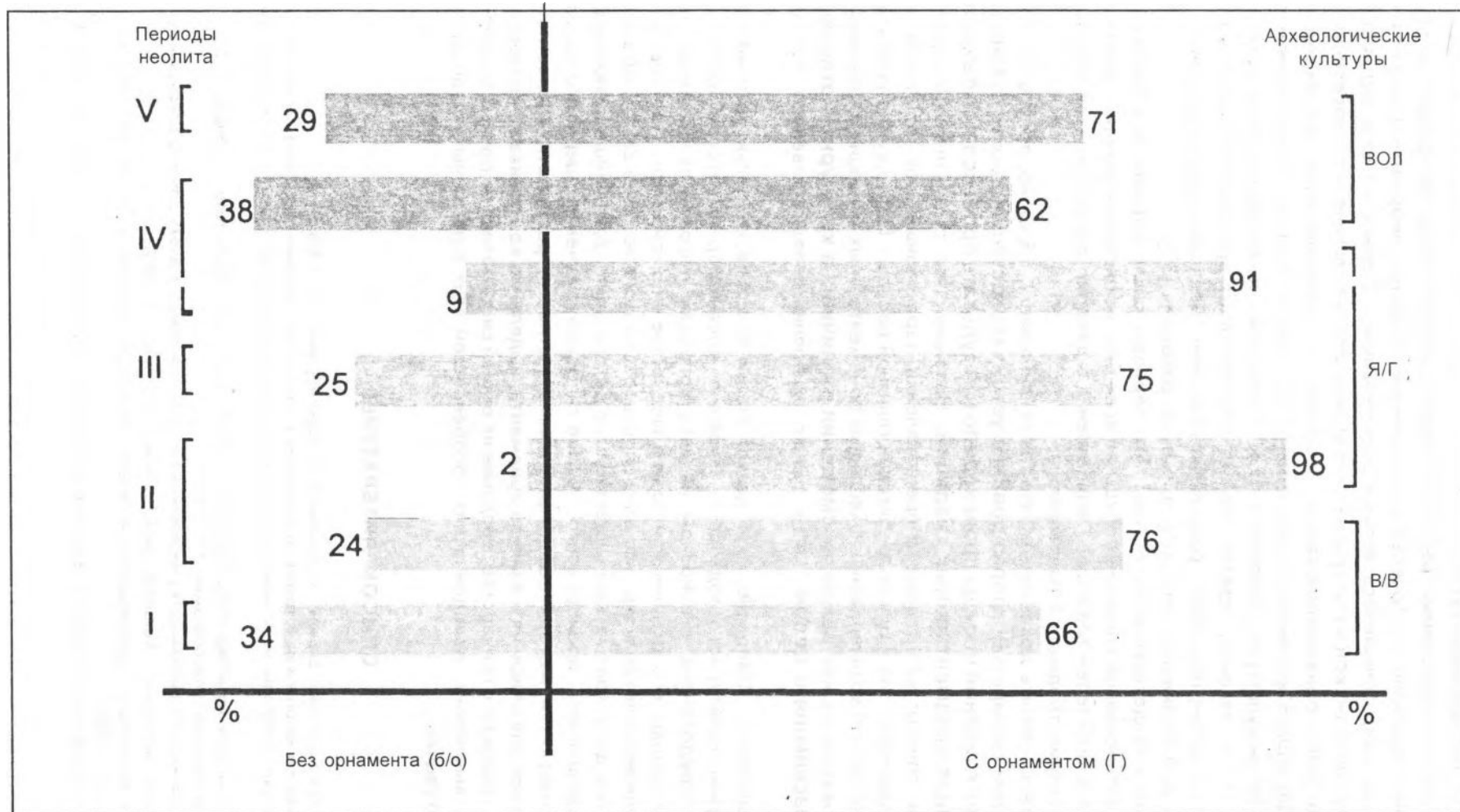

Рис. 1. Динамика во времени культурных традиций I.1 (б/о) и II.1 (Г) в гончарстве неолита Верхнего Поволжья
 Условные обозначения: Вол - волосовская; Я/Г - ямочно-ребенчатая;
 В/В - верхневолжская

но-гребенчатой керамикой (III период неолита) и, в-третьих, для раннего этапа развития волосовской культуры (IV период неолита).

Таким образом, в истории населения Верхнего Поволжья выделяются, по крайней мере, три периода, когда влияние традиций I направления (сохранение обширных неорнаментированных участков поверхности сосудов) становилось весьма значительным. Первый из этих периодов связан со сложением верхневолжской культуры на основе местного неолитического населения с неорнаментированной и слабо орнаментированной посудой с органическими добавками и пришлого населения, делавшего керамику с шамотом [8;21], второй период - с появлением в Верхнем Поволжье носителей культуры с "редкоямочной" керамикой с примесью крупной дресвы в формовочной массе [7] и, наконец, третий период соответствует времени формирования волосовской культуры при участии носителей традиций изготовления "редкоямочной тонкостенной" (протоволосовской - по Д.А.Крайнову) посуды с примесью раковины [30].

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что периоды распространения в Верхнем Поволжье слабо орнаментированной глиняной посуды во всех без исключения случаях связаны с распространением здесь носителей традиций I направления в декорировании глиняной посуды и их контактами с носителями традиций II направления.

Таким образом, можно считать доказанным, что (за исключением, вероятно, только самых первых этапов в истории гончарства) **формирование устойчивых смешанных традиций в области декорирования глиняной посуды происходило в результате процессов смешения самих носителей разных орнаментальных традиций.** Напомню, что стилистические орнаментальные традиции в гончарстве отражают представления, характерные для общества в целом, - как для производителей, так и для потребителей глиняной посуды. Поэтому (по крайней мере, для доремесленной эпохи) возникновение смешанных орнаментальных традиций на глиняной посуде допустимо рассматривать как результат **смешения различных в культурном отношении групп древнего населения в целом,** а не только смешения непосредственных производителей этой посуды.

Подведем некоторые итоги. Напомню, что данная статья имела своей целью изложение опыта применения историко-культурного подхода к изучению древних орнаментов. В связи с этим внимание было сосредоточено в основном на двух вопросах - что такое орнамент (в частности, на посуде) и каковы его основные источниковедческие возможности. Поскольку в целом статья носит вступительный характер, все эти вопросы рассматриваются на самом общем уровне, хотя каждый из них допускает весьма существенную детализацию. Дальнейшее движение в этом направлении предполагает, прежде всего, более глубокое изучение широкого круга конкретно - методологических и методических проблем, в частности, разработку целостной системы понятий и терминов для описания и анализа орнамента, выделение комплекса качественно разных орнаментальных традиций в гончарстве, создание их общей систематики на разных уровнях иерархии и, как вывод, выяснение поведенческих особенностей этих культурных традиций в разных исторических ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. М., 1980.
3. Бобринский А.А. Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюль-тепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
4. Салугина Н.П. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988.
5. Васильева И.Н. Технология гончарного производства населения Волжской Болгарии в X - XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.
6. Волкова Е.В. Технология и морфология керамики фатьяновских племен: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.

7. *Цетлин Ю.Б.* Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. N 4.
8. *Цетлин Ю.Б.* Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА. 1982. Вып. 169.
9. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
10. *Ломан В.Г.* Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993.
11. *Бобринский А.А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
12. *Бобринский А.А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
13. *Бобринский А.А.* Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Степь и лесостепь. Самара, 1991.
14. *Волкова Е.В.* Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Куйбышев, 1991.
15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973.
16. *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. N2.
17. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
18. *Осипова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985.
19. *Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
20. *Васильев И.Б. Выборнов А.А.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
21. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация раннего неолита Верхнего Поволжья (по данным изучения керамики) // В данном сборнике.
22. *Kidder J.E.* Prehistoric Japanese Art: Jomon Pottery. Tokyo, 1968.
23. *Панкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Т.2. Неолит. Л., 1978.
24. *Раушенбах В.М.* Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы: Труды ГИМ. М., 1970. Вып. 44.
25. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
26. *Доппан С.В.* Moche Art of Peru. Los Angeles, 1978.
27. *Кашина Т.И.* Керамика культуры яншао. Новосибирск, 1977.
28. *Энеолит СССР. Археология СССР.* М., 1982.
29. *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т.1. Каменный период. М., 1973.
30. *Крайнов Д.А.* К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. N2.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Y. B. Tsetlin

**THE GENERAL PRINCIPLES
OF DECORATION OF THE ANCIENT POTTERY
(first approach to the problem)**

Summary

The article deals with the main principles of historical-cultural approach to the analysis of pottery decoration. A lot of attention has been concentrated upon three questions: 1 - definition of the concept "ornament" and of its content, 2 - overall systematization of cultural and stylistic traditions in pottery decoration and 3 - the ancient ornament as a source of historical information.

The discussion is based upon the results of the data obtained in the process of the analysis of the main cultural traditions in ancient pottery decoration in the Middle East and in the Forest zone of Eastern Europe in the Early Neolithic.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

М. Г. Жилин

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ “ШИГИРСКОГО” ТИПА В МЕЗОЛИТЕ И РАННЕМ НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Термин “наконечники стрел шигирского типа” давно и прочно утвердился в литературе, посвященной каменному веку Восточной Европы и сопредельных территорий. Вместе с тем, до сих пор они не были предметом специального исследования. Еще недавно число этих изделий было сравнительно невелико, и лишь небольшая их часть происходила из хорошо раскопанных памятников с надежной стратиграфией и ясной надежной культурной принадлежностью, датированных методами естественных наук.

Благодаря исследованиям, проведенным за последние десятилетия в Прибалтике, в Восточном Прионежье и в Волго-Окском междуречье, ситуация коренным образом изменилась. Резкое увеличение количества разнообразных наконечников, традиционно относимых к этому типу, позволяет выделить варианты этих изделий, уточнить территорию их распространения и принадлежность к определенным культурам мезолита и раннего неолита. Появление новых радиоуглеродных и палинологических датировок дает возможность определить хронологические рамки выделенных вариантов и соотнести их с намеченными периодами развития мезолита.

В настоящее время известно более сотни наконечников, традиционно относимых к “шигирскому” типу, происходящих из мезолитических и ранне-неолитических памятников Восточной Европы. Их можно разделить на несколько типов и вариантов (рис.1). В качестве типобразующего признака использовалась общая форма, точнее, конструкция изделия. Наконечники первого типа (рис.1,1-13) состоят из головки, четко выраженного стержня и насада. В дальнейшем этот тип мы называем наконечниками с биконической головкой. Второй тип (рис.1,14-16) отличается от первого отсутствием стержня, головка переходит непосредственно в насад. Изделия этого типа можно назвать приближающимися к биконическим. Первые обычно довольно длинные, а вторые короткие.

Различия, не затрагивающие общую конструкцию наконечника, послужили основанием для выделения вариантов. К ним относятся детали оформления головки, наличие пазов для вкладышей, детали оформления насада.

Наконечники с биконической головкой представлены следующими вариантами (рис.1):

- 1 - наконечники с геометрически правильной гладкой биконической головкой, насад конический;
- 2 - то же с пазом для вкладышей;
- 3 - наконечники с правильной биконической головкой, в наиболее широкой части рельефный пояс, насад конический;
- 3а - то же, насад плоско срезан с двух сторон;
- 4 - то же, что 3, но с пазом для вкладышей;

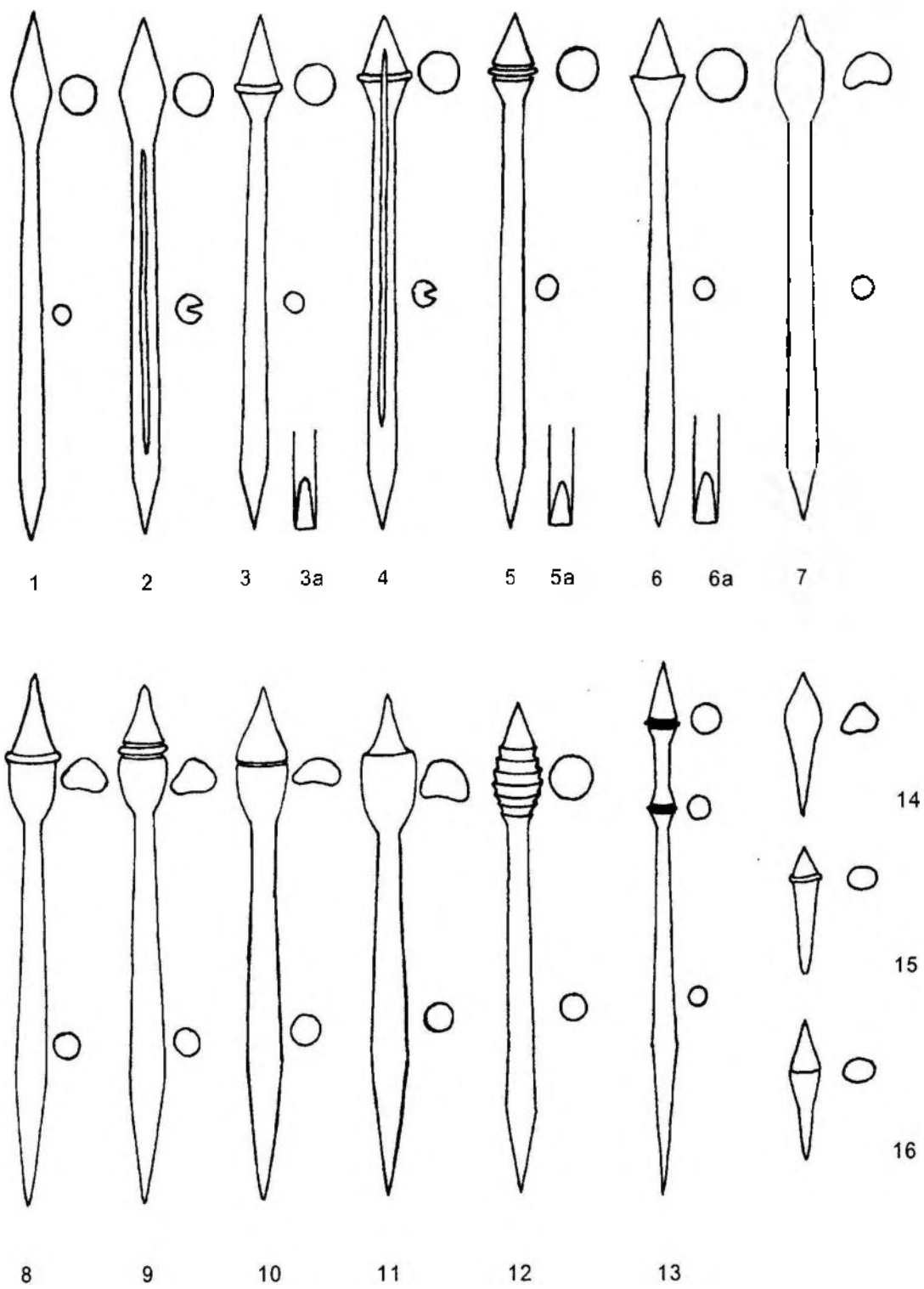

Рис. 1. Варианты наконечников стрел "шигирского" типа

- 5 - наконечники с правильной биконической головкой, в наиболее широкой части рельефный пояс, подчеркнутый кольцевыми канавками, насад конический;
 5а - то же, насад плоско срезан с двух сторон;
 6 - наконечники с правильной биконической головкой, в наиболее широкой части уступ в сторону острия, насад конический;
 6а - то же, насад плоско срезан с двух сторон;
 7 - наконечники с неправильной биконической головкой, насад конический;
 8 - то же, с рельефным пояском в наиболее широкой части;
 9 - то же, рельефный пояс подчеркнут канавками;
 10 - то же, вместо рельефного пояса только канавка в наиболее широкой части;
 11 - то же, в наиболее широкой части уступ в сторону острия;
 12 - наконечники с фигурной биконической головкой, насад конический.

Короткие наконечники, приближающиеся по форме к биконическим, представлены тремя вариантами:

- 1 - с гладкой головкой (рис.1,14);
 2 - с рельефным пояском в наиболее широкой части (рис. 1, 15);
 3 - с канавкой в наиболее широкой части (рис. 1, 16).

Для выяснения культурно-хронологического распределения выделенных вариантов наконечников стрел были отобраны памятники мезолита и раннего неолита, где встречены подобные изделия, удовлетворяющие следующим условиям. Во-первых, памятник (или культурный слой многослойного памятника) должен быть "чистым", то есть не смешанным с материалами других культур или этапов мезолита и неолита. Во-вторых, он должен быть надежно датирован методами естественных наук. Изучение материалов таких, пока еще немногочисленных, памятников позволило составить таблицу 1.

Табл. 1. Встречаемость вариантов наконечников "шигирского" типа в культурах мезолита и раннего неолита (* отмечены варианты, представленные единичными находками)

Культура		Кунда (Нарвская)	Оленеостровский могильник	Веретье	Бутовская (Верхневолжская)
Время					
РАННИЙ НЕОЛИТ (ран. АТ)		8,11 14, 15	?	?	3, 7, 8, 10, 11 14, 15, 16
М Е З О Л И Т	Финальный (нач. АТ)	10	7,8	?	3, 5, 7, 8, 9*, 10, 11 16
	Поздний (позд. ВО)	2*, 3, 7, 12	?	1, 3 15	1, 5, 11, 13
	Средний (ран. ВО)	?	?	1, 3, 4*, 5, 6, 11, 12 14, 15	3, 5, 6, 8, 11, 13
	Ранний (РВ)	1	?	?	?

Анализ этой таблицы показывает, что в Восточной Европе эти наконечники характерны для культур кундской, Веретья, бутовской и Оленеостровского могильника. Для удобства мезолит разбит на четыре этапа: ранний (соответствует пребореальному периоду), средний (приходится на первую половину бореального периода), поздний (соответствует второй половине бореала) и финальный (совпадает с началом атлантического периода). Пятым таким периодом является ран-

ний неолит, соответствующий раннему атлантику. Из таблицы видно, что полностью все периоды не представлены интересующими нас изделиями ни в одной культуре. Это объясняется неблагоприятными условиями для сохранности кости на большинстве памятников, а также недостаточной изученностью мезолита и раннего неолита Восточной Европы. К тому же материалы ряда памятников не опубликованы и не доступны для нашего исследования.

Тем не менее, можно отметить следующее. В культуре кунда на раннем этапе (стоянка Пулли [1]) встречены только наконечники с правильной гладкой биконической головкой и коническим насадом на длинном стержне. В позднем мезолите (стоянка Кунда-Ламмасмяги [2,3]) найден один такой наконечник с пазом для вкладышей, встречены наконечники с правильной и неправильной гладкой биконической головкой и с фигурной головкой. Отнесение единственного короткого гладкого наконечника к мезолитическому слою проблематично, хотя и не исключено. В финальном мезолите наконечники с неправильной биконической головкой встречены в нижнем культурном слое стоянок Оса [4] и Звидзе [5]. На этих же памятниках в слоях ранненеолитической нарвской культуры, складывающейся на основе кундской, встречены наконечники с неправильной биконической головкой с рельефным пояском или с уступом в сторону острия. Там же представлены и короткие наконечники, приближающиеся к биконическим, с гладкой головкой и с рельефным пояском.

В целом, на памятниках кундской культуры наконечники с биконической головкой немногочисленны, среди них наиболее характерны изделия с гладкой головкой. В нарвской культуре эти изделия становятся разнообразнее и играют более заметную роль.

В Оленеостровском могильнике [6], относящемся к финальному мезолиту [7], наконечники с биконической головкой представлены небольшой серией, включающей изделия с неправильной головкой, гладкой или с рельефным пояском. Отсутствие более ранних или поздних памятников этой культуры с костяным инвентарем не позволяет здесь проследить развитие интересующих нас изделий.

В культуре Веретья на раннем этапе, приходящемся на первую половину – середину бореального периода (стоянка Веретье 1 [8]), наконечники стрел с биконической головкой многочисленны и разнообразны. Преобладают изделия с правильной головкой: гладкой и с рельефным пояском, в том числе один с пазом для вкладышей, часто поясок подчеркнут канавками, или имеется уступ в сторону острия. Последние встречаются и с неправильной головкой. Найдены единичные наконечники с фигурной головкой и редкие короткие, приближающиеся к биконическим, гладкие или с рельефным пояском. Насад у всех наконечников конический.

На следующем этапе, относящемся к позднему бореалу (стоянка Нижнее Веретье [9]), по-прежнему, существенную роль играют наконечники с правильной гладкой головкой или с рельефным пояском. Короткие, приближающиеся к биконическим, представлены изделиями с кольцевой канавкой. К сожалению, памятники этой культуры с костяными наконечниками, относящиеся к атлантическому и пребореальному периодам, пока неизвестны.

Бутовская культура дает большое количество разнообразных наконечников стрел с биконической головкой, начиная со среднего этапа (нижние слои стоянок Озерки 16,17, Нушполы 11 [10]), приходящегося на первую половину бореала. Представлены изделия как с правильной, так и с неправильной головкой с рельефным пояском или уступом в сторону острия; наконечники с правильной биконической головкой и с рельефным пояском, подчеркнутым канавками, и с двумя такими головками. На этом этапе чаще встречаются изделия с правильной головкой. Похожий состав этих орудий отмечается и на поселениях второй половины бореала (нижние слои стоянок Окаемово 5, Становое 1 и 4, третий слой стоянки Ивановское 7 [10]).

На поселениях финального этапа бутовской культуры (нижние слои поселений Озерки 5, Окаемово 4 [10], Ивановское 3 [11]) уже преобладают различные варианты наконечников с неправильной биконической головкой: гладкой и с рельефным пояском, в единичных случаях подчеркнутым канавками, или просто с канавкой или уступом в сторону острия. Наконечники с правильной биконической головкой с рельефным пояском, иногда подчеркнутым канавками, редки. Зато получают распространение короткие наконечники, приближающиеся к бикониче-

ским с канавкой в наиболее широкой части. Насады у всех известных наконечников конические.

Почти таким же остается состав наконечников "шигирского типа" на поселениях верхневолжской культуры, складывающейся на основе бутовской (верхневолжские слои стоянок Окаемово 18, Озерки 5, 17 [10], Ивановское 3 [11]). Только наконечники с правильной биконической головкой встречаются еще реже, а короткие, приближающиеся к биконическим, наоборот, становятся многочисленными и разнообразными. Среди последних представлены все три варианта. В конце развития верхневолжской культуры они абсолютно преобладают среди изучаемых в данной работе наконечников стрел.

Таким образом, намечается следующая тенденция развития наконечников стрел "шигирского типа" в лесной зоне Восточной Европы. Наиболее ранние из них появляются уже в пребореале, характеризуются правильной биконической головкой, длинным стержнем и коническим насадом. В раннепребореальное время преобладают эти же варианты, но уже наряду с ними существуют и наконечники с неправильной биконической головкой, а на некоторых памятниках - и редкие пока короткие, приближающиеся к биконическим. Во второй половине бореального периода состав наконечников разнообразен, а в начале атлантика уже преобладают изделия с неправильной биконической головкой и короткие, приближающиеся к биконическим. Они же продолжают развиваться и в раннем неолите, а наконечники с правильной биконической головкой в это время почти неизвестны.

Картографирование находок наконечников "шигирского" типа (рис.2) показывает, что они распространены в лесной зоне Восточной Европы, от Восточной Прибалтики до Среднего Зауралья включительно. При этом за пределами очерченной зоны данные наконечники не встречаются. Вероятно, эта территория соответствует ареалу связей древнего населения, изготовлявшего описанные наконечники стрел. О характере этих связей пока говорить преждевременно, можно только предполагать, что это скорее были контакты между людьми, понимавшими друг друга, а не обмен или "торговля" наконечниками.

Несмотря на крайне неравномерную обследованность очерченной нами территории, уже сейчас можно отметить ряд черт локального своеобразия. Так, для Прибалтики удельный вес этих наконечников сравнительно невысок и характерны, главным образом, изделия с гладкой головкой. В Заонежье, наоборот, роль таких наконечников велика, они разнообразны, преобладают изделия с правильной головкой и рельефным пояском, часто подчеркнутым канавками. То же характерно и для Верхнего Поволжья, но здесь несколько выше доля изделий с неправильной головкой. Примечательно, что во всех названных регионах насад наконечников конический.

Памятники шигирской культуры в Приуралье и Зауралье (Камень Дыроватый, Шигирский торфяник [13]) также дают серии наконечников стрел с правильной биконической головкой и длинным стержнем. Однако, в отличие от восточноевропейских, у этих наконечников насад часто не конический, а плоско срезан с двух сторон. Головка, как правило, с рельефным пояском или уступом в сторону острия. Изделия, у которых поясок подчеркнут канавками, единичны, как и наконечники с двумя биконическими головками.

К сожалению, уральские материалы не имеют надежных датировок, что не позволяет проследить развитие наконечников данного типа в этом регионе. Если же датировать их на основе аналогий с европейскими памятниками с твердо установленной хронологией, то большую их часть, видимо, действительно следует отнести к бореальному периоду, как это предполагал еще А.Я.Брюсов, сопоставляя находки из Шигирского торфяника и Кунды [13].

В итоге можно отметить следующие основные моменты.

1. Представляющийся ранее единым "шигирский тип" наконечников стрел при тщательном анализе распался на два типа, каждый из которых представлен рядом вариантов.

2. Возникая в самом начале мезолита, наконечники с биконической головкой доживают до конца раннего неолита, когда их вытесняют короткие наконечники, приближающиеся к коническим, появившиеся в бореальном периоде.

3. Территория распространения наконечников с биконической головкой охватывает лесную зону Восточной Европы, а также Средний Урал, отражая ареал связей, вероятно, регулярных контактов населения в мезолите и раннем неолите в пределах этой территории.

4. В рамках указанной зоны прослеживается локальная специфика в оформлении наконечников стрел и в их роли, присущая разным культурам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Janits K.* Die mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Potsdam, 1980.
2. *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
3. *Янитс Л.Ю.* Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. 1966. N 126.
4. *Загорский Ф.А., Эберхардс Г.Я., Стелле В.Я., Якубовский И.Я.* Оса - многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
5. *Лозе И.А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
6. *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник // МИА. 1956. N 47.
7. *Oshibkina S.V.* The material culture of the Veretye type sites in the region to the east of lake Onega // The Mesolithic in Europe. Edinburgh, 1989.
8. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
9. *Фосс М.Е.* Стоянка Веретье // Труды ГИМ. М., 1941. Вып.12.
10. *Жипин М.Г.* Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.
11. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Хронология, периодизация и палеогеография переработанных племен центра Русской равнины в голоцене // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
12. *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху камня и бронзы. М., 1956.
13. *Брюсов А.Я.* Очерки по истории Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M. G. Zhilyin

ARROWHEADS OF THE "SHIGIR" TYPE IN THE MESOLITHIC AND EARLY NEOLITHIC OF ESTERN EUROPE

Summary

Investigations performed in the last decades brought to light many arrowheads, traditionally related to the so-called "Shigir" type, coming from homogeneous, well dated sites and cultural layers. Detailed typological analysis, carried out by the author, shows, that they belong to two types. The first is composed of arrowheads with biconical heads, a pronounced stem and a conical or flat base, and has 13 variants (fig.1, 1-13). Artifacts of the second type have no stem and can be called short subbiconical; they are divided into 3 variants (fig.1, 14-16).

Different variants of both types are met only in the forest zone of Eastern Europe and Middle Urals region (fig. 2). They are present among the materials of Kunda, Veretye, Butovo and Shigir cultures and in the early Neolithic. Table 1 shows chronological distribution of variants of these artifacts based on homogeneous sites, dated by C-14 or pollen analysis.

Arrowheads with biconical heads emerge in the early Mesolithic and survive until the end of the early Neolithic, being gradually replaced by short subbiconical arrowheads, which first appear in the middle Mesolithic.

Spatial distribution of these artifacts reflects a vast area of links of ancient population, which produced such arrowheads. The nature of these links is hard to determine now, but direct contacts seem more probable than exchange of arrowheads.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St,
Moscow, 117036, Russia*

А.П.Ланцев, А.В.Мирецкий СТОЯНКА ТРОИЦКОЕ 3 - ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ ТВЕРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В Тверском Поволжье известны сотни мезолитических памятников, десятки из них подвергались раскопкам. Памятников же более раннего времени известны единицы, каждый из них представляет несомненный интерес для исследователей. К числу древнейших относится и рассматриваемый памятник.

Стоянка Троицкое 3 открыта в 1987 г. А.П. Ланцевым и П.Д. Малыгиным [1]. В 1988 г. сборы подъемного материала проведены М.Р. Зотько, Н.В. Левиной и А.В. Мирецким, в 1994 г. - А.П. Ланцевым. Памятник находится в Зубцовском районе Тверской области, в 0.5 км к СВ от д.Троицкое. Стоянка расположена на второй надпойменной террасе левого берега р.Волги и на правом коренном берегу р.Щербахи, на высоте ок. 7 м над уровнем воды в р.Щербахе и ок.18 м над уровнем воды в Волге. Расстояние от современного уреза воды в р.Волге до памятника составляет ок.0.5 км, от устья р.Щербахи - 0.6 км. Устье р.Щербахи расположено примерно в 1 км ниже устья р.Держи (правый берег р.Волги), второго по величине притока Волги в Зубцовском районе.

Центральная и восточная часть памятника распахиваются, западная задернована и поросла смешанным лесом, но в прошлом также распахивалась. Непотревоженный культурный слой выявить не удалось, подъемный материал был собран с пашни на площади 30 x 40 м.

За три года обследования на памятнике найдено 275 предметов из кремня. Сырьем служил высококачественный мелкоструктурный жильный кремень различных оттенков. Больше всего изделий изготовлено из коричневого кремня - 100, лилово-сиреневый, т.н. "старицкий", кремень представлен 62 предметами, также необходимо отметить небольшую (10 экз.) серию изделий из характерного черного кремня, выходы которого широко распространены по берегам р.Волги выше г.Ржева. Такой кремень является основным сырьем на стоянках Петрищево 11 [2] и Филатово 5 [3]. Месторождения "старицкого" кремня прослежены по берегам р.Волги и ее притоков, начиная от верхней границы г. Ржева до т.н. Старицких ворот ниже г.Старицы. Ближайшие мощные выходы лилового кремня зафиксированы по обоим берегам р.Держи в ее нижнем течении [1]. Месторождения коричневого кремня близ рассматриваемого памятника не выявлены.

Группа нуклеусов и технологических сколов включает в себя торцевой двухплощадочный нуклеус от микропластин со скошенными, подправленными ретушью площадками (рис.3,4); подпризматический двухплощадочный нуклеус кругового скалывания от пластин и отщепов, одна

из площадок со следами оживления (рис. 3,5); заготовку подпризматического нуклеуса с уплощенным тыльным фасом; 3 нуклевидных куска; 12 сколов оживления и 6 ребристых пластин. Сработанный двухплощадочный призматический нуклеус от пластин несет многочисленные следы использования в качестве ретушера.

Группа отходов и полуфабрикатов включает в себя 29 ножевидных пластин (в т.ч. обломки), 38 неправильных пластин, 101 отщеп и осколок кремня. Среди правильных пластин преобладают изделия шир.10-20 мм, среди неправильных - шир. 15-25 мм. Для изготовления орудий в равной мере использовались и ножевидные и неправильные пластины шир.15-30 мм. На пластинах изготовлено подавляющее большинство орудий. Всего изделий со вторичной обработкой найдено 83, что составляет немногим менее трети коллекции; среди них на отщепах изготовлено 10 изделий, на ребристых пластинах 5; 66 орудий изготовлено на пластинах, 1 - на нуклеусе.

Наибольшее распространение на стоянке Троицкое 3 получили резцы, их найдено 15 экземпляров; среди них 11 орудий изготовлено на пластинах, 2 - на ребристых пластинах и 2 - на отщепах, одно из них на первичном отщепе коричневого кремня (рис.1,8). Найдено 4 срединных резца, два из них со смещением сколов от центральной оси изделия (рис. 1,3, 8), два других, один из которых в комбинации с тонким сколом на сломе массивной пластины с коркой (рис.1,7), представляют собой классический вариант изделий данного типа (рис.1,2). По величине сколов преобладают угловые резцы (рис.1,4-6;2,3). По характеру оформления площадки скалывания представлены следующие варианты: косоретушные (рис. 1,4-5;2,3), поперечноретушный, на углу заготовки(рис.1,4), на сломе заготовки (рис.1,1,5-6;4,1). Преобладают орудия с несколькими резцовыми сколами (рис.1,4-6;2,3). В единичном экземпляре встречено орудие, у которого резцовые сколы на сломе пластины дополняются плоскими сколами на брюшке (рис.1,6).

Скребок найдено 7. 5 орудий концевые, изготовлены на пластинах, имеют дугообразные лезвия (рис.2,1-2). У одного из скребков (рис.1,2), помимо обработки на спинке, на брюшке прослеживаются отдельные фасетки ретуши и заломы на лезвийной части, возникшие, вероятно, от работы по твердому материалу. Один концевой скребок изготовлен на ребристой пластине. Кроме того, найдены боковой скребок на отщепе и угловой микроскребок на пластине.

Группа перфораторов представлена в коллекции 4 орудиями: симметричным сверлом с невыделенной рабочей частью на бугорке ребристой пластины (рис.2,4), орудие обработано противоположащей ретушью; асимметричным сверлом с выделенным противоположащей ретушью жальцем на неправильной пластине (рис.2,8); асимметричным сверлом с выделенным рабочим краем на пластине, с притупленными ретушью краями (рис.2,5); проколкой с симметричным невыделенным жальцем, обработанным мелкой крутой ретушью на спинке неправильной пластины.

Единственный в коллекции скобель выполнен на сечении правильной пластины и имеет широкую мелкую выемку (рис.2,6).

Также в единственном экземпляре встречена пластина с затупленным ретушью концом, ретушь нанесена с брюшка и спинки (рис.2,7).

Среди комбинированных орудий, которых найдено 5, встречены следующие варианты: скребок концевой - скобель - резчик (рис.3,2), причем резчик оформлен крутой краевой ретушью; скребок концевой - проколка, жальце которой оформлено резцовым сколом и крутой краевой ретушью (рис. 3,3); скребок концевой - скобель многовыемчатый на массивной ножевидной пластине (рис.3,9); скребок концевой - резец боковой косоретушный на отщепе (рис.3,1), причем на брюшке лезвийной части скребка прослежены ретушь и заломы, аналогичные выявленным на одном из скребков данной коллекции (рис.2,2); перфоратор - пилка на ребристой пластине (рис. 3,8). Чаще всего в комбинации с другими орудиями встречаются скребки.

Среди пластин с нерегулярной и частичной ретушью, которых найдено 38 экземпляров, стоит выделить орудие на неправильной пластине с ретушью на брюшке, служившее, вероятнее всего, ножом (рис.3,7).

Кроме того, в коллекции представлена пластина со скошенным ретушью концом (рис. 3,6) и 6 отщепов с ретушью.

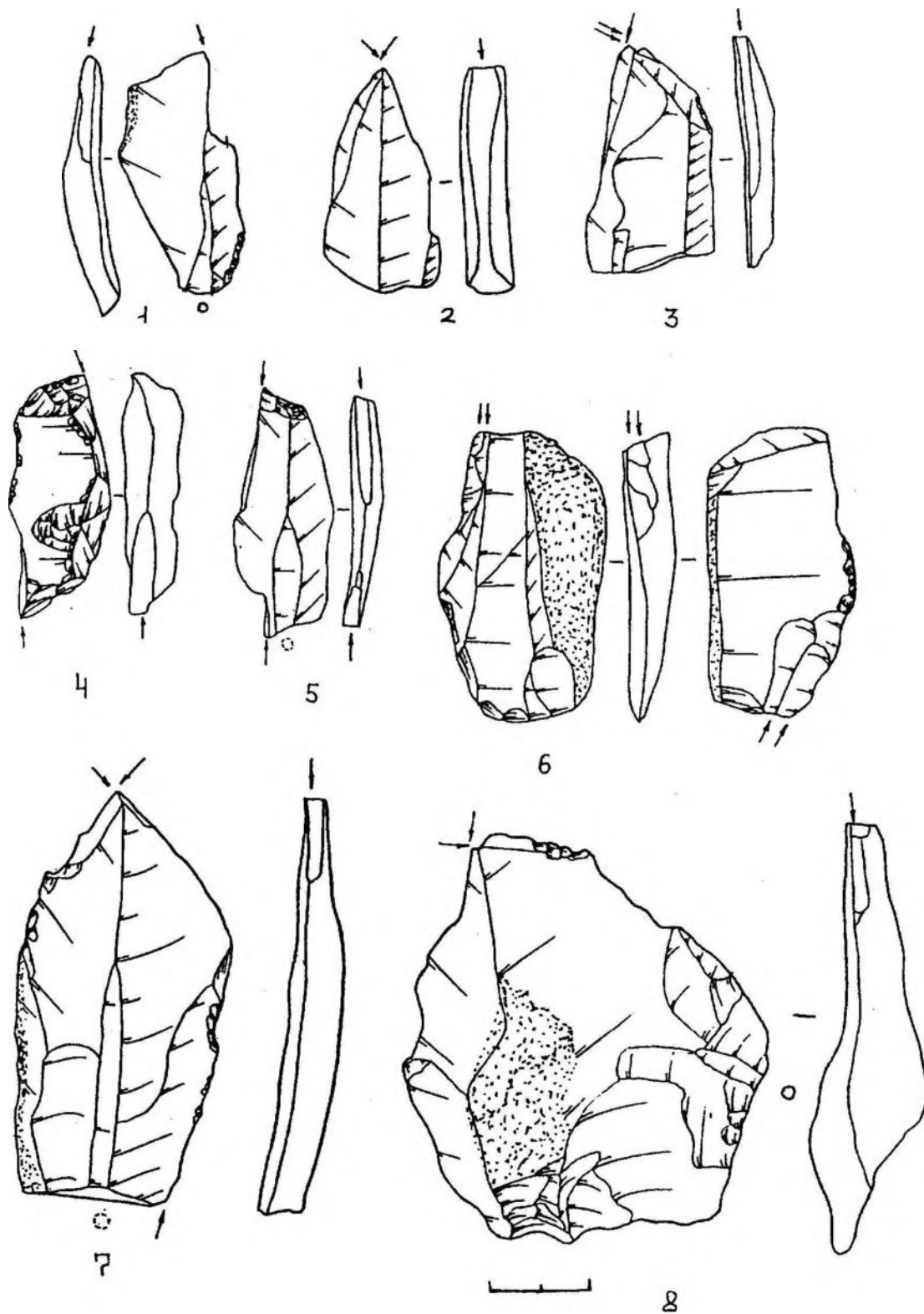

Рис. 1. Стоянка Троицкое 3. Резцы. Кремь

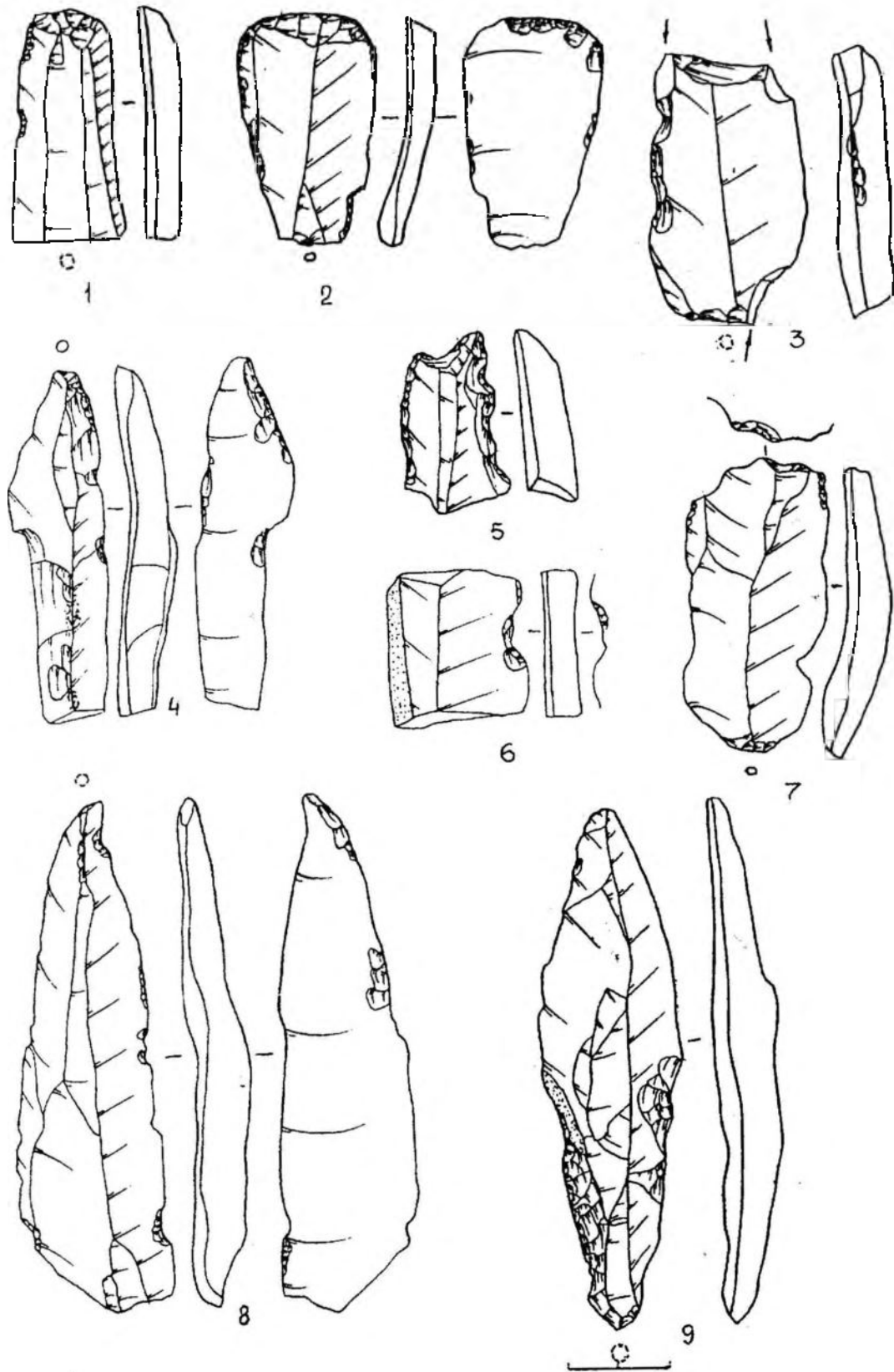

Рис. 2. Стоянка Троицкое 3. Орудия: 1-2 - скребки; 3, 5 - резцы, 4, 8 - сверла; 6 - скобель; 7 - пластина с затупленным ретушью концом; 9 - наконечник стрелы или дротика. Кремь

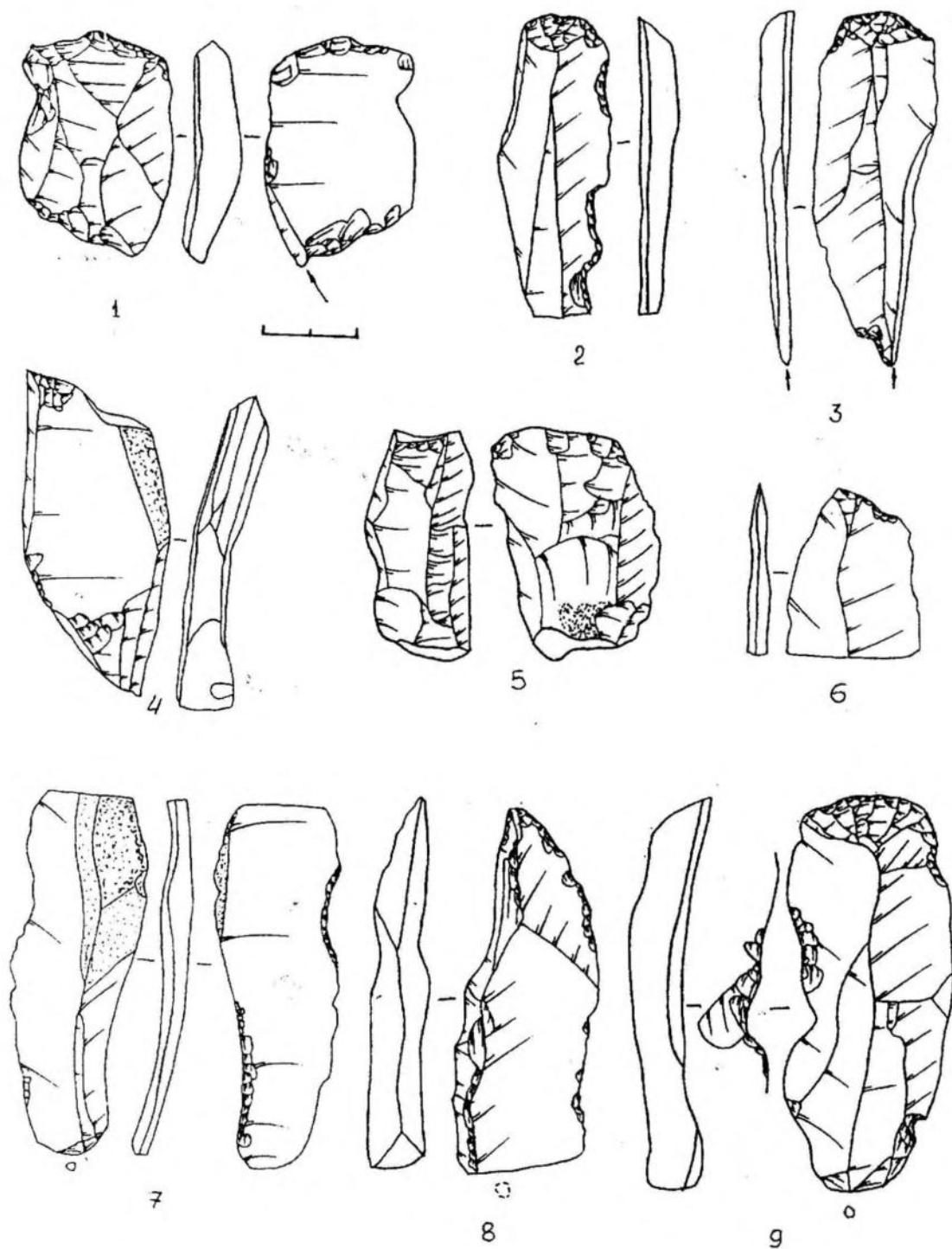

Рис. 3. Стоянка Троицкое 3. Инвентарь: 1 - скребок-резец; 2 - скребок-скобель-резчик; 3 - скребок-проколка; 4-5 - нуклеусы; 6 - пластина со скошенным ретушью концом; 7 - нож; 8 - перфоратор-пипка; 9 - скребок-скобель. Кремль

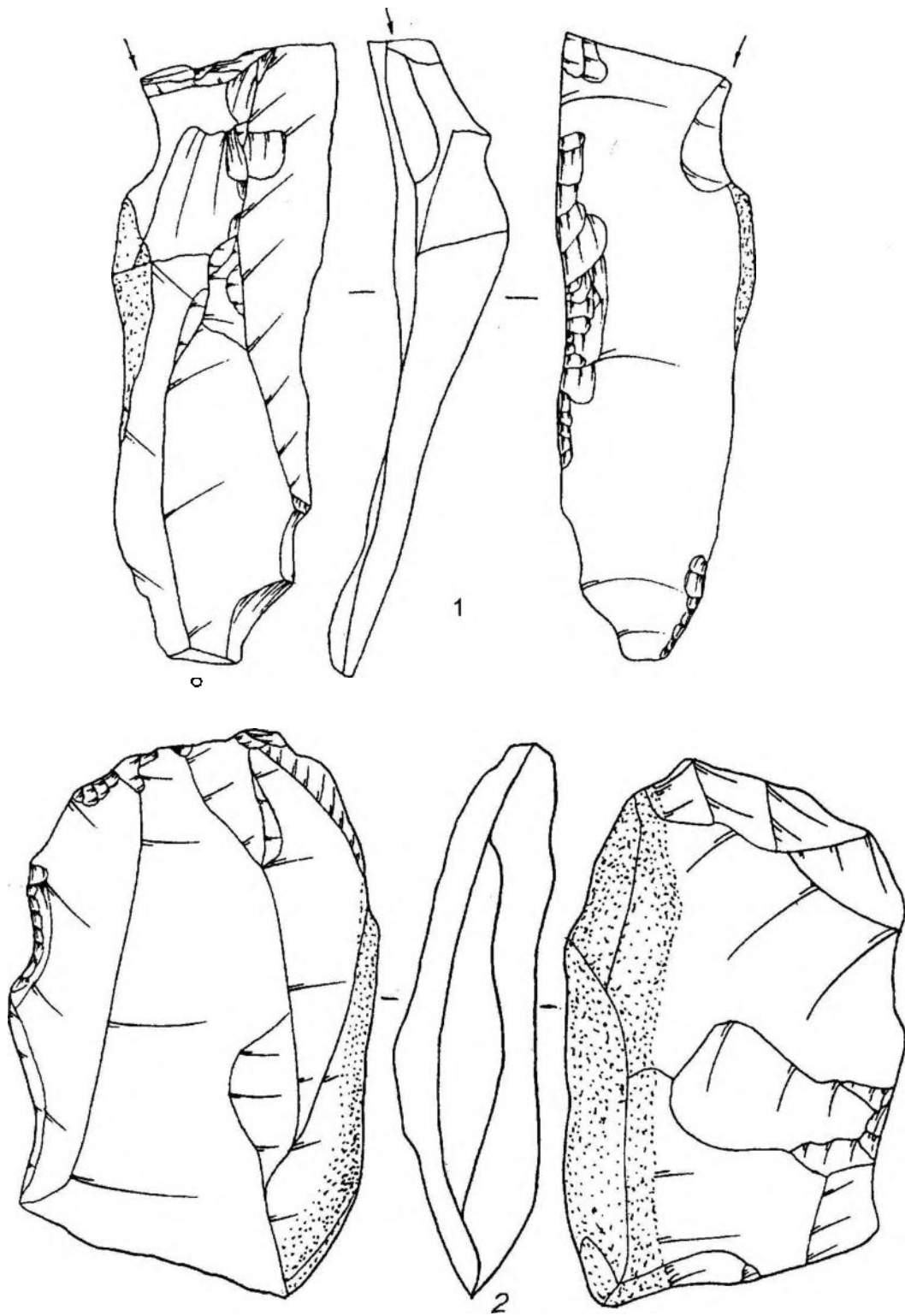

Рис. 4. Стоянка Троицкое 3. Орудия: 1 - резец; 2 - заготовка топора. Кремьнь

Одним из наиболее ярких изделий, найденных на памятнике, является заготовка прямоугольного, толстообушного топора с прямым, скошенным лезвием из нуклеуса (рис.4,2). Один из фасов имеет негативы предыдущих снятий, характерных для нуклеуса, другой фас обработан поперечными уплывающими сколами. Лезвие не имеет специальной обработки. Тип заготовки и техника обработки данного орудия характерны для ранних этапов развития рубящих.

Наибольший интерес обычно вызывает охотничье вооружение, являющееся наиболее устойчивым датированным и культуроопределяющим признаком. На стоянке Троицкое 3 найден крупный наконечник стрелы (дротика ?), изготовленный на массивной неправильной пластине, черешок орудия обработан крутой ретушью на спинке; несколько фасеток на брюшке, вероятнее всего, носят случайный характер (рис.2,9). Перо наконечника оставлено без обработки, длина черешка составляет половину общей длины орудия, размеры которого 10.5 x 2.7 см. Наконечники подобного облика характерны для культуры Лингби, относящейся к финальному палеолиту. Среди опубликованных материалов ближайшей аналогией указанному наконечнику являются орудия, найденные на стоянке Подол III, расположенной непосредственно у выхода р.Волги из оз.Волго [4,с.36-41]. Большое сходство по форме и технике обработки прослеживается с наконечником со стоянки Маскаука 6 [5,с.23,рис.9,1], отнесенной Р.К.Римантене к прибалтийскому мадлену и датированной на основании аналогий с материалами Польши и Германии концом алперёда - поздним дриасом [5,с.33].

В заключение выделим характерные черты рассматриваемого памятника:

- 1) пластинчатый характер индустрии;
- 2) наличие наконечника типа Лингби;
- 3) резкое преобладание резцов над скребками;
- 4) разнообразие форм резцов, наличие срединных форм;
- 5) наличие заготовки топора архаичного типа;
- 6) нетипичное для мезолита топографическое положение памятника;
- 7) небольшая площадь памятника и слабая насыщенность слоя кремневыми изделиями.

Указанные черты позволяют предварительно датировать стоянку Троицкое 3 финальным палеолитом, что ставит памятник в группу древнейших в Тверском Поволжье. Необходимо также отметить географическое положение памятника в регионе - он находится в 15 км по прямой от устья р.Вазузы, служившей, вероятно, одним из основных путей проникновения древнейшего населения в Верхневолжье с юга. Другой путь проникновения - вверх по Западной Двине с переходом на Волгу - фиксируется стоянкой Подол III, а также близкими по времени и культурным особенностям стоянками Теплый ручей 1,2 [1;6], расположенными несколько ниже по Волге и приуроченными к мощным выходам кремня в цоколе террасы.

Можно надеяться, что дальнейшие сборы подъемного материала и поиски остатков непо потревоженного культурного слоя будут успешны и позволят уточнить датировку и культурную принадлежность стоянки Троицкое 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирецкий А.В. Отчет о раскопках и разведках в Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N 12262.
2. Воробьева В.М. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калининской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N 8485.
3. Мирецкий А.В. Отчет о раскопках поселений каменного века у д. Филатово Ржевского района Калининской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N 11319.
4. Синицына Г.В. К вопросу о генезисе Валдайской культуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1.
5. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
6. Мирецкий А.В. Отчет о раскопках стоянки-мастерской Теплый ручей 1 в Селижаровском районе Калининской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N 12678.

*Тверской государственный
объединенный музей,
ТОО "Терра", Тверь*

A.P. Lantsev, A.V. Miretsky

**TROITSKOYE 3 SITE - ONE OF THE MOST
ANCIENT MONUMENTS OF THE
TVER-VOLGA REGION**

Summary

One of the oldest settlements ever discovered in the Tver-Volga area - Troitskoye 3 site - is surveyed in the article. The site is located on the second terrace over the flood-land (the Volga's left shore) and far off from the river. The typological analysis of the flint tools found in the material excavated lead the authors to the conclusion that the monument under survey could be positioned within the Final Paleolithic period. This assumption is based on the blade-type qualities of the industry and an unusual topographic position of the monument along with the Lingby-type arrowheads and an archaic core-shaped axe found there. The number of burins discovered on the site prevails over the number of scapers - yet another proof of the assumption made.

Further examination of the monument will help to define its cultural origins and the date of its foundation.

*The Tver State Associated Museum'
5, Sovyetskaya St.,
Tver, 170640, Russia
Partnership "Terra" Ltd*

Е. А. Спиридонова, А. С. Алешинская ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРЫ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

В пределах Волго-Окского междуречья в настоящее время известно более 200 стоянок мезолита. За последние годы в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН различными палеоботаническими методами было изучено более 30 мезолитических стоянок. Получено много новых радиоуглеродных датировок не только по органогенным отложениям, дереву, углю, но и по погребенным почвам, к которым приурочены культурные находки, и по поделочной древесине из слоя.

Все изученные археологические памятники расположены в различных геоморфологических условиях. По их положению в рельефе они могут быть объединены в несколько групп. Первая группа - это стоянки, приуроченные к дюнам. Чаще всего они односпойные, иногда с плохо выраженным уровнем погребенной почвы. Палинологические спектры очень однообразны даже при большой мощности отложений, что может быть связано с золовым перемещением песков в пределах дюнного массива. В следующую группу следует выделить стоянки, расположенные на флювиогляциальных террасах долин стока талых ледниковых вод. Стоянки этого типа расположены в верховьях р. Волги по краевым образованиям валдайского оледенения или южнее, в зоне ледниковых образований московского оледенения. Часто односпойные стоянки иеневской культуры расположены на высоких речных мысах, приуроченных к конусам выноса делювиально-пролювиальных отложений. И, наконец, большое количество многослойных стоянок в пределах Волго-Окского междуречья обнаружено по речным и озерным террасам. Культурные слои этой группы стоянок почти всегда представлены органогенными отложениями, образование которых связано с заболачиванием берегов водоемов. Как правило, по этим стоянкам удается выявить почти всю динамику изменения палеоландшафтов в течение большей части голоцена.

По результатам палинологического анализа естественных разрезов Северо-Запада и Центра Русской равнины, а также по палинологическим данным археологических памятников Волго-Окского междуречья было выделено и описано 13 палинологических зон, каждая из которых охватывает временной интервал 200-300 лет (рис.1). Сопоставляя эти зоны, удалось проследить общий характер сукцессий растительности, а также установить определенные рубежи в появлении, кульминации и исчезновении доминирующих сообществ в этом регионе для эпохи от конца позднеледниковья до начала атлантического периода.

Наиболее ранние стоянки рубежа финального палеолита-мезолита Волго-Окского междуречья связаны с концом позднеледниковья и отвечают позднему дриасу. Первый такой памятник,

нижний культурный слой поселения Елин Бор, расположен на левом берегу Оки, в 25 км выше г. Мурома и может быть датирован серединой позднего дриаса. Несколько моложе стоянка Усть-Тудовка 1 на Верхней Волге, в Ржевском районе. Здесь культурный слой может быть сопоставлен с концом этого периода.

По данным палинологического анализа этих стоянок, по разрезам других поселений, а также по естественным обнажениям можно судить о том, что растительность позднего дриаса отличалась своеобразием, поскольку в спектрах присутствует пыльца растений таежной и субарктической зон, а также много растений степей и даже полупустынь. Это так называемый ксерофитный перигляциальный комплекс растительности, который существовал в условиях смещения ландшафтных зон или гиперзональности конца валдайского оледенения.

На данной территории только небольшие площади были заняты лесными перелесками, образованными сосной и березой с небольшой примесью серой ольхи, ивами, тогда как значительно шире были представлены травянистые сообщества. Наряду с заболоченными пространствами пойм и берегов озер, на более возвышенных, плакорных участках возрастала роль ксерофитных перигляциальных элементов флоры и в первую очередь полыней, маревых, а также злаков и, реже, мезофильного разнотравья.

В начале пребореала наиболее распространенными на всей территории Волго-Окского междуречья были березовые и сосново-березовые леса невысокой сомкнутости, и произрастали они избирательно в отношении рельефа местности. Такая особенность внутренней структуры лесных массивов в растительном покрове, по-видимому, связана со сложной комплексностью травянистых и кустарничковых сообществ, унаследованных еще от позднеледниковья и обусловленных быстрой сменой в пространстве почвенно-гидрологических и микроклиматических условий, а также неоднородным распределением снежного покрова - одного из лимитирующих факторов природной среды. Исходя из данных палинологического анализа, в некоторых условиях произрастания - чаще по дюнам - вблизи стоянок Усть-Тудовка 1 и Суконцево II перигляциальный флористический комплекс все еще играл существенную роль в ландшафте. Открытые пространства были заняты болотами и луговой растительностью. Состав травянистых растений очень разнообразен и характеризует сообщества различных местообитаний. Среди мезофильного разнотравья значительно участие астровых и цикориевых, постоянно присутствует пыльца семейства крестоцветных, гвоздичных, лютиковых. Растения гигрофильных лугов представлены *Iris*, *Thalictrum*, *Filipendula*.

По-видимому, с этим этапом связана жизнь людей на стоянке Суконцево VII, в верховьях Волги, где археологический материал представлен в шлейфе переотложения культурного слоя в органогенных отложениях.

Значительно большее количество памятников связано по времени образования с наиболее оптимальными условиями пребореала, охватывающими временные рамки от 9500 до 9300 л.н. В это время хвойный лес становился единственным зональным типом растительности. Широкое развитие получили сосновые леса, в состав которых входили также ель, береза и ольха. Возможно, ель в наиболее благоприятных условиях произрастания образовывала чистые насаждения. Однако бесспорно то, что ареал ели заметно расширился в это время. Постоянные находки пыльцы верескоцветных скорее всего указывают на развитие вересковых кустарничков в пологе леса, либо на присутствие их среди болотных фитоценозов. Небольшие площади были заняты болотами и лугами не только приречными, но и развитыми на суходолах. Вместе с тем, их роль в ландшафте всей территории была выше, чем в последующие этапы голоцена, начиная с бореального периода.

Важным событием рассматриваемого этапа пребореала (9500-9300 л.н.) является существенное понижение уровня озерных водоемов, побережья которых активно заселялись мезолитическим человеком. Иначе говоря, мезолитический человек начал в это время осваивать также и междуречные пространства.

Конец пребореального периода (от 9300 до 9000 л.н.) характеризовался ухудшением климатических условий, приведших к поднятию уровня грунтовых вод, высоким и длительным весенним паводкам на реках и, как следствие, к заболачиванию пониженных участков рельефа и

деградации сосняков высокого бонитета. Оставшиеся светлехвойные леса характеризовались значительным однообразием флористического состава и небольшим количеством эдификаторов. Фон в растительном покрове создавался сосной и березой, причем среди березы значительно присутствие кустарниковой формы (*Betula sec. Fruticosae*). Эти леса скорее всего можно определить как среднетаежные, поскольку роль гипоарктических видов в них была уже ничтожно мала. Луговая растительность стала шире представлена заболоченными сообществами осочников и гигрофильных растений, таких как *Filipendula*, *Typha*, *Thalictrum*. Наиболее продуктивные суходольные луга с господством разнотравья значительно сократились по площади своего распространения, беднее стал их состав, разнотравье представлено чаще всего только астровыми и цикориевыми.

Таким образом, в то время существенно повышается уровень рек и озерных водоемов, происходит заболачивание огромного пространства Волго-Окского междуречья. Этот процесс создал менее благоприятную экологическую обстановку для жизни человека на побережьях озер. Можно предполагать, что в начале бореала (9000 - 8900 л.н.) в связи с похолоданием, активным заболачиванием территории на междуречьях резко сократилось количество стоянок и древнее население мигрировало на наиболее дренируемые территории, в частности, на участки распространения дюн и высокие террасы рек. Примером такого рода может являться расположение стоянки Черная Грязь 1, формирование культурного слоя которой приходится на это время.

Интервал времени 9000-8800 л.н. соответствует переходному этапу от пребореального периода голоцена к бореальному. К этому времени приурочены культурные слои на стоянках Черная Грязь 1, Бутово, Дмитровское 1, Велетьминская, Шильцева Заводь 5, Борисово, Новошино, Угольново. По стоянкам Суконцево VII и Ивановское III были получены радиоуглеродные датировки: 8870 ± 70 л.н. (ГИН-4950) и 8859 ± 700 л.н. (ГИН-242) соответственно. К данному же времени относятся два памятника, приуроченные к устьевым частям притоков (Сатыш IX и Суконцево VII; возраст 9100 - 8900 л.н.). В это время в ландшафте господствовали заболоченные березовые и березово-сосновые леса, причем наряду с березой древовидной (*Betula sec. Albae*) присутствует береза кустарниковая (*Betula sec. Fruticosae*).

На участках, где существовал дюнный рельеф, увеличивалась роль сосны и чаще произрастали разреженные сосновые леса (стоянки Велетьминская, Усть-Тудовка II, Черная Грязь I). Состав травянистых растений очень разнообразен. В разрезах на стоянках Новошино, Борисово встречены водные и прибрежные растения, требующие постоянной водной среды, такие как *Polygonum amphibium* L., *Nyphar*, *Nyphaea*, *Sparganium*, *Alisma*. Встречены также растения гигрофильных лугов - *Thalictrum* и *Filipendula*. Велико участие и мезофильного разнотравья суходольных лугов. Постоянно встречается пыльца астровых, цикориевых, а также лютиковых, гвоздичных и крестоцветных.

Характерной особенностью палинологических диаграмм этих территорий является обилие плаунов (до 40%), что было также свойственно для северных морских и озерных побережий.

Начиная с 8800 л.н., отмечается потепление климата, что способствовало уменьшению заболоченности всего междуречья и понижению уровня воды в реках и озерах. Судя по составу и флористическим особенностям палинологических спектров, сосновые леса постепенно становятся единственным зональным типом растительности Волго-Окского междуречья. Возможно, лишь на более влажных участках существовали смешанные сосново-березовые леса.

К тому времени относятся культурные слои поселений Озерки 16, Озерки 17, Нушполы 11 и Суконцево VII. Были получены радиоуглеродные датировки по стоянке Суконцево VII - 8600 ± 110 л.н. (ГИН-4734), 8710 ± 50 л.н. (ГИН-4733), Озерки 16 - 8770 ± 40 л.н. (ГИН-6654) и Озерки 17, разрез 2 - 8830 ± 40 л.н. (ГИН-6655).

В наиболее оптимальный климатический интервал бореала (8600-8200 л.н.) в состав некоторых сосновых лесов входили в виде небольшой примеси широколиственные породы с орешником в подлеске. По существу, эти ландшафты можно рассматривать как бореальные леса южно-таежного типа. С данным интервалом времени связаны культурные слои многих стоянок на

побережьях рек и озер: Ивановское III, Черная I, Новошино, Угольново, Борисово, Шильцева Заводь V, Иенево 2 и ряд других. Для стоянки Черная I (раскоп 1) была получена датировка по С-14 - 8630 ± 40 л.н. (ГИН-3894). Это позволяет думать, что интервал времени 8600-8200 л.н. был в экологическом плане достаточно оптимальным для мезолитического человека в пределах Волго-Окского междуречья.

Необходимо отметить, что имеющиеся палинологические данные позволяют говорить о достаточно постепенном изменении палеоландшафтов на границе между бореалом и атлантическим периодом в рассматриваемом районе. Более того, на некоторых участках междуречья в начале атлантического периода существовали палеоландшафты, близкие по своему типу к бореальным. Это были хвойные леса того же состава, но с большей ролью неморального флористического комплекса. Культурные слои стоянок Ивановское III, Озерки 5, Нушполы, Замостье 2 датируются интервалом времени 7500-7300 л.н. и по данным археологии относятся к позднему мезолиту. По этим стоянкам были получены следующие радиоуглеродные датировки: Ивановское III - 7500 ± 70 л.н. (ИГАН-161), Озерки 5 - 7500 ± 110 л.н. (ИГАН-69), Нушполы 11 7410 ± 90 л.н. (ГИН-6659). Интересно, что этот интервал времени на междуречье связывается с начальной фазой понижения уровня озерных водоемов. Возможно, это явление связано с общей тенденцией изменения климата в сторону большей аридизации, которая наиболее отчетливо выявилась по материалам современной лесостепи и степи. Максимальный уровень аридизации на всех палинологических диаграммах не только лесостепной зоны, но и степи Европейской России, выделяется около 7200 л.н., что скорее всего может рассматриваться в качестве естественного рубежа между мезолитом и неолитом. Именно с этого времени началась быстрая деградация таежного флористического комплекса не только в пределах плакорных местообитаний, но и заболоченных пространств. Судя по результатам анализа, структура леса значительно усложнилась, обогатился видовой состав наземных ярусов за счет примеси многих неморальных видов; типичные черты хвойного леса, с которым была связана жизнь мезолитического человека в пределах Волго-Окского междуречья, в значительной степени утратились.

Таким образом, анализ палеоэкологических особенностей пребореала, бореала и начального этапа атлантического периода позволил выявить как оптимальные, так и неблагоприятные условия существования мезолитического человека. Последние прежде всего были связаны с ухудшением климатической ситуации, что в первую очередь вызывало активизацию процессов заболачивания, повышение уровня озерных водоемов и изменение режима рек. Эти процессы способствовали миграциям мезолитического человека и освоению новых, более дренированных участков суши.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E. A. Spiridonova, A. S. Alekhinskaya

**THE FEATURES OF THE VEGETATION
FORMATION AND STRUCTURE IN THE VOLGA-OKA RIVERS
INTERSTREAM AREA DURING THE MESOLITHIC**

Summary

In the Volga-Oka rivers interstream area more than 200 Mesolithic sites are known. Recently, more than 30 of them have been studied by different paleobotanical methods. On the basis of the results obtained by palinological analysis, the succession of palinological zones was defined, the vegetation was described, and the general evolution of the Mesolithic paleolandscapes was outlined. The

paleoecological analysis of the Preboreal, Boreal and the initial part of the Atlantic allowed to make a conclusion about the optimum and unfavorable living conditions of the Mesolithic men. The unfavourable conditions were accounted for by the climatic deterioration, which caused appearance of bogs, lake - level transgressions, and river - regime changes. These processes promoted the migration of the Mesolithic men.

***Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia***

Л. В. Кольцов

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В настоящий момент Волго-Окское междуречье (и в том числе Тверское Поволжье) является наиболее изученным мезолитическим регионом Восточной Европы. Здесь в общей сложности обнаружено около 500 мезолитических памятников, многие из них подверглись раскопкам, часто на большой площади, что дало возможность получить богатые вещественные коллекции, определить остатки жилых и хозяйственных сооружений, иногда даже наметить сезон бытования поселения. Эти материалы позволили построить картину культурного членения мезолитических стоянок, определить точную хронологию части из них, пользуясь методами естественных наук, и, в конечном итоге, наметить конкретный характер древнейшей истории края в VIII-VI тыс. до н.э.

Сейчас можно с достаточной уверенностью говорить о бытовании в регионе нескольких мезолитических культур. Одной из них была иеневская (от стоянки Иенево II в окрестностях г.Твери). Она сложилась на базе восточного аренсбурга (или восточного пост-лингби) с добавлением некоторых элементов местного палеолита типа нижнего слоя Алтынова и Заозерья (восточного варианта культурной общности федермессер). Это произошло, по-видимому, в I-ой пол. VIII тыс. до н.э., ближе к его началу. Население иеневской культуры в течение VIII-VII тыс. до н.э. расселилось по верхней Волге (в пределах Тверской, Ярославской и Костромской областей) и верхней Оке (в пределах Калужской и Московской областей), а также по водоемам их бассейнов. Поскольку пока хронология иеневской культуры фиксируется не слишком большим количеством дат, полученных методами естественных наук, ее внутреннее развитие не может считаться установленным.

Где-то в I-ой пол. VIII тыс. до н.э., но ближе к его середине в регионе появляется население еще одной мезолитической культуры - бутовской. Она сформировалась на основе отсегментировавшейся части свидерской культуры, распавшейся в I-ой пол. VIII тыс. до н.э. Эта группа свидерского населения, обогатившись по пути контактами с сохранившимися аренсбургскими группами, совершила миграцию в Верхнее Поволжье, где столкнулась с еще существовавшими остатками палеолита типа Алтыново. Именно в результате этих процессов сложилась бутовская культура, самые ранние памятники которой находятся в Тверском Поволжье (стоянки Тихоново и Бутово). В ходе своего развития эта культура контактировала с иеневской, что проявляется в инвентарях обеих культур, а также испытала влияние кундской культуры, что выразилось в формировании микролитической группы бутовской культуры. В течение своего исторического существования бутовские племена расселились по территории теперешних Тверской, Ярославской, Костромской, Московской, Рязанской, Калужской, Ивановской, Владимирской, Нижегородской областей, отдельные памятники известны в Чувашии и Вологодской области. Время существования этой культуры VIII-VI тыс. до н.э.

Третья культура - рессетинская - еще очень слабо изучена. Не ясны ни ее происхождение, ни хронология, ни внутреннее развитие. Имеющиеся очень немногочисленные даты позволяют говорить об ее существовании в VII-VI тыс. до н.э. Несомненны контакты с бутовской культурой. Другие культурные проявления изучены еще слабее, и о них мы пока говорить не будем.

Естественно, что все эти культуры и культурные группы складывались, развивались и заканчивали свою историю не в "культурном вакууме", а в контексте других мезолитических культур Восточной Европы. Было бы интересно проследить их роль в этом контексте.

Иеневская культура имеет много общего с песочноровской и усть-камской культурами. Они настолько близки, что это дало возможность некоторым специалистам считать их одной культурой [1]. Вместе с тем, при анализе их инвентаря обнаруживаются и некоторые различия. Они, прежде всего, бросаются в глаза в способе раскалывания камня: основная форма нуклеуса в песочноровской культуре - одноплощадочный уплощенный подпризматический. В иеневской же культуре эта форма ядрищ имеет подчиненное положение. Зато здесь распространены одноплощадочные подконические и торцевые формы нуклеусов, которых практически нет в песочноровской. Гораздо больше в иеневской культуре доля трапеций средних пропорций, есть единичные сегменты и ромбы, которых совсем нет в песочноровской. Зато в песочноровской культуре представлены острия типа Ставиного, которых почти нет в иеневской. В песочноровской культуре вкладыши-пластины с ретушью по краю появляются только на поздних этапах. Можно привести и другие отличия.

Конечно, эти различия позволяют поставить вопрос: являются ли эти две культурные единицы разными культурами, локальными вариантами одной культуры или их особенности связаны с другими причинами? Здесь небезынтересно вспомнить хронологическое положение обеих культур. Иеневская, как уже сказано, датируется VIII-ой пол. VII тыс. до н.э. Для песочноровской культуры есть только одна надежная дата - по кострищу стоянки Мураги 7860 ± 100 л. н. (КИ-3037), т.е. 1-я пол. VI тыс. до н.э. (можно с некоторой долей вероятности предполагать, что в Волго-Охском междуречье в это время иеневского населения уже не было). А.А.Зализняк в своих работах по-разному датировал поселения песочноровской культуры. Он уверен только в том, что памятники типа Мураги и Студенок представляют собой поздний этап этой культуры. Однако уверенности относительно возраста самого Песочного Рва у него, видимо, нет. Сначала он относил его ко времени конца бореального периода, а потом считал бореал в широком смысле этого слова наиболее надежной датой.

Можно поставить еще один вопрос: чем же отличаются друг от друга ранние и поздние этапы песочноровской культуры? Таких отличий немного. На позднем этапе несколько иные рубящие орудия, появляются сверла-развертки, не опубликованные А.А.Зализняком. Несколько изменяется состав скребков: увеличивается доля неправильных скребков (хотя по публикации А.А.Зализняка не вполне ясно, что он понимает под этим термином). Остальные категории орудий практически остаются без изменений. Поразительно при этом соотношение наконечников и основных типов микролитов. А.А.Зализняк приводит количественные данные по Песочному Рву и трем стоянкам позднего этапа (Студенок, Мураги, Попово Озеро). Любопытно, что процентная доля асимметричных трапеций неизменна (7; 7,9 и 7%). Количество симметричных трапеций иногда несколько уменьшается (2,0; 7,3 и 0,7%), хотя тоже очень близко. То же можно сказать и о треугольниках (3; 4; 0,6 и 0,2%). И уж совсем поразительным оказывается соотношение форм черешковых наконечников аренсбургского типа, которые А.А. Зализняк считает более ранними, с асимметричными наконечниками на отщепах, по его мнению, более поздними. Первые дают 1,4; 2; 0,6 и 1,4%, вторые - 4,0; 2,0 и 0,2%. Следовательно, доля асимметричных наконечников в комплексах позднего этапа уменьшается, а вот аренсбургских или остается неизменной или даже возрастает [2]. Из всех этих замечаний, пожалуй, можно сделать вывод, что стоянка Песочный Ров - ненамного древнее стоянок типа Студенок, во всяком случае, между ними нет большого хронологического разрыва. Если памятники типа Студенок относятся к атлантическому периоду, то наиболее вероятная дата Песочного Рва - 2-я половина бореального периода.

Если это так, то датированные стоянки иеневской культуры в основной массе древнее его. Отсюда возможно предположение (но не утверждение): не является ли песочноровская культура продолжением развития иеневской в бассейне Десны? Во всяком случае, в этом направлении следует поработать.

Инвентари иеневской и усть-камской культур чрезвычайно близки. Единственное различие – отсутствие наконечников стрел в последней. Однако ни один из памятников усть-камской культуры не имеет точных археологических привязок. Это и затрудняет решение вопроса об отношениях между ними.

Более четким представляется взаимодействие бутовской культуры с другими мезолитическими культурами. О взаимодействии с иеневской уже говорилось. По-видимому, существовало и взаимовлияние с рессетинской на определенных этапах их истории. Говорилось уже и о воздействии кундской культуры на бутовскую. Эти явления наблюдаются во 2-й половине пребореального и 1-й половине бореального периодов.

Гораздо важнее для мезолита Восточной Европы дальнейшие события. В течение бореального и начале атлантического периодов бутовское население в результате внутренней сегментации и последующего расселения освоило все Волго-Окское междуречье. Возможно, возникает относительное перенаселение, последствием чего была дальнейшая сегментация с выделением групп населения, покинувших Волго-Окский бассейн и расселившихся в других регионах с образованием других культурных единиц. Это, прежде всего, сухонская культура [3]. Ее памятники обнаружены в бассейне Сухоны и, вероятно, Северной Двины. Они характеризуются позднебутовскими формами наконечников стрел, вкладышей, скребков, резцов. Во-вторых, дериватом бутовской культуры является валдайская мезолитическая культура, выделенная Н.Н.Гуриной [4]. Основные категории орудий, представленные в ней, встречались в бутовской культуре. Серьезное отличие – наличие в валдайской культуре наконечников со сплошной ретушью поверхности. Это может объясняться дальнейшим развитием инвентаря валдайской культуры, особенно если учесть ее более поздний возраст. Вместе с тем, Н.Н.Гурина указывала, что ряд памятников этой культуры может относиться к VI тыс. до н.э. И, наконец, производной от бутовской следует считать культуру Южной Карелии, представленную Оленеостровским могильником и стоянками типа Илекса III, IV и Уя II. Все основные формы каменных орудий, представленные в них, встречены и в бутовской культуре. Появляющиеся различия следует, по нашему мнению, объяснить новой адаптацией и развитием вследствие этого отдельных черт инвентаря. Видимо, тем же, при общем сходстве, надо объяснить и различия в костяном инвентаре, которые могут также объясняться погребальным характером Оленеостровского могильника [5].

Отдельные бутовские стоянки появляются в Среднем Поволжье [6]. Уже на рубеже неолита бутовские традиции прослеживаются в мезолите бассейна Печоры [7]. Несомненно бутовское влияние на население камской и романовско-ильмурзинской культур, где в отдельных памятниках обнаружены поствидерские наконечники стрел.

Таким образом, роль бутовской культуры в заселении севера Восточной Европы несомненна. Ее вклад в этот процесс крайне важен. Роль же других мезолитических культур региона в освоении мезолитической ойкумены еще предстоит выяснить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зализняк А.А.* Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
2. *Зализняк А.А.* Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // *Неприна В.И., Зализняк А.А., Кротова А.А.* Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
3. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1993.
4. *Гурина Н.Н.* Мезолит верховьев Волги // *Мезолит СССР. Археология СССР. Т.2.* М., 1989.
5. *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник // *МИА.* 1956. N 47.
6. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Яндашевская стоянка // *СА.* 1968. N 2.
7. *Чернов Г.А.* Мезолитическая стоянка Сандибей-ю I // *СА.* 1978. N2.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V.Koltsov

**THE MESOLITHIC CULTURES LOCATED BETWEEN
THE VOLGA AND THE OKA
IN THE EAST-EUROPEAN CULTURAL CONTEXT**

Summary

At present three Mesolithic cultures are singled out in the area between the Volga and the Oka. Two of them - the Butov's and the Yenyev's - are examined in the article within the East-European Mesolithic context. The third culture - the Ressetin's - has not been given a proper examination yet.

The stone inventory found there shows some similarities of the Yenyev's culture (VIIIth - first half of the VIIIth millennium B.C.) to the Pesochny Rov culture of the Dnieper basin. In the article we make an assumption that the Yenyev's population left the Volga-Oka region for the Dnieper in the second half of the VIIIth millennium B.C. while their material culture gave birth to the archaeological monuments of the Pesochny Rov (Sand-Ditch) type. This assumption is also based on the fact that the Yenyev's monuments had been produced much earlier than those of the Pesochny Rov while later the former disappeared from archaeological records.

The Butov's culture (VIIIth - VIth millennium B.C.) being segmented in the end of the VIIIth millennium B.C., fell into several subgroups, which later populated the Northern regions of the East Europe, forming a number of Mesolithic cultures (the Sukhon, the Valdai Mesolithic, the South Karelian). This process is clearly reflected in several features common to the inventory of the mentioned cultures.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

В. В. Сидоров

МЕЗОЛИТ БАССЕЙНА р. СЪЕЖИ

Заселение Приледниковья - зоны непосредственного влияния ледника в рельефе, которое проявлялось вплоть до широтного течения Оки, - обычно относят к раннему голоцену, иллюстрируя мезолитическими материалами [1]. Но следы человека в этой зоне обнаруживаются и в таких условиях, которые могут датировать их позднеледниковым временем (оз. Круглое, оз. Неро, Буйская котловина). Эти единичные находки достаточны для того, чтобы зафиксировать присутствие человека в Приледниковье, но не достаточны для культурной атрибуции, выяснения происхождения первоначального населения, с которым генетически может быть связана культура лесной зоны эпохи голоцена. Финал ледниковой эпохи - пора значительных и резких изменений географической ситуации. Отступающий ледник открывал сток озерам, возникали и распадались бассейны, обширные приледниковые водоемы быстро деградировали, распадаясь на системы мелких озер. В то же время прекратился рост лессовой покровной толщи, и позднеледниковые памятники оказываются без консервирующего их покрытия, что затрудняет определение возраста. Лишь местами памятники законсервированы делювиальными наносами, но их пригодность для хронологической оценки памятников всегда спорна.

Откуда появилось население в Приледниковье? Простейший ответ - из соседних районов Среднерусской возвышенности или Центральной Европы: здесь население сохранялось в ледниковые стадии, и по мере освобождения территории от ледника, вслед за стадами северных оленей люди продвигались на север [2;3;4]. Но есть ли доказательства этой миграции, а точнее, расширения ойкумены именно с этой стороны? В качестве доказательства западного происхождения используются сходство раннемезолитической (?) иеневской культуры с аренсбургской, присутствие в ней элементов культуры лингби, а также близость бутовской культуры к свидерской, к которой Л.В.Кольцов возводит генезис и остальных культур Севера. Местному населению, в существовании которого он сомневается [2], отводится роль слабо уловимого субстрата. При этом миграция с запада должна была идти против течения рек, в сторону явно более сурового климата, поперек направления сезонных миграций животных. Датировка этой миграции должна быть не позднее молодого дриаса, когда уже имеются иеневские стоянки [5], и пребореала - времени надежно зафиксированных бутовских [6] памятников.

Заселение с юга доказывается открытием новых позднепалеолитических комплексов по рр. Оке и Москве - Шатрище, Зарайская, Заозерье [7, с.75-82], присутствием признаков, которые можно генетически связывать с комплексами, продолжающими костенковскую культуру в архаичных комплексах Волго-Окского бассейна (рессетинская культура). Свидерские связи истолковываются при этом как контактные [8, с.133-149, 193]. Действительно, после распада цепи приледниковых озер после отступления ледника от вепских морен (13,6 тыс.л.н.) [9] миграции на север могут связываться с сезонными миграциями северного оленя, несмотря на то, что и здесь смещение идет в сторону более сурового климата. До этого времени приледниковые озера и паводковый сток ледниковых рек не допускали в Приледниковье с юга ни оленей, ни людей. Некатастрофическая

миграция на север в зимний период с преодолением обширных открытых пространств трудно представима, а для преодоления водных преград у людей со Среднерусской возвышенности не было традиции строительства лодок - в этих культурах нет сколько-нибудь устойчивых традиций рубящих орудий. Другие регулярно используемые переправочные средства тоже требуют целого комплекса орудий, следов которых в палеолитических культурах нет.

Существуют ли препятствия для миграции с востока? Допустимость такой миграции определяется отсутствием серьезных преград от Алтая до фронта скандинавского ледника, после того как около 15500 л.н. прекратился сброс вод Новоземельского ледникового щита через верхнюю Печору в Каму [10, с.4-18]. Кроме того, миграция с востока шла бы вдоль единой климатической зоны в сторону смягчения климата. Все сибирские археологические культуры хорошо знакомы с рубящими орудиями и водные преграды для них преодолимы. Таковы предпосылки, но есть ли доказательства?

На озерах верховой р. Съежи открыты Ю. Н. Урбаном и мной десятки местонахождений кремней архаичного облика, располагающиеся на высоких моренных холмах. В большинстве случаев они не могут быть датированы, так как связаны с распаханной вершинами холмов по берегам озер. Керамики и явно неолитических орудий здесь не встречено, поэтому условно они определены как мезолитические. Но были и более определенные находки: на оз. Наволок, соединенном с озером Удомля р.Тихомандрицей, в 25-30 км к северу датировать находки позволяет связь их с реликтовыми формами рельефа. Единичные находки таких изделий у д.Гадамля были приурочены к сухому логу - берегам речки, существовавшей во время формирования высокой озерной террасы, и отделены участком террасы шириной ок. 0.5 км от берега озера. У д.Погорелец такой материал встречен на террасе у подножия холма в глубине древнего озерного залива, дно которого давно стало террасой. На моренных холмах, запирающих древний исток из озера, у д.Заселище Ю.Н.Урбаном собраны глубоко патинированные кремни архаичного облика, заметно отличающиеся от материала мезолитических стоянок и по состоянию и по типам изделий: здесь встречаются скребла, массивные рубящие, нуклеусы со скошенными площадками и кубовидные, массивные неправильные пластины. Стратиграфией такие памятники не располагают.

На оз.Удомля встречены памятники с более четкой стратиграфией. Один из них - Акулово 1 - был исследован раскопками в 1984-86 гг. Второй - Черный пес - только шурфовался. Вскрытая на Акулово 1 площадь составила 130 кв.м. Слой аллювия, в котором залегал только архаичный материал, сохранился на площади 75-80 кв.м и почти полностью исчерпан раскопом.

Озеро сформировано вторым поясом конечных и боковых морен, по-видимому, Бологовской стадии. Боковые гряды, распавшаяся в конце на отдельные холмы, вдаются высокими мысами в озеро. Из размыва их у подножия холмов сформировалась высокая - 2.5-3 м - терраса, сложенная флювиогляциальными песками, верхнюю часть которых составляют сортированные аллювиальные пески. На кромке террасы высотой 1.2-2 м, поверхность которой составляет переработанный почвенными процессами алеврит, находятся стоянки эпохи неолита и бронзы. Стоянка Акулово 1 располагалась на моренном холме, который в древности был островом. Слой на холме не сохранился - он весь оказался переотложен на поверхность примыкающей к холму террасы. Именно в аллювиальной толще террасы сохранился шлейф культурного слоя, сформировавшийся в то время, когда терраса была еще озерным дном: в верхней части алеврита, в прослойках сортированного песка с тонкими прослойками окатанного мелкого угля (рис.1). Материал, аналогичный залегавшему в аллювии, присутствовал и в слое делювия, разделяющемся на слой пахоты и темно-бурого песка с пятнами ожелезнения, но здесь была и примесь материала более поздних эпох. Чистым архаичным комплексом можно считать только материал из аллювия террасы.

Уголь из аллювия террасы получил дату 9990 ± 70 л.н. Она представляется омоложенной: памятник существовал не позднее времени падения уровня озера, которое должно быть близко к моменту отступления ледника от Бологовских морен, во всяком случае, укладываться в интервал 15-13 тыс. л.н. Это древнейший из памятников Севера. Его датировка определяется поздней стадией формирования аллювия верхней озерной террасы и предшествует выходу террасы из-под воды.

АКУЛОВО
 профиль восточной стенки

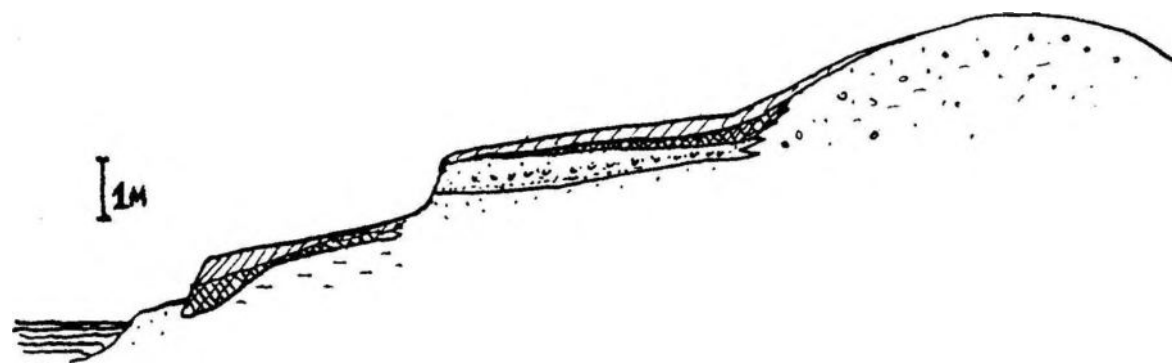
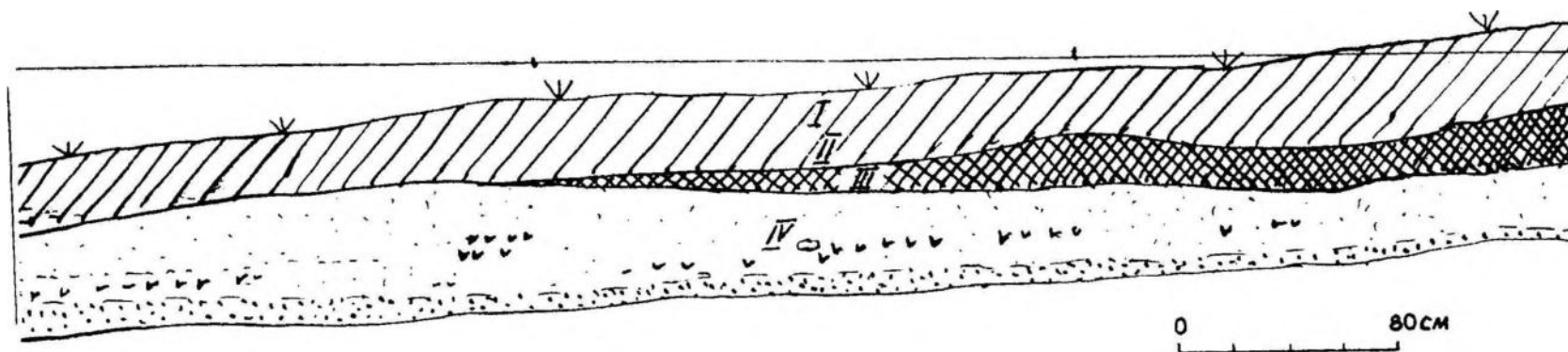

Рис. 1. Стоянка Акулово 1. Стратиграфия шлейфа стоянки. Террасы оз. Удомля
 I, II - пахотный делювий; III - гумусированный песок, супесь; IV - слоистый мелкозернистый
 песок с углем - аллювий

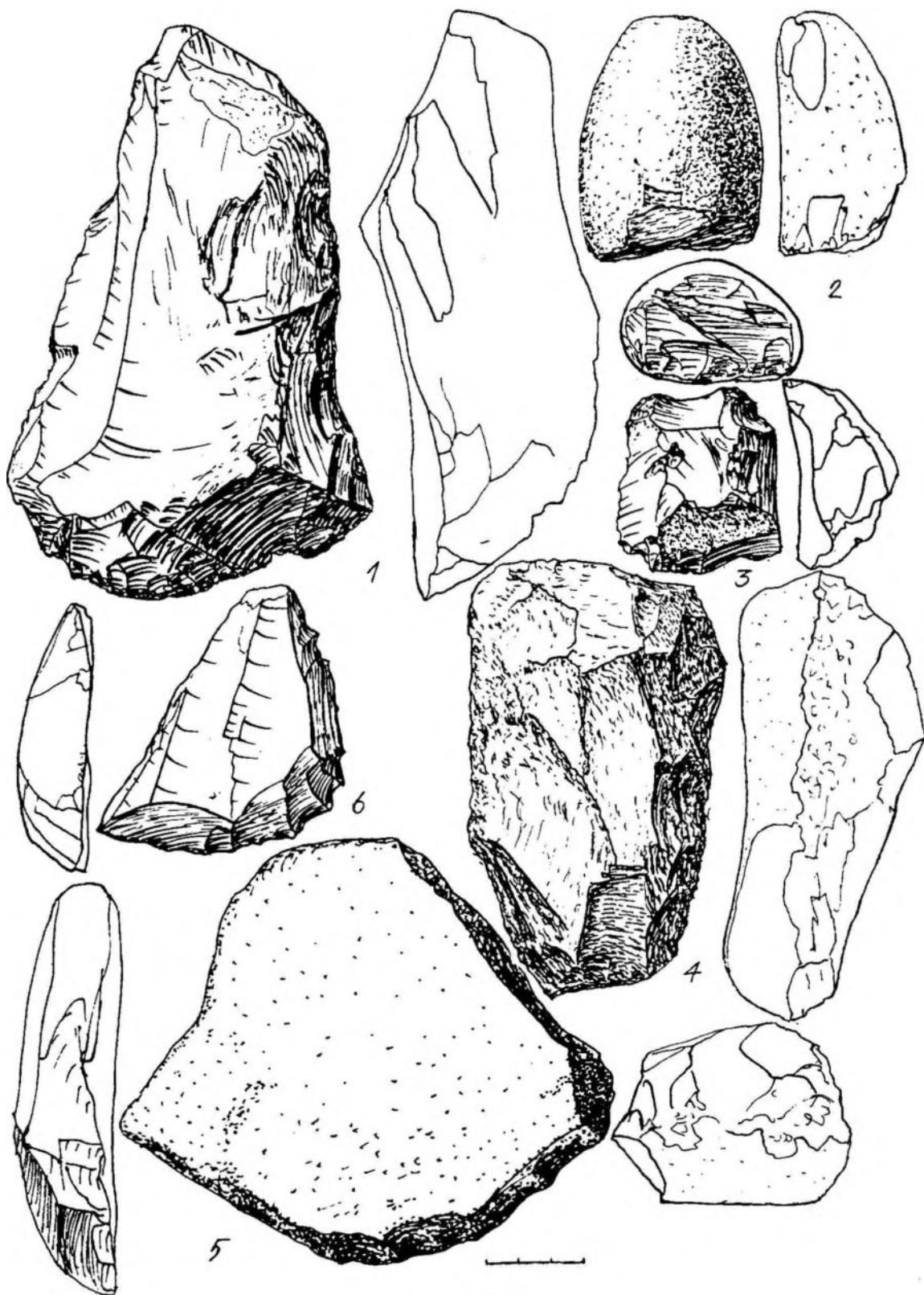

Рис. 2. Стоянка Акулово 1. Инвентарь нижнего слоя: 1 - тесло; 2, 4, 5 - галечные орудия; 3, 6 - скребла.
Кремень (1, 3, 6), камень

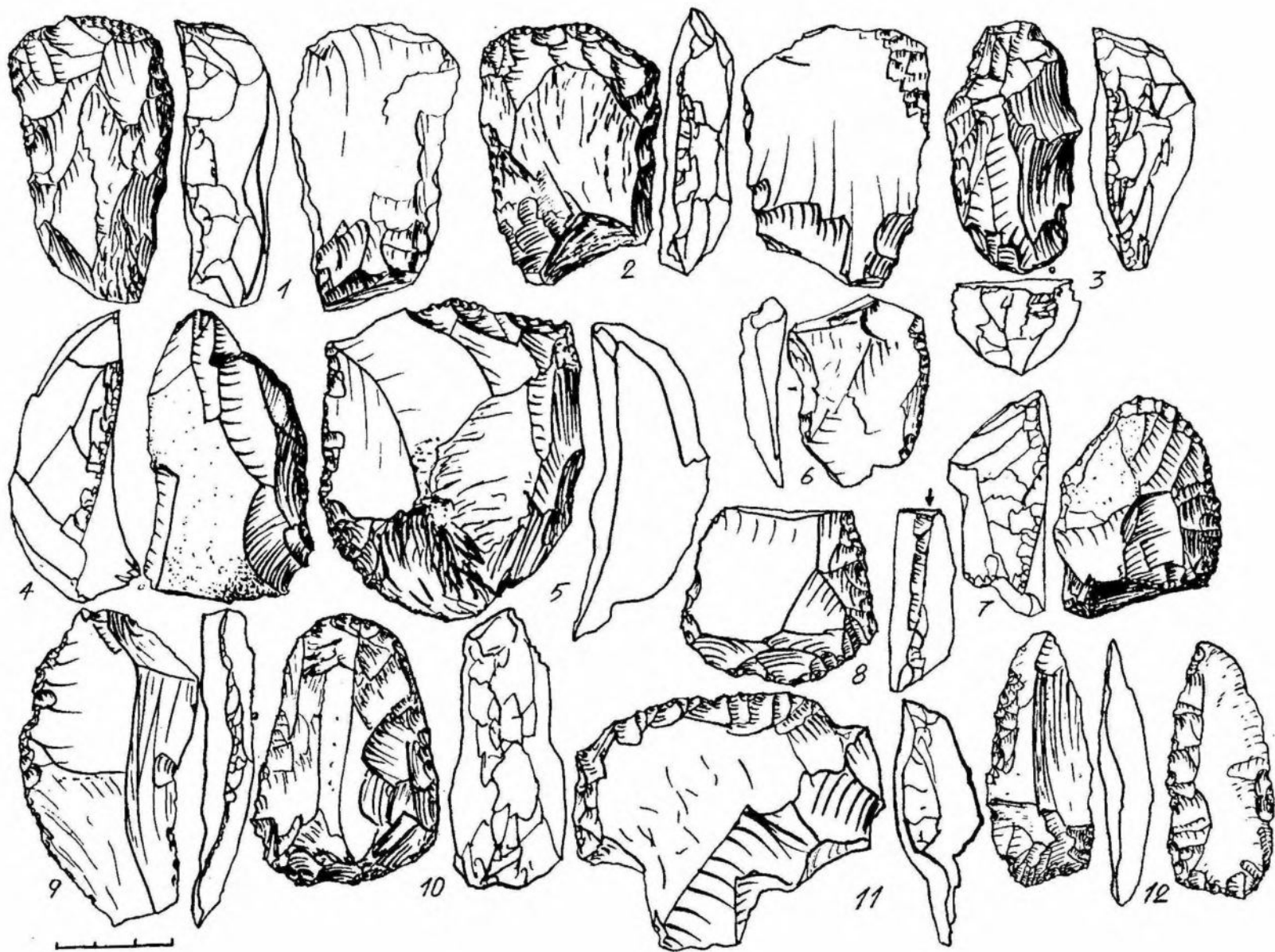

Рис. 3. Стоянка Акулово 1. Инвентарь нижнего слоя: 1, 2, 8, 10, 12 - рубящие орудия; 3-7, 9, 11 - скребла. Кремьень

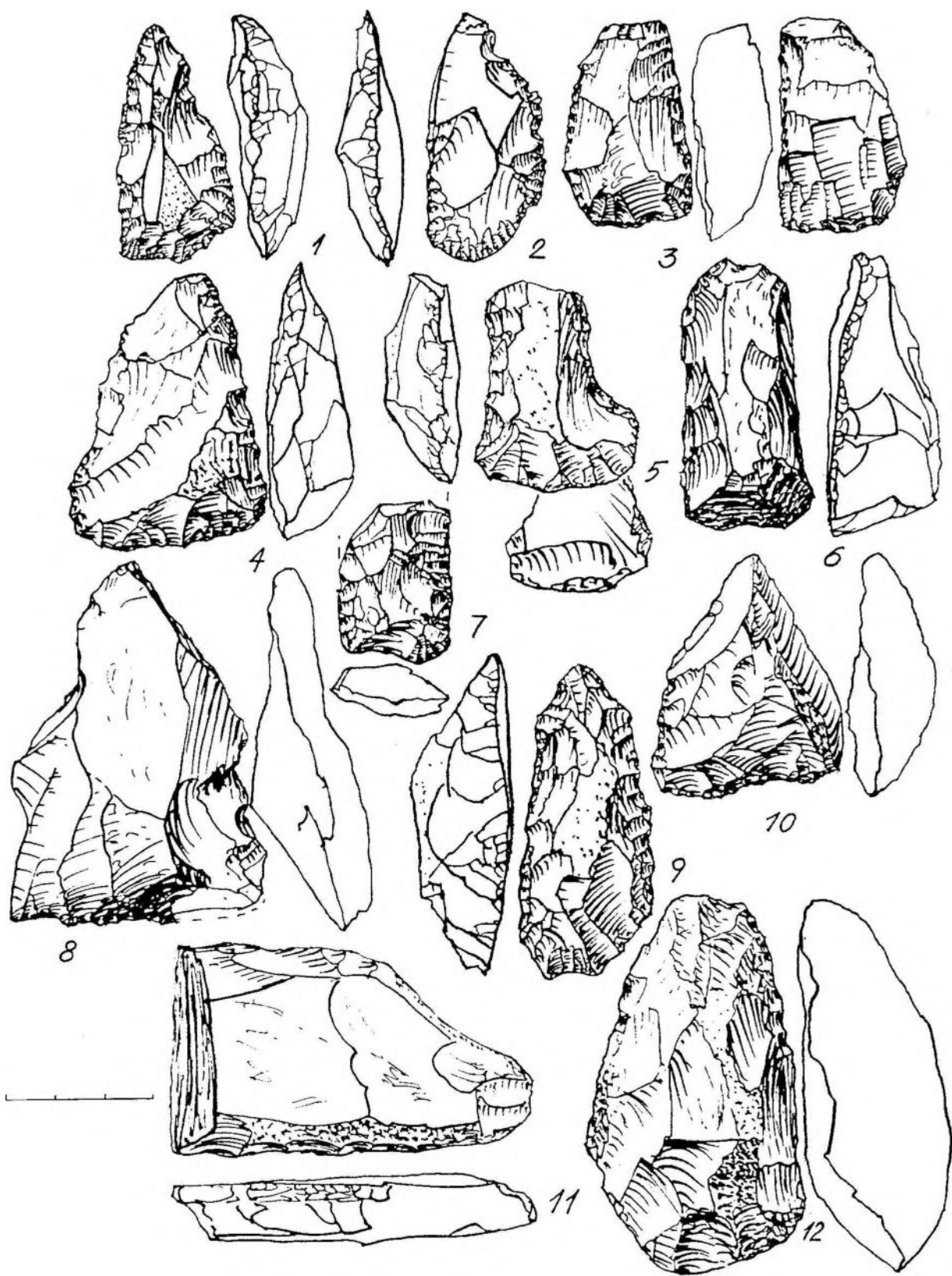

Рис. 4. Стоянка Акулово 1. Инвентарь нижнего слоя: 1-10, 12 - рубящие орудия, кремнь; 11 - скребло, сланец

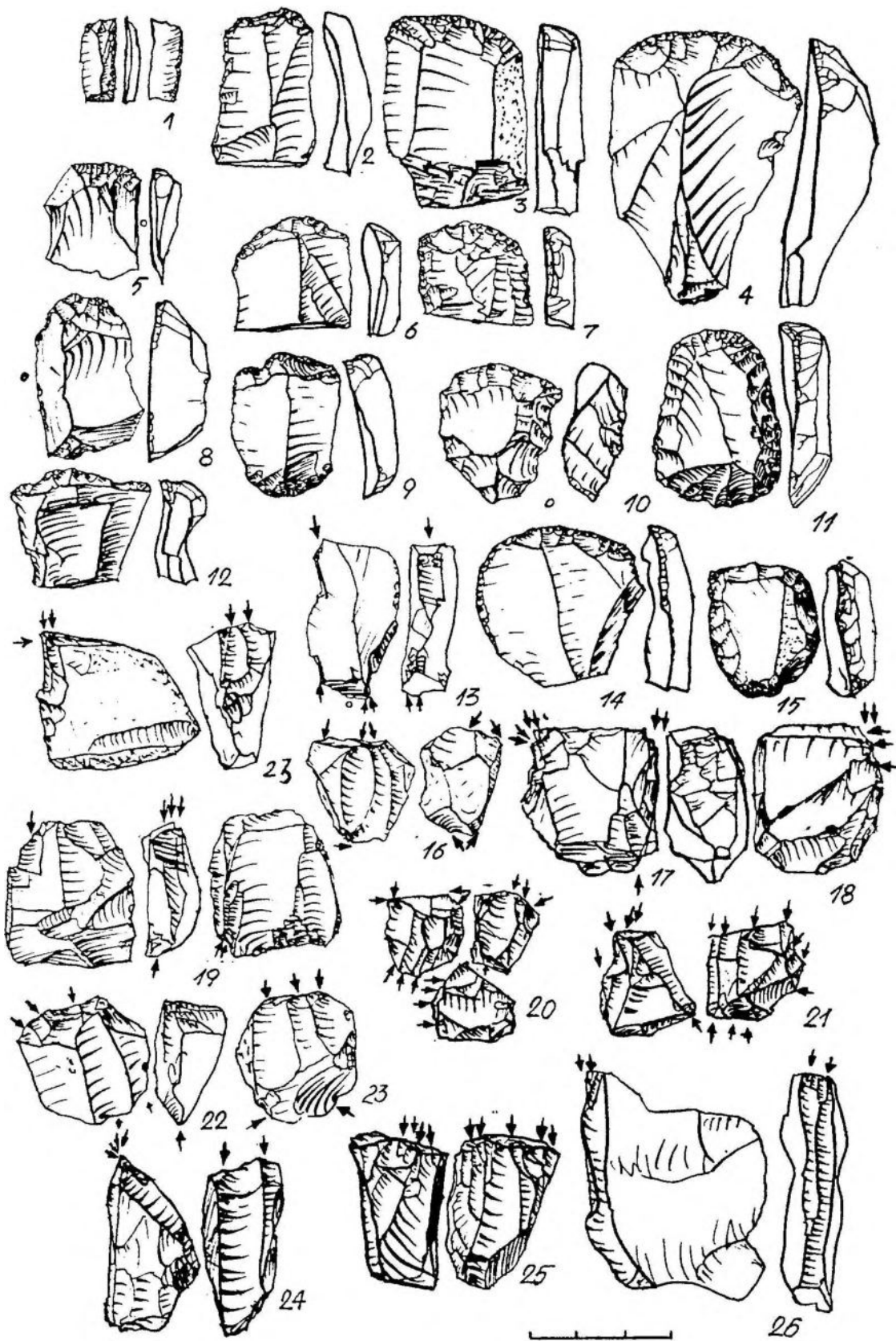

Рис. 5. Стоянка Акулово 1. Инвентарь нижнего слоя: 1 - вкладыш; 2-12, 14, 15 - скребки; 13, 16-26 - резцы.
Кремень

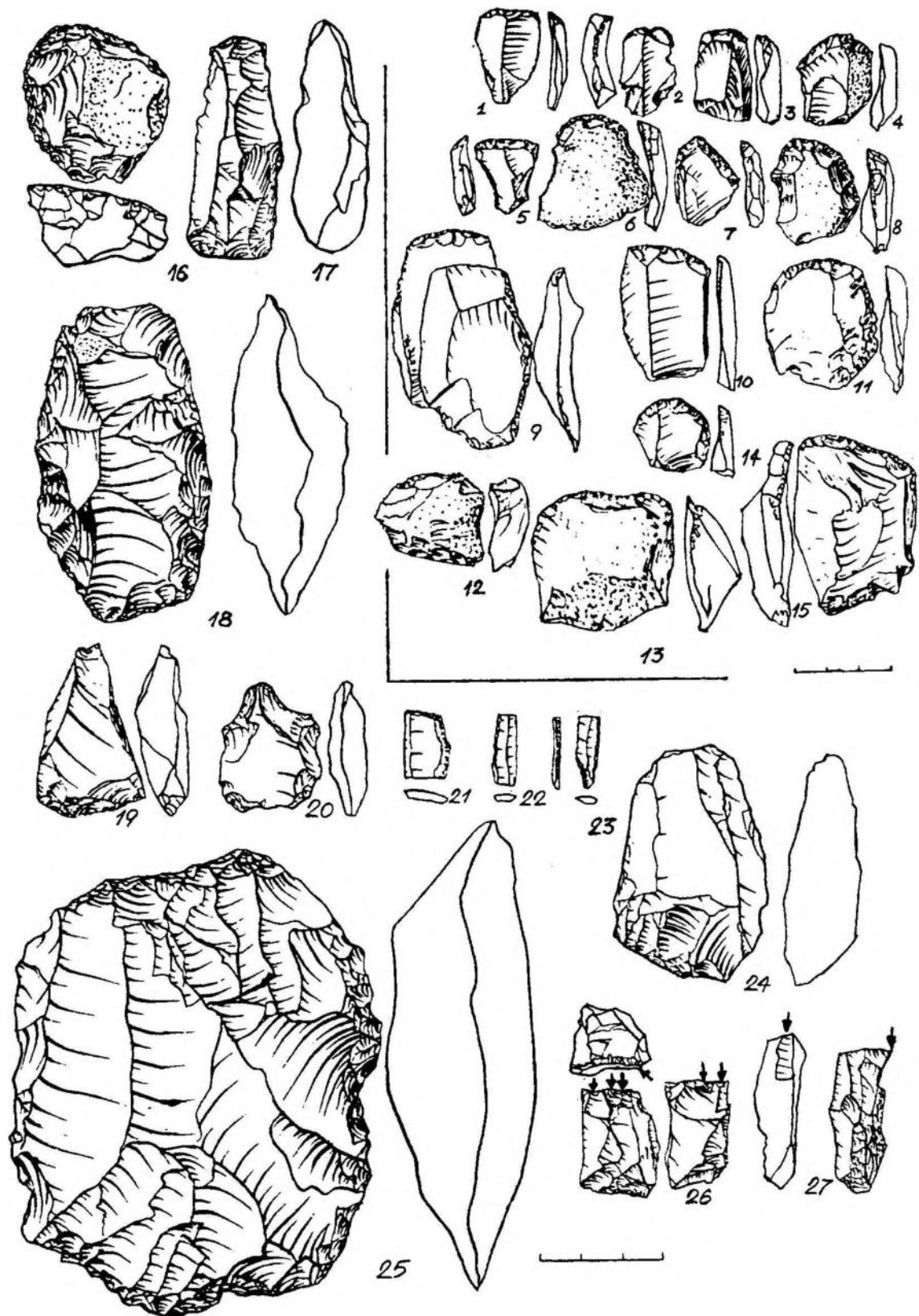

Рис. 6. Стоянка Юрьевская Горка. Орудия: 1-12, 14 - скребки; 13, 15, 16 - скребла; 17 - сверло из топорика; 18, 19, 24 - рубящие; 20 - сверло; 21-23 - пластинки с ретушью; 25 - топор из нуклеуса; 26-27 - резцы. Кремьень

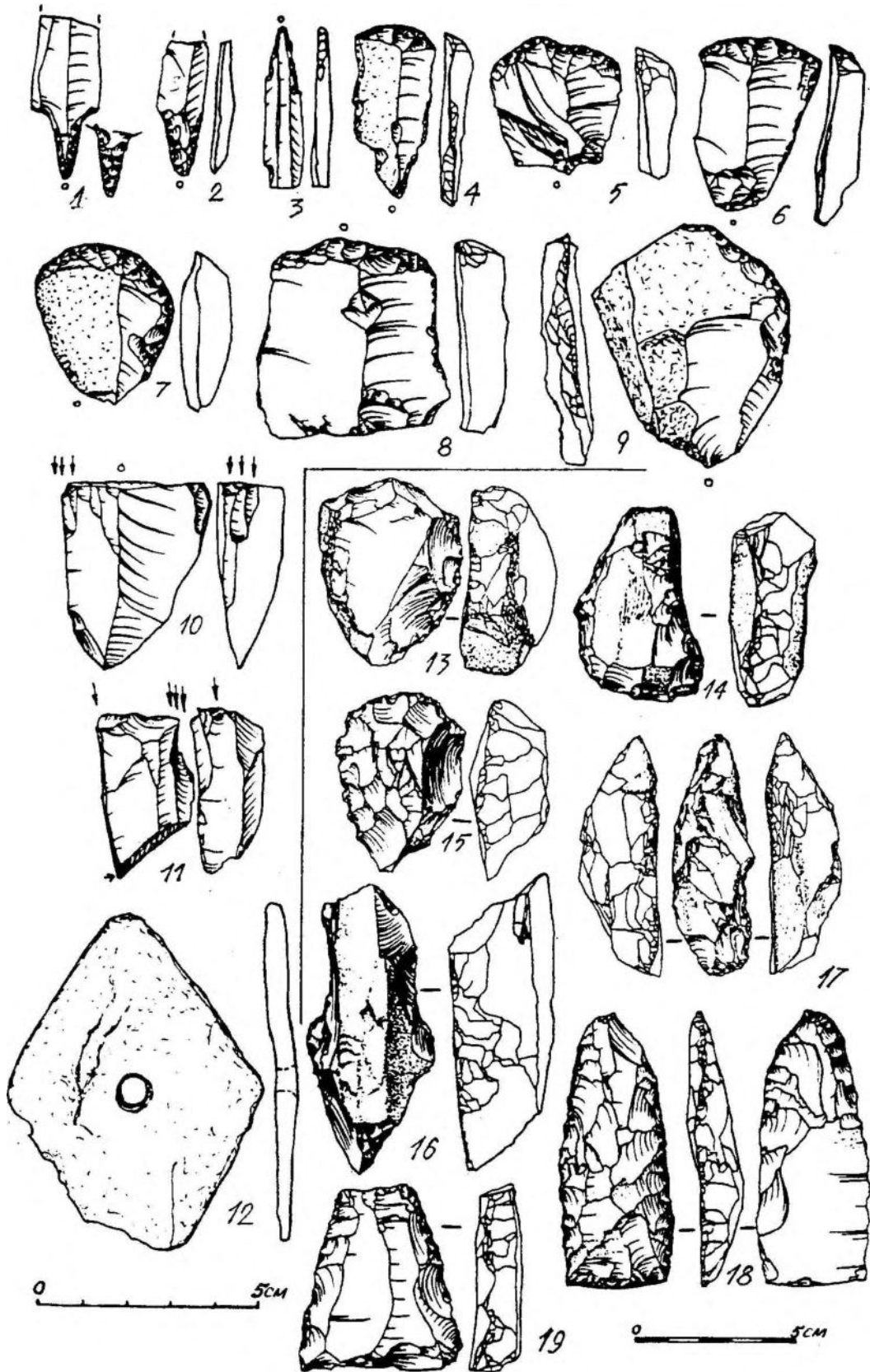

Рис. 7. Стоянка Васильево 1. Инвентарь: 1-3 - наконечники стрел; 4 - скребок-сверло; 5-8 - скребки; 9, 13, 15 - скребла; 10-11 - резцы; 12 - амулет; 14, 17-19 - рубящие; 16 - клевец. Кремьень (1-11, 13-19), сланец (12)

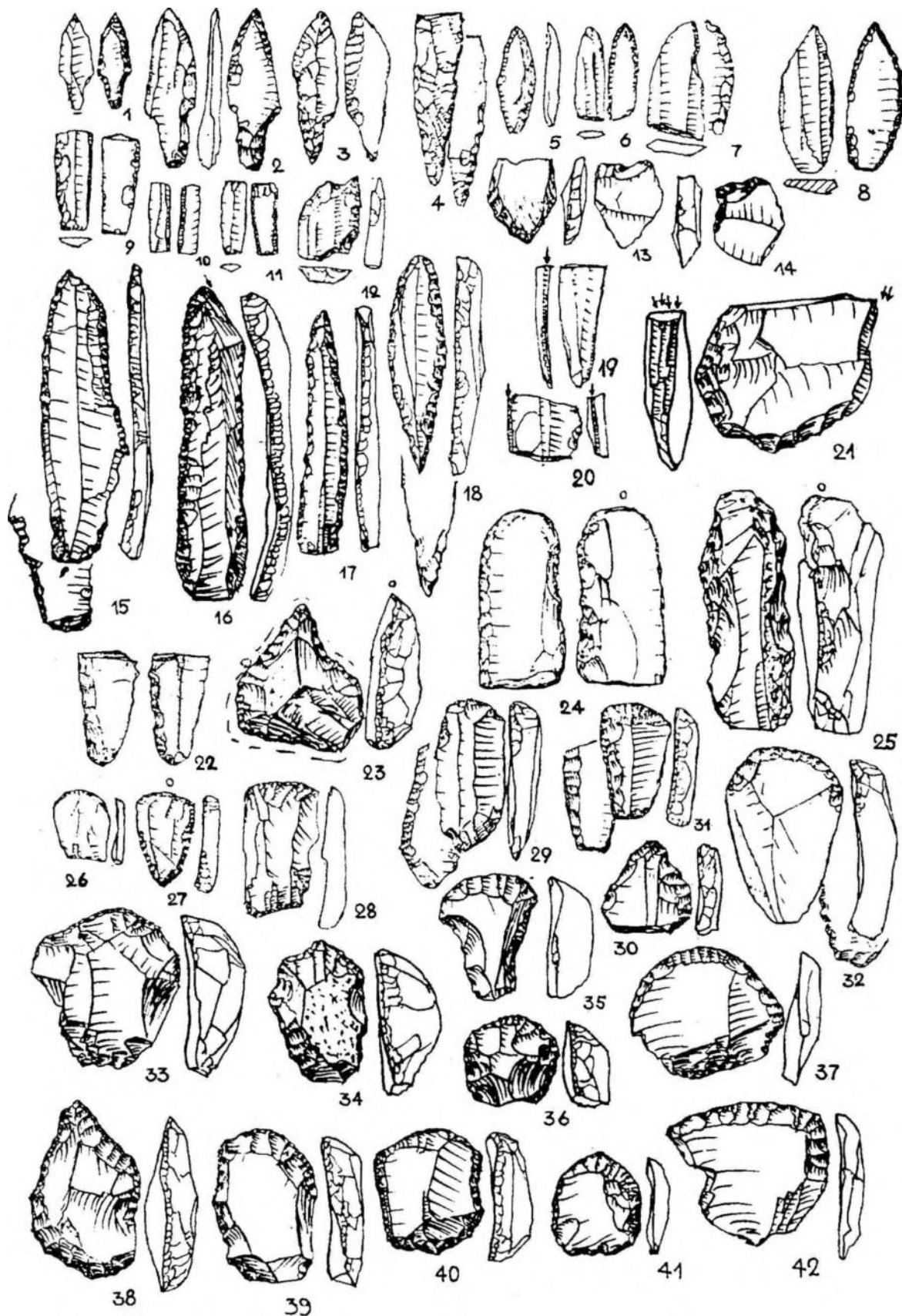

Рис. 8. Стоянка Курово 4. Инвентарь: 1-8 - наконечники стрел; 9-11 - вкладыши; 12 - ромб; 13-14 - поперечнолезвийные наконечники стрел; 15 - наконечник дротика; 16-17 - крупные пластины с ретушью; 18 - проколка-скребок; 19-21 - резцы; 22-25 - сверла; 26-42 - скребки. Кремль

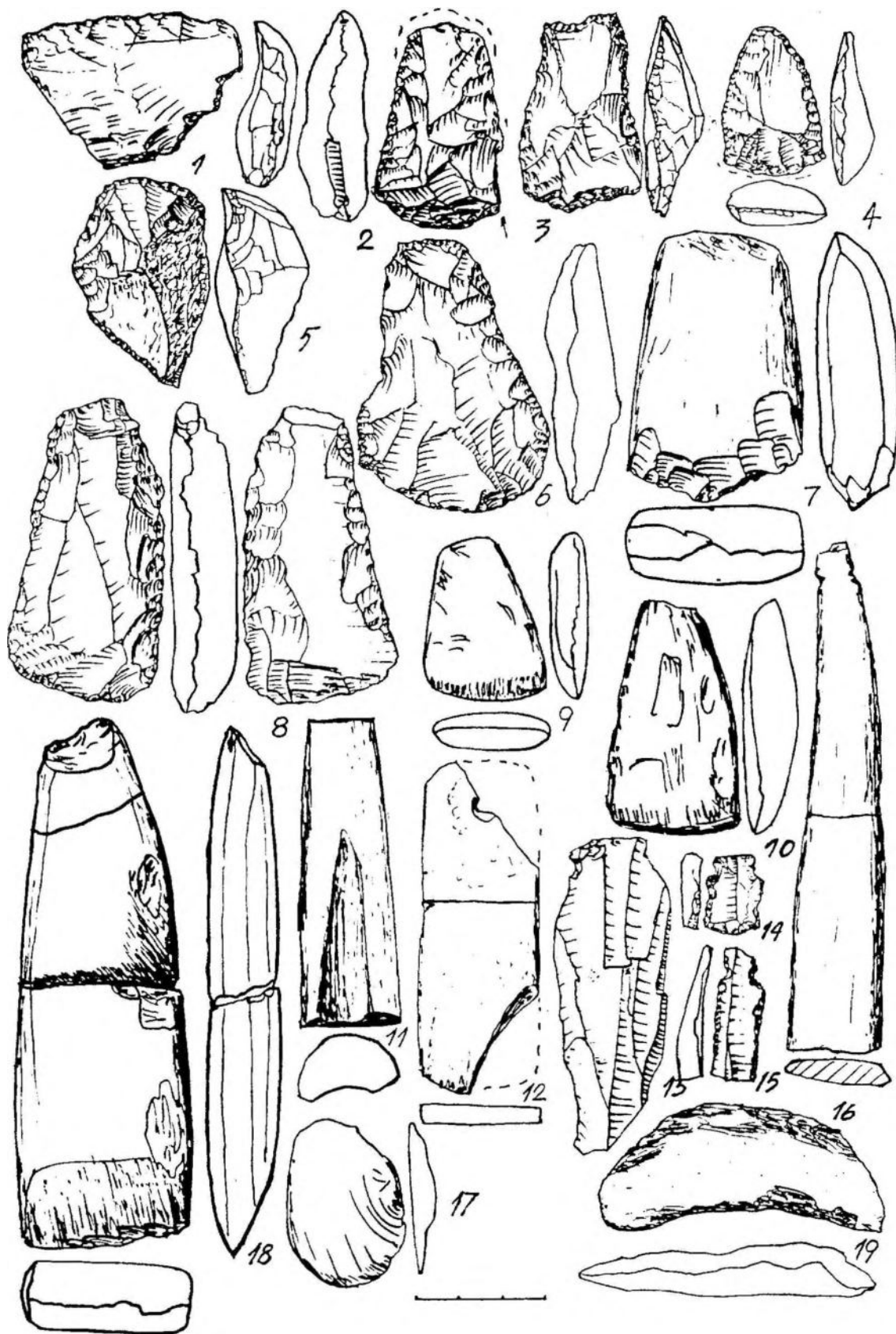

Рис. 9. Стоянка Курово 4. Инвентарь: 1, 5 - скребла; 2-4, 6, 8 - рубящие орудия без шлифовки; 7, 9-11, 17, 18 - шлифованные рубящие орудия; 12-16 - подвески; 19 - амулет. Кремль (1-6, 8, 13-15), сланец (7, 12, 16, 19), опока (9-10)

Нижний слой дал около 1.5 тыс. обработанных кремней. В верхних слоях, где собрано ок. 1.5 тыс. кремней, большую часть также составляют находки архаичного комплекса. Приуроченность к четко очерченному слою, достаточная представительность коллекции позволяют использовать его как эталон и требуют детального описания материала нижнего слоя, с привлечением отдельных деталей материала верхних слоев.

Однообразно сырье: белый окремненный известняк с прожилками серого кремня. Низкое качество сырья и непригодность к нему техники раскалывания определяют высокий процент отходов: отщепы преимущественно крупные, неправильной формы, очень много осколков. Это резко отличает Акулово от комплекса мезолитической стоянки-мастерской Васильево, базировавшейся на том же сырье (материал ее будет рассмотрен далее). Соотношение пластин, отщепов, осколков, чешуек соответственно - 53 : 411 : 234 : 196. Техника скалывания пластин очень груба, сколько-нибудь правильных микропластин всего 12, большинство - это ребристые и торцевые сколы. В верхнем слое соотношение сколов несколько иное: 254 : 763 : 563 : 876. Здесь более высокое качество пластин, разнообразнее состав кремня, хотя преобладает тот же бело-серый.

Достоверной ретуши на пластинах нет, только одну микропластинку очень нерегулярная противоположащая ретушь по двум лезвиям и легкая подправка изломов превращают в прямоугольник (рис.5,1). Подавляющее большинство орудий делалось из отщепов и желваков двусторонней оббивкой. При всей аморфности нуклеусов устойчиво фиксируются два элемента: скошенность площадки при широком фасе (9) и намечающееся ребро в основании и тыльной части у торцевых нуклеусов (15). Устойчив прием переменной ориентировки площадки и фаса - тип кубовидных нуклеусов (15). Часть нуклеусов сработана до предела и приближается к нуклеидным резцам (7), и те из них, где есть следы износа, уже причисляются к резакам (15). Остальные 30 - это аморфные осколки и желваки в начальной стадии оббивки.

Наиболее выразительна серия массивных скребел (24 в нижнем слое и 10 в верхнем). Скребла нижнего слоя чаще всего делались из крупных трапециевидных отщепов, оформлены контрударной ретушью (рис.2,3,6;3,3-7). Среди скребел из отщепов часть имеет ровный пологий дуговидный край, на некоторых видна сильная залощенность, характерная для кожевенных орудий (6). Выразительны продольные скребла с высокой, но очень ровной ретушью (3). К скреблам примыкают галечные орудия (рис.2,2,4,5;4,11) - это песчаниковые и сланцевые плитки, у которых крупными сколами оформлен дуговидный край (5); овальная галька, один конец которой обрублен серией поперечных сколов, как у чопперов; крупная сланцевая галька с продольным лезвием скребла, одна плоскость полностью оформлена крупными сколами. Эта серия близка к сибирским позднепалеолитическим и мезолитическим галечным орудиям. Очень выразительна и представительна серия рубящих орудий (52 в нижнем и 19 в верхнем слоях). По технике изготовления они близки к скреблам. Тесла в основном делались из массивных крупных отщепов, им контрударной ретушью по всему периметру придавалась овальная или трапециевидная форма, изредка подтесано брюшко, в основном заужена обушковая часть (рис.2,1; 3,1,2,8,10; 4,8,9,12). Выразительны крупные тесла из подтреугольных неправильных отщепов с четко оформленными крупными сколами лезвием и острым обушком. Среди них шесть мелких рубящих, миндалевидной формы, с острым обушком и округленным лезвием, обработаны в основном с одной стороны, с брюшка отщепа - минимальная подправка. Один из таких топориков по форме близок к остроконечникам, бока оформлены противоположащей контрударной ретушью (рис.3,12). Среди миниатюрных рубящих (4,1-7) представлено тесло транше (4,5). Топоры обработаны крупными поперечными сколами с двух сторон, обычно тоже трапециевидной или острообушной формы, они более массивны. Часть их близка к нуклеусам.

Скребки нижнего слоя (28) разнообразны по форме (рис.5,2-12,14,15). Концевые скребки на коротких массивных пластинах (5) и отщепах (6) - последние правильнее определять как трапециевидные и короткие многолезвийные (8). Следы износа на одном из трапециевидных скребков позволяют предполагать его использование как топорика, подобного острообушковым миниатюрным. Следы использования в качестве скребков есть на углах трех сечений отщепов.

Два скребка двойные, лезвия их разной ширины и крутизны, один - из пластины, другой - из отщепа с ретушью по всему периметру. Скребки относительно некрупные, ясно замечается тенденция к выработке округлой формы. К раннему комплексу может быть добавлена часть скребков из слоя делювия, где их заметно больше (48, из них на пластинах 16).

Обращает на себя внимание невыработанность техники резцового скола. Все резцы (45, рис. 5, 13, 16-26) из осколков, неправильных отщепов и остатков нуклеусов. Сколы грубые, дающие множество трещин, края выкрошены. Только семь из них могут быть условно отнесены к угловым, остальные нуклевидные. Ни одной ретушной площадки, ни одного резца с тонкой кромкой в нижнем слое нет. Они появляются в верхнем, хотя состав нуклевидных резцов здесь преобладает такой же (всего резцов 57). Характерно, что среди отщепов и осколков с трудом выделяются резцовые отщепы. Видимо, здесь совершенно не использовался упругий посредник.

В нижнем слое встречено макросверло из желвака, обработанное грубыми занозистыми сколами, в верхнем слое таких орудий шесть.

Наконечники отсутствуют, если не считать обломка острия из отщепа с минимальной подправкой и описанного выше топорика. Форму остроконечника с крутой ретушью продольных лезвий имеет крупный сланцевый отщеп, но из-за примитивности обработки трудно быть уверенным в том, что это орудие. На очень немногих пластинчатых отщепах есть нерегулярная приостряющая ретушь, показывающая использование их в качестве ножей.

Таков комплекс нижнего слоя Акулово. Основные черты его: слабо выраженная пластинчатость, обилие скребел и рубящих, присутствие галечных орудий, невыраженность техники резцового скола, отсутствие наконечников, короткие округлые скребки.

Второй архаичный памятник - Юрьевская Горка 1 - лежит при древнем створе озерной системы у подножия боковой моренной гряды, где склон гряды смыкается с тыльной частью той же озерной террасы. Стоянка исследована И.В.Ислановой при раскопках грунтового могильника с трупосожжениями и селища X в. н.э. на площади около 1 тыс. кв.м. Материал залегает, не образуя скоплений, в слое песка и подзола до глубины не более 35 см от поверхности, не распространяясь на участки собственно террасы. Геологические условия здесь менее ясные, чем в Акулово, материал не тождественен.

Всего здесь собрано около 2,4 тыс. обработанных кремней. Сортированность материала незначительна - чешуек и мелких отщепов, которые обычно подвергаются сносу, достаточно много. Но это и не мастерские нигде не встречены участки концентрации отходов производства, мало нуклеусов. Техника раскалывания оставляет весьма много осколков - столько же, сколько отщепов. Нуклеусы многосторонние, с неустойчивой ориентацией, и только небольшие их части имеют следы нескольких параллельных снятий. Им вполне соответствует отщеповый характер материала. Выделяется крупный плоский нуклеус со скошенной площадкой, фас несет негативы широких пластинчатых сколов, периметр подправлен крупной контрударной ретушью. Возможно использование нуклеуса в качестве топора (рис.6,25). Несколько обломков нуклеусов с ретушированными площадками для снятия микропластин встречены компактно в южной части раскола. Часть нуклеусов - из массивных отщепов.

Пластин относительно много, и среди них встречаются совершенно правильные с трехгранной спинкой и микропластинки - в основном короткие сечения (91 из 264). Изредка на них отмечаются мелкая нерегулярная ретушь, притупливающая край (16 - рис. 6, 21-23), и следы использования. Среди орудий из пластин есть только скребки (27).

Рубящие орудия (рис.6, 18, 19, 24) - топоры (7) с двусторонней трапециевидной формы, и тесла с зауженным обушком - едва приспособленные минимальной подправкой отщепы (4). Скребла (10) - из массивных подтрапециевидных отщепов, для них характерны крутые, со ступенчатой ретушью лезвия, в четырех случаях обработка переходит на боковые лезвия орудия, придавая им округлую форму (рис.6,15,16).

Основную часть орудий составляют скребки (87 - рис.6, 1- 12,14). Среди них значительную часть составляют концевые на сечениях и обломках пластин (27). Лезвия округлые, не переходящие на бока, продольная ретушь есть только у одного. Два пластинчатых скребка имеют клювовидные

лезвия. Остальные скребки - из отщепов и осколков, с ретушью как по концу, так и с переходом ее на боковые лезвия; нередко двойные, короткие и округленные; концевых и трапециевидных из массивных отщепов немного.

Резцы (28) - нуклеидные осколки со сработанностью углов и попытками резцовых подправок, гораздо меньше - из массивных отщепов с единичными крупными сколами на углу излома (рис. 6, 26, 27).

Макросверла (5) с вытянутым массивным носиком, сделаны грубой двусторонней оббивкой. Смытость, стертость углов, позволяющая предполагать использование в качестве сверл, есть у восьми отщепов и осколков, скребка и серии макросверл с длинным обработанным крупными сколами носиком (рис. 6, 17, 20).

Комплекс Юрьевской Горки сближают с комплексом нижнего слоя Акулово 1 следующие признаки: слабо выраженная пластинчатость; присутствие серии скребел и топоров, иногда сходных по форме; тенденция к округлости скребков; невыраженность резцов, отсутствие наконечников и геометрических микролитов. Однако, столь архаичных форм, как в Акулово, здесь уже нет, и более развита техника снятия пластин. Этот памятник входит в круг акуловских комплексов, но он более поздний.

Последующее развитие акуловской традиции мы обнаруживаем на стоянке Васильево 1 в 300 м ниже Юрьевской Горки. Памятник раскопан почти полностью, вскрыто 290 кв.м. Исследован жилой участок, выделяющийся гумусированностью, с множеством крупных ям и законченных орудий, на краю которого - песчаниковая плита и пятно охры. Вне жилого участка располагалось множество мастерских по обработке кремня.

Комплекс Васильево 1 отличается от предыдущих более выраженной пластинчатостью. Нуклеусы, в основном, торцовые, с переменными фасадами, площадки не подправлялись. С них снимались крупные массивные пластины, из которых сделано большинство скребков. Микропластинки единичны и использовались без ретуши, нерегулярная ретушь есть только у двух сечений пластин. Крупные пластины использовались как ножи, без специальной подправки. Притупленный ретушью обушок есть у одной массивной пластины. Наконечники стрел представлены тремя фрагментами, по-видимому, постсвидерской формы (рис. 7, 1-3).

Большая часть скребков (30 - рис.7, 4-8) сделана из сечений крупных массивных пластин, реже - из цельных пластин. Один из них комбинирован со сверлом, жальце которого выделено плечиками (рис.7, 4). Скребки на отщепах (6) требуют более полной ретуши, два имеют круговую обработку (у одного оформлена выемка, от которой нанесен резцовый скол, срубаящий кромку), еще два довольно аморфны, ретушь нерегулярная, частью противоположащая. Скребок высокой формы из ребристого скола имеет весьма архаичный вид. Достаточно представлены скребла (9). Среди них - как архаичные массивные из толстых отщепов с круто обрубленными краями, так и концевые (рис. 7, 13, 15) из удлинённых отщепов, из крупных широких пластинчатых отщепов, отличающиеся от концевых скребков лишь размерами, и боковые с длинным дуговидным краем (рис. 7, 9).

Рубящие разнообразны, и несмотря на то, что каждый тип представлен единичными образцами, повторяемость этих типов в других комплексах позволяет говорить о них не как о случайных модификациях, а именно как о типах. Здесь мы находим массивные трапециевидные с зауженными обушками топоры и тесла (рис. 7, 19), сделанные из кремневых желвачков или галек двусторонней оббивкой (рис. 7, 14) и из отщепов (8), миндалевидные топоры с острым обушком - из желваков (3), тесла из крупных трапециевидных отщепов с полностью ретушированным периметром (2) и одно, по-видимому, из пластины, отличающееся оформлением длинными пологими сколами, ударный бугорок которого снят плоской подтеской (рис. 7, 18). Такие тесла есть и в бутовских, и в иеневских комплексах. Своеобразное изделие может быть истолковано как клевец или кирка: массивный насад оформлен выемками, как у топоров с перехватом, а острый клювовидный конец имеет естественную форму осколка (рис.7,16). Четыре макролитических орудия, оформленные крупными сколами, из массивных первичных отщепов и желваков, имеют трехгранные острия со следами использования их как макросверл

(рис. 7, 17). Имеется одно сланцевое долото из гальки с шлифованным лезвием, остальная часть орудия не обработана.

Резцы маловыразительны и малочисленны (14 - рис.7,10,11), со следами нескольких неудачных попыток сколов. Один из них - на правильном пластинчатом отщепе с длинным тонким сколом, остальные относятся к нуклеидным. Не исключено, что часть их - это использованные до предела нуклеусы. Четкий резцовый скол есть на одном из скребков.

Оригинальное изделие - крупная ромбовидная сланцевая плитка со сверленным отверстием в центре (рис.7,12).

Комплекс Васильево 1 продолжает традицию Акулова в использовании скребел, рубящих орудий, макросверл, невыразительности техники резцового скола. Существенно новое это переход к широкому использованию крупных пластин, хотя и без специфических микролитических орудий. На этом фоне постсвидерские наконечники и тесло из крупной пластины смотрятся прямым заимствованием, а присутствие в этом комплексе изделий из старицкого кремня может свидетельствовать о контактах с населением южного склона Валдая.

Памятник такого рода - не единственный в бассейне р. Съежи. Небольшой раскоп на стоянке Мерлугино-больница дал серию таких же скребков на крупных пластинах.

Наиболее поздняя группа мезолитических стоянок может быть охарактеризована комплексом Курово 4. Это почти полностью раскопанное поселение (1200 кв.м), где выделялось около 14 жилых пятен, частью накладывавшихся друг на друга. Состав инвентаря всех пятен очень близок. Жилища располагались на исключительно удобном для рыболовства мысу в глубине залива. На краю мыса было четкое пятно охры, в котором залежали стопка отщепов и плитка, на которой растирали краску.

Здесь мы встречаемся с выработанной микропластинчатой техникой - сотни правильных пластин, преимущественно мелких, использовались как вкладыши, обычно без ретуши. Единственная серия микролитических орудий - прямоугольники, с разной полнотой ретуши по периметру (8 - рис.8,7-11). С некоторой натяжкой к ним могут быть отнесены ромб из сечения пластины (рис.8,12) и остря из пластин с дугообразно ретушированным краем (3- рис.8, 7). Есть и крупные пластины, часть их использовалась как ножи с минимальной подправкой ретушью, у некоторых продольные лезвия ретушированы сплошь крутой мелкой ретушью. Среди них - ножи, проколки, пилы. Значительная часть орудий сделана из пластин. Это большинство наконечников стрел, пятая часть скребков, пластины с выделенной выемками головкой. Основную часть коллекции составляют скребки (около 600), в большинстве короткие, многосторонние, округлые или подпрямоугольные, с довольно крутыми от длительного использования краями (рис.8,26-42). Скребков с пологой ретушью немного, и они, главным образом, концевые на пластинах или пластинчатых отщепах. Характерный прием оформления концевых скребков - противоположная ретушь боков (рис.8, 29,31). Имеются фигурные скребки с выделенным носиком, сочетающие участки скобелей и скребков, двойные, угловые, боковые, скобели многовыемчатые на удлинённых отщепах. Очень крупные скребки переходят уже в категорию скребел, но есть и настоящие скребла, хотя их немного - массивные, со ступенчато ретушированным лезвием.

Одна из самых массовых категорий - рубящие нешлифованные орудия. Их, не считая заготовок, около 160 (рис.9,2-4,6-8). Большинство - тесла трапециевидной и миндалевидной формы, как из отщепов, так и из цельных желваков и галек, разной степени обработки, иногда явно из скребков. Некоторые меняли ориентировку - есть следы использования их и как тесла, и как топоры. Более груба форма долот, отличавшихся выкрошенностью середины лезвия и неопределенностью обушковой части.

Но самой оригинальной частью коллекции являются шлифованные тесла, топоры и стамески (55, считая определимые осколки, - рис.9,7, 9-11,17,18). Разнообразен их материал: окремненный известняк, низкосортный кремень, сланец, опока, песчаник. Некоторые шлифованы почти полностью, есть с четкими желобками, не уступающие по качеству неолитическим желобчатым теслам. Правда, почти нет устойчивых серий - орудия очень индивидуальны. Интересно, что настоящих шлифовальных плит на памятнике не встречено. Есть небольшие оселки, бруски, но они не пригодны для изготовления крупных рубящих орудий.

Довольно много сверл (50 - рис.8, 22-25). В основном – это массивные удлиненные отщепы с круто ретушированными крупными сколами краями, сильно сточенным носиком; ребристые сколы или осколки с удобными массивными выступами, использование которых легко определяется по специфической сточенности.

Наконечники стрел очень разнообразны, нередко ретушированы по всему периметру (рис.8,1-8). Среди них – черешковые, листовидные, с минимальной подправкой насада из пластин и отщепов. Довольно много небольших сечений пластин или отщепов, ретушированных по всему периметру, кроме короткого острого лезвия, которые можно истолковать как поперечно-лезвийные наконечники.

Среди оригинальных изделий – крупные сланцевые и кремневые подвески с выделенной выемками головкой (рис.9,13-16), со сверлиной (рис.9,12), амулет из ретушированной сланцевой плитки в виде месяца, поверхность его окрашена охрой (рис.9,19), кварцитовое сверленное навершие.

Кремневые изделия куровского облика характерны для тех неолитических стоянок, где встречена раннеолитическая керамика: Курово 2, Гадомя 9. Это позволяет рассматривать местный ранний неолит как непосредственное продолжение традиции, идущей от Акулово.

Итак, в одном небольшом районе удалось проследить преемственность культуры на протяжении тысячелетий – от первоначального заселения берегов молодого приледникового озера до среднего голоцена. Чистый и достаточно представительный комплекс Акулово 1 позволяет искать прародину людей, осваивавших Приледниковье. Все эти черты присущи в полном составе только архаичным комплексам сибирского палеолита. Генерализовано облик его может быть охарактеризован следующим образом: обилие коротких многосторонних скребков, преимущественно из отщепов, невыработанность резцовой техники, присутствие микропластин при общем отщеповом характере индустрии, достаточно большое количество скребел, в том числе галечных, и рубящих орудий [11]. Все эти черты специфичны и для Акулово. Есть и отличия: в Акулово не хватает долотовидных орудий, нет достоверных остроконечников. Но по этим признакам Акулово ближе к ранним сибирским памятникам, таким как Афонтова Гора, Мальта, Санный Мыс. Хронологически, если верна наша датировка, Акулово оказывается старше кокоревской культуры, что и определяет возможность ранних параллелей. По-видимому, перед нами следы первоначального населения Приледниковья, незадолго до этого мигрировавшего из Сибири. Именно эти мигранты и могли стать предками финских народов.

Каменная техника финального палеолита и раннего мезолита Центра Русской равнины и Центральной Европы существенно иная. Здесь определяющая черта – пластинчатость, серии орудий на пластинах, в том числе геометрические микролиты, выразительные резцы с уверенно читаемыми резцовыми сколами, тоже преимущественно на пластинах. Есть культуры, дающие серии скребел и рубящих орудий, хотя количество их гораздо меньше, чем в Акулово, а также относительно низкий индекс пластин (ранние памятники иеневской культуры). Но и здесь резцовая техника и серии наконечников резко противопоставляют их Акулово. Нуклевидные резцы и резцы с тонким сколом с низким индексом пластин характерны скорее для финального мезолита. В комплексах же, следующих за Акулово, индекс пластин и их качество возрастают.

На стадии среднего мезолита (Васильево) мы обнаруживаем, с одной стороны, достаточно полную преемственность от Акулово, с другой – следы контакта с бутовской культурой, скорее всего с Тудовской группой в верховьях Волги, которая принадлежала тогда бассейну Ледовитого океана, а часть валдайских озер – бассейну Балтики. Среди стоянок Севера наибольшую близость к нашему материалу мы видим в комплексах Нижнего Веретья и могильника Попово [3]. Эти аналогии позволяют датировать Васильево приблизительно 9000-8500 л.н. Появление свидерских элементов и прямых импортов с верховий Волги подтверждает такую датировку. Ничтожная плотность населения облегчала проникновение на новые территории инокультурных групп. По-видимому, пластинчатый комплекс Бологовской стоянки [12,с.67-70] – след такой чужой группы. Другой случай – Лотова Гора с четкими аналогиями в бутовской культуре [13]. Но контакты с бутовской культурой вовсе не означают смену населения и отход от местной традиции: заимствования во-

сполняют то, чего не хватало акулловской традиции - наконечники стрел и технику снятия крупных пластин. Продолжение акулловской традиции на стоянке Курово 4 достаточно наглядно. В то же время многочисленные аналогии показывают, что это далеко не локальное явление. Аналогичный материал имеется на стоянках Усть-Андога [14], Андозеро М [3], широко представлены такие же комплексы в Карелии на памятниках с кремневым инвентарем [15]. Их характеризуют те же признаки: обилие аморфных коротких скребков, невыработанность резцовой техники, использование неретушированных сечений микропластин (из геометрических микролитов есть только прямоугольники), обилие рубящих и макросверла. Есть ряд специфических совпадений - крупные подвески, в том числе с выделенной ретушью головкой, кварцевые наворачия. С.В.Ошибкина отметила культурную близость традиции Нижнего Веретья - Андозера М с культурами суомусъярви и кунда. Курово позволяет очертить южную границу этой общности. Единственное совпадение с бутовской культурой - спорадическое появление свидероидных наконечников стрел, которое легко объясняется заимствованием и никак не может служить основанием возводить генезис северного мезолита к бутовской традиции. Трудно представить бутовскую традицию практически без резцов. Это не исключает возможности отдаленного родства этих культур, но в настоящее время мы можем говорить только о параллельном их существовании и взаимодействии. И лишь во взаимодействии проявляется результат древнего отдаленного родства, дававшего возможность культурам влиять друг на друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
2. Кольцов Л.В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // В данном сборнике.
3. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
4. Римаутене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
5. Кравцов А.Е. Новые данные по мезолиту бассейна Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
6. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
7. Фролов А.С. Стоянка Заозерье 1 на Москве-реке // КСИА. 1987. Вып. 189.
8. Сорокин А.Н. Рассетинская культура // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987.
9. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
10. Бутаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников Правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.
11. Абрамова Э.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.
12. Зинина М.П. Боровичская мезолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1974.
13. Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.
14. Кандакова Н.В. Проблема периодизации памятников с каменным инвентарем в бассейне Шексны // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.
15. Филатова В.Ф. Мезолитические памятники Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V. V. Sidorov

THE MESOLITHIC OF THE SYEZHA BASIN

Summary

The traces of the humans at the periglacial zone are met in situations, which can refer them to the late glacial fase. But the cultural interpretation of this minor complexes is not certain. Some early sites were excavated on the lakes Udomlya and Navolok. The earliest of them is Akulovo 1. The tools were found in the alluvial segmentation of a high terrace, which can be dated 15-13 millenium B.C. The original of this culture may be in the paleolithic culture of Siberia (Afontova Gora). The mesolithic sites

are situated on the high terrace. This culture's origin is Akulovo (Jurjevskaya Gorka), but it has the traces of the influence of the Butovo culture (Vasiljevo1). The latest mezolithic site Kurovo 4 continues the Akulovo tradition from to beginning of the Neolithic. It is included in the Suomooosyarvi culture. The mane indications of this tradition are the abundance of the side-scrapers, the axes, a small number of blade tools and burins. All this indications describe the mesolithic cultures of the periglacial zone.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

А. Н. Сорокин О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ БУТОВСКОЙ И ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУР

Интерес к мезолиту Волго-Окского бассейна вызван не столько центральным географическим положением региона, сколько разнообразием и сложностью тех проблем, которые с ним связаны. Немаловажный факт, что рассматриваемая территория по сравнению с другими областями России в источниковедческом отношении является одной из наиболее полно изученных [1, с.68-86]. Достаточно сказать, что к настоящему моменту уже не менее сотни памятников подверглись стационарным раскопкам.

История изучения мезолита Волго-Окского бассейна насчитывает свыше 100 лет и связана с именами В.А.Городцова, А.Я.Брюсова, П.Н.Третьякова, М.В.Воеводского, Д.А.Крайнова, А.А.Формозова, Л.В.Кольцова, В.В.Сидорова и других археологов. Впервые идея о его существовании в регионе была сформулирована в 1930-е гг. М.В.Воеводским и развита им в 1940-е гг. [2-4]. Эта гипотеза о существовании волго-окской мезолитической культуры разрабатывалась в 1950-60-е гг. сначала А.А.Формозовым [5;6], а затем получила свое окончательное выражение в 1960-70-е гг. в работах Л.В.Кольцова [7, с.178-184;8]. Дальнейшие исследования показали предварительный характер такого выделения: в 1976 г. Л.В.Кольцов разделяет ее сначала на две, а годом позднее на три самостоятельные, генетически чуждые друг другу культуры [9, с.21-26; 10, с.22-26]. Если появление елиноборской культуры можно считать, в лучшем случае, археологическим курьезом, то, напротив, последующие исследования подтвердили правомерность выделения бутовской и иеневской культур. Гипотеза о культурном многообразии мезолита Волго-Окского бассейна получила свое дальнейшее развитие в начале 1980-х гг. в работах автора данной статьи [11, с.41-46; 12, с.12-19]. Отсутствие культурного единства мезолита региона определялось совокупностью причин, важнейшими из которых были: известная временная протяженность периода и разновременность заселения теми или иными группами территории, поликультурность пришлого населения, его относительная разреженность и сезонная подвижность, отсутствие естественных географических рубежей и т.д.

Естественно, что количественный рост источников и усложнения общих представлений сопровождаются неразработанностью и дискуссионностью большинства ключевых вопросов в изучении культур, таких как периодизация и хронология, синхронизация и генезис. Не менее спорной является и проблема возможного взаимодействия их населения. К сожалению, число независимых дат по-прежнему остается крайне незначительным, что позволяет соотносить во времени те или иные культуры достаточно условно. Невелико и количество признаков, указывающих на те или иные культурные заимствования и контакты. Тем не менее, такие факты есть, и они требуют своего объяснения. Учитывая относительно лучшую изученность в настоящее время бутовской и иеневской культур среди других волго-окских культур, попытаемся определить вопросы взаимоотношения первобытного населения на их примере.

Вопрос о взаимоотношении населения бутовской и иеневской культур впервые был поставлен

и рассмотрен А.В.Кольцовым. Он считает их сугубо враждебными и рисует мрачную картину конкисты и реконкисты в духе раннего средневековья [1]. Имеющиеся данные не подтверждают, однако, этой эпопеи. Разберемся с этим несколько подробнее. Сначала несколько слов о бутовской культуре.

Бутовская культура. Была выделена в 1976 г. А.В. Кольцовым и отнесена им к кругу памятников свидерской традиции [9;10]. Позднее ее характеристика была изложена в ряде работ автора данной статьи [13]. Наиболее выразительными памятниками являются Суконцево 7, Петрушино, Задне-Пилево 1 и 2, Заборовье 2, Черная 1, Елин Бор, Борисово, Красная 3, Исток 1(верхний слой) и Соболево 5.

Все известные к настоящему времени бутовские стоянки располагаются в зандровой зоне Восточной Европы, локализуясь в пределах Волго-Окского бассейна. Судя по палеогеографическим данным, развитие культуры проходило на фоне крупных экологических изменений растительного и животного мира, когда осуществлялась смена лесотундрового пребореального комплекса таежным бореальным. Зандры с их обилием биологических ресурсов в раннеголоценовое время становятся оптимальным для жизни и наиболее привлекательным для заселения местом, поэтому начинают активно осваиваться. Население бутовской культуры предпочитало занимать речные и озерные террасы или омываемые водой песчаные острова. Приуроченность стоянок к рыхлым песчаным отложениям неблагоприятно сказалась на условиях формирования культурных слоев и степени сохранности остатков. В результате почти единственным для анализа оказался каменный инвентарь. Все это с особой остротой определило необходимость оценки надежности имеющихся материалов. Качественному анализу был подвергнут весь имеющийся массив данных. Сопоставление комплексов друг с другом, их взаимная перепроверка и доказательство "чистоты", отсеивание смешанных, сортированных и очень мелких собраний позволили не просто ограничить число надежных в источниковедческом отношении памятников, но и уловить то общее, что, помимо пластинчатости, объединяет бутовскую индустрию. Было установлено, что из 94 коллекций, отнесенных разными авторами к бутовской культуре, не более 19 могут быть использованы для культурологических целей [13].

Проведенный источниковедческий анализ дает основание утверждать, что эталонные памятники бутовской культуры обладают единством в первичной и вторичной обработках, а также в типологии инвентаря. Техника первичной обработки основывается на утилизации нуклеусов параллельного снятия, предназначенных для получения пластин. Во вторичной обработке использовались:

- 1) крутая затупливающая ретушь;
- 2) резцовая техника;
- 3) приостряющая и уплощающая ретушь;
- 4) двусторонняя оббивка;
- 5) шлифовка.

Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцовая техника. По нашему мнению, стандартный типологический набор бутовской культуры включает: скребки концевые, двойные, подокруглые, боковые; резцы на сломе заготовки, ножи с приостряющейся краевой ретушью, вкладыши на фрагментированных пластинах, косые острия, сверла с невыделенным рабочим концом, скобели с мелкими дугообразными узкими и широкими выемками, постсвидерские наконечники стрел иволистной и черешковой формы, микролиты с затупленным ретушью краем, изделия с поперечно-срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти типы являются массовыми. Ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скроби и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их ограничено. Прочие типы орудий, которые могут встречаться на тех или иных памятниках этой культуры, как правило, единичны и в целом не влияют на облик культуры.

Названный выше набор является поселенческим. Следует, однако, подчеркнуть, что бутовская культура не обладает ни одним специфическим, присущим только ей типом орудий. Взятый сам по себе каждый из этих 25 типов может присутствовать в ряде мезолитических культур Восточной

Европы, и только в Волго-Окском бассейне они создают устойчивый, повторяющийся набор, определяющий облик названной культуры.

Памятники раннего этапа, являющиеся предметом данного исследования, судя по 20 радиоуглеродным датам стоянок Суконцево 7, Черная 1, Малая Ламна 3 и Новошино, существовали, приблизительно, в диапазоне от 9500 до 8500 л. н., то есть в пребореальное и бореальное время. При этом стоянки с трапециями (Исток 1, Борисово, Красная 3, Микулино, Новошино и Малая Ламна 3) образуют узкий хронологический пласт, ограниченный, по-видимому, нач. VII тыс. до н.э.

Формирование культуры, по мнению А.В.Кольцова, происходит на базе свидерской культуры [1]. По нашему мнению, наибольшее сходство у бутовской культуры прослеживается не со свидерской, а с рессетинской культурой. В результате сопоставления кремневых комплексов бутовской культуры со свидерскими становится ясным, что свидерские элементы при этом не были основными. Наличие большинства признаков, составляющих классический бутовский ансамбль, в материальной культуре аборигенного населения Волго-Окского междуречья позволяет говорить о том, что позднее свидерское население, достигнув Волго-Окского бассейна, встретилось здесь и, по-видимому, вступило в контакт с носителями местной рессетинской культуры, также существовавшей в конце палеолита - начале мезолита, откуда новая культура и получила основную массу своих признаков. Именно этим лишь и можно объяснить наблюдаемое между бутовской и рессетинской культурами сходство в технике первичной и вторичной обработки и близость в типологии [14, с.24-34].

Теперь обратимся к памятникам иеневской культуры.

Иеневская культура. Была выделена А.В.Кольцовым в 1977 г. [10]. К настоящему времени насчитывается уже не менее сотни памятников, однако представительные и надежные коллекции составляют едва ли более полутора десятков комплексов. Судя по ним, для культуры характерны отщеповая, пластинчатая и микропластинчатая индустрии первичной обработки, основанные на утилизации одно-, двух- и многоплощадочных ядрищ конической и призматической форм и аморфных. В качестве заготовок для орудий использовались отщепы, пластины и, реже, микропластины. Во вторичной обработке широко использовались затупливающая и приостряющая ретушь, спорадически встречаются уплощающая ретушь, псевдомикрорезцовая техника и транше. Среди орудий представлены резцы с ретушированной и неподработанной площадками скола, концевые, скошенные, округлые, боковые и двойные скребки, скобели с широкими и узкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, комбинированные орудия, перфораторы. Разнообразны рубящие изделия - топоры и тесла с перехватом подовальной и подтрапециевидной формы, долота. Выразительны аренсбургские и постаренсбургские наконечники с боковой выемкой и симметричные черешковые, изредка присутствуют постсвидерские наконечники стрел. Имеются косо- и поперечнолезвийные наконечники, в том числе трапеции, присутствуют треугольники, сегментовидные и ланцетовидные острия. По вопросу генезиса иеневской культуры автор согласен с мнением А.А.Зализняка, утверждающего, что она оставлена потомками аренсбургского населения [15].

Первая периодизация иеневской культуры, включавшая четыре этапа в ее развитии, была предложена А.В.Кольцовым лишь в 1989 г. [1]. Источниковедческий анализ показал, однако, что такая дробность не имеет достаточных оснований [16]. Нам кажется, что в основу периодизации рассматриваемой культуры должно быть положено развитие форм аренсбургских наконечников и трапеций. Тогда становится очевидным тот факт, что в иеневской культуре есть лишь три группы памятников: с черешковыми наконечниками, но без геометрических форм, с наконечниками и трапециями, только с трапециями. Для ее раннего этапа характерны аренсбургские, постаренсбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Вероятно, уже в это время появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Трапеции же и треугольники пока неизвестны. К этому этапу могут быть отнесены стоянки Усть-Тудовка 1, Умрышенка (раскоп 2), а также, вероятно, Высокино 6 и Староконстантиновская 4. Второй этап знаменуется

появлением трапеций при сохранении всех постаренбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. Указанные закономерности хорошо прослеживаются на примере стоянок Староконстантиновская 2 и 6, Умрышенка (раскоп 1 и 3), Ладыжино 3, Журавец, Дмитровское, Богоявление, Пеньково и Сельцо 3. На заключительном третьем этапе исчезают алтыновские вкладыши, неизвестны черешковые и асимметричные постаренбургские наконечники, косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Представительных памятников без асимметричных и черешковых постаренбургских наконечников всего два - Иенево 2 и Коприно. Они и представляют третий заключительный этап культуры.

Асимметричные наконечники с боковой выемкой, "алтыновские вкладыши", косолезвийные наконечники, трапеции и треугольники в иеневской и родственной ей деснинской культурах образуют единый типологический ряд. Судя по имеющимся данным, асимметричные наконечники с боковой выемкой относятся, по крайней мере, к финальному палеолиту, а трапеции и треугольники появляются, по-видимому, в пребореале. Таким образом, уменьшение размеров предметов охотничьего вооружения в иеневской и деснинской культурах служит проявлением адаптивной реакции на все большее распространение лесов в раннеголоценовое время.

Каковы основания предложенной периодизации? Для ответа обратимся к хронологии стоянок. Исследования А.Е.Кравцова и А.Н.Сорокина [16; 17, с.8-10] показывают, что время существования иеневской культуры, определяемое А.В.Кольцовым от конца бореального до начала атлантического периода [1], не подтверждается независимыми датами и охватывает период, примерно, от конца молодого дриаса до бореала включительно. Концом ледникового времени датирована иеневская стоянка Усть-Тудовка 1. Возраст Шильцевой Заводы 5 находится в интервале от Dr-3 до конца Pб включительно. Пребореальным временем датированы Ладыжино 3 и Беливо 6В. Стоянка Брагино датирована пыльцевым методом не позднее начала бореального времени. Лишь единственный памятник - Митино 5 относится к концу бореального периода, но дата эта нуждается в проверке. Таким образом, пока нет серьезных оснований говорить о существовании иеневской культуры позднее бореального времени, что позволяет ограничить верхнюю границу ее эволюции именно указанным отрезком. Критический анализ имеющихся данных и новейшие датировки памятников позволяют не просто удревнить в целом хронологию иеневской культуры, но и говорить лишь о ее раннемезолитическом возрасте.

К какому же времени относятся контакты бутовской и иеневской культур и были ли они вообще? На последний вопрос, вероятно, следует ответить положительно. Во всяком случае, выделяется целая группа стоянок с доминантой признаков иеневской или бутовской культур, но в которых четко выражена инокультурная примесь. Все они условно объединяются термином "памятники смешанной традиции". Так, например, типично иеневские косолезвийные наконечники в стоянках бутовской культуры имеются в комплексе второго жилища Петрушино и верхнем слое Исток 1. Серия "иеневских изделий" встречена и в бутовской стоянке Беливо 4А. Но более многочисленны иеневские комплексы, в которых встречены постсвидерские наконечники стрел. Конечно, присутствие постсвидерских наконечников в иеневских материалах можно объяснить по-разному. Оно может быть вызвано и смешанностью комплексов, и их генезисом из стоянок типа Коромка Верхнего Поднепровья (при условии чистоты последних), и стадильностью явления, и, наконец, влиянием какой-либо из постсвидерских культур. При этом в Волго-Окском междуречье ею скорее всего могла быть именно бутовская культура. Эпизодичность постсвидерских наконечников на фоне эволюционного развития постаренбургских наконечников и трапеций свидетельствует в тех случаях, когда однозначно исключена смешанность коллекций, в пользу спорадического заимствования этой формы. Тем не менее, с учетом равновероятности всех этих вариантов, просматривается следующее решение.

Очевидно, наиболее простое объяснение встречаемости тех или иных типов одной культуры в комплексах другой культуры заключается в механическом смешении материалов. При этом,

критерии для разделения таких смешанных комплексов в силу объективных причин в ряде случаев отсутствуют, так как массовые материалы по большей части встречаются в любой из мезолитических культур и, следовательно, не имеют своего культурно-специфического лица. Единичные же изделия, придающие культурное своеобразие комплексам, могут оказаться в них и случайно. Очевидно, помочь разобраться в заимствовании тех или иных форм можно в том случае, если на классической форме одной из культур встречен технологический прием другой. В таком случае мы будем иметь "чистое свидетельство" контакта разнокультурного населения. Например, присутствие плоской свидаерской ретуши, характерной для бутовской культуры, на наконечнике с боковой выемкой – "символе" иеневской культуры – как раз и может быть таким индикатором. К сожалению, таких фактов "прямого действия" не так уж и много. Из 12 представительных иеневских стоянок, где найдены бутовские (?) постсвидаерские наконечники стрел, лишь в Дмитровской 1 плоская ретушь оформляет на брюшке черешок постаренсбургского наконечника. К сожалению, отсутствует независимая дата для этого памятника. По аналогии эта стоянка может быть отнесена ко второму этапу иеневской культуры, причем не к самому его концу, т.е. может быть датирована не позднее рубежа Рb-Во периодов. Аналогичный прием использован и при оформлении насадов косолезвийных наконечников в Пеньково и Сельцо 3 [1]. Таким образом, на основе названных, хоть и немногочисленных фактов можно говорить о взаимодействии двух этих культур. При этом время начала возможных контактов носителей бутовской и иеневской культур, судя по материалам и датам Беливо 4А, относится не позднее чем к концу пребореального периода [18, с.15-17], т.е. уже к началу существования бутовской культуры. Сказанное исключает тезис Л.В.Кольцова об агрессивности населения иеневской культуры, его вторжении в бассейн и вытеснении бутовского населения на восток региона. Не подтверждает крупных перемещений и картографирование надежных в источниковедческом отношении бутовских и иеневских стоянок.

В заключение следует сказать следующее: Волго-Окский бассейн был заселен в раннем мезолите разнокультурным населением. Изученные материалы позволяют выяснить отдельные факты, указывающие на контакты бутовского и иеневского населения, и оценить их. По нашему мнению, в настоящее время нет данных, свидетельствующих о враждебных отношениях между населением бутовской и иеневской культур, напротив, скорее можно говорить об их сосуществовании на определенном отрезке времени и считать их взаимоотношения вполне мирными. При этом эпизоды таких контактов носителей обеих культур относятся к пребореальному и бореальному периодам. Все сказанное позволяет точнее раскрыть те культурно-исторические процессы, которые протекали в Волго-Окском бассейне в мезолитическое время. Однако раскрытие динамики их взаимоотношений является задачей будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
2. Воеводский М. В. К вопросу о ранней (свидаерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2 международной конференции АИЧПЕ. Вып. 5. М., 1935.
3. Воеводский М. В., Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор // СА. 1947. № 3.
4. Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1952. Вып. XXXI.
5. Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1965. № 4.
6. Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
7. Кольцов Л. В. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 1966. № 126.
8. Кольцов Л. В. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. № 4.
9. Кольцов Л. В. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
10. Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция: Тезисы пленарных докладов. Л., 1979.
11. Сорокин А. Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Оки // КСИА. 1987. Вып. 189.
12. Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Деснинская экспедиция в 1984-1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196.
13. Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
14. Сорокин А. Н. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. 1989. № 2.

15. *Зализняк Л.Л.* Мезолит Украинского Полесья. Киев, 1991.
16. *Кравцов А.Е., Сорокин А.Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
17. *Кравцов А.Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поволжья. Калуга, 1989.
- 18 *Кравцов А.Е.* Новые материалы к изучению иеневской мезолитической культуры в бассейне р.Оки. // Научные чтения "Археология Рязанской земли": Тезисы докладов. Рязань, 1988.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A. N. Sorokin

**ABOUT THE CONTACTS
OF THE BUTOVO AND THE IENEVO
CULTURE'S INHABITANTS**

Summary

The paper is dedicated to one of the currently central though poorly elaborated problems of the Mesolithic in the region between the Volga and the Oka - the problem of the regional culture's interaction at the Early Mesolithic period. On the basis of the data that we have at our disposal it is believed that the evidence of this time demonstrates a certain cultural diversity. Butovo and Ienevo cultures are the most well-known of them. Population contacts of the Butovo and the Ienevo cultures can be followed by the so-called "sites of mixed tradition" which shows evidence of possible cultural adoptions.

A limited amount of scientific data concerning these cultural contacts makes the present article hypothetical and shows that this problem needs more active investigation.

*Institute of Archaeology
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

А.Е.Кравцов, Е.А.Спиридонова О ВОЗРАСТЕ И ПРИРОДНОМ ОКРУЖЕНИИ СТОЯНОК ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВЕРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Мезолитические стоянки Черная Гора 1 [1, с. 91-98], Дмитровское 1 [2, с. 82-91], Иенево 2 [3, с. 68-86] находятся в пригородах Твери на левом берегу р.Волги и расположены на дюнных всхолмлениях, осложняющих рельеф площадки первой надпойменной террасы. При раскопках стоянок в кон. 1960-х - сер. 1970-х гг. получены выразительные комплексы археологического материала, отнесенные позднее Л.В.Кольцовым к выделенной им иеневской культуре [3;4]. В 1994 г. экспедицией ГИМ проведены работы с целью датирования названных стоянок и выявления характера и особенностей природной среды, окружавшей их в период бытования. В заложенных на памятниках шурфах и зачистках были отобраны колонки образцов грунта для спорово-пыльцевого анализа. Места отбора фиксировались на вычерченных разрезах, на которые наносились и точечные проекции находок, что позволяло соотнести границы не имеющих собственной окраски культурных слоев с уровнями отбора тех или иных образцов и соответствующими им спорово-пыльцевыми комплексами. На стоянках Черная Грязь 1 и Дмитровское 1 было изучено по одному, на стоянке Иенево 2 - два разреза (рис.1).

По совокупности четырех разрезов в результате спорово-пыльцевого анализа выявлено 13 палинозон (табл.1), характеризующих этапы развития растительности от позднеледниковья до атлантического периода голоцена включительно не только в Тверском Поволжье, но и в Волго-Окском междуречье в целом [5]. Эти этапы совместимы с периодизацией Блитта-Сернандера, привязаны к шкале абсолютного возраста по С-14 и коррелируют с основными рубежами эволюции природной среды Прибалтики и Северо-Запада Русской равнины.

Палинозона 1 (наименования палинозон по господствующим элементам растительности указаны в табл.1) выделена по разрезам 3 (образцы 1-3) и 4 (образец 1), характеризуется спорово-пыльцевым комплексом 1 обоих разрезов. В спорово-пыльцевых спектрах преобладает пыльца древесных растений (более 60%), пыльца травянистых и споры обнаружены примерно в равных количествах. Среди древесных доминирует сосна (50% от суммы пыльцы древесных растений), много березы, присутствует пыльца ели и ольхи (по 9%), единично - дуба. Травянистые представлены злаками (30%), вересковыми, осоковыми; разнотравьем (гвоздичные, цикориевые, губоцветные, астровые - 20% в сумме). Среди споровых преобладают зеленые мхи и папоротники, меньше сфагновых мхов и плаунов. Палинозона 1 отражает господство сосновых и березовых лесов с примесью ели. Небольшие площади были заняты луговой растительностью. Характеризующие эту палинозону спорово-пыльцевые комплексы могут быть отнесены к межстадиалу аллеред.

Палинозона 2 (разрез 4, обр. 2,3, спорово-пыльцевые комплексы II и III). Комплекс II, в спектре которого еще преобладает пыльца древесных пород, является переходным к более характерному для этой палинозоны комплексу III. В последнем преобладает пыльца травянистых ра-

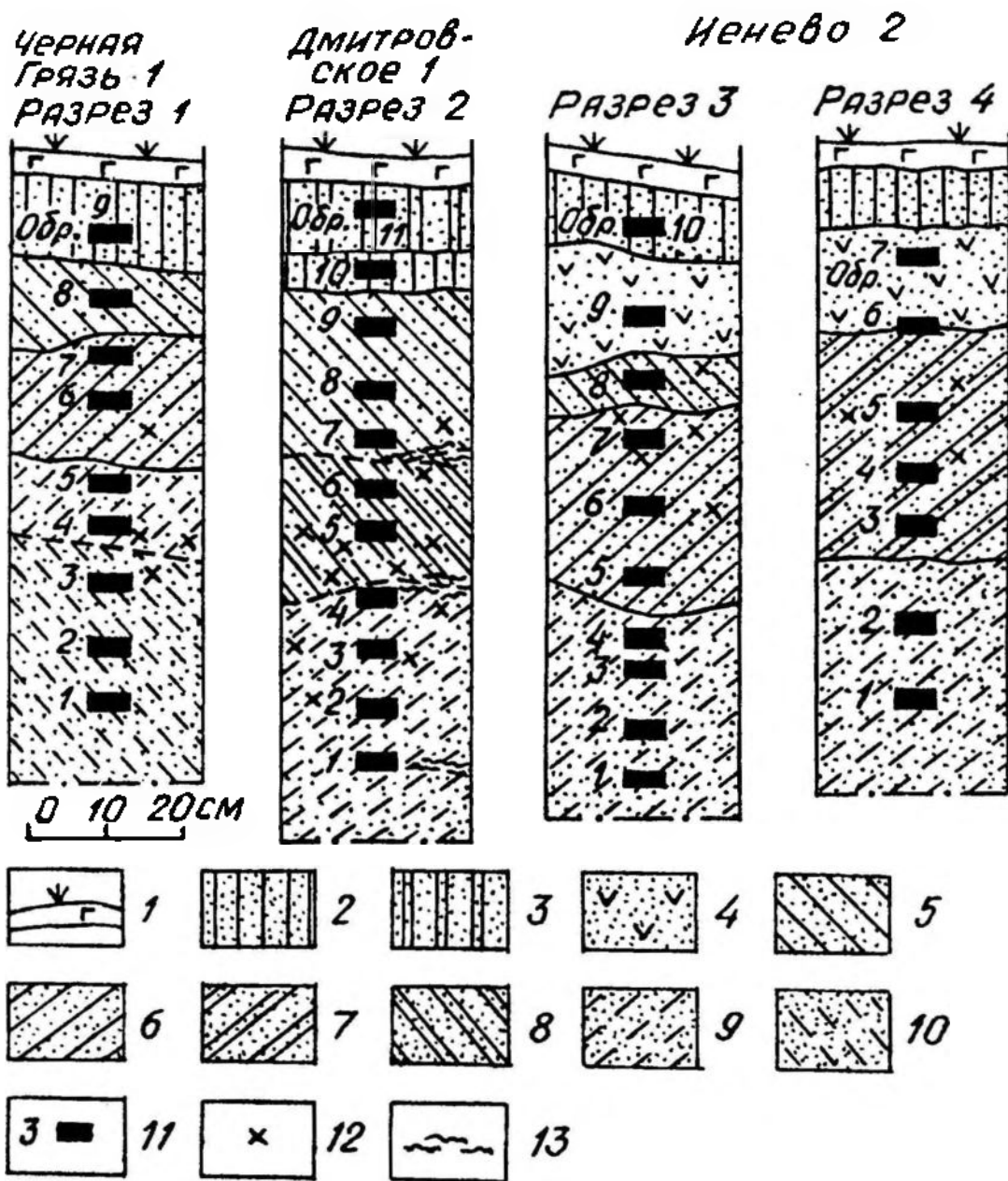

Рис. 1. Стратиграфические разрезы на стоянках иеневской культуры в Тверском Поволжье.
Условные обозначения:

1 - дерн; 2 - песок (далее - п.) серый гумусированный; 3 - л. рыхлый бежевый (дно); 4 - л. черный углистый - слой пожара времени Великой Отечественной войны; 5 - п. белесый (подзол); 6 - п. рыжий; 7 - п. белесовато-рыжий; 8 - п. желтовато-рыжий; 9 - п. серо-желтый с бурыми пятнами; 10 - п. светло-серый с бурыми железистыми включениями; 11 - места отбора образцов с указанием N; 12 - расщепленный кремь; 13 - ортзанды

Периоды Ближняя- Серия- деря	Абсолютный возраст тыс. лет назад	Палинозоны	спорова-пыльц. комплексы				
			Ч.Г.-1	Дм.-1	Иенево-2		
			Разр.1	Разр.2	Разр.3	Разр.4	
В	8100	13 сосна с участием березы, ольхи и незначительным участием ели и широколиственных пород		IX			
	8200	12 сосна и береза с участием ели, ольхи и незначительным участием широколиственных пород		VIII VII	V	VII VI	
	8400	11 сосна с участием ели и широколиственных пород и незначительным участием березы и ольхи		VI	IV	V	
	8600	10 сосна и береза с участием широколиственных пород и незначительным участием ели и ольхи	VIII VII		III II	IV	
	8800	9 сосна с участием березы и незначительным участием ольхи, ели и широколиственных пород		V			
	8900	8 сосна с участием ели, ольхи и березы, незначительным участием широколиственных пород и высоким участием споровых	VI	IV			
	9000	7 сосна, береза и ель с незначительным участием широколиственных пород	V IV				
	9300	6 сосна с участием березы и незначительным участием ольхи и ели	III II				
	РЬ	9500	5 сосна с участием ели и березы и незначительным участием ольхи и широколиственных пород	I	III		
		9600	4 сосна с участием березы и незначительным участием ели и ольхи		II		
9800		3 береза, сосна и ольха с незначительным участием ели и широколиственных пород		I			
Dr3		10200	2 береза с участием перигляциальных элементов флоры				III II
	AI	1 сосна и береза с участием перигляциальных элементов флоры			I	I	

а) Ч.Г.-1 б) Дм.-1 в) V г) III

Табл. 1. Корреляция разрезов по палинологическим данным.

Сокращения и условные обозначения:

а - Черная Грязь 1; б - Дмитровское 1; в - культурный слой; г - возможно наличие культурного слоя

стений (57%), меньше пыльцы древесных (30%) и спор (13%). Среди древесных доминирует береза (*Betula* sct. *Albae* и *B. sec. Fruticosae* - 50% пыльцы), уменьшается количество пыльцы сосны (до 16%). Изменяется состав пыльцы травянистых растений, где возрастает (до 40%) участие полыней и сокращается роль злаков. По-прежнему много спор зеленых мхов (60%), папоротников (30%), встречены споры сфагновых мхов и плаунов. Палинозона 2 отражает смену лесных сообществ межстадиапа алперед полуоткрытыми ландшафтами островных березово-сосновых лесов, чередующихся с пространствами, занятыми различными по составу травянистыми сообществами. Преобладание пыльцы полыней, важнейшего элемента ксерофитной перигляциальной флоры, указывает на формирование этих спектров в позднем дриасе.

Судя по данным спорово-пыльцевого анализа, выполненного ранее по образцам из раскопа 2 на стоянке Усть-Тудовка 1 [6, с. 3-27], в конце позднего дриаса на Верхней Волге уже существовало население, сыгравшее определяющую роль в процессе сложения иеневской культуры.

Следующие палинозоны отражают особенности развития растительности в раннем голоцене.

Палинозона 3 (разрез 2, обр. 1, комплекс 1). Вновь в спектрах преобладает пыльца древесных растений (63%), которые представлены березой, сосной и ольхой при незначительном участии ели, липы и ивы. Среди травянистых преобладают разнотравье и злаковые (приблизительно по 29%), меньше полыней и осоковых (19 и 12%). Присутствует пыльца прибрежно-водных растений *Mugophyllum* и *Typha*. В составе споровых много зеленых и сфагновых мхов (по 36%).

Палинозона 4 (разрез 2, обр. 2, компл. II). Характеризуется преобладанием в спектрах пыльцы древесных растений (56%), хотя по сравнению с предыдущей зоной заметно возрастает роль споровых; среди древесных доминирует сосна (57%), возросло участие ели (13%). Состав пыльцы травянистых растений и спор близок предыдущей зоне.

Палинозона 5 (разрез 1, обр. 1, компл. I; разрез 2, обр. 3, компл. III). В общем составе по-прежнему преобладает пыльца древесных растений, среди которых господствует сосна; заметно возросло содержание пыльцы ели (до 21%); появилась пыльца широколиственных пород - липы и дуба. В группе травянистых несколько возросло участие злаков, хотя в целом по составу она близка соответствующим группам предыдущих зон. Меняется соотношение зеленых и сфагновых мхов (63 и 8%), много спор папоротников (25%) и плаунов.

Палинозона 6 (разрез 1, обр. 2, компл. II; обр. 3, компл. III). В спорово-пыльцевых спектрах древесные, травянистые и споровые растения представлены приблизительно одинаково, с незначительным преобладанием споровых (соответственно 34, 29, 38%). В группе древесных преобладает пыльца сосны и березы (49 и 37%), незначительно участие ольхи. Среди травянистых преобладают злаки (39%), меньше пыльцы разнотравья (гвоздичные, цикориевые, астровые - в сумме 12%), осок, полыней, вересковых (10, 10 и 6%). Среди споровых доминируют зеленые мхи и плауны.

Анализ спорово-пыльцевых диаграмм, составленных для разрезов на ряде волго-окских мезолитических памятников, а также для естественных разрезов, и их сопоставление с диаграммами, построенными для рассматриваемых стоянок, позволяют отнести формирование спорово-пыльцевых комплексов, характеризующих палинозоны 3-6, к пребореальному периоду голоцена, в начале которого на исследуемой территории преобладали березовые, березово-сосновые, а затем - сосново-березовые леса; открытые пространства между ними были заняты луговой растительностью, а на дюнах - локальными сообществами вереска. Хронологические границы палинозоны 3 - 9800-9600; 4 - 9600-9500; 5 - 9500-9300; 6 - 9300-9000 л.н. Палинозоны 4 и 5 охватывают относительно теплый отрезок времени в рамках пребореала, причем палинозона 5 соответствует его климатическому оптимуму с максимальным участием ели. Во время этого оптимума, возможно, произошло первичное заселение стоянки Дмитровское 1. В Окском бассейне к пребореальному оптимуму относятся стоянки Ладыжино 3 и Еловка 2, а к похолоданию в конце периода (палинозона 6) - стоянка Беливо 68.

Все последующие палинозоны характеризуют особенности спектров бореального периода.

Палинозона 7 (разрез 1, обр. 4, компл. 4; обр. 5, компл. 5). К этой палинозоне приурочен горизонт залегания находок на стоянке Черная грязь 1. В общем составе вновь преобладает

пыльца древесных растений (48%), среди которых доминирует сосна (55% пыльцы), много пыльцы березы (32%); зерна пыльцы ольхи, ивы, липы единичны. В составе травянистых возрастает участие злаков (47%) и разнотравья (38%). В составе последнего появляются ворсянковые, присутствуют гвоздичные, цикориевые, астровые. В группе споровых преобладают зеленые мхи (47%), много плаунов (26%), меньше папоротников (21%). Фоновыми в растительном покрове являлись сосново-березовые и сосновые леса. Формирование отложений, связанных с палинозоной 7, происходило в самом начале бореального периода, 9000-8900 л.н. Этим временем датируется и стоянка Черная Грязь 1.

Палинозона 8 (разрез 1, обр. 6,7, компл. VI; разрез 2, обр. 4,5, компл. IV). К этой палинозоне приурочен основной горизонт залегания находок на стоянке Дмитровское 1. Пыльца древесных растений только незначительно преобладает над спорами. Среди древесных доминирует сосна (49-57%), увеличивается (до 26%) доля пыльцы ели, хорошо представлена береза (20%). Широколиственные породы разнообразны, но малочисленны (дуб, липа, вяз - до 4% в сумме). В разрезе 2 высоко содержание пыльцы ивы (до 29%). В группе травянистых резко возрастает участие вересковых при уменьшении роли злаков (57 и 20%). Беднее становится разнотравье, в котором преобладают цикориевые. Особенностью данной палинозоны является увеличение среди споровых доли плаунов (79%), что чаще всего прослеживается по спектрам дюнных стоянок. Палинозона 8 отражает господство лесных сообществ с преобладанием сосны, характерных для бореального периода. Судя по составу спорово-пыльцевых комплексов, ее формирование протекало 8900-8800 л.н. В этих пределах датируется основной археологический комплекс Дмитровское 1.

Палинозона 9 (разрез 2, обр. 6, компл. V). По своим особенностям во многом близка палинозоне 8. Основным отличием являются более высокое содержание пыльцы трав (42%) в спектре и иной состав этой группы. В ней резко возрастает доля пыльцы вереска, появляется водяника. Зарастание дюны этими растениями, вероятно, произошло после ухода людей со стоянки. Это позволяет считать, что палинозона 9 в определенной степени отражает локальные особенности природной среды.

Палинозона 10 (разрез 1, обр. 8,9, компл. VII, VIII; разрез 3, обр. 4-7, компл. II,III; разрез 4, обр. 4, компл. IV). В общем составе вновь доминирует пыльца древесных растений, среди которых преобладают сосна, береза, в меньшем количестве (до 20%) присутствует пыльца ольхи, ели. Во всех комплексах от 10 до 20% приходится на пыльцу липы, вяза и лещины. В группе травянистых преобладают злаки и вересковые. Разнотравье представлено всего несколькими видами в основном крестоцветных и цикориевых. Разнообразнее становится состав споровых, где наряду с зелеными мхами, папоротниками, сфагновыми мхами встречены также плауны, хвощи и гроздовник.

Палинозона 11 (разрез 2, обр. 7, 8, компл. VI; разрез 3, обр. 8, компл. IV; разрез 4, обр. 5, компл. V). По общему составу комплексов эта палинозона близка предыдущей. Среди древесных растений по-прежнему преобладает сосна (50% пыльцы), а роль березы, ольхи и широколиственных пород уменьшается. В группе травянистых увеличивается удельный вес злаков, осоковых, уменьшается - вересковых. Основу группы споровых составляют зеленые мхи и папоротники.

С палинозонами 10 и 11 связано формирование отложений, содержащих расщепленный кремний на стоянке Иенево 2 (низкая насыщенность горизонта залегания находок не позволяет установить его положение в разрезах более точно). Обе палинозоны характеризуют условия природной среды, сложившиеся около середины бореального периода, причем спектры палинозоны 10 отражают его климатический оптимум, когда в бореальных лесах возросло участие широколиственных пород. В целом облесенность территории уменьшилась, а площади, занятые луговой растительностью, увеличились. В образцах, отобранных на стоянке Иенево 2 (разрезы 3 и 4), присутствует пыльца сорняков, появление которых может быть связано с образованием пустошей и хозяйственной деятельностью человека. Хронологические границы палинозоны 10 - 8600-8400; 11 - 8400-8200 л.н. Таким образом, время бытования стоянки Иенево 2 попадает в интервал 8600-8200 л.н.

Палинозона 12 (разрез 2, обр.9,10, компл. VII,VIII; разрез 3, обр.9, 10, компл. V; разрез 4, обр. 6, 7, компл. VI,VII); палинозона 13 (разрез 2, обр.11, компл. IX) характеризуют фазы развития растительности, связанные с похолоданием в конце бореального периода, 8200-8000 л.н. На стоянках Черная Грязь 1, Дмитровское 1 и Иенево 2 культурных остатков в отложениях этого времени не обнаружено. В настоящее время памятники иеневской культуры, датирующиеся концом бореала, или более поздние, не известны.

Новые данные о возрасте стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье согласуются с датировками однокультурных памятников, полученными в предшествующие годы. К климатическому оптимуму пребореала отнесена исследованная М.Г.Жилиным стоянка Еловка 2 на р.М.Киржач, однако, она почти полностью распахана и нельзя быть уверенным, что весь собранный материал связан с датированной погребенной почвой, прослеженной в береговом обрыве. Исследованные А.Н.Сорокиным стоянки Брагино на р.Оке и Шильцева Заводь 5 [6,с.9-20] на р. Пре датируются временем не позднее начала бореального периода. Для стоянки Беливо 4А [7] на р.Нерской получена "растянутая" серия радиоуглеродных дат в диапазоне 9,6-8,9 тыс. л.н. Наибольший интерес для сравнения с материалами рассматриваемых стоянок Тверского Поволжья представляют материалы Усть-Тудовки 1 (раскоп 2) [8,с.3-18], Ладыжино 3 (раскоп 1) [9,с.255-260] и Беливо 6В [10], датировки которых ограничены сверху и снизу. Однако сравнение инвентарей названных памятников в полном объеме затруднено, так как публикации Черной Грязи 1, Дмитровского 1, Иенево 2 не достаточно подробны. До полной обработки коллекций этих памятников представляется возможным сопоставить в основном опубликованные наконечники стрел и геометрические микролиты (рис.2).

Черешковые аренбургские наконечники представлены в "протоиеневском" комплексе Усть-Тудовки 1 (поздний дриас); близкие к аренбургским прототипам черешковые и асимметрично-черешковые наконечники найдены в раскопе 1 на стоянке Ладыжино 3 (оптимум пребореала); в Беливо 6В (конец пребореала) в большой серии наконечников стрел асимметрично-черешковый единичен. Судя по материалам стоянки Дмитровское 1, единичные наконечники с крутой ретушью на симметричном черешке могут встречаться и в комплексах начала бореального периода. В относящейся ко второй его половине стоянке Иенево 2 такие наконечники отсутствуют.

Наконечники с боковой выемкой, как "колющие", так и близкие к высоким асимметричным трапециям "косолезвийные", представлены уже в Усть-Тудовке 1 и получают широкое распространение в пребореальных и раннебореальных памятниках (Ладыжино 3, Беливо 6В, Черная Грязь 1, Дмитровское 1). Во второй половине бореала эти наконечники, вероятно, выходят из употребления.

Поперечнолезвийные черешковые наконечники найдены на стоянках конца пребореального - второй половины бореального периодов (Беливо 6В, Черная Грязь 1, Дмитровское 1, Иенево 2). На стоянке Дмитровское 1 такой наконечник уже дополняется трапециями, имевшими, скорее всего, аналогичную функцию. В Иенево 2 мелкие поперечнолезвийные наконечники образуют с трапециями сопряженную группу.

Единичный крупный неравносторонний тупоугольный треугольник, обнаруженный в Ладыжино 3, как по размерам, так и из-за слабо выраженного тупого угла, близок к остриям с дугообразным затупленным краем и, вероятно, может рассматриваться как обушковый нож, не имевший отношения к оснащению охотничьего вооружения.

Высокая и средневысокая симметричные трапеции найдены на стоянке Дмитровское 1; на стоянке Иенево 2 мелкие и средних размеров высокие и средневысокие симметричные и слабо асимметричные трапеции представлены значительной серией и дополняются мелкими неравносторонними и равнобедренными треугольниками. Это позволяет считать, что в комплексах иеневской культуры трапеции появляются не позднее начала бореального периода, а треугольники - не позднее второй его половины.

Постсвидерские наконечники стрел, присутствующие в инвентаре стоянок Дмитровское 1 и Иенево 2, вероятно, указывают на контакты носителей иеневской и бутовской культур в бореальном периоде.

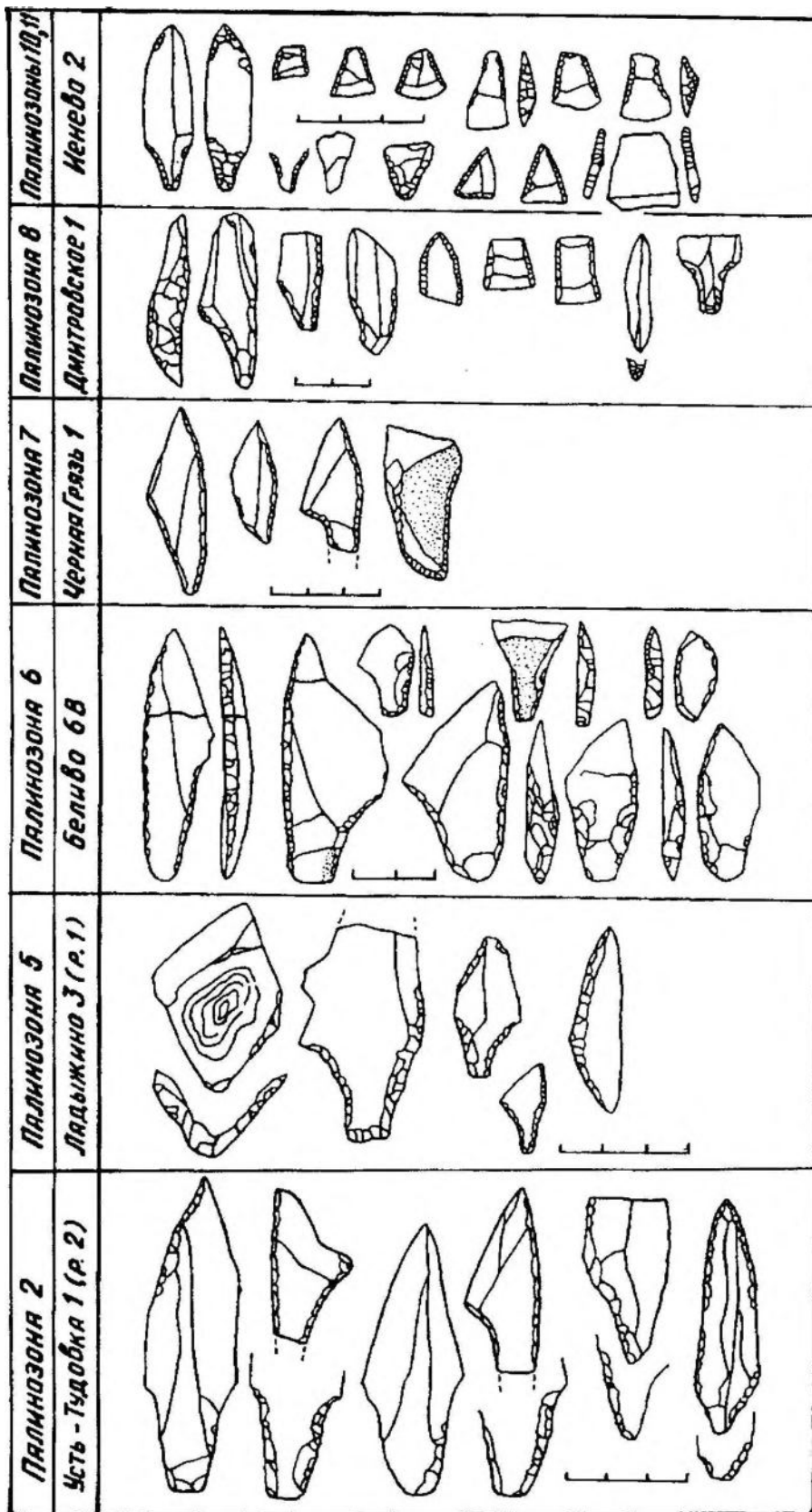

Рис. 2. Наконечники стрел и геометрические микролиты некоторых стоянок иеневской культуры

Изменения в типологическом составе и морфологии наконечников стрел и геометрических микролитов шести рассмотренных датированных стоянок обнаруживают тенденции, принятые ранее А.Н.Сорокиным за основу его периодизации иеневской культуры по этим классам орудий: постепенное изживание аренсбургских и производных от них наконечников стрел и их замещение геометрическими микролитами [6, с.14-17]. В то же время нельзя признать удачной попытку А. Н. Сорокина непосредственно связать распространение геометрических микролитов в иеневской культуре с изменениями в природной среде, рассматривая его как проявление "адаптивной реакции на все более широкое распространение лесов в раннеголоценовое время". По палинологическим данным, уже пребореальные стоянки, такие как Ладыжино 3 и Беливо 6В, существовали в окружении таежных лесов, а некоторое уменьшение облесенности происходит около середины бореального периода, то есть именно во время наиболее широкого распространения геометрических микролитов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д.А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь 1 // КСИА. 1972. Вып.131.
2. *Кольцов Л.В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
3. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т.2. Мезолит СССР. М., 1989.
4. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: Тезисы пленарных докладов всесоюзной конференции. Л., 1979.
5. См. статью *Спиридоновой Е.А., Алешинской А.С.* в настоящем сборнике.
6. *Сорокин А.Н.* Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
7. *Кравцов А.Е., Луньков В.Ю.* Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // РА. 1994. N2.
8. *Жилин М.Г., Кравцов А.Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Н.Новгород, 1991.
9. *Жилин М.Г., Фролов А.С.* Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. 1981. N2.
10. *Леонова Е.В.* Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.

*Государственный Исторический музей,
Институт археологии РАН,
Москва*

A. E. Kravtsov, E. A. Spiridonova

ON THE AGE AND NATURAL ENVIRONMENT OF THE IENEVO CULTURE SITES AT THE VOLGA-RIVER BASIN NEAR TVER

Summary

The article deals with the results of pollen analysis made upon the materials obtained at mesolithic sites Chernaya Gryaz 1, Dmitrovskoe 1 and Ienevo 2.

The first site is dated back to the very beginning of the Boreal period of the Golocene; the second one is dated back to the early Boreal period too, but it is a little younger than the first site. The third site is related to the second half of the same period.

The arrowheads and geometric microlithes are compared to the same classes of tools from Ust'-Tudovka 1 site dated back to the Younger Drias, Ladyzhino 3 and Belivo 6V related to the Pre-boreal period of the Holocene (fig.2).

***"The State Historical Museum" Association
1/2, Red Square,
Moscow, 103012, Russia
Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia***

М. Р. Зотько
СТОЯНКА ОЗЕРЕНКИ 4 В КОНТЕКСТЕ
ПАМЯТНИКОВ
ИЕНЕВСКОЙ И ПЕСОЧНОРОВСКОЙ КУЛЬТУР

Значительное расширение источниковедческой базы, начавшееся в 1980-е гг., привело к необходимости пересмотра и уточнения сложившихся схем культурно-хронологического членения мезолита Центра Русской равнины. Новые данные позволили иначе взглянуть на сложение, развитие и взаимодействие большинства известных культурных образований, в том числе песочноровской культуры Днепро-Деснинского региона и иеневской - Волго-Окского.

К настоящему времени большинство исследователей не считает возможным связывать возникновение иеневской культуры с миграциями в Волго-Окское междуречье групп населения из бассейна Верхнего Днепра в конце бореала. Наиболее обоснованной и последовательной является концепция, рассматривающая иеневскую и песочноровскую культуры как локальные варианты единой общности, существующие синхронно. В качестве общей генетической основы для них указывается аренбургская культура финального палеолита. Время существования определяется серединой пребореала - бореалом. Закономерности, выявленные в развитии кремневого инвентаря, на основе анализа представительных и достоверных комплексов, были положены в основу периодизации песочноровской и иеневской культур. Эти же закономерности могут быть использованы для решения конкретных задач культурно-хронологической атрибуции мезолитических памятников с асимметричными наконечниками стрел. Поэтому представляется, что характеристики инвентаря конкретных комплексов должны увязываться как с иеневскими, так и с песочноровскими материалами.

В основу культурно-хронологической атрибуции нашего памятника могут быть положены характеристики кремневого комплекса. Но прежде чем перейти к рассмотрению коллекции стоянки Озеренки 4, скажем несколько слов о самом памятнике и истории его исследования.

Стоянка Озеренки 4 была открыта летом 1986 г. М.Г.Жипиным в ходе широкомасштабных работ, проводившихся Калининской экспедицией Института археологии АН СССР (ныне РАН) в зоне строительства Ржевского гидроузла на р.Волге. Стоянка находится в Селижаровском районе Тверской области в 1,1 км к ЗСЗ от д.Озеренка Ржевского района. Она расположена на краю второй надпойменной террасы левого берега Волги, высота которой 11-12 м, в 200 м выше устья р.Озеренки. Площадка памятника хорошо задернована и частично облесена, имеет слабый уклон в направлении с С на Ю и с В на З (к Волге). Памятник раскапывался автором статьи в летние сезоны 1987-1988 гг. Раскоп общей площадью 161 кв.м заложен вдоль террасы на наименее залесенном участке. Стратиграфия в пределах раскопа выявлена следующая:

- 1) дерн мощностью от 5 до 10 см;
- 2) серо-желтый слабогумусированный песок мощностью от 10 см в глубине до 25 см ближе к краю террасы;

- 3) белесый оподзоленный песок мощностью 10-15 см в западинах;
 4) яркий желто-коричневый песок мощностью от 30 см в глубине террасы до 50-60 см на краю и в отдельных западинах;
 5) буро-коричневые флювиогляциальные отложения (материк).

Серо-желтый слабогумусированный песок связан с распашкой позднейшего (XIX в.) времени, что хорошо документируется находками в нем двух монет и отдельных фрагментов гончарной керамики. Остальные литологические прослойки соответствуют типичному профилю дерново-подзолистых почв лесного типа.

Находки кремня были сделаны во всей толще рыхлых песчаных отложений. Максимум распределения приходится на верхнюю часть желто-коричневого песка.

В северной части памятника вдоль края террасы располагалась производственная площадка по расщеплению кремня. Здесь обнаружено 11 крупных скоплений кремня - "рабочих мест" - и несколько более мелких, а также крупный валун, который, вероятно, использовался в качестве наковальни. Отсюда происходит большинство из имеющихся в коллекции нуклеусов различной степени утилизации и снимавшихся с них заготовок (пластин, отщепов). Вне площадки зафиксировано только 2 крупных скопления. Насыщенность слоя находками в непосредственной близости к скоплениям более высокая, чем на остальной площади, но предметы со вторичной обработкой встречены здесь в незначительном количестве. Основная масса орудий получена с центральной и южной частей раскопа, где, по-видимому, концентрировалась хозяйственная деятельность.

Коллекцию, полученную со стоянки, составляют 15063 каменных предмета, включающие сырье, орудия и отходы их производства. На памятнике раскапывался местный плиточный и галечный кремль различных цветов при преобладании серого и коричневого кремня невысокого качества. Состав комплекса следующий:

НУКЛЕУСЫ:

одноплощадочные однофасовые	уплощенные	18
	подконические	13
	торцевые	11
	подпризматические	21
двухплощадочные уплощенные	с широким фронтом	8
	торцевые	4
	с площадками, расположенными под углом	9
многоплощадочные	аморфные	22
	торцевые	7
	поперечные	12

НУКЛЕВИДНЫЕ ОБЛОМКИ

ЗАГОТОВКИ НУКЛЕУСОВ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СКОЛЫ (в т.ч. подработки нуклеусов и изготовления орудий)

161

ПЛАСТИНЫ

1571

ОТЩЕПЫ и ОСКОЛКИ

12674

ОРУДИЯ ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ

7

ПРЕДМЕТЫ СО ВТОРИЧНОЙ ОБРАБОТКОЙ:

Наконечники:

	асимметричный с боковой выемкой	1
	черешковый	1
Трапеции		2
Треугольник		1
Пластины и отщепы со скошенными ретушью концами		9
Пластины с поперечно-срезанными ретушью концами или основаниями		9

Пластины с поперечно-срезанными ретушью концами или основаниями и притупленными ретушью краями	1
Пластины с притупленными ретушью краями	3
Острия со сходящимися ретушированными краями	3
Вкладыши из фрагментов пластин и отщепов	29
Пластины и отщепы с регулярной краевой ретушью (в т.ч. ножи, пилки и т.д.)	20
Скребки:	
концевые	43
концевые с выступом	3
скошенные	5
боковые	3
Скребла	2
Резцы:	
на сломе и окончании заготовки	33
с ретушированной площадкой	7
с площадкой, оформленной резцовым сколом	9
поперечные	2
комбинированные	3
Скобели	23
Перфораторы (проколки и сверла)	4
Рубящие орудия	5
Комбинированные орудия	6
Обломки орудий	26
Пластины с нерегулярной ретушью	91
Отщепы с нерегулярной ретушью	154
ВСЕГО:	15063
В том числе со вторичной обработкой	496

На основании имеющихся данных были подсчитаны некоторые коэффициенты, характеризующие технологические особенности изучаемого памятника, и необходимые для сопоставления его с данными других комплексов.

Пластины (включая предметы со вторичной обработкой) от всех предметов комплекса составляют	11.7%
Орудия на пластинах от общего числа орудий составляют	40%
Использованные пластины от общего количества пластин на памятнике составляют	11.7%
Орудия от всех предметов комплекса составляют	3.3%

Для решения поставленной нами задачи культурно-хронологического анализа рассмотрим имеющийся в нашем распоряжении комплекс в сравнении с материалами других представительных и надежных коллекций.

Общий состав инвентаря памятника несомненно говорит о его иеневской принадлежности (рис. 1-3). Практически все категории инвентаря имеют свои аналогии в типлистах А.Н.Сорокина и Л.В.Кольцова, предложенных для характеристики культуры в целом [1, с. 25-27; 2, с.80-84]. Общие тенденции, отмеченные исследователями для иеневской культуры, в том числе и в части отличий от песочноровских памятников, действительны и для стоянки Озеренки 4. Прежде всего это касается технологической направленности индустрии, характеризующейся малым индексом пластинчатости комплексов. Для песочноровских памятников, по данным Л.А.Зализняка, он составляет от 3% (Песочный Ров) до 4.5% (Попово Озеро) [3, с.45,50], для иеневских - традиционно более высокий: 6% в Староконстантиновской 4 [4], 11.7% в Озеренках 4, от 10 до 15% в

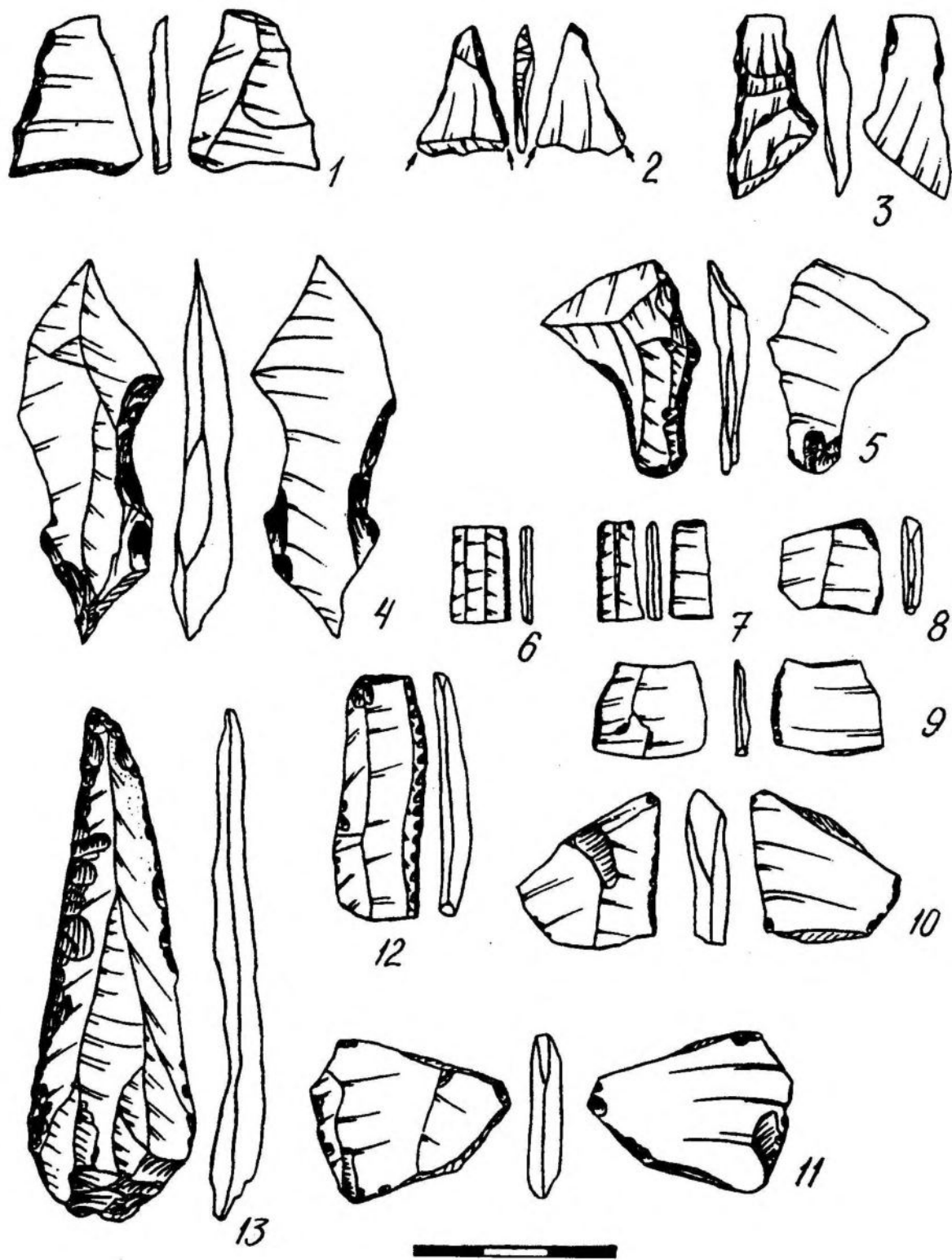

Рис. 1. Стоянка Озерёнки 4. Кремневый инвентарь

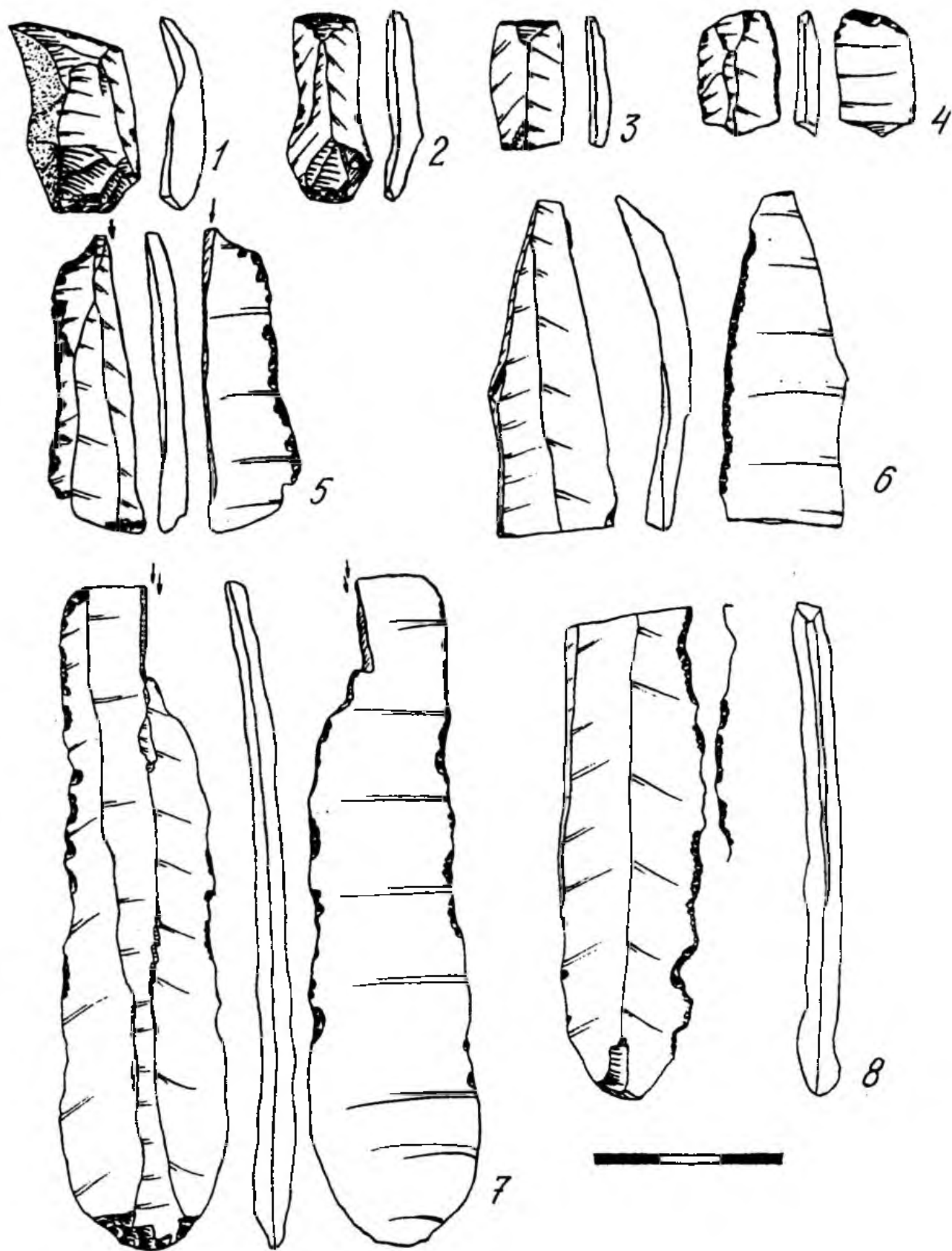

Рис. 2. Стоянка Озеренки 4. Кремневый инвентарь

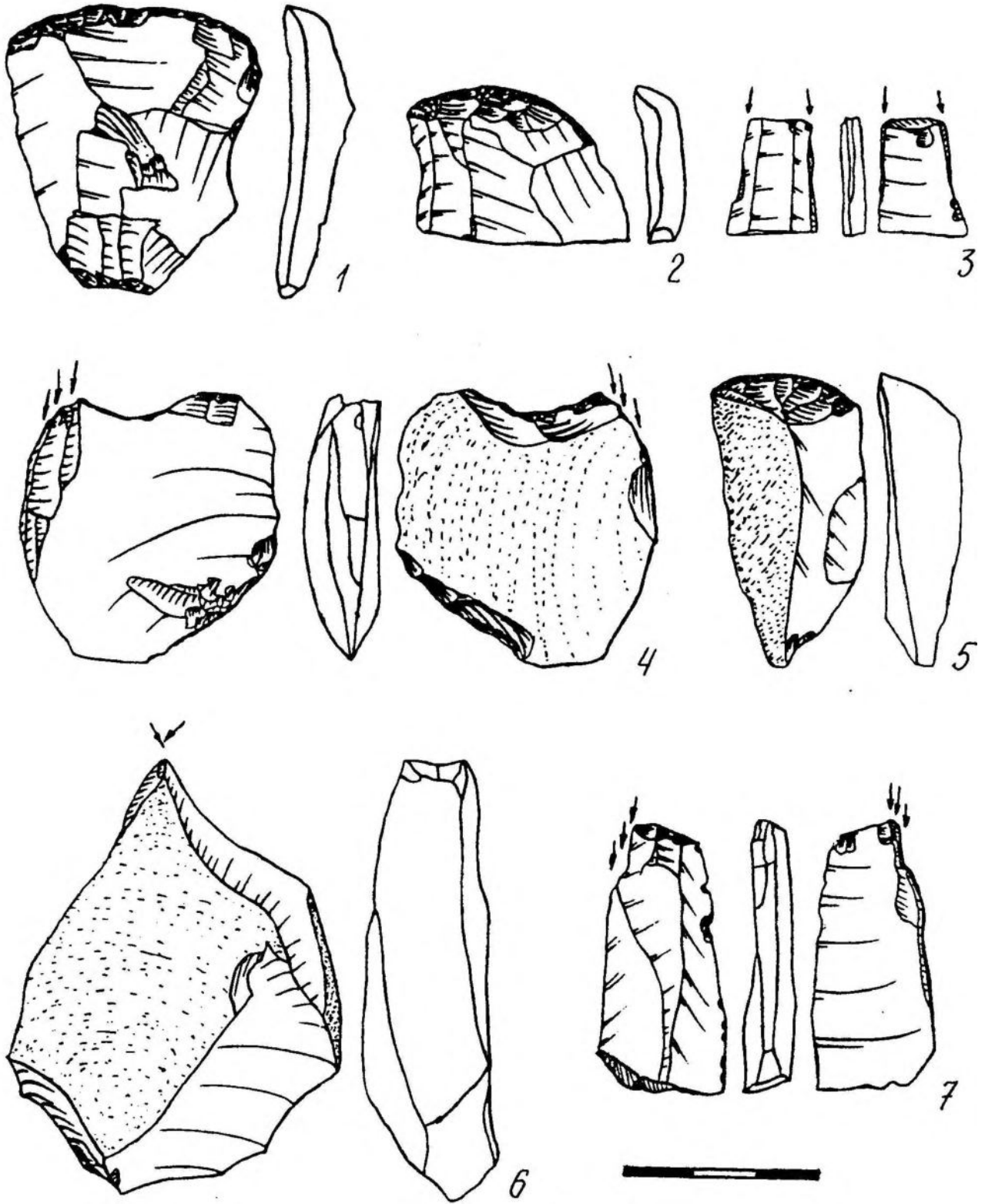

Рис. 3. Стоянка Озерёнки 4. Кремневый инвентарь

более высокий: 6% в Староконстантиновской 4 [4], 11.7% в Озеренках 4, от 10 до 15% в группе стоянок Беливо [5, с. 11]. Эту же тенденцию подтверждает более широкий типологический набор нуклеусов иеневских стоянок. Преимущественное использование отщепов в качестве основной заготовки орудий, хорошо иллюстрируемое для Подесенья малым количеством орудий на пластинах в комплексах Песочного Рва (20%), Студенка (15%), Мураги (14%), Попова Озера (6%) [3, с. 45-50], на Волго-Окских стоянках не столь явно. Так, в Староконстантиновской 4 на пластинах выполнено 41% орудий [4], в Озеренках 4 - 40%, аналогичные показатели для Ладыжино 3 и Иенево 2 - 35% [2, с.76-79], однако, встречены и крайности: Высокино 6 - 21%, Беливо (в целом по группе) более 50% [5, с.11].

Кремневые комплексы иеневской и песочноровской культур характеризуются, как правило, очень низкой долей орудий в составе инвентаря. Так, для группы деснинских памятников она составляет 2-4% [3, с.14], на волжских стоянках Староконстантиновская 4 и Озеренки 4 - 5% и 3.3% соответственно. Однако эти выводы относятся, по нашему мнению, только к регионам, хорошо обеспеченным сырьем, а при недостатке сырья процент орудий в комплексах неизбежно вырастет. Например, стоянки Шильцева Заводь 5 и Беливо 4А, расположенные в Мещерской низменности, где сырьевая база ограничена, дали по 22 и 18 % орудий в комплексе [6, с.10; 7, с.53]. Касаясь техники вторичной обработки, необходимо указать, что большинство приемов, присущих, по мнению исследователей, песочноровской и иеневской традициям, фиксируется в материалах стоянки Озеренки 4. Это, прежде всего, широко применяемое крутое ретуширование, техника резцового скола и двусторонняя оббивка. В наших материалах представлены спорадически встречаемые на иеневских памятниках плоская ретушь, микрорезцовая техника и техника шлифовки.

Остановимся на некоторых аспектах внутренней структуры комплексов и, прежде всего, на доминирующих формах морфологически выраженных орудий. Таковыми, как правило, являются скребки и резцы. Напомним, что для памятников песочноровской культуры А.А.Зализняк выявил значительное преобладание скребков среди орудий на всех этапах существования культуры. На стоянках типа Песочного Рва скребки составляют 47% изделий со вторичной обработкой, при резкой доминанте концевых форм на отщепах. Тип Студенка также дает высокий процент скребков - 35-50, но преобладают уже изделия на отщепах неправильной формы. Резцы на песочноровском этапе составляют 12% орудий, на позднем - от 18 до 30% [8, с.118-133; 3, с.14]. В Волго-Окском междуречье отмеченные тенденции проявляются в меньшей мере. При общем доминировании среди орудий скребков и резцов процент их гораздо ниже, чем в комплексах Подесенья. Так, в Староконстантиновской 4 скребки составляют 28.2%, а резцы - 22.6% [9, с.24]; в Высокино 6 - 17.4% и 9.5% [2, с.76-78]; в Озеренках 4 - 10.9% и 10.9% ; в Иенево 2 - 25.8% и 8.7% [2, с.76-78] соответственно. Преобладание концевых скребков на отщепах и пластинах отмечено для всех перечисленных памятников, однако, можно предположить падение доли концевых форм от ранних (по А.Н.Сорокину [6]) памятников к поздним. Впрочем, это предположение требует проверки на материалах большего числа хорошо датированных памятников. Некоторые отличия между песочноровскими и иеневскими комплексами в категории резцов касаются прежде всего типологического состава. Так, для деснинских стоянок А.А.Зализняк называет в качестве ведущего типа ширококромочные резцы с ретушированной площадкой скола, а на волжских, как правило, наиболее часто встречаются резцы на сломе или естественном окончании заготовки как с узкой, так и с широкой кромками. В коллекции Озеренок 4, например, на сломе и естественном окончании выполнено 59% всех резцов, а широкую кромку имеют только 34% изделий (рис. 2; 3). Подобное отличие может быть объяснено как более высоким уровнем пластинчатости иеневской индустрии в целом, так и причинами функционального порядка. Видимо, на иеневских памятниках в охотничьем вооружении широко использовались орудия с составными кромками, для изготовления которых применялись узкие "проникающие" резцы [10, с.96; 11, с.44-50; 12, с. 14-33]. Косвенно это подтверждается наличием значительного числа вкладышей на иеневских стоянках.

Процентный состав остальных категорий орудий, встречаемых на стоянках, в значительной мере варьирует. Это объясняется как хозяйственной спецификой памятников, так и хронологическими изменениями. Последнее замечание относится, в первую очередь, к набору

охотничьего вооружения и, как отмечено выше, может быть использовано при определении относительного возраста памятников. Состав орудий стоянки Озеренки 4, как видно из описания, довольно широк. В нем нашли отражение такие виды производственной деятельности человека, характерные для мезолитических стоянок лесной зоны, как охота, разделка добычи и обработка шкур, кости и рога, деревообработка и обработка камня. В составе охотничьего вооружения присутствуют, помимо прочих, такие важнейшие культууроопределяющие иеневские типы, как выполненные в постаренбургской традиции наконечники черешковый и с боковой выемкой, трапеции, треугольник и острия.

Анализ системы расщепления, вторичной обработки и типов каменных изделий стоянки Озеренки 4 и их сопоставление с другими иеневскими материалами указывают на несомненную принадлежность памятника к иеневской мезолитической культуре.

Попробуем более точно определить время бытования стоянки. Поскольку естественнонаучные даты для Озеренок 4 отсутствуют, сделать это возможно лишь на основании типологических характеристик инвентаря. В основе подобного анализа лежит хорошо известная в литературе теория, согласно которой в историческом развитии каждой категории орудий существуют две четко выраженные тенденции. Первая из них, связанная с совершенствованием технологической, функциональной и конструктивной эффективности этого типа орудий, является источником их прогрессивного развития и соответствующего морфологического видоизменения. Вторая обусловлена этнической спецификой оформления орудий, консервирующей и стабилизирующей облик той или иной разновидности средств труда. Взаимодействие этих двух тенденций обуславливает изменения в морфологическом облике орудий. Нагляднее всего указанные закономерности для мезолитического времени проявляются в категориях изделий, связанных с наиболее подвижной и важной отраслью присваивающей экономики - охотой [13, с. 252-257; 14, с. 23-36; 15, с. 15; 10, с. 96-99].

Применительно к песочноровским и иеневским памятникам это положение иллюстрируется изменениями в составе охотничьего вооружения, проявляющимися, по мнению Л.А.Зализняка и А.Н.Сорокина, в постепенной смене ранних постаренбургских форм наконечников трапециями.

В своих дальнейших рассуждениях мы будем придерживаться концепции, положенной А.Н.Сорокиным в основу периодизации иеневской культуры [6, с.13-15; 16, с.7-8]. В этой связи рассмотрим определяющие формы охотничьего вооружения, представленные в коллекции Озеренок 4 (рис.1).

Прежде всего отметим соседство в материалах черешкового и асимметричного наконечника с боковой выемкой, с одной стороны, и трапеций и треугольника - с другой. Наличие в комплексе трапеций трактуется большинством исследователей как признак, исключающий принадлежность памятника к ранней стадии иеневской культуры. Это, вероятно, справедливо и для нашего комплекса, однако, наличие наконечников не позволяет относить его к финалу культуры, поскольку поздние иеневские памятники, и по мнению А.Н.Сорокина, и по мнению Л.В.Кольцова, характеризуются полным исчезновением черешковых и асимметричных форм. Следовательно, материалы стоянки Озеренки 4 должны быть отнесены ко второму (по А.Н.Сорокину) этапу иеневской культуры. На этом этапе асимметричные наконечники с боковой выемкой постепенно утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши, постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники. В отношении рассматриваемого нами памятника, исходя из предложенной закономерности, можно сделать некоторые наблюдения. Формы встреченных нами наконечников, действительно, несколько отличаются от присущих ранним памятникам. Так, пропорции асимметричного наконечника с боковой выемкой укорочены по сравнению, например, с наконечниками Старокопониной 4, а ретушь, использованная при его оформлении, менее крутая, однако четко выделенный черешок и общая форма изделия отличают его от более поздних (в рамках этапа) алтыновских вкладышей. Черешковый наконечник также выглядит поздним. При сохранении общих тенденций его пропорции и обработка гораздо менее правильные, чем у аналогичных форм, встреченных на ранних памятниках.

Тем не менее, присутствующие в коллекции наконечники (рис.1) говорят в пользу отнесения

стоянки к первой половине второго этапа культуры. С этим, по нашему мнению, хорошо согласуется очень большой процент концевых форм среди скребков (85% от всего количества скребков), что, по литературе, характерно для ранних комплексов, а также присутствие в инвентаре асимметричной трапеции, форма которой очень близка к косолезвийным наконечникам.

Из представленных иеневских комплексов, технико-типологические характеристики которых предполагают их соответствие второму (по А.Н.Сорокину) этапу иеневской культуры, надежными датами обеспечены только стоянки Ладыжино 3 и Митино 5. Обе датированы палинологически. По имеющимся в литературе данным, спорово-пыльцевая диаграмма Ладыжино 3 позволяет отнести образование культурного слоя к бореальному периоду, исключая его конец. На стоянке Митино 5, по данным анализа, отложения, содержащие археологический материал, образовались тоже в бореальном периоде, исключая его начало и конец (ВО-2) [6;7;17;18]. Указанные памятники объединяет со стоянкой Озеренки 4 не только общность типов охотничьего инвентаря, но и сходная внутренняя структура комплексов. Поэтому нам представляется, что общая бореальная датировка этих памятников должна быть распространена и на стоянку Озеренки 4, при этом дата ВО-2 кажется более приемлемой вследствие наличия в материалах Озеренок 4 и Митино 5 асимметричных высоких трапеций.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет отнести стоянку Озеренки 4 ко второму этапу иеневской мезолитической культуры Волго-Окского междуречья и датировать памятник серединой бореального времени, т.е. примерно 8,5 тыс.л.н. До настоящего времени распространение иеневской культуры в бассейне Верхней Волги было известно только до устья р.Вазузы (Высокино 6). Материалы стоянки Озеренки 4 позволяют говорить о ее значительно более широком распространении в верховьях Волги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин А.Н., Фролов А.С. Про співні та відмінні риси пісочнорівської та іенівської культур // Археологія. Київ, 1988. N 69.
2. Археологія СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.
3. Зализняк Л.А. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
4. Подсчитано нами по описаниям на с.12-24 в работе: Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Стоянка Старокопстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
5. Леонова Е.В. К характеристике иеневской культуры в бассейне р.Оки // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
6. Сорокин А.Н. Новые данные по мезолиту бассейна р.Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
7. Кравцов А.Е. О хронологии мезолитических и раннеэолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
8. Зализняк Л.А. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Памятники каменного века левобережной Украины. Киев, 1986.
9. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Стоянка Старокопстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
10. Балакин С.А., Нужный Д.Ю. Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита // Каменный век на территории Украины. Киев, 1990.
11. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
12. Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
13. Першиц А.И. Первоэолитная периферия классовых обществ (до начала Великих географических открытий). М., 1978.
14. Нужный Д.Ю. Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984.
15. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
16. Сорокин А.Н. Мезолит капужской земли // Вопросы истории и археологии Верхнего Поочья. Калуга, 1993.
17. Кравцов А.Е. Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы истории и археологии Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
18. Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. N 2.

**Институт археологии РАН,
Москва**

M. R. Zotko
OZERENKI 4 SITE WITHIN THE CONTEXT
OF THE LENYEVO AND
THE PESOCHNY ROV (SAND-DITCH) CULTURES

Summary

The article surveys the archaeological materials from Ozerenki 4 site, located near the Volga in the Selizharovo district, Tver region. The materials were excavated during 1987-1988. The site's inventory, statistically processed, is compared to other monuments characterized by similar traits. The assumption is made that the site belongs to the second stage in the development of the lenyevvo mesolithic culture located in the area between the Volga and the Oka (mid.BO, appr. 8,5 thousand years ago). The former thus may be positioned within a wider area in the Upper-Volga region than it was considered before. Following other researchers, the author asserts that the lenyevvo culture of the Volga-Oka region is synchronic to the Pesochny Rov culture of the Dnieper-Desna region of the mid. PB-BO.

The two cultures compared are the local variants of a common proto-culture which has its roots in the Arensburg culture of the Final Paleolithic.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

М. Г. Жилин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ОЗЕРКИ 5 В 1990-1994 ГГ.

Многослойные торфяниковые поселения Верхнего Поволжья являются ценнейшим источником для комплексного изучения мезолита и неолита Восточной Европы. Как правило, они надежно стратифицированы, культурные слои содержат остатки флоры и фауны, изделия из различных минеральных и органических материалов, датированы радиоуглеродным и палинологическим методами. Особый интерес представляют памятники, содержащие большие серии каменных изделий и керамики, что позволяет их достоверно увязывать с многочисленными "песчаными" стоянками, не содержащими органических остатков.

Одним из таких поселений является стоянка Озерки 5, открытая автором статьи совместно с Н.В.Левиной в 1990 г. [1]. Памятник находится в 6 км к западу-юго-западу от пос. Озерки Конаковского района Тверской области, в западной части обширного Озерецкого торфяного болота, близ выхода из него р. Инюхи. Последняя является левым притоком р. Шоши, которая, в свою очередь, является правым притоком р. Волги. Памятник располагается на IV полотне 6-го участка действующих торфоразработок Озерецкого торфопредприятия, в 500 м к западу от песчаного острова - внутреннего суходола. К моменту обнаружения памятника разработками было снято около 3 м торфа, и верхний культурный слой частично оказался на поверхности. Помимо этого, культурные слои нарушены на всю их глубину тремя картовыми дренажными канавами шириной около 2 м, глубиной до 1.5 м. В момент обнаружения, в сентябре 1990 г., эти канавы были только что углублены. Одна из них прошла через центральную часть поселения, две другие, проложенные в 20 м от первой, - через периферию памятника. Подъемный материал был встречен на площади около 100 x 60 м; в обресте канавы, прошедшей через центр поселения, культурные слои прослеживались на протяжении около 50 м.

С 1990 г. автором проводятся систематические охранные раскопки памятника, к концу 1994 г. вскрыто 170 кв.м по обоим краям канавы в центральной части поселения. Стратиграфия памятника такова:

1а - коричневый торф, переработанный фрезерованием, мощность 0.12-0.22 м,

1б - серый торф с примесью суглинка - 0.02-0.05 м - вероятно, соответствует трансгрессивной фазе, встречен только на южном участке (на остальной части снят торфоразработками),

1в - коричневый слоистый торф средней степени разложения - 0.10-0.60 м, в восточной части раскопа - с древесиной, в нижней части - с зеленоватым оттенком,

2 - темно-коричневый, до черного, сильноразложившийся торф с небольшой примесью песка, большим количеством мелкой кальцинированной костяной крошки, угольков и золы, встречен в западной части раскопа, в центральной части выклинивается - 0-0.40 м,

2а - слабо разложившийся коричневый торф с зеленоватым оттенком, с песным мусором и угольками, но без песка и кальцинированной крошки, постепенно замещает слой 2 в восточной части раскопа и встречен в виде линзы под слоем 2 в западной части раскопа - 0-0.20 м,

3а - буро-коричневый, местами рыжий, а в нижней части преимущественно рыжий неслоистый торф с примесью песка, лесного мусора, угольков, золы и с большим количеством кальцинированной крошки - 0.02 - 0.6 м в западинах при средней мощности 0.1-0.2 м,

3б - рыжий слоистый торф с листьями рогоза - материк. В шурфах в центре и на восточном краю раскопа достигал мощности 1 м,

4 - серый известковистый сапрпель - 0.3 м,

5 - тонкие прослойки серого песка и серого сапрпеля - придонные озерные отложения,

6 - сизый песок - озерное дно.

Как показал палинологический анализ, проведенный Е.А.Спиридоновой (автор выражает ей благодарность за выполненный анализ), сапрпель откладывался в пребореале, тогда же начинается и отложение слоистого торфа с рогозом, продолжавшееся на протяжении бореального периода. Слой 3а откладывался во время перехода от бореала к атлантику и в самом начале последнего. Первой половиной атлантического периода датируется постепенный переход от слоя 3а к слою 2 и нижняя часть последнего. Верх же этого слоя откладывался в начале климатического оптимума, на переход от слоя 2 к слою 1в приходится незначительное похолодание. Дальнейшее формирование слоя 1в происходило в период максимального распространения широколиственных пород.

Прослежен общий наклон слоев в северо-восточном направлении, при этом к востоку они понижаются очень плавно, а к северу - сначала плавно, затем на протяжении 2-3 м угол их наклона увеличивается до 20°-30°, а потом снова уменьшается. Видимо, здесь исследован край берега древнего водоема. Переслаивание различных торфов, откладывавшихся в воде и на суше, говорит о колебании уровня озера и смещении береговой линии, что прослеживается и планиграфически по распространению находок, связанных с разными культурными слоями. Зачистки стенок канав в непосредственной близости от памятника позволяют предположить, что поселение располагалось на островке или мысу озера при выходе из него р. Инюхи, на правом ее берегу. При этом река текла восточнее стоянки, а озеро было севернее.

В раскопе прослежено 4 культурных слоя. 1 слой залегает в слое 1в, содержит небольшое количество отщепов, единичные орудия из кремня и редкие фрагменты типичной льяловской керамики. В плане (рис.1,1) четко выделяются два скопления: одно в центральной части раскопа, с небольшим смещением к западу, другое - в северо-восточной части. Между ними - пространство без находок шириной около 10 м. Западное скопление лежит на слое 2, и в нижней части 1 культурного слоя встречается поздняя верхневолжская керамика. Фрагменты мелкие, видимо, попали сюда в результате частичного перемешивания культурных слоев на их контакте. В восточном скоплении постороннего материала нет. Здесь льяловский культурный слой лежит на слое 3а и очень четко от него отделяется. Западное скопление расположено на вершине древнего островка или мыса, здесь торф в достаточной степени разложился как в древности, так и в результате осушения. В восточной части этот культурный слой залегает на плавном склоне древнего берега, на глубине более 1 м, ниже современного уровня грунтовых вод; торф без признаков разложения. Вероятно, и в древности этот участок был сырым, обсыхая лишь на очень короткое время. Именно различными условиями сохранности объясняется отсутствие кости (за исключением единичных мелких фрагментов) в западном скоплении и очень хорошая сохранность многочисленных костей, в том числе мелких, в восточном скоплении. Примечательно, что в раскопе 1990 г. в западном скоплении мелкие кости плохой сохранности еще встречались. В раскопе 1994 г. в непосредственной близости от раскопа 1990 г. в 1 культурном слое кости не было совсем. За прошедшие 4 года в результате интенсивной аэрации кость в этом слое разрушилась полностью. То же самое наблюдается и на стоянках Озерки 6-8, где льяловский культурный слой также обнажен в результате торфоразработок. Различные условия залегания и наличие пустого пространства между скоплениями позволяют предполагать, что они являются остатками двух разных посещений стоянки населением льяловской культуры. Западное скопление функционировало при высоком уровне воды в озере, восточное - при очень низком. Оба посещения были кратковременными.

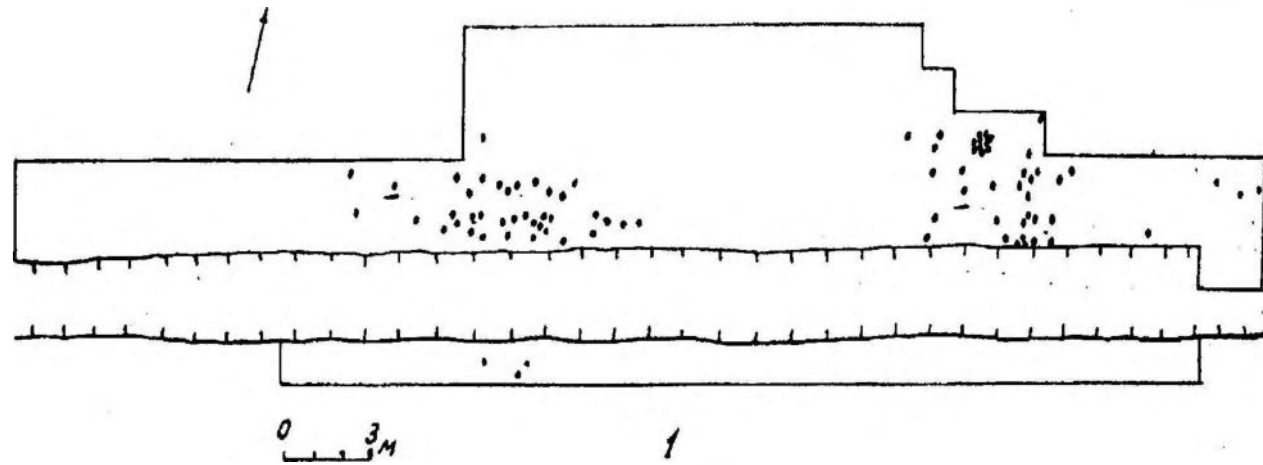
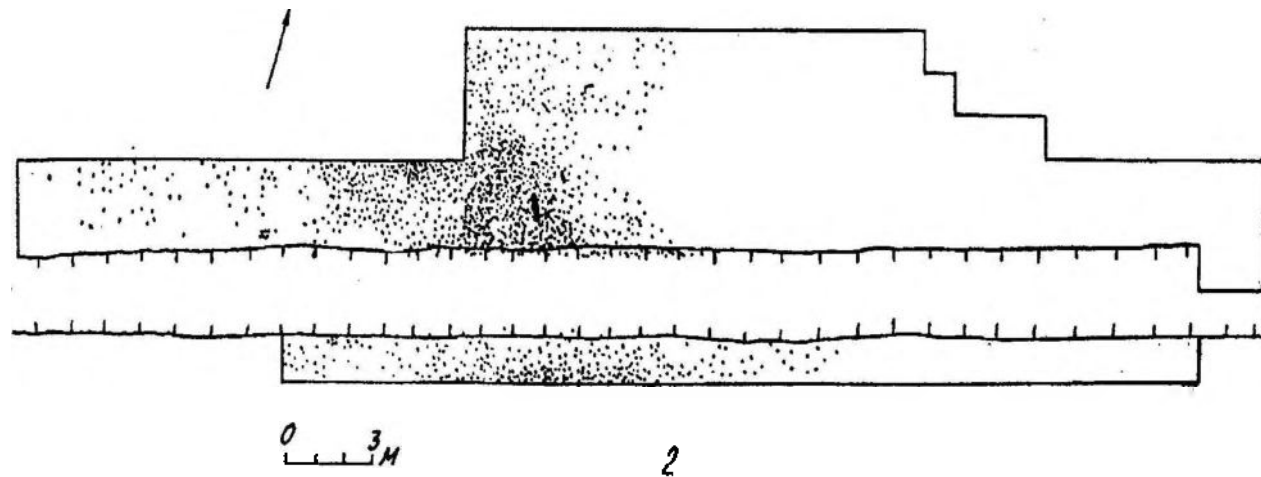

Рис. 1. Стоянка Озерки 5. Распространение и плотность находок в раскопе: 1 - I культурный слой; 2 - II культурный слой

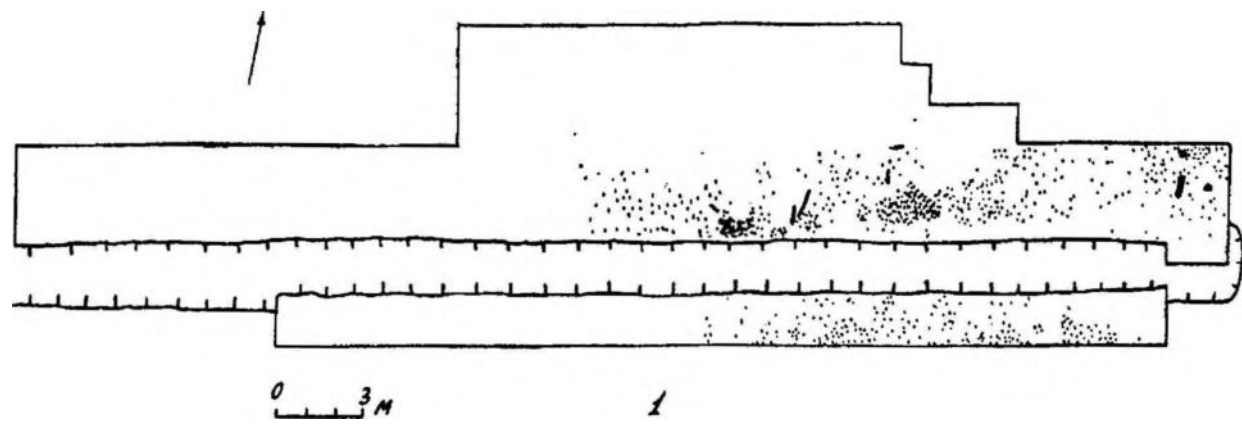
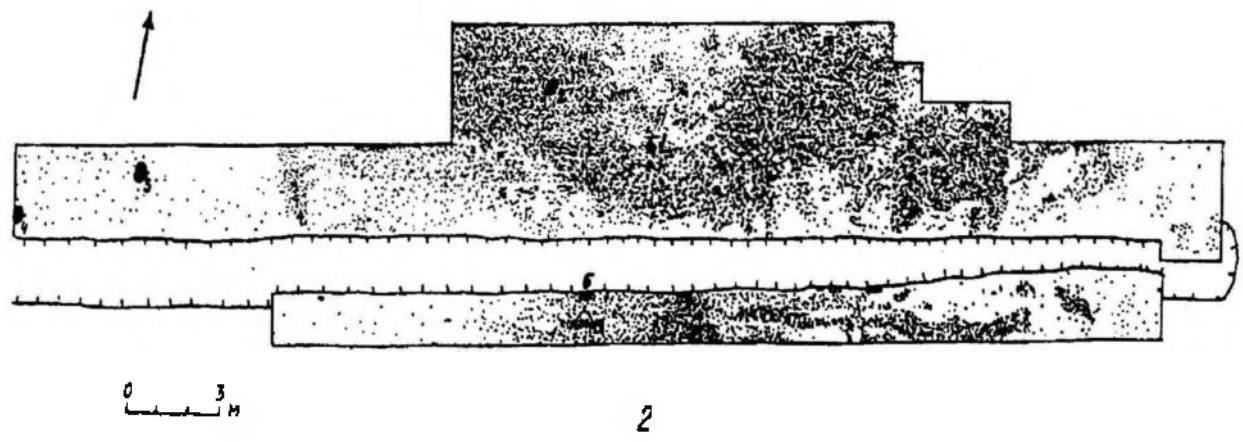

Рис. 2. Стоянка Озерки 5. Распространение и плотность находок в раскопе: 1 - III культурный слой; 2 - IV культурный слой

II культурный слой залегает в слое 2, содержит большое количество разнообразных находок: каменные орудия и отходы их производства, немногочисленные костяные и роговые изделия, остатки флоры и фауны. В верхней части слоя доминирует гребенчатая керамика финала верхневолжской культуры, вместе с ней встречается и "зубчато-ямочная" с поясками конических ямок, отпечатков гребенчатого или зубчатого штампа и различных "ямчатых" вдавлений, нанесенных костями животных (см. статью И.В. Калининой в настоящем сборнике). Эта керамика возникает в результате смешения керамических традиций населения Северо-Запада Восточной Европы и финальной верхневолжской культуры и может считаться протольяловской. Для нее, как и для поздней верхневолжской, характерна обильная примесь дресвы. В верхней части 2 культурного слоя залегало отесанное бревно, рядом с ним - остатки легкого кострища со скоплением кремня, мелких костей и описанной керамики. Радиоуглеродная дата бревна - 5930 ± 200 л.н. (ГИН-7216 - все даты некалиброваны, приводятся относительно 1950 г.) - определяет хронологию этой части культурного слоя и время появления протольяловской керамики. Примечательно, что рядом с развалом гребенчатой керамики с обильной дресвой, на той же глубине, около одного кострища встречен развал сосуда с органической примесью и ложношнуровым орнаментом. Сосуд тонкостенный, а полосы орнамента узкие и глубокие. Подобная посуда, но более толстостенная и с менее глубоким орнаментом характерна для первой половины существования верхневолжской культуры. Налицо переживание древних традиций с весьма небольшими изменениями.

В нижней части II культурного слоя преобладает гребенчатая керамика с органической примесью, характерная для второй половины верхневолжской культуры, но не для ее конца. При этом каких-либо границ внутри слоя нет, а смена преобладающего типа керамики идет очень плавно. В слое 2а встречены редкие фрагменты гребенчатой керамики без дресвы. Образец сосновых щепок с площади 1 кв.м из нижней части этого слоя получил радиоуглеродную дату 6450 ± 160 л.н. (ГИН-7215). Отмечается лучшая сохранность кости в нижней части II культурного слоя. Планиграфически этот слой фиксируется в виде одного скопления в центральной и западной частях раскопа. Скопление четко ориентировано с северо-запада на юго-восток (рис. 1, 2 - черной полосой помечено датированное бревно). Отмечается максимальная концентрация находок в его центре и постепенное убывание к периферии. Стоянка занимала наиболее высокую часть островка или мыса. Вероятно, скопление является результатом многократных посещений во время высокого стояния воды в озере во второй половине существования верхневолжской культуры. Здесь также отмечается интенсивное разрушение кости и разложение торфа под воздействием азрации, особенно в центральной и западной частях скопления. В восточной части прослежен шлейф этого культурного слоя, в котором встречены единичные фрагменты керамики и кремневые изделия. Находки залегают на глубине более 0.5 м, черный разложившийся торф постепенно замещается коричневым со слабой степенью разложения. В отличие от центральной части скопления, в шлейфе в значительном количестве встречены кости хорошей сохранности, среди которых преобладают птицы.

III культурный слой залегает на контакте слоев 2 и 3а. В раскопах 1990-1993 гг. этот контакт совпадал со слоем пятнистого торфа (бурого с черными пятнами, постепенно черные пятна исчезали). В 1994 г. прослежено, что пятнистость торфа связана с его окислением в результате осушения в процессе торфоразработок. Понижение уровня грунтовых вод открыло доступ воздуху внутрь торфа, причем он проникает не равномерно, а в первую очередь на участках, где имеются трещины усыхания или торф менее плотный. Так, при зачистке стенки дренажной канавы, прошедшей через центр поселения, в сентябре 1990 г., почти сразу после ее чистки и углубления экскаватором, было отмечено, что слой 3а был ярко-рыжим, а пятнистый торф залегал на контакте слоев 2 и 3а, что соответствовало тогдашнему уровню стояния грунтовых вод. В 1994 г. этот участок был раскопан. Уровень грунтовых вод за 4 года понизился на 20-30 см, и на эту же глубину понизился уровень пятнистого торфа, переместившись с контакта слоев 2/3а в нижнюю часть слоя 3а и на контакт слоев 3а/3б. Верхняя часть слоя 3а из ярко-рыжей стала темно-коричневой, увеличилась степень разложения торфа. Сохранность костяных изделий и фаунистических остатков за 4 года очень сильно ухудшилась, многие рассыпались при прикосновении. Большая

часть мелких костей и изделий полностью разрушилась и исчезла. Дерево, бывшее ярко-желтым и плотным, потемнело и стало крошиться. Особенно интенсивно процессы разрушения культурных слоев идут у края канавы, где аэрация и нарушение химического режима торфа максимальны.

Планиграфически III культурный слой распространен в виде размытого скопления находок в восточной части раскопа, на плавном понижении берега островка (рис.2,1). Как и во II культурном слое, здесь отмечены аморфные углисто-золистые пятна - остатки легких кострищ. Встречено несколько фрагментов бревен (на плане показаны черными полосами), часть из них затесана. Находки представлены каменными и костяными изделиями и отходами производства, остатками флоры и фауны. Керамика сделана из глины с органической примесью, в некоторых фрагментах присутствует в небольшом количестве примесь шамота, песка или мелкой дровины. Черепок толщиной 7-10 мм, орнамент поверхностный, состоит из коротких строчек овальных наколов, реже - более сложных пожношнуровых композиций. На некоторых сосудах имеется только несколько рядов крупных треугольных наколов под венчиком. Около половины черепков без орнамента, на многих встречены "расчески" на внешней или внутренней стороне. Такая керамика характерна для первой половины существования верхневолжской культуры и датируется по аналогиям с другими стоянками ранней верхневолжской культуры нач.-1-ой пол. V тыс. до н.э. [2]. Различия в керамическом материале и "размытость" скопления находок позволяют предположить, что и этот культурный слой оставлен в результате многократных посещений стоянки во время сравнительно низкого уровня стояния воды в озере.

IV культурный слой залегает в слое За, подстилая в центральной и западной части раскопа II, а в восточной части раскопа - III культурный слой. Стерильной прослойки нет, но на границе культурных слоев отмечается значительное уменьшение количества находок. Верх IV культурного слоя фиксируется появлением большого количества мелкой кальцинированной костяной крошки, песка, угольков, щепок и резким возрастанием плотности находок, исчезновением керамики. В северо-восточной части, где прослежен край берега древнего озера, плотность находок более 1000 на кв.м. Находки представлены очень большим количеством каменных изделий и отходов их производства, изделиями из кости, рога, дерева, бересты, волокнистых материалов, остатками флоры и фауны. Каменный и костяной инвентарь типичны для финального этапа бутовской культуры. В нем органически сочетаются как черты, характерные для предшествующих этапов развития этой культуры, так и для верхневолжской культуры, сложившейся на основе бутовской [3].

Серия радиоуглеродных дат помещает IV культурный слой в последнюю треть VI тыс. до н.э.: дата 7410 ± 90 л.н. (ГИН-6659) получена по древесному углю из верхней части культурного слоя с площади 1 кв.м; 7310 ± 120 л.н. (ГИН-7218) - по обработанному бревну из верхней части культурного слоя; 7190 ± 180 л.н. (ГИН-6660) - по древесному углю из нижней части культурного слоя из того же квадрата, что и ГИН-6659; 7120 ± 50 л.н. (ГИН-7217) - по обработанному бревну из средней части культурного слоя; 6970 ± 120 л.н. (ГИН-6662) - по сосновым щепкам из нижней части культурного слоя с площади 1 кв. м; 6930 ± 70 л.н. (ГИН-7216 - приведенная ранее дата этого образца [1] - ошибка записи) - по сосновым щепкам из нижней части культурного слоя. Автор благодарен за проведенный анализ Л.Д.Супержицкому, по мнению которого (устное сообщение), наиболее достоверны даты, полученные по бревнам. В процессе подготовки поверхностный слой толщиной 1 см с образца удалялся, что давало возможность максимально избежать посторонних примесей. Образцы щепок могут быть несколько омоложены за счет промывки грунтовыми водами. Неизвестно, какое дерево было сожжено в образцах угля, тем более, что угольки отбирались хоть и с небольшой площади, но не из "закрытого комплекса". Тем не менее, полученные даты не противоречат друг другу и подтверждаются палинологической датировкой слоя За, вмещающего IV культурный слой. Вместе с тем, отмеченные небольшие инверсии могут свидетельствовать и о перемешанности культурного слоя в результате вытаптывания и хозяйственной деятельности. Это также подтверждается однородностью культурного слоя и положением отдельных крупных находок (трубчатая кость пося, стоявшая под углом, при этом ее верх был на уровне верха культурного слоя, а низ упирался в материковый торф; крупная шлифовальная плита, стоявшая на ребре, пересекая почти всю мощность культурного слоя, и т. п.).

Вероятно, этот культурный слой также отложился в результате многочисленных посещений, выделить которые не представляется возможным. Судя по многочисленным полигональным трещинам усыхания материкового торфа, заселение островка стало возможным только после падения уровня древнего озера. Примечательно, что в культурном слое отсутствуют листья рогоза, обильно представленные в материке.

IV культурный слой встречен на всей площади раскопа, при этом плотность находок далеко не равномерна (рис. 2,2 - черными пятнами с номерами отмечены ямы и кострища). Наибольшая концентрация наблюдается в северной и центральной частях раскопа. При этом в восточной части фиксируется болотный шлейф культурного слоя, а в северо-восточной - берег озера. Помимо многочисленных тонких аморфных углисто-золистых пятен - остатков легких кострищ, обнаружено 5 хозяйственных ям, все в центральной и западной частях раскопа, на наиболее сухом возвышенном участке, удаленном от берега. Ямы 1 и 4 - для хранения припасов, обе пустые, яма 3 такая же, но поверх нее устроен небольшой очажок, яма 5 была заполнена семенами или плодами (пока не определены), а яма 2 - выгребная. Последняя после продолжительного использования была перекрыта пятном рыбьей чешуи, после чего на этом месте, как и над ямами 1 и 5, отложился культурный слой. Ямы 3 и 4 устроены на периферии поселения. Примечательно, что все ямы опущены из низа культурного слоя, т.е. вырыты в начальный период заселения стоянки.

Подводя предварительные итоги проведенных исследований, можно отметить следующее.

1. Поселение Озерки 5 возникло на низком торфяном островке или мысу при выходе р.Инюхи из древнего озера. В отличие от большинства известных в Волго-Ожском бассейне торфяниковых поселений, оно не связано с суходолами или минеральными берегами.

2. Возникнув во время глубокой регрессии в конце мезолита, поселение функционировало на протяжении всего раннего и в начале среднего неолита. Следов более поздних культурных слоев не обнаружено.

3. Представленные на памятнике 4 культурных слоя, благодаря четкой стратиграфии и планиграфии, легко отделяются друг от друга. Изменение уровня озера приводило к смещению береговой линии, что отразилось на расположении и характере остатков разновременных стоянок.

4. По предварительным данным, раскопано не более пятой части площади памятника. В результате осушения торфяника необратимые процессы разрушения культурного слоя приводят к гибели изделий из органических материалов, прежде всего, кости и рога. Особенно активно эти процессы идут у края дренажных канав. Для спасения памятника ежегодно необходимо вскрывать не менее 40 кв. м на наиболее разрушающихся участках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилин М.Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990-1992 гг. // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
2. Жилин М.Г. Раннеэнеолитическая стоянка Утрех 2 // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990. Вып.3.
3. Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья песной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып.1.

**Институт археологии РАН,
Москва**

M. G. Zhilin
SOME RESULTS OF EXCAVATIONS
OF PEAT SITE OZERKI 5 IN 1990-1994

Summary

The peat site Ozerki 5, discovered in 1990 by M.G.Zhilin and N.V.Levina, is situated at the western part of the Ozerki peat bog in Konakovo district of the Tver region, about 20 km south of Tver. 170 square metres of land were excavated by the author in 1990-1994. 4 cultural layers were traced. The first gave some pottery and lithic artifacts of Lyalovo culture of the Middle Neolithic; the second - abundant materials of the final Upper Volga culture and protolyalovo pottery at the roof of the layer and late Upper Volga culture materials at the bottom. The third cultural layer produced pottery, lithic, bone and antler artifacts of early Upper Volga culture. The fourth, lower layer gave numerous stone, bone, antler, wooden tools, as well as the waste of the final period of Butovo mesolithic culture, accompanied by abundant floral and faunal remains. The settlement emerged during deep regression of the lake in Early Atlantic (7400-7000 years ago by C-14), and was functioning during the first half of this period. The four cultural layers follow ancient shoreline, which changed in accordance with regressions and transgressions, that is why the occupation plans (fig. 1-2) are different for each layer. Approximately 1/5 of the site is excavated, and more excavations should be performed to save the settlement from destruction.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

М.Г.Жилин, А.С.Фролов, Е.Ю.Крымов СТОЯНКА ПРИСЛОН 1 НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Значительное увеличение числа открытых и раскопанных мезолитических памятников в Верхневолжье за последние два десятилетия существенно расширило наши знания о мезолите региона. В то же время неоднократное повторное обследование ранее известных стоянок позволило сделать важные уточнения. Нередко при этом в непосредственной близости от известных открывались новые интересные памятники.

Стоянка у д. Прислон известна в литературе с середины 1930-х гг. [1]. Она располагалась непосредственно под городищем дьяковской культуры и уже тогда подмывалась. На этом памятнике были найдены "макролитические" орудия поздненеолитического облика. С начала 1970-х гг. стоянка систематически посещалась краеведами г. Дубны, собиравшими каменные орудия на прибрежной отмели. Одновременно с этим ими была открыта стоянка напротив городища, материалам которой посвящена данная публикация. В 1986 г. совместно с краеведами новый памятник был осмотрен отрядом Института археологии [2]. Нами он назван Прислон 1.

Стоянка Прислон 1 находится в 0.2 км к югу от середины д.Прислон Кимрского района Тверской области. Располагается на мысу высокой поймы правого берега р. Ситнишь близ ее устья и левого берега безымянного ручья, вытекающего из заболоченной ложбины, отделяющей высокую пойму от склона коренного берега. Этот ручей со слабо выраженной долиной отделяет стоянку Прислон 1 от Прислонского городища и располагавшейся под ним поздненеолитической стоянки. Последняя в настоящее время полностью размыта. В результате подъема воды и особенно под влиянием волн от проходящих судов большая часть поселения Прислон 1 также размыта, а оставшая часть интенсивно размывается. Сохранившаяся часть - задернована, ранее распахивалась. Подъемный материал встречается на протяжении 150 м на бечевнике и в обрыве берега, достигающего высоты до 1.2 м над современным уровнем Волги.

С целью выяснения сохранности культурного слоя и стратиграфии памятника М.Г.Жилиным в 1987 г. [3] были произведены две зачистки. Зачистка 1 поставлена в 50 м выше устья ручья, ширина ее 1 м. Стратиграфия такова: 1 - дерн мощностью 10 см, 2 - пахотный слой - 21 см, 3 - супесь серая слабожелезненная - 23 см, 4 - суглинок легкий светло-коричневый - 30 см, 5 - суглинок средний серо-коричневый слабооструктуренный - 25 см, 6 - суглинок средний темно-серый оструктуренный (погребенная почва) - 12 см, 7 - суглинок тяжелый коричневый оглеенный, слабооструктуренный - видимая мощность более 1 м. В слоях 5 и 6 встречено по одному отщепу кремня.

Зачистка 2 поставлена в 50 м выше предыдущей, ширина ее также 1 м. Она показала такую последовательность слоев: 1 - дерн мощностью 10 см, 2 - пахотный слой - 15 см, 3 - суглинок коричневый средний - 60 см, 4 - суглинок коричневый тяжелый, оглеен, в верхней части оструктурен, в нижней - опесчанен, на глубине 1 м от его поверхности тонкая (1.5 см) сероватая прослойка. Видимая мощность более 1.2 м. В слое 4 на глубине 1.29-1.35 м от дерна (0.44-0.5 м от верха этого слоя) найдены концевой скребок и три отщепы кремня. Вероятно, это

культурный слой мезолитической стоянки. По форме, характеру обработки и сырью находки из слоя 4 зачистки и большей части подъемного материала идентичны.

В коллекции, собранной дубнинскими краеведами, помимо мезолитических находок имеются наконечники стрел эпохи бронзы и два мелких фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом того же времени. В ряде мест под берегом встречены отщепы, недавно выпавшие из слоя серой супеси (слой 3 зачистки 1), а один отщеп торчал из этого слоя рядом с зачисткой 1. Видимо, стоянка Прислон 1 была двухслойной - верхний культурный слой с редкими находками эпохи бронзы располагался ближе к городищу и сейчас почти полностью размыт. Мезолитическая же стоянка (нижний культурный слой) находилась дальше от городища, что видно по наличию находок в слое 4 зачистки 2 и отсутствию их в соответствующем слое зачистки 1.

При многократных сборах Е.Ю.Крымова отщепы, как правило, не брались, так что коллекция получилась выборочная. Помимо нескольких наконечников стрел, твердо отнести какие-либо изделия к стоянке эпохи бронзы не представляется возможным. Видимо, она была очень бедной. Подавляющее большинство изделий относится к мезолиту. Для изготовления орудий использовался разнообразный пестрый кремль, среди которого часто встречается характерный пиловато-розовый, напоминающий старицкий. Единичные орудия, о которых будет сказано ниже, сделаны из импортного мелового кремня.

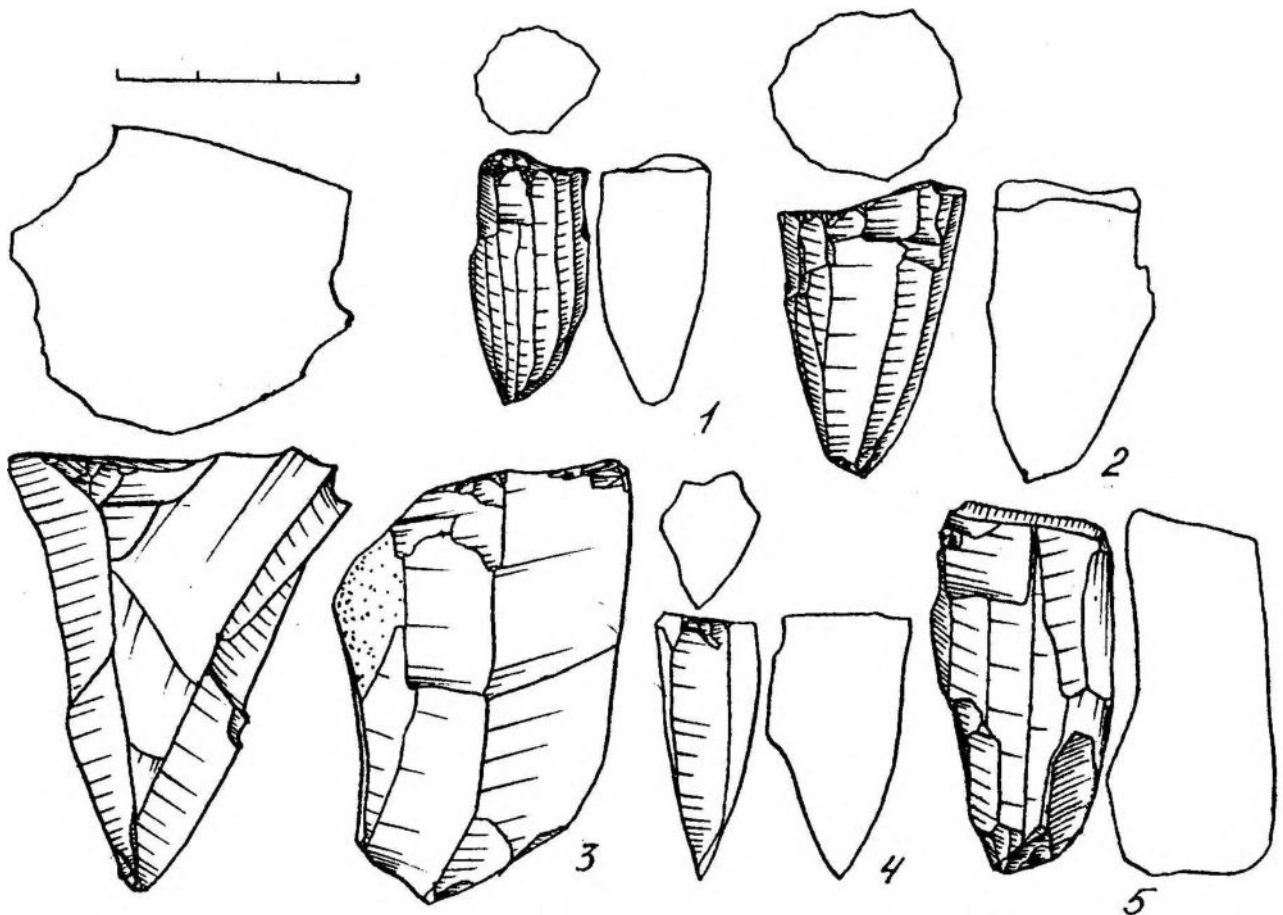

Рис. 1. Стоянка Прислон 1. Нуклеусы. Кремль

Всего в коллекции более 1000 изделий, среди которых 14 нуклеусов. Первый нуклеус одно-площадочный карандашевидный, микропластины снимались по периметру горизонтально подправленной площадки (рис. 1,1). Имеется заготовка такого нуклеуса, только площадка без подправки, снята одна пробная пластинка (рис. 1,4). Площадка двух подконических нуклеусов

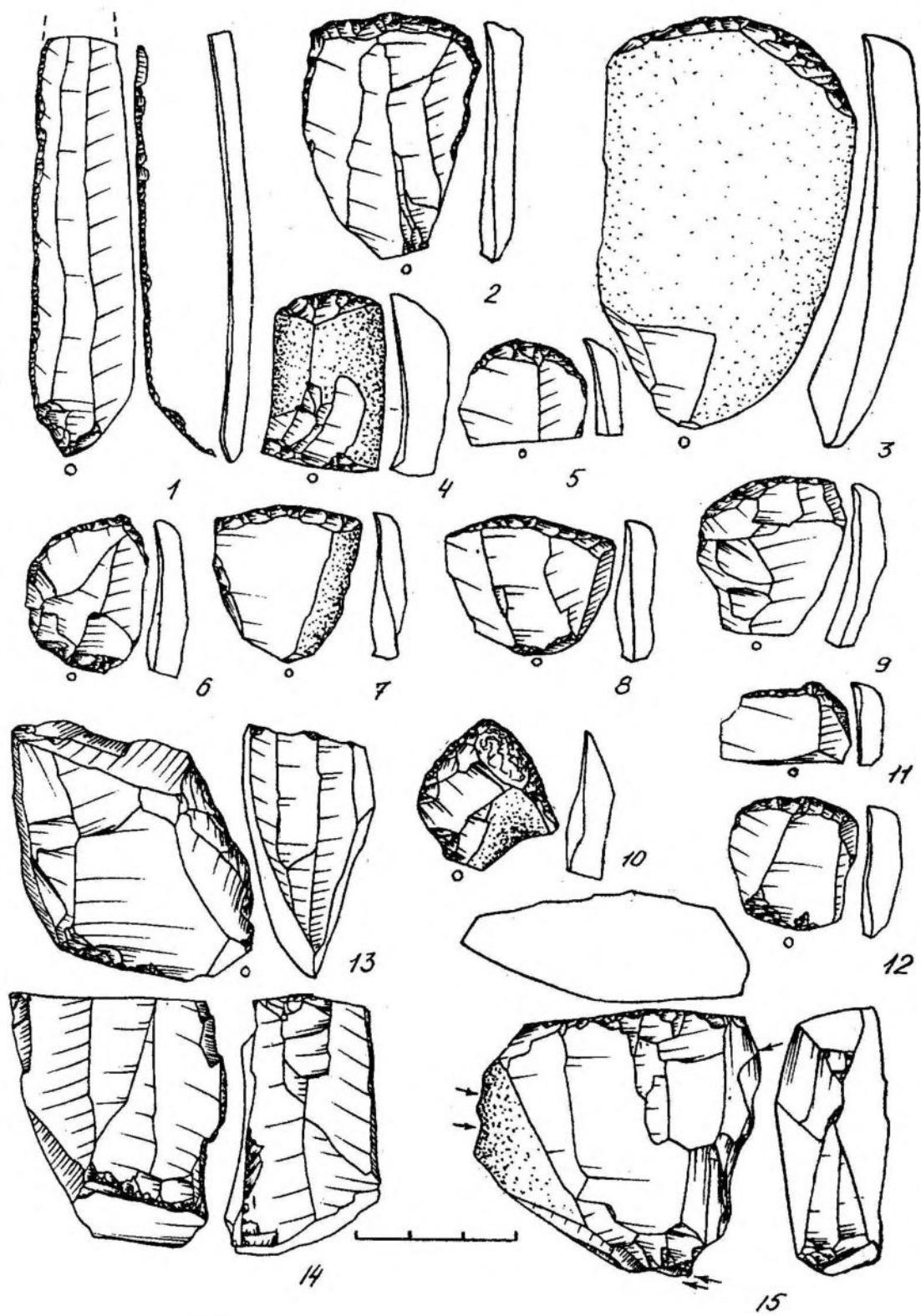

Рис. 2. Стоянка Прислон 1. Кремневый инвентарь

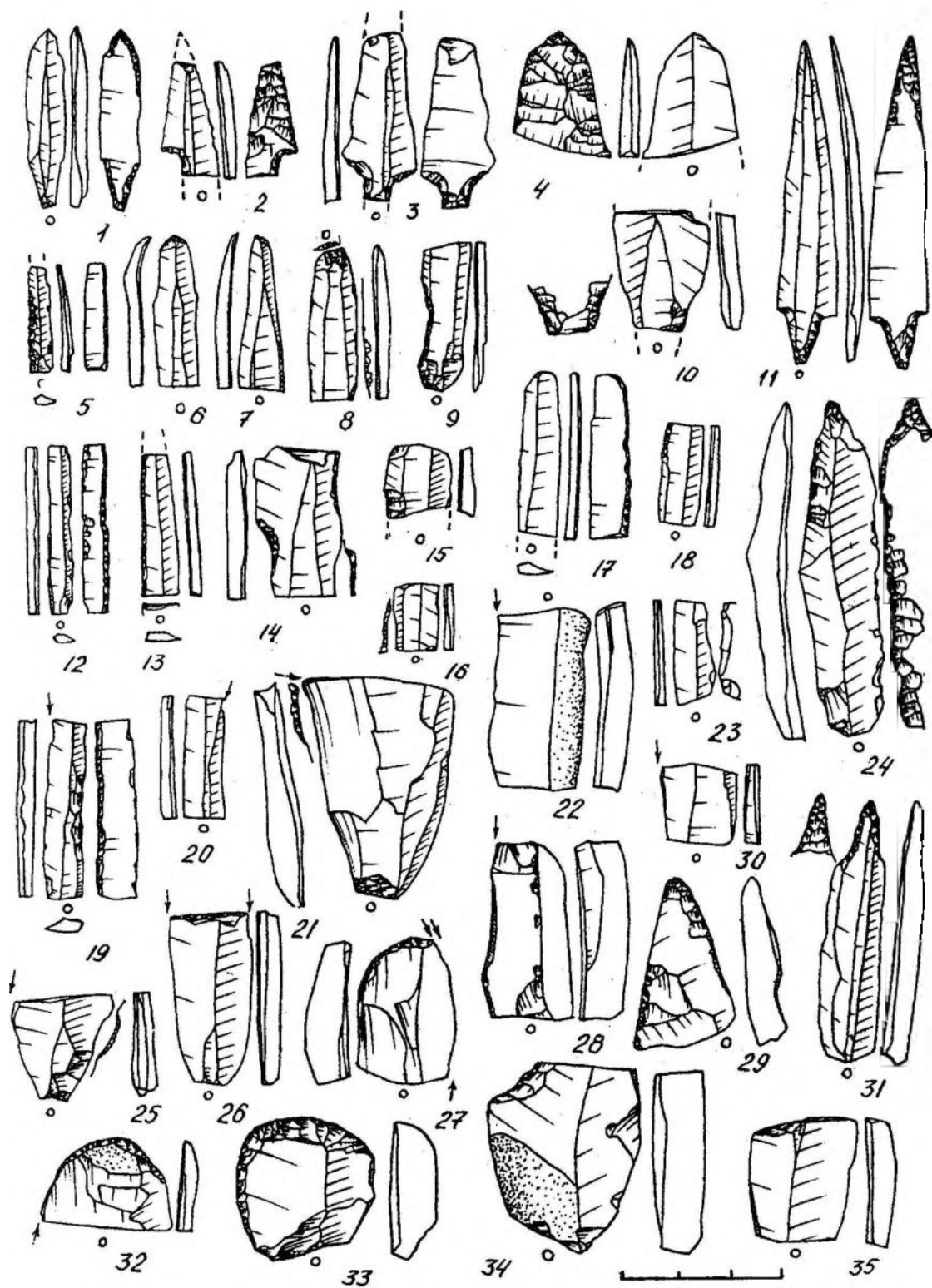

Рис. 3. Стоянка Прислон 1. Кремневый инвентарь

скошена и подправлена, пластинки скалывались по ее периметру (рис. 1,2,3). Есть заготовка и обломок основания таких нуклеусов. Имеется одноплощадочный подпризматический нуклеус, площадка слабоскошена без подправки, пластины скалывались по ее периметру (рис. 1,5). Еще один подобный нуклеус с горизонтальной площадкой без подправки служил для снятия пластин и отщепов. Два нуклеуса клиновидные, площадка одного, от правильных пластин, скошена и подправлена (рис. 2,13); от второго сохранился обломок основания. Два нуклеуса двухплощадочные подпризматические, от пластин, у одного площадки без подправки, горизонтальная и скошенная (рис.2,14), у второго - одна горизонтальная с подправкой, другая - сломана. Последний двухплощадочный нуклеус плоский, площадки скошены без подправки, пластины и отщепы скалывались с одной стороны, тыльный фас оформлен поперечными сколами от обоих ребер; вторая площадка явно вспомогательная (рис. 2,15). Помимо этого, имеется три обломка нуклеусов, три мелких нуклевидных куска и 6 поперечных сколов с подправленных площадок нуклеусов от пластин.

Пластин (включая изготовленные из них орудия) найдено 217, правильных 153, преобладают изделия шириной 7-15 мм, среди которых наиболее многочисленны шириной 10 мм. Неправильных пластин 57, преобладают изделия шириной 14 мм. Ребристых пластин 7.

Морфологически выраженных изделий со вторичной обработкой 120, из них на пластинах 82 (68.3%), на отщепах 38.

Скребок 34, из них разных вариантов концевых 19 (рис. 2,2-5,7-9,11-12): с дугообразным лезвием на пластинах - два, на отщепах - десять, с прямым лезвием на пластине - один; скошенных с дугообразным лезвием на пластинах - два и три на отщепах. Один скребок, видимо, на пластине, с выступом. Все обработаны крутой ретушью на спинке, причем у двух частично подправлены боковые края (рис.2,2,7). Шесть скребков концевые-боковые (рис. 3,33), два на пластинах, остальные на отщепах. Два скребка на отщепах со сходящимися рабочими краями (рис. 2,6,10), еще четыре аморфные, остальные представлены мелкими обломками. Помимо этого имеются два скошенных микроскребка на пластинах (рис. 3, 6,7) и концевой микроскребок на отщепе.

Найдено 15 резцов. Один поперечноретушный двойной на одном конце пластины, кромки узкие (рис. 3,26). Второй резец с обработанной крутой ретушью на брюшке площадкой, поперечный, на широкой пластине, кромка средней ширины (рис. 3,21). 10 резцов сделаны на сломе заготовки (рис. 3,20,22,25,28): 4 на пластинах, кромки у 3 узкие, у одного - средней ширины; на отщепах изготовлено 4 резца с одним лезвием (два с широкими неровными кромками), двойной и тройной, кромки средней ширины. 3 резца комбинированные: косоретушный - на сломе пластины, такой же - поперечный на сломе отщепа, срединный со смещением - на сломе отщепа, кромки средней ширины. Помимо этого, имеются краевой отщеп резца с ретушированной площадкой и два краевых отщепа резцов без ретуши.

Выразительна серия из шести вкладышей из микропластин. Край одного затуплен крутой ретушью на спинке, а основание - на брюшке (рис.3,13); так же обработано основание другого вкладыша, а край затуплен на брюшке и подправлен пологой ретушью на спинке (рис.3,5). У третьего основание затуплено крутой ретушью на брюшке и подправлено плоской на спинке, при этом немного скошено, а края не обработаны (рис.3,7). Еще у двух крутой ретушью на брюшке затуплен один край (рис. 3,12,17), а у третьего, помимо этого, затупленный край подправлен пологой ретушью на спинке (рис.3.19).

Найдено 3 черешковых наконечника стрел из пластин. Первый, с четко выделенным черешком, обработанным плоской ретушью на брюшке и полукрутой противоположающей, острие подправлено плоской ретушью на брюшке (рис.3,11). У второго обломано острие, черешок четко выделен полукрутой ретушью с двух сторон по краям (рис.3,3). Третий наконечник - со слабовыделенным крутой мелкой ретушью на брюшке черешком, так же оформлен и его кончик пера (рис.3,1). Возможно, обломком наконечника является пластина, один конец которой обработан плоской ретушью на брюшке по краям, а один край частично подправлен еще и пологой ретушью на спинке (рис.3,10).

Особый интерес представляют два других наконечника из пластин. От первого сохранился обломок, вероятно, острия, обработанного сплошной ретушью на брышке (рис.3,4). Вторым - почти целый, колющий асимметричный с боковой выемкой. Острие его обработано плоской ретушью на брышке, доходящей до шипа, а выемка - полукрутой с двух сторон. Оба наконечника сделаны из темно-серого, почти черного полупрозрачного мелового кремня, который на Верхней Волге не встречается. По определению ведущего специалиста по кремням Восточной Европы В.И.Муравьева (устное сообщение, авторы выражают благодарность за проведенное определение), такой кремень встречается на территории Восточной Европы в Донбассе, на Западной Украине, в Белоруссии и Литве, единично в Латвии. Морфология и система обработки характерны для ранних памятников культуры кунда - Пулли, Лепакосе [4], причем там эти изделия сделаны из такого же кремня. Это позволяет считать наши наконечники импортом и свидетельствует о связях населения Восточной Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите. Примечательно, что на стоянке Прислон 1 не встречено больше ни одного изделия из этого кремня. Из других памятников Верхнего Поволжья наконечники стрел из такого кремня, обработанные также в пуллийской манере, найдены на стоянках Бутово (раскоп 1987 г.) и Заборовье 2 [5].

Найдена крупная пластина, края которой приострены пологой противоположающей ретушью (рис.2,1). Скобелей 5, из них четыре однолезвийных, 3 на отщепе, один на пластине (рис.3,9). Последний также на пластине, имеет три мелких узких выемки (рис.3,14).

Симметричное сверло с выделенным рабочим концом сделано на пластине. Оно обработано крутой ретушью на спинке и плоской на брышке (рис.3,31). Еще одно симметричное сверло сделано на отщепе (рис.3,29). Рубящие орудия представлены тремя заготовками, грубо оббитыми по краям; у одной поперек обушка нанесен резцовый скол.

Комбинированных орудий 7: скребок концевой - резец с узкой кромкой на сломе отщепе (рис.3,32); скребок концевой на пластине с приостренным ретушью краем; резец на сломе пластины с приостренным ретушью краем (рис. 3,28); резец на сломе - скобель на отщепе (рис.3,25); симметричное сверло с выделенным крутой ретушью на брышке краем (рис.3, 24); асимметричное сверло на основании пластины с приостренными противоположающей пологой ретушью краями.

Помимо этого, в коллекции имеется 30 обломков пластин и 17 отщепов с нерегулярной ретушью и краевой выкрошенностью.

Описанный каменный инвентарь характерен для памятников ранней бутовской культуры и находит ближайшие аналогии в материалах стоянки Бутово (раскопки М.Г.Жилина 1987 г.[3]). В обеих стоянках ведущую роль в охотничьем вооружении играют черешковые наконечники стрел и разнообразные вкладыши из микропластинок с ретушью краев и концов. Большое сходство отмечается как среди прочих орудий, так и в технологии обработки кремня. В обоих памятниках представлены наконечники стрел из импортного "типичного флинта" с пуллийским характером обработки. Радиоуглеродная датировка стоянки Бутово - 9310 ± 100 л.н. (от 1950 г.), соответствует дате стоянки Пулли. Обе они по пыльце датированы концом пребореального периода. Вместе с тем, в инвентаре Прислона 1 уже отмечаются разнообразие нуклеусов и скребков, небрежность в оформлении резцов и некоторые другие черты, которые наиболее ярко проявляются на памятниках первой половины бореального периода. Ближайшим из них, имеющим пыльцевую дату - первая треть бореала является стоянка Нушполы 11 в среднем течении р.Дубны [6]. Вероятно, стоянка Прислон 1, как и Заборовье 2, может быть датирована концом пребореального - началом бореального периодов, то есть около 9000 л.н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О.Н. Работы на строительстве канала Москва-Волга. Отчет о работах 1932-1933 гг. // Известия ГАИМК. 1935. Вып.109.
2. Беляцкий С.В., Крымов Е.Ю., Фролов А.С. Работы в окрестностях Дубны // АО-1986. М., 1988.
3. Жилин М.Г. О работах в Калининской области // АО-1987. М., 1989.

4. *Jaanits K.* Die Mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frugeschichte. Potsdam. 14/15.1980.
5. *Кольцов Л.В.* Древнейшее прошлое Калининского Поволжья // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974.
6. *Жилин М.Г.* Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.

*Институт археологии РАН,
"Обелиск"-центр МК РФ,
Москва
Краеведческий музей,
Дубна*

M.G. Zhilin, A.S. Frolov, E.A. Krymov
THE SITE PRISLON 1 ON THE UPPER VOLGA

Summary

The site Prislon, known from the 1930s, was washed out by the Volga river. Field surveys of amateur archaeologists from Dubna lead to discovery of a new site near the one destroyed, just opposite the mouth of the Volga tributary. Surveys of the Upper Volga expedition clarified stratigraphy and lithic inventory of the new discovered site and dated it as the Early Mesolithic. Of special interest are arrowheads, made of the typical flint, not known in Russian natural deposits. Style of secondary trimming is typical of Pulli arrowheads, which were also made of the same raw material. This find shows direct contacts of the population of the early Butovo and early Kunda cultures in the Late Preboreal/Early Boreal. Since then contacts of these cultures have been most often traced in bone inventories, as the difference in raw flint supplies resulted in the character of the bone working artifacts, which are typologically similar in forest zone of Eurasia.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

Г. В. Сеницына, В. И. Кильдюшевский

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ПОДОЛ III

Целью настоящей работы является введение в научный оборот материалов памятника Подол III (раскоп II), расположенного близ д. Ланино Селижаровского района Тверской области (рис. 1А и рис. 1Б). Название памятника дано по его местонахождению на территории бывшей д. Подол. После постройки бейшлота в 1843 г. [1;2] первая надпойменная терраса оз. Волго, на которой расположен памятник, периодически заливается водами Верхневолжского водохранилища.

На вскрытых раскопками в 1990 и 1993 гг. участках поселения выявлены хронологически различные материалы (от финального палеолита до позднего средневековья) и прослежена их вертикальная и горизонтальная стратиграфия (рис. 1В).

Культурные остатки эпохи средневековья, представленные фрагментами гончарной керамики, гвоздями, фрагментами железных пластин, ножом, пуговицей, бубенчиком, залежали непосредственно под дерном в слое темно-серого гумусированного песка мощностью от 30 до 50 см, представляющего собой пашню в более позднее время. Ряд ям и хозяйственных объектов был врезан в низлежащий горизонт коричневого или желтого гумусированного песка. В северной части раскопа (рис. 2) зафиксировано пятно (215 x 120 см) прокаленной красной глины, вытянутое в широтном направлении, мощностью до 50 см (рис. 2, разрез в-г). Рядом с этим пятном находилась линза темно-серого гумусированного песка с включением углей, раздробленных костей животных, с развалом гончарных сосудов. Здесь же были зафиксированы ямы от столбов глубиной до 50 см, представляющие собой остатки наземной постройки с глинобитной печью. Ряд ям, исследованных при раскопках, довольно трудно интерпретировать в плане их функционального назначения. Так, в южной части раскопа выявлена овальной формы яма (109 x 70 см), трапециевидная в сечении, глубиной до 40 см (рис. 2, разрез а-б), в заполнении которой найдены древесные остатки, угли, фрагменты гончарной керамики, гвозди. После выборки ее заполнения на стенах ямы прослеживались круглые, диаметром 5-7 см пятна, свидетельствующие о наличии сооружения из жердей. Аналогичная яма с перекрытием прослежена в западной части раскопа (рис. 2, разрез ж-з). Ряд ям, отстоящих друг от друга на расстояние 3-4 м, является остатками от сооружений столбовой конструкции (рис. 2, разрез д-е). Интересным представляется очаг, сложенный из камней (рис. 2, разрез и-к), диаметром 65 см, мощностью до 50 см, в заполнении которого найден развал гончарного сосуда. Эта часть поселения, скорее всего, связана с летним периодом обитания.

Основная масса находок эпохи средневековья прослежена в юго-западной части раскопа, законсервированной для исследования. Интерпретация средневекового материала в данной работе дана В.И.Кильдюшевским.

Находки, обнаруженные в средневековых слоях, представлены в основном мелкими фрагментами керамики (2700 фрагментов). Из них 86 фрагментов венчиков сосудов и 17 - донцев.

План раскопа II стоянки Подол III 1990 - 1993 гг.

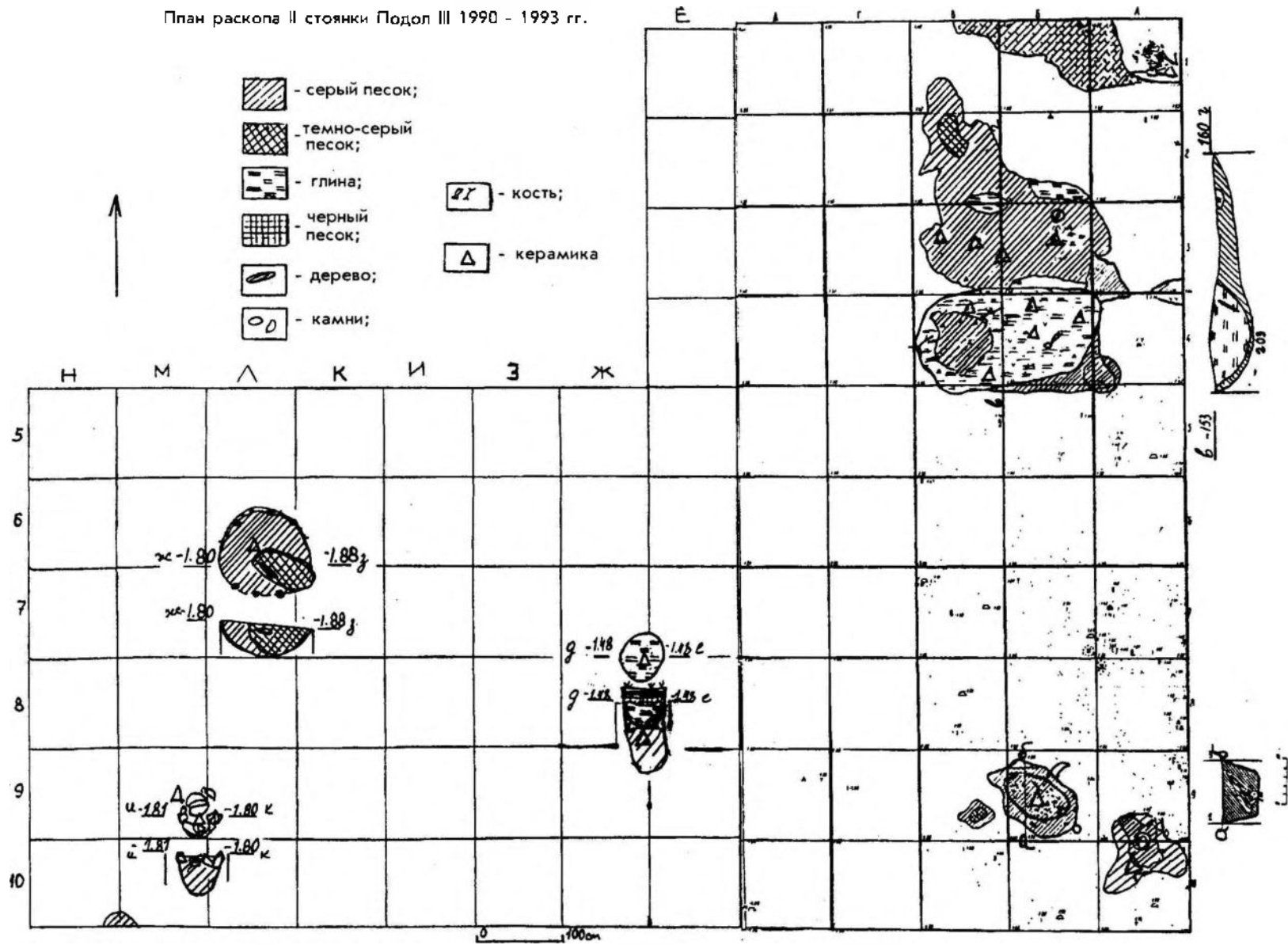

Рис. 2. Поселение Подол III. Хозяйственные объекты эпохи средневековья

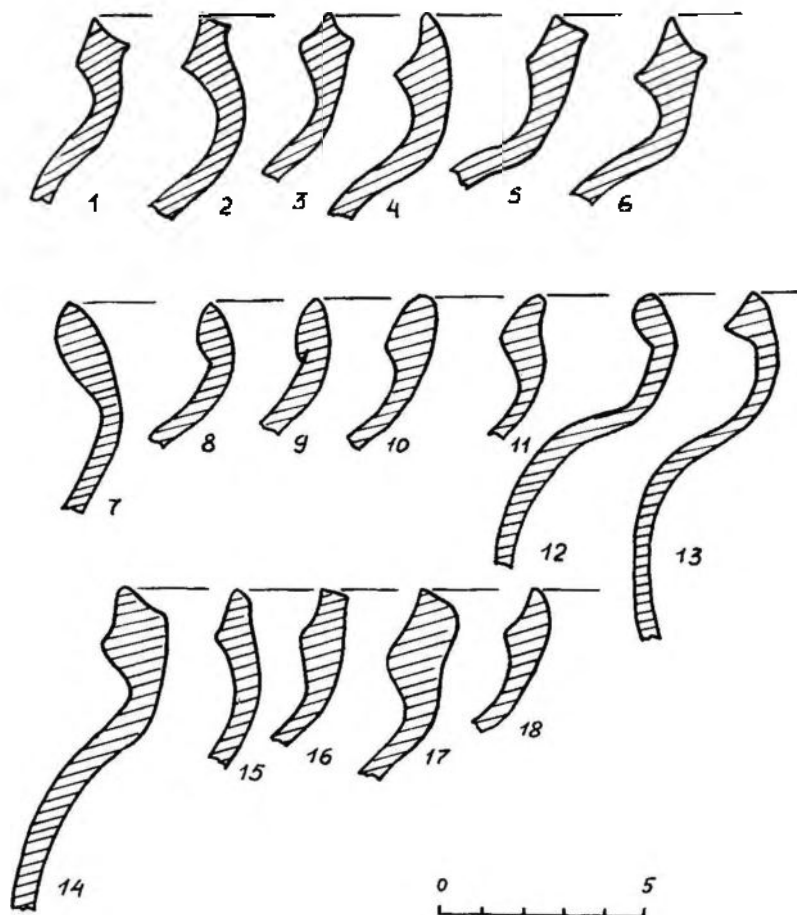
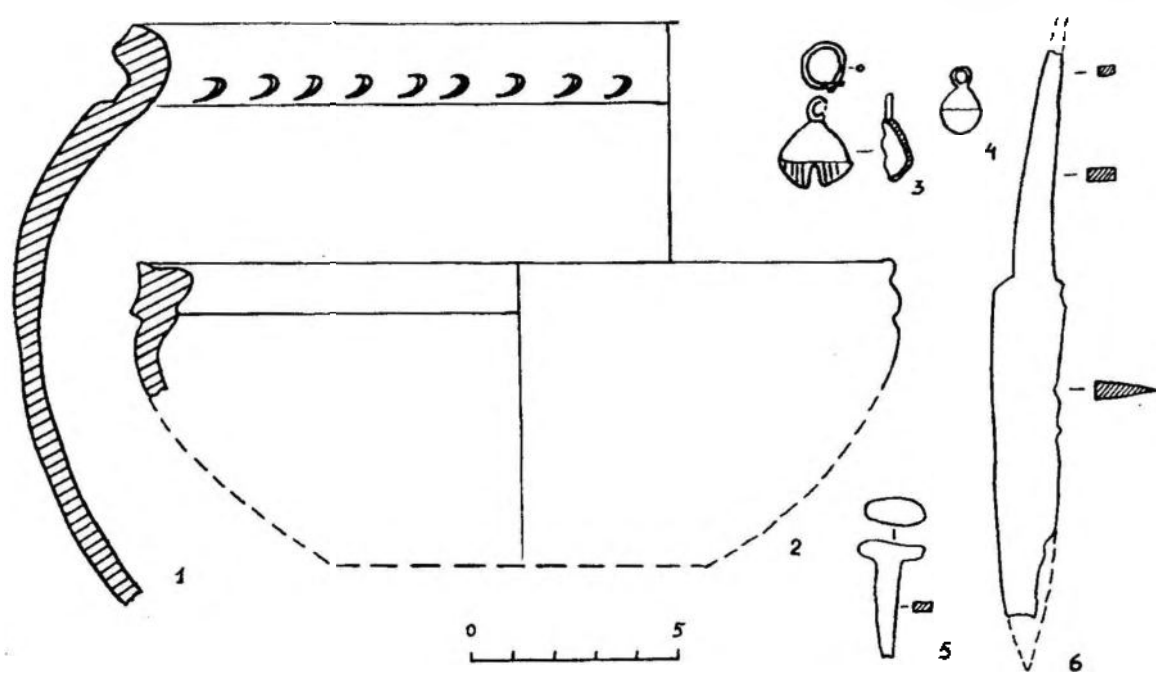

Рис. 3. Поселение Подол III. Профили верхних частей сосудов эпохи средневековья

Рис. 4. Поселение Подол III. Инвентарь эпохи средневековья: 1 - 2 - реконструкции сосудов; 3 - бубенчик, бронза; 4 - луговица, бронза; 5 - подковный гвоздь, железо; 6 - нож, железо

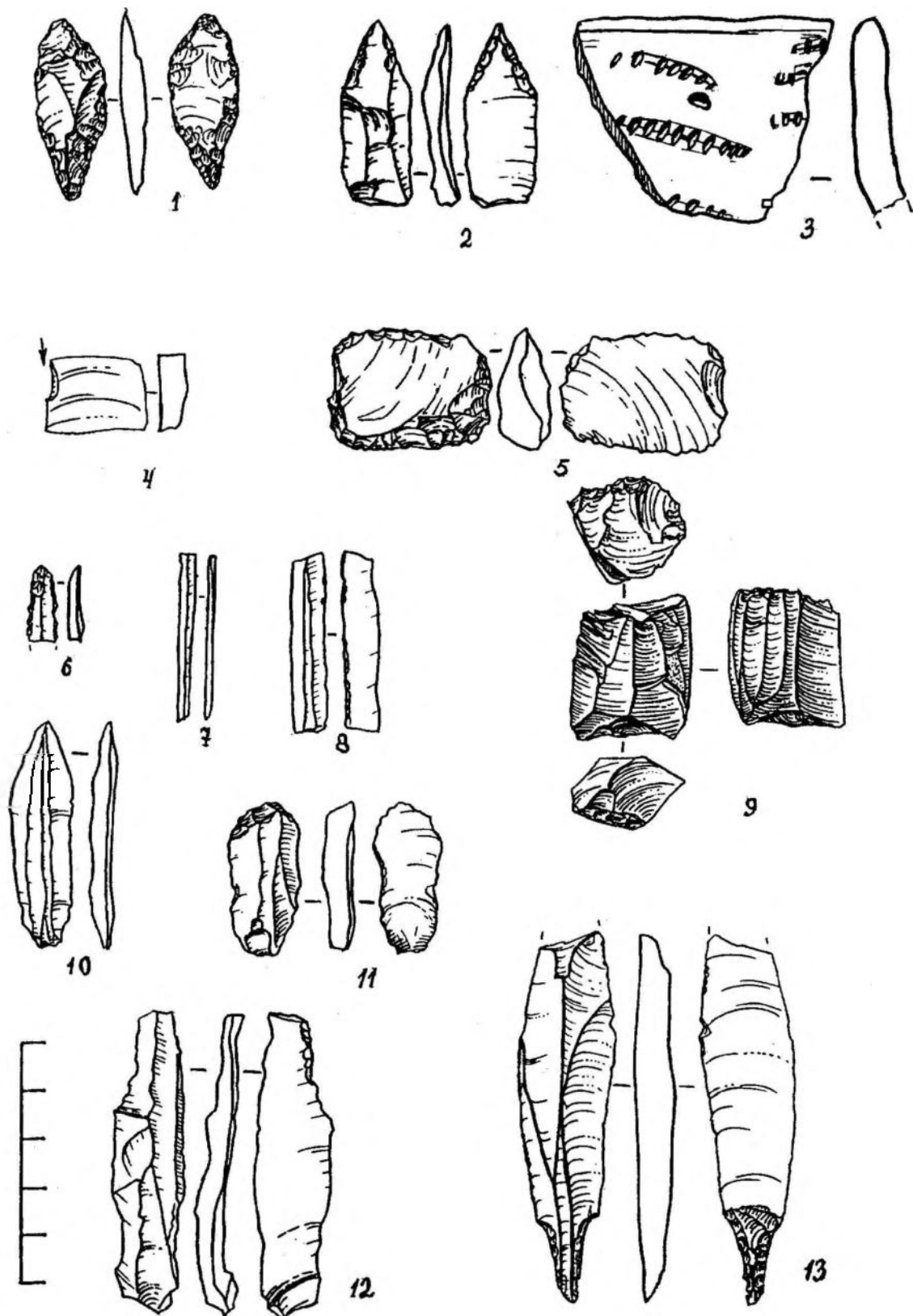

Рис. 5. Поселение Подол III. Инвентарь эпох мезолита - бронзы:
 1 - наконечник стрелы; 2 - проколка; 3 - фрагмент сосуда; 4 - резец; 5, 11 - скребки;
 6-8, 10, 12 - пластины; 9 - нуклеус; 13 - наконечник стрелы. Кремний, керамика (3).
 3 - эпоха бронзы; 1-2, 4-11 - валдайская культура эпох неолита-мезолита;
 12-13 - свидерский комплекс эпохи мезолита

Подавляющее число сосудов изготовлено из беложгущейся глины с хорошо отмученным тестом и небольшой примесью мелкого песка. Черепок в изломе однослойный или трехслойный. Незначительная часть сосудов изготовлена из глины бурого или красного цвета с примесью более крупного песка.

Хотя большая часть венчиков представлена мелкими обломками, можно выделить две группы, которые отличаются по оформлению края венчика. Одна из них, наиболее многочисленная, имеет более массивный венчик, треугольный в сечении, с заостренным краем. Зачастую он срезан вовнутрь, образуя канавку для крышки. Большая часть сосудов этой группы изготовлена из беложгущейся глины (рис. 3,1-6,14-18). Вторая группа имеет, как правило, менее массивный закругленный венчик, образованный при оформлении края сосуда (рис. 3,7-11). Внутри этих групп можно выделить несколько вариантов, отличающихся деталями оформления. Так как типология поздней керамики практически не разработана, а тверской керамики в особенности, то, учитывая небольшое количество фрагментов данной коллекции, можно сделать лишь предварительные выводы.

Керамика второй группы по своему облику близка к московской белоглиняной керамике 1-ой пол. XVI в. [3, с. 51-52, табл. 121]. Первая группа керамики по своему облику напоминает тот тип белоглиняной керамики Новгородской земли, который появился на рубеже XV-XVI вв. Близкие по форме горшки известны в таких городах Новгородской земли как Орешек, Ям, Ивангород (тип V по классификации В.И.Кильдюшевского) [4, с. 37-40, рис. 7; 8-13].

Кроме этих двух групп керамики в коллекции представлены несколько фрагментов, которые близки к типу 11-12 керамики Торжка. Аналогичные горшки появляются в Торжке в посл. четв. XIV в. и бытуют в более позднее время [5, с. 201-203, рис. 8] (рис. 3,12-13; рис. 4,1).

Основная часть коллекции представлена горшками диаметром 21-24 см, встречаются и более крупные сосуды - до 28 см. Диаметр дна сосудов равен 11-16 см. Среди находок обнаружены фрагменты двух мисок (рис.4,2). Вся керамика неорнаментирована, за исключением одного сосуда, имевшего на шейке орнамент в виде ногтевидных насечек (рис.4,1).

Коллекция вещей, собранных во время раскопок, крайне незначительна и невыразительна: около двух десятков кованых гвоздей, в том числе и подковный гвоздь, железный нож, бронзовая шаровидная пуговица, спаянная из двух половинок, фрагмент стекла (рис. 4, 4-6). Все эти предметы имеют широкую датировку и вполне могут быть отнесены к XVI в.

Лишь одна находка - обломок грушевидного крестопорезного бубенчика, нижняя часть которого орнаментирована косой насечкой, относится к более раннему времени (рис. 4,3). В Новгороде бубенчики этого типа бытуют до 1134 г. [6, с.60, рис. 6,2,3]. Видимо, бубенчик попал в слой случайно с более раннего памятника, т.к. других находок этого периода в слое не обнаружено.

Таким образом, раскопками 1990, 1993 гг. выявлены остатки хозяйственной зоны небольшой усадьбы или поселения, которые можно датировать по керамике 1-ой пол. XVI в.

Представленные небольшим количеством предметов находки эпохи бронзы, неолита и мезолита ни по стратиграфии, ни по планиграфии не расчленяются. Поскольку для изготовления орудий использовалось сырье одного типа, характерного для валдайской культуры эпохи мезолита - неолита: темно-серый, сиреневый, коричневый кремнь местного происхождения, то для хронологического расчленения материала могла быть использована керамика.

Присутствие населения эпохи бронзы фиксируется по 7 фрагментам керамики, орнаментированным зубчатым штампом (рис. 5,3), в тесте которых видна неорганическая примесь. Судя по венчикам и орнаментации, фрагменты принадлежали двум различным сосудам. Один, с "расчесами" на внутренней поверхности, у другого прослеживаются "расчесы" на внешней стороне, поверх которых нанесен орнамент. Поскольку специфика кремневого инвентаря эпохи бронзы для данной территории не определена, то соотносить какие-либо изделия с данной керамикой нет оснований.

Кремневый инвентарь валдайской культуры характеризуется пластинчатым расщеплением с использованием призматических (рис. 5,9), торцовых (2 экз.) и конических (1 экз.) нуклеусов. Среди орудий выделяются листовидный наконечник с двусторонней краевой обработкой (рис.

5,1), проколка на пластинке (рис. 5,2), скребки (8 экз.). Два скребка - концевые на пластинках из сиреневого кремня (рис. 5,11); два других изготовлены на отщепах, их лезвия оформлены по всему обводу с частичной подработкой на вентральной поверхности (рис. 5,5); четыре других скребка представлены концевыми формами на отщепах. Резцы - угловые (рис. 5,4) на пластинах и пластинчатых отщепах. Наиболее многочисленную категорию инвентаря составляют призматические пластинки (99 экз.). Некоторые из них использовались как вкладыши в костяные или деревянные оправы различных изделий, о чем свидетельствует ретушь утилизации (рис. 5, 7-8). Мелкой крутой ретушью на спинке оформляли острия или черешки орудий (рис. 5, 6). В отдельных случаях на пластинах отмечаются заполированные участки (рис.5,10). Двумя фрагментами обушковой части и рабочего лезвия представлены характерные для валдайской культуры теспа.

Следующий хронологический комплекс на данном памятнике, который может быть рассмотрен как свидерский, представлен двумя изделиями: обломком наконечника стрелы, изготовленного из черного кремня, и призматической пластинкой из такого же черного кремня, снятой с двух-площадочного нуклеуса (рис.5,12,13).

Наибольшее значение имеет четко локализованный планиграфически позднепалеолитический комплекс памятника, аналогии которому известны в культуре лингби. Хотя часть культурных остатков этого комплекса залегала в том же стратиграфическом горизонте, что и вышеописанный материал валдайской культуры, без стерильных прослоек, верхнепалеолитический комплекс, кроме технико-типологических особенностей, четко выделяется по сырью. Материалы этого комплекса уже частично нашли отражение в литературе [7].

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о многократном заселении данного участка р. Волги - оз. Волго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анучин Д.Н.* Верхневолжские озера и верховья Западной Двины. М., 1897.
2. *Исаков В.З.* Озеро Селигер. М., 1985.
3. *Чернов С.З.* К хронологии московской керамики конца XV- начала XVI вв. // *Московская керамика. Новые данные по хронологии.* М., 1991.
4. *Петренко В.П., Кильдюшевский В.И.* Ивангородская керамика конца XV-XVI вв. // Тезисы конференции "Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология". Нарва, 1989.
5. *Мальгин П.Д.* Типология и хронология новоторжской керамики XI-XIV вв. // *Материалы по археологии Новгородской земли.* 1990 г. М., 1991.
6. *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода X-XIV вв. // *Материалы по археологии Новгорода.* 1988. М., 1990.
7. *Синицына Г.В.* К вопросу о генезисе валдайской культуры // *Тверской археологический сборник.* Тверь, 1994. Вып.1.

*Институт истории материальной культуры РАН,
С.-Петербург*

G. V. Sinitsyna, V. I. Kildyushevsky CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENT PODOL III

Summary

The monument is located at the Volgo lake in the Selizharovo district, Tver region. The analysis of the samples of material culture excavated in 1990 and 1993 allowed to single out a number of

chronological complexes of various stratigraphic and planigraphic characteristics: the Medieval (XIVth-XVth centuries A.D.), the Early Bronze, the Early Neolithic and Later Mesolithic Valday culture. Typologically the basic complex of Podol III belongs to the Final Paleolithic and most closely corresponds to the Lingby culture.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Palace Emb.,
St. Peterburg, 191065, Russia*

Е. В. Леонова
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ СТОЯНКИ БЕЛИВО 6В

Последние десять лет в археологической литературе, посвященной исследованию мезолита, все чаще поднимаются вопросы, связанные с продолжительностью и сезонным бытованием стоянок, их хозяйственно-бытовой спецификой [1, с. 25-36; 2, с. 68-84, 86; 3, с. 7, 8; 4, с. 155-171].

Однако, к сожалению, решение этих проблем не всегда основано на планиграфическом анализе памятника и редко сопровождается функционально-трасологическими определениями комплекса, что, на наш взгляд, должно стать неотъемлемой частью подобных исследований. Кроме того, анализ распределения артефактов на памятнике, связей по ремонту и качеству сырья необходим для определения "чистоты" комплекса.

Функционально-планиграфический анализ для изучения материалов мезолитических стоянок был предложен несколько лет назад А.Е.Кравцовым и М.Г.Жилиным [5, с. 135-148]. Подобные работы проводились и ранее для памятников каменного века других регионов; их результаты публиковались как в отечественной, так и в зарубежной литературе [6; 7].

Материалы стоянки Беливо 6В уже подготовлены к публикации [8]. В статье рассматриваются технико-морфологические особенности каменного инвентаря, представлен полный список орудий, выявленных трасологическим анализом, и обобщены данные функционально-планиграфического анализа.

Здесь мне хотелось бы более подробно опубликовать данные функционально-планиграфического анализа и сравнить их с материалами соседней однокультурной стоянки Беливо 4Г-северная [5].

Стоянка Беливо 6В находится в 0,7 км к Ю от д.Беливо Орехово-Зуевского района Московской области, расположена на пологом склоне левого берега р. Нерской, в периферийной части мыса при впадении р.Радомки в р.Нерскую, на высоте 2-2,5 м над уровнем заболоченной поймы. Поверхность памятника задернована, но ранее распахивалась. Находки залегают сразу под дерном, в пахотном слое, и в подстилающих его горизонтах подзола и рыжего песка до глубины 45 см от поверхности, в заполнении кюветов и в естественных западинах рыжего песка до глубины 70 см. Памятник исследовался в 1989-91 и 1994 гг. Подмосковным отрядом АЭ МИГМ под руководством А.Е.Кравцова и Е.В.Леоновой. Общая площадь раскопа и примыкающей к нему траншеи составила 344 кв.м и перекрыла полностью скопление находок.

На кв. В,Г-01,1 скопление было повреждено позднейшей ямой 140x120 см, прорезавшей слой пахоты и нижележащие слои. С бытованием стоянки, вероятно, связаны два пятна, выявленные на фоне рыжего песка. На кв. К,А-01,02 с глубины 37 см от поверхности прослежено овальное 136x84 см, вытянутое с З на В пятно бурого ожелезненного углистого песка, разрез которого показал наличие котловидной ямы мощностью до 43 см, в заполнении которой кроме углей были найдены расщепленные кремни. В 75 см к СВ от пятна 1 в кв. А-Н - 02-04 на гл. 45 см от

поверхности зафиксировано серо-бурое слабо углистое пятно 2 с неровными краями, 185x192 см в плане, в разрезе линзовидное с неровной границей; мощность линзы достигала 35 см. С пятном 2 связаны несколько кремневых изделий и мелкий фрагмент кальцинированной кости. Вероятно, первое пятно было в древности углубленным кострищем; происхождение второго пятна не ясно.

Комплекс инвентаря стоянки насчитывает 3646 предметов из камня. По типолого-морфологическому составу каменного инвентаря стоянка Беливо 6В относится к иеневской культуре [8].

Для планиграфического анализа было отобрано 1630 артефактов (расщепленные кремни, залежавшие в пахотном слое, переотложенные распахкой, не учитывались). Нанесенные на план раскопа находки, залежавшие под пахотным слоем, образуют в плане компактное скопление, вытянутое с ЮЗ на СВ, размерами 15,5x6 м.

Так как плотность залегания находок в скоплении была относительно высокой (до 220 предметов на 1 кв.м - кв. Е2), для выявления мест деятельности с разной хозяйственно-бытовой направленностью было составлено несколько схем распределения сколов, нуклеусов, орудий и их обломков без следов утилизации и наконечников стрел (рис.1,2). Опираясь на данные функционально-трассологического анализа, выполненного М.Г.Жилиным [8], все остальные разнофункциональные орудия были объединены в группы на основе материалов, которые ими обрабатывались (кость/рог, дерево, шкуры, мясо). Их распределение показано на отдельных схемах раскопа в цифровом выражении с учетом количества лезвий на орудиях (число над дробью), под дробью отдельно указано количество соответствующих лезвий на комбинированных орудиях, когда не ясна конечная функция орудия.

Анализ планов распределения ядрищ, сколов и орудий показал, что интенсивная хозяйственно-бытовая деятельность на стоянке была удалена от костра и связана с местом наибольшей концентрации кремней в ЮЗ части скопления на кв. Г-Е - 1-4 (далее микроскопление). На площади микроскопления велись первичное расщепление, производство и подправка орудий, в т.ч. резцов (рис.1,2а); обработка шкур, кости/рога, дерева и разделка охотничьей добычи (рис.3). Среди орудий в микроскоплении преобладают орудия для обработки кости - кв. Г-Е-2; Е-3,4 (рис.3,4). Представлен почти полный набор операций, связанных с обработкой кости. Также многочисленны скребки и разделочные ножи (рис.4).

К З и ЮЗ от микроскопления на участках с немногочисленными находками зафиксировано две группы скребков (кв. В-2; Б-1 и Б,Г-5) (рис.3), к этой части стоянки тяготеют и все залежавшие под слоем пахоты наконечники стрел (кв. Г-1,5; В,Е-2; Д-4) (рис.2б).

На Ю периферии скопления было найдено несколько разделочных ножей (кв.Е-7,8), к ним примыкает группа орудий для обработки кости (кв.Ж-6-10). Кроме вышеописанных групп орудий к Ю от скопления тянется "шлейф" мелких чешуек и осколков (кв. Е-Ж-6-8), происхождение которого может быть связано или с эпизодической подправкой орудий или с перемещением (возможно, смывом) мелких частиц в то время, когда поверхность стоянки не была погребена.

Находки в СВ части скопления, объединенные несколькими связями по ремонту и сопряженные с кострищем (кв.К,Л-01,02) и пятном 2 (кв. Л-Н - 02,03), залежали к С, СЗ и З от указанных объектов. В этой части стоянки найден 1 нуклеус и 2 технологических скола с ядрищ, однако, немногочисленность отщепов, чешуек и пластин свидетельствует о том, что расщепление здесь почти не велось. Разнофункциональные орудия для обработки различных материалов не образуют групп, указывающих на локализацию каких-либо видов деятельности. Исключение составляет группа артефактов, найденная в заполнении кострища и на площадке, непосредственно примыкающей к его З части: 6 обломков орудий и 1 целый резец без следов утилизации, резцовый скоп и комбинированное орудие (скребок, скобель-резчик по кости), а также 3 фрагмента разделочных ножей. Такой специфический набор может свидетельствовать о производстве и починке у костра каменных и костяных орудий; разделочные ножи, вероятно, связаны с местом приготовления пищи.

Таким образом, на стоянке выделяются несколько участков с выраженной спецификой хозяйственно-бытовой деятельности: З и ЮЗ периферии скопления могут быть интерпретированы как места обработки шкур; к Ю от скопления, вероятно, производилась разделка охотничьей добычи и эпизодическая подправка или производство костяных орудий; с производством или

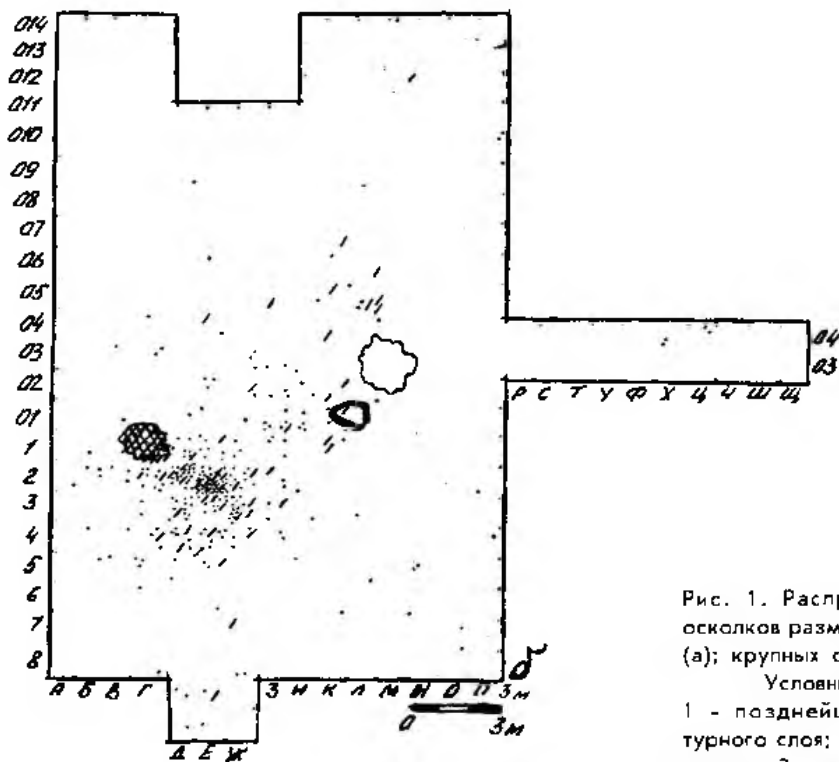
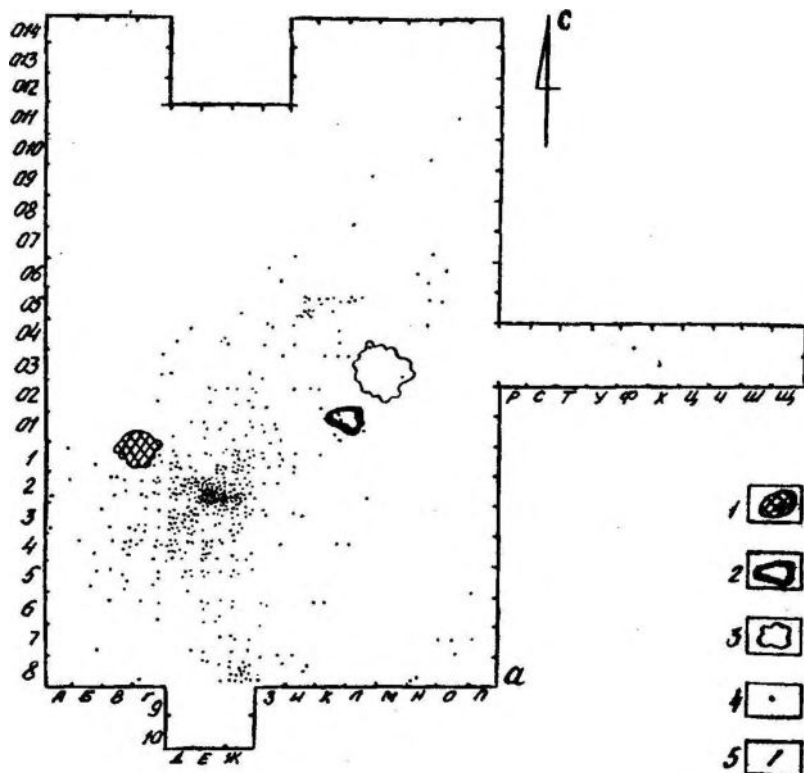
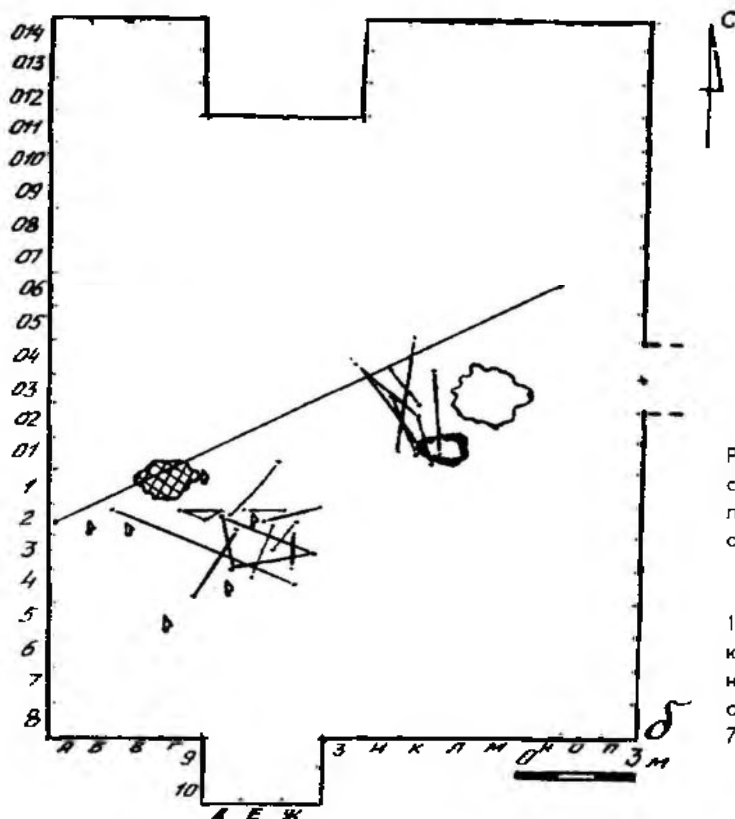
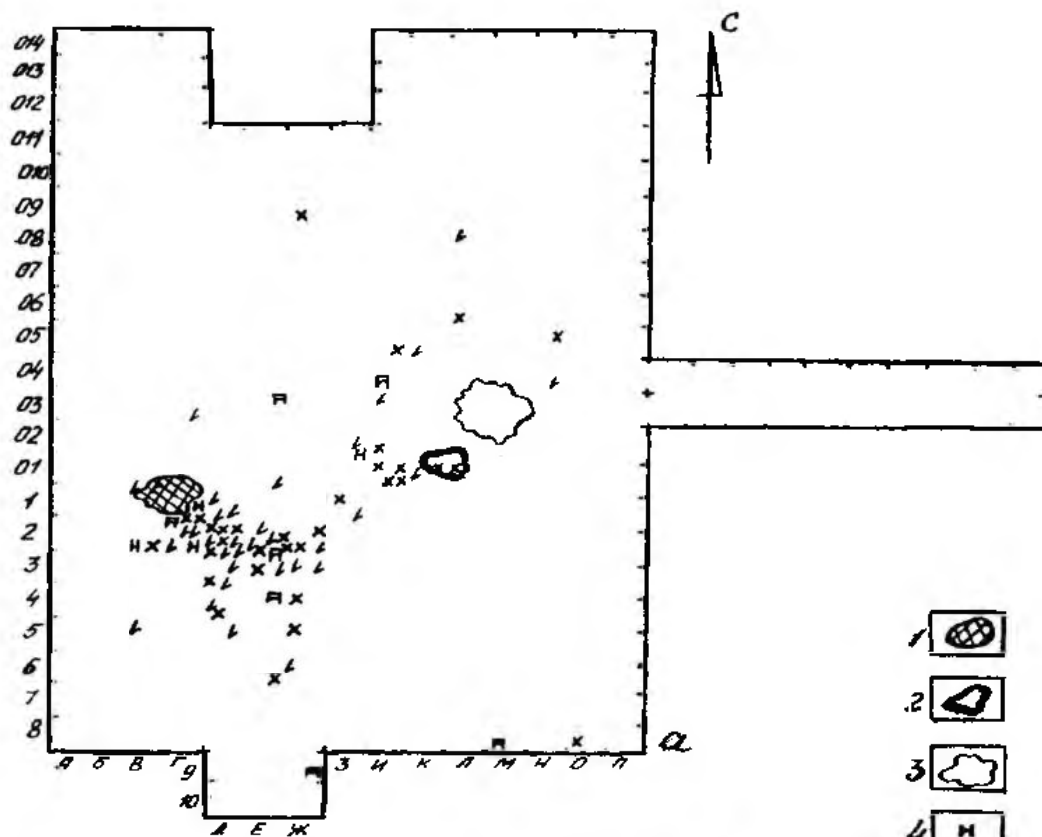

Рис. 1. Распределение отщепов и осколков размером менее 12 x 12 мм (а); крупных отщепов и пластин (б).

Условные обозначения:

- 1 - позднейшие нарушения культурного слоя;
- 2 - контур древнего кострища;
- 3 - контур пятна 2;
- 4 - отщепы, чешуйки, осколки;
- 5 - пластины

1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	

Рис. 2. Распределение ядрищ, технологических сколов с них, краевых отщепов резцов, морфологически выраженных орудий и их обломков без следов утилизации (а); распределение наконечников стрел и связи по ремонту (б).

Условные обозначения:

- 1 - позднейшие нарушения культурного слоя; 2 - контур древнего кострища; 3 - контур пятна 2; 4 - нуклеусы; 5 - технологические скопы; 6 - орудия и обломки орудий без следов утилизации; 7 - краевые отщепы резцов; 8 - наконечники стрел

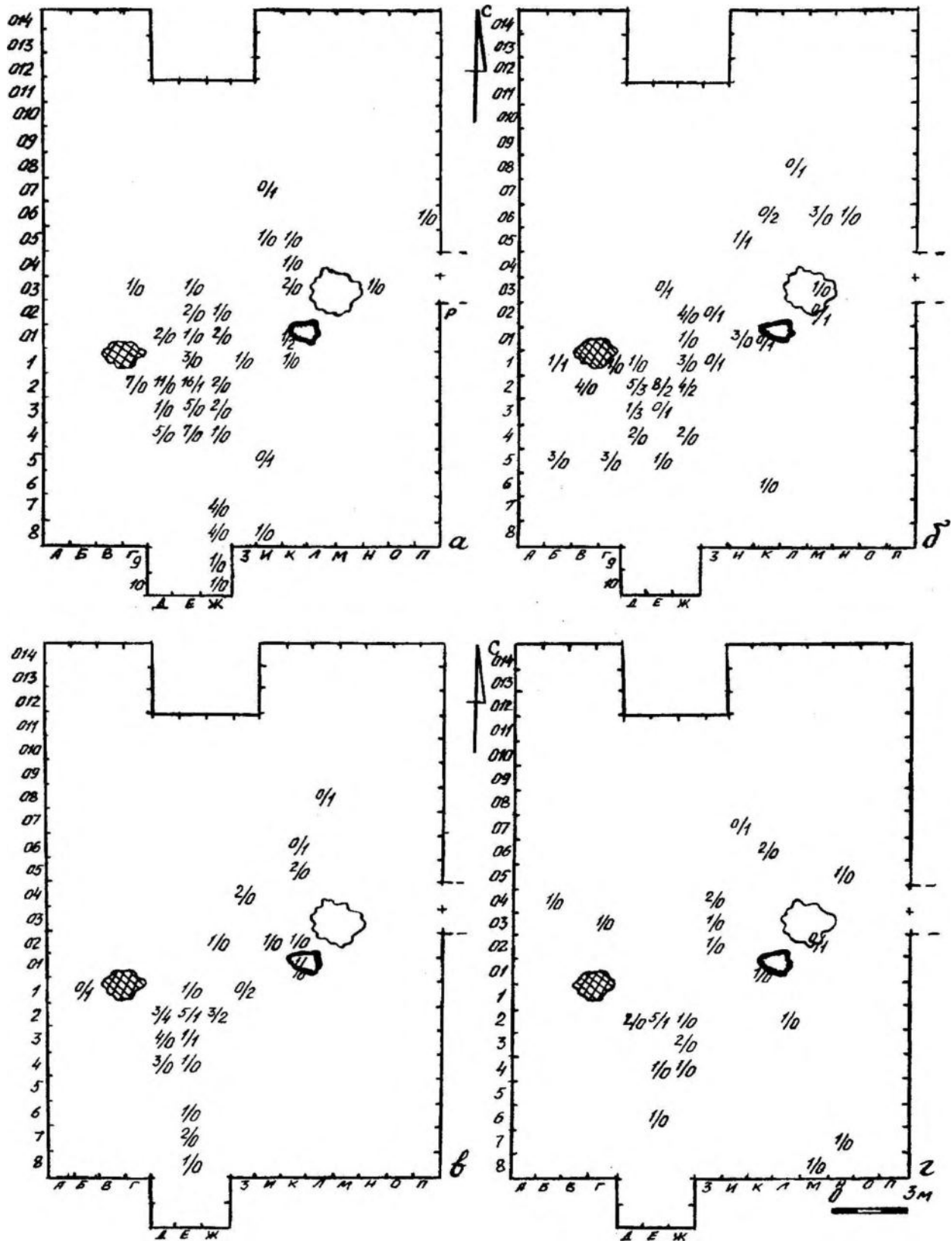

Рис. 3. Распределение разнофункциональных орудий (число над дробью указывает количество рабочих лезвий на 1 кв. м; под дробью - количество соответствующих лезвий на комбинированных орудиях): а - орудия для обработки кости и рога; б - орудия для обработки шкур; в - разделочные ножи; г - орудия для обработки дерева

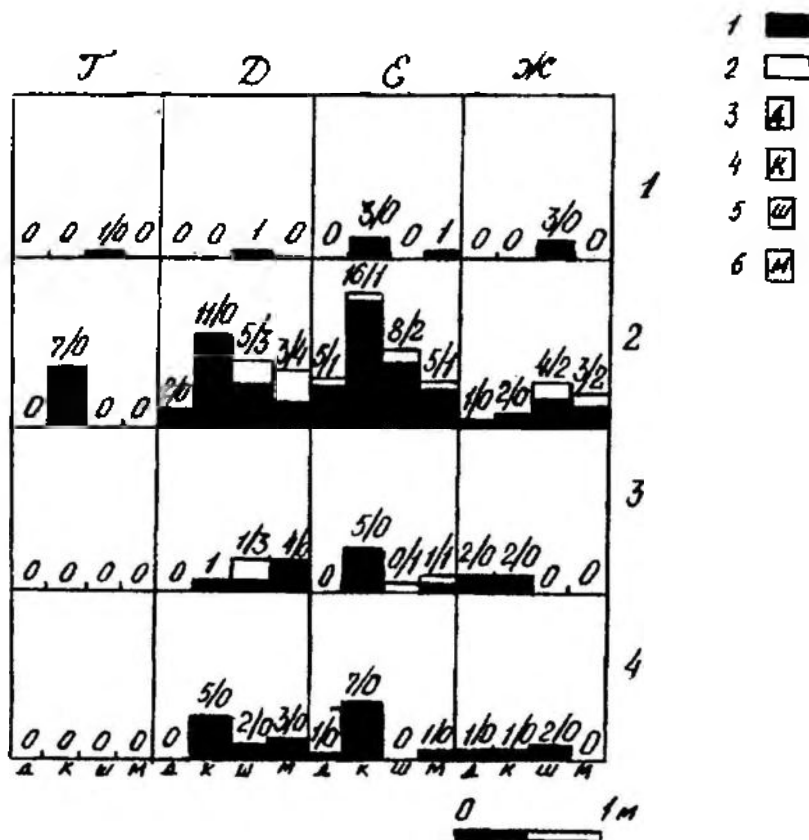

Рис. 4. Гистограмма распределения разнофункциональных лезвий на орудиях с кв. Г-Ж-1-4

Условные обозначения:
 1 - количество лезвий на орудиях без учета комбинированных (число над дробью); 2 - количество соответствующих лезвий на комбинированных орудиях (число под дробью); 3 - дерево; 4 - кость и рог; 5 - шкуры; 6 - мясо

починкой орудий, а также приготовлением пищи была связана площадка у единственного обнаруженного на стоянке кострища. Наиболее интенсивная хозяйственно-бытовая деятельность, сопряженная с производством и использованием каменных орудий, была сосредоточена на месте микроскопления, которое образовалось в результате разнообразных производственных операций, выполнявшихся, на наш взгляд, последовательно или с небольшими временными промежутками, а не одновременно.

Вероятность того, что происхождение микроскопления связано с перемещением (подметанием) дебитажа и выброшенных орудий с площадки у костра или других мест, не велика и определяется четкой локализацией связей между кремневыми изделиями по ремонту. Не найдено ни одной прямой связи между СВ и ЮЗ частями скопления. Лишь две "длинные" связи объединяют комплекс стоянки: скребок, найденный на кв. Н-06, и осколок от него с кв. А-2, а также вполне вероятная функциональная взаимосвязь пилки по охре (кв. З-02) и кусочка охры со следами пиления (кв. Б-2).

Трасологическим анализом было выявлено 718 разнофункциональных орудий [8]. Среди них доминируют орудия для обработки кости и рога (34,5%). Количество орудий охоты и разделки добычи соотносимо с количеством орудий для обработки шкур (соответственно 24,6% и 26,7%). Орудия для обработки дерева малочисленны (13,8%), а для камня единичны (0,3%). Преобладание орудий по кости и рогу может быть связано не только с интенсивной обработкой этих материалов на стоянке, но и с быстрой изнашиваемостью лезвий при работе с такими твердыми материалами, как кость и рог.

Сопоставление разнофункциональных орудий показывает, что доля орудий для обработки дерева в комплексе стоянки Беливо 4Г была относительно более высокой: 21,2% против 13,8% в комплексе Беливо 6В, напротив, процент орудий для обработки кости на Беливо 4Г ниже (24,0). Доля орудий для охоты и разделки охотничьей добычи и обработки шкур на обоих па-

мятников близка (соответственно 28,8% - 4Г; 24,6% - 6В; 25,0% - 4Г; 26,7% - 6В).

По функциональному составу орудий оба памятника можно определить как неспециализированные стоянки с полным циклом деятельности.

Продолжительность бытования стоянки Беливо 6В определить, опираясь на имеющиеся у нас данные, трудно, однако, заселена она была гораздо более длительный период времени, чем соседняя однокультурная стоянка Беливо 4Г-северная, бытование которой предположительно определено в течение нескольких дней [5]. На это указывает непредставительность коллекции кремневого инвентаря, собранного на стоянке Беливо 6В (3646 предметов против всего 413 находок в коллекции Беливо 4Г-северная), что могло быть связано с доступностью сырья в разное время года, а, скорее, соотношение количества использованных орудий - 718 на ст.Беливо 6В и почти в 7 раз меньше (104) на ст.Беливо 4Г. Косвенным подтверждением относительной длительности бытования стоянки Беливо 6В является наличие в палинологических образцах, соответствующих основному горизонту залегания находок, пыльцы сорняков *Fagopyrum* и *Polygonum aviculare*, которые, согласно палинологическому заключению, сделанному Е.А.Спиридоновой, вырастают на местах вытаптывания естественного травостоя, а также указывают на незимний сезон бытования. Однако, несмотря на количество расщепленного кремня, площадь, занимаемая памятником Беливо 6В, в 3 раза меньше площади Беливо 4Г-северная (соответственно около 100 кв.м и около 300 кв.м). Вероятно, небольшая площадь, занимаемая стоянкой Беливо 6В, была обусловлена природной обстановкой.

Как уже отмечалось ранее [5; 9, с.30-35], разновысотное положение мезолитических памятников в районе д.Беливо может быть связано как с сезоном бытования стоянок, так и с более глобальными климатическими изменениями, определявшими трансгрессии и регрессии водоемов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кольцов Л.В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. 1985. №3.
2. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
3. Фролов А.С. О хозяйстве иеневских племен // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
4. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
5. Кравцов А.Е., Жилин М.Г. Беливо 4Г: опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки // РА. 1995. №2.
6. Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982.
7. Keeley L.H. Tool Use and Spatial Patterning Complications and Solution // The Interpretation of Archaeological Spatial Patterning. Ed. by Ellen M.Krooll & T.Douglas Price. New York, 1991.
8. Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Труды ГИМ. В печати.
9. Леонова Е.В. Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1.

Музей истории города Москвы

E. V. Leonova

FUNCTIONAL ANALYSIS AND DISTRIBUTION OF FLINT ARTIFACTS ON BELIVO 6V SITE

Summary

The article presents the data of the distribution of flint artifacts defined by the microwear analysis. The data of Belivo 6V site is compared to those of the neighbouring site Belivo 4G-north.

*Museum of the Moscow City History
12, Novaya Sq., Moscow, 103012,
Russia*

А. В. Энговатова, А. В. Хрусталева ИССЛЕДОВАНИЯ КОПРОЛИТОВ СО СТОЯНОК КАМЕННОГО ВЕКА В ПОДМОСКОВЬЕ

Комплексный подход в изучении экологии и социокультурной адаптации древнего населения предполагает использование всего спектра источников информации, одним из которых являются копролиты.

Отсутствие интереса у русских археологов к проблеме палеодиет и связанных с ними заболеваний древнего человека объясняется, в частности, незначительным количеством выявленных копролитов на стоянках каменного века. Это связано как с плохой сохранностью органики в слое, так и с отсутствием методики по выявлению копролитов в культурном слое памятников. В настоящее время известно всего 5 стоянок в Волго-Окском междуречье, на которых были найдены копролиты в слоях каменного века. Три стоянки расположены в Московской области и раскапывались в 1988-1991 гг. Подмосковной экспедицией Института археологии РАН (нач. экспедиции В.В.Сидоров)[1].

Экспедицией были исследованы памятники каменного века - стоянка Воймежное 1 (Шатурский район) в Северной Мещере и серия стоянок на р.Дубне - Замостье 1-13 (Загорский район). Судя по геоморфологическим изысканиям, все памятники в древности были приурочены к озерам (исследования Е.А.Спиридоновой- ИА РАН). Благодаря хорошей сохранности органических остатков, особенно в нижних слоях памятников, на них сохранились и копролиты, правда, часть была сильно деформирована и недостоверна, но 40 экземпляров не вызывали сомнения. Из сорока достоверных копролитов: 3 найдено на стоянке Воймежное 1, 2 - на стоянке Замостье 1 и 35 - на стоянке Замостье 2.

Стоянка Воймежное 1 многослойная и содержит слои от раннего неолита до бронзы. Копролиты были найдены в самых нижних слоях раннего неолита (верхневолжская культура) в оторфованном культурном слое, который датируется по С-14: 6000 ± 40 (ГИН-6865), 5990 ± 50 (ГИН-6866), 6550 ± 10 (ГИН-6868) л.н. Остеологический материал в торфе не сохранился.

Стоянка Замостье 1 многослойная, содержит материалы от раннего до позднего неолита. Материал частично переотложен. Копролиты найдены в нижних слоях, и, видимо, тоже относятся к ранне-неолитическому времени, хотя более точно их отнести к конкретной культуре сложно. Нижние слои на стоянке содержали многочисленные мелкие обломки рыбьих костей и фрагментов рыбьей чешуи, иногда залегающих компактно тонкими пластами. Видового определения рыб не проводилось.

Стоянка Замостье 2 многослойная, содержит материалы от позднего мезолита до культуры сетчатой керамики. Копролиты найдены в слоях позднего мезолита - раннего неолита, которые по С-14 датируются 6680 ± 100 (ГИН-6132), 6250 ± 100 (ГИН-6199) л.н. и древнее. В слоях позднего мезолита - раннего неолита были раскопаны целые пласты остатков рыбьих костей и чешуи. Видовой состав рыб не определен.

Все полученные в результате раскопок этих 3 поселений 40 копролитов были проанализированы на предмет остатков паразитов.

Содержимое образцов изучали методом тотальной разборки материала с использованием бинокуляра. Для выявления яиц гельминтов брали образцы весом 3-5 г и использовали метод флотации в растворе аммиачной селитры с плотностью 1,25. Количество обнаруженных в пробе яиц пересчитывали на 1 г образца (методика разработана А.Б.Савинецким и А.В.Хрустальевым).

Анализ содержимого копролитов показал, что часть из них является конгломерациями мелкозема с включением угольков, древесных и растительных остатков, раковин мелких моллюсков. В других образцах обнаружены чешуя и кости рыб, фрагменты раковин моллюсков. Поверхность костей сильно разрушена, что характерно для костей из состава экскрементов хищных млекопитающих и людей.

Существенных различий между копролитами, найденными на разных стоянках, не видно, к тому же они происходят из близких по времени слоев позднего мезолита - раннего неолита с территориально близких памятников, поэтому анализ проводился сразу по всем материалам.

В 31 из 39 исследованных образцов (80%) обнаружены яйца гельминтов, принадлежащих 4 видам (табл.1):

Diphyllobothrium - широкий ланцет в 28 пробах (71,8%) в количестве от 1 до 600 (в среднем 75) яиц в 1 г образца;

Opisthorchis felineus - кошачья двуустка в 9 пробах (23%) в количестве от 2 до 20 (в среднем 9,6) яиц/г;

Alaria alata - в 4 пробах (10,3%) от 1 до 10 (в среднем 7,8) яиц/г;

Capillariidae gen.sp. - в 5 пробах (12,8%) от 1 до 10 (в среднем 4,6) яиц/г.

Судя по форме и размерам образцов, по сохранности костей из них, а также по видовому составу гельминтов и их процентному содержанию, обследованные образцы (копролиты) с большей долей вероятности представляют собой экскременты собак, но, возможно, часть оставлена людьми.

Гельминты *D.latum* и *O.felineus* в одинаковой степени присущи как человеку, так и собаке. Маркерными видами могут считаться *A.alata* и *Capillariidae gen.sp.* (вероятнее всего, довольно обычная у собак *Cap.plica*), специфичная для хищных.

Обнаружение в копролитах значительного количества яиц дифиллоботриев и описторхисов позволяет констатировать существование природного очага соответствующих паразитарных заболеваний, в эпидемиологический процесс которых вовлекаются как люди, так и домашние животные. Дифиллоботриоз и описторхоз являются одними из важнейших гельминтозоонозов (болезней, общих для человека и животных).

Дифиллоботриоз - гельминтоз хронического течения с преимущественным поражением тонкой кишки, нарушением деятельности верхнего отдела пищеварительного тракта, при тяжелом течении - анемией.

Заболевание распространено в умеренных и субарктических широтах и приурочено к приозерным и приречным ландшафтам. В XIX в. особенно интенсивные и стойкие очаги дифиллоботриоза были сосредоточены на отдельных таежных озерах, имеющих промысловое значение. Пораженность коренного населения достигала на этих озерах 100% [2].

Биология паразита тесно связана с водоемом. Развитие происходит со сменой 3 хозяев. Окончательным хозяином являются человек, собака, медведь, лиса. Промежуточным - пресноводные веслоногие рачки. Дополнительные хозяева - пресноводные рыбы: щука, налим, судак, окунь, ерш и др.

Дифиллоботриоз - природно-очаговое заболевание. Биотопами *D. latum* являются неглубокие, хорошо прогреваемые пресноводные водоемы с песчаным или каменным грунтом и медленным течением. Основным источником инвазии является человек. Заражение происходит от употребления в пищу зараженной рыбы в виде "строганины" или плохо обжаренной на костре, слабосоленой, а также сырой и малосоленой икры [3].

№	Этикетка	Обнаружены яйца гельминтов	Количество яиц в 1 г образца
1	Воймежное	D. latum Capillariidae gen. sp.	8 6
2	Воймежное	-	0
3	Воймежное	D. latum Capillariidae gen. sp.	5 10
4	Замостье-I	D. latum	15
5	Замостье-I	D. latum	5
6	Замостье-II	A. alata	1
7	Замостье-II	D. latum O. felineus	600 10
8	Замостье-II	D. latum O. felineus	200 10
9	Замостье-II	-	0
10	Замостье-II	-	0
11	Замостье-II	D. latum O. felineus	10 10
12	Замостье-II	D. latum	4
13	Замостье-II	D. latum	6
14	Замостье-II	D. latum	1
15	Замостье-II	D. latum	20
16	Замостье-II	D. latum O. felineus	30 20
17	Замостье-II	D. latum	10
18	Замостье-II	D. latum	30
19	Замостье-II	D. latum O. felineus	10 10
20	Замостье-II	D. latum	30
21	Замостье-II	D. latum	400
22	Замостье-II	D. latum Capillariidae gen. sp.	20 3
23	Замостье-II	D. latum Capillariidae gen. sp.	9 3
24	Замостье-II	D. latum	40
25	Замостье-II	D. latum	30
26	Замостье-II	D. latum	50
27	Замостье-II	D. latum	150
28	Замостье-II	D. latum	7
29	Замостье-II	D. latum O. felineus	20 3
30	Замостье-II	D. latum O. felineus Capillariidae gen. sp.	8 2 1
31	Замостье-II	D. latum O. felineus	20 3
32	Замостье-II	-	0
33	Замостье-II	-	0
34	Замостье-II	D. latum O. felineus A. alata	360 20 10
35	Замостье-II	-	0
36	Замостье-II	-	0
37	Замостье-II	A. alata	10
38	Замостье-II	A. alata	10
39	Замостье-II	-	0

ТАБЛИЦА 1. Обнаружение яиц гельминтов в ископаемых образцах экскрементов

При паразитировании на человеке лентецы повреждают стенку кишечника, при скоплении гельминтов возможно развитие кишечной непроходимости. В клинически выраженных случаях наблюдаются тошнота, рвота, боли в животе, неустойчивый стул, анемия [3].

Описторхоз - хронически протекающий гельминтоз с преимущественным поражением печени. Источником инвазии являются зараженные люди, домашние и дикие животные. Выделяющиеся с их калом яйца гельминтов при попадании в пресноводные водоемы заглатываются моллюсками *Bithynia leachi*. В последних происходит бесполое размножение личиночных поколений, которое заканчивается выходом в воду личинок-церкариев. Церкарии активно проникают в рыб и инцистируются в их подкожной клетчатке, мышцах, превращаясь в метацеркариев. Заражение человека и млекопитающих животных происходит при употреблении зараженной рыбы без достаточной термической обработки [4].

Описторхоз - природно-очаговая болезнь. В эпидемических очагах описторхоза основным источником заражения для человека и домашних животных является рыба. Заражение происходит при употреблении в пищу сырой, малосоленой рыбы семейства карповых: язя, ельца, чебака, плотвы, леща, сазана, красноперки и др.

В XIX в. наиболее крупные очаги заболевания отмечались в России в местах традиционных рыбных промыслов на озерах и крупных реках - в Западной Сибири, в бассейнах Камы, Волги, Днепра. Реже - по рекам Севера и Запада Европейской части России - Северной Двине, Неману [4].

В эндемических очагах зараженность описторхисами выявляется с 1-3-летнего возраста. Пораженность достигает максимума к 14-15 годам, оставаясь на этом уровне до 50-60 лет. Хроническое заболевание протекает в виде двух основных синдромов - холецистопатии с анемией желчного пузыря. Часто у больных заболевание проявляется повторными острыми болевыми приступами по типу желчной колики, сопровождающейся умеренной лихорадкой, редко - желтухой, лейкозом. При неблагоприятных условиях может развиваться гнойный холецистит, протекающий с высокой лихорадкой, желтухой, нарушением функционального состояния печени. Осложненными формами описторхоза у коренных жителей очагов являются первичная холангио-карцинома, карциноматоз желудка и поджелудочной железы. У детей, начиная с 1-3 лет, наблюдаются некоторое снижение питания, отставание в физическом развитии, дискинезия желчных путей и желчного пузыря, тенденция к анемии. К 4-7 годам клинические симптомы нарастают и достигают максимума к 8-12 годам [4].

Давая оценку обнаруженному на поселении эпохи раннего неолита-мезолита очагу дифиллоботриоза и описторхоза, следует отметить, что его природно-географическое расположение соответствует ареалу распространения данных гельминтозов. Далее, можно определенно говорить об очень высокой степени инвазии в нем. В современных очагах дифиллоботриоза зараженность населения обычно не превышает 10-15%. Лишь в отдельных населенных пунктах Западной Сибири (Ханты-Мансийский округ) отмечены случаи встречаемости данного гельминтоза до 70% и более. Характерно, что зараженность собак в очагах всегда гораздо ниже - 1-7%, максимум до 15% [5]. В сравнении с этими данными, выявленный в исследованном материале процент нахождения яиц гельминтов - до 72 - следует считать очень высоким.

Встает вопрос о возможности размножения гельминтов уже вне кишечника, после попадания копролита в почву. Поскольку этот вопрос методологически не проработан, определенно можно говорить лишь о наличии достаточно сильно зараженных особей.

Порядок разброса показателя количества яиц в материале - от 1 до 600 - свидетельствует о наличии животных (и людей), зараженных максимально интенсивно. Закономерности распределения популяций гельминтов допускают появление таких особей лишь при очень высокой популяционной плотности паразитов.

В отношении описторхоза достоверность оценки очага менее определена. Это связано, в первую очередь, с меньшей точностью результатов в данной части исследования. Очень мелкие яйца *O. felineus* обнаруживаются с трудом даже при анализе свежих проб фекалий, поэтому полученные нами данные могут быть существенно занижены.

Результаты изучения содержимого образцов показывают, что с большей долей вероятности они представляют собой копролиты собак. Но, возможно, часть из них была оставлена людьми. В любом случае очаг заражения паразитами охватывал как популяцию собак, так и людей, обитавших на стоянке.

Материалы, полученные при исследовании, позволяют говорить, что поселения, с которых получены образцы, были приурочены, скорее всего, к достаточно крупному неглубокому озеру. Высокая степень инвазии передающимися через рыбу гельминтами и отсутствие в копролитах остатков других групп животных (например, шерсти и костей млекопитающих и птиц) свидетельствуют о преимущественном питании рыбой как собак, так и древнего населения. Хотя нельзя исключить употребление мясной и растительной пищи. Судя по обилию костных остатков в слоях мезолита и неолита (в основном лоса и бобра, меньше – медведя, куницы, барсука, речной выдры, лисы и северного оленя (по определению П.Ф.Калиновского)), можно говорить и об употреблении мясной пищи древним населением и собаками. На некоторых костях видны явные следы погрызов, видимо, собак.

До сих пор остается невыясненным реальное соотношение в диете древнего человека рыбных и мясных блюд. Методика подобных исследований почти не разработана.

Высокая зараженность людей и собак дифиллоботриозом и описторхозом может явиться свидетельством "рыбного изобилия". Особенно, если принять во внимание, что наиболее активное заражение этими гельминтами происходит при поедании тушки (не внутренностей) крупных, наиболее ценных в пищевом отношении рыб. Распространенность гельминтозов среди населения ука зывает на употребление в пищу рыбы в непроваренном, сыром, слабосоленом виде.

Материалы исследований позволяют сделать два интересных для археологов вывода. Во-первых, видно значение керамической посуды для здоровья древнего человека. Массовое появление керамических сосудов, в которых готовили, а не только сохраняли пищу, позволило улучшить термический режим обработки продуктов и, видимо, избавиться от части паразитов. Это произошло, вероятно, в развитом неолите – в льяловской культуре. Отсутствие внешнего нагара на подавляющем большинстве верхневолжских ранне-неолитических сосудов и ряд технических деталей их конструкции свидетельствуют о том, что они были, скорее, местом хранения, а не приготовления пищи. Косвенно об этом же говорят данные А.Д.Сулержицкого. Костные остатки животных из поздне-неолитических слоев, по которым пытались сделать анализ на С-14, содержали очень мало коллагена, т.е. были "выварены" в древности. Аналогичное количество костей из слоев мезолита дало высокое содержание коллагена, то есть кости не выварились.

Во-вторых, видно большое значение рыбной пищи в рационе питания племен позднего мезолита – раннего неолита. Материалы приведенных выше исследований несколько корректируют сложившийся в русской археологии взгляд на то, что роль рыболовства в Волго-Окском междуречье в мезолите – раннем неолите была незначительной и доминирующее значение имела охота. Только в развитом и позднем неолите, по мнению большинства исследователей, значение рыболовства увеличилось, и оно стало играть иногда даже доминирующую роль [6].

Полученные нами результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что и в период позднего мезолита – раннего неолита было достаточно рыбное изобилие. Человек вылавливал не только крупные экземпляры рыб, но и, пользуясь заколами и сетями, добывал большое количество мелкой рыбы.

Вероятно, мелкая рыба шла в большей степени на корм собакам, поскольку именно мельчайшие косточки рыб в изобилии встречаются в копролитах собак со стоянок Воймежное 1, Замостье 1 и 2.

О большом значении рыбного промысла для жизни первобытного человека в Волго-Окском междуречье свидетельствуют и другие факты: все стоянки, начиная с позднего мезолита, расположены рядом с водой, в местах, наиболее благоприятных для лова рыбы. В материальной культуре населения важную роль играют промысловые орудия рыбной ловли – гарпуны, рыболовные крючки, остроги, пешни. На стоянках этого периода с сохранившимся деревом находят весла и

даже целые лодки. Типологически выраженная форма гарпунов и рыболовных крючков достаточно быстро изменяется в мезолите - неолите, что косвенно свидетельствует о большом внимании к этим орудиям. Технические характеристики гарпунов, острог и рыболовных крючков постоянно улучшаются и достигают почти совершенства к позднему неолиту, что показано в многочисленных исследованиях археологов [7]. Это также говорит о важности этих орудий в жизни древнего человека.

Рядом со стоянками по берегам древних озер и рек находят многочисленные свидетельства применения древним человеком заколов, верш разных форм и конструкций для массовой добычи рыбы. Часть из опубликованных материалов неоспорна [8], есть разночтения в датировках подобных сооружений, но можно утверждать, что подобная форма рыбной ловли уже существовала в раннем неолите [9].

Рыбно-мясная диета была характерна, видимо, для населения Волго-Окского междуречья уже с позднего мезолита. В неолите значение рыбного промысла увеличилось. Возможность получения стабильного питания сыграла большую роль в увеличении численности населения, его большей оседлости. Лучшая термическая обработка рыбных продуктов в керамических сосудах (сосуды с рыбьей чешуей и остатками костей найдены, например, на стоянках Сахтыш 1, Стрелка 1 [10]) постепенно, к позднему неолиту могла повлиять на уменьшение заболеваний хроническими болезнями, связанными с рыбными паразитами, которые были характерны для населения позднего мезолита - раннего неолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров В.В., Энговатова А.В., Лозовский В.М., Воронин К.В. Работы Подмосковной экспедиции // КСИА. 1991. Вып. 203.
2. Дифиллоботриозы. М., 1968.
3. Озерецковская Н.Н., Зальнова Н.С., Тумольская Н.И. Клиника и лечение гельминтозов. Л., 1985.
4. Белозеров Е.С., Шувалова Е.П. Описторхоз. Л., 1981.
5. Сердюков А.М. Дифиллоботрииды Загадной Сибири. Новосибирск, 1979.
6. Заключение // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита - раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
7. Загорская И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита и раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
8. Гурина Н.Н. Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове // Там же...
Она же. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР // Там же...
9. Микляев А.М. Памятники Усвяцкого микрорайона Псковской области // АСГЭ. 1969. Вып.11.
10. Бузов Г.М. Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первообытный человек и окружающая среда. М., 1974.
11. Крайнов Д.А. Отчеты Верхневолжской экспедиции // Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1 № 4551, 4589, 4801, 5055, 5992.
12. Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита - раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.

*Институт археологии РАН
Институт гельминтологии РАН,
Москва*

A. V. Engovatova, A. V. Hrustal'ov COPROLITES FROM STONE-AGE SITES OF PODMOSKOVYE

Summary

Today we know as many as 5 site in the Volga-Oka valley where coprolites were found. The Podmoskovnaya expedition made researches at the following Stone Age sites: Voymeznoe 1 (Shatura district) in North Meschera; a number of sites at the Dubna river; Zamostye 1-13 (Zagorsk district).

There were some coprolites found at the sites. Part of them was badly deformed and unauthentic, but 40 samples turned out doubtless. Of those 40 authentic coprolites 3 were found at Voymeznoe 1 site; 2 - at Zamostye 1 site; 35 - at Zamostye 2.

The site of Voymeznoe 1 is multi-layered and it includes strata dated from the Early Neolithic to Bronze. Coprolites were found in the lowermost strata of the Neolithic (the Verkhnevolzhskaya culture) in a peat layer dated (by C-14) as 6000 ± 40 (GIN 6865), 5990 ± 50 (GIN 6866), 6550 ± 100 (GIN 6868) years old. Zamostye 2 site is multi-layered and it includes layers from the Late Mesolithic to the time of the Nef-Ceramic culture. Coprolites were found in the layers of the Late Mesolith-Early Neolith. The site of Zamostye 1 is multi-layered. Coprolites obviously belong to the Early Neolithic time, although it's hardly possible to attribute them to any particular culture.

All 40 coprolites found in the excavations underwent parasitologic analyses. There were ova of 4 helminth species found in 31 of 39 (80%) analyzed samples. *Diphilobothrium* - in 28 samples (71,8%); in amount from 1 up to 600 (75 averagely) ova per g; *Opisthorchis felineus* - in 9 samples (23%); 2-20 per g (9,6 averagely); *Alaria alata* - in 4 samples (10,3%); 1-10 per g (7,8 averagely); *Cappillaridae* gen. sp. - in 5 samples (12,8%); 1-10 per g (4,6 averagely).

Fish-meat diet was obviously characteristic for the Volga-Oka valley dwellers starting from the Late Mesolithic. In the Neolithic time significance of fishing increased. Possibility to get regular nutrition played an important role when the population increased in number and became more settled. Better thermal treatment of the fish food in ceramic vessels (vessels containing scale and fish bones were found), might gradually (until the Late Neolithic) reduce the number of characteristics for the Late Mesolithic-Early Neolithic time chronic diseases caused by fish parasites.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

Ю. Б. Цетлин
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО
НЕОЛИТА
(по данным изучения керамики)

История древнего населения, будучи сложной и многогранной, требует своего изучения с различных точек зрения и на основе разных источников, каждый из которых способен раскрыть только некоторые стороны этого процесса. Выполнить такую задачу на основе археологических данных затруднительно, по меньшей мере, по двум причинам объективного свойства. Первая состоит в том, что археологу всегда приходится судить о прошлом лишь по небольшой части сохранившихся материалов. Вторая причина обусловлена конкретными (в каждый момент времени) знаниями исследователей об источниковедческих возможностях разных видов археологических остатков. Поэтому, ведя конкретное исследование, приходится, во-первых, исходить из имеющихся материалов, как бы ограничены они не были, во-вторых, для сохранения доказательности выводов опираться на те из этих материалов, источниковедческие возможности которых известны сегодня наиболее полно. Естественно, что при такой ситуации рисуемая картина истории древнего населения будет в известной мере схематичной.

Научный подход предполагает вести изучение любого историко-культурного явления "в пространстве" и "во времени". В данном случае основной задачей является построение периодизации истории ранненеолитического населения Верхнего Поволжья. Источниками для этого послужат результаты изучения культурных традиций в гончарстве местного населения и данные о стратиграфии керамических остатков раннего неолита на многослойных памятниках рассматриваемого района.

В настоящее время хорошо известно, что в условиях доремесленного производства особенности гончарных традиций отражают культурные и этнокультурные особенности их носителей и всего населения в целом [1]. Проследить эти особенности во времени помогают данные стратиграфии конкретных керамических остатков на поселениях. Однако их целенаправленное использование стало возможным лишь после разработки методики реконструкции стратиграфии многослойных поселений с перемешанным культурным слоем [2, с. 48-50]. Сочетание этих двух источников информации позволяет сегодня обратиться к решению поставленной задачи.

Поскольку к эпохе раннего неолита на территории Верхнего Поволжья относится верхневолжская культура [3, с. 80-84], то основное внимание будет сосредоточено на проблеме ее периодизации.

В данной статье предполагается:

1. Сформулировать очень кратко современные представления о верхневолжской культуре в целом и ее месте в древней истории данного района.
2. Столь же кратко охарактеризовать историю формирования современных взглядов на периодизацию этой культуры.

3. Изложить некоторые новые результаты изучения истории населения этого района в эпоху раннего неолита.

Современные представления о верхневолжской культуре в целом

В настоящее время считается общепринятым, что верхневолжская культура ведет свое начало из культур местного мезолита [4, с.42-68; 5, с.76; 6, с.51]. В литературе бытует мнение, что "идею керамики" ее носители заимствовали от среднедонской и волго-камской культур [7, с.129-130; 8]. Анализ особенностей глиняной посуды привел исследователей к заключению, что верхневолжская культура прошла в своем развитии три последовательных этапа [9;10; 7; 8; 11]. Что же касается финала верхневолжской культуры, то по этому вопросу специалистами высказаны две точки зрения. Часть исследователей считает, что верхневолжская культура, смешавшись с культурой с ямочно-гребенчатой керамикой, дала начало "протоволосовскому" этапу позднего неолита, на основе которого возникла волосовская культура [12;13]. Другие исследователи полагают, что верхневолжская культура в процессе своего развития постепенно трансформировалась в культуру с ямочно-гребенчатой керамикой [14;15]. Таким образом, считается, что верхневолжская культура занимает промежуточное положение между культурами эпохи мезолита и культурой с ямочно-гребенчатой керамикой, относясь целиком к ранне-неолитическому времени.

История формирования взглядов на периодизацию верхневолжской культуры

Первые годы после открытия верхневолжской культуры были посвящены тому, чтобы выяснить и обосновать ее место среди уже известных историко-культурных явлений Верхнего Поволжья, доказать ее принадлежность к ранне-неолитической эпохе. В этот период вопрос о внутренней периодизации самой культуры практически не ставился.

В середине 1970-х гг. по инициативе Д.А.Крайнова было предпринято целенаправленное изучение технологии неолитической керамики Верхнего Поволжья, в том числе и керамики недавно открытой культуры, на основе методики технико-технологического изучения глиняной посуды, разработанной А.А.Бобринским [1]. В результате были выделены следующие культурные традиции составления формовочных масс верхневолжской керамики: Г+О (глина+органика, под "органикой" в данном случае понимается "помет водоплавающих птиц"), Г+Ш (глина+шамот), Г+О+Ш и Г+О+Д (дресва) + Ш. Две из этих культурных традиций являются несмешанными. (Г+О и Г+Ш), а две другие - смешанными. На большом этнографическом и археологическом материале А.А.Бобринским были установлены общие закономерности формирования смешанных культурных традиций в гончарной технологии [1]. Выяснилось, что такие традиции первоначально формируются в результате сращивания более простых гончарных традиций, причем этот процесс отражает смешение самих носителей этих традиций, которое в первобытном обществе осуществляется прежде всего на основе брачных контактов.

Все это позволило выделить три основных периода в развитии культурных традиций составления формовочных масс у гончаров верхневолжской культуры и в целом в истории ее населения [9;10]. Разные периоды характеризуются различными по своему содержанию процессами и разным составом населения культуры (рис.1):

I период - время формирования культуры, характеризующееся возникновением контактов и смешением двух первоначально неродственных в культурном отношении групп населения, одна из которых изготавливала посуду по рецепту Г+О, а другая - по рецепту Г+Ш;

II период - время бытования смешанного в культурном отношении населения, делавшего посуду с рецептом Г+О+Ш;

III период - время, когда возникают контакты и начинается смешение носителей верхневолжской культуры и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. У последних господствующей традицией в составлении формовочных масс посуды было использование "дресвы". В результате у населения

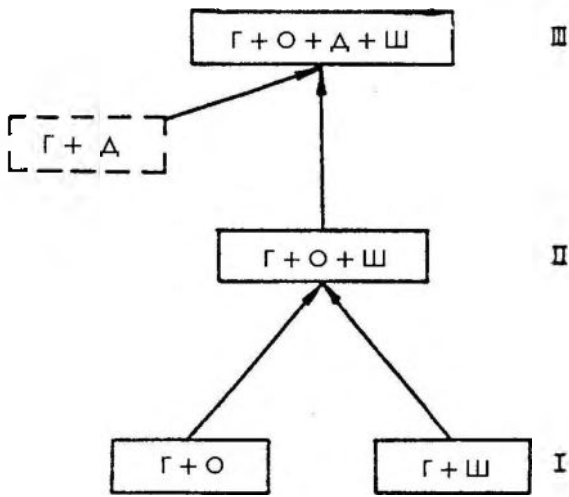

Рис. 1. Логическая периодизация верхневолжской культуры (по данным о гончарной технологии)

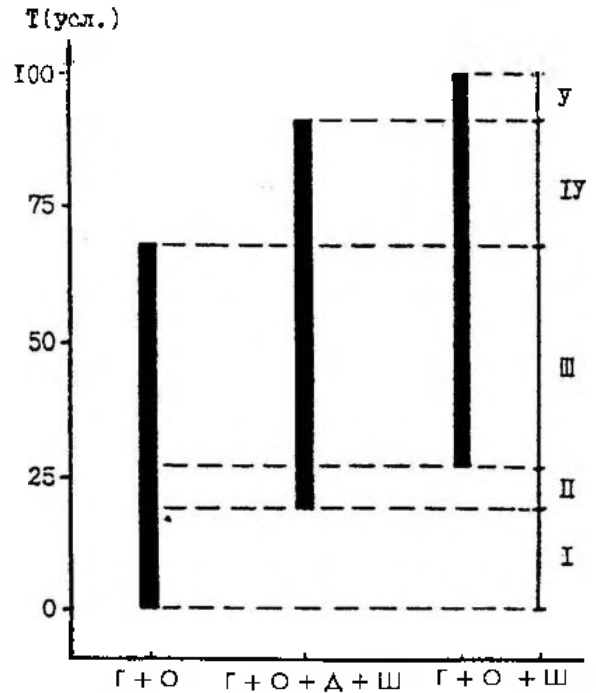

Рис. 2. Историческая периодизация раннего неолита Верхнего Поволжья (по данным о гончарной технологии)

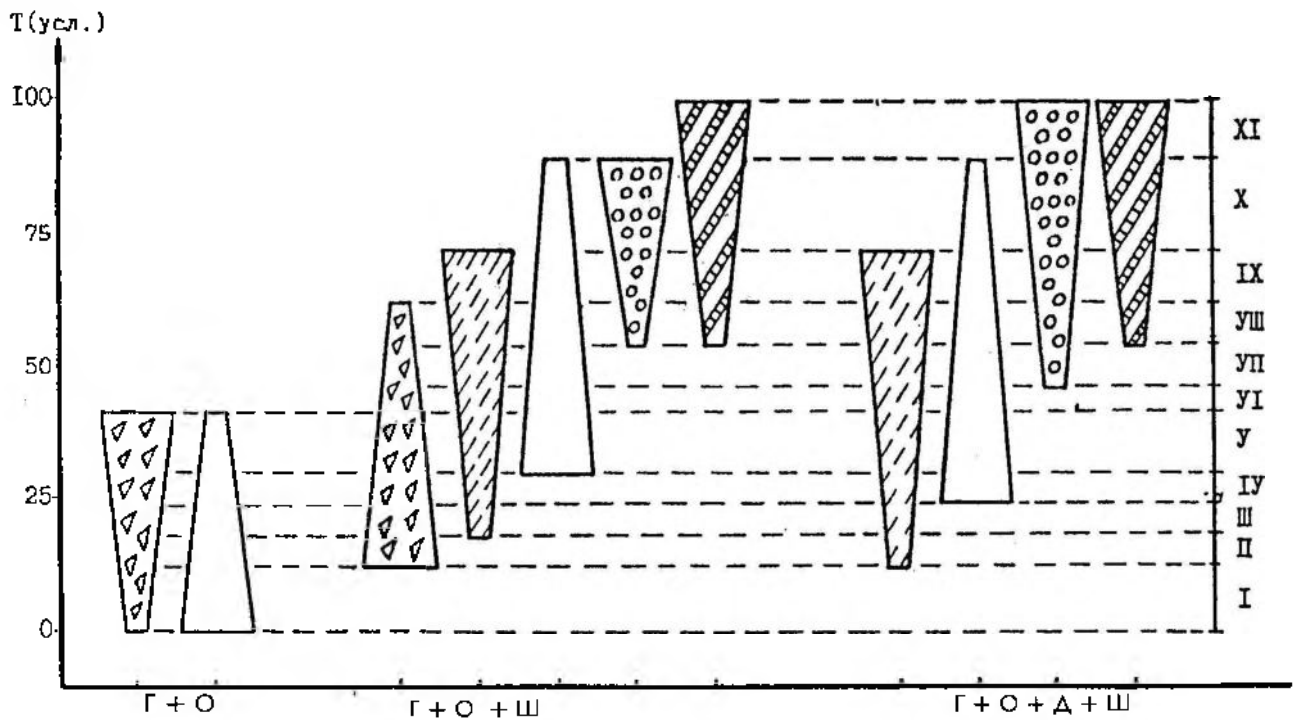

Рис. 3. Историческая периодизация раннего неолита Верхнего Поволжья (по данным о гончарной технологии и орнаментике глиняной посуды)

верхневолжской культуры складывается еще более сложная традиция в этой области технологии: Г+О+Д+Ш.

Таким образом, в основе этой периодизации лежит только "логика" процесса развития гончарной технологии. Поэтому ее можно назвать "логической" периодизацией истории населения верхневолжской культуры.

В 1980-е гг. Е.А.Костылевой было предпринято изучение орнаментов на керамике верхневолжской культуры. Сопоставление полученных данных с данными гончарной технологии и общей стратиграфии стоянок позволило ей выделить три этапа в развитии орнаментации этой посуды [7;8;11]:

I этап - использование тычково-накольчатого орнамента в сочетании с наличием на посуде значительных неорнаментированных участков;

II этап - использование прочерченного, ложношнурового и зубчатого орнамента; подчиненная роль накольчатого орнамента; появление в конце этого этапа пунктирной орнаментации;

III этап - использование гребенчато-зубчатой орнаментации.

Позднее вопрос о периодизации верхневолжской культуры решался не как самостоятельная исследовательская задача, а в ходе разработки общей периодизации неолитических культур этого района [16, с.267-269; 17;18]. В истории верхневолжского населения при этом было выделено два основных периода:

I период - бытование носителей верхневолжской культуры (этот период соответствует I и II периодам по данным гончарной технологии);

II период - сосуществование носителей верхневолжской культуры и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (соответствует III периоду по данным гончарной технологии).

Таким образом, если первая периодизация верхневолжской культуры базировалась на закономерностях развития технологических традиций в гончарстве ее носителей, то данная периодизация опиралась на результаты специального стратиграфического анализа керамических остатков на ряде многослойных памятников Верхнего Поволжья, то есть в основу ее был положен независимый источник информации о времени историко-культурных явлений прошлого. Поэтому данную периодизацию (в отличие от обсуждавшейся выше "логической" периодизации) следует назвать "исторической" периодизацией верхневолжской культуры.

Таковы были сложившиеся представления о периодизации раннего неолита Верхнего Поволжья.

Новые результаты изучения периодизации раннего неолита Верхнего Поволжья

Вновь обратиться к этой проблеме оказалось возможным после дальнейшей разработки методики реконструкции культурной стратиграфии многослойных поселений и осмысления первых опытов ее применения на практике [18;19].

Дальнейшее изложение посвящено обсуждению полученных на основе этой методики результатов построения "исторической" периодизации раннего неолита рассматриваемого района по данным изучения двух групп источников: 1) культурных традиций в технологии древнего гончарства и 2) культурных традиций в области декорирования глиняной посуды. В основу работы легли материалы 8 стратиграфических разрезов, выполненных на Сахтышских стоянках в Ивановской области и на Ивановских стоянках в Ярославской области в ходе работ Верхневолжской экспедиции Института археологии РАН. Вот их полный список: Сахтыш, СКУ-1; Сахтыш I, СКУ-2; Сахтыш II, СКУ-1; Сахтыш II, СКУ-2; Сахтыш VIII, СКУ-1; Ивановское III, СКУ-1; Ивановское VII, СКУ-1 и Ивановское VII, СКУ-2.

Начнем с рассмотрения итогов построения периодизации на основе изучения культурных традиций в технологии. По керамике раннего неолита, залегавшей в нижних частях культурного слоя исследованных стоянок, выделены три основных культурных традиции составления формовочных масс для изготовления глиняной посуды: Г+О, Г+О+Ш и Г+О+Д+Ш. Более углубленное изучение состава формовочных масс верхневолжской керамики показало полное отсутствие посуды с рецептом Г+Ш. Керамика, ранее отнесенная к этой группе, в действительности характеризуется

сложным рецептом Г+О+Ш, где органика присутствует в незначительной концентрации. Анализ хронологических особенностей этих традиций по данным стратиграфии позволил получить результаты, представленные на рис.2. Здесь в графической форме изображено относительное положение во времени разных технологических традиций в гончарстве населения Верхнего Поволжья. На горизонтальной оси отложены в последовательности их бытования разные культурные традиции составления формовочных масс, а на вертикальной оси - время, охватывающее период раннего неолита и выраженное в условных единицах (от 0 до 100,0). Выяснилось, что на этой условной оси времени культурная традиция Г+О занимает интервал от 0 до 68,0, традиция Г+О+Д+Ш - интервал от 19,0 до 91,0, а традиция Г+О+Ш - интервал от 28,0 до 100,0. Легко заметить, что эти интервалы частично совпадают друг с другом. Случаи совпадений и несовпадений интервалов отмечены римскими цифрами в правой части рисунка. Полученные данные позволяют построить "историческую" периодизацию технологических гончарных традиций в раннем неолите Верхнего Поволжья, которая отражает конкретную историю носителей этих традиций и населения в целом.

Историческая периодизация раннего неолита Верхнего Поволжья (по данным гончарной технологии)

I период (0 - 19,0) - время бытования традиции Г+О;

II период (19,0 - 28,0) - время сосуществования носителей культурных традиций Г+О и Г+О+Д+Ш;

III период (28,0 - 68,0) - время сосуществования носителей культурных традиций Г+О, Г+О+Д+Ш и Г+О+Ш;

IV период (68,0 - 91,0) - время сосуществования носителей культурных традиций Г+О+Д+Ш и Г+О+Ш;

V период (91,0 - 100,0) - время бытования носителей культурной традиции Г+О+Ш.

Какие же новые выводы об истории ранненеолитического населения Верхнего Поволжья позволяет сделать эта периодизация? Таких выводов несколько:

1. Самой ранней группой неолитического населения на этой территории были носители традиций Г+О. Поскольку наиболее характерной традицией в составлении формовочных масс у носителей верхневолжской культуры было использование "шамота", допустимо заключить, что носители традиции Г+О не принадлежали к населению верхневолжской культуры. Отсюда следует, что в период, предшествующий бытованию на этой территории носителей верхневолжской культуры, она была занята иным, более древним неолитическим населением с иными культурными традициями в технологии гончарства, которое, вероятно, являлось местным в этом районе. На основании изучения керамики со смешанными рецептами составления формовочных масс предположение о существовании в раннем неолите этой группы населения было высказано еще в 1980 г. [9], а позднее в материалах раскопок Д.А.Крайнова со стоянки Ивановское VII была выделена группа особой керамики с рецептом Г+О, залегающей в самой нижней части культурного слоя стоянки [10].

2. Сегодня у носителей верхневолжской культуры известно только две массовые традиции подготовки формовочных масс, характеризующиеся использованием "шамота", и обе они являются сложными (смешанными) по своему составу: Г+О+Ш и Г+О+Д+Ш. Все это позволяет заключить, что эти сложные культурные традиции, в принципе, не могли сложиться в Верхнем Поволжье. Их смешанный характер и отсутствие здесь исходных компонентов для их формирования указывают, что эти традиции, как и население, ими владевшее, являлись на этой территории пришлыми. Они попали сюда уже в полностью сформировавшемся виде, на что косвенно указывает и весьма совершенный общий облик глиняной посуды верхневолжской культуры. Соответственно, вопрос о "прародине" этого населения должен решаться особо.

3. Судя по полученным данным, обе гончарные традиции, характерные для верхневолжской культуры, а равно и их носители основную часть времени своего бытования в Верхнем Поволжье сосуществуют друг с другом. Отсюда следует, что первоначальное представление о том, что эти

традиции отражают последовательные этапы в истории населения культуры, не соответствует действительности для территории Верхнего Поволжья в целом. Допустимо предполагать, что на эту территорию переселились почти одновременно две группы населения будущей верхневолжской культуры с разными традициями в технологии составления формовочных масс керамики, которые практически на протяжении всей своей истории жили бок о бок друг с другом и, вероятно, были связаны брачными контактами, что, однако, не мешало сохранению их некоторой культурной специфики. Как правило, такое было характерно для разных родовых коллективов, входивших в одно первобытное племя.

4. Коль скоро выяснилось, что традиция Г+О+Д+Ш характерна для этого пришлого населения с самого начала его бытования на территории Верхнего Поволжья, то сомнительным становится высказанное ранее мнение о том, что навыки использования "дресвы" в составе формовочной массы были впервые приобретены гончарами верхневолжской культуры в результате их смешения с носителями гончарных навыков культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Вероятнее всего, это случилось намного раньше и где-то за пределами Верхнего Поволжья. Однако, столь же вероятно, что в конце раннего неолита эта традиция получила новый дополнительный импульс именно под влиянием населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Таковы основные результаты изучения периодизации истории ранненеолитического населения Верхнего Поволжья по данным о древней гончарной технологии.

Теперь обратимся к более углубленному решению этой проблемы с использованием дополнительного источника информации - данных о хронологических особенностях культурных традиций в орнаментике древней глиняной посуды. В данном случае под этими традициями понимается привычка мастеров украшать сосуд определенными отпечатками или группами отпечатков, которые отличаются друг от друга устойчивыми морфологическими особенностями и из которых могут быть образованы различные узоры на поверхности сосуда. Выявленные в ходе анализа хронологические особенности орнаментальных и технологических традиций в гончарстве ранне-неолитического населения Верхнего Поволжья представлены на рис. 3. Принцип его построения аналогичен рис. 2, только на горизонтальной оси дополнительно показаны основные виды орнаментов на посуде с разными рецептами формовочных масс, а направления сужения или расширения традиций, обозначающих разные виды орнамента, характеризуют соответственно увеличение или уменьшение во времени распространенности той или иной орнаментальной традиции у гончаров Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита.

Судя по полученным данным, можно заключить, во-первых, что разные орнаментальные традиции отличаются друг от друга по времени своего бытования в рамках раннего неолита (на это указывает разное их положение на оси времени), во-вторых, что широта распространения каждой из этих традиций определенным образом меняется во времени. Рассмотрим эти особенности более конкретно.

Посуда с рецептом Г+О. Зафиксированы два основных вида орнамента, исполнявшихся на всем протяжении бытования этой посуды: "накольчатый" и "без орнамента". При этом традиция применения "накольчатого" орнамента постепенно получает более широкое распространение, а традиция сохранения на посуде неорнаментированных участков - изживается.

Посуда с рецептом Г+О+Ш. Отмечены 5 основных видов орнамента: "накольчатый", "пунктирный", "ямочный", "гребенчатый" и "без орнамента". Наиболее ранней является традиция использования "накольчатого" орнамента, но с течением времени она постепенно изживается. Данный орнамент появился здесь, скорее всего, в результате смешения населения этой группы верхневолжской культуры с более ранним неолитическим населением Верхнего Поволжья, делавшим посуду с рецептом Г+О. Для группы населения с рецептом формовочной массы Г+О+Ш наиболее характерными были традиции использования "пунктирного" орнамента в сочетании с сохранением отдельных неорнаментированных участков на поверхности сосуда. Распространение первой традиции с течением времени увеличивается, а второй - сокращается. Использование "ямочного" и "гребенчатого" орнаментов свойственно для более позднего времени, причем эти традиции постепенно получают все более широкое распространение.

Посуда с рецептом Г+О+Д+Ш. На этой посуде зафиксированы четыре основных вида орнамента: "пунктирный", "ямочный", "гребенчатый" и "без орнамента". Обращает на себя внимание тот факт, что если исключить наличие на посуде предыдущей группы "накольчатого" орнамента, то обе эти группы посуды окажутся практически идентичными друг другу. Это проявляется, во-первых, в одинаковом наборе основных видов орнамента на посуде (кроме "накольчатого"), во-вторых, в единой последовательности бытования во времени разных орнаментальных традиций, в-третьих, в полном совпадении тенденций развития каждой орнаментальной традиции во времени (распространение или, напротив, изживание традиций), в-четвертых, в распространении во второй половине раннего неолита на этой и другой посуде "ямочного" и "гребенчатого" орнаментов.

Если обобщить основные хронологические особенности всех рассмотренных выше орнаментальных традиций, то в их истории и соответственно в истории их носителей и населения в целом можно выделить разные по своему историко-культурному содержанию периоды развития. Это сделано в правой части рис. 3. Таким образом, периодизация истории населения Верхнего Поволжья в раннем неолите, построенная по данным изучения технологических и орнаментальных традиций в гончарстве, включает VII (I-XI) периодов развития. Особенности историко-культурного содержания каждого из этих периодов легко выяснить по рис.3. Так, например, VI период характеризуется бытованием на территории Верхнего Поволжья двух групп населения верхневолжской культуры, одна из которых пользовалась посудой с рецептом Г+О+Ш, украшенной в основном накольчатым и пунктирным орнаментом с сохранением части поверхности сосуда неорнаментированной, а другая группа населения использовала посуду с рецептом Г+О+Д+Ш, украшенную преимущественно пунктирным орнаментом, также с сохранением части поверхности сосуда свободной от орнамента. Полученная более детальная периодизация этнокультурного процесса позволяет уточнить и дополнить сделанные выше выводы об истории древнего населения этого района.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что глиняная посуда древнейшего неолитического населения Верхнего Поволжья отличается от посуды верхневолжской культуры не только по технологическим, но и по орнаментальным традициям, а также по особенностям поведения последних во времени. Вероятно, это местное население было достаточно быстро ассимилировано носителями пришлой верхневолжской культуры, а их гончарные традиции слились с традициями пришельцев. Следы этого процесса сохранились в использовании населением одной из групп верхневолжской культуры "накольчатого" орнамента, а также в наличии на посуде обеих групп верхневолжского населения значительных неорнаментированных участков поверхности.

Во-вторых, судя по результатам хронологизации орнаментальных традиций, обе группы верхневолжского населения появились на этой территории практически одновременно и, вероятно, столь же одновременно они завершили свое существование в Верхнем Поволжье в конце раннего неолита. Таким образом, на протяжении всей этой эпохи их развитие шло параллельно. Хотя по набору основных видов орнамента традиции декорирования посуды у населения обеих групп были близкими, это не исключает того, что их культурные особенности могут проявиться при более детальном изучении этого источника.

В-третьих, практически одновременно (начиная с VII - VIII периодов) на посуде обеих групп населения верхневолжской культуры распространяются несвойственные ему прежде виды орнамента - "ямочный" и "гребенчатый". Поскольку эти орнаменты наиболее характерны для населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, то их распространение на верхневолжской посуде, скорее всего, есть результат смешения между собой населения этих двух культур. В это же время допустимо предполагать усиление традиции использования "дресвы" верхневолжскими гончарами при составлении формовочных масс посуды, что также может быть вызвано притоком нового населения, для которого эта традиция являлась господствующей. Все это говорит о том, что финал верхневолжской культуры был связан на этой территории с широким распространением в центре лесной зоны Восточной Европы именно носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Таким образом, разработка "исторической" периодизации этнокультурного развития Верхнего

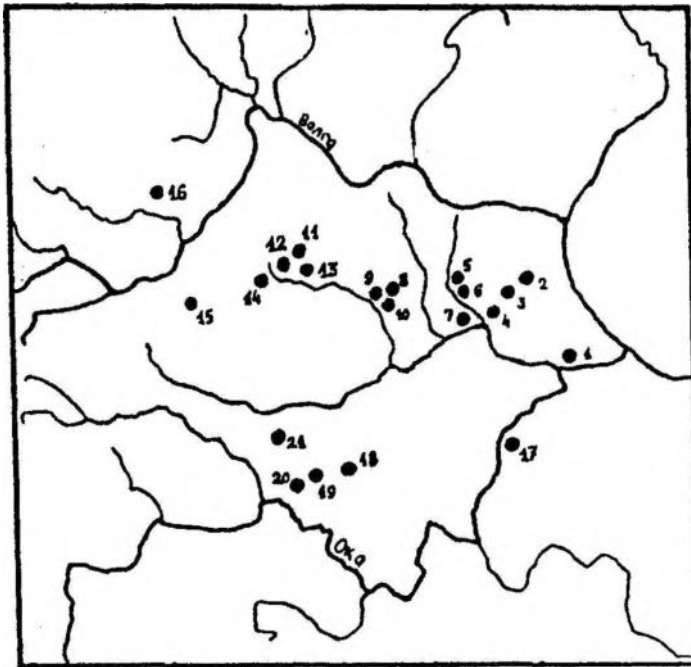

Рис. 4. Памятники волго-окской раннеолитической культуры:
 1 - Сейма I; 2 - Бобринка II; 3 - Стрелка I;
 4 - Ламна I; 5 - Косячево I; 6 - Косячево II;
 7 - Завьяловка; 8 - Сахтыш I; 9 - Сахтыш II;
 10 - Сахтыш VIII; 11 - Ивановское III; 12 - Ивановское V; 13 - Ивановское VII; 14 - Сомино II; 15 - Николо-Перевоз III; 16 - Языково I; 17 - Волосово; 18 - Коренец I; 19 - Тереньково III; 20 - Жабки III; 21 - Беливо II

Поволжья в раннем неолите на основе разных видов источников позволяет пересмотреть и существенно конкретизировать сложившиеся в археологической науке представления о ходе этого процесса.

В заключение попытаюсь в самой предварительной форме очертить временные и пространственные границы бытования древнейшего (доверхневолжского) неолитического населения рассматриваемого района. Прежде всего, о времени. В чистом виде керамические комплексы этого населения зафиксированы А.Е.Кравцовым на стоянках Беливо II и Жабки III. По первой из стоянок есть одна дата по С-14: 7180 ± 60 л.н. (ГИН-4726) (личное сообщение А.Е.Кравцова в 1988 г.; выражаю также благодарность А.Е.Кравцову за указание на то, что аналогичная керамика обнаружена им на стоянке Тереньково III), а по второй - две даты: 6870 ± 100 л.н. (ГИН-2767) и 6460 ± 160 л.н. (ГИН-3214) [20]. Таким образом, предварительно допустимо определять время бытования этой группы населения в пределах последней четверти VI - первой половины V тыс. до н.э.

По поводу территории, занятой этим населением, пока можно также высказаться только предположительно. В настоящее время керамические материалы, которые могут быть с ним связаны, известны на целом ряде памятников, сосредоточенных в Волго-Окском междуречье (рис.4). Поэтому для обозначения этого нового историко-культурного явления мною предлагается термин "волго-окская раннеолитическая культура".

Завершая данное исследование, я позволю себе высказать предположение, что территория, занятая в раннем неолите населением, близким волго-окскому, не ограничивается только данным районом. Полагаю, что родственное население занимало в это время обширную территорию в Центре Русской равнины. Вероятно, на западе она простиралась до границ нарвской культуры, на юге - до левых притоков Припяти, захватывая частично бассейны Верхнего Днепра и Верхнего Дона, на севере ее граница скорее всего проходила примерно по 60 град. сев. шир., а на востоке эта территория была ограничена районами нижнего течения Камы и Среднего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
2. Цетлин Ю.Б. О методе периодизации древней керамики // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тезисы докладов. Оренбург, 1986.
3. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР. М., 1973. № 5.

4. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. N 3.
5. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.
6. Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990-1992 гг. // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
7. Костылева Е. Л. Новые исследования раннего неолита Верхнего Поволжья // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
8. Костылева Е. Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранненеолитической культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
9. Цетлин Ю. Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. N 4.
10. Цетлин Ю. Б. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА. 1982. Вып.169.
11. Костылева Е. Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
12. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. N2.
13. Цветкова И. К., Кравцов А. Е. Керамика неолитической стоянки Владыченская-Береговая 1 // СА. 1982. N 2.
14. Урбан Ю. Н. К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
15. Сидоров В. В. Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1986.
16. Цетлин Ю.Б. Неолитическая эпоха в Верхнем Поволжье (К проблеме периодизации и хронологии культур) // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
17. Цетлин Ю.Б. К проблеме периодизации и хронологии археологических культур // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
18. Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
19. Цетлин Ю.Б. О количественном подходе к построению относительной хронологии археологических культур // В печати.
20. Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. N 2.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Y. B. Tzetlin
THE PERIODS IN THE HISTORY OF THE EARLY
NEOLITHIC IN THE UPPER VOLGA REGION
(based on the ceramics investigation data)

Summary

The present article deals with the periods in the history of the Upper Volga's population in the Early Neolithic Age. The author reviews the background of this problem since the discovery of the Early-neolithic Upper Volga culture in 1972 by D.Kraynov. Traditionally this culture is considered to be the earliest one in the Neolithic Age of this region, and it has three periods in its history.

Employing a new original method of reconstruction of multi-layer habitation sites cultural stratification, and the new results, achieved in the investigation of the ancient pottery technology and decoration traditions, the author makes a radical revision of the previous pattern of the Early-neolithic history of this region, dividing it into 11 periods of ethno-cultural development. Besides, he defines a new Early-neolithic culture (more early than the Upper Volga culture) as "the Volga-and-Oka culture".

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

В. В. Сидоров, А. В. Энговатова ПРОТОВОЛОСОВСКИЙ ЭТАП ИЛИ КУЛЬТУРА?

Происхождение волосовской культуры, связи которой охватывали в III тыс. до н.э. всю лесную зону Восточной Европы, остается нерешенной проблемой. А. Я. Брюсов рассматривал волосовскую культуру как одну из культур ямочно-гребенчатой керамики [1], производя ее от местного мезолита. Эта гипотеза не нашла поддержки и была оставлена автором, присоединившимся к концепции приуральского происхождения волосовцев [2]. В настоящее время обсуждаются две гипотезы. В одной волосовская культура рассматривается как продолжение развития местных культур ямочно-гребенчатой керамики (И.К.Цветкова [3], Д.А.Крайнов [4]), другая ищет генезис ее в волго-камском неолите (А.Х.Халиков, В.В.Никитин, В.П.Третьяков [5-8]). Третья гипотеза - о существовании двух разных волосовских культур, имеющих разный генезис, выдвинутая А.А.Никитиным [9], не разрабатывалась.

Существенным было признание широкого единства, охватывавшего ряд близких по времени культур от Прибалтики до Прикамья [10-13]. Гипотеза О.Н.Бадера [14] о восточном происхождении волосовской культуры получила широкое признание, поскольку она объясняла возникновение финно-угорской общности и опиралась на многочисленные раскопанные памятники Среднего Поволжья и Прикамья. Протофинская культура должна была происходить с востока и иметь связи с Зауральем, поскольку восточное происхождение финских языков не вызывает возражений. Единственной общностью, охватывавшей все территории, в дальнейшем занятые финноязычными народами, оказывается именно эта волосовская общность. Возводя волосовскую культуру к неолиту типа Левшинской стоянки, в соответствии с этой гипотезой в качестве протоволосовского этапа надо признать именно поздний неолит Прикамья. Здесь также должны располагаться древнейшие волосовские памятники. Именно отсюда должна была начаться миграция, разнесшая черты волосовской культуры вплоть до Прибалтики. Местные неолитические племена удивительно легко были ассимилированы протофиннами.

Волосовская культура Среднего Поволжья рассматривается как результат ассимиляции балахнинской культуры ямочно-гребенчатой керамики волго-камской. Турбинская же общность сложилась без участия ямочно-гребенчатого компонента, но их близость с волосовской определяется господством волго-камского адстрата в обеих культурах. Турбинская, согласно взглядам большинства исследователей Северо-Востока (В.С.Стоколос, В.Е.Лузгин [15; 16]), распространяет свое влияние параллельно с волосовской в зоне тайги и лесотундры до Ледовитого океана и Карелии; именно с турбинской связывается ими пористая керамика эпохи бронзы на Севере [17]. В дальнейшем появилась еще одна культура, которая может претендовать на роль протоволосовской - самарская [18]. Генетические связи ее тянутся к хвалынской культуре.

По материалам средневожских памятников может быть выстроен полный типологический ряд развития керамики от конца неолита до эпохи бронзы, обосновывающий становление местных культур широкой волосовской общности - гаринской и средневожской волосовской. Слабым местом восточной гипотезы остается отсутствие датировок. Принятая для восточных волосовских

комплексов датировка не ранее посл. четв. III тыс. до н.э. не позволяет рассматривать их как предковые по отношению к западным. Да и датировка их в значительной мере строится на основе хронологии западных волосовских памятников и не может использоваться для обоснования более раннего возраста восточных волосовцев. Здесь не хватает также стратифицированных памятников, которые позволили бы объективизировать местную шкалу развития волосовской культуры. В работах В.П.Третьякова ведется сопоставление целых комплексов без источниковедческого анализа их, не выясняется степень однородности материала, не проводится хронологическое расслоение.

Д. А. Крайнов доказывает преемственность волосовской культуры с верхневолжской, исходя из сходства ряда орнаментальных мотивов их керамики [19;20]. Между ними хронологический разрыв около тысячи лет, что заставляет искать какую-то форму существования верхневолжской культуры параллельно с льяловской. Ни одного случая перекрытия льяловского слоя верхневолжским неизвестно. В противоположность восточной концепции он подчеркивает европеоидность антропологического типа волосовцев, а восточные волосовские памятники им не рассматриваются. Ю.Б.Цетлин, основываясь на разработанной им "культурной стратиграфии", определяемой по эталонным, с его точки зрения, шурфам [21], пытается показать их сосуществование. Правда, при этом полностью игнорируется механизм формирования слоя и условия попадания в слой черепков: он принимается за равномерно накапливающийся, за своего рода временную шкалу. Доказательностью предложенный Ю.Б.Цетлиным метод не обладает [22].

Для того чтобы связать верхневолжскую и волосовскую керамики, Д.А.Крайнов использует шкалу развития льяловской керамики "от простого к сложному" (где под простым понимается ямочная тонкостенная), разработанную А.Я.Брюсовым и В.М.Раушенбах [23]. В таком случае хронологически смежными оказываются гребенчато-ямочная льяловская (которую он считает гибридом верхневолжской и ямочно-гребенчатой льяловской) и гребенчатая же протоволосовская, но ни один стратифицированный памятник, которых уже известно десятки, не подтвердил эту схему [24].

Д. А. Крайнов включает в характеристику "протоволосовской культуры" такие элементы, сочетаемость которых в одной культуре требует доказательства. Характерные памятники: Сахтыш 8, Ивановское 3,7, Берендеево 1, а также стоянки на Оке (Владычино-Береговая) - это многослойные долговременные поселения, выделение протоволосовских комплексов в которых проведено типологически в соответствии с принятой автором концепцией. Первый керамический компонент - редкоямочная керамика, генетически связанная с льяловской. Она же входит в состав позднейших льяловских комплексов, сосуществуя с тонкостенной ямочной в Нерско-Нерльской группе, бассейне Дубны, Шерны, Луха, Медведицы. Отдельные редкоямочные сосуды встречаются западнее. Своеобразная редкоямочная керамика характерна для рязанского, балахнинского и костромского вариантов льяловской культуры. Пока нигде не доказано ее самостоятельное существование без обычной белемнитно-ямочной керамики и ее длительное существование в III тыс. до н.э. параллельно с волосовской.

Второй компонент - гребенчатая керамика с минеральными примесями в тесте. Далее она будет подробно описана. Третий компонент - сосуды с раковинной примесью, сильно измельченной, тонкостенные, с плотным тестом, с гребенчатой орнаментацией. Отличаются от обычных волосовских с раковинной примесью меньшей толщиной стенок и отсутствием Г-образного отгиба венчика. Кремневые и каменные орудия носят двойственный характер - используется техника отщепов и пластин. Костяной инвентарь близок к неолитическому.

Датировка волосовской культуры западных районов строится на основе серии радиоуглеродных дат и надежных стратиграфических колонок многослойных поселений. При раскопках поселения Сахтыш 1 прослежена западина с четкими литологическими горизонтами, включающими позднельяловские и волосовские комплексы. Позднельяловские определяют нижний предел волосовской датировки, поскольку относятся к кон. IV - нач. III тыс. до н.э. (5150 ± 40 и 5000 ± 70 л.н., Ae-1024,1020). Другие волосовские комплексы Верхнего Поволжья также укладываются в даты 2600 - 1900 гг. до н.э. (Сахтыш 1, Сахтыш 8, Языково). Как протоволосовские определены

даты Ивановской 3 (Ле-1971: 4720 ± 50 л.н., ГИН-2411: 4800 ± 250 л.н.) и Берендеево 1, хотя, судя по публикации А.А.Никитина [25], здесь представлен только позднеьяловский редкочерепный комплекс (ГИН: 4750 ± 190 ; 4720 ± 190 л.н.).

В.М. Раушенбах на стоянках группы Николо-Перевоз не разделяет гребенчатую керамику позднего этапа верхневолжской культуры и гребенчатую, включаемую Д.А. Крайновым в протоволосовский комплекс. Они объединены ею в тип гребенчато-штриховой керамики, который оказался равномерно распределен во всей толще слоя [26]. В дальнейшем в публикации стоянок группы Заречье [27] она стала все же выделять гребенчатую керамику, но "культурно" ее не атрибутирует.

И.К. Цветкова понимает протоволосовскую культуру существенно иначе. Она исходит из гипотезы о трансформации рязанской культуры в волосовскую в Центральной Мещере. Комплексы финала II этапа рязанской культуры характеризуются своеобразной керамикой, большая часть которой орнаментировалась наклонной овальной ямкой, оттиснутой белемнитом, и характерным воротничковым венчиком. Часть этой керамики орнаментирована поясками ямок, разделенными гладкими полями, что характерно для редкочерепной; встречается примесь органики; на некоторых из рязанских стоянок встречены сосуды с позднерязанским орнаментом, но тестом, характерным для протоволосовской; изредка используется рамчатый штамп. Тем не менее, не эти типы И.К. Цветкова называет протоволосовскими, несмотря на то, что кремль, сопровождающий эту керамику, носит вполне волосовский облик, одинаков набор каменных и костяных орудий; с позднерязанским слоем она связывает большую часть костяных скульптур Черной Горы [28].

Протоволосовский компонент выделяется ею по керамике с раковинной примесью стоянки Владычино-Береговая [29]. Основным признаком протоволосовской керамики И.К. Цветкова считает присутствие ямочного орнамента, даже если, как в случае Волосовской стоянки, он нанесен на керамику с пористым тестом и мало напоминает яловский. Здесь керамики с раковинной примесью всего до 40% [30], и по орнаментации ее трудно сопоставить с ранней, встреченной в стратифицированных комплексах. Радиоуглеродные датировки волосовских комплексов, отнесенных И.К. Цветковой к протоволосовским, тоже нельзя рассматривать как очень ранние: Владычино-Береговая - ГИН: 4300 ± 60 л.н., Волосово - ИГАН-505: 4500 ± 60 л.н. И только на стоянке Маслово Болото 2 в нижнем слое жилища встречена керамика с плотным тестом, но с раковинной примесью - третий компонент протоволосовской культуры Д.А. Крайнова, а вне жилища - гребенчатая с минеральными примесями.

Раскопки стоянки Маслово Болото 4 в 1972-73 гг. поставили вопрос о выделении особого этапа в развитии волосовской керамики, предшествовавшего времени появления керамики с раковинной примесью [31;32]. Стоянка представляла собой летнее поселение на низком заторфованном мысу. Это обстоятельство обеспечило исключительно четкую стратиграфию, позволившую проследить развитие волосовской культуры от самого ее начала до финала. Выделено 7 слоев, связанных с наслоившимися друг на друга песчаными подушками очагов с деревянными настилами, зольниками, утопанными полами, развалами сосудов, споями отщепов - здесь были десятки мастерских по обработке кремня. Местами слои разделялись торфом. Выделенные на основании стратиграфии этапы характеризуются достаточно представительными выборками. Существенно, что здесь, на низком берегу, не было хозяйственных ям и углубленных построек, которые могли бы нарушить стратиграфию. Памятник раскопан почти полностью. Нижний слой местами отделялся стерильным торфом. Он залегал на камышево-осоковом торфе. Здесь, безо всяких подсыпок, прямо на торфе, среди прибрежных камышей горели костры, слой маркирован зольниками, развалами 14-16 сосудов, скоплением орудий. Уголь из зольника получил датировку - 4790 ± 70 л.н. (Ле-1240).

Большую часть керамики можно определить как гребенчатую (рис.2). Это круглодонные котлы и чаши диаметром 21-42 см, высота котлов немного больше диаметра, чаш - от половины до 2/3 диаметра. Почти вся посуда лепилась из теста, отощенного минеральными добавками, комковатого, довольно рыхлого. Толщина стенок 7-8 мм, большинство сосудов с расчесом внутри. Венчики без отгиба и утолщения, орнаментированы по верхнему срезу, иногда этот

орнамент формирует внутренний скос его. Большинство орнаментировано поясками наклонно или прямо установленного зубчатого штампа, глубоко вдавленного. Иногда штамп поставлен плотно, формируя всю внешнюю поверхность. Один из таких сосудов имеет под венчиком поясok треугольников, в которые вписаны простые кресты, выполненные тем же коротким зубчатым штампом. Выразителен крупный котел, поверхность которого орнаментирована зонами рамчатого штампа, установленного углом и плашмя. Два сосуда имеют поясok глубоких ямок, нанесенных тем же зубчатым штампом под венчиком. В одном случае такой штамп оставляет линзовидную ямку с зубчиками, которая может сопоставляться с рубчатым ромбом позднего этапа деснинской культуры [33].

В составе комплекса нижнего слоя выделяется еще один компонент, который свидетельствует о сложном составе группы, поселившейся на Масловом Болоте после прекращения существования здесь льяловской культуры. Это сосуды с лапчатым штампом, характерным для бассейна Верхнего Днепра. Один сосуд, полностью восстановленный, диаметром 42 см, форма тулова - цилиндрико-коническая, дно слегка приостренное, тесто с мелкотолченой ракушкой; орнаментирован по всей поверхности округлой ямкой, выполненной узлом или навитым на палочку тонким шнуром, в том числе по верхнему обрезу, от обычных лапчатых ямок отличается округлостью, ямки поставлены разреженно (рис.2,5). Есть также фрагменты от 1 или 2 сосудов с лапчатой ямкой, но она тоже отличается от хорошо известного штампа верхнеднепровской и деснинской керамики вдвое большей шириной. Таких широких лапчатых ямок нет среди поздних материалов, залегающих в самом верхнем слое этой стоянки. Таким образом, пятая часть сосудов этого слоя может быть связана с бассейном Верхнего Днепра. В других протоволосовских группах эта керамика не известна. Она появляется снова только в финале волосовского времени, но тоже не во всех волосовских группах.

Кремневый материал слоя - серия тщательно ретушированных крупных наконечников, ножей и скребков из плоских отщепов, желобчатые полностью шлифованные тесла - обычный волосовский набор. Не встречены, правда, здесь сверла с вытянутым жалцем, скребки с высокой ретушью. Уже следующий слой - горизонт VI - дает обычную ранневолосовскую керамику, с тестом, насыщенным ракушкой, и никаких сомнений в его волосовской принадлежности не возникает.

Керамика, аналогичная сосудам нижнего слоя, есть на всех соседних крупных поселениях. В 100 м от описанного выше мыса располагалось волосовское поселение с углубленными жилищами. В жилищах найдена керамика с раковинной примесью, соответствующая слоям VI-V летнего поселения. Вне жилищ на склоне и под выбросом из котлована фиксировались зольники, сопровождающиеся гребенчатой керамикой, тут же встречены фрагменты лапчатого сосуда с такой же крупной ямкой, как в нижнем слое Маслово Болото 4. Аналогично положение гребенчатой керамики на стоянках 2 и 8 (рис.2,3,4).

Совершенно определенно стратиграфическое положение гребенчатой керамики на стоянке Языково 1 [24]. Здесь она залегает развалами в зольниках, перекрывавших позднельяловскую кухонную кучу на склоне. Выше залегал специфический волосовский слой. Вероятно, к протоволосовскому комплексу относится одна из жилых площадок, примыкавших к этому склону. Пол ее маркируется гребенчатым сосудом - это крупный котел с довольно сложной орнаментацией рамчатым штампом, установленным под углом и плашмя (рис.3).

Обширная коллекция гребенчатой керамики встречена на стоянке Варос на южном берегу оз. Неро [24], но здесь стратиграфическое положение определяется только статистически. Кривая распределения ее в слое наиболее близка к кривой редкоямочной керамики. Здесь также удалось реконструировать один из сосудов - лараболоидной формы, с орнаментацией поясками, выполненными рамчатым штампом, установленным под разным углом.

На соседних поселениях оз.Неро встречено много подобной керамики. Обильна она на стоянке Уница (рис.5,14-19) [34]. Здесь, как и на Варосе, встречен также один сосуд, который позволяет предполагать гибридизацию редкоямочной и гребенчатой керамики. Такой же случай отмечается на стоянке Борань. Раскопки на поселении Песощня также дали серию гребенчатой керамики. Слои гребенчатой керамики отмечаются на стоянках Ивановского торфяника.

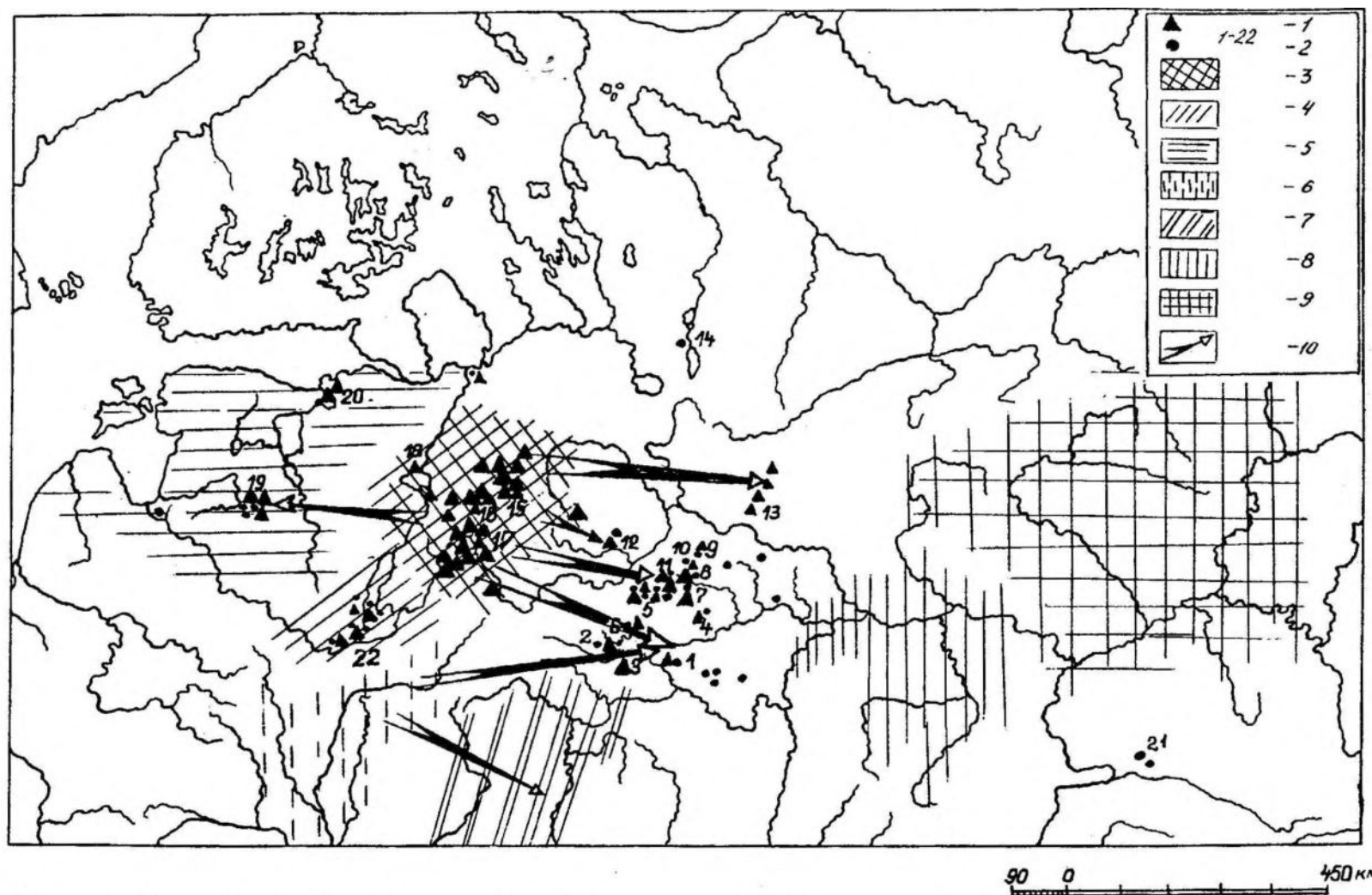

Рис. 1. Волосовско-турбинская общность. Археологические культуры лесной зоны 2900-2750 гг. до н. э. (по В. В. Сидорову):

1 - поселения с гребенчатой керамикой; 2 - ранневолосовские поселения.

Культуры:

3 - валдайско-мстинская; 4 - усвятская; 5 - прибалтийской гребенчато-ямочной керамики; 6 - верхнеднепровская; 7 - деснинская; 8 - средневолжская волосовская; 9 - волго-камская, турбинская; 10 - экспансия валдайской и верхнеднепровской культур в нач. III тыс. до н. э.

Группы памятников:

1 - Маслово Болото; 2 - Тростенское оз.; 3 - Полецкое оз.; 4 - Заречье (р. Шерна); 5 - басс. Дубны; 6 - Ивановский торфяник; 7 - Берендеевский торфяник; 8 - оз. Вашутинское; 9 - оз. Неро; 10 - оз. Ловецкое; 11 - оз. Плещеево и Сомино; 12 - оз. Скорбеж; 13 - басс. Костромы; 14 - Модлона; 15 - басс. Съежи, Мсты и Кезы; 16 - оз. Бологое, Пирос; 17 - оз. Селигер, Волго, Охват, р. Тудовка; 18 - Коломцы; 19 - Лубанская низина; 20 - Нарва; 21 - басс. Самары; 22 - басс. Зап. Двины и Ловати

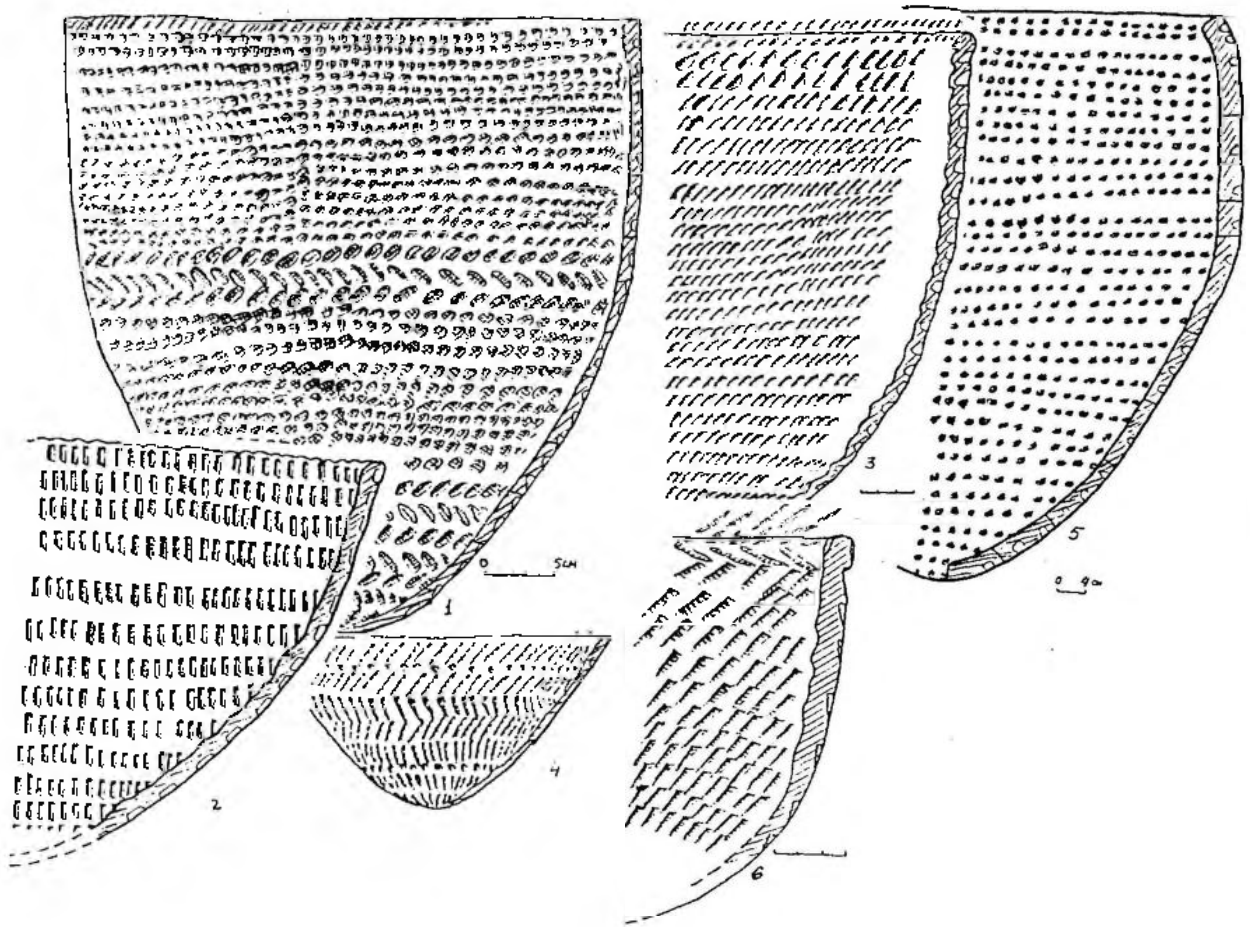

Рис. 2. Протовологовская керамика:
 1, 2, 5 - Маслово болото 4; 3, 4 - Маслово болото 8;
 6 - Никольская-Правая на Тростенском оз.

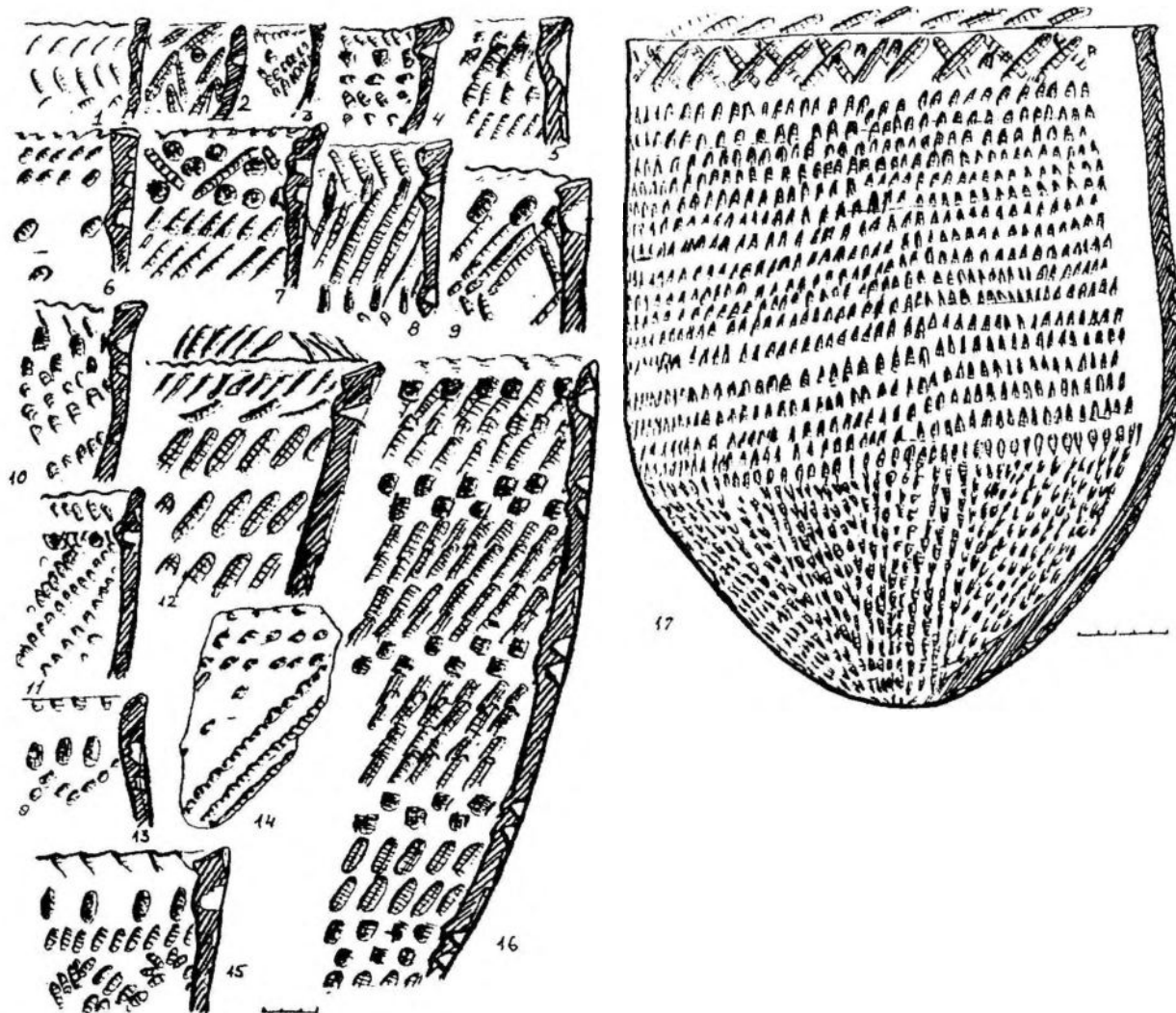

Рис. 3. Гребенчатая керамика Языково 1

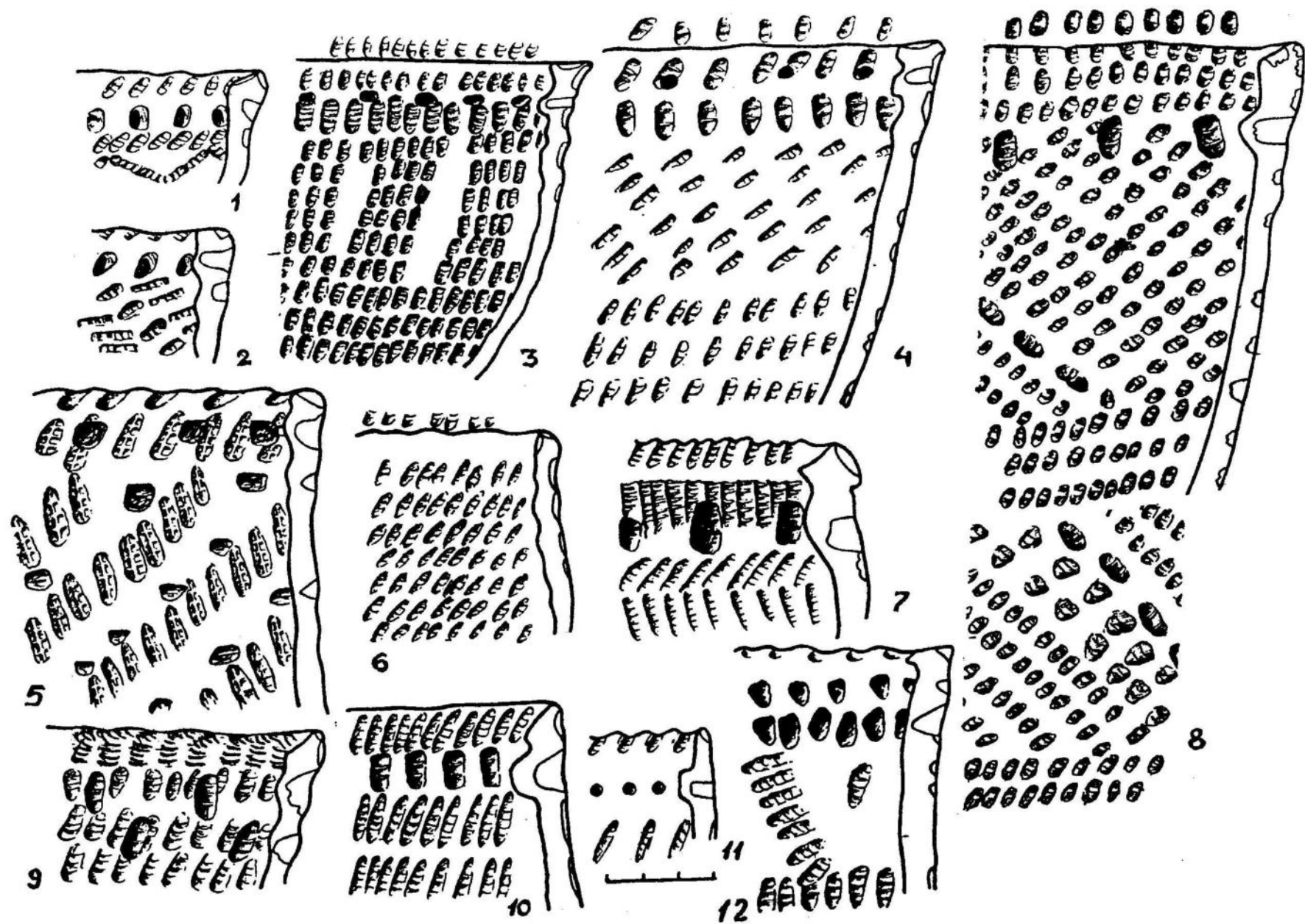

Рис. 4. Гребенчатая керамика Замостья 13

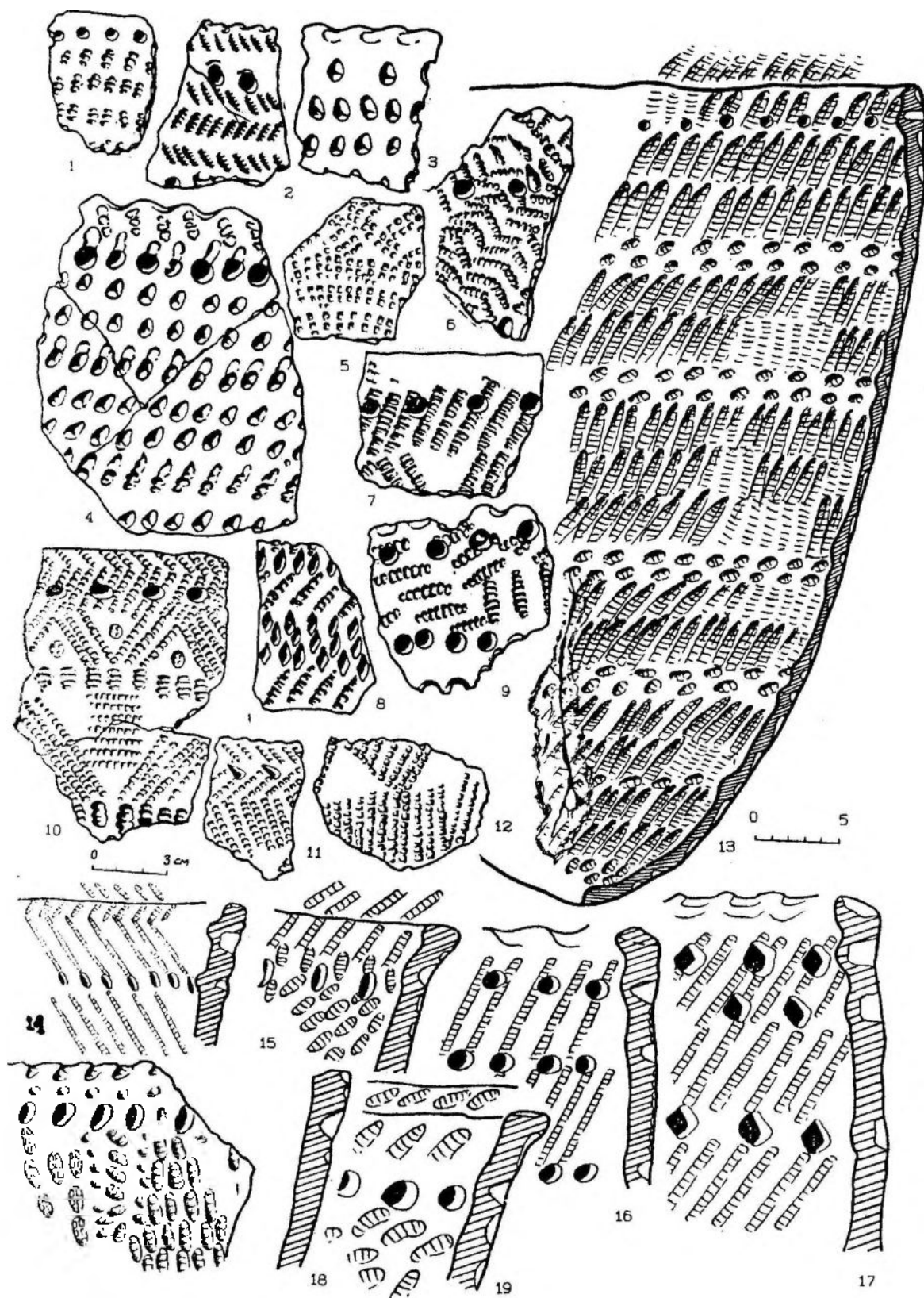

Рис. 5. Гребенчатая керамика озера Неро: 1-13 - Варос; 14-19 - Уница

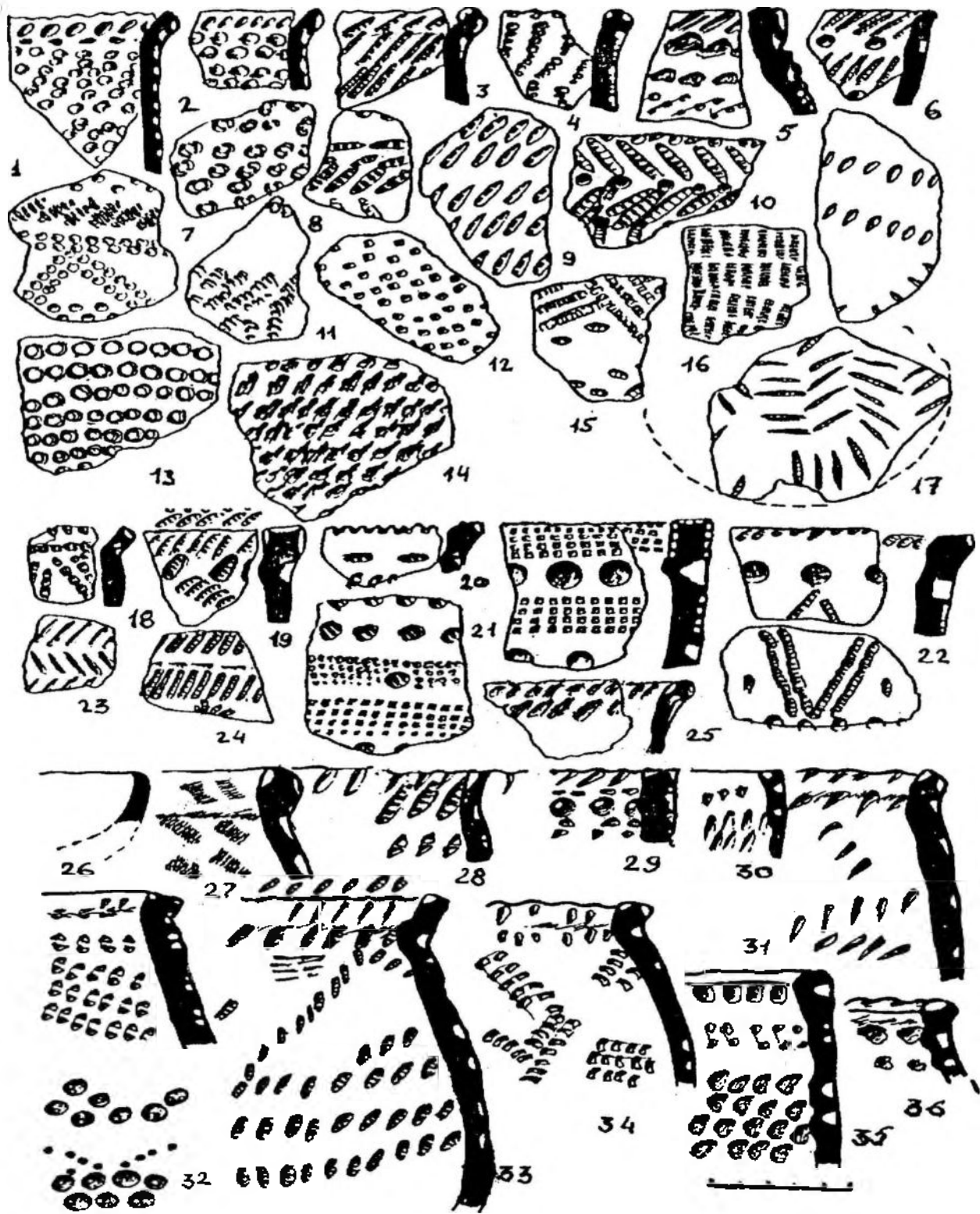

Рис. 6. Гребенчатая керамика бассейна Съежи:
 1-17 - Троица 1; 18-22 - Стан 1; 23-36 - Курово 1

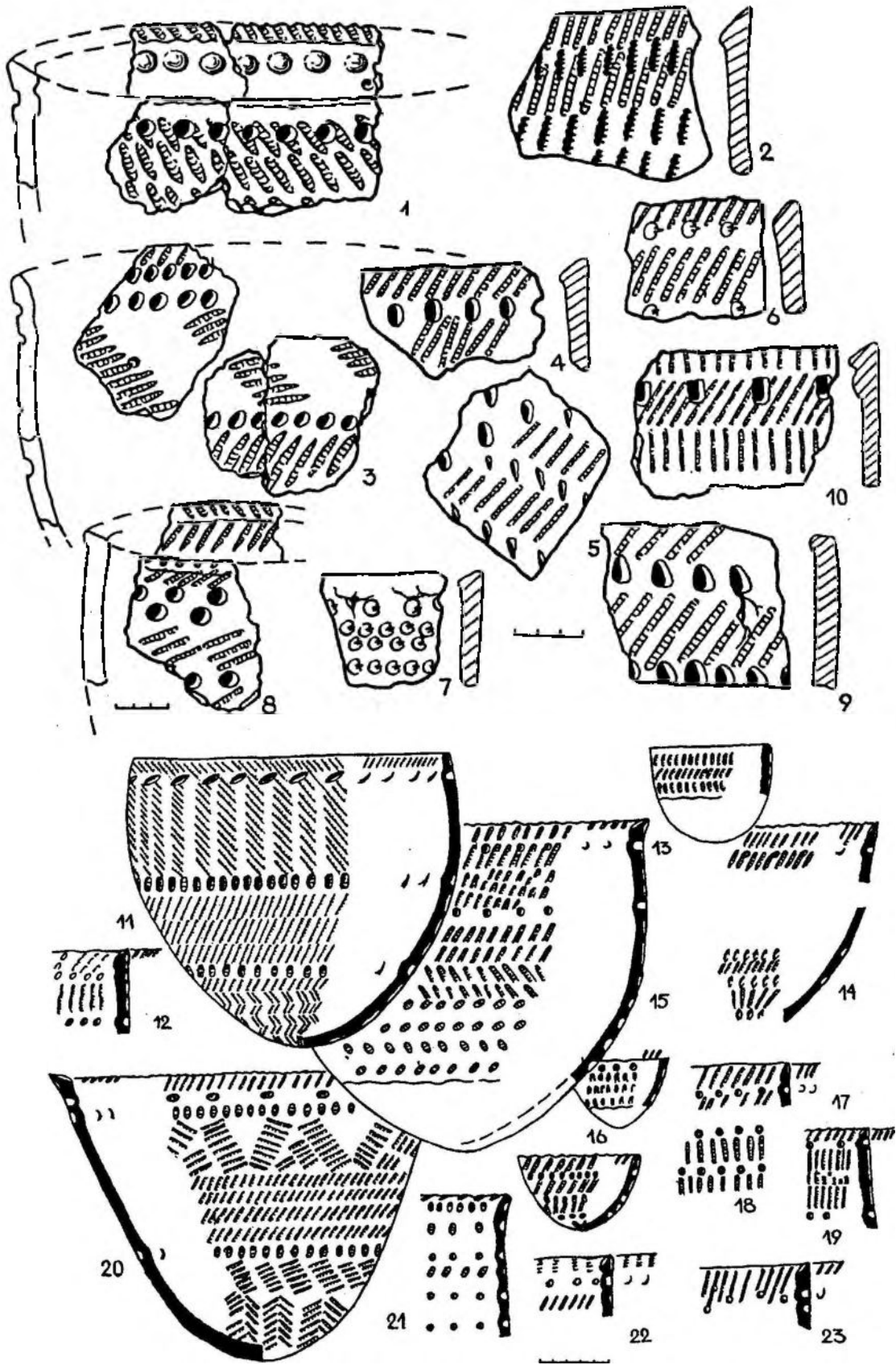

Рис. 7. Гребенчато-ямочная керамика:
 1-10 - Лубанской низины (по И. А. Лозе); 11-23 - басс. Костромы (стоянка Займа)

В верховьях р.Сары на оз.Ловецком нами исследованы волосовские зимние жилища, врезанные в слой неолитической стоянки. Отдельными пятнами в этом слое залегает гребенчатая керамика с минеральной примесью. От льяловского материала ее отличает меньшая перемешанность и лучшая сохранность.

Стоянки оз. Заболотского в бассейне р.Дубны - Замостинская группа - позволяют сделать вывод о существовании самостоятельного слоя гребенчатой керамики (рис.4). Она залегает в верхних слоях луговой почвы непосредственно поверх позднельяловских комплексов с тонкостенной ямочной и редкоямочной керамикой. Особенно обильна она на стоянках 3 и 13. На стоянке Замостье 7 слой с гребенчатой керамикой перекрывает льяловский, отделен от него стерильной прослойкой торфа. Гребенчатая керамика появляется не ранее конца льяловского этапа и выходит из употребления до формирования ранневолосовской керамики с раковинной примесью. На западе Волго-Окского междуречья хорошая стратиграфия фиксируется на стоянках Тростенского озера. Гребенчатая керамика рассматриваемого типа отмечена на стоянке Никольская-Правая. Здесь на склоне выявлены отложения более 3 м мощностью. Метровый слой зольников волосовского времени совершенно не нарушен. В нижних слоях его керамика относится к архаичному типу - тонкостенная с заглаженной поверхностью. Далее идет слой торфа, в котором вместе с архаичной волосовской встречена гребенчатая керамика с волосовским орнаментом, с тестом, отощенным минеральными примесями. Торф перекрывает донные отложения позднельяловского времени. Слой подразделяется на два горизонта, в верхней части очень высок процент ромбоямочной керамики как с простым, так и рубчатый ромбом. Именно в этом слое встречен типичный гребенчатый сосуд, орнаментированный поясками наклонно установленного зубчатого штампа (рис.2,6).

Стоянка Полецкая 1 на северном берегу оз.Полецкого - истока р.Нары связана с узкой гривой, вдающейся в торфяник. Верхний слой - минерализованный торф с поздневолосовской и лопчатой керамикой, ниже темно-гумусированная песчаная прослойка. В ней, частью проваливаясь в суглинистый слой, залегает комплекс позднельяловского этапа. Комплекс содержит значительную примесь ромбоямочной и гребенчатой керамики - 28%, которые здесь имеют большое сходство: расчес внутренних поверхностей, глубокие ямки неправильной формы под венчиком, одинаковая профилировка верхней части сосуда. Гребенчатая и ромбоямочная керамика выполнены в одной технологии. Нижний суглинистый слой содержит комплекс среднего этапа льяловской культуры.

Остановимся дополнительно на доказательстве невозможности трансформации поздней льяловской керамики в гребенчатую. Развитие льяловской керамики идет совершенно определенно в направлении, противоположном тому, какое предлагал А.Я.Брюсов. Слои, непосредственно подстилающие те, в которых встречена гребенчатая керамика, содержат специфическую керамику финального этапа: тонкостенную, с абсолютным преобладанием ямочных полей, зубчатый штамп используется очень редко, несколько чаще - полулунный (белемнит тыльным концом), перевитый шнур и щепка, местами (Языково, Восточная Мещера) сохраняется использование плюсневого штампа. Повсеместно получают распространение не заполненные штампами гладкие пояски: идет формирование типа редкоямочной керамики, не завершившееся в западных льяловских группах (бассейн р.Москвы, Западная Мещера). Тесто сосудов позднего этапа тоже заметно изменилось. Многие сосуды не имеют искусственных примесей, отощителем гораздо чаще служит песок, чем дресва, часть сосудов имеет пористое тесто, но совсем другого рода, чем волосовское. В форме сосудов в некоторых группах появляются грушевидность, прогиб верхней части стенок, но обычно это яйцевидные котлы с раздутыми или вертикальными боками; характерно смещение центра тяжести сосуда ниже середины высоты; довольно много открытых чаш, но это, в основном, небольшие и миниатюрные сосуды.

Редкоямочные сосуды несколько отличаются от обычных ямочных: большинство орнаментировано заменителем белемнита, гораздо чаще встречается пористое тесто, форма дна более приостренная, чем у ямочных, гораздо реже используются штампы. У редкоямочной керамики сохраняется приостренность дна (это встречается даже чаще, чем у позднельяловских сосудов других типов), нередко используется белемнит, встречаются те же типы штампов, хотя

большинство сосудов орнаментировано заменителем белемнита. Орнаментация - пояски разной ширины, зигзаг, разнонаклонные линии, розетки, ромбы, треугольники, выполненные на гладком фоне ямками. Характерна небрежность как в орнаментации, так и в формовке сосуда. Многие имеют пористое тесто, но эта пористость совсем иного рода, чем волосовская, - пух не встречается вовсе, очень редко толченая раковина - доли процента и не во всех редкоямочных комплексах.

Гребенчатая керамика характеризуется тестом с применением дресвы, песка, сухой глины (определение Ю.Б.Цетлина), изредка - очень сильно измельченной раковины. В большинстве случаев внутренние поверхности несут расчес, изредка он есть и на наружной стороне. Форма сосудов котлообразная и чашевидная, дно всегда округлено. Верхний край прямой или открытый. Венчик равен по толщине стенкам или слегка утолщен, почти всегда орнаментирован, орнамент по верхнему обрезу иногда формирует желобок. Встречается гофрированный венчик, волнистость ему придана пальцами или штампом. Очень характерны глубоко вдавленные ямки под венчиком с бугорками на внутренней стороне, создающие впечатление прогиба. Орнаментация выполнена средними и крупными зубчатыми штампами, ямки чаще всего - углом того же штампа, но бывают цилиндрические, узлом, овальные неглубокие. В некоторых группах довольно часто применяется плюсневый штамп, образующий широкие пояски. Мотивы орнамента - пояски наклонных и вертикальных оттисков (бывают чередования с горизонтальными, зигзаг, наклонные полосы, треугольники, чередования зон с разным углом наклона). Изредка фиксируются криволинейные орнаменты, волюты. По тулову идут разреженные пояски ямок, выполненных тем же штампом, но не столь глубоких, как под венчиком.

Как видим, ни один из признаков позднеьяловской керамики не характерен для гребенчатой. Единственное, что их сближает, - это применение расчеса внутренних поверхностей.

Таким образом, на территории западной половины Волго-Окского междуречья наблюдается однообразная картина смены позднеьяловских комплексов комплексами гребенчатой керамики. Льяловские здесь не получают какого-либо продолжения, а гребенчатая керамика появляется как вполне сложившаяся, не имея местных прототипов. Далее на восток от Западной Мещеры и Неро этот тип не распространяется. Можно отметить слабые признаки гибридизации редкоямочной и гребенчатой керамики на северо-восточных памятниках. Все это позволяет говорить о появлении гребенчатой керамики в результате прихода нового населения.

Отсутствие комплексов гребенчатой керамики в восточных районах льяловской культуры позволяет исключить возможность миграции с этой стороны. Наиболее восточный район гребенчатой керамики описанного типа - бассейн Костромы. Здесь изучалась стоянка Борань [35], в среднем течении - Водыш [36], в Буйской котловине - однослойная стоянка Займа, а также памятники Галичского [37] и Чухломского озер [38]. Яркие комплексы Галичского озера послужили основанием для выделения особой культуры.

По мнению И.В.Гавриловой, галичская гребенчатая керамика занимает промежуточное положение между ямочно-гребенчатой, сохраняя ее технологию, и волосовской, с которой сближает ее система орнаментации. Но это сравнение не конкретных комплексов отдельных этапов, а целых эпох. Действительно, они занимают промежуточное положение, но это несколько не доказывает их генетическую связь. Схема развития льяловской керамики Борани и Федоровского поселения та же, что и в других районах, и не приводит к становлению гребенчатой керамики.

Примером чистого комплекса может служить стоянка Займа в Буйской котловине - это след единственного углубленного зимнего жилища, небольшого, но весьма насыщенного материалом. Размеры его 3.5-5 x 8 м, на широком конце - обширный очаг с мощным прокалом, вокруг которого сосредоточена большая часть керамики. Рядом с очагом - пятно охры. Компактность расположения находок при тонком слое, полное его отсутствие за пределами жилища - это характерно именно для зимних стойбищ. Возможно, это поселение и связано с моментом миграции - здесь группу, переселявшуюся по Костроме, застала зима.

Удается реконструировать несколько сосудов (рис.7,11-23). Формы крупных - приземистые круглодонные котлы, слабозакрытые, но есть и открытые параболические, диаметр и высота их

20-30 см. Таких сосудов 13-14. Остальные 6-7 - открытые чаши полушарной формы диаметром 6-12 см. Орнаментация довольно сложная и выполнена гребенчатым штампом разной длины в сочетании с разнообразными ямками - округлыми, кольцевыми, ромбическими. Ямки, которые делят орнамент на зоны и обязательны под венчиком, часто выполнены зубчатым штампом, вдавленным глубоко или углом. Орнаментальные схемы - чередование зон отпечатков штампа, установленного под разными углами, иногда зигзагом, или в виде вертикальных полос, заполненных треугольниками. Встречаются зоны, свободные от орнамента. Дно выделяется особой орнаментальной зоной. Тесто комковатое, слегка пористое (заметна примесь пуха у 5 сосудов), с обильной примесью дресвы и песка. Поверхность заглажена почти до лощения, у трети сосудов внутри - расчес, толщина стенок невелика - 7-8 мм, малые сосуды тонкостенны. Каменный инвентарь стоянки довольно аморфен, но волосовские элементы техники проявляются и здесь, несмотря на грубость сырья.

Ближайшие аналогии комплексу Займы мы находим в бассейне Съежи, на Валдае - Троица 1, Курово 1, Стан 1 [39] (рис.6), Репище, Кончанское [40]. Связь бассейна Костромы с Валдаем могла осуществляться и через бассейн Мологи, минуя долину Волги. Особенностью этих районов было то, что здесь не происходила трансформация гребенчатой керамики в ранневолосовскую: волосовская керамика здесь встречается только в поздних формах.

Гребенчатая керамика, исключительно близкая к тем комплексам, которые занимают четкое стратиграфическое положение между позднельяловскими и ранневолосовскими, известна давно под именем гребенчато-ямочной керамики прибалтийского типа в публикациях Н.Н.Гуриной [41], И.А.Лозе [42;43]. Термин "гребенчато-ямочная" не удобен, поскольку совпадает с обозначением льяловской керамики, с которой она имеет слишком отдаленное родство. Просматривая коллекции Звидзиенас-Крогс, находим полные аналогии гребенчатой керамике Языково. Та же технология - примесь дресвы, комковатое тесто, расчес внутри, гофрированный венчик, подчеркнутый ямками, котлообразная круглодонная форма, тот же набор штампов и те же композиции, ими выполненные (рис.7, 1-10). Редко, но встречается и рамчатый штамп. Эта керамика явно генетически не связана с предшествовавшей ей нарвской и сосуществует с наиболее поздними ее памятниками в нач. III тыс. до н.э. В то же время речь идет не о единичных сосудах, а о четко выделяемом культурно-хронологическом пласте, за которым стоит культура какого-то этноса, появившегося в Прибалтике и в Волго-Окском междуречье примерно в одно время, в очень близких формах.

На стыке бассейнов Днепра, Волги, Даугавы и Волхова А.М.Микляев помещает выделяемую им усвятскую культуру [44]. Просмотр его коллекции стоянки Сертея в Гос. Эрмитаже показал, что значительную часть ее составляет гребенчатая керамика валдайского типа с минеральным отощением. Другая часть очень близка к волосовской керамике разных стадий. Интересно полное совпадение набора костяного инвентаря Усвяты 4 и волосовских комплексов Волго-Окского междуречья. Совпадает также хронология усвятской и волосовской культур: 2-я - 3-я четв. III тыс. до н.э., для обеих культур характерны столбовые конструкции, которые А.М.Микляев принимал за свайные. Более близких к волосовским материалам, чем усвятские, авторы не знают. Здесь совпадает также последовательность смены типов - гребенчатая керамика трансформируется в собственно волосовскую с раковинным тестом.

Гребенчатая керамика могла появиться в Прибалтике и Волжском бассейне только с Валдая, где она - единственный вид керамики среднего и позднего неолита. Точно так же с Валдая она должна была появиться и в Финляндии, и в Волго-Окском междуречье. Проникает она и в бассейн Днепра, занятый верхнеднепровской культурой [45] (рис.1).

Валдайская культура описана Н.Н.Гуриной как культура определенной территории и включает комплексы, генетическая связь которых труднодоказуема. Связи между ранним и поздним неолитом она не прослеживала: памятники не давали возможности для детальной периодизации. Этот разрыв остается незаполненным и в работах М.П.Зиминой. Исследуя один из районов Валдая, она тоже выделяет только крупные эпохи, стык между которыми остается недоказанным. Материалы бассейна Мсты она выделяет в отдельную культуру, хотя все, что здесь известно, встречается и на Селигере, и в других группах, включенных Н.Н.Гуриной в валдайскую культуру. Количественно

здесь абсолютно преобладает гребенчатая керамика описанного типа. Допустимо говорить о локальных вариантах одной культуры. Остается прояснить источник трансформации керамической технологии. Он оказывается рядом. Ранневолосовская керамика по технологии тождественна нарвской: тот же состав теста – сочетание примесей раковины и птичьего пуха, заглаживание наружной поверхности, почти лощение. К тому же сменившая гребенчатую и нарвскую пористая прибалтийская керамика наследует черты той и другой и, в то же время, практически тождественна и синхронна волосовской: Та-6: 4780 ± 225 л.н.; Ле-750: 4670 ± 150 л.н.; Ле-748: 4520 ± 20 л.н.; Та-4: 4350 ± 200 л.н.

На озерах верховий р.Съежи нам удалось выделить промежуточные звенья, несмотря на то, что комплексы невелики. Так, на стоянке Бабулек 3 получена серия сосудов с признаками ранне- и среднеолитических. Однако, все это не подкреплено стратиграфическими наблюдениями.

В материалах Синеи Горы на оз.Селигер встречается как валдайская гребенчатая, так и своеобразная гребенчатая керамика, с заглаженной поверхностью и установкой штампа в отступающей технике – здесь, видимо, фиксируется формирование валдайской гребенчатой керамики.

Облик гребенчатой керамики Валдайской возвышенности может быть охарактеризован по публикациям М.П.Зиминой. Пять стоянок верховий бассейна Съежи исследованы одним из авторов данной статьи в 1979-1984 гг. Среди них комплекс Курово 1 – кратковременной стоянки на оз. Наволок. Отмечены развалы 10-13 сосудов (рис.6). Тесто перенасыщено дресвой. Сосуды – круглодонные котлы с прямыми стенками, миниатюрные сосуды – полушарные чаши. У большинства под венчиком – ряд глубоко вдавленных ямок, иногда отгибающих край венчика. Необычно разнообразие штампов – зубчатые, двудольные, скобчатые, костные, шнуровые, сломанные белемниты, овальные. Орнаментальные мотивы – однорядные и многорядные пояски: горизонтальные, наклонные, соединенные косыми линиями, зигзагообразные. Все эти элементы характерны и для валдайской, и для мстинской гребенчатой керамики.

Раскопки поселения при истоке Съежи из оз.Удомля Троица 1 дали материалы всего спектра неолита. Гребенчатая керамика мстинского типа выделяется типологически. Ее около 900 фрагментов примерно от 60 сосудов: с тестом, отощенным дресвой, с расчесом внутренних поверхностей; орнаментированы зубчатыми штампами, характерен плюсневый штамп. Обычны глубокие ямки под венчиком, сложная орнаментация тулова – наклонные и зигзагообразные пояски, треугольники, но чаще – сплошное заполнение поля наклонными оттисками зубчатого штампа.

Небольшая стоянка на островке при входе в оз.Удомля – Стан 1 – дала довольно богатую серию ямочно-гребенчатой керамики моложского облика и прекрасную серию мстинской культуры. Этот комплекс характеризуется гребенчатой керамикой. Различить валдайскую и ямочную моложскую керамику удастся не всегда. Их объединяют технология, формы венчиков, некоторые штампы. Отличия в деталях: расчес на внутренних поверхностях, дно круглее, более выражена профилировка горла. Чаще всего встречаются широкие зоны поясков зубчатых оттисков, установленных наклонно, разделенные гладкими просветами. Иногда пояски образуют геометрические фигуры. Формы сосудов котлообразные, имеются и небольшие открытые чаши.

Не известна длительность существования валдайской гребенчатой керамики. М.П.Зиминая с гребенчатой керамикой связывает часть погребений Кончанского могильника с янтарем. Янтарные наборы здесь настолько тождественны наборам в волосовских могильниках Языково и Сахтыш II, VIII, что их необходимо синхронизировать. Получается, что гребенчатая керамика с минеральным тестом, близкая протоволосовской Волго-Окского междуречья, продолжает существовать параллельно с волосовской по крайней мере до 2200 г. до н.э. Пористая керамика, встречающаяся на Валдае, аналогична только поздневолосовской.

На стоянках валдайского региона встречается ряд специфических волосовских элементов: отпечаток сети на поверхности сосуда (Гадомля 9, ранний неолит), фигурные кремни (Котчище 2, Бабулек 3 и особенно много – Синяя Гора [46]).

Последовательность событий устанавливается следующая.

Вскоре после 3000 г. до н.э. носители валдайской культуры с верховий Зап.Двины – Даугавы спускаются к морю. Сосуществуя с племенами нарвской культуры, они заимствуют ряд на-

выков. Другие группы спускаются по Волге и Оке. В окской группе участвует население бассейна Верхнего Днепра. Они вытесняют льяловцев из западных районов. Те отступают в Карелию, а из Западной Мещеры - на Дон и Северную Украину, а также на восток по Клязьме и Оке. Льяловские общины с р.Костромы оказываются вытеснены в Восточную Карелию, где к ним присоединяются носители каргопольского локального варианта льяловской культуры, вытесненные обитателями поселения Модлона.

Гребенчато-ямочная керамика Карелии [47] обнаруживает близость именно к валдайско-мстинской. Ее можно было бы истолковать как явление, аналогичное тому, какое отмечено в Прибалтике и Волго-Окском бассейне, но здесь такая керамика датируется гораздо позднее и говорит о длительных контактах населения двух смежных бассейнов. Помимо валдайских связей существовали, видимо, и связи между собственно волосовскими племенами. Близость орнамента, форм сосудов, а также набора орудий ранних памятников с асбестовой керамикой к волосовским позволяет их синхронизировать и видеть в них следы волосовского влияния, может быть даже адаптации оторвавшейся от волосовской общности группы. Говорить о турбинском (гаринско-борском) влиянии на культуру асбестовой керамики нет необходимости - все ее признаки могли быть переданы через волосовскую.

Позднее, уже на стадии ранней волосовской культуры, какая-то достаточно многочисленная группа прошла далеко на восток и обосновалась на р.Самаре. Эта группа вступила в активные и мирные, судя по полноте ассимиляционных процессов, отношения с местными левшинскими племенами и послужила источником формирования восточной ветви волосовской культуры.

Далее установились оживленные контакты между Прибалтикой и Верхней Волгой. Именно по этому пути через усвятскую группу на восток проникла новая керамическая технология, которая распространилась среди недавних мигрантов с Валдая. Интересно, что на сами внутренние озера Валдая она не попадает - здесь продолжает существовать керамика протоволосовского облика. Не попала она и на Кострому.

На следующем этапе происходит ассимиляция льяловской культуры в Центральной и Восточной Мещере, а также на Нижней Оке. Интеграционные процессы охватили всю лесную зону. Именно эта стадия отражена в формировании широкой волосовской общности. Говорить о направлении "миграционных потоков" в это время нет смысла - сходство культуры отдаленных районов усиливалось на протяжении всего волосовского времени.

До нач. III тыс. до н.э. в пределах современного бассейна Верхней и Средней Волги четко выделяются три культурных общности - выше г.Ржева валдайская (явно тяготеющая к бассейну Балтики), ниже устья Унжи - волго-камская, и в центре - льяловская, связи которой простираются в основном по бассейну Пра-Волги, сбрасывавшей воды в Белое море. Возможно, они совпадают с территориями древних речных бассейнов Зап.Двины - Даугавы, Пра-Волги и Итили (Волго-Камы). Подсоединение Праволжского бассейна к Волго-Камскому произошло около 6500 л.н. Но входили ли озера южного склона Валдая в бассейн Волги? Археологический материал позволяет предположить, что они исторически тяготеют к бассейну Даугавы, а волосовская экспансия на восток связана каким-то образом с перестройкой речных бассейнов в результате тектонического подъема Валдайской возвышенности. Волосовская интеграция охватывает территории современного бассейна Волги с присоединением территорий бассейнов, связанных с ним в древности, - Балтийского и Беломорского.

Распространение волосовской культуры шло по смежным речным бассейнам в основном широтно, в южной подзоне широколиственных лесов, нигде не выходя в лесостепь. Очень существенным фактором этой зоны было обилие озер. Даже крайняя восточная точка этой миграции - бассейн р.Самары - тоже связана с лесным и озерным ландшафтом. Существенное различие между западной и восточной частями территории волосовской общности в том, что запад связан с заболочиваемыми озерами, а восточные группы осваивали большие речные долины со старичными озерами, хотя и здесь предпочитали старые заболочиваемые озера. Только весьма малочисленное население северной ветви освоило молодой озерный ландшафт, но и в нем были развиты процессы заболочивания.

Начало миграции совпадает с концом атлантического периода, отмеченным заметным похолоданием. В то же время на большинстве озер ясно выражено падение уровня, сменившееся подъемом, который продолжался на протяжении всего III тыс. до н.э. параллельно с иссушением некоторых озер и зарастанием их лесом. Собственно, этот подъем уровня озер - тоже проявление заболачивания, связанного с зарастанием стоков и с уменьшением количества осадков.

В связи с возникшей картиной обширной миграции возникает множество вопросов: почему началась миграция, какие части общности она захватывала, почему она была успешной и волосовцы вытеснили льяловцев, а затем ассимилировали оставшихся, как поддерживались интегрирующие связи на столь обширной территории? Ответы в настоящее время могут быть еще более гипотетическими, чем развернутое выше построение, и чтобы не уводить полемику в сторону, мы их здесь касаться не будем.

Объективно фиксируются моменты прекращения льяловской традиции на части территории этой культуры, появление новых комплексов, их сходство с культурой соседней территории, существование сходных комплексов на других территориях. Именно эти комплексы могут рассматриваться как "протоволосовские". Термин нехорош уже тем, что ориентирован на концепцию, и должен меняться в соответствии с авторской интерпретацией.

Есть ли необходимость в выделении особой "протоволосовской культуры"? Если рассматривать археологическую культуру как группировку комплексов, обладающих определенной степенью близости (инструментальный метод выделения культуры), то нужно принять эталон, от которого такая близость отсчитывается. Чистых комплексов немного - наиболее надежны нижний слой Маслово Болота 4 и некоторые стоянки Валдая. В остальных случаях они выделяются с разной степенью достоверности в смешанных слоях и памятниках. Территория распространения этих выделяемых комплексов включает Восточную Прибалтику, бассейн Даугавы, Валдай, Новгородскую область, Южное Прионежье и Приладожье, западную часть Волго-Окского междуречья, бассейн р. Костромы. Хронологически они укладываются в 1-ю четв. III тыс. до н.э. - достаточно короткий эпизод.

Правильнее было бы говорить о "протоволосовском этапе" - от момента отрыва мигрировавшей группы, сохранявшей все черты материнской культуры, до момента формирования нового облика культуры, узнаваемого по каким-либо четким критериям. Для волосовской культуры - это усвоение от нарвской культуры керамической технологии, но не все мигрировавшие группы усвоили ее, задержавшись на "протоволосовском" этапе (галичский вариант). Показательно количественное различие протоволосовской гребенчатой керамики в разных группах: очень немного - в Западной Мещере, умеренно - в Языкове и очень много - в Нерско-Нерльской группе, где она количественно ненамного уступает льяловской. За этим может стоять разная длительность сохранения черт материнской культуры в разных локальных группах и соответственно разная длительность "протоволосовского" этапа.

Тем не менее, описанное явление отражает реально протекающие этнические процессы: переселения групп или отдельных семей, установление и поддержание связей, интеграцию и ассимиляцию. Их отражение в формах распространения представлений о керамике, керамических технологиях (используются по возможности и иные наблюдения) позволяет переходить к выводам этногенетического характера.

К нач. III тыс. до н.э. льяловская культура (культура ямочно-гребенчатой керамики) и культура Валдайского озерного края представляли собой контрастные, легко различимые общности - не менее контрастные, чем льяловская и волго-камская. Кроме этих общностей в лесной зоне в это время достоверно выделяются только нарвская, сперрингс, верхнеднепровская и деснинская культуры.

Комплексы, появившиеся на территории некоторых локальных вариантов льяловской и нарвской культур, могут быть связаны с Валдаем. Интегрирующим фактором выступает миграция с него. В 1-ой пол. III тыс. до н.э. устанавливается волосовская общность, охватившая лесную зону от Прибалтики до Прикамья. В некоторых районах были ассимилированы группы, генетически восходящие к льяловской культуре, но ни они, ни тем более волго-камское население не высту-

пали интегрирующим фактором в формировании общности. Соответственно, ни зауральские связи прикамского неолита, ни монголоидные признаки населения льяловской культуры не говорят о сложении финно-угорской общности и уральского расового типа: в виде волосовской общности мы фиксируем лишь момент интеграции, не первой и не последней, охватывавшей в различной мере разные родственные этносы. Волосовскую общность мы имеем основания считать не более прафинской, чем вошедшие в нее нарвскую, льяловскую и волго-камскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
2. Брюсов А.Я. Проблемы происхождения культур каменного века севера Европейской части СССР // СА. 1968. N 4.
3. Цветкова И.К. Племена волосовской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. М., 1970. Вып. 44.
4. Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1982. N2.
5. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
6. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
7. Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III-II тыс. до н.э. А., 1990.
8. Третьяков В.П. В защиту единства волосовских древностей // СА. 1975. N 4.
9. Никитин А.Л. Существовала ли "волосовская культура"? // СА. 1974. N 2.
10. Халиков А.Х. Основные этапы ураго-индоевропейских связей в Среднем Поволжье и Приуралье // Uralo-Indogeranica. II. М., 1990.
11. Никитин В.В. Этнокультурные связи в эпоху неолита в лесной зоне Среднего Поволжья (к вопросу о носителях гребенчатой, ямочно-гребенчатой и накольчатой посуды) // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 20.
12. Никитин В.В. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3.
13. Казанцев Д.Е. К вопросу об этнической принадлежности племен волосовской культуры // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3.
14. Бадер О.Н. Древняя история Прикамья. М., 1963.
15. Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М., 1986.
16. Лузгин В.Е. Неолитические стоянки в долине р.Индиги // Археологические стоянки Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977.
17. Халиков А.Х. Волосовская проблема // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып.3.
18. Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып.3.
19. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
20. Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.
21. Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
22. Сидоров В.В. Стратиграфия стоянок и культурная стратиграфия Ю.Б.Цетлина // РА. 1995. N 4.
23. Раушенбах В.М. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы // Тр. ГИМ. М., 1953. Вып. XXII.
24. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Варос и Языково // Многослойные поселения Верхнего Поволжья. М., 1991.
25. Никитин А.Л. Неолитическое поселение Берендеево 1 // СА. 1961. N 3.
26. Раушенбах В.М. К вопросу о гамятниках с верхневолжской керамикой в бассейне р.Дубны // Тр. ГИМ. М., 1990. Вып.51.
27. Раушенбах В.М. Неолитические поселения у с.Заречье // Новые материалы по истории Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Тр.ГИМ. М.,1993. Вып. 60.
28. Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Тр.ГИМ. М.,1970. Вып. 44.
29. Цветкова И.К., Кравцов А.Е. Неолитические комплексы стоянки Владычино-Береговая // СА. 1982. N 2.
30. Цветкова И.К. Волосовская стоянка // Наследие В.А.Городцова и проблемы современной археологии. Тр.ГИМ. М., 1988. Вып. 68.
31. Сидоров В.В., Балинский И.М. Работы Московского отряда Окской экспедиции // АО-1975. М., 1976.
32. Сидоров В.В., Балинский И.М. Работы на Тростенском озере и Масловом болоте // АО-1973. М., 1974.
33. Смирнов А.С. Неолит верхней и средней Десны. М., 1991.
34. Крайнов Д.А., Уткин А.В. Многослойная стоянка Уница на озере Неро // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып. II.
35. Гурина Н.Н. Неолитическое поселение Еорань // МИА. 1960. N 79.
36. Гаврилова И.В. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. 1973. N 172.
37. Городцов В.А. Галичский клад и стоянка // Тр.СА РАНИОН. 1928. Т.III.

38. *Гаврилова И.В.* Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями //КСИА. 1980. Вып. 161.
39. *Сидоров В.В.* Стан 1 - стоянка и ритуальный комплекс // В данном сборнике.
40. *Зимица М.П.* Бассейн Мсты в неолитическую эпоху. М., 1981.
41. *Гурина Н.Н.* Валдайская культура // СА. 1959. N 5.
42. *Лозе И.А.* Памятники с гребенчато-ямочной керамикой в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
43. *Лозе И.А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
44. *Микляев А.М.* Неолитическое свайное поселение Усвяцкого озера // АСГЭ. 1971. Вып.13.
45. *Тюрина И.М.* Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья // МИА. 1973. N 172.
46. *Черных И.Н.* Мелкая кремневая пластика со стоянки Синяя Гора 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // В данном сборнике.
47. *Витенкова И.Ф.* Хронология поселений с гребенчато-ямочной керамикой // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V. V.Sidorov, A. V. Engovatova
THE PROTOVOLOSOVO STAGE ORE CULTURE?

Summary

Volosovo-Turbino unity was spread all over the forest zone. The origin of Finnish peoples is connected with their migrations from the East as usual. The discovery of the complexes, from which Volosovo culture originates, enables us to see the problem of Finnish origin and the essence of the Volosovo unity from a new angle.

The complexes with comb pottery came to Pribaltica and Volga-Oka region from Valday Hill. They assimilated the people of Narva culture and borrowed from them the pottery technology. The Valday groups at the Volga-Oka region forced out some Lyalovo groups and assimilated other. Some of the Valday groups reached Samara and Onega basin. The all forest zone was composed by migrants. The Protovolosovo stage was formed when the migrating groups were leaving the Valday-Msta culture. The transformation and assimilation of these groups within Volosovo culture was not simultaneous in different regions. Some of them preserved the protovolosovo features at the end of III mil. B.C. (Kostroma, Valday, Middle Volga). Volosovo unity shows one of the stages of the integration of the ancient Finnish unity.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, D. Ulyanov St.,
Moscow, 117036, Russia*

В. И. Тимофеев

К ПРОБЛЕМЕ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЕЙ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

В раннем-развитом неолите в Восточной Прибалтике существовали обширная нарвская культура [1], культура гребенчато-ямочной керамики [2;1;3]; часть Литвы была занята неманской культурой (большинство памятников ее расположено за пределами собственно Балтийского региона [4;5]); в Юго-Восточной Прибалтике известна также локальная культура памятников цедмарского типа [6]. Обсуждение юго-восточных (Верхневолжского направления) связей актуально, на наш взгляд, для проблематики культур нарвской и гребенчато-ямочной керамики.

В настоящее время в историографии нарвской проблемы преобладает широкое понимание нарвской культуры, предложенное Н.Н.Гуриной [1]. Отнесенные ею к этой культуре комплексы обладают устойчивым сочетанием ряда черт, отличающих их от материалов других неолитических культур, известных в пределах Балтийского региона и на смежных территориях. К числу основных признаков нарвских коллекций относятся, по нашему мнению, характерность для керамики раковинной и органической примесей, наличие сосудов двух форм (остродонный горшок и миска), орнаментация абсолютного большинства сосудов лишь по верхней части тулова, часто лишь близ края венчика, "ямчатый" орнамент (как правило, не менее 1/3 сосудов было украшено мелкими поверхностными ямчатыми вдавлениями). Каменные орудия на памятниках нарвской культуры обычно немногочисленны, каменную индустрию как бы замещает костяная-роговая (при определенных различиях костяной-роговой индустрии между западным и другими вариантами культуры). При наличии этих общих черт все более отчетливыми становятся также существование локальных признаков и определенные различия в хронологии компактных групп памятников разных частей обширного ареала культуры [7;8;9]. В определенной мере указанные возможности хронологических подразделений объясняются и тем, что радиоуглеродная хронология нарвской культуры разработана значительно лучше, чем других неолитических культур региона, позволяя выявлять хронологические отличия довольно сходных типологически комплексов. Скорее всего, после получения серийных дат по С-14 для локальных групп памятников неманской культуры и культуры гребенчато-ямочной керамики структура этих общностей будет выглядеть гораздо более динамично. Различное время существования нарвской культуры в разных частях ее ареала зависело от общей исторической ситуации, в частности, от характера взаимодействия с другими неолитическими общностями. В восточной части ареала нарвская культура исчезла или была ассимилирована пришлым населением культуры гребенчато-ямочной керамики, в западной части развитие этой культуры продолжалось более длительное время со слабо фиксируемыми типологически инновациями. Можно отметить также, что в последние годы появилась тенденция включения в состав нарвской культуры памятников, культурная атрибуция которых определена по нехарактерным, слабо выраженным в эталонных коллекциях элементам. Так, на наш взгляд, неправомерно выделение нарвской культуры на территории Польши, а также включение в ее состав памятников цедмарского типа [10;11], в коллекциях которых нарвские элементы занимают подчиненное положение.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Нарва I, III	+	+	+	+	+	+							
Кяэпа			+	+	+	+	+				+	+	+
Оса						+	+	+	+	+			
14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26													
Нарва I, III	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			
Кяэпа	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Оса			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39													
Нарва I, III	+	+	+	+	+	+		+			+		+
Кяэпа		+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	
Оса													
40 41 42 43 44 45 46 47 48 49													
Нарва I, III	+	+	+				+	+					
Кяэпа			+	+		+	+	+	+				
Оса			+	+	+			+	+	+			

Рис. 1. Мотивы орнамента сосудов южного (Оса) и северного (Кяэпа, Нарва I, III) вариантов нарвской культуры

										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Нарва 111.1	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Кяэпа	+	+	+	+	+		+	+	+	+
Оса	+	+		+	+	+	+	+		+

Рис. 2. Характерные типы костяных и роговых орудий южного (Оса) и северного (Кяэпа, Нарва I, III) вариантов нарвской культуры:

1-4 - наконечники стрел; 5, 6 - наконечники гарпунов и острог; 7, 8 - "роговые мотыги", одно- и двуконечные; 9 - тесла из продольно расколотых крупных трубчатых костей; 10 - орудия "с рабочим краем под углом 45 градусов"

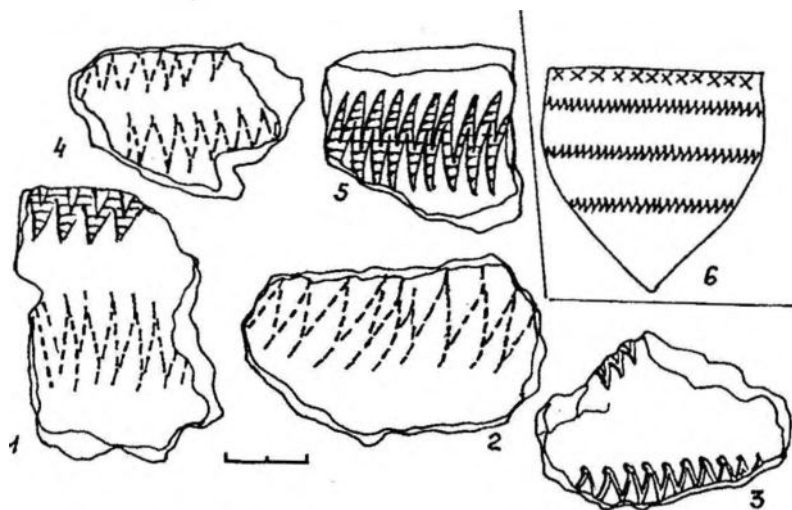

Рис. 3. Керамика северного варианта нарвской культуры:

1-5 - фрагменты стенок сосудов; 6 - реконструкция сосуда (по Л. Ю. Янитсу). 1, 6 - Кяэпа; 2, 3 - Нарва-Рийгикюля III; 4, 5 - Нарва-Рийгикюля I

Древнейшими в ряду материалов нарвской культуры являются комплексы южного локального варианта [7]. Эти материалы получены, прежде всего, исследованиями торфяниковых стоянок Оса и Звидзе в Лубанской низменности, произведенными Ф.А.Загорским и И.А.Лозе [12;13;14]. Керамике эталонного комплекса Оса, для хронологии которого наиболее важны даты С-14 6533 ± 120 , 6560 ± 440 л.н. (Ri-272, МГУ-1009) [14,с.101; 13,с.58] и палинологические определения конец АТ-1 и АТ-2 [13], наиболее близки материалы Ича и Двиете на юге Латвии [12], торфяниковых стоянок Осовец IV и Заценья на севере Белоруссии [15], а также, в определенной мере, находки из нижнего слоя Жемайтишке 3 на востоке Литвы [16]. Для керамических комплексов характерны фрагменты сосудов с простым прямым венчиком, утоншающим к краю; в орнаментике кроме ямчатых вдавлений заметное место занимают оттиски узкого гребенчатого штампа, располагающиеся, чаще всего, горизонтальными рядами близ края венчика, а также насечки, оттиски треугольного штампа ("тычки"). Материалы северной, более поздней группы раннеолитических нарвских памятников (эталонные коллекции Кязла [17;18], Нарва-Рийгикюля I,III [1]) близки по целому ряду признаков комплексам типа Оса (рис.2).

Определенные особенности присущи другому древнейшему памятнику нарвской культуры - Звидзе. Раскопками И.А.Лозе вскрыты здесь культурные слои от среднего мезолита до среднего неолита включительно [14]. Раннеолитические материалы, по данным И.А.Лозе, были связаны со слоями торфа, сапропеля и песка, для них получена значительная серия радиоуглеродных дат, причем основная часть их, 16 из 22 дат, относится к интервалу между 6535 и 6050 л.н. [14,с.101]. Технологически керамика Звидзе и Оса практически тождественны, близки и формы сосудов. Вместе с тем, для крупных горшков Звидзе характерен не только простой прямой венчик, утоншающийся к краю или равномерной толщины, но и профилированный, близкий S-видному. Для орнаментации сосудов особенно характерен своеобразный "точечный" орнамент в виде очень мелких, "точечных" накопов, образующих как горизонтальные или диагональные ряды, так и геометрического характера фигурки, включая треугольные, ромбические, крестовидные, а также горизонтальный и вертикальный зигзаг и "растительный" орнамент [14,с.51,рис.28]. Оттиски гребенчатого штампа, характерного для керамики типа Оса, в орнаментации Звидзе отсутствуют. Эти различия в орнаментации сосудов древнейших нарвских памятников не являются культуроразличающими для комплексов, чрезвычайно сходных по остальным признакам.

Узкий, относительно короткий гребенчатый штамп, характерный для орнаментации сосудов типа Оса, очень близок орнаментирам более южных культур лесной зоны - типа Струмель-Гастятин, днепро-донецкой, лисогубовской. Близки в целом ряде случаев и мотивы орнамента, сосредоточенного часто в верхней части тулова сосуда, а также формы крупных остродонных горшков. Можно отметить, что гребенчатая орнаментация сосудов раннеолитических культур других регионов лесной зоны, в частности, верхневолжской, стилистически отличается от южной, днепровской и ранней восточноприбалтийской. Керамика типа Оса имеет ряд признаков, общих с раннеолитической керамикой неманской культуры, выражающихся в сходном характере примесей в глиняном тесте, орнаментации узким гребенчатым штампом, насечками, накопами, в сходной профилировке древнейших сосудов. Существенно, что на территории между раннеманскими памятниками и эталонными стоянками ранней нарвской культуры на юго-востоке Латвии известны коллекции, сочетающие черты нарвские, неманские и характерные для более южных раннеолитических культур, - материалы, которые можно назвать комплексами типа Заценья [19;15]. Эти данные, скорее всего, свидетельствуют в пользу единого, южного происхождения древнейшей керамики нарвской и неманской культур.

При поиске аналогий некоторым специфическим особенностям керамики Звидзе следует отметить, что сосуды с профилировкой, близкой S-видной, находят ближайшие синхронные параллели в материалах памятника, расположенного на крайнем юго-востоке ареала культуры, - стоянки Рудня Сертейская, исследованной А.М.Микляевым в Смоленской области [20], а "точечно-накольчатый" орнамент, характерный для керамики Звидзе, по-видимому, из синхронных материалов ближе всего орнаментике раннеолитических комплексов верхневолжской культуры.

Определенные особенности в орнаментации керамики самых ранних памятников нарвской

культуры указывают, возможно, на сложность процесса ее формирования, участия в нем элементов различного происхождения, в том числе и связанных с влиянием ранне-неолитической культуры, занимавшей территорию к юго-востоку от Восточной Прибалтики.

Элементом, стоящим особняком в общей системе орнаментики нарвской керамики, является мотив "шагающей гребенки". Орнаментация "шагающей гребенкой" характерна только для памятников северного локального варианта (рис.1, 27-33). Оттиски в "шагающей" манере, так же, как и так называемая "гладкая качалка" (рис.1,30-31; рис.3,3), в отличие от "ямчатой" и гребенчатой орнаментации, наносились, как правило, на всю или большую часть тулова сосуда (рис.3,6). Абсолютное большинство фрагментов нарвской керамики, украшенных "шагающей гребенкой", в эталонных комплексах Кязпа (исследован Л.Ю.Янитсом [17,18]) и Нарва-Рийгикуля I,III (исследованы Н.Н.Гуриной [1]) представляют собой обломки стенок сосудов, в то время как фрагменты с ямчатым и гребенчатым орнаментом чаще всего принадлежат венчикам (подсчеты автора). В целом, с учетом этой особенности, в перечисленных коллекциях "шагающей гребенкой" и близкими штампами украшено 5-7% сосудов. В свое время В.П.Третьяков [21] выдвигал

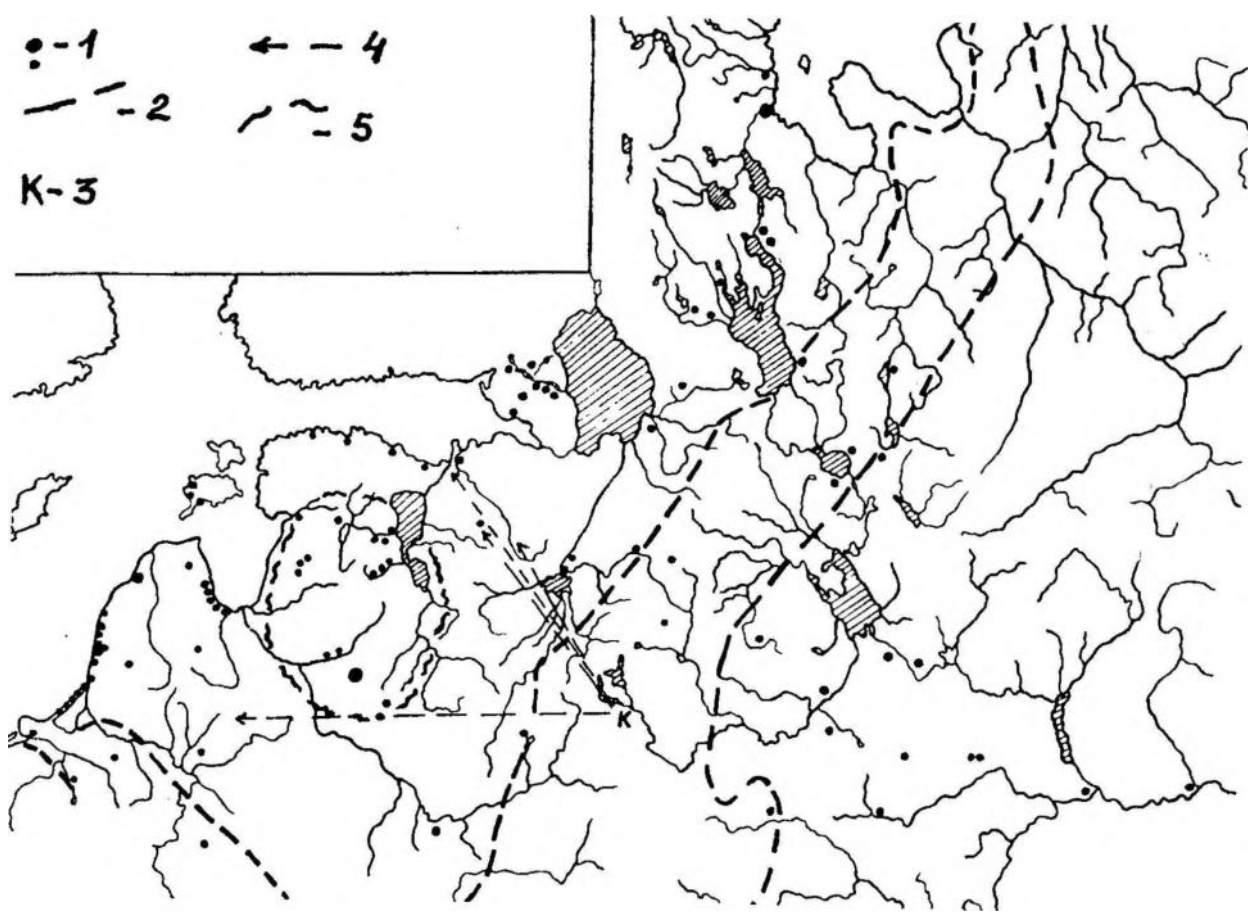

Рис. 4. Ситуация отношений обмена в развитом - позднем неолите Восточной Прибалтики:
 • - находки янтарных украшений (стоянки, группы стоянок. По И. А. Лозе с дополнениями автора. Территория Финляндии не картирована); 2 - границы распространения коренных месторождений кремня (по Г. М. Ковнурко); 3 - месторождение кремня на р. Селижаровке; 4 - установленное распространение кремня из Селижаровского месторождения (конец стрелки - расположение памятников с идентифицированными находками кремня); 5 - район с повышенным количеством остатков костей пушных зверей (от 15 до 30% общего количества фаунистических остатков) в фаунистических коллекциях памятников развитого - позднего неолита. По данным, опубликованным К. А. Паавером и др. авторами

гипотезу о восточном, уральском или волго-камском происхождении нарвской культуры, базируясь именно на наличии в коллекциях Нарва-Рийгикюля керамики с этим видом орнаментации. Сейчас очевидно, что северный вариант в рамках культуры является довольно поздним и относится ко второй половине или концу раннего неолита [7 и др.]. В то же время, остается вопрос о происхождении орнаментации "шагающей гребенкой" в контексте нарвской культуры. Можно отметить, что территориально и типологически наиболее близкие параллели нарвской "шагающей гребенке" дают фрагменты сосудов, представленных в небольшом количестве на неолитических памятниках бассейна Мсты [22, табл.14, 14-16,21], а также, возможно, отдельные сосуды верхневолжской культуры [23,рис.2-15]. Не исключено, что этот элемент орнаментации появился в материалах нарвской культуры в результате контактов ее носителей с населением, живущим к юго-востоку от ареала нарвской культуры.

Развитой (средний) неолит на большей части Восточной Прибалтики начался с распространения на территории, ранее занятой нарвской культурой, населения культуры гребенчато-ямочной керамики. Памятники этой культуры заняли весь ареал северного и большую часть территории южного локального вариантов, вплоть до правобережья р.Даугавы (Западной Двины) в ее нижнем-среднем течении. Далее на запад известны относительно немногочисленные памятники с гребенчато-ямочной керамикой, связанные в основном с прибрежной зоной Балтики [24,рис.3, карта 2]. Культура гребенчато-ямочной керамики здесь как бы огибала территорию, занятую и в развитом неолите населением нарвской культуры. В рамках культуры гребенчато-ямочной керамики сформировался и своеобразный гибридный тип сосудов (тип Пиестиня) как результат взаимодействия пришлого компонента и местного субстрата [12]. Относительно большое количество кремневых изделий, отмеченное во многих комплексах культуры гребенчато-ямочной керамики в Восточной Прибалтике, свидетельствует, очевидно, о развитом обмене, о связях с населением территорий, богатых кремневым сырьем. Высказывалось предположение [1,с.196], основывающееся, в частности, на находках кремня специфического фиолетового цвета, о происхождении кремня культуры гребенчато-ямочной керамики из региона верховьев Волги. Специальное геохимическое исследование образцов кремня из коренных верхневолжских месторождений и некоторых памятников Восточной Прибалтики подтвердило происхождение, по крайней мере, части кремневого сырья прибалтийских стоянок из бассейна Верхней Волги, причем особое значение имели мощные выходы кремня на р.Селижаровке в Осташковском районе Тверской области [25].

Начиная с развитого (среднего) неолита в Восточной Прибалтике и смежных регионах сформировалась, на наш взгляд, система отношений обмена, имеющая основой особенности набора доступных сырьевых ресурсов разных территорий (рис.4). Из Прибалтики на восток поступал янтарь, с северо-востока - сланец, с юго-востока - кремль. Большое количество янтарных изделий восточноприбалтийских типов появляется в Карелии (Запавруга), современной Вологодской области (Каргулино, Тудозеро), Приильменье (Кончанское,Репище) и на памятниках волосовской культуры Центральной России в период бытования в Восточной Прибалтике гребенчато-ямочной керамики и керамики типа Пиестиня [26], сопровождаясь, во многих случаях, керамикой с органической (или органической и раковинной) примесью в тесте, бытовавшей в это время в комплексах ряда культур лесной зоны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. 1967. N 144.
2. *Europeus-Aurora* A. Die relative chronologie der Steinzeitlichen keramik in Finland // Acta Archaeologica. København, 1930. N 1.
3. Лозе И.А. Памятники гребенчато-ямочной керамики в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
4. Римапене Р.К. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве // Древности Белоруссии. Минск, 1966.
5. Чарняўскі М.М. Неоліт Беларускага Панямоння. Минск, 1979.
6. *Timofeev V.I.* Neolithic sites of the Zedmar Type in the Southeast Baltic Area // Regions and Reflections. In Honour of Marta Stromberg. Lund, 1991.

7. Тимофеев В.И. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // КСИА. 1975. Вып. 141.
8. Тимофеев В.И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
9. Лозе И.А. Нарвская культура и ее роль в этногенезе народов Восточной Прибалтики // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.
10. Borowik-Dabrowska M., Kempisty E. Czy istniala tzw.kultura Zedmar - Serovo // Archeologia Polski. 1981. N 26.
11. Kukawka S. Kultura pucharow lejkowatych na ziemi chelminskiej, Torun, 1991.
12. Загорский Ф.А. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.
13. Загорский Ф.А., Эберхардс Г.Я., Степле В.Я., Якубовская И.Я. Оса - многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
14. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
15. Чернявский М.М. Хронологические рамки неолита Северо-Западной Белоруссии // КСИА. 1978. Вып. 153.
16. Girininkas A. Narvos kulturos raida // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1985. N 4.
17. Jaanits L. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland // Finskt Museum. Helsingki, 1965. N 72.
18. Jaanits L. Die Fruhneolithische Kultur in Estland // Congressus secundus internationalis Fennó-Ugristarum. Helsingki, 1968.
19. Телегин Д.Я. О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии // СА. 1971. N 2.
20. Dolukhanov P.M., Mikljaev A.M., Mazurkiewicz A.N. Rudniya-Serteya a stratified dwelling-site in the Upper Duna basin // Fennoscandia Archaeologica. Helsingki, 1989. N VI.
21. Третьяков В.П. К вопросу о керамике нарвского типа // Сборник докладов VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л., 1964.
22. Зимина М.П. Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981.
23. Костылева Е.А. Ранне-неолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. N 4.
24. Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.
25. Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. СПб., 1993. N 2.
26. Лозе И.А. Вопросы картографирования находок янтаря эпохи неолита на Европейской части СССР // Известия АН Латвийской ССР. Рига, 1980. N 9 (398).

**Институт истории материальной культуры РАН,
С.-Петербург**

**V. I. Timofeev
ON THE SOUTH-EASTERN CONTACTS
OF THE EAST BALTIC NEOLITHIC**

Summary

The article examines the south-eastern contacts (Upper Volga direction) of the Narva and Baltic Neolithic pit-comb cultures. These cultures' ceramic and stone inventory along with its local variants and chronology is being surveyed. The article notes certain similarities in the decorations of the Narva and the Upper Volga Early Neolithic ceramics ("point-stroke" ornament) and the Msta basin Neolithic ceramics (the "walking comb"). These similarities show that there had been contacts between the East Baltic population and their south-eastern neighbours starting from the Early Neolithic period. The Middle Neolithic pit-comb ware culture of the East Baltic area is characterized by the well developed exchange of goods and materials and growing contacts with the population of the territories rich in flint. These contacts are also peculiar for the newly-founded communities with the "Piestinya" - type vessel - a mix of the local population and the newcomers. The geochemical examination of the flint samples showed that at least some of the flint found on the Baltic sites had its origin in the Upper Volga basin (the Selizharovka river, Tver region). The Baltic amber "imported" to the area, occupied now by the Karelia, Vologda and Ilemyen region, and the Central Russia, was also an important element of trade and exchange between the peoples there.

*Institute of Material
Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Palace Emb.,
St. Petersburg, 191065,
Russia*

К.Э. Герман

КУЛЬТУРА СПЕРРИНГС НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Культура сперрингс была впервые выделена на территории Карелии Н.Н.Гуриной в ходе работ на северном побережье Онежского озера [1;2]. Она же подробно охарактеризовала керамику сперрингс, выделила основные элементы орнамента: отступающую поперечку (т.е. сплошные или уступчивые линии); оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку; неглубокие, часто поставленные оттиски своеобразного штампа, ряды которых создают иллюзию отпечатков "плетеной тесьмы", и отпечатки штампа, похожие на римские цифры I и II; двоянный угловой штамп, создающий иллюзию колючей проволоки [2,с.50].

Основываясь на схеме периодизации и хронологии каменного века Финляндии, разработанной А.Европеусом [3,с.165-200], и высотном расположении памятников с керамикой сперрингс на северном побережье Онежского озера, Н.Н.Гурина определила культуру сперрингс как самую раннюю в неолите Карелии.

В 1960-70-е гг. изучение культуры сперрингс занимались Ю.В.Титов и Г.А.Панкрушев. Ю.В.Титов в своей кандидатской диссертации и в ряде статей дал ее подробную характеристику, основываясь на керамическом материале, наметил локальные отличия в орнаментации керамики по районам и разделил ее на раннюю и развитую [4-7].

Г.А.Панкрушев дал более дробную классификацию элементов орнамента и орнаментальных композиций керамики сперрингс, охарактеризовал орудийный комплекс и, основываясь на разработанной им самим шкале абсолютных датировок памятников по их высотному расположению, выдвинул свою схему развития культуры сперрингс [8;9].

После выхода этих работ долгое время никто не занимался проблемами культуры сперрингс. Видимо, препятствием к этому служили недостаточный объем раскопочных работ, отсутствие жилищ на поселениях и радиоуглеродных дат с чистых комплексов культуры сперрингс. Поэтому обобщающие статьи П.Э.Песонен, вышедшие в конце 1980-х гг., лишь повторили выводы, сделанные в старых работах [10,с.40-50; 11,с.65-85].

К настоящему времени на территории Карелии известно 157 памятников, имеющих в своих комплексах керамику сперрингс, только 27 из них представляют относительно чистые комплексы (рис.1). Учитывая, что за пределами республики также открыто много памятников с данной керамикой, можно наметить границы ее распространения. На западе крайним пунктом являются Аландские острова, расположенные у западного побережья Финляндии [12,с.5-52]; на севере - южная часть Кольского полуострова, Кандалакшский залив [13,с.37-79], на востоке - Архангельская область [14,с.120-131], на юге - Ленинградская и Вологодская области. Основной территорией расположения памятников культуры сперрингс в Карелии является бассейн Онежского озера. Здесь их сосредоточено более половины. Сходная картина наблюдается в Финляндии, где основная часть поселений находится на древних береговых террасах Балтийского моря. По мнению финских

археологов, носители культуры сперрингс в основном занимались рыболовством, вели подвижный образ жизни и передвигались по воде на достаточно большие расстояния (например, Аланды), но не пересекали Балтийское море, так как на территории Эстонии и Швеции поселений с керамикой сперрингс не найдено.

Впервые хронологические рамки культуры сперрингс были определены Ю.В.Титовым на основании схемы периодизации керамики - сер.IV - сер.III тыс. до н.э. [7,с.50].

Г.А.Панкрушев, основываясь на разработанной им шкале датировок по высотным данным памятников на побережье Онежского озера, определил время существования культуры сперрингс нач.IV - сер.III тыс. до н.э. Надо отметить, что при построении своей шкалы датировок этот исследователь исходил из постулата о постепенном равномерно-замедленном поднятии берегов Онежского озера, однако, в работах геолога Э.И.Девятовой [15-17] опровергается это мнение и указывается, что на разных отрезках береговой линии поднятие шло разными темпами и сопровождалось значительным количеством регрессивных процессов. Этим объясняется совместное залегание на некоторых памятниках ранне-неолитической керамики сперрингс и энеолитической ромбоямочной керамики.

В 1970-х гг. произошло изменение хронологической схемы неолита Финляндии. Ранняя гребенчатая керамика, сопутствующая керамике сперрингс, получила наименование стиль 1:1, а сперрингс - стиль 1:2. Это объяснялось тем, что первый тип керамики численно превышал второй на поселениях [18]. Новая датировка существования культуры сперрингс 4200 - 3300 л. до н.э. [19,с.26].

В 1980-е гг. с поселений культуры сперрингс в Карелии были получены одиночные радиоуглеродные даты, которые удрежняли верхнюю границу ее существования - Пегрема IX - 6500 ± 90 , Шеттима I - 6400 ± 150 , Шелтозеро XI - 6480 ± 70 , 5960 ± 70 л.н.(нижний слой) - до сер. V тыс. до н.э. Однако при привлечении геологических материалов по различным районам побережья Онежского озера выясняется, что нижняя часть атлантической террасы, на которой располагаются поселения культуры сперрингс, вышла из - под уреза воды и стала пригодной для проживания 6,4 - 6,2 тыс.л.н., поэтому вероятнее определить время возникновения культуры сперрингс кон.V тыс. до н.э. Финальный этап, как в общем-то и начальный, изучен слабо. В настоящее время есть лишь одна дата по C-14 с поселения Пегрема II - 5070 ± 120 л.н., которую связывают с финалом культуры сперрингс.

По вопросу о происхождении культуры сперрингс нет единого мнения. Н.Н.Гурина предполагала, что она возникла в среде культур Прикамья, Зауралья и Приуралья [2,с.62-63], Г.А.Панкрушев считает, что ранняя керамика сперрингс, украшенная прочерченным и веревочным орнаментом, была заимствована из области днепро-донецкой культуры [9,с.40], финские исследователи полагают, что она имеет южное происхождение [12,с.50; 19, с.26; 20,с.31-32]. Большинство карельских археологов считает культуру сперрингс автохтонной, то есть возникшей на основе местной мезолитической культуры суомусъярви, общей для Карелии и Финляндии [7,с.50; 11,с.84; 21,с.10-33; 22,с.115]. Однако в одной из своих последних статей В.Ф.Филатова утверждает, что финал мезолитической культуры "слабо изучен" [23,с.39]. Кроме того, нет дат по C-14, которые могли бы быть отнесены к позднему мезолиту, и поэтому вопрос о возникновении культуры сперрингс на основе местного мезолита остается нерешенным.

Разделение керамики сперрингс на раннюю и развитую, сделанное Ю.В.Титовым в начале 1970-х гг., сохраняется до настоящего времени из-за отсутствия новых данных. Все исследователи, которые затрагивали эту тему, лишь подводили под эту периодизацию вновь открываемые памятники. Остается нерасчлененным каменный инвентарь, но так как он сравнительно немногочислен, найден в основном в смешанных комплексах, представлен недатирующими артефактами, то соотнесение его с этапами развития культуры сперрингс затруднительно.

Ранняя керамика сперрингс представлена большими остродонными сосудами диаметром до 30-40 см с толщиной стенок 1,2-1,5 см. Тесто грубое, с большой примесью дресвы, обжиг чаще плохой или средний. Венчики прямые, одинаковой толщины со стенками и без орнамента. Орнаментальные узоры разнообразны, но без дополнительных элементов. По основному узору иногда расставлены круглоконические ямки в строчку (рис.2,1-12).

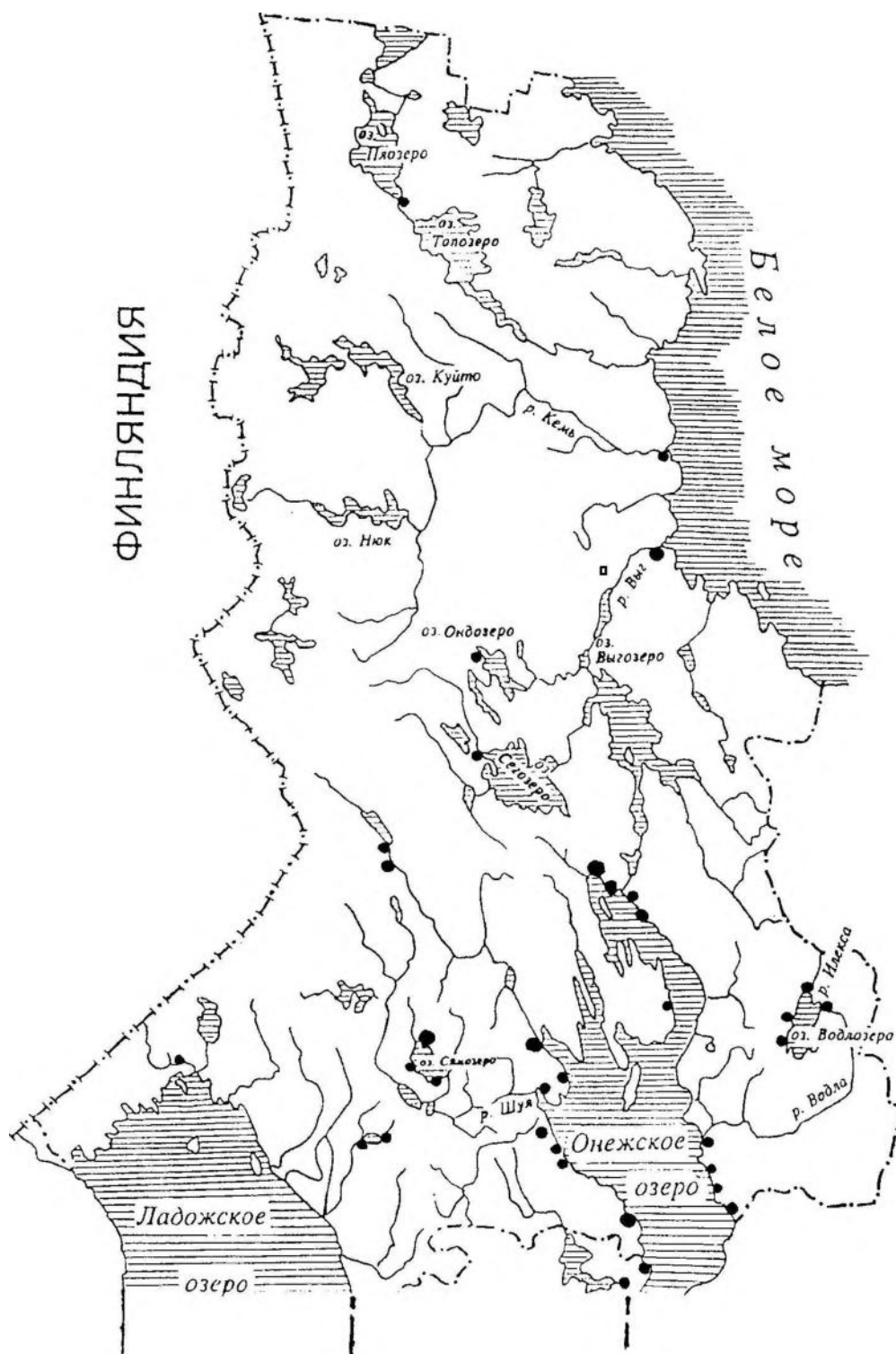

Рис. 1. Поселения с керамикой Сперрингс на территории Карелии

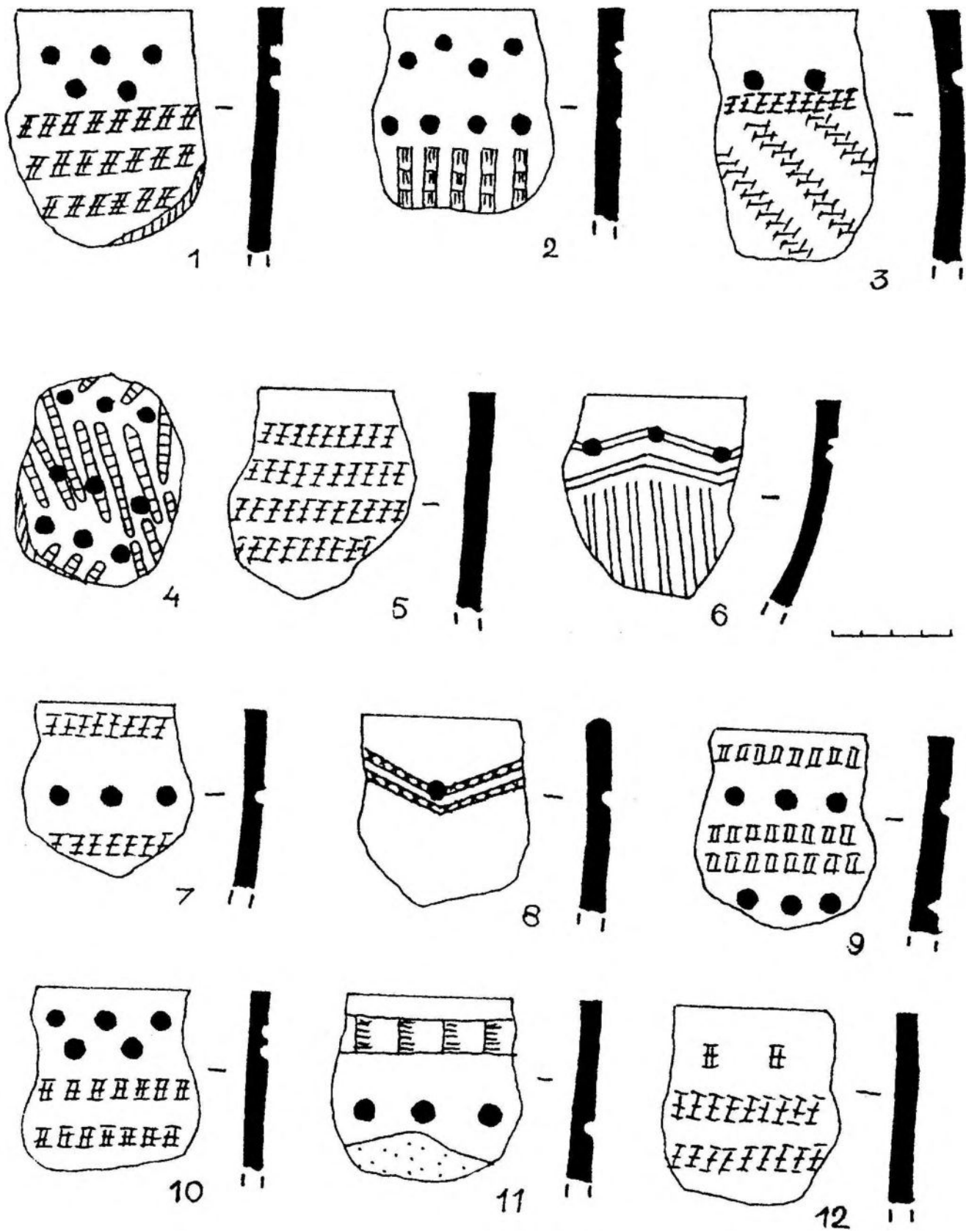

Рис. 2. Керамика сперрингс ранняя:
 1-5, 11-12 - Сулгу II; 6-10 - Кочнавопок I

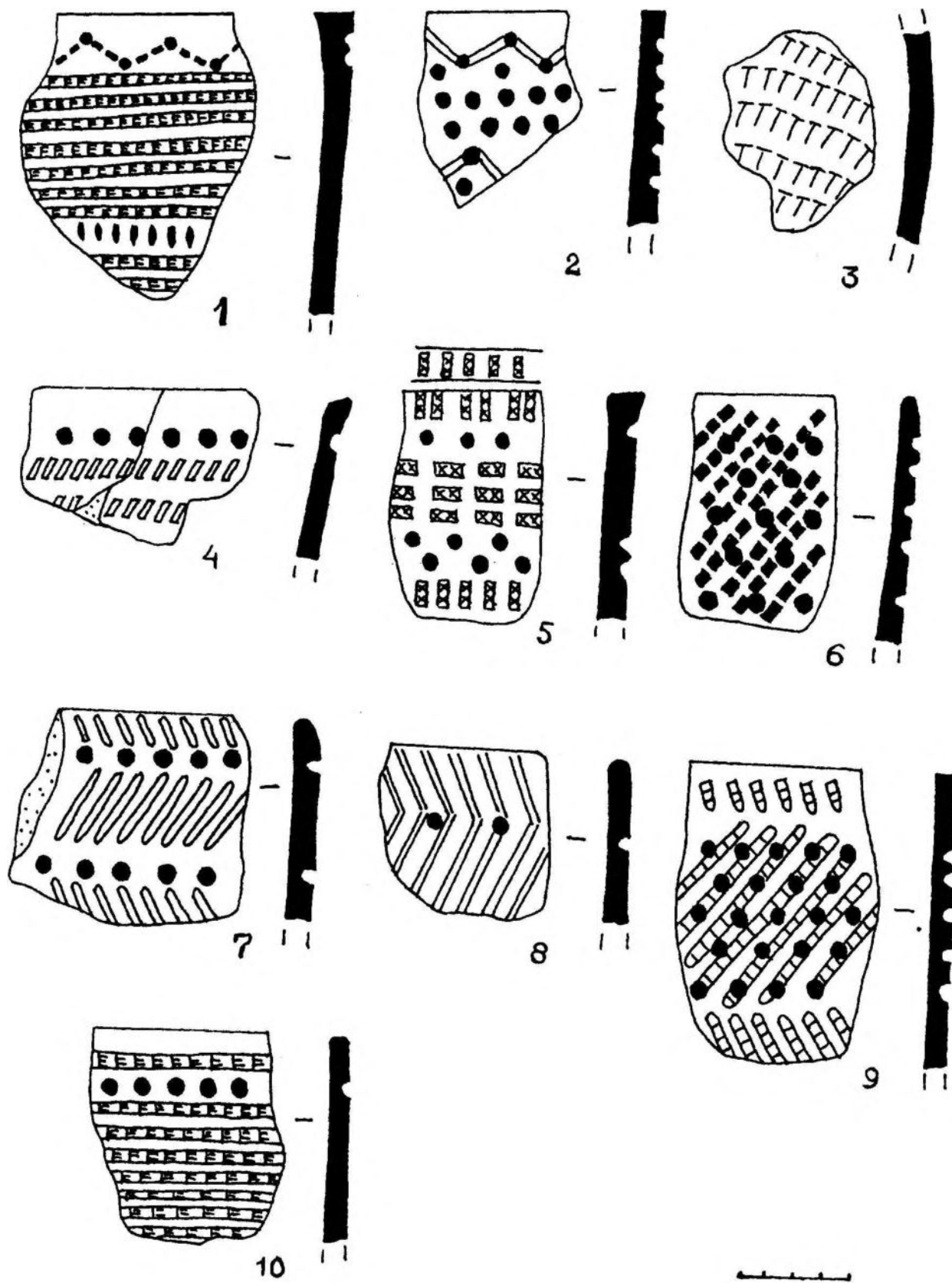

Рис. 3. Керамика сперрингс развитая:

1 - Войнаволоок XXVIII; 2, 7 - Березово X; 3 - Уя III; 4 - Пиндуши III; 5, 6 - Пиндуши II; 8, 10 - Шелтозеро VIII;
9 - Пиндуши 1а

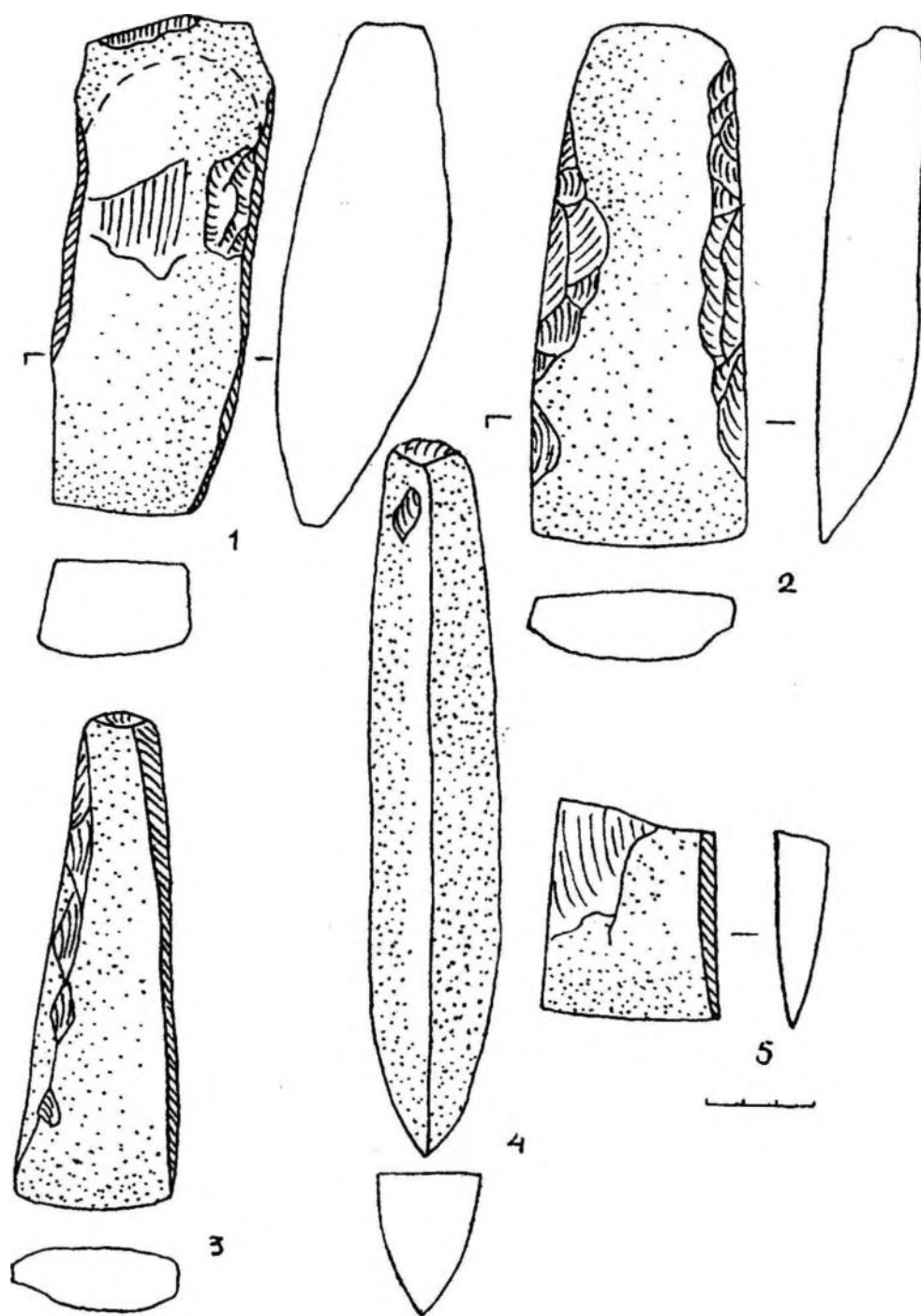

Рис. 4. Сланцевые орудия:
 1-3 - топоры (Уя III); 4 - кирка (Шелтозеро VII);
 5 - стамеска (Уя VII)

Развитая керамика сперрингс представлена средними круглодонными и остродонными сосудами диаметром до 20-30 см с толщиной стенок 0,5-0,8 см. Встречаются и миниатюрные неорнаментированные сосудики диаметром 10-20 см. Тесто с небольшой примесью дресвы, хорошего обжига. Венчики прямые, но встречаются отогнутые внутрь и наружу, орнаментированные сверху. Появляется узор из чередования зон ямок с другими элементами орнамента, много дополнительных элементов: ямок различной формы, разнообразных штампов (рис. 3,1-10).

Среди каменных артефактов практически отсутствуют наконечники стрел. Видимо, это связано с тем, что они изготавливались из кости, а кость в почвах Карелии не сохраняется. Характерной чертой являются большое количество рубящих орудий и отходов из сланца, много кварцевых орудий, в основном скребков. Характерны для культуры сперрингс кирки одноконечные, двухконечные и киркообразные орудия, сланцевые кольца (рис. 4,1-3).

Предметы культа и украшения на памятниках не найдены, кроме сланцевых подвесок. В связи с культурой сперрингс необходимо упомянуть керамику, которая в Карелии называется ранняя гребенчатая, а также керамику Сярайсьниemi I. Исследователи считают ту и другую подтипами керамики сперрингс и связывают их возникновение со вторым ее этапом [24, с.40; 25, с.54; 11, с.81]. Основанием для этого вывода послужило сходство в форме сосудов и венчиков, а также то, что эти типы керамики не выделяются в культурном слое.

Однако в настоящее время на территории Северной Карелии и Кольского полуострова известны поселения только с керамикой типа Сярайсьниemi I, что предполагает ее самостоятельное положение по отношению к керамике сперрингс. В Финляндии исследователями выделяется северная культура Сярайсьниemi I, синхронная культуре сперрингс, существовавшая до возникновения типичной гребенчатой керамики (стиль II:i). Видимо, надо с этим согласиться, так как керамика сперрингс, кроме поселения Нива XII [13, с.42-43], вообще не найдена на Кольском полуострове, а на севере Карелии известны лишь три памятника в низовьях реки Выг с этой керамикой [24, с.23-40].

Уже на раннем этапе своего развития в кон.V - нач.IV тыс. до н.э. носители культуры сперрингс вступают в контакты с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, что выразилось в большом применении ямочного элемента и в появлении зональности в орнаменте [26, с.99]. Наиболее значительными воздействия были на восточном побережье Онежского озера, где керамика сперрингс сильно изменена под влиянием ямочно-гребенчатой.

Финал культуры сперрингс практически не изучен, и по общему мнению исследователей, она исчезает с нач.III тыс. до н.э., уступая место культуре с ямочно-гребенчатой керамикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н.Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. 1951. N 20.
2. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. // МИА. 1961. N 87.
3. Äugård A. Die relative chronologie der Steinzeitlichen keramik in Finland // Acta Archaeologica. Copenhagen, 1930. I.
4. Титов Ю.В. Об орнаменте керамики типа сперрингс // СА. 1970. N 1.
5. Титов Ю.В. Ранне-неолитическая культура Сперрингс Карелии и Финляндии // КСИА. 1971. Вып. 126.
6. Титов Ю.В. Керамика древних поселений Карелии как исторический источник: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1971.
7. Титов Ю.В. О культуре Сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
8. Панкрушев Г.А. Неолитические стоянки с керамикой типа сперрингс в Карелии и Финляндии // Скандинавский сборник. Таллин, 1967. Вып. 12.
9. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч.2. Л., 1978.
10. Песонен П.Э. Поселения культуры сперрингс // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
11. Песонен П.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
12. Äugård A. Den yngre stenalderns kronologie i Finland och Sverige // FM. 1956. 52.

13. *Песонен П.Э.* Неолитические гмятники Кандагашского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
14. *Козырева Р.В.* Стоянка Ильинский остров в Архангельской области // КСИА. 1971. Вып. 186.
15. *Девятова Э.И.* Палеогеография стоянок Шелтозера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
16. *Девятова Э.И.* Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986.
17. *Девятова Э.И., Лобанова Н.В., Филатова В.Ф.* Палеогеография археологических памятников группы Пиндуш и Муромское. Петрозаводск, 1987.
18. *Мейнандер К.Ф.* Финны часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
19. *Huurre M.* 9000 vuotta Suomen esihistoria. Helsinki, 1979.
20. *Kivikoski E.* Suomen esihistoria. Т.1. Helsinki, 1961.
21. *Филатова В.Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических // Археологические исследования в Карелии. А., 1972.
22. *Косменко М.Г.* Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
23. *Филатова В.Ф.* Мезолитические памятники Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
24. *Савватеев Ю.А.* Запавруга. Ч. II. А., 1977.
25. *Панкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч.1. А., 1978.
26. *Лобанова Н.В.* Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-ребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.

***НПЦ по охране и использованию
памятников истории и культуры
МК Республики Карелия,
Петрозаводск***

K. E. Herman THE SPERRINGS CULTURE AT THE TERRITORY OF KARELIA

Summary

The article summarizes the previous research work in the Sperrings culture which existed at the territory of Karelia. As it is generally acknowledged, this culture emerged on the local Late-mesolithic basis, although there is little proof to this fact. The chronological borders of the Sperrings culture are dated by researches on the basis of single radio-carbon dates as the middle of the fifth - the beginning of the third millenium B.C. The initial and final stages of this culture are studied rather poorly, which makes it impossible to give a clear outline of its development in time and space. At the turn of the fifth millenium B.C. the Sperrings culture tribes came into contact with Pit-comb culture men, to be assimilated by the latter in the beginning of the third millenium B.C., as most of researchers assert.

***The Research-Industrial Centre
for Protection and Use of Monuments
of History and Culture,
The Ministry of Culture, Republic of Karelia
12, M.Slobodskaya St., Petrozavodsk, 185620,
Republic of Karelia, Russian Federation***

Н. В. Лобанова
КАРЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА
ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ
НЕОЛИТА
(некоторые итоги изучения)

Памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории Карелии относятся в настоящее время к числу наиболее полно изученных в лесной зоне Европейской России. Исследования их планомерно ведутся с конца 1920-х гг. и связаны с именами А.Я.Брюсова, Н.Н.Гуриной, Б.Ф.Землякова, Г.А.Панкрушева, Ю.А.Савватеева и др. Памятники этой культуры весьма многочисленны (свыше 200), раскапывалось (на площади не менее 36 кв.м) около одной трети из них. К сожалению, основная часть археологических материалов еще не опубликована. Большинство поселений с ямочно-гребенчатой керамикой (точнее назвать этот орнамент ямочным, т.к. в нем доминируют именно ямки или даже употребляются только они на всех этапах развития культуры) сосредоточено в бассейне Онежского озера (рис.1). В соответствии с топографическими условиями их размещения и степенью изученности выделено 5 локальных групп. Все эти группы памятников не следует рассматривать как нечто однородное в культурном отношении. Так, Восточная Карелия в эпоху неолита испытывала заметное влияние со стороны каргопольской культуры, Западная Карелия – со стороны культуры сперрингс, что проявлялось в орнаментации керамики. Проблема контактов, связей, взаимодействий носителей различных культур по существу не разработана. Однако даже на уже имеющихся материалах можно сделать вывод, что инोकультурные влияния фиксируются на развитом и позднем этапах неолита Карелии [1,с.55-60; 2,с.65-85].

Памятники с ямочной керамикой в большинстве случаев занимают сухие песчаные участки озерных или речных террас. Были заселены многие острова на Онежском озере и других озерах. Отмечены случаи существования на островах сезонных стоянок достаточно длительного характера (Северный Олений Остров, Усть-Водла III, Бесовы Следки II). Закономерности размещения поселений следующие: на северных берегах Онежского озера они занимают террасы высотой от 6 до 13 м над современным урезом воды, удалены от него от нескольких сотен метров до нескольких километров. На восточном и западном берегах Онежского озера, в бассейне Сязозера и ряде других мест памятники находятся на небольшом удалении от современного берега или на самом берегу. Поселения южного побережья в основном размыты, затоплены (Андома, Вознесенье, устье Вытегры) или погребены под дюнами (Тудозеро). Иногда неолитический человек в силу различных причин селился и на явно неудобных местах – на морене, почти обнаженной скале, на высоком и крутом берегу.

Известна только одна торфяниковая стоянка, предварительные сведения о которой были опубликованы в 1940-е гг. [3,с.54-58], Рышкола в Олонецком районе. Недавнее обследование показало достаточно хорошую сохранность памятника и пригодность его для раскопок.

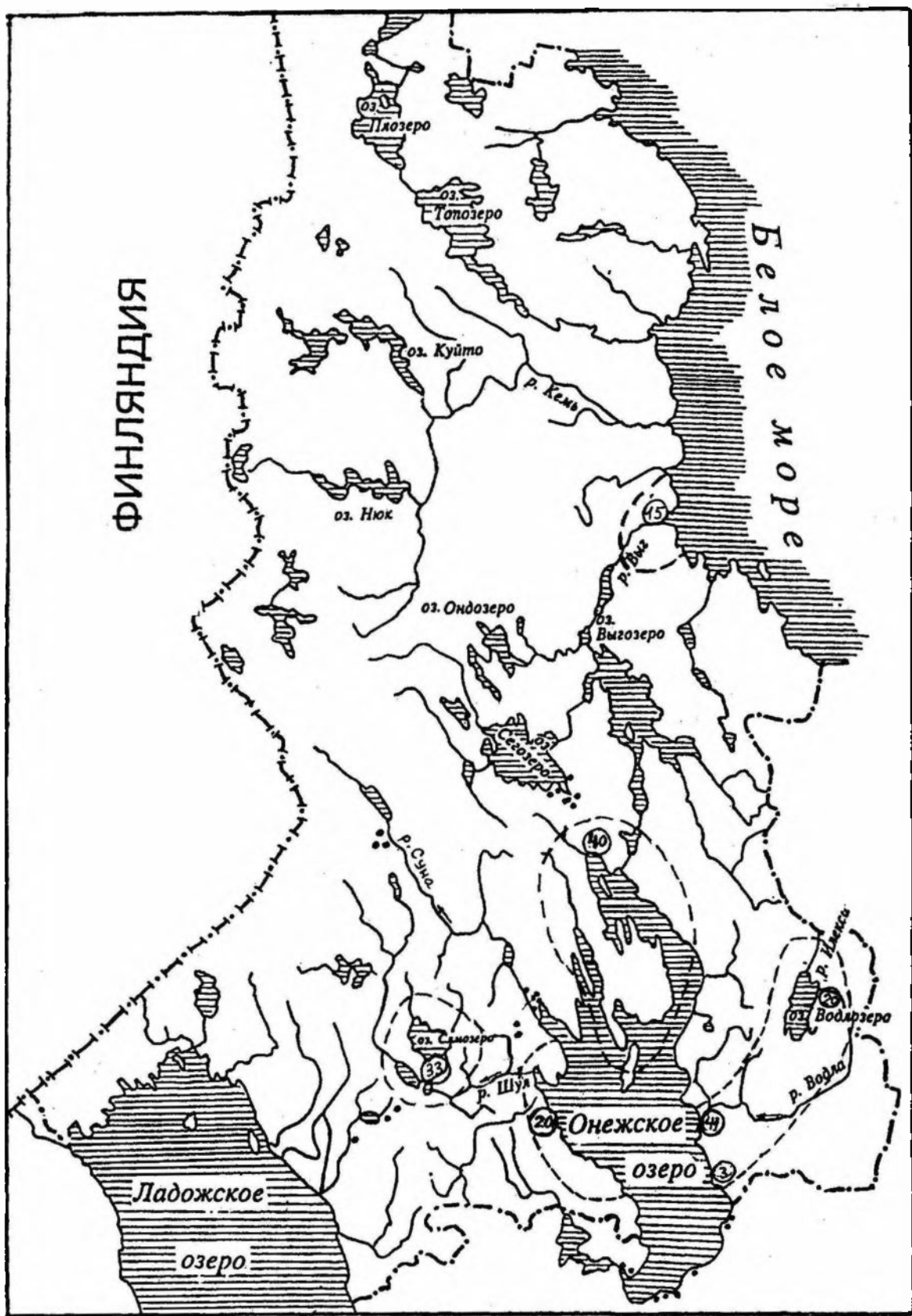

Рис. 1. Неолитические памятники с ямочной керамикой в Карелии: ○ - границы локальных районов; (15) - число памятников; ● - отдельные стоянки

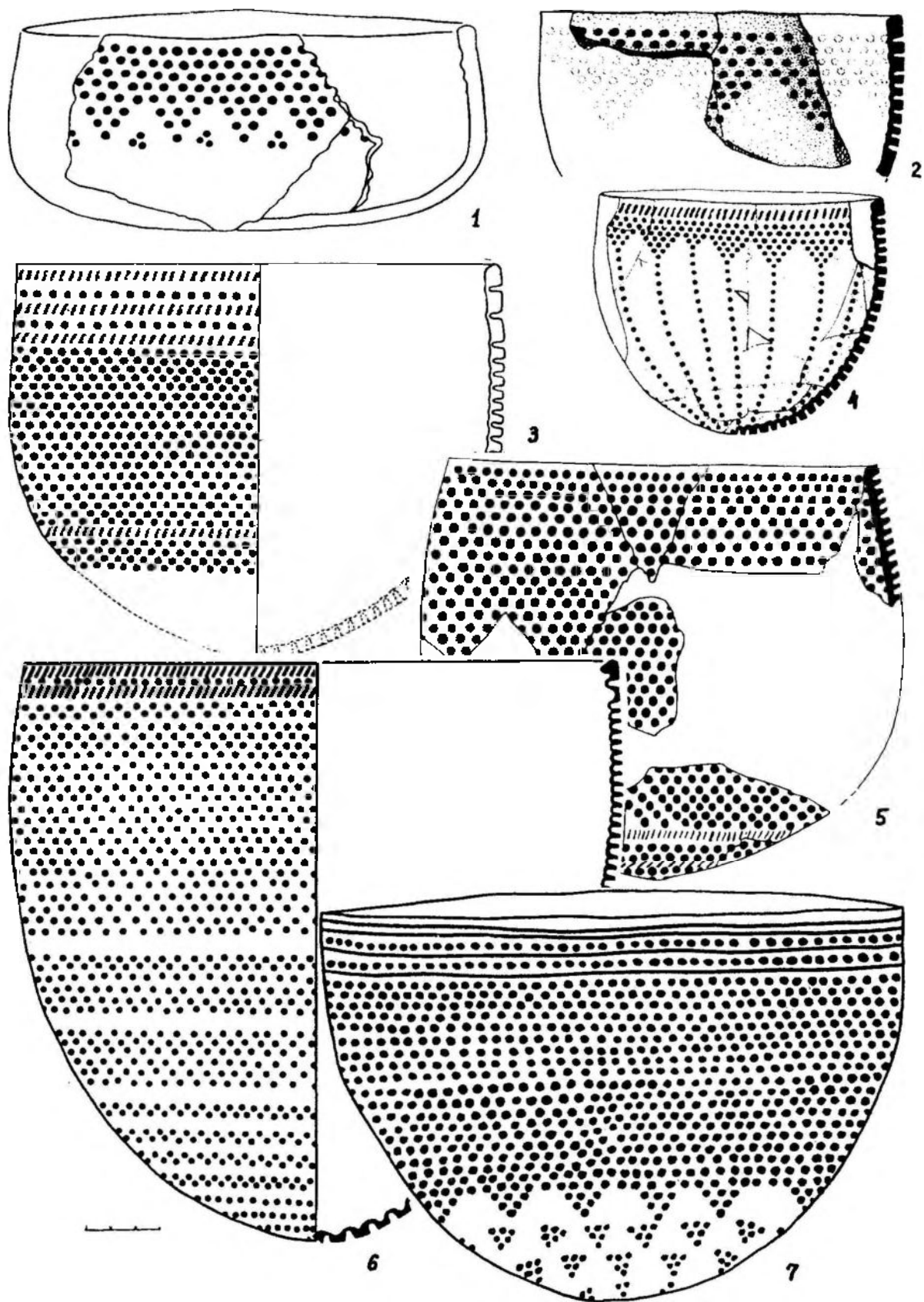

Рис. 2. Керамика раннего этапа неолита:
 1-4, 6 - Черная Речка I; 5- Черная речка II-а; 7 - Черная речка II

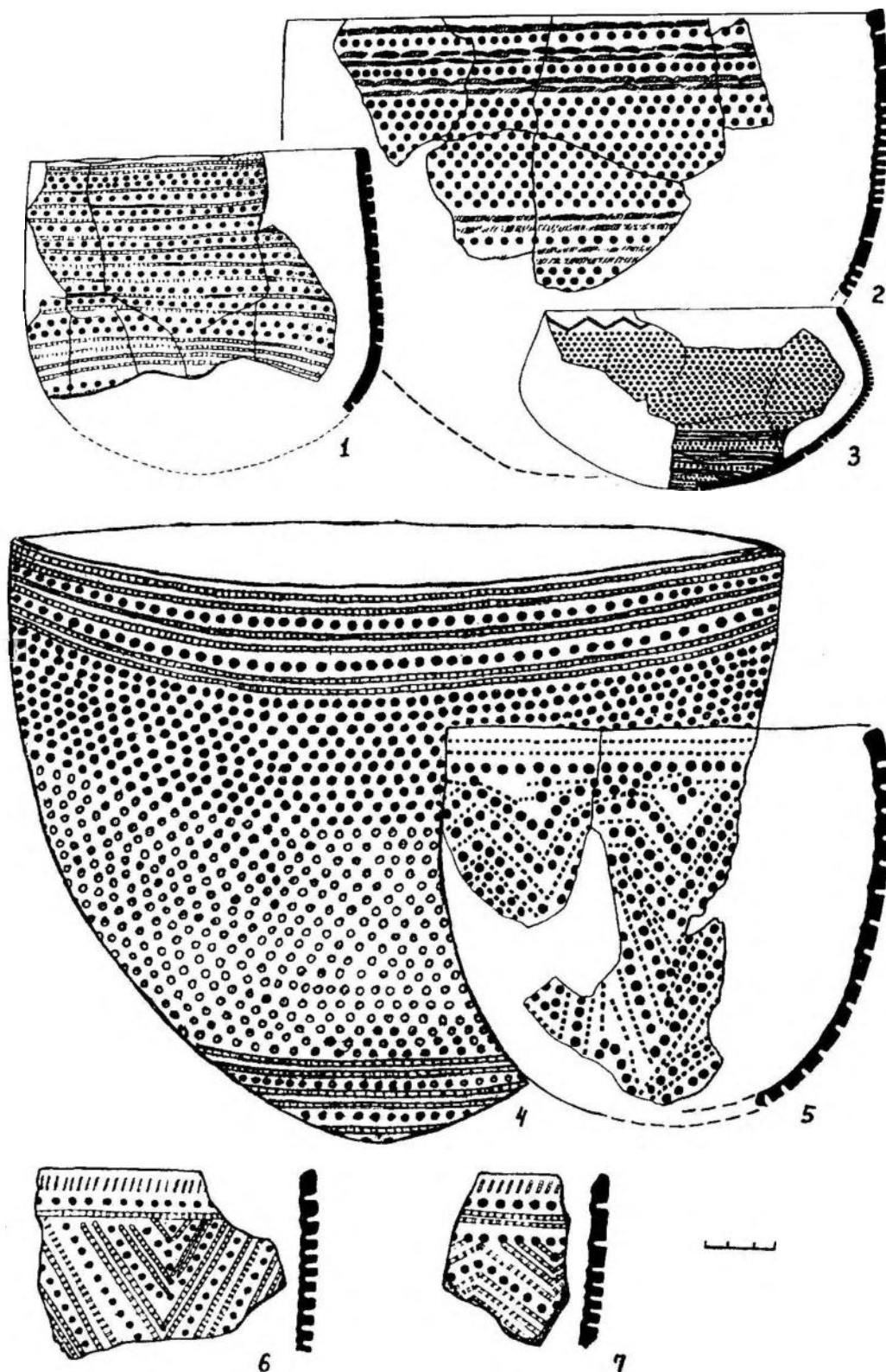

Рис. 3. Керамика развитого этапа неолита:
 1 - Ипекса V; 2 - Вигайнаволок I; 3 - Кладовец II-а; 4 - Усть-Водла III;
 5 - Оровнаволок VII; 6 - Бесовы Следки II; 7 - Ерпин Пудас I

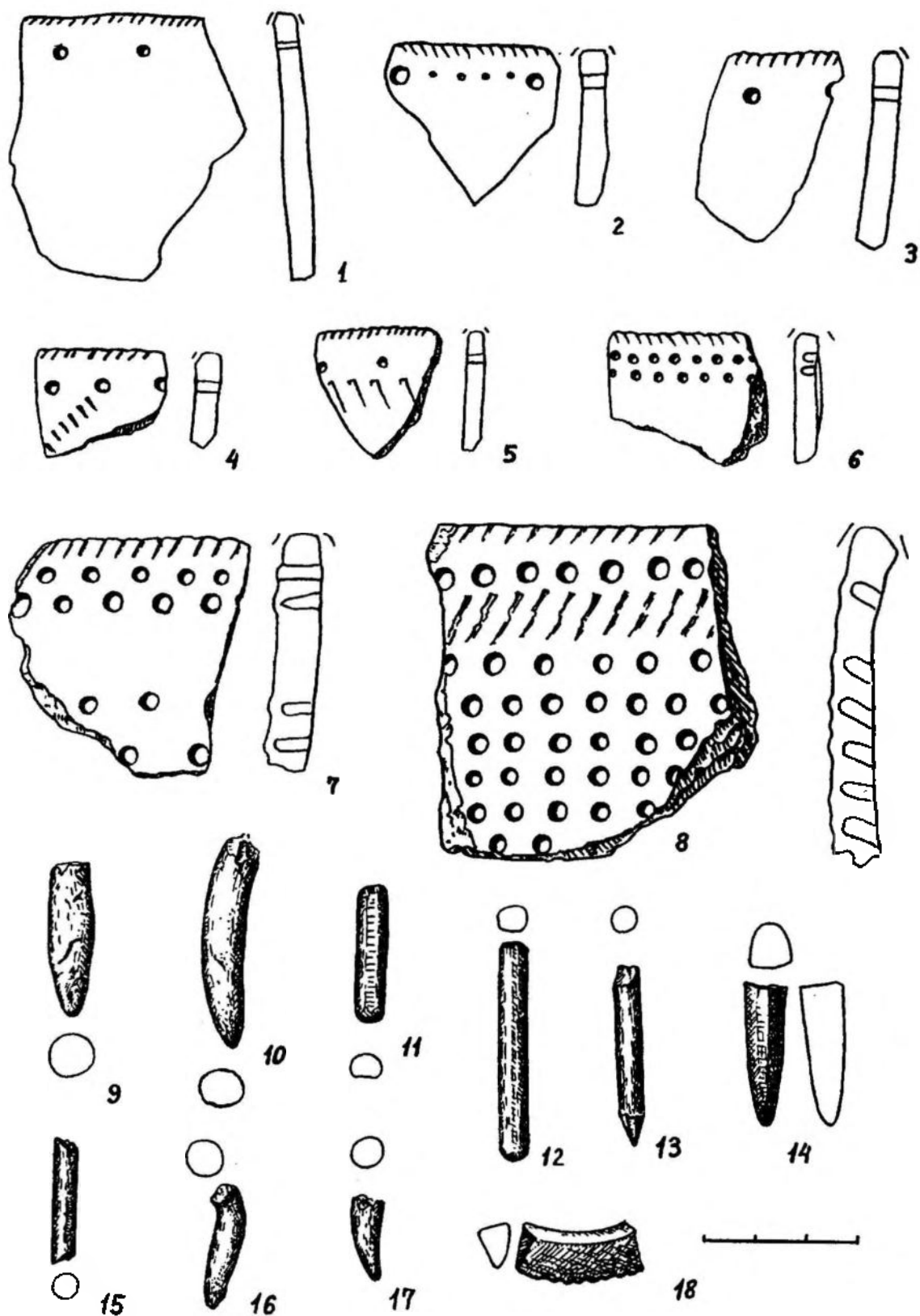

Рис. 4. "Каргопольская" керамика из поселений оз. Водлозера (1-8); орнаменты (9-18) юго-восточной Карелии; 9, 10, 16, 17 - глина; 12-15, 18 - сланец

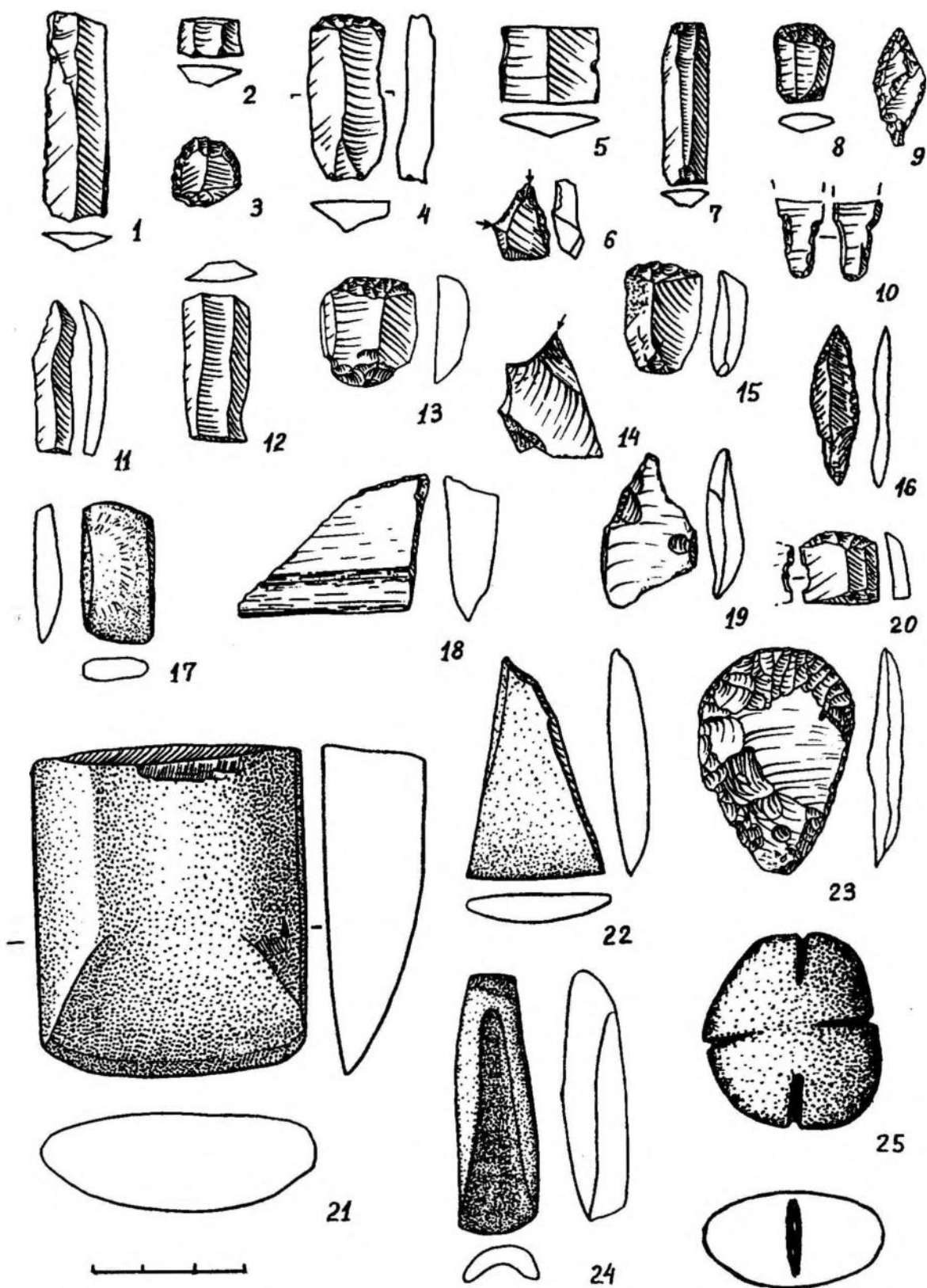

Рис. 5. Каменный инвентарь раннего этапа неолита:
 1-8, 11-15, 17-24 - Черная Речка I; 9, 10, 16 - Черная Речка II; 25 - Черная Речка XV.
 1-16, 19-20, 23 - кремний; 17-18, 21-22, 24-25 - сланец

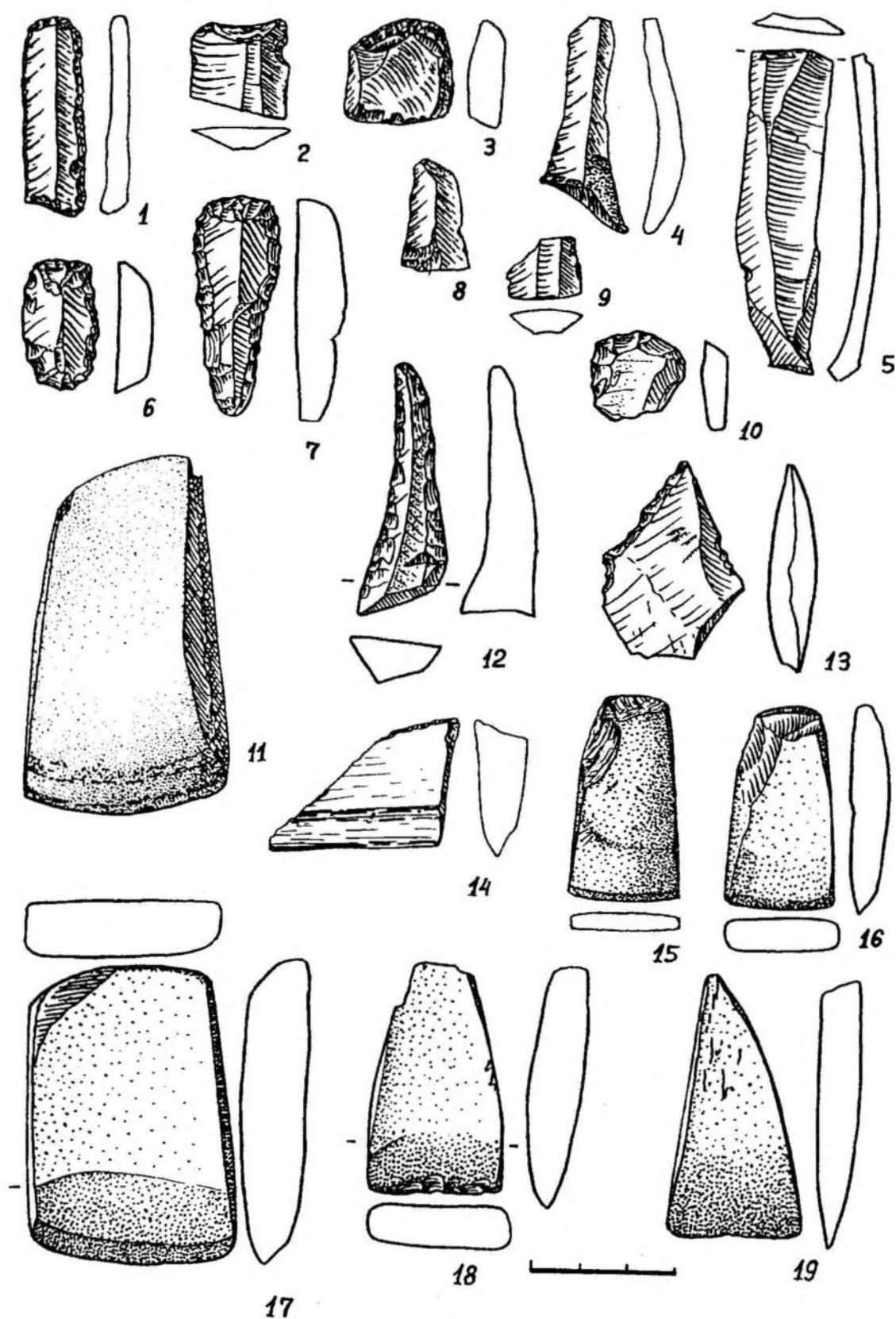

Рис. 6. Каменный инвентарь раннего этапа неолита (Черная Речка II-а):
 1-10, 12-13 - кремь; 11, 14-19 - сланец

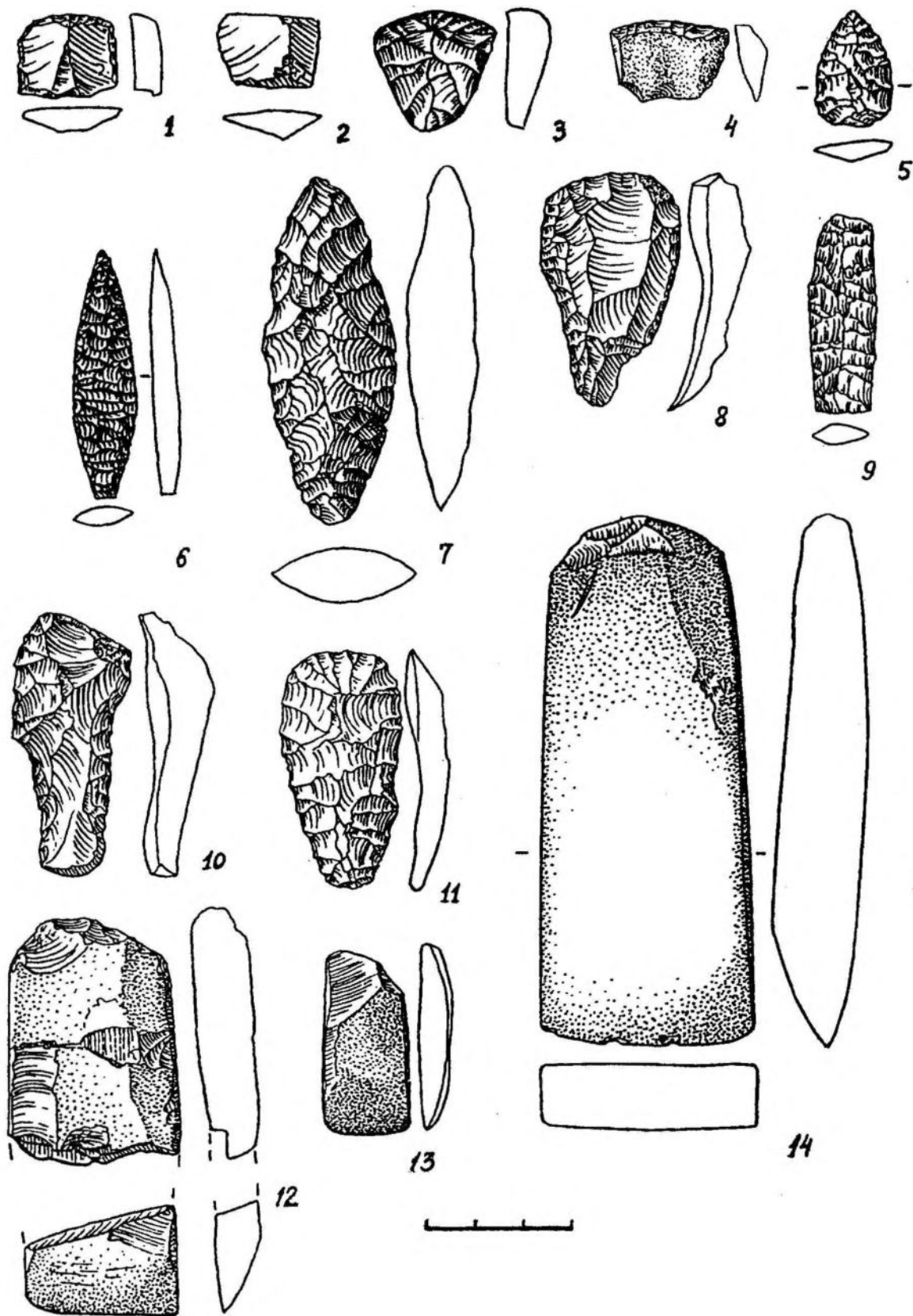

Рис. 7. Каменный инвентарь развитого этапа неолита:
 1-5, 8-13 - Усть-Водла III; 6 - Черная Речка VI; 7 - Бесов Нос I;
 14 - Кладовец II-а. 1-11 - кремь; 12-14 - сланец

В числе раскопанных поселений с ямочной керамикой имеются долговременные площадью 1500-3000 кв.м с мощным культурным слоем (0,5-0,7 м, в отдельных случаях до 1 м) и многочисленными находками (число отдельных сосудов достигает 300-800), а также кратковременные сезонные стоянки площадью в 200-400 кв.м с культурным слоем мощностью 0,1-0,15 м и бедным инвентарем (число сосудов меньше 50). На восточном побережье Онежского озера, в районе мыса Бесов Нос, изучено большое поселение Черная Речка 1 [4, с.120-136; 1, с.55-58]. Оно относится к типу сезонных, но посещаемых в течение сотен лет (по радиоуглеродным данным, функционировало не менее 600 лет).

Данных о планировке памятников эпохи неолита в связи с недостаточной изученностью большинства из них немного. Выделяется центральная часть поселения с наиболее яркой окраской культурного слоя (обычно это оранжевый песок с линзами ярко-красного, охристого, серого, насыщенного пеплом и угольками и кальцинированными косточками). Здесь много находок, хозяйственных ям, кострищ и очагов. На окраине поселений число находок незначительно, а хозяйственно-бытовые сооружения обычно отсутствуют. На четырех неолитических поселениях у Бесова Носа выявлены одинаковой конструкции каменные кладки (всего их 7) непонятного назначения, датирующиеся кон. IV тыс. до н.э. Они представляли собой 2 цепочки параллельно сложенных небольших валунов без следов воздействия на них огня и без угольков вблизи камней. Ориентировка сооружений различна, аналоги им не выявлены.

Сведения о домостроительстве населения культуры ямочной керамики на территории Карелии весьма скудны. Жилища исследованы только на двух поселениях - Вигайнаволоке 1 [5, с.152-177] и Погрема V [6, с.138-145]. На первом жилища сохранились под слоем намывного песка; вскрыто 10 жилищ площадью от 12 до 70 кв.м подпрямоугольной формы, почти наземных с кострищами, без очагов. По мнению исследователей Вигайнаволоки, жилища были срубными. На наш взгляд, это утверждение спорно. Методику раскопок жилищ начала 1960-х гг. нельзя назвать совершенной, к тому же срубные постройки неолитического времени не зафиксированы в других районах лесной зоны, где изучены столбовые конструкции [7, с. 60-68].

На поселении Погрема V раскопаны два жилища площадью около 25 кв.м, углубленные в грунт до 0,2-0,4 м. Они имели подчетыреугольные очертания, внутри построек вскрыты каменные очаги, кладка неясного назначения и остатки мастерской по обработке сланцевых орудий (в одном из жилищ).

Все упомянутые жилища относятся к развитому или позднему этапам неолита Карелии, т.е. к концу атлантического времени - рубежу его с суббореалом. Причины отсутствия жилых построек в более раннее время не установлены. В какой-то степени это можно объяснить природно-климатическими условиями середины - второй половины атлантического времени (климатического оптимума голоцена), когда население не возводило полуземлянок, предпочитая жить в летних наземных конструкциях (например, типа чумов). Их следы в песчаном сыпучем грунте Карелии проследить чрезвычайно трудно.

Еще меньше данных получено о могильниках, связанных с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Информация Г.А.Панкрушева [8, с.56-68] о восьми могильниках неолитического времени в Карелии нуждается в пересмотре и уточнении. В настоящее время единственным могильником, относящимся к интересующей нас культуре, остается Кладовец на восточном берегу Онежского озера. Он датируется по С-14 1-ой четв. IV тыс. до н.э. Раскопано 11 могильных ям, заполненных охристым ярко-красным песком, размерами от 0,6 x 1,8 до 2,6 x 1,2 м, но в основном 0,5 x 1,8 м. Ориентировка их неустойчива, хотя преобладают могилы, ориентированные в направлении З-В. Рядом с могилами расчищены небольшие костерки, на дне их залежали каменные изделия. В одной охристой линзе обнаружена фапанга человеческого пальца [9, с.185].

Население с ямочной керамикой, на наш взгляд, имело непосредственное отношение к карельским наскальным изображениям [10, с.39-49]. По соседству с петроглифами обнаружено много поселений, сезонных стоянок, а также месторождений древних предметов. Большинство их содержит неолитическую ямочно-гребенчатую керамику. Этот тип посуды найден почти на

всех мысах и островах рядом с петроглифами Онежского озера, а также в русле р.Выг под скалой Бесовы Следки. Кроме того, высотные данные всех памятников с ямочной керамикой и петроглифов совпадают, что тоже не случайно.

Раскопки целого ряда поселений с чистыми или относительно чистыми комплексами керамики в бассейне Онежского озера дали богатейшие и выразительные коллекции, которые ярко характеризуют культуру ямочной керамики. На основе анализа более чем 2,5 тыс. отдельных сосудов с 30 наиболее полно изученных памятников Карелии и бассейна оз.Белого в Вологодской области удалось реконструировать их орнамент и форму. 200 сосудов поддаются полной или почти полной графической реконструкции. Выделены 2 основные формы: полуяйцевидные горшки с почти прямыми стенками и округлым или округло-коническим дном и сосуды с более выпуклыми стенками и округлым дном. Их дополняют редко встречающиеся миски или чашки полусферической формы.

Для орнаментации керамики использовались 8 элементов узора, в числе которых чаще всего применялись ямки, в меньшей степени - оттиски штампов, еще реже - нарезки, прочерченные горизонтальные линии и отпечатки веревочки. Соотношение упомянутых элементов узора на сосудах было неодинаковым на разных хронологических этапах развития культуры. Общей тенденцией является преобладание ямочных композиций в сочетании с торцевыми отпечатками палочки на раннем этапе при горизонтально-зональной структуре узора (рис.2,1-7). На развитом этапе неолита появляются сосуды с доминированием гребенчатых оттисков, наблюдается увеличение числа самих элементов узора. В это время начинают применяться довольно сложные геометрические композиции - так называемый многорядный линейный зигзаг. Он характерен практически для всех памятников Карелии и прилегающих с юга и юга-востока территорий (рис.3,1-7). Орнамент на сосуды наносился специально сделанными предметами - сланцевыми и глиняными стержнями и штампами (рис.4,9-18).

Карельская керамика различных районов имеет некоторые специфические особенности. Так, например, в восточной и юго-восточной частях Карелии сосуды часто покрыты только ямочными узорами, типичны такие мотивы, как фестоны, розетки, наличие неорнаментированных зон (рис.2,1-3). Кроме того, в бассейне оз.Водлозера вместе с комплексами ямочно-гребенчатой посуды была найдена керамика так называемого каргопольского типа. Она очень оригинальна, почти без орнамента, на торце венчиков имеет узкие насечки, под венчиком - сквозные ямки [11, с.122-125]. Каргопольская керамика отличается залощенностью стенок и сравнительно небольшими размерами, она встречена на 13 карельских поселениях (рис.4, 1-5). Культурный статус посуды указанного типа не ясен, не очерчен четко ее ареал, не ясны происхождение, динамика развития и т.д. Хронология каргопольской керамики для территории Карелии может быть определена достаточно твердо, т.к. она залегает вместе с ямочно-гребенчатой развитой стадией (на водлозерских памятниках встречены сосуды с орнаментом из ямок, оттисков торца палочки и насечками по венчику с двух сторон - заимствования от каргопольской посуды (рис. 4,9-18)), нигде не найдена с более ранней или более поздней посудой. В районах к западу от Онежского озера в орнаменте ямочной керамики особенно заметно влияние культуры сперрингс. Оно выразилось в употреблении оттисков позвонков, отступающей палочки и веревочки [1, с.61]. На поселениях оз. Сямозеро заимствованные от сперрингс элементы узора составляют от 14 до 21%, тогда как в Восточной Карелии этого почти нет [2, с.90-91, табл.1]. Наоборот, здесь (восточный берег Онежского озера) наблюдается явное влияние орнаментов ямочно-гребенчатой посуды на сперрингс.

Приведенные выше данные о карельской ямочной керамике эпохи неолита демонстрируют целый набор специфических технико-типологических признаков, нехарактерных или мало характерных для льяловских сосудов. Различная форма горшков, технология изготовления, элементы, мотивы и композиции орнамента с учетом ранних дат по С-14 и спорово-пыльцевому методу противоречат гипотезе о появлении ямочно-гребенчатой керамики на Русском Севере из Волго-Окского междуречья. Недавно высказано мнение о происхождении льяловской культурно-исторической общности в северной части лесной зоны [12, с.62-66]. Эта точка зрения представляется нам интересной, хотя и не подкрепленной еще достаточной аргументацией.

Проблема выделения каменного инвентаря для неолитических памятников с ямочной керамикой остро стояла 10-15 лет назад. Сведения о нем были крайне скудны, материалы происходили в основном из смешанных разновременных комплексов. В последнее время в результате раскопок серии поселений с относительно чистыми культурными слоями появилась возможность выяснить специфику и характер каменных изделий, сопровождавших ямочную керамику. Для их изготовления применялся кремний из месторождений у южного берега Онежского озера. Он обычно светлых оттенков. Кремневое сырье использовалось крайне экономно, в основном для орудий со скребущей и режущей функциями. Инструменты из серого и зеленоватого карельского сланца находили широкое применение для рубящих, абразивных и др. групп изделий. Кварц применялся в центральных, западных и северо-западных районах Карелии, куда кремний поступал в ограниченном количестве. Состав каменных предметов по материалу показывает, что в комплексах с ямочной посудой шире всего использовался кремний (более 50%), сланец (30%), кварц (5%), лидит (3%), песчаник, гранит, кварцит (7%).

В числе 7 больших классов орудий самыми многочисленными являются предметы охоты и разделки добычи (до 40%). Они обычно изготовлены из кремния. Первичной заготовкой были как отщепы, так и пластины. Наконечники стрел из ножевидных пластин представлены единичными экземплярами на некоторых ранних памятниках южной Карелии (рис.5,9,10,16). Серия разделочных ножей из отщепов и ножевидных пластин выделена на поселениях восточного берега Онежского озера (рис.5,1,7,11,12). Скребки, кожаные ножи и проколки количественно преобладают почти на всех поселениях. Типы скребков: концевые из отщепов и ножевидных пластин, подокруглые или подпрямоугольные из отщепов, а также аморфные (рис.5,3,4,8,13,15,20,23;6,7,10). В качестве проколки применялись отщепы кремния или кварца случайной формы, изредка ножевидные пластины.

Достаточно богат и разнообразен класс орудий обработки дерева, включающий такие инструменты, как топоры, тесла, долота, стамески, скобели, резцы, резчики, пилки, сверла, развертки, строгальные ножи. Многие из этих групп определены трасологическим путем. Орудия делали из сланца, очень редко из кремния. Сланцевые топоры, тесла и стамески чаще всего имеют стандартную форму (прямые или чуть суженные к обуху); в основном хорошо отшлифованы, на боковых гранях изделий иногда видны следы пиления (рис.5,21;6,11,15-19).

Класс орудий для обработки камня хорошо представлен на поселениях: абразивы, пилы (рис.5,18;6,14), отбойники, сверла и ретушеры. Материалом для этой группы изделий являются сланец, песчаник, гранит и кварцит. Для сверл и ретушеров применялся кремний.

На двух поселениях по результатам трасологии определены кремневые орудия для обработки кости и рога: скобели из отщепов, сверла, пилки и их вкладыши из ножевидных пластинок.

Чрезвычайно редки орудия рыбной ловли: грузила с отверстиями и грузики из сланцевых галек с канавками (рис.5,25).

Кроме того, выделен класс орудий для обработки прочих материалов, куда входят редко встречающиеся предметы домашнего обихода: пощипа, песты, штампы для нанесения орнамента на сосуды (рис.4,9-18).

Закономерности изменений каменного инвентаря прослеживаются довольно слабо на ограниченной территории (бассейн Онежского озера) и сравнительно небольшом материале (примерно 2300 изделий) из 13 поселений Карелии. Для памятников с ранней керамикой характерно наличие пережиточных типов орудий, восходящих к эпохе позднего мезолита. Это сланцевые топоры и тесла со шлифовкой в основном по лезвию, подтрапцевидные стамески, рубящие инструменты с овальным или округлым поперечным сечением, желобчатые орудия. Наиболее ярко позднемезолитические традиции сохранились в кремневой технике. Изделия из ножевидных пластин в среднем составляют около 20%. Для поселений позднего мезолита бассейна Онежского озера этот процент достигает 85 [1;2], а техника огранки пластин лучше.

На втором хронологическом этапе развития культуры ямочно-гребенчатой керамики пластинчатая техника выделки кремневых орудий практически исчезает. На стоянках этого времени обнаружены лишь единичные предметы, не образующие устойчивых серий (рис.7, 1-2). Для скребущих

и режущих инструментов в основном используются крупные отщепы кремня, на которые наносится тщательная ретушь (рис.7,3,4,11). Крайняя малочисленность целых форм изделий для обработки дерева не позволяет провести их анализ и сравнение с орудиями раннего этапа (рис.7,12-14).

Отметим, что памятники с ямочной керамикой территории Восточного Прионежья (т.е. районов к юго-востоку от Онежского озера) содержат сходные группы и типы каменного инвентаря. Вместе с тем, каменная индустрия памятников неолитической культуры сперрингс, несмотря на единую сырьевую базу и одинаковый характер производственной деятельности, имеет целый ряд заметных отличий. Так, в комплексах с ямочной керамикой не встречаются кирки и киркообразные предметы, кольца из сланца, весьма типичные для сперрингс. На поселениях культуры сперрингс намного шире применялись кварц и лидит, а доля сланцевых рубящих орудий и шлифовальных плит и брусков выше.

Рассмотренный каменный инвентарь памятников с ямочной керамикой довольно полно и ярко отражает основные занятия населения, связанные с охотой и рыболовством. Использование при его анализе некоторых современных методов позволило существенно расширить состав изделий, выделить новые классы и группы, в частности, орудия для обработки кости и рога. Эти данные подтверждают и единичные находки костяных предметов, сохранившихся благодаря термической обработке.

В последнее время несколько изменились представления о хронологических рамках культуры ямочной керамики в Карелии [2]. Согласно археологическим, радиоуглеродным и спорово-пыльцевым датировкам, они определяются сейчас второй половиной атлантического времени - рубежом его с суббореалом (кон.V - нач. III тыс. до н.э.). Прослежены 3 этапа в развитии культуры, основой для выделения которых послужили изменения в материальной культуре, прежде всего в керамике.

Первый (ранний) этап охватывает посл. четв. V - сер. IV тыс. до н.э. Представлен памятниками юго-восточной Карелии и Вологодской области (бассейн оз.Белого) общим числом более 10. Для трех из них получены даты по С-14. Для раннего этапа неолита характерны в основном теплый и сухой климат, регрессия водоемов [13,с.13-14]. Население не строило жилищ - полуземлянок, видимо, предпочитая легкие наземные постройки типа чумов. Ранняя керамика украшена в основном ямками или ямками в сочетании с оттисками торца палочки. Оттиски гребенчатого штампа применялись очень редко. Эту посуду сопровождает каменный инвентарь, сохраняющий в отдельных чертах преемственные связи с эпохой позднего мезолита.

Показательно полное отсутствие влияния на раннюю ямочную керамику со стороны сперрингс и каргопольской культур, что, вероятно, не случайно и говорит о не совсем заметных и устойчивых контактах с носителями других неолитических культур, обитавших на этой же территории или поблизости от нее.

Развитый этап культуры ямочной керамики связан со 2-ой пол. IV - руб. IV-III тыс. до н.э. Памятники известны повсеместно, однако в их числе мало хорошо раскопанных и твердо датированных. Население жило почти в такой же природно-климатической среде, правда, в конце периода отмечены некоторое увлажнение климата и трансгрессия водоемов [13,с.14-15]. Не случайно, видимо, в это время появляются полуземляночные жилища. Керамика II этапа при сохранении прежних форм сосудов и небольших изменениях технологии отличается от ранней своей орнаментацией. Так, заметно возросла роль гребенчатых штампов, специально изготовленных из сланца и других материалов. На 10-15% сосудов горизонтально-зональное построение узора меняется на вертикальное (многорядный зигзаг), ярко проявляется влияние на орнамент сосудов со стороны сперрингс, каргопольской и льяловской культур. Оно проявлялось по-своему и в разной степени, в зависимости от территориальной близости, длительности и устойчивости контактов. Характер большинства изученных памятников II этапа неолита говорит о их сезонном, недолговременном функционировании. Поселения с жилищами содержат малочисленный и не слишком выразительный материал.

Третий, финальный этап культуры ямочной керамики датируется примерно нач. - I-ой пол. III тыс. до н.э. и связан уже с наступлением суббореального времени. Скорее всего, в это время начинается эпоха раннего металла, которая в данной работе не затрагивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобанова Н.В. Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
2. Лобанова Н.В. Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
3. Ямпольский В.С. Некоторые данные о неолитических поселениях Олонецкого района // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
4. Лобанова Н.В. Неолитическая стоянка Черная Речка 1 // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
5. Панкрушев Г.А., Журавлев А.П. Стоянка Вигайнаволок 1 // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.
6. Журавлев А.П. Поселение с керамикой пъяловского типа в Зонежье // СА. 1986. N1.
7. Трефиц М.А. Изучение жилищ эпохи неолита-энеолита в лесной полосе Европейской части СССР // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
8. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч.2. Неолит. Л., 1978.
9. Саватеев Ю.А., Верещагин Н.К. Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1978.
10. Лобанова Н.В. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера (по материалам близлежащих археологических памятников) // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1995. Вып. 3.
11. Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
12. Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.
13. Девятова Э.И. Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.

*НПЦ по охране и использованию
памятников истории и культуры
МК Республики Карелия,
Петрозаводск*

N. V. Lobanova THE KARELIAN PIT-COMB CERAMICS CULTURE OF THE NEOLITHIC (some results of the survey)

Summary

The article summarizes the results of the survey of the Pit-comb ceramics culture in Karelia. The survey which lasted many years lead to identification of 5 local groups of monuments.

Three stages in development of the culture were outlined for the period from the end of the Vth mln B.C. till the middle of the IIIrd mln B.C.:

1. (earlier) - the last quarter of the Vth mln B.C. - the middle of the IVth mln B.C.
2. (developed) - the second half of the IVth mln B.C. - the end of the IVth mln B.C.
3. (final) - the first half of the IIIrd mln B.C. The final period which seems to belong to the Eneolithic, is not dealt with in the article in detail.

The settlements are classified in terms of topography and area they occupy. The character of planning, the age and chronological features of the settlements, as well as the presence of residential, household and other premises were taken into consideration. Data concerning the Kladvovets cemetery belonging to this culture are given.

The ceramics and stone inventory of the culture are being surveyed. Those are characterized by certain features which differentiate them from materials found within other archaeological cultures, such

as Sperrings, Kargopolye, Lyalovo, the latter influencing the Karelian Pit-comb ceramics culture at the second stage of its development only.

***The Research - Industrial Centre
for Protection and Use of
Monuments of History and Culture,
The Ministry of Culture,
Republic of Karelia
12, M.Slobodskaya St.,
Petrozavodsk, 185620
Republic of Karelia,
Russian Federation***

А. В. Суворов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Озеро Кубенское, дающее исток р.Сухоне, принадлежит к бассейну Северной Двины - Белого моря. Это остаточный озерно-ледниковый водоем, занимающий площадь более 400 кв. км в обширной доледниковой впадине. Террасированные коренные берега озера отделены от современной береговой линии низиной шириной от 1,5 до 4,5 км. Сегодня наибольшая длина Кубенского озера, вытянутого с СЗ на ЮВ, 59 км, а ширина - от 2,5 до 13 км. Береговая линия его на севере и юго-востоке мало извилиста, но в южной и северо-восточной части значительно изрезана мысами и заливами. Здесь в озеро впадает ряд крупных притоков и находятся соединенные протоками с основным плесом обширные Токшинские озеро и залив. Долина озера пронизана густой водной сетью, образованной 55 мелкими речками и 25 значительными, многие из которых имеют старичные русла.

С северо-запада на восток через крупный приток р.Порозовицу на озеро и далее на р.Сухону выходит путь с издревле используемого водно-волокового перехода через главный водораздел Русской равнины, ведущий "в Заволочье" с левого притока Волги - Шексны. В XI-XIII вв., например, интенсивно использовался его вариант, известный как "волок словенский", выходивший на Порозовицу с притока Шексны Славянки через Никольское озеро [1, с.166-167]. В начале XIX в. с Шексны на Порозовицу через систему озер была проведена водная система имени герцога Александра Вюртембергского, неоднократно позже реконструированная, называемая ныне Северо-Двинской.

Выгодное географическое положение озера и его природная среда наряду с преданиями о средневековых древностях края привлекли с начала XX в. внимание любителей старины, а затем и исследователей к поискам археологических памятников. В разное время с побережья самого озера в фонды музеев Вологды и Череповца поступали единичные случайные находки неолитического инвентаря с устьев рек Большой Ельмы, Черной и Нейга, с Шелина мыса. Однако в 1926 г. А.А.Спицын в своей сводной работе [2, с.6] отмечал единственный выявленный в долине памятник, осмотренный в 1923 г. Греном и Ильинским, у д.Шера на р.Сухоне, в семи километрах от ее истока из озера. Первую попытку разведок на озере предприняла в 1926 г. М.Е.Аrsaкова, осмотревшая места находок инвентаря, переданного в Вологодский музей учителем И.М.Чебыкиным. Результаты разведки оказались скромными - на берегу р.Большой Пучкас возле ее впадения в Сухону было выявлено шесть близко расположенных стоянок эпох мезолита - раннего металла [3, с.288-291]. Предпринятая попытка обследования значительных участков течения р.Кубены и верховьев Большого Пучкаса оказалась безуспешной. Видимо, вследствие этого обстоятельства исследователи еще на протяжении полувека не обращались к работам на озере. В кон. 1970-х гг., в связи с предполагавшимся осуществлением проекта переброски части стока северных рек на юг, отряд Северной экспедиции ИА АН СССР под руководством С.В.Ошибкиной и Н.А.Макарова обследовал и паспорттизировал наряду с уже названными и несколько новых

стоянок у слияния рр. Большого Пучкаса и Сухоны и за пределами долины – значительную группу мезолитических стоянок на высоких коренных берегах рр. Кубены и Сухоны [4, с.26-27; 5, с.23-24].

В 1988 г., в связи с активизацией работ по составлению Свода памятников истории и культуры Вологодской области, к работам в долине озера приступил археологический отряд Вологодского государственного педагогического института под руководством С.Ю.Васильева, организационно оформившийся затем как Научно-производственный центр “Древности севера”. Первые стоянки были выявлены при осмотре участка юго-восточного побережья озера в зоне построенного канала водозабора, где, по имевшимся сведениям, был подобран инвентарь эпохи неолита. Последовавшее дальнейшее полное обследование низины Кубенского озера отрядами экспедиции НПЦ “Древности севера” (С.Ю.Васильев – 1988-1994 гг., И.В.Папин – 1992, 1993 гг., А.В.Суворов – 1992-1994 гг., А.Ю.Шемякин – 1990, 1991 гг.) в течение ряда полевых сезонов привело к выявлению около 170 памятников археологии в хронологическом диапазоне от эпохи мезолита до XI-XIII вв. н.э. В первую очередь работа была направлена на выявление активно разрушающихся памятников, находящихся на побережьях современной водной сети долины.

Основным результатом проведенных работ на сегодня является ликвидация обширного “белого пятна” на археологической карте региона. Опубликовано несколько сообщений, посвященных отдельным памятникам и участкам работ [6, с.23-25; 7, с.6-8; 8, с.6; 9, с.7-8; 10]. Однако материала для широких выводов по культурной ситуации в микрорегионе далеко не достаточно – исследование большинства памятников находится еще на начальном этапе. Даже довольно масштабные разведки проведены в условиях краткости сроков, благоприятных для работ в подтапливаемой долине озера. Подтопление долины является следствием нарушения естественного уровня режима озера в интересах судоходства по Северо-Двинской водной системе. Существующая с 1834 г. подпорная плотина на истоке р.Сухоны, ограничивающая сток из озера, поддерживает после реконструкции 1944 г. в течение безледного периода уровень озера, превышающий естественный на величину от 2,5 м в мае до 0,7 м в начале октября. Такой режим озера является важнейшим фактором ухудшения состояния памятников, лежащих в пределах современной поймы. Размыв и подтопление представляют реальную угрозу для существования более чем сотни из выявленных низколежащих стоянок.

Завершением этапа сплошного обследования низины Кубенского озера стало картографирование памятников, осуществленное С.Ю.Васильевым и автором данной статьи в 1994 г. [11]. На предоставленную Управлением по координации НИР Департамента природных ресурсов и природопользования администрации Вологодской области подоснову масштабов 1:100000 и 1:25000 нанесено 180 археологических объектов, выявленных при полевых и архивных изысканиях. Картографированы все памятники, находящиеся в пределах современной высокой поймы озера, вне зависимости от типа, наличия или степени сохранности культурного слоя. Список памятников содержит следующие кратко изложенные сведения о каждом памятнике: адрес-шифр, название, тип и датировка памятника; географическая привязка и топографическая ситуация размещения площадки памятника, ее размеры, состояние, мощность и изученность культурного слоя, характер распространения подъемного материала; краткое перечисление групп полученного инвентаря; годы и фамилии исследователей. В отдельной таблице сведены данные по оценке сохранности культурного слоя и абсолютной высоте площадки памятника над уровнем моря.

Если обратиться к обзору картографированных памятников, то на данной ступени изученности картина будет выглядеть следующим образом.

По типологической принадлежности памятники отнесены к поселениям (селищам) и местонахождениям, выявлен один грунтовый могильник с труположениями Минино I (XI в.), расположенный на месте неолитической стоянки и перекрытый слоями селищ XI-XIII и XV-XVI вв. [9]. Подавляющая часть памятников (144) относится к неукрепленным поселениям и селищам от мезолита до средневековья; как местонахождения (их 36) документировались единичные находки инвентаря и находки переотложенного в современных прибрежных валах озера инвентаря некогда существовавших разрушенных озером стоянок.

В результате картографирования стала очевидной связь между размещением и степенью сохранности памятников: 40% памятников, которые находятся на открытых участках побережья Кубенского и Токшинского озер и расположены на сохранившихся участках древних прибрежных валов, оказались в наибольшей степени подвержены разрушению прибоем во время подъемов уровня озера - естественных и вызванных работой плотины на истоке Сухоны. Подавляющая часть этих памятников не сохранила культурного слоя; инвентарь, полученный из них, - целиком подъемный или происходит из незначительных сохранившихся фрагментов культурного слоя либо слоя вторичной концентрации материала. Остальные 60% памятников находятся на берегах впадающих в озеро рек или связанных с ним протоков на относительной высоте от 0,4 до 1,9 м; основная их часть сохранила в той или иной степени культурный слой, как правило, небольшой мощности - на площади от десятков или сотен квадратных метров - до шести гектаров (селище раннего железного века Кубенское IV). В культурном слое ряда памятников первобытной эпохи сохранились кости и береста.

Большая часть выявленных стоянок - многократного заселения. По широте хронологического диапазона на данной ступени изученности памятники можно разделить на давшие комплекс инвентаря только одной эпохи из представленных на озере - их 125 (70%), давшие материал 2-3 эпох - 43 (24%), давшие материал большинства эпох - 12 памятников (6%).

Последние из названных памятников, с инвентарем от неолита до раннего железного века, имеют довольно слабо стратифицированные культурные слои мощностью 0,5-0,8 м, реже - до 2,2 м (со стерильными прослойками); они занимают редкие в низкой пойме возвышенные участки с относительной высотой 1,4-2,2 м. Это поселения Кубенское I-VI, Шлюз 6/6, Устье V, VI, XI, Гурьево III, Озерко I.

Ниже приводится краткий обзор инвентаря памятников по эпохам.

Мезолитический инвентарь на памятниках побережья озера практически не представлен, он происходит с 10 памятников на небольших притоках озера, прорезающих террасы с относительной высотой от 3,5 до 9,5 м над средним многолетним годовым уровнем озера, равным 109,4 м над уровнем моря. Большая часть мезолитических стоянок распахана.

Неолитический инвентарь представлен на 132 памятниках, в том числе на 85 без сочетания с инвентарем других эпох. В большинстве своем льяловский по облику, он находит многочисленные аналогии на памятниках языковского типа Волжского бассейна и каргопольских памятниках Восточного Прионежья. Близки известным на каргопольских памятниках два фрагмента сланцевых шлифованных колец, извлеченные из слоя с ямочно-ребенчатой керамикой поселения Шлюз 6/6 (С.Ю.Васильев, 1992). Среди неолитического инвентаря выделяются тщательностью исполнения и разнообразием форм орудия деревообработки - диабазовые и сланцевые топоры и тесла, изготовленные в технике точечной оббивки и шлифовки, всех размеров сланцевые полностью шлифованные топоры, тесла, желобчатые долота, стамески. На рис.1 представлены фрагменты сверленных топоров, изготовленных из более или менее зернистых гранодиоритов или граносиенитов. Два из них (рис.1,1,3) извлечены из неолитических слоев многослойных поселений [10], один подобран на размытой стоянке с исключительно неолитическим инвентарем (рис.1,4) и два происходят из подъемного материала с многослойного поселения со значительным пластом неолитического времени (рис.1,2,5).

Энеолитическая лористая керамика представлена на 23 памятниках долины, содержащих несколько комплексов. Разнообразная по облику (рис.2,1-4), в основной массе она близка керамике типа Модлона II [6], памятники с которой расположены поблизости в бассейне Онеги. Вероятно, с этой керамикой можно связать и немногочисленный фигурный кремль из подъемного материала ряда многослойных стоянок - фрагменты лунниц и зооморфных изделий.

Комплексы эпохи раннего металла - вторые по численности в долине озера; они представлены ранней сетчатой керамикой с S-видной профилировкой венчика (встречены на 13 памятниках со слоями нескольких эпох) и комплексами с сетчатой, штрихованной и гладкостенной керамикой раннего железного века (встречены на 66 памятниках, в том числе в чистом виде - на 27). Керамика раннего железного века ряда памятников озера, наряду с соседними верхнесухонскими,

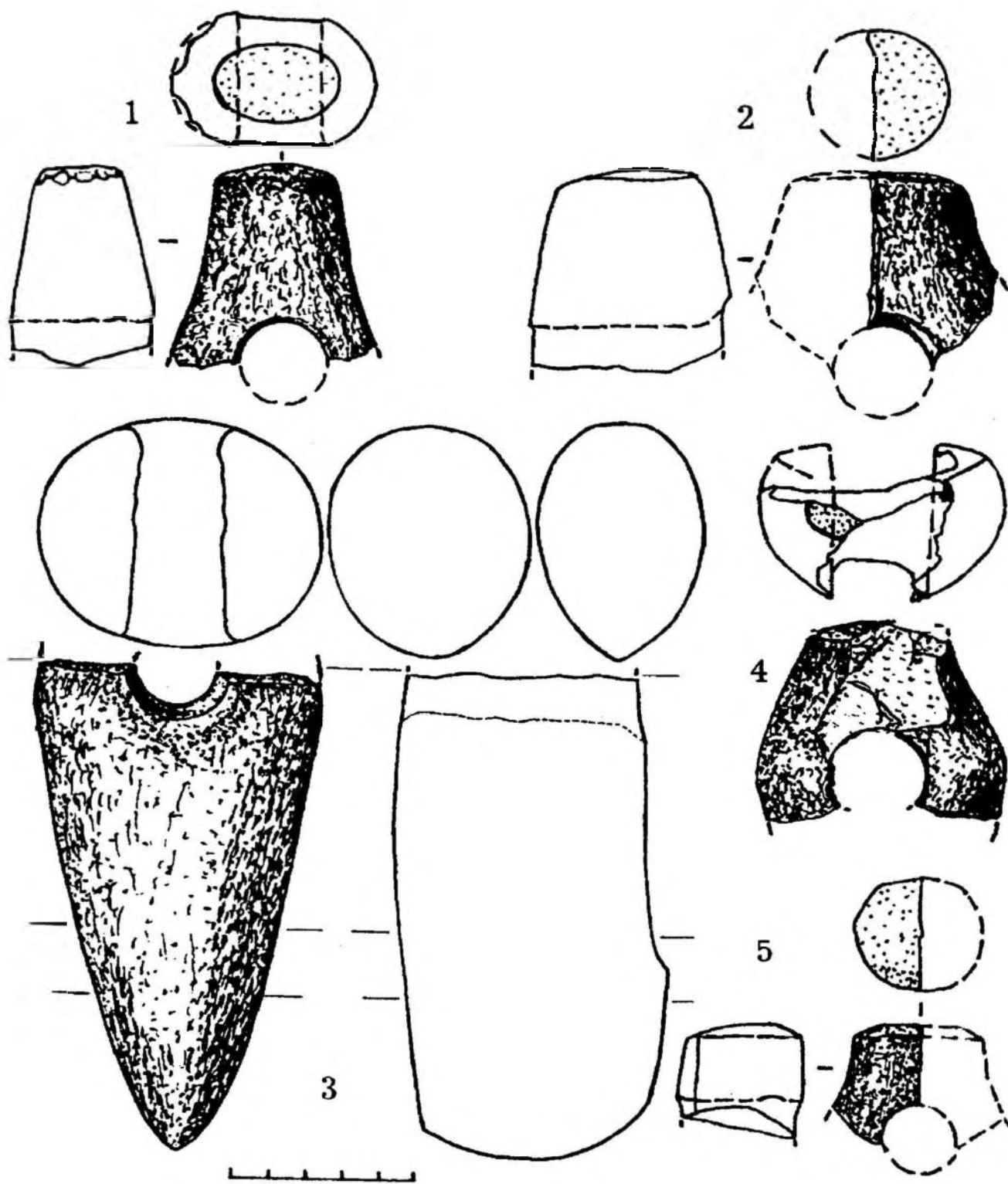

Рис. 1. Каменные сверленные топоры с памятников долины Кубенского озера:
 1 - поселение Шлюз 6/6, слой 2; 2,5 - поселение Шлюз 6/6, подъемный материал;
 3 - поселение Устье VI, пласт № 6; 4 - стоянка Воздвиженье III; подъемный материал

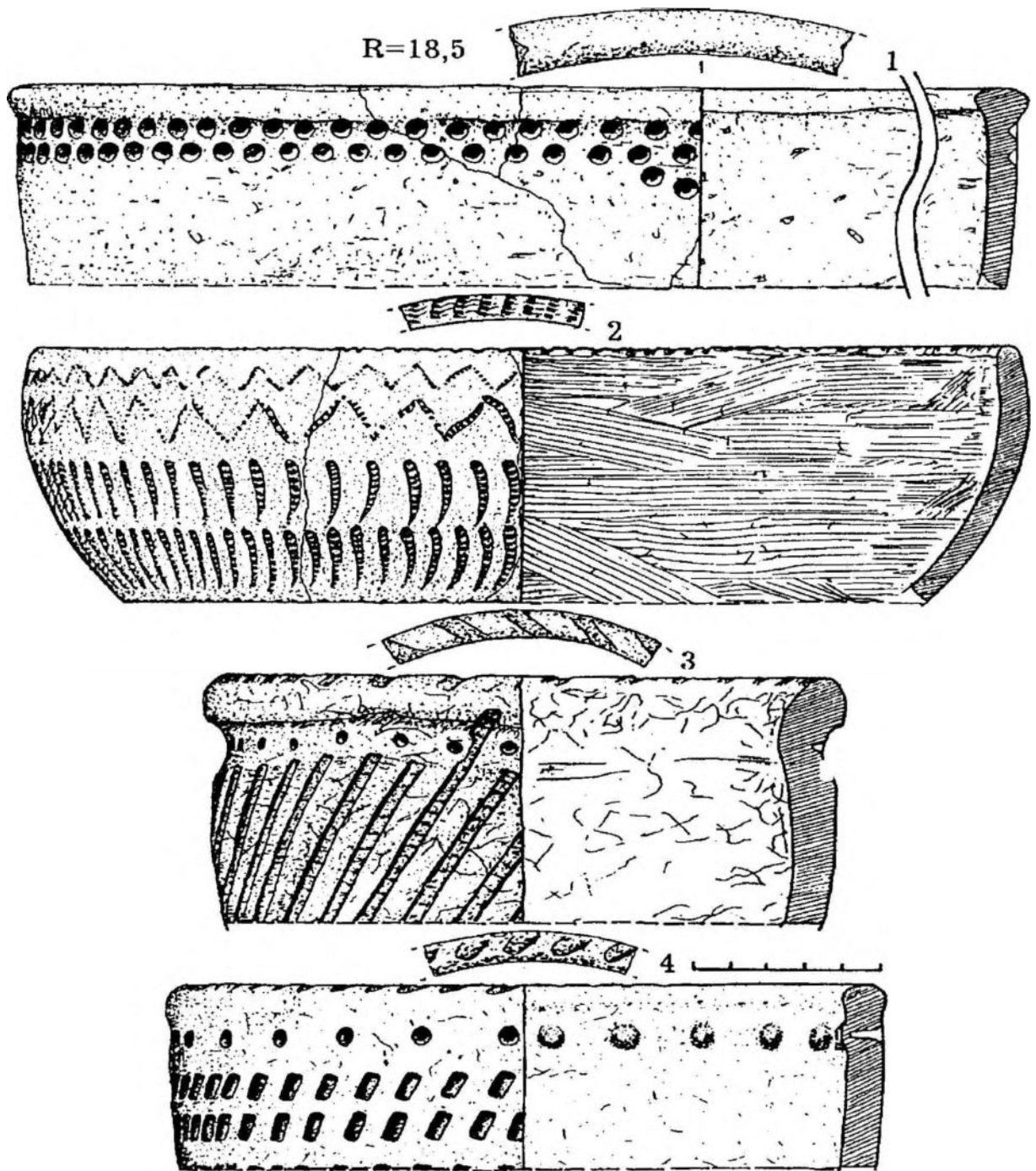

Рис. 2. Энеолитическая пористая керамика с памятников долины Кубенского озера:
 1 - поселение Озерко 1, слой 2; 2 - стоянка Сумароково 2, подъемный материал;
 3, 4 - поселение Шлюз 6/6, слой 2

имеет аналогии на некоторых позднекаргопольских и ранних дьяковских памятниках [7; 8].

Памятники древнерусского времени, выявленные С.Ю.Васильевым в 1993-94 гг., представлены грунтовым могильником с труположениями XI в. и двумя селищами XI-XIII вв. [9], инвентарь которых близок изученным Н.А.Макаровым памятникам верхнего течения р. Порозовицы [1]. Имеются и сведения о находке вещей XII в., очевидно, происходящих из могильника.

На 12 многослойных памятниках имеются и напластования XVI-XVIII вв.

Выявленная картина аварийного состояния десятков памятников призывает к принятию действенных мер по их сохранению и изучению, прежде всего на разрушающихся участках. Отрядом экспедиции НПЦ "Древности севера" под руководством С.Ю.Васильева на поселении Кубенское IV, разрушаемом с одной стороны озером, а с другой - каналом водовода, заложен охранный раскоп площадью 208 кв. м, которым исследовано наземное подпрямоугольное жилище эпохи раннего железного века нач. I тыс. н.э. [6; 7; 8]; на размываемой части многослойного поселения Шлюз 6/6 заложен охранный раскоп площадью 200 кв. м, в котором исследованы слои с ямочно-гребенчатой и ранней пористой керамикой, сетчатой керамикой эпохи раннего металла; на размывтой части поселения по единой сетке квадратов собран подъемный инвентарь и исследованы сохранившиеся фрагменты культурного слоя (С.Ю.Васильев, 1992). Охранные работы на разрушающихся памятниках будут продолжены. В настоящее время идет подготовка каталога инвентаря кубеноозерских стоянок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаров Н.А. Население Русского севера в XI-XIII веках. М., 1990.
2. Спицын А.А. Древности севера (Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губерний и области Коми) // Доклады Научного общества по изучению местного края при Тотемском музее им. А.В.Луначарского. Тотьма, 1926. Вып. IV.
3. Арсакова М.Е. Археологические разведки в Вологодском уезде // Север. Вологда, 1928. № 7, 8.
4. Ошибкина С.В., Макаров Н.А. О работе в зоне переборки северных рек // АО-1978. М., 1979.
5. Ошибкина С.В., Макаров Н.А. О работе Северной экспедиции // АО-1979. М., 1980.
6. Васильев С.Ю., Шемякин А.Ю. Археологические исследования на южном и восточном берегах Кубенского озера // История и культура Вологодского края: Рефераты докладов III научно-практической конференции (Вологда, май 1990). Вологда, 1990.
7. Шемякин А.Ю. Селище Кубенское IV // Экология и история Вологодской области: Тезисы к научной конференции (Вологда, 1990). Раздел I: История и археология. Вологда, 1990.
8. Шемякин А.Ю. Керамика раннего железного века на верхнесухонских памятниках // Проблемы материальной и духовной культуры народов СССР и зарубежных стран: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной студенческой конференции (Сыктывкар, 1991). Сыктывкар, 1991.
9. Васильев С.Ю., Папин И.В., Суворов А.В. Исследования центра "Древности севера" в Вологодской области // АО-1993. М., 1994.
10. Васильев С.Ю., Суворов А.В. Исследования центра "Древности севера" // АО-1994. М., 1995.
11. Археологическое обследование низины Кубенского озера: Отчет о НИР НПЦ "Древности севера" (Исполнитель Васильев С.Ю., соисполнитель Суворов А.В.). Вологда, 1994.

*Научно-производственный центр
"Древности севера", Вологда*

A. V. Suvorov

ARCHAEOLOGICAL SURVEY AT THE KUBENSKOYE LAKE

Summary

The article deals with the results of the archaeological survey undertaken at the Kubenskoye lake (Vologda region), which is the source of the Sukhona river, belonging to the Northern Dvina - White Sea basin.

Although the historical monuments of the region had been attracting attention of those who was interested in antique culture since the beginning of the XXth century, and the first survey was undertaken in 1926, the major phase of investigations was carried out in 1988-94 by the State Pe-

dagological Institute of Vologda, and later - by the Research-Industrial Centre "Northern Antiquities".

As the result of the overall survey of the Kubenskoye lake lowland and the analysis of the archives around 180 archaeological monuments belonging to the periods from the Neolithic to the Middle Ages were classified. Thus, a "white spot" on the archaeological map of the region was eliminated.

***The Research-Industrial Centre
"Northern Antiquities"
12, Chelyuskintsev St.,
Vologda, 160001, Russia***

Т. М. Гусенцова, Н. А. Андреева **НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМНЯ** **И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ** **В БАССЕЙНЕ р. ОЯТЬ**

Археологические памятники р. Оять, расположенные в Межозерье (Юго-восточное Приладожье и Прионежье), вызывают значительный интерес исследователей. Это обусловлено особой ролью приоятской территории в выяснении этнических вопросов Северо-Западной Руси, касающихся взаимоотношений словен новгородских и летописной веси. До сер. 1980-х гг. в Межозерье были известны лишь курганные могильники X-XIII вв. [1, с. 4, 180]. Планомерные поиски стоянок, проводимые экспедицией Объединения музеев Ленинградской области, позволили получить представление не только о первоначальном заселении региона в эпоху камня, но и обнаружить следы средневековых поселений [2, с. 63].

В 1992 г. начато обследование бассейна р. Ацины, крупного левобережного притока в среднем течении р. Оять. Река Ацина берет начало в Ащозере, на берегах которого было открыто свыше десяти стоянок и местонахождений эпохи камня, знеолита и средневековья. Несколько выше устья р. Ацины у д. Ефремково (бывший Соцкий погост) находилась группа курганов, оставленная славяно-прибалтийско-финским населением [1, с. 153-155].

В 1993 г. раскопаны две стоянки на северном берегу Ащозера.

Стоянка Ащозеро I находится на мысу полуострова возле протоки, соединяющей Ащозеро и Палкозеро. С севера к полуострову примыкает заболоченная низина, что позволяет предположить существование стоянки ранее на острове. Высота залесенной террасы мыса не превышает 0,7-1,5 м. Общая площадь распространения находок - 2000 кв. м. Исследована юго-западная половина стоянки (60 кв. м). Стратиграфия ее: темно-серый подзолистый песок мощностью 7-8 см, перекрытый слабым дерном (ягодником), под ним красновато-оранжевый песок - культурный слой мощностью 10-20 см, подстилающий слой - светло-желтый песок. Остатков каких-либо сооружений в раскопе не обнаружено. Наибольшая концентрация находок наблюдалась в юго-восточных участках на расстоянии 1,5-3 м от края террасы. Часть их собрана в воде, так как культурный слой памятника постепенно размывается. Очевидно, наиболее интенсивно он разрушался в последние годы, когда на р. Ацине, как и на других крупных притоках р. Оять, существовала плотина для регулирования стока воды при молевом сплаве леса. Возможно, поэтому культурный слой не содержит остатков кострищ. Существование последних в какой-то степени подтверждается наличием кремневого инвентаря, подвергшегося термическому воздействию.

Основная масса керамики украшена ямочно-гребенчатым орнаментом (130 экз.). Более 30 из них принадлежат тонкостенным сосудам (0,4-0,6 см) с примесью в глиняном тесте мелкотолченого шамота и песка, плотным, хорошо обожженным, желто-коричневого цвета. Сосуды прямостенные или слегка прикрытой формы с уплощенными "Г" - или "Т"-образной формы венчиками. Последние орнаментированы тонкими короткими насечками или более длинны-

ми оттисками мелкозубчатого, очевидно, естественного происхождения орнамента (рис.1,20). Имеется сосуд без орнамента (рис.1,19). Орнаментальное поле под венчиком состоит из округлых ямок, нанесенных в строчку по всей поверхности сосуда, реже только под венчиком. На одном из фрагментов шейки сосуда ямки составляют узор в виде треугольника (?) (рис.1,20). Эта группа посуды аналогична керамике раннеолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией в Карелии [3, с.88-90, рис.1; 4, с.56-60].

Около 100 фрагментов посуды имеют примесь к глиняному тесту дресву и песок, шамот; толщина стенок - 0,7-0,9 см. Сосуды украшены рядами конических ямок, разделенных на зоны горизонтальными или вертикальными оттисками штампа. На одном сосуде в качестве разделителя орнаментальной зоны использованы оттиски плюсны птицы (рис.1, 22). При этом на внутренней стороне большинства фрагментов следов-выпуклин от ямок не встречается. Описанная керамика имеет сходство с посудой развитого неолита Карелии [3, с.91-98, рис.4,8].

Несколько фрагментов от одного сосуда украшены гребенчато-ямочным орнаментом (рис.1,21,24). По технологии изготовления они близки вышеописанным. Орнамент состоит из рядов слабо нанесенного штампа, напоминающего гребенчатый, с нечеткими зубчиками, чередующимися с рядом мелких ямок, которые также не оставляют следов на внутренней гладкой поверхности черепков. Подобная керамика в Карелии относится к ранней гребенчатой и практически всегда встречается вместе с посудой сперрингс [5, с.80-81]. Последняя пока не найдена на Ащозере I, но имеется на соседней стоянке - Ащозеро VIII.

Кремневый инвентарь превышает количество глиняной посуды - 381 экз. Сырьем для изготовления орудий служили красно-коричневый, реже серый, в единичных случаях - фиолетовый кремнь, опока, сланец и кварц. Отщепы (311 экз.) составляют основу находок из кремня. Диаметр их не превышает 1,5-3 см. Нуклеусы - 2 экз. - представлены обломками высотой 1,2-3 см (рис.1,7,17). Они одноплощадочные, конической или карандашевидной формы со следами снятия удлинённых сколов или пластин. Последние (29 экз.), в основном, обломаны, ширина их 0,5-1,0 см. За исключением одной - пластины не имеют вторичной обработки ретушью (рис.1,1,5,8). На нескольких прослеживаются следы употребления (рис.1,2-4). Лишь на одном коротком сечении нанесен невыразительный резцовый скол (рис.1,9).

Среди орудий выделены проколки (2 экз.) на отщепах с симметричным лезвием, оформленным ретушью по краю (рис.1,16). Наиболее многочисленной группой орудий являются скребки (29 экз.). Они изготовлены на концах отщепов или площадках с нуклеусов - 9 экз. (рис.1,12-13,18). Интересна серия из 7 угловых скребков на высоких отщепах или сколах с двумя рабочими краями (рис.1,10,14-15). Остальные орудия выполнены на отщепах высокой формы с лезвием по кругу или на 3/4 заготовки (рис.1,11).

Из единичных орудий упомянем обломок ножа на плитке кремня, фрагмент шлифованной плиты из кварцита, мелкий обломок шлифованного рубящего орудия. Особо отметим наконечник стрелы на пластине неправильного ограничения с противоположащей ретушью на пере и по краям (рис.1,6). Он был найден в разведочном шурфе на восточной половине памятника, в 40 м от раскопа, вместе с ним было 2 фрагмента ямочной керамики и 20 отщепов из камня.

Каменный инвентарь стоянки может быть соотнесен с инвентарем, сопровождающим раннеолитическую ямочно-гребенчатую керамику в Карелии [3, рис.2,1-6,13-15,17-19; 4, рис.2,3,11]. Существенно, что на ряде стоянок в Приюжье в материалах, содержащих раннюю ямочную и гребенчатую керамику, также встречаются пластины и изделия из них [2, с.68]. Поэтому датирование вышеописанного комплекса инвентаря более древним (мезолитическим) временем без дальнейшего исследования памятника представляется преждевременным.

В целом, остатки неолитической стоянки Ащозеро I относятся ко времени не позднее 1-й пол.-сер. IV тыс. до н.э.

На северо-восточных участках раскопа под дерном было собрано 16 фрагментов средневековой посуды. Среди них фрагмент от лепного сосуда, изготовленного из грубого глиняного теста с обильной примесью дресвы, близкого керамике стоянки Падань 1 [2, с.66]. Три фрагмента стенок темно-красного цвета украшены волнистым орнаментом и относятся к гончарной посуде (рис.1,23).

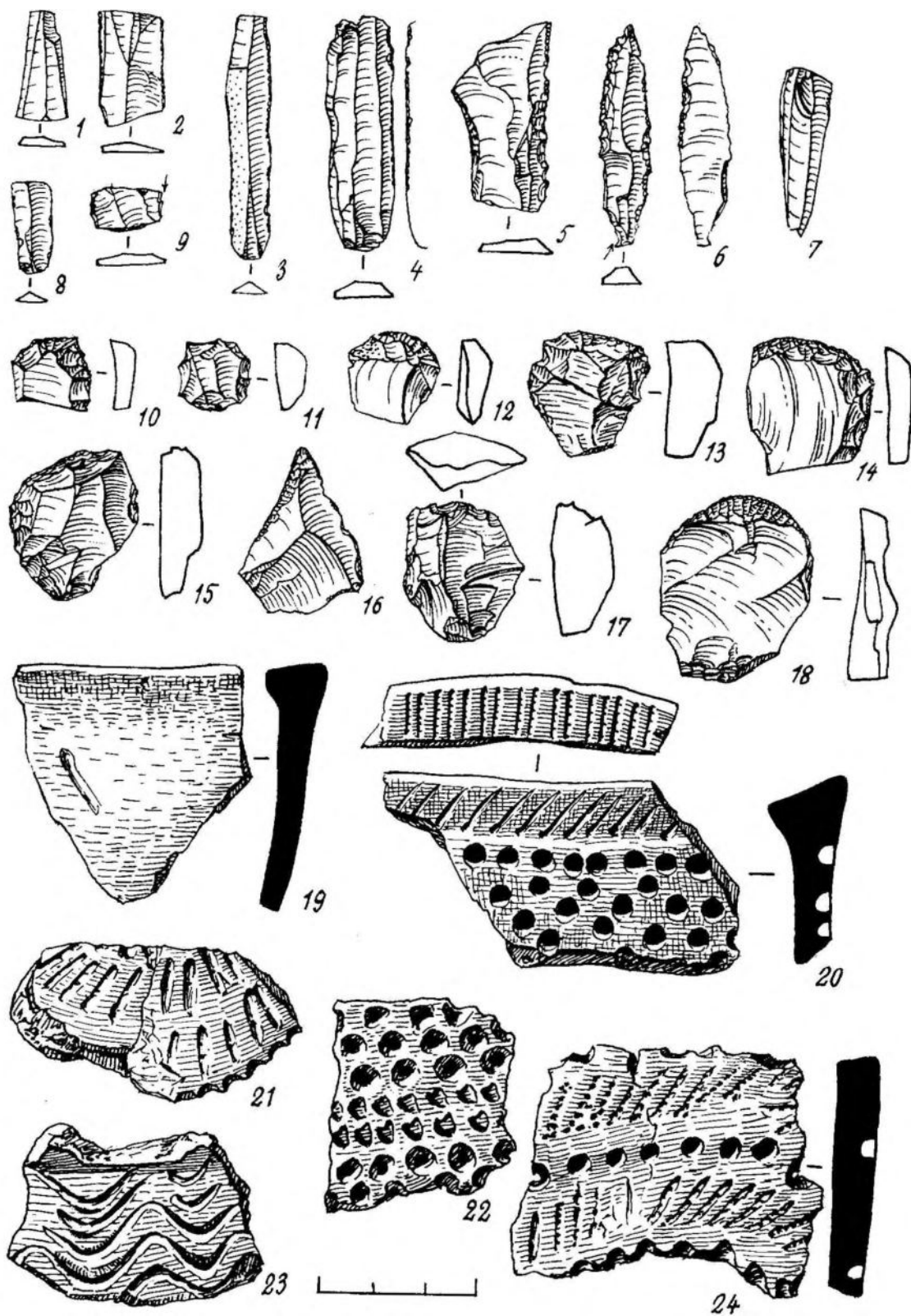

Рис. 1. Стоянка Ащозеро 1:
 1-18 - кремневый инвентарь; 19-24 - керамика

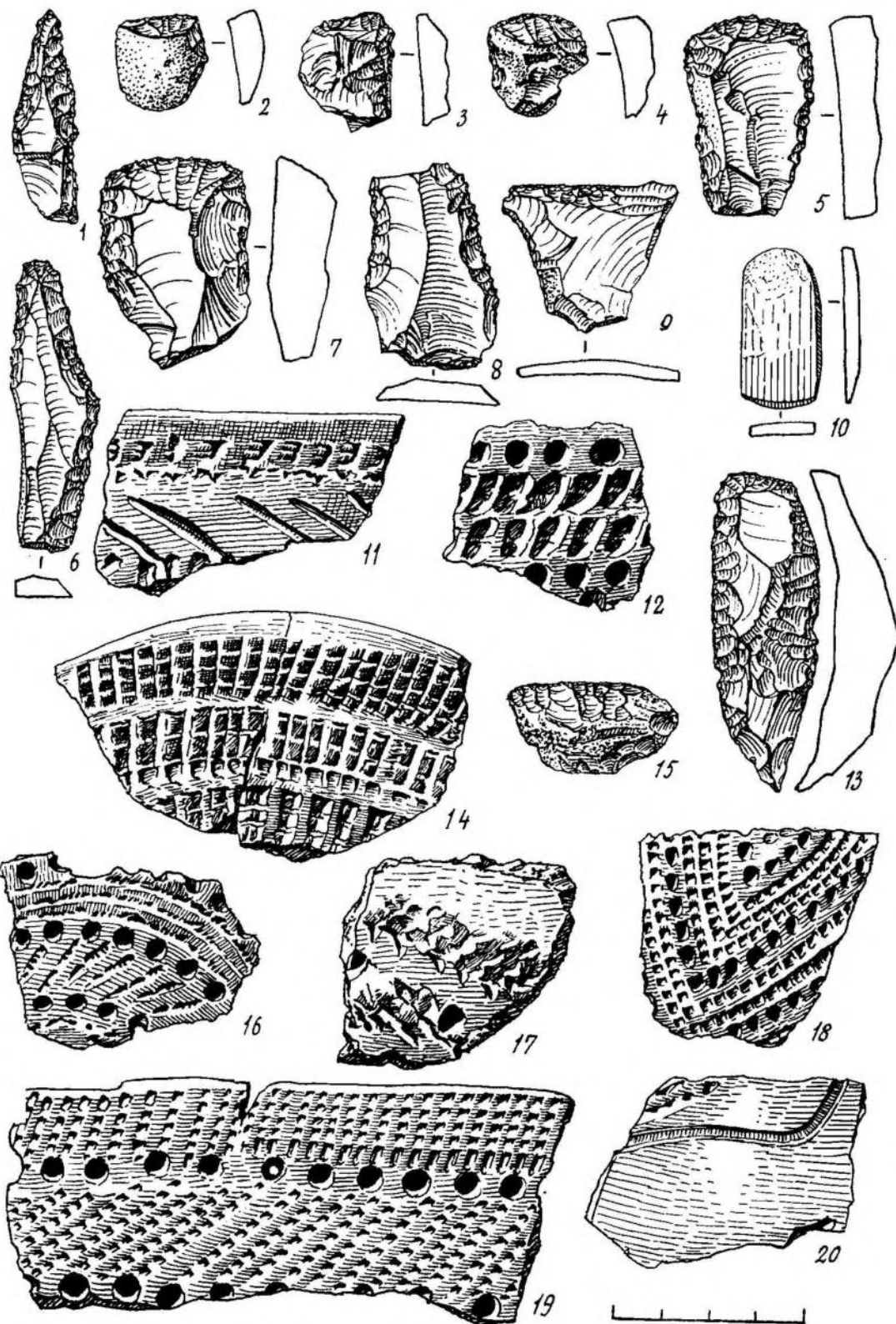

Рис. 2. Стоянка Ашозеро VIII:
 1-9, 13-15 - кремневый инвентарь; 10 - сланцевое тесло; 11-12, 14-20 - керамика

Остальная керамика представлена фрагментами стенок (толщиной 0,4-0,5 см) серого цвета с заметными следами гончарного круга на внутренней поверхности. Несколько фрагментов подобной керамики найдено на противоположной стороне протоки, а также на стоянке Ащозеро VIII (14 фр.); на одном из них волнистая линия (рис.2,20). Лепная и гончарная керамика, найденная в различных местах по берегам озера, свидетельствует о его неоднократном посещении населением в эпоху средневековья. Скорее всего, это были сезонные стоянки для ловли рыбы и охоты. Однако, не исключено и существование более длительного поселения. Последнее могло быть на хорошо выраженном возвышении юго-западного берега Палкозера, у подножия которого в воде были найдены фрагменты гончарной керамики. Возможно, это нашло отражение и в названии озера, которое со временем могло быть искажено - не Палк, а Палд (склон, косогор) или Пал (огнище, сожженная подсека) [9, с.190]. Очевидно, дальнейшие исследования этого района смогут подтвердить или опровергнуть данное предположение.

Указанная керамика известна по материалам курганов Приоятья, датированных XI-XII вв. [7, рис.2; 4,4-5]. Близкие по расположению (у проток, ручьев) и керамическому материалу поселения имеются в междуречье рр. Мологи и Медведицы в Бежецком крае [8, с.157, рис.10,11].

Стоянка Ащозеро VIII находится в 500 м к северо-востоку от Ащозеро I и в 400 м к югу от ручья, соединяющего озеро с двумя небольшими озерами (Перт-и Мутнозера). Она расположена на запесенном мысу высотой 0,7-2 м. Площадь памятника - 4000 кв. м. Раскопом площадью 100 кв. м исследована стрелка мыса. Стратиграфия памятника аналогична предыдущей, но мощность культурного слоя достигает 30-40 см.

Выявлены остатки 9 сооружений в виде ям различного назначения и пятен прокала, которые обозначили жилую площадку. Она размещалась вдоль северо-западной границы мыса в 3-4 м от его края. Большинство сооружений было перекрыто песком оползшей дюны. В ямах найдены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кальцинированные кости животных. Наличие ряда небольших, вероятно, столбовых ямок диаметром 25-30 см позволяет предположить существование укрытия типа ветрового заслона.

На стоянке собрано свыше 1000 фрагментов керамики, в основном, от 15 сосудов, украшенных ямочно-гребенчатым орнаментом. Значительно количество венчиков, среди которых 75 орнаментированы гребенчатым штампом. Толщина стенок посуды составляет 0,5-0,6 или 0,7-0,8 см. В примеси к глиняному тесту присутствуют дресва и шамот. Обжиг хороший, цвет черепков желто-коричневый. Из-за фрагментарности керамики полностью восстановить форму сосудов не удалось. В верхней части они имели прямое, слегка прикрытое или открытое устье. Венчики в большинстве случаев округлой формы, с небольшим напылом на внутренней стороне или уплощенные "Т"-образной формы. Орнамент составляют ямки с коническим дном, разделенные на зоны прямым или косозубым гребенчатым штампом, редко треугольными вдавлениями или плюснами птиц. На ряде сосудов прослеживается геометрический орнамент в виде треугольников, заполненных чередующимися рядами ямок и оттисков штампа (рис.2,18). Керамика очень близка посуде развитого (второго хронологического этапа по Н.В.Лобановой) неолита Карелии [3, с.97-99, рис.4; 4, рис.5,7]. Ее также можно сопоставить с керамикой развитого облика льяповской культуры [6, рис.31].

В небольшом количестве (20 фр.) имеется тонкостенная - 0,4-0,5 см - посуда с примесью шамота и песка, которая украшена тонкими, очень отчетливо нанесенными рядами горизонтального штампа, перемежающимися с глубокими коническими ямками, а также близкая ей по технологии изготовления керамика (15 фр.) с редкоямочным узором (рис.2,16). Найдены фрагменты от 4 миниатюрных сосудов, один из которых не орнаментирован, а остальные украшены мелкими коническими ямками.

Керамика культуры сперрингс насчитывает 17 фрагментов, очевидно, от 4 сосудов. Несколько фрагментов изготовлено из грубого теста с примесью дресвы и шамота, их толщина 0,8-0,9 см. Они орнаментированы исключительно рядами одинарных или сдвоенных позвонков (рис.2,14). Только на одном фрагменте имеются ямки неправильной формы (рис.2,17). Остальная керамика тонкостенная - 0,5-0,6 см, плотная, с гладкой внутренней поверхностью. Один сосуд украшен от-

тисками позвонка, нанесенными в отступающей манере, в сочетании с прочерченными линиями (рис.2,11). Остальные украшены, в основном, сдвоенными рядами оттисков позвонков, чередующимися с округлыми или коническими ямками (рис.2,12). На этой стоянке также найдены фрагменты ранней гребенчатой керамики типа Сяр 1, украшенные неглубокими оттисками штампа в сочетании с рядами ямок (рис.2,19). Появление такой керамики относится к периоду явных контактов двух групп населения - с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой [5, с.80-83]. Нельзя не отметить и определенного сходства гребенчато-ямочной посуды с близкой по времени существованию раннеьяловской керамикой Верхнего Поволжья [6, с.30].

В целом, неолитический комплекс стоянки Ащозеро VIII можно датировать кон. V-IV тыс. до н.э.

В позднем неолите - раннем энеолите стоянку посещало население, изготавливавшее керамику с асбестовой примесью. На южных участках раскопа собрано 4 фрагмента стенок сосуда очень плохой сохранности, орнаментированных тонким гребенчатым штампом. Подобная керамика в бассейне р.Оять имеется на стоянке Падань I [2, с.66, рис.1,13]. Средневековая керамика, сходная с посудой Ащозера I, найдена на северо-восточных участках раскопа на глубине 0-20 см.

Кремневый инвентарь - 370 экз., из которых 334 отщепы мелкого и среднего размера, а также 2 пластины без ретуши.

Материалом для изготовления орудий служили красно-коричневый, серый, редко фиолетовый кремль, лидит и сланец. Нуклеусы представлены 2 невыразительными экземплярами конической формы с негативами снятия отщепов и пластин. Один из них, вероятно, использовался в качестве резца. Скребки (18 экз.) изготовлены на отщепах, удлинённых сколах, площадках с нуклеусов и имеют преимущественно концевую форму лезвия (рис.2,2-5,9,15). Одно орудие на продольном сколе имеет массивное лезвие (рис.2,7). Среди изделий наиболее выразительной является группа ножей (6 экз.). Заготовками для них служили крупные пластины или продольные сколы. Полукрутой ретушью оформлено узкое, слегка изогнутое лезвие, а также рукоять (рис.2,1,6). Одно орудие на продольном сколе с нуклеуса было комбинированным - нож-скребок (рис.2,13). По способу оформления рабочих краев оно аналогично орудиям со стоянки Падань I [2, рис.2,31]. Остальные ножи, изготовленные на широких сколах или отщепах, представлены обломками (рис.2,8). Описанные орудия имеют широкий круг аналогий в материалах памятников развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой в Карелии [3, рис.3,8; 4, рис.8,4], так и яловской культуры на Верхней Волге [6, рис.39,17-19].

Из сланца изготовлено два небольших тесла подпрямоугольной формы с прямым тонким лезвием (рис.2,10). Одно орудие, с шестигранным поперечным сечением, имеет сильно сработанное лезвие. Помимо тесел имеется крупный топор размером 13,5 x 5 см с лезвием округлой формы. Как и остальные орудия, изделия из сланца близки изделиям с памятников Карелии, датированных IV тыс. до н.э. [3, с.10-11].

Таким образом, исследованиями на Ащозере выявлены неолитические комплексы с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной керамикой и керамикой сперрингс. Появление последних все более отодвигает границы культуры сперрингс и сопровождающей ее ранней гребенчатой от основного ареала распространения в Финляндии и Карелии к северо-востоку Вепсовской возвышенности.

Очевидно, как и в раннем средневековье, в эпоху камня приоятская территория находилась в зоне контактов или передвижения населения из Прионежья и юго-западных районов Вологодской области, связанных, в свою очередь, с бассейном Верхней Волги. Последнее подтверждается значительным сходством материальной культуры регионов, особенно в развитом и позднем неолите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочуркина С.И., Линецкий А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
2. Гусенцова Т.М., Андреева Н.А. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.

3. Лобанова Н.В. Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-ребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
4. Лобанова Н.В. Поселения с ямочно-ребенчатой керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
5. Песонен П.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
6. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1990.
7. Спиридонов А.М. Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А.М.Линевского) // Курганы летописной веся. Петрозаводск, 1985.
8. Волкова М.В. Дополнения к археологической карте Бежецкого края (к вопросу о местоположении Новгородской волости Городец-Палец (Палиц) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
9. Муллонен Н.И. О гидронимии бассейна р.Оять // Курганы летописной веся. Петрозаводск, 1985.

*Ленинградский областной музейный центр,
С.-Петербург*

**T. M. Gusyentsova, N.A.Andreeva
NEWLY-FOUND MONUMENTS OF THE STONE
AGE AND THE MIDDLE AGES IN THE OYAT'S BASIN**

Summary

The archaeological monuments of the Oyat's basin had been for along time represented by barrow cemeteries only. Within the last decade more than 20 sites and settlements of various epochs (the Stone Age, the Eneolithic, the Early Middle Ages) have been discovered and examined by the authors of this article. The article is based on the data obtained during the research work at Ashozero. The Early Neolithic pit-comb ware and flint inventory (the latter characterized by blade tradition in tool-making) were found there. These materials are similar to those found in the Karelia - to the Black river I type. The Sperrings culture ceramics (Syar I) were found there too, which made it possible to widen the area of their location from the Karelia and Finland to the North-Eastern borders of the Veps Hills. The most numerous findings of the Developed Neolithic are those containing pit-comb ware. The sites excavated are dated by the end of Vth-IVth millennium B.C.

Pottery with scratched combed decoration, and non-decorated hand-made pottery were found the first time on Ashozero sites. This pottery is analogous to the materials which were discovered in the Oyat's basin barrow cemeteries dated by Xth-XIIth centuries A.D.

***The Leningrad Region Museum Centre
57, Lyteiny Ave.,
St. Peterburg, Russia***

Т. М. Гусенцова, Н. А. Андреева
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ
МЕЖОЗЕРЬЯ
(ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ И ПРИОНЕЖЬЕ)

Ранний неолит рассматриваемой территории представлен материалами, оставленными населением с различными культурными традициями. Наиболее выразительным показателем этих отличий остается глиняная посуда, поскольку информативность каменного инвентаря снижена из-за многократного заселения памятников.

Значительная группа керамики отнесена к культуре сперрингс. Она присутствует на стоянках Падань I, Мальгиничи и Ащозеро VIII (табл.1). Для сравнительного анализа отобрано около 1000 фрагментов (19 сосудов). Количество последних определено по индивидуальным особенностям орнамента и оформлению верхней части. Посуда изготовлена из грубого теста, содержащего органику, песок, дресву, охристые включения и иногда естественную примесь раковины (рис.1). Сосуды изготавливались ленточным налепом встык, ширина лент 5-6 см. Толщина стенок преимущественно 0,7-0,8 см - 371 фр. и 0,5-0,6 см - 241 фр. (табл.3). Цвет керамики от красного до темно-коричневого. Внутренняя поверхность сосудов заглажена. На внешней поверхности встречается подкраска охрой. Форма горшков полуяйцевидная с прямыми стенками и приостренным дном. Венчики прямые, уплощенные, без орнамента.

Большинство сосудов крупных размеров с диаметром горла до 40 см, но имеются и мелкие - диаметр горла 20-22 см и толщина стенок соответственно 0,4-0,5 см. Орнамент покрывает все тулово сосудов, включая дно.

Одной из ярких особенностей керамики культуры сперрингс является применение разнообразных способов нанесения орнамента: рыбьими позвонками, "веревочкой", а также орнаментирами, оставляющими плотные ряды наколов или прочерченные линии (табл.2).

При проведении эксперимента удалось определить два приема нанесения позвонкового узора: вертикально поставленные одинарные, сдвоенные и строенные позвонки, напоминающие отпечатки римских цифр I и II (рис.2,1,3; 3,1), и горизонтальный прокат крупного позвонка рыб (рис.3,2). Для этого были использованы позвонки щуки, леща и окуня - наиболее распространенных видов рыб в озерах северо-востока Ленинградской области. Отпечатки на глиняных таблечках полностью совпали с позвонковым орнаментом на сосудах стоянок Падань I и Ащозеро VIII (102 фр., 7 сосудов). Кроме позвонкового орнамента на этой посуде часто встречаются ямки, нанесенные по основному орнаментальному полю и иногда подчеркивающие разделение его на горизонтальные зоны. Как правило, они не оставляют следов на внутренней поверхности черепков.

Несколько большее количество керамики (300 фр., 8 сосудов) орнаментировано в технике отступания или прочерчивания. Преобладают оттиски от широких штампов с рабочим краем прямоугольной или округлой формы, оставляющих гладкие вдавленные линии или отдельные

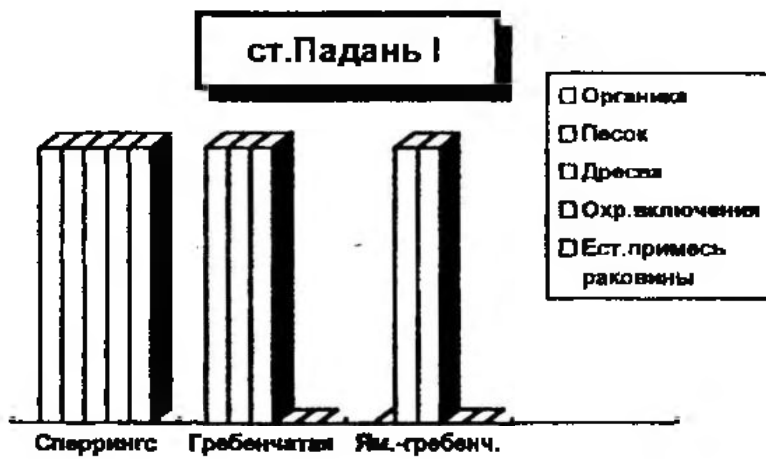

Рис. 1. Состав примесей к глиняному тесту

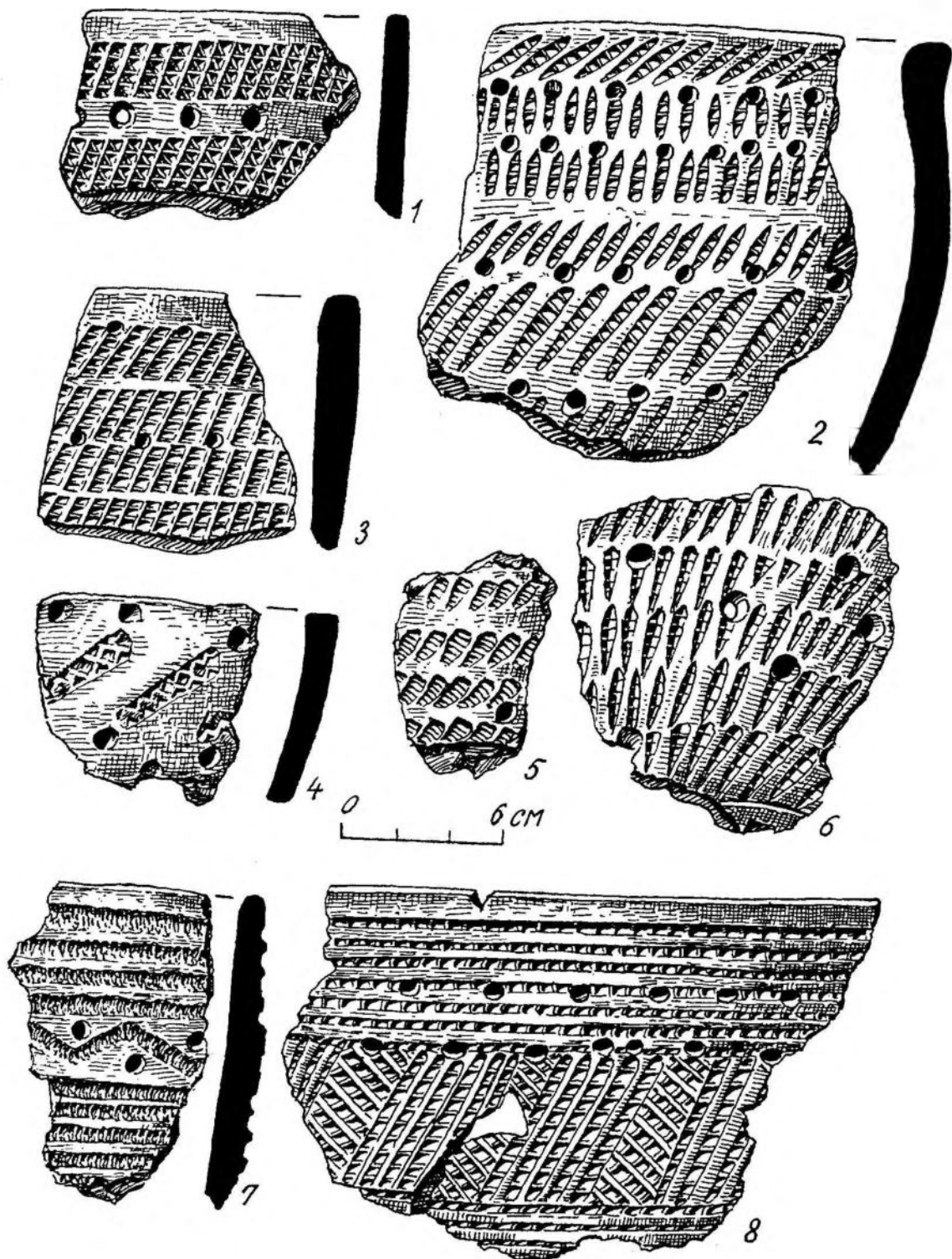

Рис. 2. Керамика эпохи раннего неолита стоянки Падань 1. Орнаменты:
 1, 3 - позвонковый; 4, 5, 7 - веревочный; 2, 6, 8 - гребенчатый

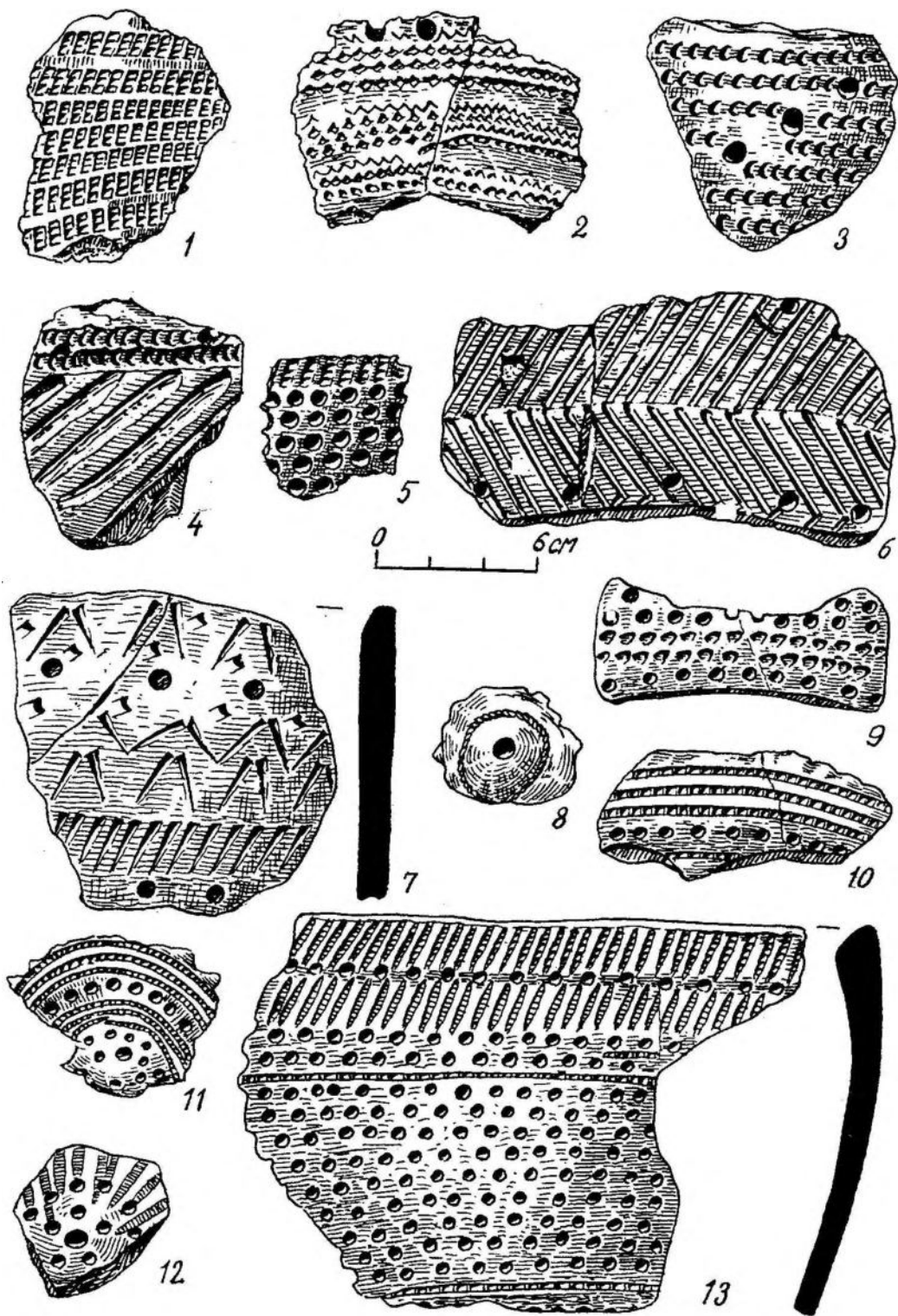

Рис. 3. Керамика эпохи раннего неолита:

1-4, 6, 7, 13 - Падань I; 5, 11 - Ащозеро VIII; 8 - Мальгиничи; 9, 10, 12 - Ащозеро I. Орнаменты: 1-2 - позвонковый; 3 - отступающий; 4 - отступающий и прочерченный; 5 - позвонковый и ямочный; 6 - прочерченный; 7 - гребенчатый; 8-13 - ямочно-гребенчатый

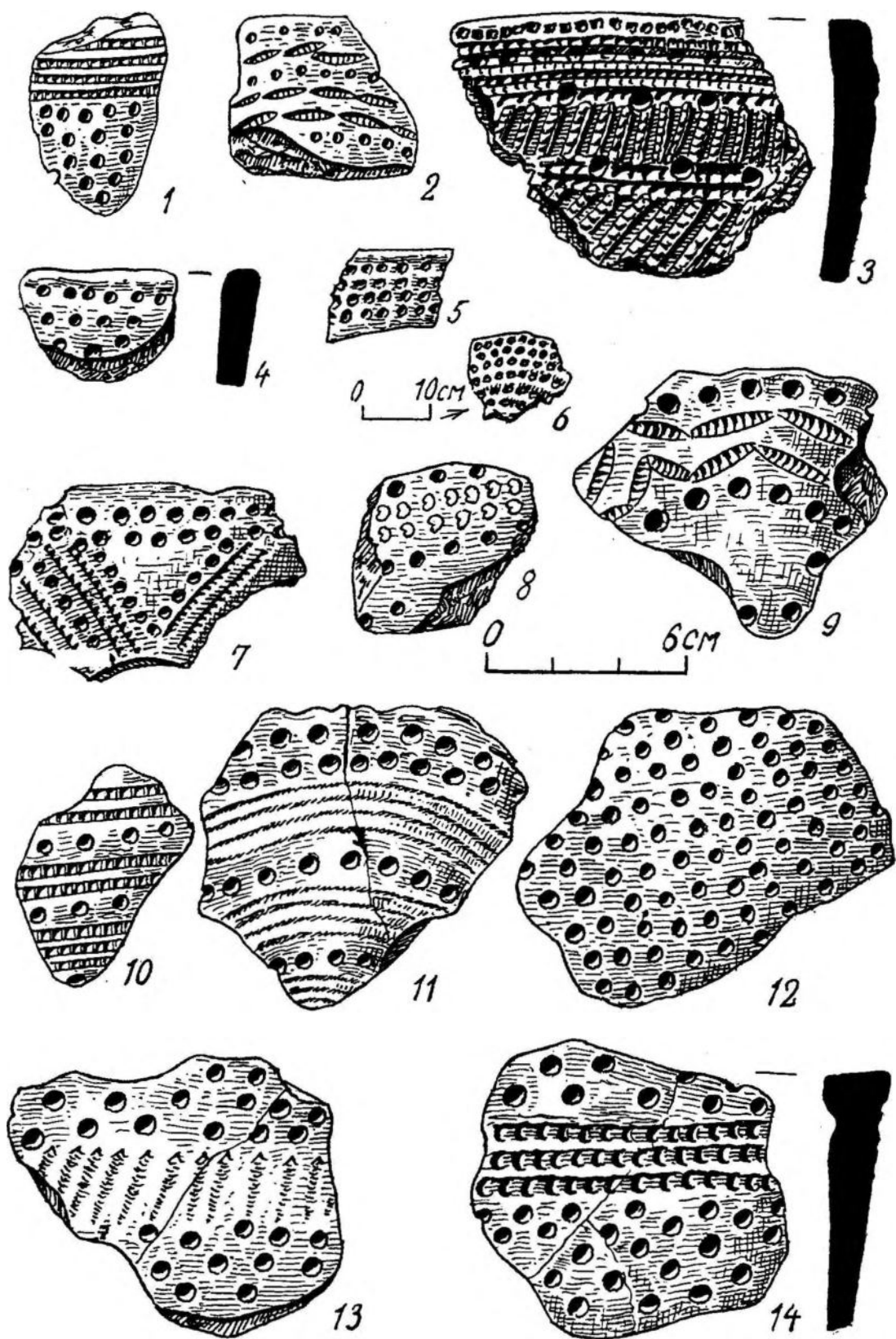

Рис. 4. Керамика эпохи раннего неолита:
 1, 2, 4, 8, 11, 12 - Мульевская; 3, 9, 10, 13, 14 - Мальгиничи; 5, 7 - Ащозеро VIII; 6 - Ащозеро VII;
 1, 2, 4-14 - ямочно-гребенчатая; 3 - гребенчатая

строчки наколов (рис.3,3,6). Применялись также орнаменты, оставляющие "ребристые" отпечатки. На некоторых фрагментах орнамент выполнен в технике и отступания и прочерчивания (рис.3,4).

По проведенным экспериментам, для нанесения узора могли быть использованы сланцевые стерженьки, встречающиеся на памятниках, а также крупные кости рыб или животных.

Одной из особенностей этой техники орнаментации является диагональное построение орнаментального поля или применение геометрических элементов, в частности, "елочки" (рис.3,3,6).

Способ нанесения орнамента и композиции узора делают сходным этот тип керамики с посудой верхневолжской и днепро-донецкой неолитических культур [1,рис.1,9,11,12].

Остальная керамика (550 фр., 4 сосуда) украшена так называемой "веревочкой". Несколько фрагментов ее по технологическим признакам: составу глиняного теста, толщине стенок, обработке поверхности - отличаются от основной массы и могут быть сопоставимы с ранней ямочно-гребенчатой керамикой (рис.2,7). Большинство сосудов по способу изготовления аналогично вышеописанным. Вся керамика орнаментирована четкими, довольно глубоко поставленными отпечатками, напоминающими плетение или чешуйки моллюсков, редко - отпечатки позвонков по типу колючей проволоки (рис.2,4,5,7). Эксперимент по получению оттисков несколькими видами веревочек, намотанных на палочку, и другими текстильными материалами близких к отпечаткам на керамике не выявил. Просмотр коллекций родов моллюсков и сравнение их с керамикой определили наибольшее сходство с головоногими моллюсками аммоноидеи, имеющими распространение в Ленинградской области.

Так же, как и на посуде с позвонковым орнаментом, на сосудах с "веревочным" прослеживается горизонтально-зональное расположение узора. Роль разделителей зон выполняют пояски из круглых, продолговатых ямок с конической формой дна. На многих фрагментах встречается мотив из ямок, расположенных в шахматном порядке и связанных зигзагом (рис.2,7).

Таким образом, отличительной особенностью керамики культуры сперринг на рассматриваемой территории является разнообразие способов нанесения орнамента. Существенно, что преобладают орнаменты, вероятно, естественного происхождения. Однако это необходимо подтвердить более широкими экспериментальными исследованиями.

На наш взгляд, требует дополнительной аргументации и распространенное мнение о большей древности керамики, орнаментированной позвонками рыб, чем остальной посуды культуры сперрингс [2,с.71].

На многих памятниках Межозерья, как и в Карелии, керамика культуры сперрингс встречается вместе с посудой, орнаментированной гребенчатыми штампами. Наибольшее количество последней собрано на стоянке Падань I (390 фр., 5 сосудов). Способ лепки сосудов, состав примесей к глиняному тесту, характер обжига, цвет и форма их близки к вышеописанным (рис.1;табл.3).

Узор наносился длинными и короткими, косо - и прямо поставленными штампами в технике проката или отступания. Преобладает зональное размещение орнамента (рис.2,2,6,8). Один сосуд орнаментирован штампом с косыми нарезками. Отпечатки сходны с подобными на керамике стоянки Тудозеро V (юго-западное побережье Онежского озера), где был найден такой штамп на сланцевой гальке (рис.3,7; авторы благодарят А.В.Иванищеву за возможность ознакомления с материалами указанной стоянки). Технологические признаки керамики, количественное соотношение и территория распространения отражают, очевидно, процесс сосуществования ее носителей на определенном хронологическом этапе с населением культуры сперрингс.

На трех стоянках (Ащозеро I,VII,Мульевская) ранний неолит представлен керамикой только с ямочно-гребенчатым орнаментом. На других (Падань 1, Мальгиничи, Ащозеро VIII) она найдена вместе с другими группами посуды (табл.1).

При изготовлении этой керамики в качестве примеси к глиняному тесту добавляли песок, очень редко дресву, органику и шамот (рис.1). Сосуды лепились ленточным способом (встык), ширина лент 3-5 см. Тесто хорошо отмученное, цвет керамики желто- и красно-коричневый,

иногда серый. Редко встречается окраска охрой. Сосуды крупные, диаметром горла более 30 см и мелкие, диаметром горла до 10 см. Форма их полуяйцевидная с округлым дном. Толщина стенок сосудов соответствует их размерам 0,6-0,7 см и 0,2-0,5 см (табл.3). Венчики прямые, "Т" - образные или округлые. Иногда орнаментированы тонкими оттисками гребенчатого штампа. К этой группе керамики по технологическим признакам изготовления отнесена и неорнаментированная посуда.

Преобладает горизонтально-зональное размещение узора, состоящего из широких зон ямок, разделенных поясками из вертикальных или наклонных оттисков гладкого или зубчатого штампов, а также горизонтальными прочерченными линиями. Некоторые миниатюрные сосуды покрыты только ямочным узором (рис.3,8-13;4,1-2,4-14). Иногда ямки размещаются в шахматном порядке или образуют треугольник (рис.4,7). В качестве разделителей зон применялись оттиски, нанесенные плюснами птиц (рис.4,8). Глубина нанесения ямок различная. Они могут быть поверхностными, но чаще оставляют небольшие выпуклости с внутренней поверхности сосудов. Форма ямок округлая с плоским или коническим дном. Они наносились специальными штампами из сланца, наподобие орудия со стоянки Чик-озеро 1 [3,рис.2,3]. Белемниты, которые находят в материалах памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Волго-Окского междуречья, пока ни на одной из изученных нами стоянок не найдены. Однако они встречаются в отложениях террас рек Ленинградской области. В качестве индивидуальных черт коллекций керамики укажем на преобладание в качестве разделителей зон оттисков гладких штампов над зубчатыми на стоянках Ащозеро I,VII и Мутьевской. Сочетание двух способов нанесения орнамента - позвонка и ямок - отмечено на одном из фрагментов из Ащозера VIII (рис.3,5).

Наименование памятника	Площадь раскопа, кв. м	Спёррингс		Гребенчатая		Ямочно-гребенчатая	
		фрагменты	сосуды	фрагменты	сосуды	фрагменты	сосуды
Падань I	620	906	14	390	5	167	2
Мальгиничи	156	32	1	2	-	76	2
Мутьевская	112					170	2
Ащозеро VIII	100	13	4	8	1	77	5
Ащозеро VII	8					44	5
Ащозеро I	60					16	1
Леринская I	шурф	1				6	
Итого:		952	19	400	6	556	24

Таблица 1. Распределение групп керамики на памятниках

Наименование памятника	Всего фрагментов	Позвонок		Отстуление		Прочерчивание		Веревочка	
		фр.	сос.	фр.	сос.	фр.	сос.	фр.	сос.
Падань I	906	88	3	139	4	129	3	550	4
Мальгиничи	32	-	-	32	1	-	-	-	-
Ащозера VIII	13	13	4	-	-	-	-	-	-
Леринская I	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	952	102	7	171	5	129	3	550	4

Таблица 2. Соотношение техники нанесения орнамента на керамике сперрингс

Толщина, см	Наименование памятников											
	Падань I			Мальгиничи			Ащозера VIII			Ащозера VII	Мульевская	Ащозера I
	сперрингс	гребенчатая	ямочно-гребенчатая	сперрингс	гребенчатая	ямочно-гребенчатая	сперрингс	гребенчатая	ямочно-гребенчатая	ямочно-гребенчатая	ямочно-гребенчатая	ямочно-гребенчатая
0.2-0.4	33	-	67	-	-	-	-	-	55	21	-	-
0.5-0.6	228	240	100	-	-	40	13	8	22	23	78	5
0.7-0.8	371	150	-	-	2	36	-	-	-	-	92	11
0.9-1.0	201	-	-	32	-	-	-	-	-	-	-	-
1.1-1.3	73	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	906	390	167	32	2	76	13	8	77	44	170	16

Таблица 3. Толщина стенок сосудов

Относительно места керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом среди многочисленных материалов соседних территорий можно отметить, что наибольшее сходство ее прослеживается с керамикой Андозера I (запад Вологодской области) и Черной речки I (восточное побережье Онежского озера) [4;5]. Близость с раннеяловской керамикой распространяется на заполнение орнаментального поля, его разделение, но технология изготовления, на наш взгляд, имеет заметные отличия [6, с.51].

Разнообразие групп керамики отражает достаточно сложную картину заселения Междозерья в раннем неолите. Технология изготовления керамики свидетельствует об устойчивых традициях, которые скорее всего были выработаны позднемезолитическим населением. В то же время не исключены моменты взаимных контактов или результатов передвижения, обусловленные изменениями в среде обитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Костылева Е.А.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
2. *Песonen П.Э.* Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
3. *Гусенцова Т.М., Андреева Н.А.* Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
4. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
5. *Лобанова Н.В.* Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
6. *Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1990.

*Ленинградский областной музейный центр,
С.-Петербург*

T.M.Gusentsova, N.A. Andreyeva

SOME CHARACTERISTICS OF MANUFACTURING OF THE EARLY-NEOLITHIC CERAMICS IN MEZHOZERYE (South-eastern Ladoga - Onega basin)

Summary

The article summarizes the results of experiments and analysis of the ornamentation techniques for various groups of ceramics: sperrings, comb and pit-comb. A number of ornamentation tools were identified, among which there were fish vertebrae, mollusks, slate pebbles and stems, bones of animals and birds. In production of the sperrings ceramics ornamentation tools of natural origin seem to prevail. The technico - typological analysis of pottery provides data concerning colonization of Mezhozerye by population belonging to different cultural traditions.

*The Leningrad Region Museum Centre
57, Lyteyn/Ave., St. Peterburg, Russia*

Ю. Н. Урбан

СТОЯНКА ЗАБЕЛЬЕ - ПАМЯТНИК РАННЕГО НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ВАЛДАЯ

Северным Валдаем обычно называют отроги Валдайской возвышенности - Вепсовскую возвышенность и Тихвинскую гряду. Здесь находится водораздел Волжского и Балтийского бассейнов. Регион характеризуется моренно-холмистым ландшафтом, переходящим в юго-восточной части в зандровую равнину. С юго-восточных склонов стекают реки Волжского бассейна: Чагода, Соминка, Лидь, Колпь. На северных склонах берут свое начало основные реки восточной части Ленинградской области: Оять, Паша, Сясь, Тихвинка, относящиеся к Балтийскому бассейну. Эта географическая особенность сыграла определенную роль в историко-культурном развитии региона.

Проведенные в последние годы экспедицией Объединения музеев Ленинградской области археологические исследования позволили проследить различия в культуре племен эпохи неолита. Севернее Вепсовской возвышенности и Тихвинской гряды преобладают памятники, близкие карельским, южнее - памятники, входящие в круг валдайских и бассейна Мологи.

Разведочные работы на юге Вепсовской возвышенности и на зандровой равнине показали неравномерность в распределении стоянок неолита. Большинство археологических памятников найдено на зандровой равнине. Исследования на озерах и реках Вепсовской возвышенности показали ее слабую заселенность в эпоху неолита. На крупных проточных озерах Святозеро, Мягозеро, Шидрозеро обнаружены лишь следы кратковременных стоянок.

В 1986 г. были проведены разведочные работы на Вожанском озере. Выявлено 6 неолитических стоянок и одно средневековое селище. Наиболее значительный памятник находится на юго-западном берегу Вожанского озера, в 1,5 км к ВЮВ от д. Забелье (рис.1). Стоянка занимает северный склон крупного песчаного всхолмления, заросшего сосновым лесом. При шурфовке прослежен окрашенный в красноватый цвет культурный слой мощностью до 0,4 м. В 1987-1992 гг. на стоянке проведены раскопочные работы. Общая вскрытая площадь составляет 480 кв. м.

При раскопках выяснилось, что на данном участке берега последовательно существовали 3 древних поселения, сдвинутые по площади относительно друг друга. Древнейшее поселение занимает участок в западной части всхолмления. Высота его расположения над современным уровнем воды в Вожанском озере от 1,7 до 3 м. Несколько ниже и восточнее располагается поселение развитого неолита, а еще восточнее и несколько выше - поселение с "текстильной" керамикой. Два последних поселения частично перекрывают древнейшее.

Стратиграфия древнейшей стоянки довольно проста. Под лесным дерном (мох с травой) залегает темно-серый подзол мощностью до 0,22 м. Он содержит смешанный материал от раннего неолита до средневековья.

Под темно-серым подзолом прослежен основной культурный слой - красноватый песок толщиной 0,25-0,45 м. Резкое отличие в окраске этих двух слоев позволило вычленить древнейшие находки

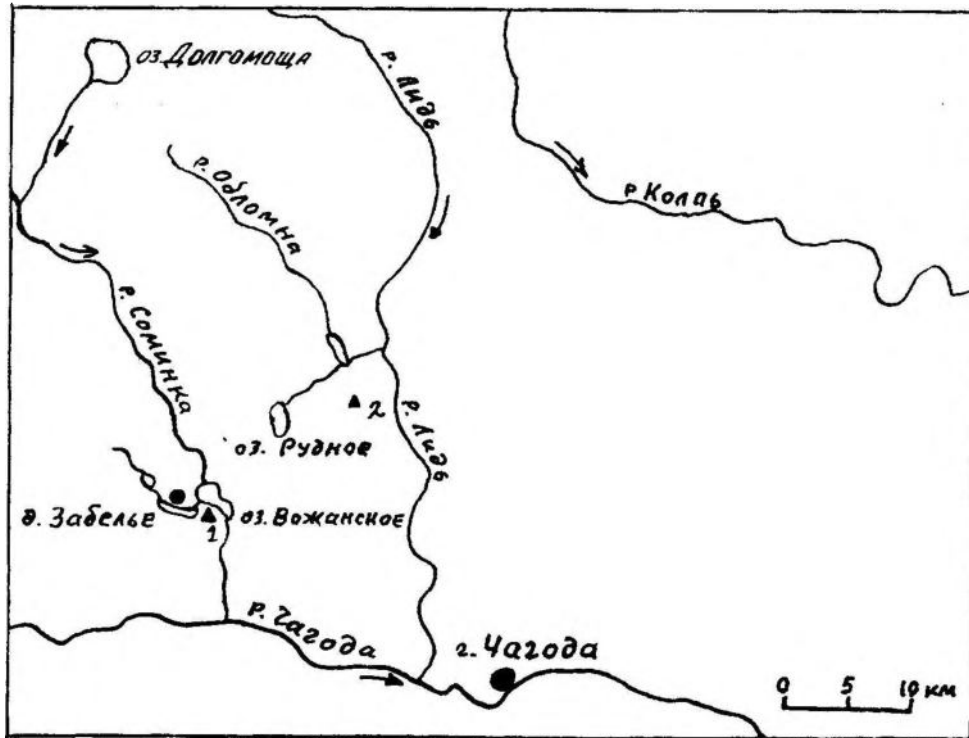

Рис. 1. Карта расположения стоянок: 1 - Забелье; 2 - Белое Озеро

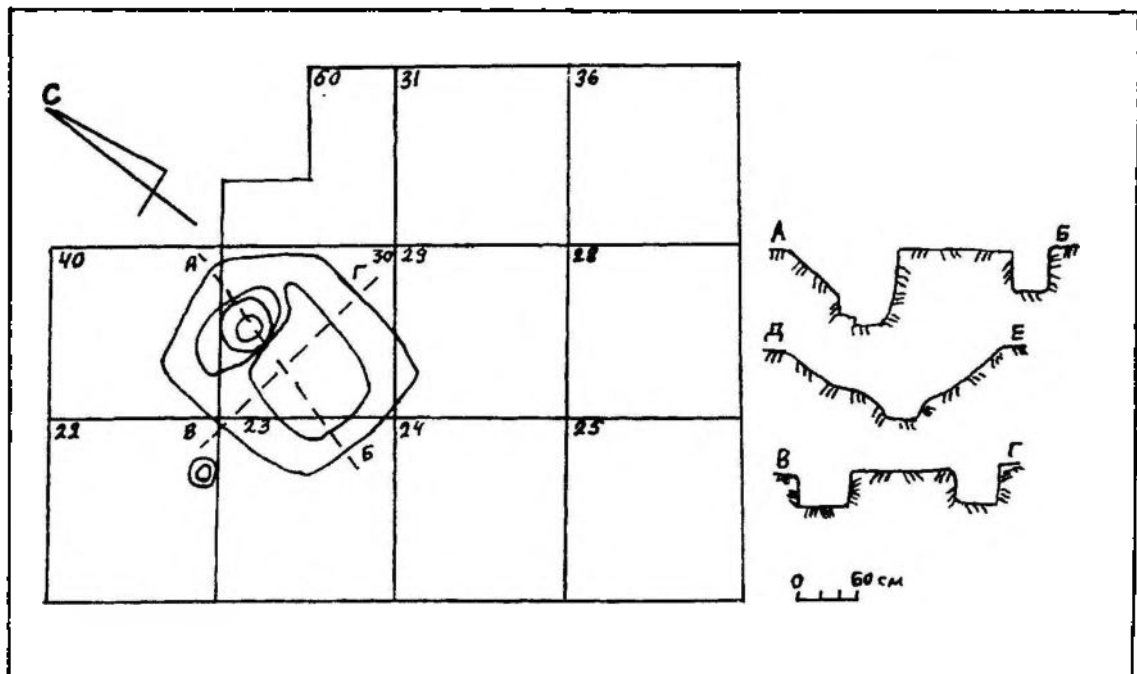

Рис. 2. Стоянка Забелье. Земляное сооружение в кв. 22, 23, 29, 30, 40

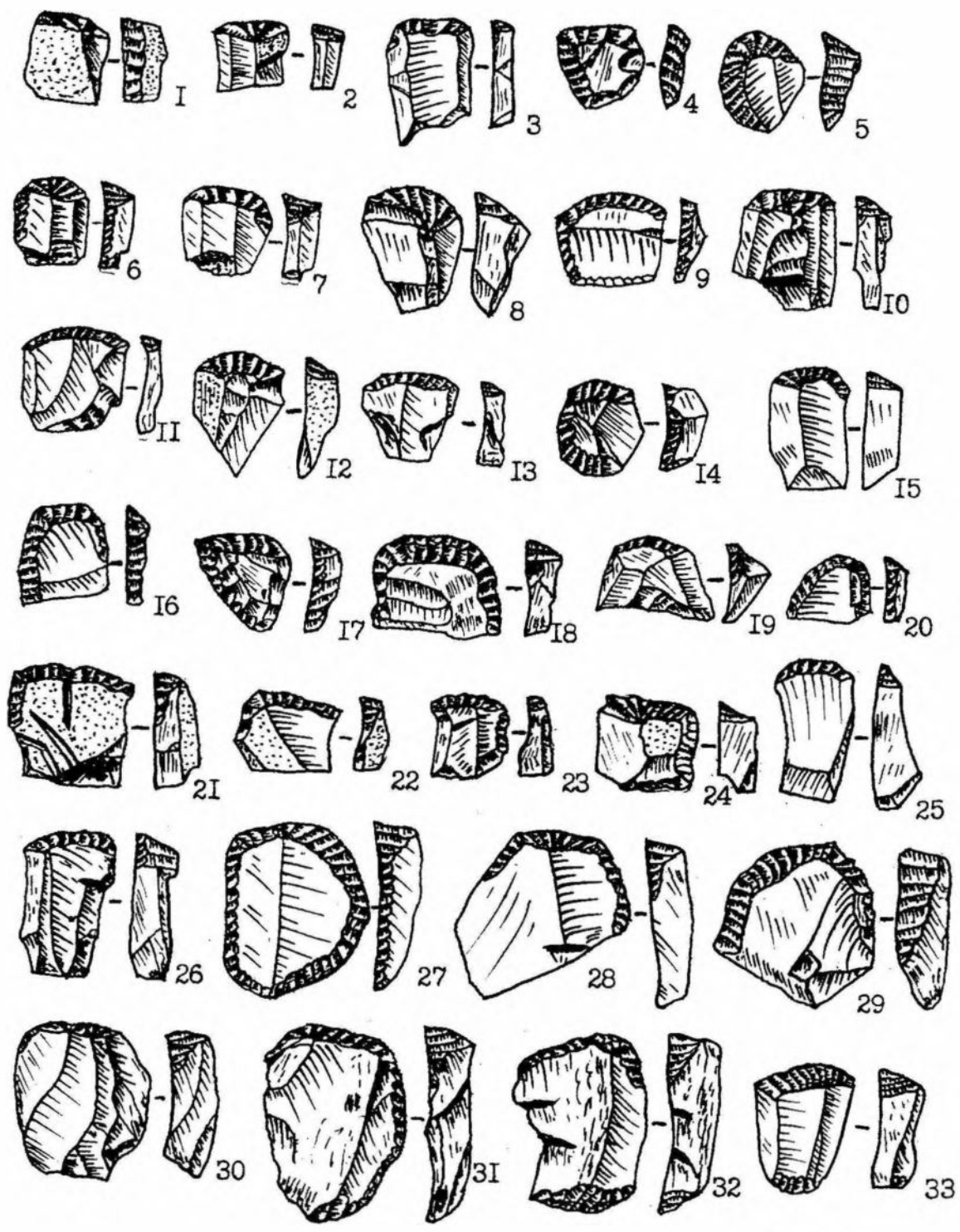

Рис. 3. Стоянка Забелъе. Скретки. Кремень

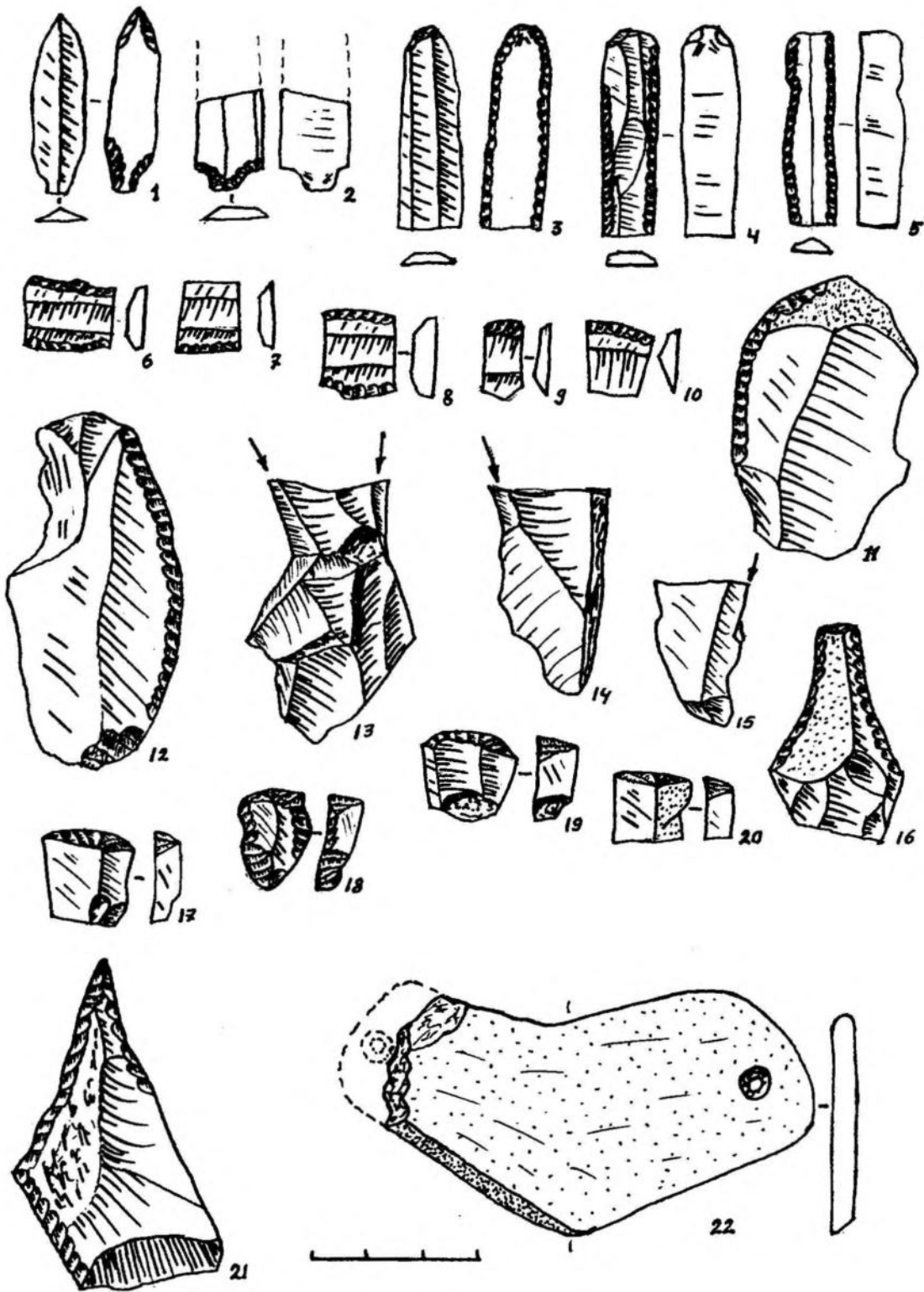

Рис. 4. Стоянка Забелье. Инвентарь:

1-2 - наконечники стрел; 3-10 - вкладыши; 11-12 - ножи; 13-15 - резцы; 16 - сверло; 17-20 - концевые скребки; 21 - проколка; 22 - подвеска. 1-21 - кремний; 22 - сланец

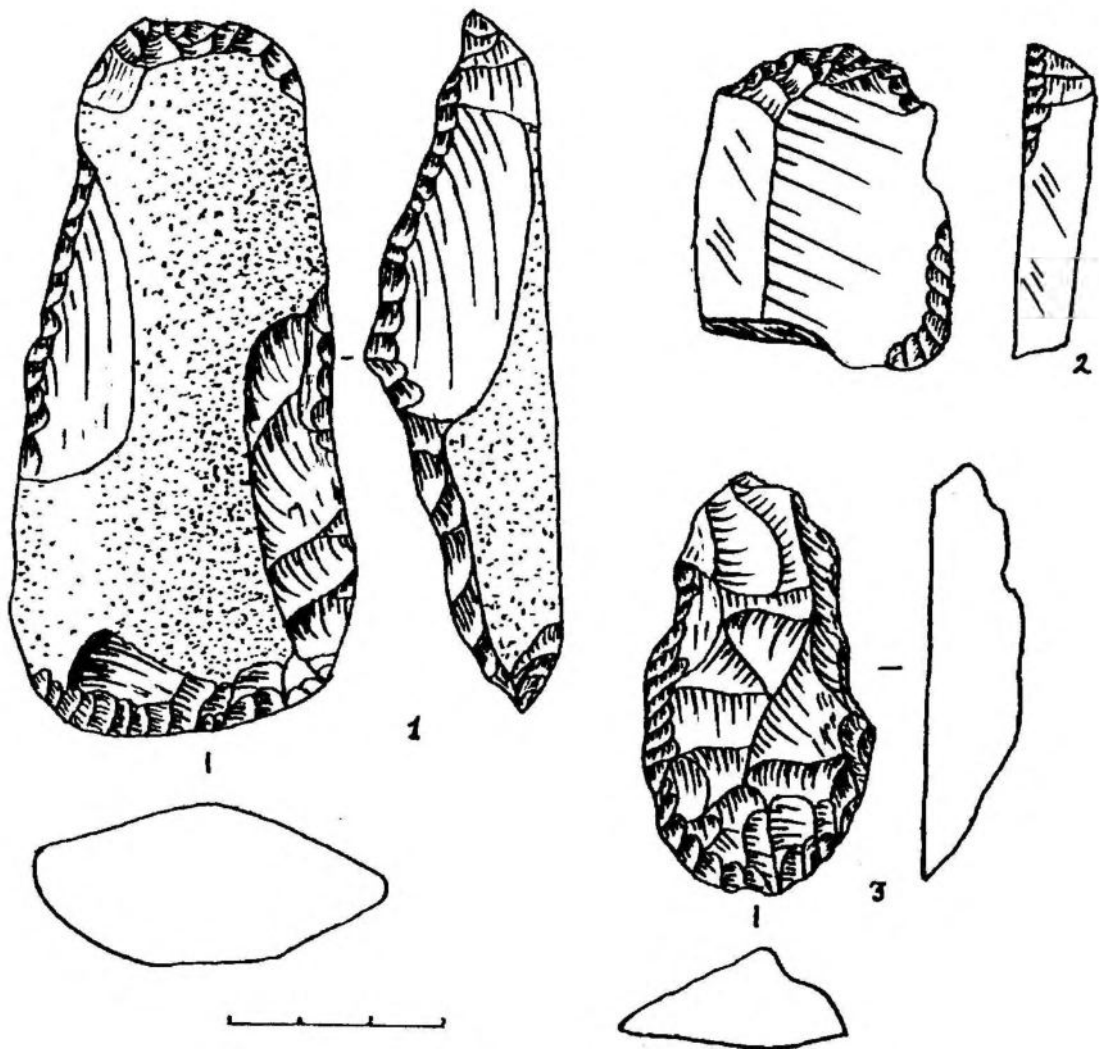

Рис. 5. Стоянка Забелье. Инвентарь:
1, 3 - рубящие орудия; 2 - сребок. Кремьнь

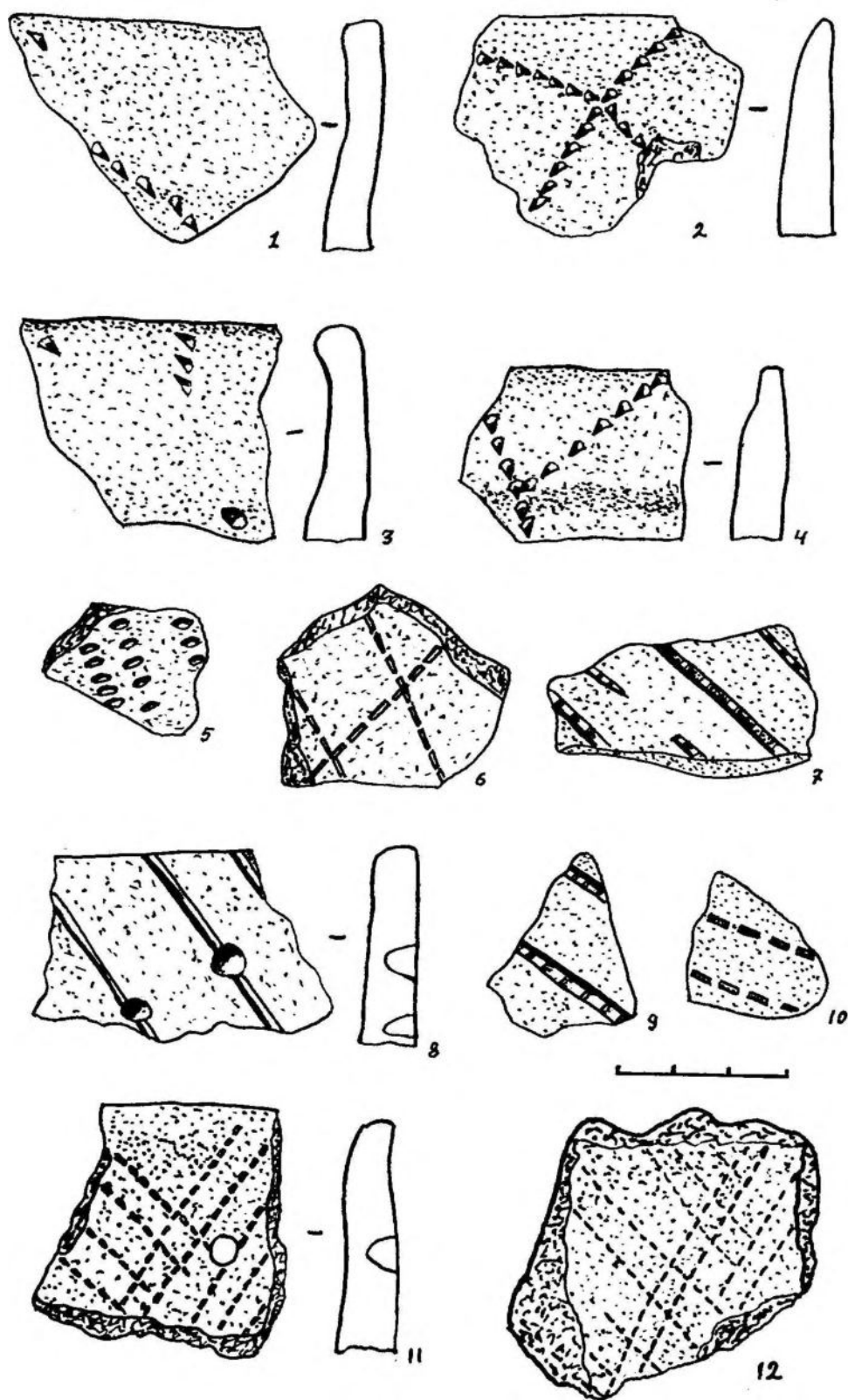

Рис. 6. Стоянка Забелье. Керамика:
 1-5, 7-9 - с прочерченно-накольчатым орнаментом; 6, 10, 12 - с гребенчатым орнаментом

в случаях нарушения нижнего культурного слоя ямами из верхнего. Основой как верхнего, так и нижнего слоев является мелкий песок с небольшим включением галек. Отмечена неравномерность в интенсивности окраски слоя на отдельных участках. В наиболее интенсивно окрашенных местах встречено наибольшее количество находок.

Конструкции. Земляное сооружение зафиксировано на глубине от 0,47 до 0,60 м от современной дневной поверхности в квадратах 23, 29, 30, 40. Оно имеет в плане неправильно пятиугольную форму. Размеры 2,14 x 2,70 м. В центральной части находится выступ материка (1,16 x 1,25 м), окруженный со всех сторон темно-серым с коричневым оттенком заполнением (рис.2). В восточной части сооружения на глубине 0,75 м от дневной поверхности обнаружена овальная в плане очажная яма размером 0,60 x 1,27 м и глубиной в центральной части 0,33 м (1,12 м от дневной поверхности). Ямка заполнена темно-серым песком с включением мелких угольков. На дне имеются участки красноватого прокаленного песка. Канавообразное углубление вокруг выступа материка заполнено темно-серым с коричневатым оттенком песком. Интенсивность темной окраски увеличивается ко дну. Глубина канавообразного углубления от уровня материка 0,37-0,40 м. В заполнении найдены отщепы, ножевидные пластины, концевые скребки, резец и обломок керамики с накольчатым орнаментом. В 0,35 м севернее сооружения прослежена столбовая яма диаметром 0,23 м и глубиной 0,26 м от уровня материка. Вокруг сооружения наблюдается концентрация находок.

Вторая конструкция, связанная с древнейшим поселением, прослежена в кв. 47, 48, 49, 53. Она представляет собой западину в материке глубиной 0,07-0,12 м, заполненную серо-красным песком. Западина по диагонали пересекает раскоп. Ширина ее 2,97 м. В западной части в кв. 47 на глубине 0,51 м от дневной поверхности обнаружен сложенный из камней очаг размером 0,63 x 0,70 м. Камни средней величины со следами действия огня. Заполнение состояло из темно-серого песка с мелкими угольками. В пределах западины наблюдалось увеличение количества находок. Других конструктивных деталей в пределах распространения древнейшего культурного слоя не прослежено. Всего наблюдалось три крупных скопления находок, причем одно из них не было связано с конструкциями.

Кремневое сырье разнообразно по качеству. Преобладает красно-коричневый и желто-коричневый высококачественный кремнь. Низкосортный галечный кремнь представлен на стоянке красным и серым цветами. Встречено несколько изделий из высококачественного сиреневого верхневолжского кремня. На Вепсовской возвышенности и Тихвинской гряде встречается лишь низкосортный галечный кремнь. На зандровой равнине кремня нет. Высококачественный кремнь стоянки Забелье близок к кремню из известнякового каньона на реке Рагуше в южной части Бокситогорского района Ленинградской области. Менее вероятен импорт кремня из верхневолжских месторождений (за исключением сиреневого).

Сырьем дорожили. Нуклеусы, в основном, конической и клиновидной формы с ровным приостренным ребром по сиггитальной линии. Когда нуклеусы становились малы, их, не закрепляя, оббивали через ребро, как куски. Некоторые нуклеусы превращались таким образом в массивные грубые резцы.

Почти все отщепы высококачественного кремня стали орудиями. Среди орудий на первом месте по количеству скребки - их свыше 800. Концевые скребки составляют около 50%. Несколько больше трапециевидных скребков на отщепах. Основная же масса - это короткие многосторонние. Среди последних большинство мелких (1,5-2,5 см), аморфных, но есть и правильные, округлые и подпрямоугольные. Характерно почти полное отсутствие плоской ретуши, заходящей на спинку. Есть серия скребков с противоположащей ретушью (рис.3,1-33; 4,17-20).

Резцов найдено 67 экземпляров. Большинство сделано на отщепах или пластинчатых отщепах. Резцовый скол бывает преимущественно широкий, но встречается и узкий, особенно на ножевидных пластинах (рис.4,13-15).

Ножи изготавливались из пластинчатых отщепов и оформлялись плоской ретушью. Большинство орудий, служивших ножами, типологически аморфны, почти не имеют ретуши, а только срабо-

танность. Использовались, в основном, отщепы правильной формы и не слишком массивные (рис.4,11-12).

Сверла выразительны. Устойчив прием оформления противоположащими сколами перовидного острия. Рабочий конец, как правило, заполирован от долгого употребления (рис.4,16).

Все найденные проколки сделаны из остроконечных отщепов и обработаны крутой ретушью (рис.4,21).

Весьма выразительна сланцевая подвеска. Она найдена в обломанном виде, но форма ее легко читается (рис.4,22). Подвеска изготовлена из серо-зеленого сланца и имеет V-образную форму. Судя по форме, она является нагрудным украшением.

Наконечников стрел найдено 18 экземпляров. Все они пластинчатые. Острие и насад формировались короткой крутой ретушью как со стороны брюшка, так и со спинки (рис.4,1-2).

Многочисленна серия пластин, сечений пластин и мелких орудий из них. На стоянке Забелье широко применялись вкладыши. При этом использовались целые или обломанные ножевидные пластины как с ретушировкой, так и без нее (рис.4,3-5). Многочисленны вкладыши из сечений ножевидных пластин, подправленных ретушью со стороны спинки или брюшка (рис.4,6-10).

Рубящие орудия представлены 48 экземплярами. Все они оббитые и изготовлены из кремня. Более тщательной ретушью обработан рабочий край. Прослеживается тенденция к трапециевидной форме (рис.5,1,3). Найдено 3 отбойника из овальных гранитных галек с забитостью на торцах.

Остальной кремневый материал представлен отщепами, ножевидными пластинами, ребристыми пластинами, микроотщепами, чешуйками и осколками кремня. Среди более чем 10000 изделий из камня найдено лишь 7 отщепов и 2 скребка из белого кварцита.

На стоянке Забелье в слое с вышеописанным инвентарем найдено 108 фрагментов оригинальной керамики, которая подразделяется на две группы - прочерченно-накольчатую и гребенчатую.

Керамика с прочерченно-накольчатым орнаментом имеет в глиняном тесте примесь песка и в небольшом количестве органики. Фрагменты твердые и плотные. Внешняя поверхность тщательно заглажена. На внутренней стороне видны расчесы. Венчики прямые, закругленные и заостренные, иногда загнуты внутрь или отогнуты наружу. Орнамент чаще всего нанесен в верхней части сосуда. Орнаментальные комбинации выполнены треугольными и овальными вдавлениями, "отступающей лопаткой" и прочерченными линиями. Они иногда дополняются круглыми ямками с округлым и коническим дном. С помощью этих элементов составлены композиции в виде перекрещивающихся и наклонных линий (рис.6,1-5,7-9). Керамики подобного типа найдено 78 фрагментов.

Второй тип представлен керамикой с гребенчатым орнаментом. Фрагменты имеют в глиняном тесте примесь крупного песка или дресвы. Черепки твердые и плотные, красноватого цвета. Венчики прямые, прямосрезанные, слегка приостренные, иногда отогнутые наружу.

Орнаментальные композиции создавались преимущественно оттисками гребенчатых штампов и, иногда, круглыми коническими ямками. Оттиски гребенчатого штампа перекрещиваются, образуя вертикальную "елочку" или ромбы (рис.6,6,10-12). Обращает на себя внимание вертикальная зональность орнамента. Горизонтальные зоны, как правило, образуют ямки, которые являются подчиненным элементом орнамента.

Такова краткая характеристика материалов стоянки Забелье. Стоянка бесспорно входит в круг памятников эпохи раннего неолита Европейской части России.

Открытие поселения Забелье ставит вопросы о ходе развития раннеолитических культур северо-западных областей лесной зоны России. На соседних территориях - в Карелии, Прибалтике и на Верхней Волге - открыт пласт раннего неолита. Территория, где находится Забельская стоянка, на всех археологических картах является белым пятном, что еще в большей степени повышает значение наших находок.

Попробуем определить место памятника в древней истории региона. Наш комплекс трудно сравнивать с неолитом Карелии, основанным на кварце, хотя кремневый инвентарь, пожалуй, близок. Особенно резко отличается керамика, которую невозможно связать с культурой сперрингс. С раннельяловскими находками его сближает наличие длинных скобелей, тесел в форме скребков, но на нем совершенно другая резцовая техника, не говоря уже о несовпадении пластин и керамики. С культурами Прибалтики комплекс Забелья связывают использование низкосортного кремня, диктующего особые приемы обработки, невыразительность резцов, свидерская традиция стрел, часто встречающаяся противоположащая ретушь; но совершенно не схожа керамика. Наибольшее совпадение забельских находок наблюдается с кремневым комплексом Кунды.

Наиболее перспективными являются южное и юго-восточное направления. Здесь выявлен ряд памятников финального мезолита, не говоря уже о верхневолжской раннеолитической культуре. Поразительное сходство кремневый комплекс Забелья обнаруживает с материалами двух позднемезолитических стоянок - Андозеро-М и Курово 4.

Андозеро-М открыто и раскопано С.В.Ошибкиной в западной части Вологодской области. Здесь та же техника обработки кремня, аналогичные наконечники стрел, рубящие орудия, скребки, скобели, геометрические вкладыши-микролиты из сечений пластин [1, с.174-178, 247-250].

Идентичный кремневый комплекс обнаружен и на раскопанной В.В.Сидоровым стоянке Курово 4 на оз.Наволоч в Удомельском районе Тверской области. Автор раскопок датирует его финальным мезолитом. Здесь преобладают орудия из отщепов, хотя многочисленны орудия на пластинах, включая микролитические вкладыши из сечений пластин. Аналогичен набор скребков, рубящих орудий, сверл, длинных скобелей и наконечников стрел [2, с.12].

Близкий забельскому материал найден автором данной статьи на Средней Мологе у дер.Телятники (стоянки Усть-Кеза 1-3) [3, с.78-84].

Если обратиться к памятникам, содержащим раннеолитическую керамику, то близкие комплексы мы обнаруживаем на Валдайской возвышенности. В этой связи следует отметить отличие кремневого инвентаря эталонных памятников верхневолжской раннеолитической культуры (например, Языково I, III). Здесь не имеет место широкое применение микролитов-вкладышей, несколько отличаются типы наконечников стрел, рубящих орудий, резцов, скребков [4, с.64-70]. Имеются значительные отличия в керамике, хотя есть элементы ее объединяющие как относящиеся к единому раннеолитическому пласту.

Следует рассмотреть вопрос о западной границе верхневолжской культуры. В своей публикации Д.А.Крайнов и Н.А.Хотинский, очерчивая ареал распространения, включили в ее состав и ранние памятники Валдая, такие как Котчище II, Рябиновая Релка, Завирье, Иловец и др. [5, с.42-77]. По моему мнению, указанные памятники не могут быть включены в верхневолжскую культуру. Наибольшее сходство по кремневому инвентарю они имеют с перечисленными уже стоянками финального мезолита бассейна Мологи, а по керамике, дополнительно, и со стоянкой Забелье.

В 1970 г. мною у дер.Конец на оз.Селигер была раскопана стоянка Сабринка I. На поселении не найдена керамика, кремневый же комплекс датируется финальным мезолитом. Он весьма близок забельским находкам и финальному мезолиту бассейна Мологи. Здесь близкая техника расщепления кремня, преобладание орудий из отщепов, те же типы скребков, рубящих орудий, наконечников стрел. Резцов найдено мало, и сделаны они преимущественно на отщепах. Присутствует пластинчатая техника. Из пластин и их сечений делались концевые скребки, вкладыши, есть большая серия микролитов-вкладышей геометрической формы из сечений ножевидных пластин [6, с.17-18].

В 1970 г. Н.Н.Гуриной в 20 км севернее на оз.Селигер была раскопана стоянка Котчище II. При раскопках был обнаружен аналогичный Сабринке кремневый материал, дополненный оригинальной накольчатой керамикой [7, с.84-88].

Сравнение забельских материалов с находками на стоянках Сабринка I и Котчище II показывает их чрезвычайную близость, вплоть до аналогичности. Особенно близка забельской керамика Котчища II. Здесь и схожий состав глиняного теста, и тщательная заглаженность внешней поверхности. Близка и орнаментация, выполненная в технике треугольных наколов. Похожая на забельскую керамика обнаружена в смешанных комплексах на других стоянках Валдайской возвышенности, таких как Сабринка 5, Щелочник, Иловец 1, Рябиновая Релка.

На основе приведенного обзора нетрудно сделать вывод, что стоянка Забелье является раннеолитическим памятником валдайского круга. Ее кремневая индустрия сложилась на базе финального мезолита бассейна Мологи и Валдайской возвышенности. Своеобразие кремневого инвентаря не позволяет связывать ее с более восточными мезолитическими памятниками бассейна Верхней Волги. Истоки ее следует искать в памятниках северного мезолита, таких как Кунда и Веретье 1.

Слабая изученность раннего неолита бассейна Мологи позволяет лишь гипотетически выделить здесь особую раннеолитическую культуру, исходной базой которой явился моложский финальный мезолит.

Н.Н.Гуриной выделена особая валдайская неолитическая культура [9, с.31-45; 10, с.150-152], древнейший этап которой представлен памятниками типа Котчище II. Не возражая против такой постановки вопроса, на наш взгляд, стоянку Забелье не следует непосредственно включать в состав валдайской культуры. Несмотря на чрезвычайную близость и, порой, аналогичность материалов, имеются некоторые отличия. Особенно это заметно в орнаментальных композициях на керамике.

Здесь, по-видимому, мы имеем дело с особой моложской раннеолитической культурой, бесспорно родственной древнейшему этапу валдайской культуры и синхронной верхневолжской. В данном случае мы лишь ставим вопрос о возможности выделения особой моложской и северовалдайской раннеолитической культуры, а подтвердить или опровергнуть это могут лишь дальнейшие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
2. *Сидоров В.В.* Тысячи лет культурной преемственности // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
3. *Урбан Ю.Н.* Открытие мезолита в бассейне Средней Мологи // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
4. *Урбан Ю.Н.* К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
5. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. N 3.
6. *Сорина Х.Д., Урбан Ю.Н.* Из истории Верхневолжья: Курс лекций. Вып. 1. Калинин, 1976.
7. *Гурина Н.Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
8. *Урбан Ю.Н.* Поселение и могильник Иловец // КСИА. 1973. Вып.137.
9. *Гурина Н.Н.* Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. N 3.
10. *Гурина Н.Н.* Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. 1961. Вып.82.

*Ленинградский областной музейный центр,
С.-Петербург*

Y. N. Urban

THE SITE ZABELYE - THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENT OF THE EARLY NEW STONE AGE IN THE NORTHERN VALDAY

Summary

New archaeological materials from the excavation of the site Zabelye on the lake Vozhanskoe (Leningrad region) are introduced by the author. The archaeological monument was discovered in 1986. The excavations took place in 1987-1992.

There were found plate arrowheads, scrapers, knives, axes, drills, borers, as well as bushes made of plates. The original ceramics are with scratched, pricked and comb decorations.

According to the finds made, the site Zabelye is dated as the Early New Stone Age.

The author proposes a hypothesis about the formation of the special archaeological culture of the Early New Stone Age in the Northern Valday on the basis of the local Final Mesolithic (the sites Andosero M, Kurovo 4, Sabrinka 1).

*The Leningrad Region Museum Centre
57, Lyteiny Ave., St. Peterburg, Russia*

В. И. Тимофеев
СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА БЛИЗ д. ЗАЛЕСЬЕ
ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам исследований Н. Н. Гуриной)

В настоящее время благодаря помощи Российского гуманитарного научного фонда, поддержавшего проект "Каменный век Верхневолжского региона (по материалам Верхневолжской неолитической экспедиции)" (руководитель проекта И.В.Верещагина), Неолитическая группа Отдела палеолита ИИМК РАН подготавливает к публикации материалы памятников каменного века верхьев Волги, исследованных многолетними работами Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), руководимой, до 1987 г., крупнейшим специалистом в области изучения каменного века лесной зоны д.и.н. Н.Н.Гуриной. Для проведения широких и интенсивных раскопочных и разведывательных работ Н.Н.Гуриной был привлечен ряд специалистов-археологов, многие из которых прошли в данной экспедиции первую школу полевых исследований подобного размаха. В течение ряда сезонов в работах участвовали и вели отдельные раскопы Л.Я.Крижевская, И.В.Гаврилова, И.В.Верещагина, В.Я.Шумкин, В.И.Тимофеев, Г.В.Синицына, Т.М.Гусенцова, Л.Г.Шаяхметова, Т.Б.Крылова; участие в отдельных исследованиях приняли В.П.Третьяков, В.Ф.Копытин. Палеогеография памятников изучалась П.М.Долухановым, а также Г.М.Левковской, месторождения кремневого сырья исследовались Н.Б.Селивановой. Большая и результативная работа по изучению химического состава верхневолжского кремня была проведена В.А.Галибиным.

Основные результаты исследований были подведены Н.Н.Гуриной и рассмотрены в ряде статей. К ним относятся, в частности, выделение валдайской неолитической и валдайской мезолитической культур и определение их места в общей системе культур каменного века лесной полосы [1, с.31-45; 2, с.150-157; 3, с.154-168; 4, с.78-83; 5, с.63-67], выделение ранне-неолитического пласта древностей "котчищенского" типа [6, с.84-94], выделение основных типологических характеристик и периодизация керамики валдайского неолита [7, с.25-32] и другие.

В то же время, публикации, посвященные специально отдельным памятникам или объектам валдайской культуры, очень немногочисленны [2, с.150-157; 8, с.74-80; 9, с.87-91; 10, с.62-65]. Сотни стоянок, открытых работами экспедиции, десятки памятников, исследованных стационарными раскопками, остаются пока неопубликованными; лишь некоторые данные или упоминания о них вошли в научную литературу. Стоянки у д.Залесье входят, наряду с такими памятниками, как Заболотье II, о-в Дубовец, Черная речка, группы стоянок Зехново, Нижние Котицы, Ланино и некоторые другие, в число опорных и наиболее богатых вещественным материалом. Ниже приводятся по данным документации [11-13], а также полевым наблюдениям в ходе исследований лишь основные характеристики стоянок Залесье I, II, дающие определенное представление о масштабах исследований, проведенных под руководством Н.Н.Гуриной на целом ряде памятников Верхневолжских озер. Подробно данные о материалах памятников планируется привести в специальной публикации материалов работ экспедиции, куда войдут разделы, подготовленные Н.Н.Гуриной, и разделы, которые готовят сейчас участники ее исследований. Применявшаяся

методика раскопок стоянок, слои которых залегают в рыхлых песчаных отложениях, с некоторыми присущими ей особенностями, была освещена в литературе [14, с.7-23].

Исследование памятников проведено Верхневолжской неолитической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1973-1975 гг. Начальник экспедиции Н.Н.Гурина непосредственно руководила раскопочными работами 1974-1975 гг. Раскоп 1973 г. вел автор статьи. Стоянки открыты разведкой 1972 г. (И.В.Верещагина и В.Я.Шумкин).

Памятники находятся на северо-восточном побережье Селижаровского плеса оз.Селигер, примерно в километре к югу от дер.Залесье Осташковского района Тверской области. Две стоянки, расположенные на разных террасовых уровнях на небольшом расстоянии одна от другой, были исследованы на обращенном на запад мысу озера, где четко прослеживаются две террасы, высотой 2-3 и около 4 м над уровнем воды в озере.

Более раннее поселение (Залесье I) связано со второй ("боровой") террасой. Площадь раскопа здесь составляет 264 кв. м (1973 г. - 188, 1974 г. - 64 и 1975 г. - 12 кв. м). Общая стратиграфия раскопа: дерн и почвенный слой - около 0,18-0,2 м. С почвенным слоем связывались находки средневекового селища, частично перекрывшего поселение каменного века. Ниже залегал мелкозернистый, серого цвета песок - песной подзол - мощностью до 25 см, подстилающийся темно-коричневым, иногда черным от включения углистых частиц песком, вмещающим культурный слой стоянки. Мощность слоя достигает 0,5-0,6 м. Материк - серо-желтого цвета песок с включениями гальки. Площадь распространения подъемного материала составляла около 450-500 кв.м. Поверхность террасы нарушена окопами военного времени. Раскопом вскрыта почти вся сохранившаяся поверхность ровной площадки террасы, за исключением участков, занятых крупными деревьями. На площади раскопа отмечены десять крупных ям, впущенных в материк на глубину до 0,6 м, в большинстве с темным углистым и золистым заполнением, ряд относительно небольших углублений и ямок, участков потемнения культурного слоя, а также небольшое пятно охры (около 10 см в поперечнике). Вскрыты остатки не менее трех сложенных из камней очагов с углубленным в материк основанием. Большинство ям и очаги располагались относительно недалеко: до 5-6 м от края террасы. Стратиграфические наблюдения указывают в ряде случаев на неодновременность функционирования некоторых очагов и ям. В заполнении ям встречены почти исключительно кремневые изделия, фрагменты неолитической керамики очень редки. В ССЗ части вскрытой площади были обнаружены остатки двух двухкамерных полууглубленных жилищ. Жилища располагались дальше от края террасы, чем открытые очаги и ямы. Жилище N 1 - удлиненное, вытянутое в направлении ССВ - ЮЮЗ, неправильно подпрямоугольной формы, с одной слегка выпуклой, второй - вогнутой сторонами, состояло из двух камер, соединенных отчетливо выраженным коротким и узким переходом. Стенки покатые, дно довольно ровное, углублено в материк на 30-40 см. В южной камере отмечена углистая линза. Общая площадь жилища, по его основанию, несколько менее 20 кв. м. Жилище было частично перекрыто углистым пятном с находками раннесредневековой керамики, а на одном из участков - небольшой линзой с находками расщепленного кремня. Жилище N 2 было раскопано на смежном, к западу, участке поселения. Размеры и форма его сходны с жилищем N 1. Жилище - подпрямоугольное, вытянуто с З на В, с одной слегка выпуклой, второй - вогнутой сторонами, состояло из двух частей (камер), со слегка выраженным сужением в месте перехода. В заполнении восточной камеры отмечены углистые пятна до 0,5 м в поперечнике, в западной камере углистая линза располагалась близ стены помещения. В заполнении жилищ встречены, преимущественно, находки расщепленного кремня, включая многочисленные отщепы, а также ножевидные пластинки и изделия из них, небольшое количество неолитической керамики и керамики железного века, преимущественно в мелких фрагментах, представляющих собой, наиболее вероятно, позднюю "примесь". Встречены также (жилище N 1) мелкие обломки кальцинированных костей. Не исключено также, что на смежном участке существовало и третье жилище, практически не сохранившееся, "... от третьего уцелела лишь небольшая часть углубления, прослеженная в разрезе одной из поздних ям" [5, с.66]. Среди находок Залесья I в целом преобладают кремневые изделия позднемезолитического облика. Сериями представлены пластины, микропластинки, угловые

резцы, концевые скребки. В относительно небольшом количестве отмечены неолитическая керамика (в частности, ранне-неолитическая "котчищенского" типа), редкие изделия неолитических типов (двустороннеобработанные наконечники стрел). Основной период заселения стоянки относится к позднему мезолиту - началу неолита. О возрасте его дает представление дата по C-14 6530 ± 50 л.н. (AE-1144, без "калибровки"), полученная по компактно залегающим кускам угля из крупной очажной ямы, впущенной в материк примерно на 0,5 м и перекрытой сверху тонким слоем серого песка. В верхней части заполнения - скопления обожженных камней. Под камнями очага и залегал датированный образец. На сопредельных участках раскопа отмечены отдельные находки "котчищенской" керамики.

Стоянка Залесье II располагалась на смежном участке мыса, на более низком уровне первой террасы, высотой до 3 м над водой. Раскоп был вписан в единую квадратную сетку с раскопом Залесье I так, что вскрытые участки обоих поселений смыкались, представляя собой единую площадь. На первой террасе вскрыто 588 кв.м (1973 г. - 40, 1974 г. - 280, 1975 г. - 268 кв.м). Верхняя часть отложений была разрушена пахотой. Неолитические находки залежали в песчаных отложениях разной степени гумусированности и насыщенности углистыми и золистыми частицами. Мощность распаханного слоя составляла до 20-25 см, в нем встречены остатки средневекового селища, с которым связано и несколько углистых пятен, потревоженных пахотой. На большей части вскрытой площади неолитические находки связаны с лежащим под пашней мелкозернистым буровато-желтого цвета песком. Мощность собственно неолитического культурного слоя составляла 15-20 см, значительно увеличиваясь на участках расположения ям и западин. Материком в прибрежной южной части раскопа служил серого цвета мелкозернистый песок, в северо-западной части, примыкавшей ко второй террасе, - крупнозернистый красноватого цвета песок с мелким галечником. В плане это различие, отражающее особенности формирования отложений разных террасовых уровней, фиксируется достаточно четко. Общая площадь поселения была, видимо, очень значительной: площадь распространения подъемного материала составляла около 1500 кв.м (60 x 25 м). Раскопом вскрыто около пятидесяти крупного и среднего размера ям. Окраска заполнения их варьирует. Отмечены крупные очажные ямы (глубиной до 1,2 м), а также скопления камней, связывающиеся с незаглубленными в землю очагами, и тонкие углистые пятна - следы кострищ. Встречены скопления неолитической керамики - развалы сосудов, в том числе отдельно локализующиеся и не связанные с ямами.

Для материалов Залесья II характерны фрагменты неолитических сосудов с минеральной примесью в тесте, украшенные, преимущественно, "ямчатыми" вдавлениями, иногда образующими геометрический узор, и оттисками гребенчатого штампа. Среди орудий сериями представлены двусторонне обработанные наконечники стрел (в основном листовидной и подромбической формы), рубящие орудия, скребки, нуклеусы и др. Изделия из пластин немногочисленны. Основной комплекс материалов стоянки относится, видимо, к развитому неолиту - среднему этапу валдайской неолитической культуры (второму этапу развития керамики валдайской культуры по Н.Н.Гуриной [7, с.26]) и позднему неолиту [7, с.28].

В радиусе до полукилометра от раскопанных широкой площадью памятников были открыты еще две неолитические стоянки: Залесье III и IV, расположенные в сходных с Залесье II топографических условиях. В небольшом раскопе на Залесье III (вскрыта площадь 24 кв. м) отмечены остатки двух кострищ. На высокой III террасе, удаленной на расстояние до 0,8 км от современного зеркала воды, обследованном, проведенным И.В.Верещагиной и В.Я.Шумкиным, выявлены следы культурного слоя, относящегося, скорее всего, ко времени более раннему, чем поселение Залесье I.

Группа стоянок в Залесье представляет ситуацию, характерную для богатого рыбными ресурсами и кремневым сырьем региона Верхневолжских озер, где на участках побережья, благоприятных для рыболовства, залегают остатки серии стоянок каменного века. В случае с Залесьем I, II топография и "горизонтальная стратиграфия" дали возможность четкого разделения двух крупных участков разновременного заселения. Возможно, детальный типологический и планиграфический

анализ материала внутри этих участков будет способствовать выделению более дробных хронологических подразделений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н.Н.* Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. N 3.
2. *Гурина Н.Н.* Неолитическая стоянка Щелочник (К вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. 1961. Вып.82.
3. *Гурина Н.Н.* Неолитические племена Валдайской возвышенности // МИА. 1973. N 172.
4. *Гурина Н.Н.* Основные особенности мезолитических памятников в верховьях р.Волги // КСИА. 1977. Вып.149.
5. *Гурина Н.Н.* Мезолит верховьев р.Волги // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
6. *Гурина Н.Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
7. *Гурина Н.Н.* Относительная хронология керамики верховьев Волги // КСИА. 1991. Вып.203.
8. *Гурина Н.Н.* Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // Studia archaeologica in memoriam Harri Mooga. Tallinn, 1970.
9. *Гаврилова И.В.* Неолитическая стоянка Котчище на оз.Селигер // КСИА. 1962. Вып.92.
10. *Крылова Т.Б.* Неолитическая стоянка Тиница в Калининской области // КСИА. 1988. Вып.193.
11. *Гурина Н.Н.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1973 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1, 1973. Д.13, 15-17.
12. *Гурина Н.Н.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1974 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1, 1974. Д.9,10.
13. *Гурина Н.Н.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1975 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1, 1975. Д.15а,16,17.
14. *Гурина Н.Н.* Основные методические приемы раскопок мезолитических и неолитических поселений в рыхлых отложениях // Полевая археология мезолита-неолита. Л., 1990.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

V. I. Timofeev

THE STONE AGE SETTLEMENTS NEAR ZALESYE VILLAGE IN THE TVER REGION (BASED ON MATERIALS OBTAINED BY N.N.GURINA)

Summary

The article deals with the data obtained at several settlements formed during the Late Mesolithic - Neolithic at the Selizharovo reach of the Seliger lake near Zalesye village in the Ostashkov district of the Tver region.

The surveying and excavations of the settlements were carried out in 1972-75 by the Upper-Volga expedition of the Leningrad department of the Archaeological Institute of the Academy of Sciences of the USSR (at present - Institute of Material Culture History, Russian Academy of Sciences) under the supervision of N.N.Gurina. During the excavations the remnants of dwellings, fireplaces and pits of household character were found, as well as ceramics and objects made of flint, all dated by the Early and Later Neolithic (Valday culture), the Early Iron Age and the Middle Ages.

Preliminary publication of these materials reflects the results of a vast amount of work undertaken by the Neolithic Group of the Paleolithic Department of IMCH within the project "The Stone Age in the Upper Volga region (based on the materials provided by the Upper Volga Neolithic expedition)". To complement it there should be a special publication of the results obtained by the expedition during its long work.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Palace Emb., St.Peterburg, 191065, Russia*

В. В. Сидоров

ОЗЕРНЫЕ СИСТЕМЫ БАССЕЙНА р.ДУБНЫ В НЕОЛИТЕ

История складывается из деятельности отдельных общностей во вполне конкретной природной среде, развитие которой в приледниковой зоне с начала голоцена шло динамично. При этом выделение социальных общностей и выявление характера их связей тоже требуют палеогеографических реконструкций. Палеогеографические реконструкции на уровне климатических зон или глобальные построения мало что дают для понимания сугубо локальной истории. Естественные факторы позволяют разделить временной континуум культуры на ряд отдельных эпизодов и привязать динамику культуры к независимой временной шкале.

Бассейн р.Дубны унаследовал восточную половину котловины приледникового Тверского озера [1]. Озерная равнина начинается с выхода Дубны из глубоко врезанного участка долины на склоне Клинско-Дмитровской гряды. Рельеф равнины сформировался волновой эрозией приледникового озера, над ней возвышаются выположенные камовые холмы московского ледника, вершины которых оставались островами на озере, а на склонах фиксируется терраса максимального уровня 145 м. При стоянии на этом уровне Плещеево озеро было ЮВ заливом Тверского, но на уровне террасы 130 м оно уже отшнуровалось от Тверского, получив самостоятельный сток. Однако на отрезке между с.Константиново и пос.Кубринск отмечается выположенный уступ с отм. 136 м, фиксирующий, видимо, какую-то задержку падения уровней озера, а также на отм. 131-132 м простираются озерные равнины в верховьях р.Сулать и между сс. Константиново и Мергусово. Последний уступ локален и может быть связан с сохранением озер на поверхности террасы после резкого падения уровня приледникового озера до отм. 129 м, в результате которого образовался каскад озер (рис.1).

После падения уровня приледникового озера до отм. 120 м, что соответствует лужской стадии, открылся сток приледниковых озер на запад, на месте Верхневолжской низменности осталась цепь озер, развитие которых уже не было связано с дальнейшим отступанием ледника и определялось скоростью врезания дренирующих озерную систему рек. Этот процесс сам определялся как глобальными, так и сугубо локальными факторами: количеством и сезонностью осадков, устойчивостью к размыву запирающих отдельные плесы моренных гряд, интенсивностью накопления озерных отложений и зарастанием русел рек. Время существования отдельных озерных плесов может быть установлено полевыми исследованиями каждого из них. Оно может датироваться и археологическими источниками, но при этом необходимо еще выяснять, к какому элементу рельефа приурочен сам памятник - это не всегда вполне очевидно. Но отсутствие ранних памятников на каком-либо из отмечаемых озерных плесов - показатель того, что это озеро деградировало до освоения бассейна Дубны человеком (при условии достаточно тщательного обследования).

Верхние из озер Дубненского каскада имеют признаки освоения их человеком: стоянки есть у створа Верхне-Сулатьского озера между с.Федорцово и д.Морозово. Характерная черта

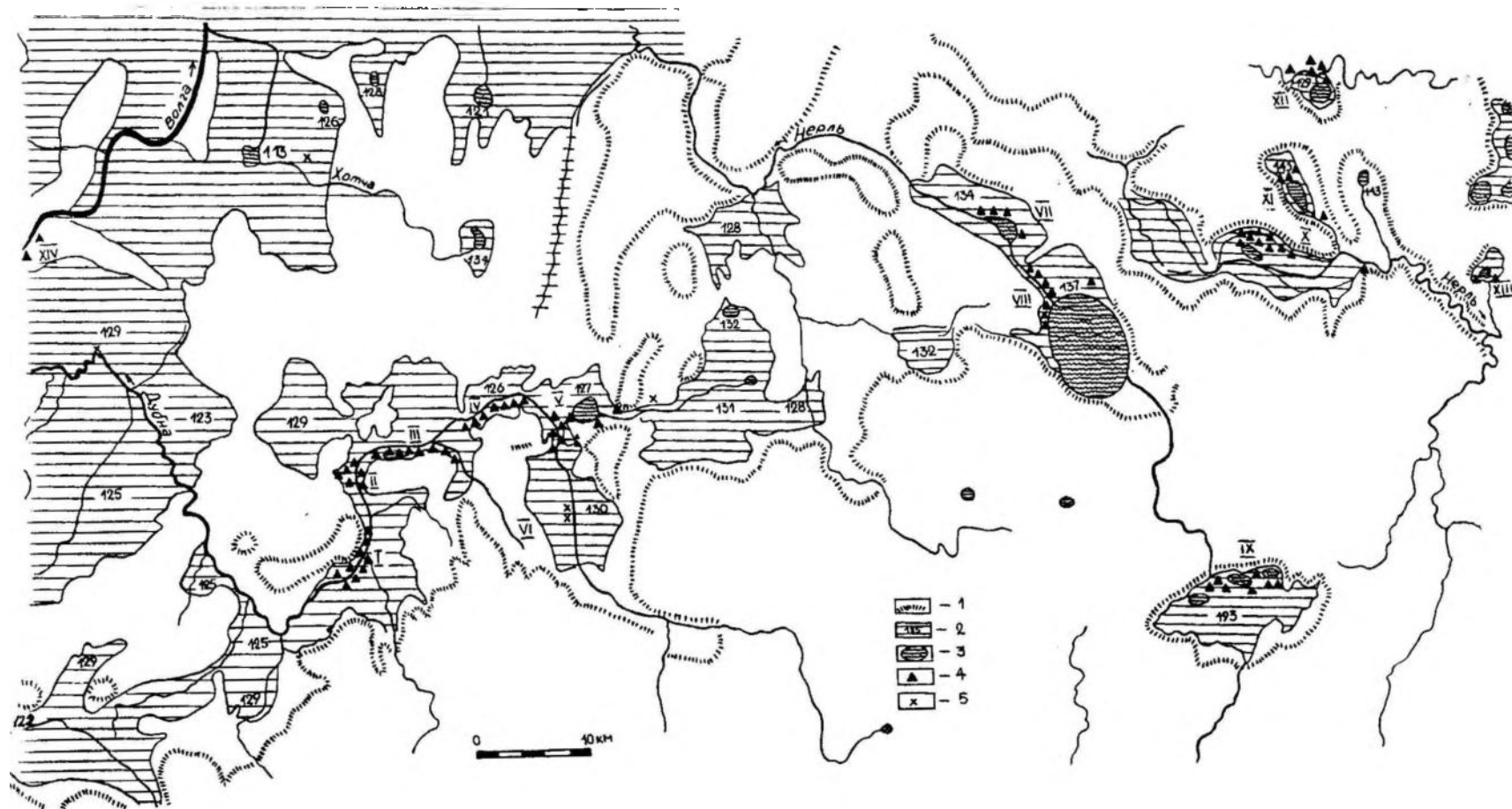

Рис. 1. Каскад озер бассейна р. Дубны:
 1 - терраса 145 м; 2 - озерные котловины, их уровни; 3 - современные озера; 4 - поселения; 5 - местонахождения.
 Локальные группы: I - Сущево-Никола-Перевоз; II - Нушполы; III - Самоотовино-Окаемово; IV - Борисцево;
 V - Заболотье; VI - Мергусово; VII - Сомино; VIII - Плещеево; IX - Берендеево; X - Ивановское; XI - Вашутино;
 XII - Ловецкое; XIII - Караш; XIV - Прислон

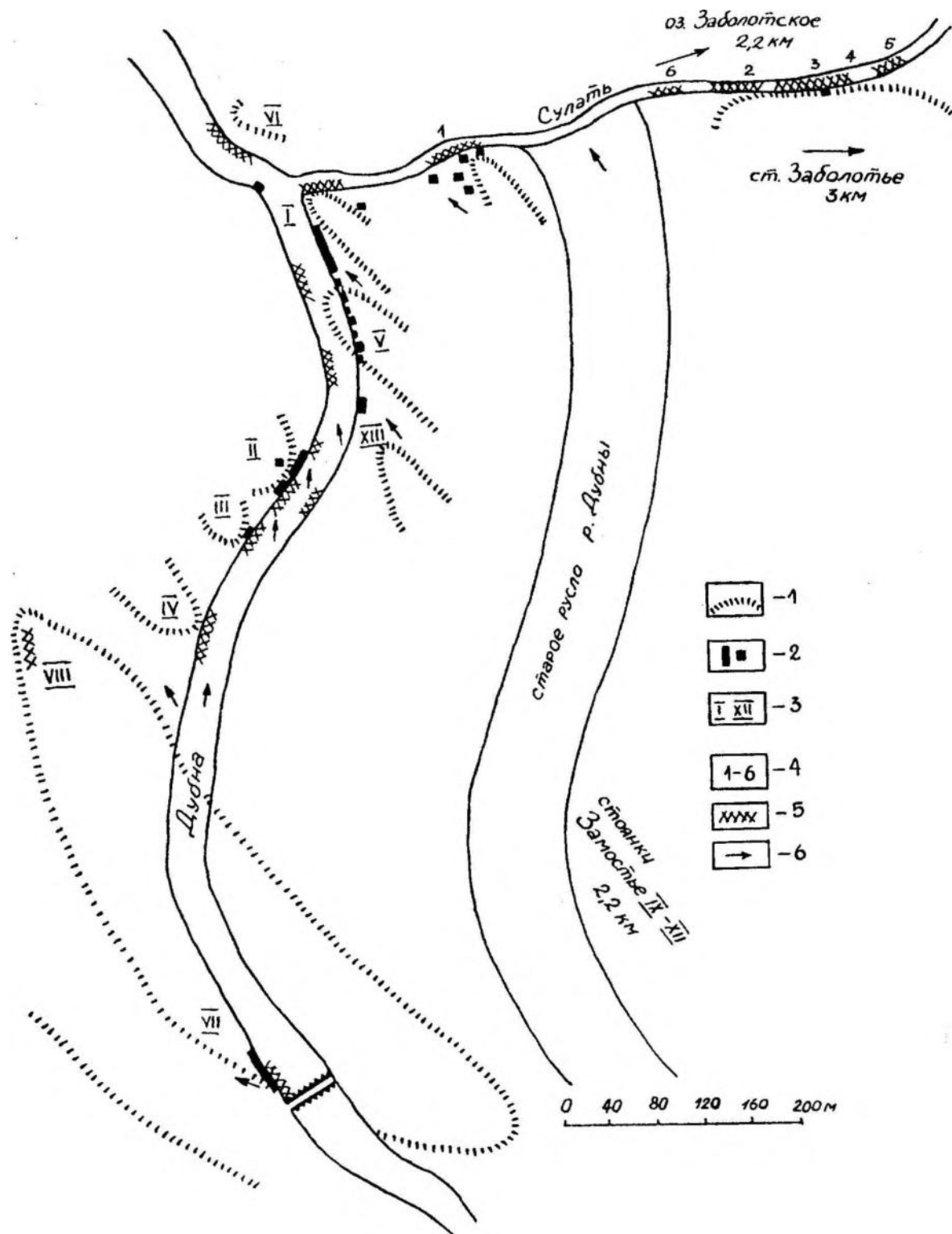

Рис. 2. Группа стоянок Заболотского озера:
 1 - суходолы; 2 - раскопы и шурфы; 3 - стоянки группы Замостье; 4 - стоянки группы Сулать; 5 - находки в современном русле реки; 6 - старые русла реки

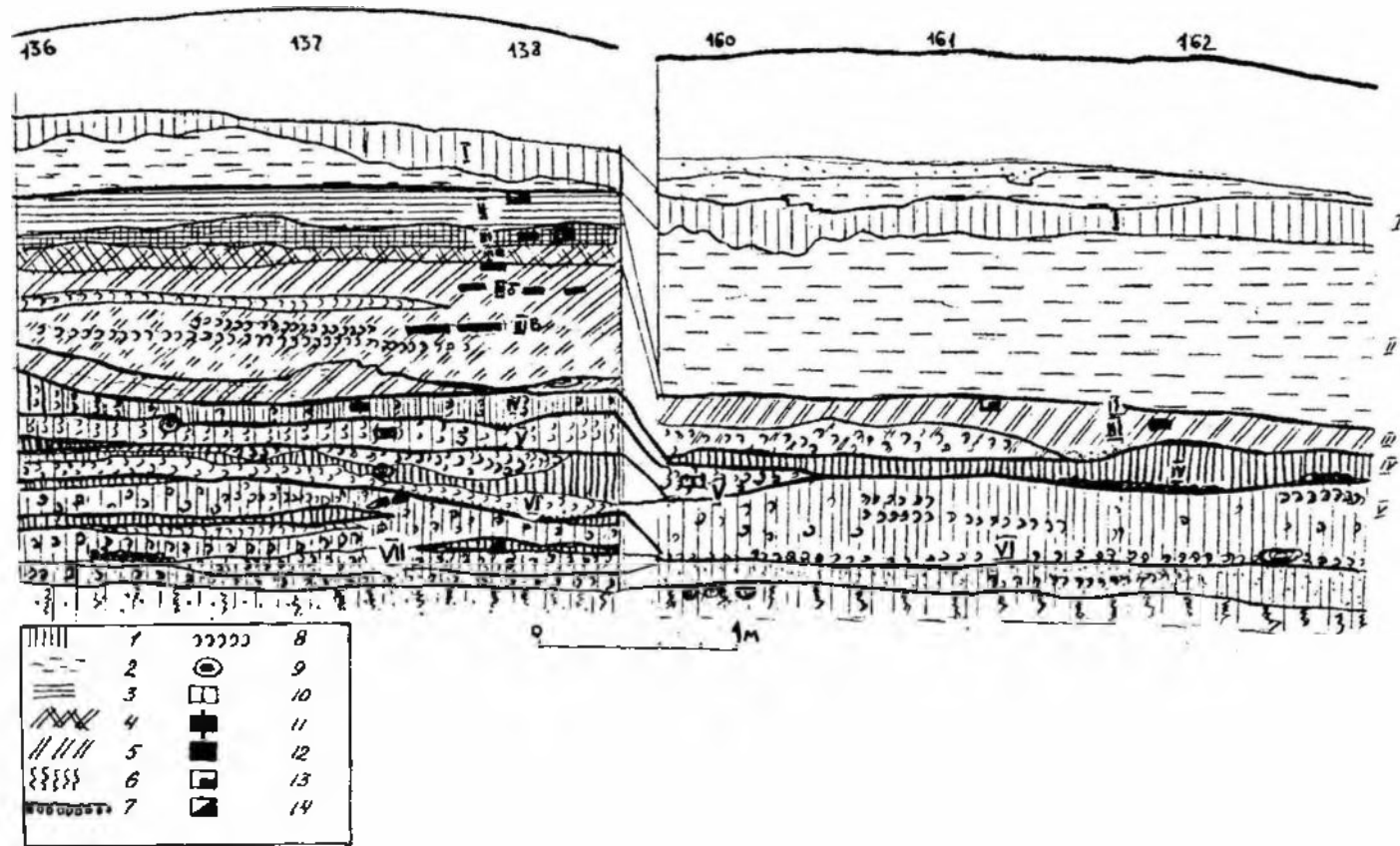

Рис. 3. Разрез на стоянке Замостье 5, восточная стенка:

1 - торф; 2 - глина озерная; 3 - суглинок слабо гумусированный; 4 - суглинок гумусированный; 5 - суглинок ожезненный; 6 - сапрпель; 7 - раковины, раковинный детрит; 8 - бревно; керамика: 9 - верхневолжская, 10 - раннельяповская, 11 - льяповская, 12 - редкоямочная, 13 - протоволосовская; 14 - рыба чешуя

Рис. 4. Локальные варианты льяловской культуры 3000 г. до н. э. ;
 1 - Дубна; 2 - Москва-Ока; 3 - Западная Мещера; 4 - Пра (рязанский); 5 - Колпь;
 6 - Тверь; 7 - Языково; 8 - Неро-Плещеево; 9 - Сахтыш; 10 - Лух; 11 - Балахна;
 12 - Ветлуга; 13 - Сура-Мокша; 14 - Молога; 15 - Моложско-Шекснинская низменность;
 16 - Кострома; 17 - Онега-Сухона; 18 - Ю. Приладжье; 19 - В. Карелия

стоянок при истоке - очень сильная ожелезненность слоя. Единична находка кремневого оббитого топорика (без шлифовки) мезолитического облика у д.Полубарское.

Известны находки на р.Дубне близ моста на дороге Константиново-Мергусово. Створ Мергусовского озера находится между д.Замостье, стоящей на песчаной гриве, и д.Сковородино - здесь от подножья террасы в заболоченную пойму тянется язык песков. Ширина створа около 1,5 км, в нем могут быть погребены небольшие островки - на одном из таких островков находится стоянка Замостье 7. Ее с запада огибает русло, в которое круто падает прибрежная часть шлейфа стоянки. Материал стоянки относится к поздней стадии верхневолжской культуры и всем этапам льяловской, имеется протоволосовский комплекс. Площадка стоянки, видимо, полностью размыта, но шлейф очень насыщенный и хорошо стратифицирован. Слой довольно сильно оруденелый. У самой д.Замостье находятся два местонахождения кремня, видимо, мезолитические, а в 300 м от нее - остров, оконтуренный руслами Дубны. Практически весь остров занят стоянкой с сетчатой керамикой, а на нижнем его конце имеется льяловская стоянка (Замостье 9-11).

Длина перешейка между Мергусовским и Заболотским озерами очень невелика - менее 400 м (расстояние от Замостье 7 до Замостье 4).

Заболотское озеро - остаток плеса, оконтуренного террасным уступом с отметкой 129 м. Размеры его приблизительно 7 x 4 км, но берега читаются с трудом. На южном берегу Заболотского озера известна стоянка с насыщенным слоем, сохраняющим кость. Она, скорее всего, находилась при устье протоки, вытекавшей из Верхне-Сулатьского озера. Здесь можно ожидать целую серию памятников - при выположенности рельефа протока образует веер русел. Именно такова картина устья протоки, соединявшей Мергусовское озеро с Заболотским (рис.2).

Здесь выявлена и исследована раскопками Подмосковной экспедиции в 1989-1995 гг. (финансирование исследований Замостьинской группы в 1989, 1990 и 1994-95 гг. осуществлялось фондом "Культурная инициатива") цепочка стоянок, протянувшаяся на 1 км по дуге от подножия левобережной террасы вдоль левого берега Сулати, разделенных руслами проток. Самые поздние стоянки связаны с мысами русла Дубны, которое функционировало до нач. 1970-х гг. (стоянки Сулать 1 и 2). Здесь абсолютно преобладает материал 2-ой пол. II тыс. до н.э. - от финально-волосовского до сетчатой керамики III этапа. Есть небольшая примесь керамики X и XIII вв. н.э. С интервалом в 50-100 м в русле Сулати повторяются скопления материала разных стадий неолита, но не далее 500 м от современного устья. Против стоянки Сулать 1 верхний из омутов на протяжении 15 м содержит только материал эпохи бронзы, а перекаат на 10 м ниже по течению - насыщен костью, отщепами, чешуйками кремня и содержит керамику всех стадий неолита, хотя и здесь преобладает сетчатая керамика. Протяженность скоплений в русле не более 40-50 м. Видимо, несмотря на сортированность, разнос материала течением очень не велик - здесь он скапливается у первой же преграды (колья, упавшие деревья, перекаат).

Стоянка Замостье 1 (раскопки 1989-90 гг.) находится при самом устье Сулати. Раскоп на левом берегу вскрыл участок переотложения материала руслом, где наиболее поздний материал - ранневолосовский. Раскоп-зачистка на левом берегу показал тоже несколько русел, заполненных в волосовское время. Водные отложения с археологическим материалом перекрыты мощным пластом озерной глины. Только на северном конце есть признаки того, что озеро размывало жилую площадку, возвышавшуюся над водой, ее выдает присутствие находок в слое ожелезненного торфа. Бульдозерный срез в 20 м от кромки берега тоже показывал наличие здесь жилой площадки, но шурф в 30 м восточнее уже никаких признаков слоя не обнаружил. Таким образом, жилая площадка, с которой материал попадал в русловые отложения, вскрытые раскопами, тянется почти параллельно современному берегу не далее 10-30 м от него. Направление русла - на ССЗ - хорошо читается в раскопе.

Раскопы 1994 г., заложенные на правом берегу с интервалом в среднем 20 м, позволили выделить участок стоянки Замостье 5. Различия в стратиграфии с раскопом на стоянке Замостье 1 очень значительны: здесь совершенно нет того пласта озерных отложений, которые перекрывают русловые отложения, вскрытые раскопом 2, до которого около 20 м. На протяжении 80 м прослеживается жилая площадка и ее склоны, функционировавшая в средне- и позднельяловское

время, есть небольшое количество волосовской керамики сер. III тыс. до н.э. Жилая площадка формировалась на глинистом суходоле, возвышавшемся над водой до 0,6 м. Под ней прослеживаются водные отложения, содержащие на северном конце только материал раннего этапа верхневолжской культуры, на южном - выделяются два слоя: раннего этапа верхневолжской и мезолитический, разделенные стерильными слоями (рис.3). Материал в обоих слоях сортированный, что говорит о переотложении. Жилая площадка, с которой могло происходить переотложение ранне-неолитического и мезолитического материала, должна располагаться к ЮВ от вскрытого участка. Различие между северным и южным концами говорит о том, что здесь мы имеем дело с выносом материала из разных русел, к которым были обращены стоянки на разных этапах. Шлейф этой стоянки виден и под левым берегом Дубны, против северного конца ее на правом берегу.

В 25 м южнее раскопа, который вскрыл склоновые отложения льяловской стоянки, раскоп Замостья 13 дал совершенно иную стратиграфию и иной состав материала. Здесь вскрыт участок русла, переотложившего материалы всего спектра неолита (есть единичные сетчатые черепки - врезка русла, переотложившего этот материал, произошла не далее I тыс. л.н.), под которыми в русловых ямах выделяются отдельные небольшие участки с мезолитическим комплексом. Направление переотложения то же - с ЮЮВ на ССЗ. У этой стоянки тоже виден конец шлейфа на левом берегу, ниже по течению. Предполагать жилую часть стоянки мы вправе к ЮВ от раскопа в 10-30 м.

Наиболее полно раскопанная стоянка - вскрыт берег на протяжении 36 м - Замостье 2. Здесь шлейф культурного слоя отлагался в торфе и детрито-ракушечных горизонтах заметно ниже уровня русловых отложений Замостья 13, хотя расстояние между ними не более 30 м. Замостье 2 перекрыто озерными отложениями, как и русловые наносы Замостья 1. Все это исключает возможность истолкования культурного слоя Замостья 2 как жилой площадки: перед нами типичный шлейф, формировавшийся у подножия берега при довольно глубоком русле и очень слабом течении. Полужидкая консистенция донных отложений не могла обеспечить чистоты слоев, и мы постоянно встречаемся с просачиванием в нижележащие слои материалов из вышележащих. В случае, если проседает маркированный слой, удается прочесть ямы, промоины, но они столь неопределенной формы и со столь разнообразным заполнением, что выделение таких ям из слоя очень ненадежно. Тем не менее, благодаря большой мощности культурные напластования на этом участке в основном разделены, здесь удается мезолитический слой разделить на два. Слои выше раннего верхневолжского разрушены размывом, и только после начала формирования луговой почвы, перекрывающей торф, здесь, видимо, возникает жилая площадка. Этот этап относится к концу льяловского времени. Она по характеру слоя близка к жилой площадке стоянки Замостье 5, хотя несколько более увлажнена. Но есть признаки существования здесь более высокого участка, размыв которого происходил после затопления: поверх озерных отложений лежит ожелезненный торф с примесью ракушки, содержащий материал всех слоев, а также сетчатую керамику, которая не отмечена в слоях под озерными отложениями. Таким образом, здесь на всем протяжении вскрыты отложения прибрежного шлейфа, стоянка же располагается западнее берега Дубны.

Проблематично отделение участка Замостье 3 от Замостья 2: интервал без находок между ними всего 10 м, но и в нем множество столбов, забитых в русло. Раскоп на северном конце, в 50 м от раскопа на Замостье 2, попал на участок промоин, прорезавших берег в направлении на восток, заложенных в позднельяловское время и заполненных материалом поздней стадии верхневолжской, разными стадиями льяловской и протоволосовской (когда закончилось заполнение промоин) культур. Наличие промоин предполагает присутствие рядом довольно большой поверхности, собирающей атмосферные осадки. Состав материала Замостья 3 существенно иной, чем на Замостье 2, но это могли быть разные участки одного острова, различно использовавшиеся на разных этапах.

Замостье 4 отделено от Замостья 3 интервалом в 50 м. Здесь зафиксирован только участок шлейфа стоянки разных стадий неолита. В 150 м западнее дренажная канава затронула участок

пьяловского культурного слоя в глинистых отложениях (по-видимому, суходольный). Этот пункт выделен в стоянку Замостье 8. От него до подножия песчаной террасы не менее 300 м. Участок не шурфовался.

Из описанной здесь дуги стоянок, которые приурочены к фронту дельты протоки (впадению Дубны в Заболотское озеро), выпадает стоянка Замостье 6. Она находится в 50-80 м ниже устья Сулати под правым берегом Дубны в слое древесного торфа ниже самого низкого современного уровня воды. Маловероятно, что это вынос со стоянки Замостье 1: находки идут компактно, с четким интервалом, отделяющим местонахождение от соседних. Скорее всего, это западный конец стоянки, перекрытой озерными отложениями, входящей в ту же систему дельты.

Остается не выяснено положение створа озера - истока Дубны, который должен сопровождаться группой крупных стоянок. Наиболее вероятно его положение в районе моста, на дороге Закубежье-Остров. С севера и юга в пойму Дубны здесь входят языки песчаной террасы. По данным М.Г.Жилина, с участка несколько выше моста известны находки неолитического материала, но осмотр русла на протяжении 2 км не дал признаков памятников.

Далее по Дубне лежит цепь плесов, исследованных М.Г.Жилиным [2]. Он отмечает пересечение сапропелевого глубоководного участка дренированным руслом Дубны и несколько памятников у д.Борисцево. Здесь очерчивается небольшое озеро - не более 3 x 2 км. Ниже лежит самый большой плес - не менее 8 x 5 км, с десятками стоянок по его южному берегу от с.Самотовино до выхода р.Кубжи в озерную котловину.

Следующий небольшой плес - 3 x 1 км - при устье р.Нушполки. На нем - серия стоянок и местонахождений. Крупные поселения здесь не известны.

Стоянки группы Суцеево-Николо-Перевоз начали исследоваться в 1926 г. Несмотря на многолетние раскопки поселений с мощным слоем, которые вела В.М.Раушенбах [3-5], она так и не заметила, что памятники приурочены к устьевой части древней озерной котловины размерами примерно 6 x 3 км. Всего здесь сейчас известно 12 поселений и стоянок.

Ниже идет цепочка плесов, но археологические памятники здесь неизвестны. Четко читается озерная котловина при устье р.Вели со створом при устье р.Шибовки - 7 x 2 км. Для двух последних плесов характерна большая высота правого берега, резко контрастирующего с пологим юго-восточным. Озерная котловина нижнего течения р.Якоть замыкается в г.Вербилки. Размеры - 5 x 3 км. Ниже озерная котловина наблюдается только северо-западнее Запрудни-Тарусово-Талдом, но без четких контуров; замыкается она только в нижнем течении р.Дубны. Здесь, при выходе р.Дубны в долину Волги, олять появляются ранние памятники, возможно, палеолитического возраста (стоянка Прислон).

Таким образом, р.Дубна проходила через каскад озер, разделенных короткими перешейками. Выделено не менее 8 плесов, а также 1-2 озера-притока (Верхне-Сулатское и, возможно, Верхне-Нушпольское). На 4 плесах исследованы крупные многослойные поселения и ряд малых стоянок, еще на трех есть отдельные находки и единичные стоянки. Совершенно не обследованы (и нет находок) 2-3 озерные котловины.

Подобные озерные системы, пронизанные единой водной магистралью, известны на Русской равнине. Но здесь нужно различать зоны древних озер в области моренных гряд валдайского ледника. Они резко отличаются рельефом, уровнем заболоченности, характером дренирующих их рек. Условия жизни на древних и на молодых озерах малосопоставимы.

Наиболее близок Дубненской тип озерной системы р.Пры в Центральной Мещере. Именно эта связанность предопределила полное единообразие культуры Центральной Мещеры, позволяющее выделять здесь особый локальный вариант, известный под именем рязанской культуры [6]. Берендеевский торфяник, озера Плещеево и Сомино составляют такую же систему. Особенностью последней можно считать то, что узкие и низкие водоразделы не являются существенной преградой для объединения в один локальный вариант с Плещеевской группой группой соседних озер - Вашутинского, Ловецкого, Неро. Этот локальный вариант - Нерско-Нерльский - территориально наиболее близок к Дубненской системе и, возможно, имел с ней достаточно удобную связь через Верхне-Сулатское озеро и р.Кубрь. Тем не менее, при достаточной близости ранне-

неолитической керамики, различия уже на среднем этапе льяловской позволяют четко разграничивать эти два локальных варианта (рис.4).

Ближайшей известной группой Верхне-Волжской низменности остается группа Петровских озер, исследовавшаяся О.Н.Бадером и Ю.Н.Урбаном. Здесь тоже наблюдается близость керамики раннего неолита и достаточная удаленность на уровне среднего этапа льяловской.

В последние годы М.Г.Жилин исследует группу стоянок в западной половине Верхневолжской низменности на Озерецком торфянике [7].

Южные соседи Дубненских групп располагались в бассейне р.Клязьмы: Льяловская, Мышецкая, группа р.Шерны (Заречье), а также Маслово Болото. Но здесь различия отмечаются не только на уровне среднего этапа льяловской, но и на уровне верхневолжской - там иной состав венчиков, не встречаются щелевидные оттиски и ряд обычных для Дубны орнаментов. Столь же устойчивы различия с Центрально-Мещерским (рязанским) локальным вариантом.

Мы можем не рассматривать степень близости - различия с более отдаленными локальными вариантами. Уже нынешний уровень исследований позволяет ставить вопрос о выделении для среднего - позднего этапов льяловской культуры нового локального варианта, охватывающего тесно связанные между собой социальные группы, оставившие следы в виде групп стоянок и поселений, приуроченных к отдельным озерным плесам единой водной системы.

Какая этнологическая категория стоит за таким локальным вариантом? В локальные варианты входят от 4 до 10 локальных групп памятников, соответствующих следам деятельности достаточно обособленной социальной группы-общины. Рязанская насчитывает около 9-10, Нерско-Нерльская - 6 - 7. Но это число совпадает с числом родовых общин, объединяемых в племя. Если под племенем понимать микропопуляцию, в пределах которой замыкается большая часть брачных связей (что при патрилокальном браке и ведет к интеграции культуры, особенно женской субкультуры), то локальный вариант, насчитывающий несколько локальных групп памятников,- это след племени.

Доказать единство локального варианта и установить степень его отличий от других вариантов можно статистическим анализом синхронных комплексов одного типа памятников. Для такого анализа требуются комплексы, насчитывающие около 70-100 достоверно реконструируемых сосудов и венчиков, или около 2000 фрагментов размером не менее 10 кв. см. На данном этапе исследований мы опираемся на общее впечатление от комплексов, на несколько наиболее заметных признаков. Но однокультурные и синхронные комплексы разных локальных вариантов в любом случае более проявляют близость, чем различия, и их разграничение должно опираться на достаточно представительные и заранее атрибутированные и датированные комплексы. Анализ смешанных комплексов мало полезен для такой работы, поскольку пропорции смешения разновременного материала произвольны. Эта работа еще не выполнена ни для одного локального варианта, но источники уже существуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
2. Жилин М.Г. Археологические исследования в бассейне р.Дубна в 1987-1990 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
3. Раушенбах В.М. Древнейшая стоянка льяловской культуры // СА. 1964. N 2.
4. Раушенбах В.М. Стоянка Николо-Геревоз II на р.Дубне // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
5. Раушенбах В.М. К вопросу о верхневолжской керамике в памятниках бассейна р.Дубны // Тр.ГИМ. Вып.51. М., 1980.
6. Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.
7. Жилин М.Г. Археслогические исследования на Озерецком торфянике в 1990-1992 гг. // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V.Sidorov

THE LAKE SYSTEMS OF THE DUBNA RIVER BASIN IN THE NEOLITHIC

Summary

The prehistory is beginning from the reconstruction of a landscape. The landscape of the periglacial zone was very dynamic. The cascade of 8-9 lakes was reconstructed at the basin of Dubna river. The groups of settlements are connected with the ancient lakes. They are situated by the mouths and the sources of the river. The position of the sites by Zabolotskoe lake - Zamostye 1-13, Sulat 1-6 shows that the delta changed its route as the time flew. The level of the lake fell down at the atlantic period. The places of the sites were changing with the changes of the coast-line. The local erosion of some places was connected with changes in the conditions.

The groups of the sites situated near all lakes belong to the same economic territory of one Neolithic common. There were about 9 of them situated at the Dubna basin. The similarity of the archaeological complexes at the stage of Lyalovo culture enables us to unite them into one local variant. It is for certain different from the next local variants of the basins of rivers Nerl, Klyazma, Pra, Medveditsa, Moskva. The quantity of local group sites in this shows that they belong to different tribes. The areas of local variants were more wide at the Early Neolithic.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm.Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

А.В.Уткин, Е.Л.Костылева

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Во 2-ой пол.III-нач.II тыс.до н.э. в культурах лесной зоны Евразии - от Восточной Прибалтики до Дальнего Востока распространяется антропоморфная скульптура малых форм, что было связано, по-видимому, с новым уровнем развития первобытного сознания и мифологии, нашедшим отражение в появлении новых образов. Наибольшее распространение данный тип изображений получил у волосовских племен (рис.1). Спецификой изображений является то, что почти все они представлены изделиями из кремня.

Первой обобщающей работой по кремневой скульптуре является статья С.Н.Замятина, опубликованная еще в 1948 г. [1]. В его распоряжении тогда было не менее сотни (94) фигурок, происходивших примерно с трех десятков памятников. Из них к группе антропоморфных отнесено около 30 штук, которые автором были разделены на собственно человеческие изображения и изображения мифологических персонажей. Всю кремневую скульптуру, в том числе и антропоморфную, С.Н.Замятин рассматривал как функциональный аналог наскальных изображений, с чем в настоящее время согласиться нельзя.

Позднее к кремневым фигуркам в той или иной степени обращались многие исследователи, но в большинстве случаев они лишь констатировали факты находок новых скульптурок и давали краткие интерпретации этих изображений. Специальное же рассмотрение антропоморфных фигурок из кремня было предпринято в серии небольших по объему статей С.В.Студзицкой, Д.А.Крайнова и В.В.Никитина. С.В.Студзицкая предложила типологию антропоморфной скульптуры, в основу которой она положила технику обработки заготовки [2;3]. Д.А.Крайнов разделил всю массу антропоморфных изделий на изображения собственно человека и стоящего на задних лапах медведя или развернутой медвежьей шкуры [4]. Последняя интерпретация, на наш взгляд, крайне неудачна, т.к. все без исключения ныне известные кремневые фигурки изображают только живых существ и только в движении - будь то человек, зверь, птица, рыба или нечто в виде "елки", напоминающее образ "древа жизни". Движение человека или человекоподобных существ в кремне древними мастерами передавалось предельно просто: одна из нижних конечностей скульптурки делалась чуть короче второй, и изображение при внимательном взгляде смотрится уже или уходящим, или, наоборот, приближающимся. К сожалению, в публикациях при графических воспроизведениях фигурок этот нюанс очень часто не отражается и, как следствие, они теряют динамику и выглядят статичными. Не изображались живые существа в кремне, в отличие от кости, и фрагментарно: поэтому мы не можем согласиться с мнением В.В.Никитина, который видит в некоторых антропоморфных фигурках, перевернув их вверх нижними конечностями, рогающую морду быка [5].

Наконец, как своеобразный итог более чем векового изучения кремневой скульптуры следует рассматривать соответствующие разделы в коллективной работе С.В.Ошибкиной, Д.А.Крайнова и М.П.Зиминой, посвященной искусству населения лесной зоны Восточной Европы в эпоху мезолита - энеолита [6].

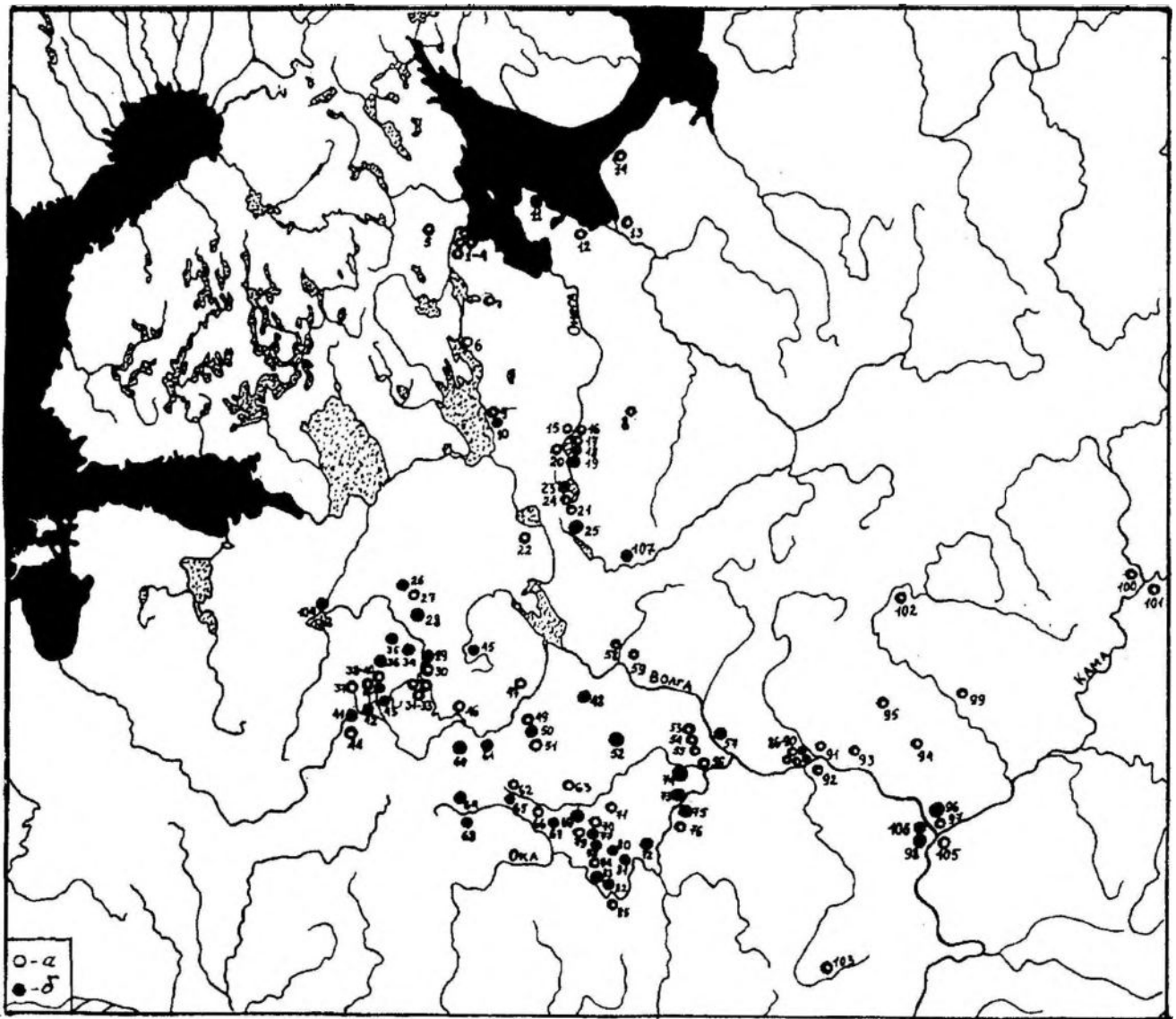

Рис. 1. Памятники с находками кремневых фигурок (а), в том числе антропоморфных (б):
 1 - 4 - о-в Шойрукшин, Залавруга, Золотец 1, Бесовы Следки; 5 - Тугунда III, V; 6 - Войнаволок XXV, XXVII; 7 - Выг-остров; 8 - Ильинский остров; 9 - Кладовец II; 10 - Первомайская I; 11 - Усть-Яренга; 12 - Красная Гора; 13 - Кузнечиха; 14 - Зимняя Золотица; 15 - Бакпанов остров; 16 - Кубенино; 17 - Наволок; 18 - Ольский мыс; 19 - Сухое; 20 - Тихманга; 21 - Модлана; 22 - Андозеро II; 23 - Чаронда; 24 - Селище; 25 - Ферапонтово; 26 - Иваново Копище; 27 - Кончанское; 28 - Репище; 29 - Алексеевское V; 30 - Вышневолоцкая; 31 - 33 - Багон-Отмель, Федорова Будка, Поганый Куст; 34 - Бологовская; 35 - оз. Пирос; 36 - Мстино; 37 - Изведово; 38 - 40 - Котчице II, Щепочник, Заболотье II; 41 - оз. Пено; 42 - Ронское III; 43 - Синяя Гора I; 44 - Охват-озеро VI; 45 - Иловец I; 46 - Дуденево; 47 - Языково I; 48 - Уница; 49 - Польцо; 50 - Ловец I; 51 - Вашутинская; 52 - Сахтыш I, II, III, VIII; 53 - Ванино; 54 - Боринка II; 55 - Рыбино - Стрелка I; 56 - Володары; 57 - Сокольское I; 58 - Бораны; 59 - Станок I; 60 - оз. Круглое; 61 - Николо-Перевоз II; 62 - Буньково; 63 - Заречье I; 64 - Никольская II; 65 - Мышецкая; 66 - Бисерово озеро; 67 - Маслово Болото VIII; 68 - Полецкое I; 69 - Святое озеро I; 70 - Воймежная; 71 - Колпь I; 72 - Панфилово; 73 - Подборица-Щербининская; 74 - Холмомониха; 75 - Волосово; 76 - Плеханов Бор; 77 - Большой лес; 78 - Владыченская Береговая I; 79 - Пирютино I; 80 - Шагара II; 81 - Ибердус I; 82 - Дубровичи; 83 - Борки; 84 - Шефелов Бор; 85 - Коренец; 86 - 90 - Удельно-Шумецкая, Майданское II, III, Волоконное; 91 - Ахмыловское II; 92 - Юльяпская; 93 - Марнер; 94 - Барские Кужеры I; 95 - Кубашевское; 96 - Казань; 97 - Лабышки; 98 - Сюкеево; 99 - Юртик; 100 - Курья; 101 - Астраханцевское; 102 - Студенец; 103 - Пенза; 104 - Копомцы; 105 - Тенишевский могильник; 106 - Мало-Кокузинская; 107 - Мотыри I

Примечание: на карте не локализованы следующие памятники с находками фигурного кремня: Мартышкин остров (Вологодская обл.), Усть-Понча (Карелия), Гундаревская, Вондрейская (Среднее Поволжье), Игимская (Прикамье) стоянки

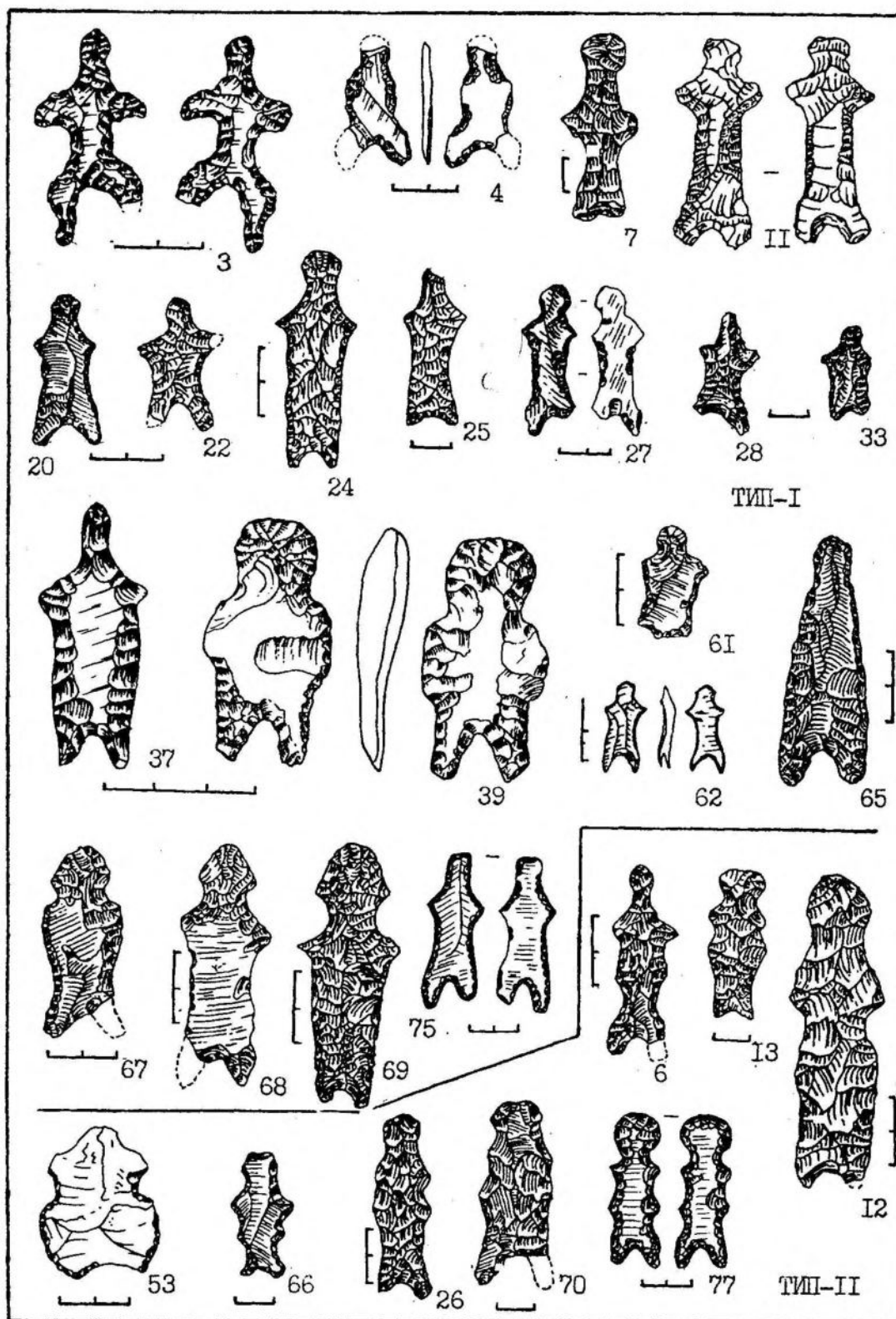

Рис. 2. Антропоморфные фигурки первого и второго типов (здесь и далее номера в рисунках совпадают с номерами фигурок в таблице):

3, 4 - Сухое; 7 - Чаронда; 11-13 - Репище; 20 - Алексеевское; 22 - оз. Пирос; 24-26 - оз. Мстино; 27 - Иловец 1; 28 - Ронское III; 33 - Ловец I; 37 - Сахтыш I; 39 - Сахтыш II; 61 - Холомониха; 62 - Сокольское 1; 65-70 - Валссаво; 75 - Дубровичи; 6 - Феропонтово; 53 - Николо-Перевоз II; 77 - Борки

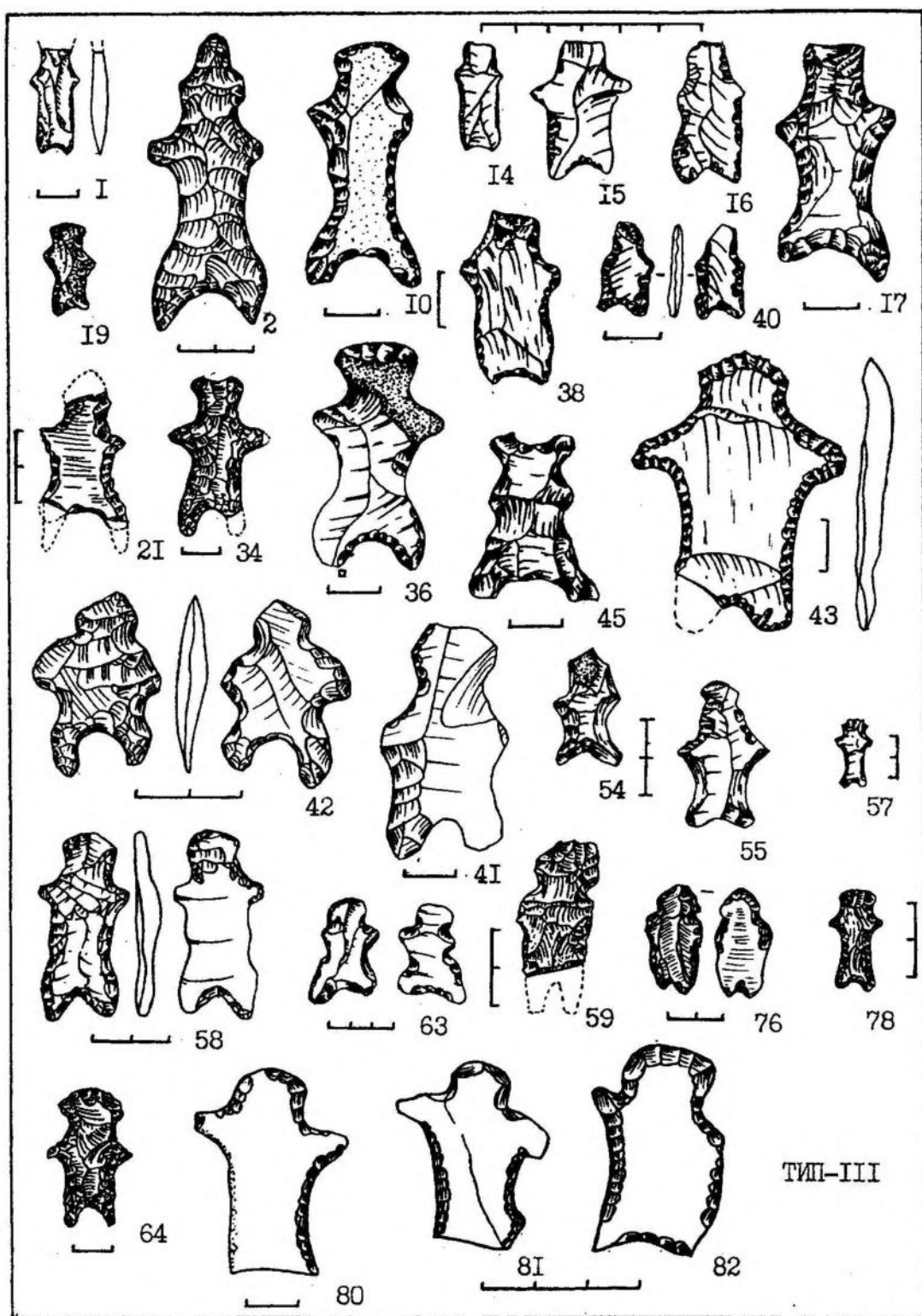

Рис. 3. Антропоморфные фигурки третьего типа:

1 - Первомайская 1; 2 - Усть-Ярэнга; 10, 14-17 - Репище; 19 - Коломцы; 21 - Алексеевское; 34 - Уница; 36, 38 - Сахтыш 1; 40, 41 - Сахтыш II; 42, 43 - Сахтыш IIА; 45 - Сахтыш VIII; 54, 55 - Николо-Перевоз II; 57 - Святое озеро 1; 58 - оз. Круглое; 59 - Панфилово; 63 - Подборица-Щербининская; 64 - Волосово; 76 - Борки; 78 - Ибердус 1; 80, 81 - Майданская; 82 - Майданское III

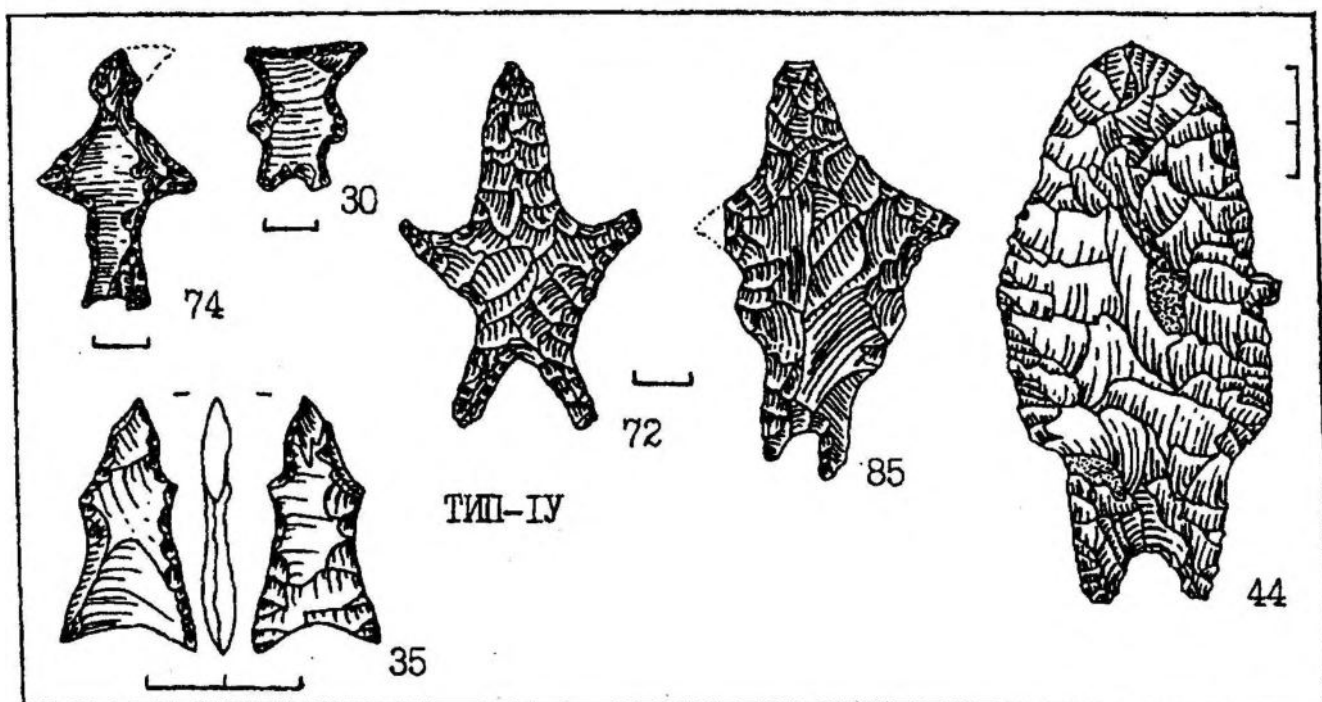

Рис. 4. Антропоморфные фигурки четвертого типа:
 30 - Бологое; 35 - Уница; 44 - Сахтыш IIА; 72, 74 - Волосово; 85 - Казань

В настоящее время нам известно более 100 памятников волосовской и родственных ей культур, где собрано свыше 300 экз. кремневой скульптуры (рис.1), из которых, примерно 80-90 изображений (27-30%) могут быть достоверно отнесены к группе антропоморфных (см. таблицу).

Географически выделяются пять регионов концентрации фигурного кремня: Волго-Окское междуречье, Среднее Поволжье, Валдайская возвышенность, Восточное Прионежье и Южное Беломорье. Однако основная масса антропоморфных изображений сосредоточена всего в двух регионах: в Волго-Очье и на Валдае. Здесь, по нашим подсчетам, найдено в общей сложности 196 предметов, из них 67 (или 34%) приходится на антропоморфные фигурки, т.е. последние составляют примерно одну треть всех известных здесь скульптур. В остальных регионах (Карелия, Вологодская и Архангельская обл. [7], Среднее Поволжье) к антропоморфным изображениям относится примерно каждый седьмой найденный там фигурный кремень (14 из 104 экз. или 13%).

Для абсолютного большинства антропоморфных изображений характерен определенный канон. Все они выполнены анфас. Исключение составляет единственное профильное изображение стоянки Ольский Мыс на оз.Лача [7]. Ноги широко расставлены и оформлены серповидной выемкой. Руки разведены в стороны и представляют небольшие выступы, идущие от плеч. В редких случаях руки фигурок прижаты к туловищу. Некоторые фигурки имеют расширение в области бедер и обычно трактуются как женские.

Чрезвычайно разнообразно у фигурок оформление головы. Преобладают крупные округлые. Встречаются неправильные, приплюснутые или, наоборот, вытянутые вверх. В последнем случае изображалась, по-видимому, островерхая шапка. Головки некоторых фигурок в области ушей слегка расширены, что можно также трактовать как условное изображение головного убора, но уже в виде шапки-ушанки. Встречаются скульптуры с маленькими изящными головками. Единичные экземпляры имеют хорошо выделенные уши на макушке. Эпизодически встречаются находки с оригинальными изображениями головок.

Несмотря на кажущееся разнообразие в деталях, все ныне известные скульптурки можно сгруппировать в четыре основных типа.

Первый. Каноническое изображение человека с пропорциональной туловищу головой, широко расставленными ногами и раскинутыми в стороны или прижатыми к туловищу руками (рис.2, I). В большинстве случаев они сходны с барельефными изображениями человека на обломке волосовского керамического сосуда с эпонимной стоянки [8, с.25-31, 169, 170, илл.] и на фрагменте пористого сосуда из Литвы с поселения Швянтои III [9, с.138-142, илл.].

Второй. Изображение женщины с расширением в области таза (живота) (рис.2, II). С.Н.Замятин рассматривал эти расширения как изображения груди, находя им аналогии на петроглифе с Карецкого Носа [1].

Третий, наиболее массовый. Изображение существа, напоминающего стоящего на задних лапах медведя. Ноги его обычно искривлены. Туловище массивно и выглядит неуклюже. Голова большая, приплюснутая или с четко выраженными ушами (рис.3).

Четвертый, самый малочисленный. Изображение фантастических (мифологических) существ. Эти фигурки похожи на людей, одетых в причудливые ритуальные головные уборы, накидки, шкуры (рис.4). Мы рассматриваем их как скульптурки служителей культа, хранителей и толкователей мифов.

На наш взгляд, эти группы изображений отражают четыре устойчивых персонажа волосовской мифологии, в основе которой лежат образы медведя и человека. Они тесно связаны с тотемическими представлениями волосовцев и развившимся на их основе культом предков.

Видимо, у волосовцев, как и у многих первобытных народов, были распространены представления о тотемическом первопредке-медведе и о людях-медведях, родившихся от брака женщины с медведем или, наоборот, медведицы с человеком. Мифологические представления о таких миксантропных существах известны достаточно широко - от древневосточных, в частности, хеттских клинописных текстов до устных преданий аборигенных народностей Сибири и Дальнего

Востока - кетов, эвенков, эвенгов, нивхов и т.д. [10]. Не следует путать и ставить знак равенства между мифологическим волосовским "человеко-медведем" и реальными berserki-ами древних германцев. Berserki ("некто в медвежьей шкуре, воплотившийся в медведя") - это пассионарий эпохи "военной демократии", порвавший связь со своей общиной и промышлявший только войной и разбоем вместе с подобными себе собратями; при этом они отличались безумной храбростью и свирепой, звериной жестокостью [11, с.114-123].

Выделенные нами четыре типа антропоморфных кремневых изображений вполне укладываются в указанные выше представления: здесь изображен и сам первопредок-медведь, стоящий, подобно человеку, на задних лапах; и прародительница, ожидающая ребенка от брака с медведем; и человек-медведь, рожденный в этом браке и имеющий в большей или меньшей степени медвежьи черты; и, наконец, "шаман", обрядившийся в медвежью шкуру или какое-либо другое ритуальное одеяние. О наличии у волосовцев подобных тотемических представлений свидетельствует и уникальная находка в "святилище" рядом с могильником на стоянке Сахтыш II обломка скульптурной модели фаллоса из кости, в котором, по мнению Д.А.Крайнова, сочетались черты мужского медвежьего и человеческого органов размножения [6]. Другими словами, антропоморфные кремневые скульптурки можно рассматривать как своеобразные каменные иллюстрации к тотемическим мифам и преданиям эпохи лесного энеолита, существовавшим в устной традиции и напрочь стершимся в человеческой памяти.

По мере развития и усложнения мировоззрения у волосовцев на первый план все чаще, по-видимому, выдвигается человеческая сущность предка-героя. Он, хотя и ведет свое происхождение от мифического медведя, внешне постепенно наделяется уже чисто человеческими чертами, что и нашло отражение в серии кремневых фигурок, передающих, при всей их условности и стилизации, образ вполне реального человека.

Наиболее полно и завершено эта тенденция отразилась в уникальной находке - роговой маске, изображающей часть лица взрослого человека в натуральную величину. Маска-личина, поражающая воображение зрителя реализмом передачи деталей и мастерством изготовления, была обнаружена в яме первого "святилища" на стоянке Сахтыш IIa, которое располагалось на территории волосовского кладбища и являлось его ритуальной частью [12-14]. По нашему мнению, личина олицетворяла образ предка, и "шаман", совершавший ритуал погребения или поминовения усопших, обрядился уже не в шкуру медведя-предка, а надевал маску предка-человека.

Таким образом, сахтышская личина представляет собой не персонифицированное изображение отдельной личности, а обобщенный образ предка, характеризующий, вероятно, и общий антропологический тип волосовского населения. Последнее достаточно четко и, главное, независимо подтверждается серией графических и скульптурных реконструкций внешнего облика людей, выполненных Г.В.Лебединской по черепам из волосовского могильника Сахтыша IIa.

Здесь небезынтересно отметить, что этот антропологический тип достаточно близок восточно-прибалтийскому, известному по реконструкциям черепов из позднеэнеолитических погребений могильника Звейниекы [15, с.132, рис.], по объемной скульптуре и миниатюрным изображениям человеческих личин из кости, рога и янтаря [16, рис.; 17, с.67, рис.69,2,4; 18; 19]. По наблюдениям С.В.Студзицкой, для всех этих изображений характерно подчеркивание длинного носа [20], что, видимо, связано со спецификой данного древнего физического типа, следы которого отмечаются и в современной атлантико-балтийской малой расе [21, с.378].

Возвращаясь к волосовской антропоморфной скульптуре, отметим ее связь и с культом предков, восходящим, как было сказано выше, к тотемическим представлениям. Так, по нашим наблюдениям, все антропоморфные скульптурки и большая часть прочих кремневых изображений на стоянке Сахтыш IIa располагались непосредственно на территории волосовского могильника возле захоронений [22]. Аналогичная ситуация фиксируется и на соседней стоянке Сахтыш II.

Проследить подобное для других памятников в настоящее время не представляется возможным, т.к. в большинстве публикаций авторы отмечают лишь сам факт обнаружения фигурок, но без указания точных условий и мест их нахождения. Исключение составляют лишь находки скульптурок в могильных ямах, что прямо указывает на связь последних с культом предков. Таких случаев

на сегодняшний день известно четыре: по одному кремневому "человечку" найдено в волосовских погребениях на стоянках Иловец I, Мышецкая [23; 24] и в двух захоронениях на могильнике Репище [6; 25]. Помимо антропоморфных скульптурок в волосовских захоронениях известны следующие находки: орнитоморфная фигурка в Тенишевском могильнике [26], лунница - в Кончанском [25] и псевдофигурные кремни на Иловце I [23] и на Сахтыше VIII.

Пятая могила с миниатюрным антропоморфным изображением обнаружена на Сахтыше IIa, но здесь скульптурка изготовлена не из кремня, а из костяной пластинки. Она относится к типу Ф-образных, изображает стоящего анфас человека с широко расставленными ногами и дугообразными руками, упирающимися в бедра. Головка фигурки в верхней части заострена (островерхая шапка - ?), на лице тонкой гравировкой выделены глаза, нос и улыбающийся рот [27]. В целом, иконография ее близка кремневой антропоморфной скульптуре с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 2, 1) и аналогична уже упоминавшимся выше позднеолитическим фигуркам Восточной Прибалтики из кости, рога и янтаря [16; 19]. Это единственная достоверная волосовская антропоморфная фигурка из кости. В литературе же к ним обычно относят еще три поделки: с Черной Горы, Сахтыша I и Рыбино-Стрелки I. Однако первую - из пластины кабаньего клыка - мы рассматриваем как обычную подвеску с глубокими нарезками по краям [28, с. 35, 37, рис. 5, 2], остальные - как обрезки костей с неоконченной обработкой [6, с. 89, 90, рис. 118, 2].

* * *

Предложенная нами трактовка антропоморфной волосовской скульптуры небесспорна и требует дальнейшей разработки. С другой стороны, необходимо также детальное изучение зооморфных фигурок, что, на наш взгляд, позволит более глубоко познать мифологию древних волосовцев.

АНТРОПОМОРФНАЯ КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА

Таблица

N	Памятник	Высота мм	Тип	Рис. по тексту	Литература
---	----------	-----------	-----	----------------	------------

I. Карелия

1.	Первомайская I	40	III	3	29, с. 56, рис. 6, 1
----	----------------	----	-----	---	----------------------

II. Архангельская область

2.	Усть-Ярэнга	79	III	3	1, с. 106, рис. 4, 7
3.	Сухое	53	I	2	6, с. 52, рис. 64
4.	Сухое	36	I	2	30, с. 248, рис. 1, 4
5.	Ольский Мыс	60	?	-	6, с. 52; рис. 67

III. Вологодская область

6.	Фералонтово	55	II	2	1, с. 103, рис. 2, 9
7.	Чаронда	55	I	2	1, с. 103, рис. 2, 20
8.	Чаронда	?	?	-	1, с. 108, рис. нет
9.	Мотыри I	?	?	-	31, с. 12; рис. нет

IV. Новгородская область

10.	Репище	?	III	3	6, с. 120, рис. 162,5
11.	Репище	57	I	2	6, с. 121, рис. 165,1
12.	Репище	85	II	2	6, с. 121, рис. 165,2
13.	Репище	60	II	2	6, с. 120, рис. 162,1
14.	Репище	42	III	3	6, с. 120, рис. 162,3
15.	Репище	?	III	3	6, с. 120, рис. 162,4
16.	Репище	57	III	3	6, с. 121, рис. 164,6
17.	Репище	60	III	3	6, с. 120, рис. 163,4
18.	Иваново Колице	31	?	-	6, с. 121, рис. 164,2
19.	Коломцы	25	III	3	6, с. 120, рис. 163,2

V. Тверская область

20.	Алексеевское	42	I	2	1, с. 103, рис. 2,13
21.	Алексеевское	40	III	3	1, с. 103, рис. 2,25
22.	оз.Пирос	38	I	2	1, с. 103, рис. 2,21
23.	оз.Пирос	57	?	-	1, с. 104, рис. 3,4
24.	оз.Мстино	63	I	2	1, с. 103, рис. 2,3
25.	оз.Мстино	44	I	2	1, с. 103, рис. 2,4
26.	оз.Мстино	52	II	2	1, с. 103, рис. 2,5
27.	Иловец I	44	I	2	23, с. 112, рис. 5,1
28.	Ронское III	42	I	2	6, с. 89, рис. 117,1
29.	Заболотье II	?	?	-	32, с. 59, рис. нет
30.	Бологое	28	IV	4	1, с. 104, рис. 3,5
31.	оз.Пено	80	?	-	3, с. 65, рис. 3,1
32.	Синяя Гора	25	?	-	33, с. 281, рис. 5,8

VI. Ярославская область

33.	Ловец I	29	I	2	6, с. 89, рис.117,3
34.	Уница	47	III	3	1, с.104, рис.3,7
35.	Уница	32	IV	4	34, с. 67, рис.10,1

VII. Ивановская область

36.	Сахтыш I	42	III	3	6, с. 89, рис.116,2
37.	Сахтыш I	50	I	2	6, с. 89, рис.116,3
38.	Сахтыш I	32	III	3	неопубликована
39.	Сахтыш II	50	I	2	6, с. 89, рис.118,1
40.	Сахтыш II	17	III	3	6, с. 89, рис.117,2
41.	Сахтыш II	44	III	3	неопубликована
42.	Сахтыш IIa	34	III	3	6, с. 89, рис.117,6
43.	Сахтыш IIa	52	III	3	22, с. 56, рис.2,3
44.	Сахтыш IIa	106	IV	4	22, с. 56, рис.2,10
45.	Сахтыш VIII	36	III	3	6, с. 89, рис.116,1

VIII. Московская область

46.	Большой лес	?	?	-	35, с. 70, рис. нет
47.	Большой лес	?	?	-	35, с. 70, рис. нет
48.	Маслово Болото 8	?	III	-	36, с. 88, рис. нет
49.	Мышецкая	60	I	-	3, с. 63, рис. 1,4
50.	Никольская II	?	III	-	24, с. 67, рис. нет
51.	Полецкая I	?	I	-	24, с. 67, рис. нет
52.	Полецкая I	?	III	-	37, с. 46, рис. нет
53.	Николо-Перевоз II	42	II	2	38, с. 84, рис. 2,4
54.	Николо-Перевоз II	34	III	3	38, с. 84, рис. 2,2
55.	Николо-Перевоз II	41	III	3	38, с. 84, рис. 2,3
56.	Никольская Правая	?	IV?	-	неопубликована
57.	Святое Озеро I	30	III	3	39, с. 114, рис. 4,26
58.	оз.Круглое	59	III	3	40, с. 72, рис. 1,1

IX. Владимирская область

59.	Панфилово	56	III	3	1, с. 103, рис. 2,16
60.	Панфилово	?	?	-	1, с. 123, рис. нет
61.	Холомоница	30	I	2	1, с. 103, рис. 2,15

X. Нижегородская область

62.	Сокольское I	30	I	2	41, с. 38, рис.
63.	Подборица-Щербининская	52	III	3	42, с. 178, рис. 6,2
64.	Волосово	30	III	3	1, с. 103, рис. 2,7
65.	Волосово	67	I	2	1, с. 103, рис. 2,11
66.	Волосово	33	II	2	1, с. 103, рис. 2,12
67.	Волосово	50	I	2	1, с. 103, рис. 2,24
68.	Волосово	67	I	2	1, с. 103, рис. 2,2
69.	Волосово	71	I	2	1, с. 103, рис. 2,1
70.	Волосово	50	II	2	1, с. 103, рис. 2,19
71.	Волосово	64	?	-	1, с. 104, рис. 3,12
72.	Волосово	57	IV	4	1, с. 104, рис. 3,1
73.	Волосово	50	?	-	1, с. 104, рис. 3,10
74.	Волосово	44	IV	4	1, с. 104, рис. 3,13

XI. Рязанская область

75.	Дубровичи	44	I	2	43, с. 111, рис. 40,1
76.	Борки	28	III	3	43, с. 111, рис. 40,2
77.	Борки	44	II	2	43, с. 111, рис. 40,3
78.	Ибердус I	26	III	3	1, с. 103, рис. 2,14
79.	Владычинская-Береговая I	?	?	-	44, с. 60, рис. нет

XII. Марий-Эл

80.	Майданская	38	III	3	5, с. 45, рис. 1,4
81.	Майданская	34	III	3	5, с. 45, рис. 1,5
82.	Майданское III	32	III	3	5, с. 45, рис. 1,6

XIII. Татария

83.	Мало-Кокузинская	?	?	-	45, с.140, рис.37,6
84.	Сюкеевская	?	?	-	45, с.140, рис.37,7
85.	Казань	86	IV	4	1, с.104, рис.3,8

XIV. Самарская область

86.	Гундаревское	?	?	-	5, с. 43, рис.нет
-----	--------------	---	---	---	-------------------

Примечания

1. В сводку антропоморфной скульптуры включены все известные нам на начало 1995 г. кремневые фигурки, в том числе и те, которые лишь упомянуты в литературе, за исключением находок последних лет в Вологодской области: имеющаяся у нас информация о них крайне скупа и отрывочна [46].

2. Вне сводки осталось несколько предметов, относимых многими исследователями к изображениям человека, в частности, один из них происходит со стоянки Сухое [6, с.52, рис.65,1], другой - с Шагары II [6, с.89, рис.117,4] и т.д. Мы рассматриваем их как простые фигурные кремни, т.к. у них отсутствует один из основных признаков антропоморфной скульптуры - параболическая выемка, оформляющая нижние конечности.

3. Многие скульптурки издавались неоднократно, поэтому, во избежание загромождения библиографии, сноски на них даются только лишь по одной какой-то публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. N X.
2. Студзицкая С.В. Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения Севера Европейской части СССР // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
3. Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Тр.ГИМ. 1994. Вып.85.
4. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
5. Никитин В.В. Кремневая скульптура и мелкая глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. I.
6. Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
7. Шевелев В.В. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. 1986. N 1.
8. Студзицкая С.В. Фигурные налпы на сосудах со стоянок волосовской культуры // Тр.ГИМ. 1980. Вып.51.
9. Римантене Р.К. Художественные изделия стоянки Шаянтой III // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
10. Мифы народов мира. М., 1992.
11. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Сокращ. пер. с ит. В.П.Гайдука. М., 1987.
12. Крайнов Д.А., Костылева Е.А., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIa // Археологические Вести. 1993. N 2.
13. Крайнов Д.А., Костылева Е.А., Уткин А.В. Могильник и "святилище" на стоянке Сахтыш IIa // РА. 1994. N 2.
14. Крайнов Д.А. Уникальная маска из рога // Природа. 1994. N 8.
15. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga, 1987.
16. Klebs R. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens // Beiträge zur Naturkunde Preussens. Königsberg, 1882. Bd. V.
17. Jaanits L. Noorem kiviaeg // Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.
18. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
19. Микляев А.М. Идол из Усвятского торфяника // СА. 1967. N 4.
20. Студзицкая С.В. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Тр.ГИМ. 1985. Вып.60.
21. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.
22. Костылева Е.А., Уткин А.В. Фигурный кремль со стоянки Сахтыш IIa // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. I.
23. Урбан Ю.Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА. 1973. Вып.137.
24. Сидоров В.В. Многоспойные стоянки в Подмоскowie // АО-1971. М., 1972.

25. Зимина М.П. Каменный век бассейна реки Мсты // РЭ. 1993. Вып.16.
26. Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский ("Сорочинский бугор") энеолитический могильник: Предварительная публикация // АЭМК. 1984. Вып.8.
27. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIа // РА. 1994. N 3.
28. Цветкова И.К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции ГИМ: Доклады на сессии ученого совета ГИМ. М., 1969.
29. Жульников А.М. Мелкая глиняная и кремневая скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // ВККМ. 1993. Вып.1.
30. Шевелев В.В. Кремневые фигурки из Каргополя // СА. 1993. N 3.
31. Иванищев М.В. Работы в бассейне р.Сухоны // АО-1993. М., 1994.
32. Гуркина Н.Н. Об исследованиях каменного века на Верхней Волге // АО-1972. М., 1973.
33. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки "Синяя Гора" 1 (Ботово 1) на оз.Селигер // В данном сборнике.
34. Крайнов Д.А., Уткин А.В. Многослойная стоянка Уница на озере Неро // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып.II.
35. Крис Х.И., Фоломеев Б.А., Чернай И.Л. Работы второго отряда Московской экспедиции // АО-1975. М., 1976.
36. Сидоров В.В. Стоянки Маслова болота // АО-1981. М., 1982.
37. Сидоров В.В. Мезолитические и неолитические памятники в Подмосковье // АО-1969. М., 1970.
38. Раушенбах В.М. Стоянка Николо-Перевоз II на р.Дубне в Московской области // Экспедиции ГИМ: Доклады на сессии Ученого совета ГИМ. М., 1969.
39. Сидоров В.В. Стоянки на озере Святом у Шатуры // СА. 1975. N 3.
40. Мирецкий А.В. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р.Шоши // ТАС. Вып.1. 1994.
41. Молодцова Е.М., Уткин А.В. Антропоморфная кремневая фигурка со стоянки Сокольское I на Волге // АПВКМ. 1992. Вып.7.
42. Цветкова И.К. Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1965. N 2.
43. Зубков В.И. Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок // КСИИМК. 1949. Вып.XXV.
44. Цветкова И.К. Стоянка и могильник у д.Владычино // АО-1970. М., 1971.
45. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
46. Недомолкина Н.Г. Кремневые фигурки бассейна р.Сухоны // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы симпозиума, 1991. Псков, 1992.

**НПЦ по охране и использованию
памятников истории и культуры
Ивановской области,
Ивановский государственный университет**

A. V. Utkin, E. L. Kostyleva

ANTHROPOMORPHOUS FIGURINES OF VOLOSOVO CULTURE

Summary

In the present article the authors analyses anthropomorphous flint figurines known to them by 1995 (about 90 specimens), which are one of the most characteristic features of Volosovo culture of the East-European forest zone of the Eneolithic epoch (2nd half of the IIIrd - the beginning of the IIrd millenium B.C.).

All figurines are divided by the authors into four arbitrary groups: the representation of a human being in general (I); the representation of a woman (II); the representation of a creature, resembling a bear standing on his back paws (III); and the representation of a fantastic creature (IV). The suggested classification of anthropomorphous sculpture proves, as the authors' think, the complicated structure of the totemic mythology of the Volosovo population, the main characters of which were: the Bear-"ancestor"; the pra-mother-women pregnant with the bear's child; the man-bear himself; and, at last, the custodian of myths - a "shaman" wearing the bear's skin. All these characters are fixed by the anthropomorphous figurines, which may be considered as stone illustrations to lost myths of the Eneolithic epoch.

**The Research-Industrial Centre for Protection
and Use of the Monuments of Culture
and History of the Ivanovo Region,
the State University of Ivanovo**

И. Н. Черных

МЕЛКАЯ КРЕМНЕВАЯ ПЛАСТИКА СО СТОЯНКИ “СИНЯЯ ГОРА” 1 (Ботово 1) НА оз.СЕЛИГЕР

Целью данной статьи является публикация одной из интереснейших категорий находок, связанных с духовной жизнью, искусством древних людей, сделанных при раскопках 1980, 1982-83 гг. поселения “Синяя Гора” в Осташковском районе Тверской области: т.н. кремневых фигурок и фигурных кремней. Отчасти это связано и с тем, что, несмотря на оперативное представление этих материалов [1], в литературе произошла некоторая путаница в отнесении фигурного кремня с этого памятника к другим и наоборот [2, с.94-96, рис.123, 1-6] (так, в кн. “Искусство каменного века”. М., 1992. в подрисуночной подписи к рис. 123 неправильно отнесено к “Синей Горе” изображение 3, а к стоянке Ронское 1- изображение 4, происходящее с “Синей Горы”. Судя по ссылкам на этот рис. в тексте на с.95-96, необходимо поменять местами и изображения 4-5.)

Поселение “Синяя Гора” 1 (Ботово 1 по учетной документации) находится в 1,5 км к СВ от одноименной деревни, на Ю оконечности мыса п-ова “Ветла”, отделяющего Ботовский залив оз.Селигер от его Осташковского плеса, в сужении протоки, на В, Ю и З склонах моренного холма “Синяя Гора”, являвшегося в древности, по всей вероятности, островом, и прилегающих участках заболоченной поймы. Высота холма над современным уровнем воды в озере отмечена в разные годы раскопок в пределах от 4,6 до 5,8 м. Ориентировочная площадь памятника ок. 1500 кв.м, раскопками вскрыто ок. 330 кв.м.

Памятник исследовался в 1970 г. Ю.Н.Урбаном (два раскопа и траншеи общей площадью 172 кв.м) [3], в 1973 г. Д.А.Крайновым (два шурфа у раскопов 1970 г.)[4]. Раскопы 1980-х гг. общей площадью 164 кв.м являлись прирезками к раскопу II 1970 г. на В склоне холма в Ю части поселения, от его вершины, на которой культурный слой отсутствовал, до подошвы (уровня воды в 1983 г.)[1]. Мощность слоя от 0,05 до 0,9 м. Он состоял из различно окрашенного и увлажненного суглинка, в прибрежной части - из чередующихся прослоек гумусированного суглинка и глины и крупно- и мелкозернистого ожелезненного песка, связанных с изменениями уровня воды в озере. В слое встречались валуны и галька. Материк - глина, окрашенная в различных частях раскопа в разные цвета, и торф с растительными остатками в прибрежной части поселения. В раскопе II 1970 г. зафиксированы, предположительно, следы котлована жилища, врезанного в склон холма, с очагом, сложенным из камней; найдена черепная крышка человека. В прирезках 1980-х гг. - столбовые и хозяйственные ямы, производственные участки по обработке кремня и других материалов. Культурный слой нарушен перекопами XVIII-XIX вв. н.э. (хутор или рыбацкие стоянки), перемешан в целом и чрезвычайно насыщен находками, в основном типичными для песного неолита - бронзы.

Поселение представляет собой многослойный памятник, содержащий материалы от раннего неолита до раннего железного века и средневековья, что объясняется его очень удобным для рыболовства и охоты расположением. К раннему неолиту относятся керамика с прочерченным,

накольчатый и зубчатый орнаментом и орудия с частичной обработкой на пластинах: наконечник стрелы постсвидерского типа, концевые скребки, микролиты, резцы, а также рубящие и долбящие орудия. Развитый неолит представлен гребенчато-ямочной и ямчатой керамикой и орудийным комплексом валдайской культуры. К позднему неолиту - энеолиту относятся материалы, близкие культурам волосовского круга, с органическими примесями в керамике, в т.ч. толченой раковинной. С эпохой бронзы связаны находки различной керамики с минеральными и органическими примесями разных форм, со "штрихованной", "ложнотекстильной", "рябчатой" поверхностью, с гребенчато-ямчатым орнаментом и фатьяноидного типа. Часть найденной керамики может быть отнесена к раннему железному веку. Встречено большое количество предметов, связанных с обработкой кремня, камня и кости: наковальни, отбойники, шлифовальные плиты, нуклеусы и технологические сколы. В инвентаре преобладают отщепы кремня; пластин, особенно правильных, и орудий из них мало. Среди орудий из кремня большой серией представлены наконечники стрел, дротиков и копий; преобладают двусторонне ретушированные изделия треугольно-черешковой, листовидной и ромбической форм, различных размеров. Найденны скребки разных типов, скобели, ножи, в т.ч. серповидные и коленчатые; перфораторы, среди которых есть орудия с несколькими жалами и плечиковые, полностью ретушированные. Резцы представлены различными типами на разных заготовках; с ретушированными площадками сколов; угловыми, боковыми, срединными, клювовидными; в комбинациях с другими орудиями. Найденны вкладыши из обломков пластин и рубящие и долбящие орудия, в т.ч. с полуперехватом и шлифовкой. Много комбинированных орудий и миниатюрных форм. Кремень использовался валунный пестро-коричневый (преобладает), плитчатый, из конкреций, есть лиловый высокого качества. Встречены изделия из красного и темно-вишневого, в т.ч. и необожженного, черного и серого дымчатого, сиреневого кремня.

Из сланца изготовлены орудия с рабочим концом под 45 градусов, наконечники стрел, рубящие и долбящие орудия, заготовки зубчатых штампов, рыболовное грузило, обломок шлифованного кольца.

В слое найдены кости животных, в т.ч. обработанные, и рыб. Из изделий можно отметить привеску из зуба животного с просверленным отверстием, обломки: привесок, головки птицы, острия, гарпуна, стержней и кольца с нарезками по краям, а также предмет в виде наконечника стрелы, четырехгранный в сечении, с насечками по ребрам и граням.

Следует также упомянуть керамические стержни и поделки, напоминающие по форме пуговицы.

Материалы различных эпох стратиграфически четко не выделяются. Среди керамики преобладает гребенчато-ямочная и ямчатая развитого неолита (валдайской культуры) и поздненеолитическая-энеолитическая с органикой (волосовского типа), по размерам фрагментов - более крупные принадлежат сосудам эпохи бронзы.

Из состава коллекции, происходящей из раскопок 1980-х гг., насчитывающей свыше 80000 единиц, не считая мелких фрагментов керамики и осколков кремня, было выделено 46 изделий, предварительно отнесенных к категории фигурного кремня на основании морфологического своеобразия и сходства их в той или иной степени с различными представителями фауны, символами, предметами и т.п., а также исходя из аналогов, известных по литературе. Эти находки не имеют четкой планиграфической или стратиграфической концентрации в пределах раскопок (рис.6), хотя статистически преобладают они во II-IV условных (по 10 см) горизонтах. Из 30 наиболее вероятных фигурок и фигурных кремней - соответственно 8,9 и 6; в I и V горизонтах по 3, в VI - I и I из отвала 1970 г. (табл.1). Возможно, наличие такого значительного количества находок этого типа в данной части поселения связано с существовавшим здесь жилищем, если была правильно интерпретирована западина в раскопе II 1970 г., или с какой-то особой функцией, выполнявшейся этим островным (?) поселением на определенном этапе его существования. Анализ затруднен еще и тем, что значительное число фигурных кремней было выявлено при камеральной обработке коллекции.

При трасологическом исследовании выделенных предварительно изделий, произведенном сотрудником ИА РАН к.и.н. М.Г.Жилиным (автор выражает глубокую признательность М.Г.Жилину за трасологическую обработку коллекции фигурного кремня), выяснилось, что их можно под-

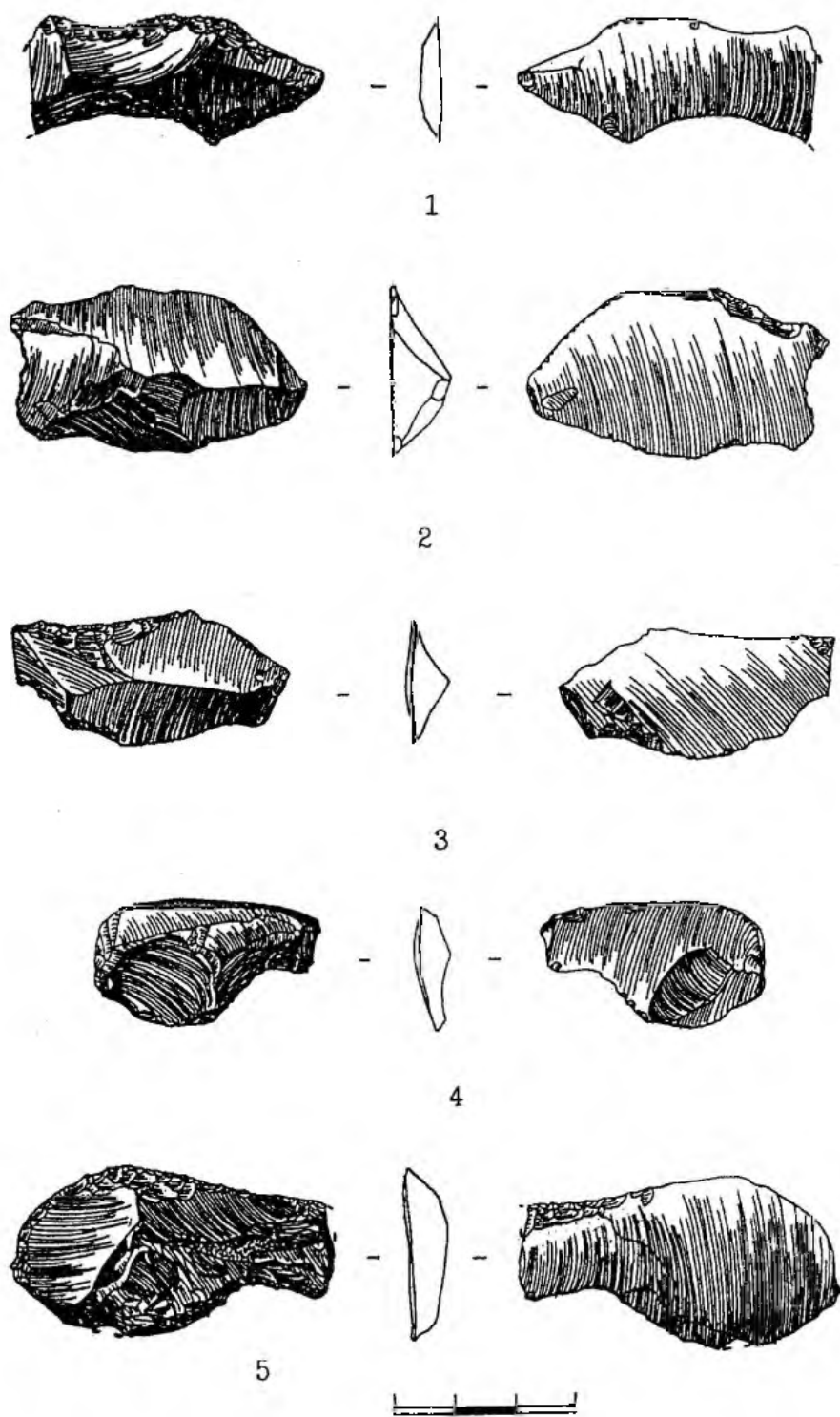

Рис. 1. Поселение "Синяя Гора" 1. Фигурный кремьень 1 группы

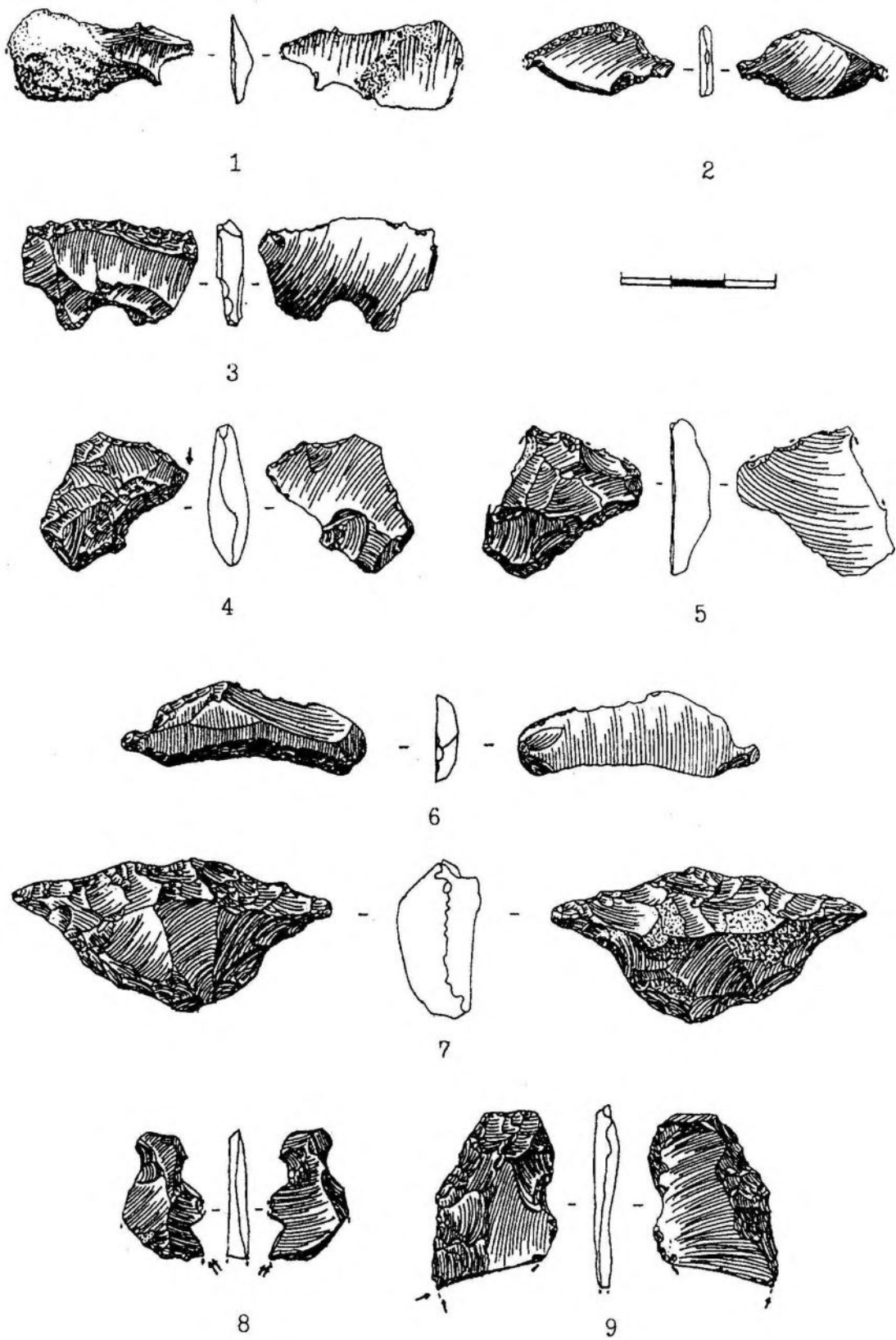

Рис. 2. Поселение "Синяя Гора" 1. Фигурный кремь 1 группы

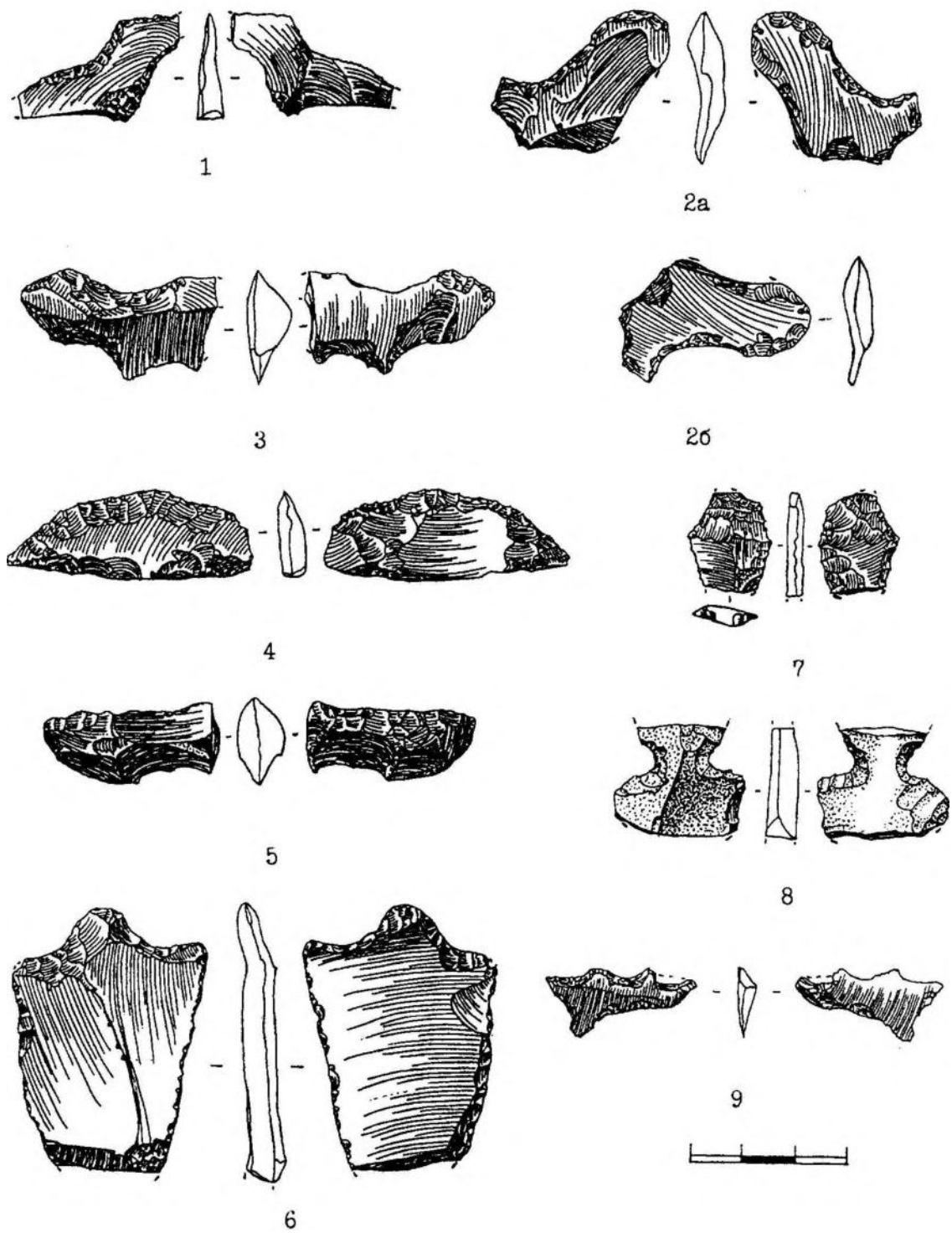
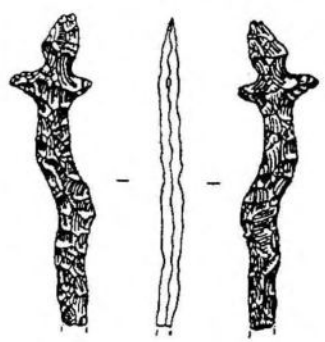
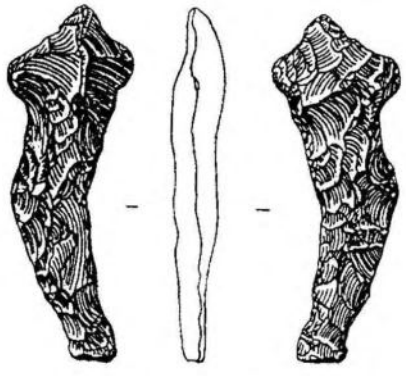

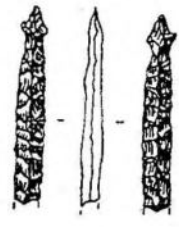
Рис. 3. Поселение "Синяя Гора" 1. Фигурный кремль II (1-8) и III (9) групп

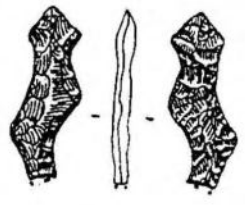
1

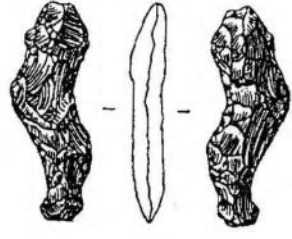
2

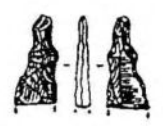
3

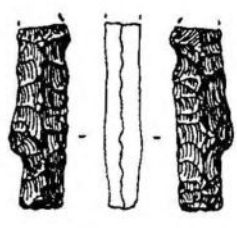
4

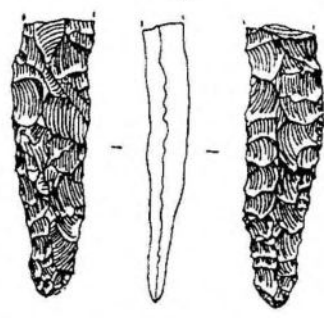
5

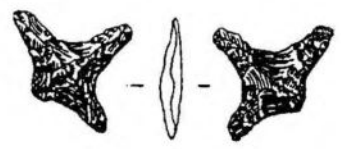
6

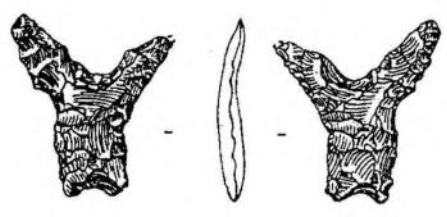
7

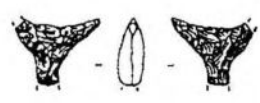
8

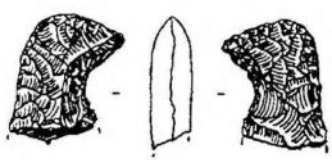
9

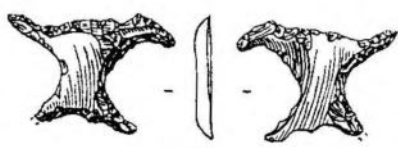
11

10

12

13

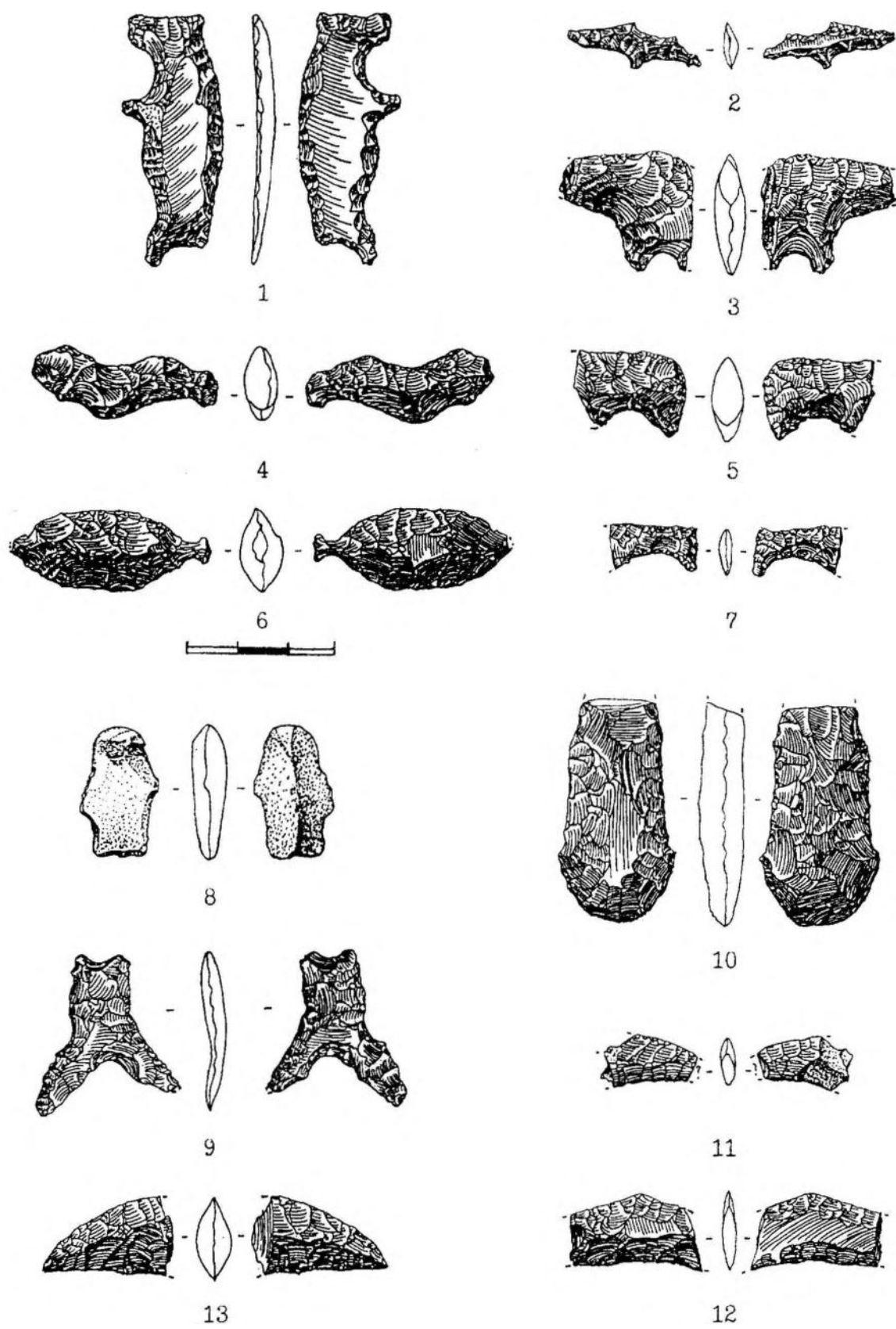

Рис. 5. Поселение "Синяя Гора" 1. Фигурный кремль IV группы

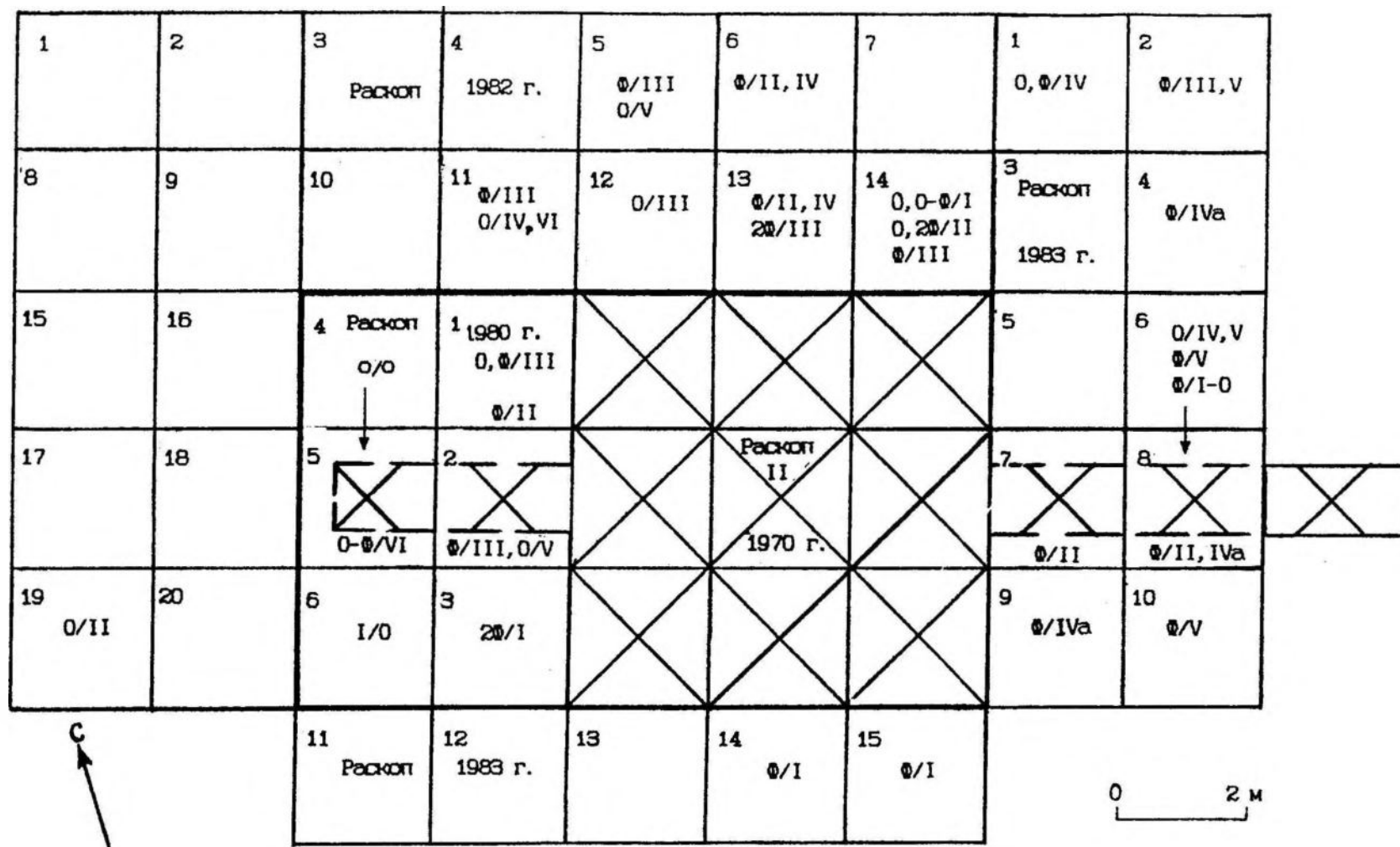

Рис. 6. Поселение "Синяя Гора" 1. План раскопов с находками фигурного кремня (по центру квадратов - изделия, выявленные при камеральной обработке коллекций).

Условные обозначения: о/ - фигурные кремни I группы (орудия); о-ф/ - фигурные кремни II-III групп; 2ф - фигурные кремни II, IV групп (2 - количество фигурок); /о - отвал; /1 - горизонт снятия культурного слоя

разделить на несколько (автором статьи предлагается четыре) групп по признакам наличия или отсутствия следов использования их в качестве орудий, дополнительной обработки краев, а также морфологического своеобразия. Наличие следов использования изделия в качестве орудия в принципе не исключает его возможную принадлежность к фигурному кремню (использование в определенных, например, ритуальных и т.п. целях или случайное применение).

К I группе относятся 14 предметов со следами работы ими, не имеющих ярко выраженного морфологического своеобразия. С определенной натяжкой их можно назвать "фигурными орудиями". Прежде всего к ним относятся скобели, в т.ч. многолезвийные (рис.1,1; 2,3,5,6; табл.1, соответственно NN 40,44,17,19), скобель-нож (рис.1,3;табл.1, N 28), скобели-скребки (рис.1,4,5; табл.1, NN 13,21); другие орудия: раскroечный нож по шкуре (рис.1,2; табл.1,N 10), резец на сильно сработанном орудии (рис.2,4; табл. 1,N 37), резец на обломке орудия с "пуговкой" (рис.2,8; табл.1, N 4), резчик на сломе заготовки орудия (рис.2,9; табл. 1,N 3); проколки, в т.ч. многожальные (рис.2,1-2; табл.1, NN 26,6), двойное сверло на куске кремня (рис. 2,7; табл. 1, N 30). Эти орудия были приняты первоначально за возможные изображения рыб (рис.1,1-2,4,5); зверей: белки (рис.2,1), ежа или рыбы (рис.2,2), зубра или медведя (рис. 2,3), водоплавающего животного (рис.1,3), голов животных в профиль и анфас: медведя (?) (рис.2,4-5), лося (рис.2,6), быка (рис.2,7); а также антропо-зооморфные изображения (рис.2,8-9). Можно привести некоторые морфологические аналогии этим изделиям. Так, многовыямчатый скобель (рис.1,1) имеет определенное сходство с изображениями рыб со стоянки Студенец [2,рис.52]. Проколка - "еж" - с костяной фигуркой, интерпретированной как "рыбка", с поселения Н.Веретье [2,рис.42,верх.]. Скобель - "зубр, медведь" (рис.2,3) - с фигуркой "медведя" из Кончанского IV или Репища VI [по публикации неясно - 2, с.120,рис. 166,3]. Резец и резчик (рис.2,8-9) - с антропоморфными фигурками с поселений Центра и Запада Русской равнины.

Ко II группе можно отнести 8 изделий, не несущих следов работы ими, но не бесспорных морфологически. Это возможное профильное изображение бобра или заготовка наконечника стрелы (рис. 3,4; табл.1, N 12); фронтальное изображение человека или человека-медведя (антропо-зооморфное) из обломка наконечника стрелы с ретушью на сломе (рис.3,7; табл. 1, N 11); изделие с "пуговкой", возможно, антропоморфное (рис. 3,8; табл. 1, N 23); изображения рыбы(рис. 3,5; табл. 1, N 45), растянутой шкуры животного или белки-летяги в полете (европейская белка-летяга до сих пор встречается в лесной зоне В.Европы) (рис.3,6; табл.1,N 7), головы лося или фигуры птицы в профиль (рис.3,2,а-б; табл.1, N 33), какого-то зверя, возможно, медведя (рис.3,1; табл.1,N 36 - или птицы - ?); заготовки фигурки зверя или пресмыкающегося (рис.3,3, табл.1, N 29).

В III группе 1 изделие, имеющее следы от работы в качестве проколки с двумя жалами, но морфологически и по характеру обработки отличающееся от просто "фигурных" орудий (рис.3,9; табл.1, N 8). Возможно, это изображение рыбы или символическое ("символическое"). Оно имеет некоторое сходство с изделиями с Селища [2, рис.59], Ильинского острова [2,рис.74, 2; 5,табл.41,9] и др. памятников.

Наконец, к IV группе собственно кремневых фигурок и фигурных кремней (изделия, позволяющие или не позволяющие современному человеку установить прототип изображения), не несущих следов от работы ими, имеющих какое-то особое предназначение, относятся 23 своеобразных по изготовлению и морфологии изделия. Среди них выделяются 2 подгруппы по способам создания формы и обработки краев изделий.

К подгруппе А относятся 3 фигурки, оформленные краевой ретушью по периметру, представленные двумя вариантами: 1 вариант - приостряющей (рис.4,13;5,1), 2 вариант - затупливающей ретушью (рис.5,8).

К подгруппе Б - 20 изделий, имеющих полностью или почти полностью ретушированную поверхность, также в двух вариантах: 1 - с острыми кромками (рис.4,1,3,4,8-12; 5,2,5-7), 2 - с краями, специально затупленными (забитыми, искрошенными, часто абразивным инструментом) после изготовления фигурки (рис.4,2,5-7; 5,3-4, 10). Есть и переходные изделия с кромками и острыми, и затупленными (рис.5,6 -затуплены выемки).

Для изготовления всех этих поделок на поселении "Синяя Гора" 1 использовался в основном коричневый и темно-коричневый кремнь, в т.ч. пестрый: с пятнами белого, светло-серого, желтого и темно-желтого, оранжевого, темно-красного и светло-коричневого цветов (табл.1). Из 24-26 изделий из этого кремня 14 относятся к IV группе. Кроме того, в IV группе по I фигурке изготовлено из серого, оранжевого, липового, серо-светло-коричневого, желтоватого (прикорковая часть) кремня, 4 изделия обожжены (3 - светло-серого с белым, 1 - фиолетового цвета). Изделие из III группы сделано из коричневого кремня. В группе II из пестрого коричневого кремня изготовлено 5 изделий и по 1 - из высококачественного черно-серого пятнистого кремня, более качественного коричневого (к серому) кремня. 1 поделка серого цвета обожжена. В I группе 5 изделий из коричневого и темно-коричневого кремня, 2 - из коричневого несколько другого качества и по 1 - из желто-оранжевого, липового, сиреневого, розово-желтого, высококачественного черно-серого кремня; 2 обожженных - бело-коричневого и темно-серо-белого цвета (табл.1).

Размеры поделок от 1 до 6 см (рис.1-5; табл.1).

Интерпретация фигурного кремня, тем более фрагментированного, как изображения того или иного представителя фауны, флоры, предмета, символа достаточно субъективна. Представляется, что изделия IV группы - собственно фигурки - можно подразделить на изображения фаунистические: млекопитающих животных, птиц, рыб, пресмыкающихся; антропо-зооморфные; предметно-символьные. Большинство изображений профильные, есть фронтальные и снизу-сверху.

К изображениям млекопитающих животных в IV группе относятся 3-5 изделий. Это профильная фигурка медведя, стоящего на задних лапах (рис.5,1; табл. 1, N 18), судя по характеру их оформления. Данная фигурка отличается от других известных профильных изображений медведя с Багон-отмели [2, рис.166,1; 6,рис.1,21], Зимней Золотицы [2, рис.83] и др. Фигурка с коротким туловом и хвостом и длинной подчеркнута вытянутой мордой с ухом по пропорциям ближе всего, видимо, к изображению кабана (рис.5,2; табл.1, N 39). Сходные скульптурки известны с поселения Юртик [7, с.191, рис.7,3], возможно, Ахмыловское II [8, с.45, рис. 1,16], Сухое [2,рис.62]. Каких-то зверей изображали, видимо, и фигурки, найденные во фрагментированном виде: задняя часть тулова с сохранившейся задней конечностью и, частично, передней или голова птицы (рис.5,5; 4,12; табл.1, N 20); тулово животного с вытянутой, как у белого медведя, шеей, сохранившейся передней конечностью, и частично, задней (рис.5,3; табл. 1,34). Одна из возможных трактовок фигурки, отличающейся от подобных, изображающих, видимо, пресмыкающихся, большей толщиной, может быть обозначена как выдра (рис.5,4; 4,5; табл. 1, N 5). Подобные изображения известны с поселений Ронское 1 [2, рис. 123,3], Кладовец II (?) [9, рис.12,6] и др.

К изображениям рыб, вероятно, следует отнести эллипсоидную фигурку с выделенным "хвостом", оформленным затупленными для крепления при использовании выемками (рис.5,6; табл. 1, N 25), имеющую сходство с костяной фигуркой из Нижнего Веретья [2, рис. 42, ниж.], и обломок фигурки - хвост с частью тулова (или голова животного или птицы) (рис.5,7; табл.1, N 24). Не исключено, что прототипами некоторых изделий, отнесенных к изображениям пресмыкающихся, являлись рыбы - налим, сом, угорь (рис.4,1,2,8).

Изображения пресмыкающихся - большая серия фигурок и обломков фигурок, выделяющаяся морфологическим и технологическим сходством (рис.4,1-8). Практически все они имеют полностью ретушированную поверхность, изготовлены из пестрого коричневого кремня, кроме 1 - из оранжевого (рис.4,6). У них выделенная подтреугольная голова, иногда с боковыми выступами, изогнутое или прямое тулово, иногда с выступами. "Хвост", если он сохранился, также оформлен небольшими выступами, необходимыми, вероятно, для крепления фигурок при использовании их в качестве привесок или нашивок (А.А.Шормозов отметил как любопытную особенность многих костяных и каменных амулетов ношение их "вверх ногами" [10,с.28]). У одной фигурки ниже головы дополнительно сделаны выступы в стороны (рис.4,1). Обычно такие фигурки трактуются как изображения змей, последняя - ящерицы. Представляется, что часть этих фигурок с "Синей Горы" 1 можно рассматривать как изображения зверей: выдра (рис. 4,5; 5,4; табл.1, N 5), рыб:

налим, сом или угорь, который вполне мог обитать в оз. Селигер в эпоху неолита - бронзы (рис.4,2,3; табл. 1, NN 22,32). Изделие с выступами ниже головы (рис.4,1; табл. 1, N 46) похоже на ползущего угря с раскрытыми жабрами, так же, как и на стилизованную фигуру танцующего человека. Во всяком случае, кажется сомнительным, что здесь прототип изображен сверху. Скорее это профильное или вполоборотное изображение. Часть обломков фигурок может быть связана с изображениями рыб или пресмыкающихся (рис. 4,8; табл. 1, N 15), другие трудно интерпретировать из-за их фрагментарности (рис.4,3,6-7; табл. 1, NN 32,41,43). Одна фигурка может изображать змею, причем ядовитую, исходя из треугольной формы головы (рис.4,4; табл. 1, N 38). Аналогии этой серии фигурок известны с поселений Репище VI [2, рис. 166, 2; 11, с.156, рис.57,10], Языково I [12, с.66,рис. 26,9], Панфилово [6, с.73, рис.5,17], Тунгуда III [13,с.56,рис.6,3], Вис II [14, табл. XVI,4], Ильинский остров [2, с.58, рис. 74,4], Сухое [2,с.52, рис.64, 2-3], с упоминавшихся уже Ронского I и Кладовца II (?).

К фигуркам, изображающим птиц, условно, с учетом неоднозначности трактовки, отнесено 5 изделий. Это изображение снизу-сбоку летящей утки, судя по пропорциям скульптурки (рис. 4,9; табл. 1, N 1); фронтальное изображение хищных птиц в момент захвата добычи или морд рогатых животных - опеня, лося (рис. 4,10-11; табл. 1, NN 42,35); профильное изображение головы птицы или задней части тулова животного (рис.4,12; табл. 1, N 20). Аналогии фигурке утки в такой иконографии автору не известны. Фигурка "хищной птицы" (рис.4,10) имеет некоторое сходство со скульптурками с поселений Сахтыш II-A [15,с.56,рис.2,4,6], Золотец VI [9,рис.12,1], Сахтыш I [16,с.162, рис.6,5], Уница [2, рис. 134,1] и др. Подобные изделия, как "лунницы со стержнем", относят еще и к символическим ("символическим") фигурным кремням. Эту фигурку можно также рассматривать и как профильное изображение птицы (токующей глухарь-?). Некоторое сходство со скульптурками из Пено [6,с.65, рис. 3,1], Волосово [6, с.73, рис.5,4] позволяет предложить и еще одну интерпретацию фигурки "хищной птицы" (рис.4, 11) - как антропо-зооморфное изображения.

Одна фигурка, вероятно, имеющая в своей основе какую-то сложную символику, возможно, мифологического характера, внешне похожа на сидящую на пне птицу или зверя (рис. 4,13; табл.1, N 31).

Вероятно, только одно изделие, имеющее некоторые аналогии в Репище VI [11, рис.52,2], Майданском III (?) [8, с.45, рис.1,6] и на других поселениях, может быть определено более-менее надежно как антропо-зооморфное - фронтальное изображение человека, медведя или человека-медведя (рис.5,8, табл 1, N 2). Отнесение к этой категории мелкой кремневой пластики ранее упомянутых изделий из 1 и 2 групп трудно доказуемо. В любом случае напрашивается вывод о том, что для поселения "Синяя Гора" 1 (по имеющейся коллекции) антропоморфная кремневая скульптура мало характерна.

Одна фигурка определена как изображение фаллоса (рис.5,10; табл. 1, N 16). Кремневые аналогии ей автору не известны. Эту фигурку можно отнести к категории предметно-символических, к которой принадлежат и три обломка т.н. "лунниц" (рис. 5, 11-13; табл.1, NN 27, 14,9). Подобные изделия встречаются на многих памятниках лесной зоны Восточной Европы в различных вариантах. "Лунницы" (лунарные символы) с "Синей Горы" 1 отличаются меньшей изогнутостью и большей близостью к серповидным ножам, хотя следов работы ими не имеют.

В целом мелкая кремневая пластика с поселения "Синяя Гора" 1 отображает как связь человека с окружающим миром: природа - животные (звери, птицы, рыбы, пресмыкающиеся, причем переданные в динамике), кормившая человека (возможны здесь и тотемные животные, и промысловая магия); космос (лунарные символы), - так и мир самого человека (культ предков, продолжение жизни) и его связь с загробным миром (налим, выдра - ящерица карельских петроглифов, утка - отражение определенной мировоззренческой, включая мифологическую, системы [17]).

Культурно-хронологическая принадлежность фигурного кремня с поселения "Синяя Гора" 1 (Ботово 1) определяется кругом древностей позднего неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы (Валдайского Поозерья и Верхневолжья в частности): валдайской культурой и во-

Мелкая кремневая пластика и "фигурные" орудия с поселения "Синяя Гора" 1 (Ботово 1)

Таблица 1

КАТАЛОГ

№ п.п	№ рис.	№ колл. ТГОМ КОФ	Место-нахождения	Описание	Цвет кремня	Сохранность изделия	Размер в см	Возможная трактовка	Изображение (с фото)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	4:9	10313 № 2153	1980 г. гор. 1 кв. 3	Фигурка зооморфная асимметричная, полностью ретушированная с двух сторон, с острыми кромками, без следов работы	коричневый	целое	2,0x2,5 x0,4	Утка в полете. Вид снизу-сбоку	
2	5:8	10313 № 2155	1980 г. гор. 1 кв. 3	Фигурка антропо-зооморфная на пластине асимметричная с выделенными краевой ретушью "головой" и на разной высоте "руками" - выступами, с выемкой, разделяющей нижние конечности; с притупленными краями, без следов работы	прикорковая часть светлосерый	целое	2,6x1,6 x0,7	Фронтальное изображение человека, медведя или "человека-медведя"	
3	2:9	10313 № 1823	1980 г. 1970 г. кв. 4	Резчик на сломе заготовки орудия "с пуговкой" из пластинчатого отщепа, ретушированный на спинке по краю до середины и на конце и, частично, по другому краю; на брюшке - по двум краям. Ретушь близка струйчатой. По краю на сломе - от работы	черно (темносерый)-бежевый высочайшего качества, дымчатый	фрагментировано	3,5x2,5 x0,7	Антропо-зооморфное фронтальное изображение	
4	2:8	10313 № 2353	1980 г. гор. 1 кв. 6	Резец двойной угловой на сломе орудия "с пуговкой" на пластине, с ретушированными с двух сторон выемками	лиловый инкрустированный	фрагментировано	2,5x1,6 x0,4	Антропо-зооморфное фронтальное изображение	
5	4:5; 5:4	10313 № 2504	1980 г. гор. II кв. 1	Фигурка зооморфная двусторонне ретушированная по всей поверхности с затупленными краями, с подтреугольной с небольшими выступами "головой" и изогнутым туловом, с боковыми выступами на "хвосте", без следов работы	коричнево-темно-коричневый с белым пятном, инкрустированный	целое	3,8x 1,2-1,7 x0,4-0,7	Ползущая змея (вид сверху) или выдра с поднятой головой в профиль	

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6	2:2	10313 № 5322	1980 г. гор. III кв. 1	Проколка на обломке отщепы. Ретушь на спинке аккомодационная нерегулярная по периметру, на брюшке - скол и нерегулярная ретушь, оформляющая жапо ("нос")	светло-темно-коричневый	фрагментировано слегка, обломан кончик "хвоста"	2,9x1,5 x0,1-0,3	Ёж-профильное изображение справа (краевая ретушь показывает иголки) или рыба	
7	3:6	10313 № 5324	1980 г. гор. III кв. 1	Фигурка зооморфная (?) на отщепе. Ретушь затупливающая по периметру на спинке и на брюшке на конце и по краям, в т. ч. нерегулярная и дополнительная, притупливающая края. Без следов работы	темно-серый с белыми пятнами высокого качества	фрагментировано, возможно слом на конце	4,3x3,8 x0,2-0,7	Белка-летяга в полете или растянутая шкура животного (вид сверху)	
8	3:9	10313 № 5323	1980 г. гор. III кв. 1 гл.-109 см от R	Проколка двуязычная на неправильной пластине. Ретушь по краю на спинке и нерегулярная краевая на брюшке	коричневый	фрагментировано (выкол)	2,9x1,4 x0,4-0,5	Рыбка с плавниками и приостренной головой в профиль или символическое	
9	5:13	10313 № 6155	1980 г. гор. III кв. 2	Фигурка двусторонне ретушированная по всей поверхности, без следов работы	темно-светло-коричневый	фрагментировано	2,7x1,5 x0,7	Лунница	
10	1:2	10313 № 14683	1980 г. гор. V кв. 2	Нож раскроечный по шкуре на пластинчатом отщепе с приостряющей нерегулярной ретушью на спинке и брюшке по краям и на спинке на конце	розовато-желтый (светло-фиолетовый)	целое, обожжено (?)	4,8x2,8 x0,9	Рыба в профиль (?). Заготовка антропо-зооморфного изображения (?)	

Таблица 1 (продолжение)

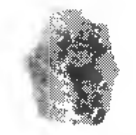

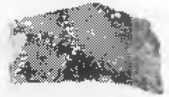

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	3:7	10313 № 18302	1980 г. гор. VI кв. 5	Фигурка (?), переоформленная из обломка наконечника стрелы с полностью ретушированной поверхностью (ретушь близка к струйчатой), с выделенными шипами при переходе от черешка к перу, с хорошо выраженными острыми режущими краями, без следов работы, но с нерегулярной ретушью на сломе	темно-коричневый с вишневым с белыми пятнами	фрагментировано	2,0x1,6 x0,2-0,25	Антропо-зооморфное изображение, фронтальное	
12	3:4	16100 № 3621	1982 г. гор. 1 кв. 14	Фигурка или заготовка наконечника стрелы или лунницы с почти полностью ретушированной с двух сторон поверхностью. Ретушь приостряющая. Без следов работы	темно-коричневый с пятнами	целое	4,8x1,8 x0,5-0,1	Бобр (выделены голова и хвост) в профиль	
13	1:4	16100 № 3587	1982 г. гор. 1 кв. 14	Орудие (скребок-нож-скобель) на отщепе с краевой ретушью на спинке и нерегулярной на брюшке, со вторичной забитостью (сломаны все края) после обработки (естественный износ)	темно-коричнево-оранжевый	целое	3,8x2,1 x0,6-0,2	Профильное изображение рыбы или "повушки"	
14	5:12	16100 № 5279	1982 г. гор. II кв. 6	Фигурка с почти полностью ретушированной спинкой и по краям - брюшком, без следов работы	темно-фиолетовый	фрагментировано, обожжено	2,6x1,4 x0,5	Лунница	
15	4:8	16100 № 7497	1982 г. гор. II кв. 13	Фигурка с полностью ретушированной поверхностью, без следов работы, с острыми кромками	оранжево-коричнево-серо-белый	фрагментировано, обожжено	4,8x1,4 x0,6	Ползущая змея, вид сверху, или рыба в профиль. Хвостовая часть	
16	5:10	16100 № 8087	1982 г. гор. II кв. 14 гп.-185 см от R	Фигурка с полностью ретушированной поверхностью, с затупленными дополнительной обработкой после нанесения ретуши краями (абразивное отбойником или др. орудием сглаживание), без следов работы	светло-коричнево-серый	возможно слегка фрагментировано	4,5x2,5 x0,8	Щалпас, фронтальное или профильное изображение	

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
17	2:5	16100 № 8097	1982 г. гор. II кв. 14	Скобель по периметру отщеп с круглой и полукруглой ретушью на спинке по краям	темно-серо-белый	слегка фрагментировано, обожжено	3,4x2,5 x0,6-0,2	Профильное (справа) изображение морды животного (медведя?)	
18	5:1	16100 № 8086	1982 г. гор. II кв. 14 пл.-179 см от R	Фигурка зооморфная на пластинчатом отщепе с краевой ретушью по периметру на спинке и брюшке (приостряющей), с полностью ретушированной мордой на спинке, без следов работы	серый	целое	5,1x 2,0-2,2 x0,3	Медведь, стоящий на задних лапах, профильное изображение (слева?)	
19	2:6	16100 № 9141	1982 г. гор. II кв. 19	Проколка-скобель на неправильной пластине с затупливающей ретушью по краям на спинке и нерегулярной на брюшке. Жало на конце оформлено ретушью на спинке по 2 краям и по 1 - на брюшке (выемка для привешивания)	сиреневый инкрустированный	целое	4,6x1,9 x0,3-0,6	Профильное (справа) изображение морды лося (?) - привеска	
20	4:12; 5:5	16100 № 10440	1982 г. гор. III кв. 5	Фигурка зооморфная двусторонне ретушированная по всей поверхности, с острыми кромками, без следов работы	коричнево-серый	фрагментировано, обожжено	2,3x1,7 x0,6	Профильное изображение головы птицы (голубь, глухарь) или задней части туловища животного	
21	1:5	16100 № 14641	1982 г. гор. III кв. 12	Скребок по шкуре - скобель на отщепе. Ретушь крутая и полукрутая по краям и на конце на спинке и частичная по краям на брюшке	темно-коричневый	фрагментировано слегка, обожжено	5,4x2,8 x0,7-0,1	Профильное изображение рыбы или "ловушки"	

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
22	4:2	16100 № 14298	1982 г. гор. III кв. 11	Фигурка зооморфная двусторонне ретушированная по всей поверхности, с сильно затупленными дополнительно краями; с подтреугольной с боковыми выступами головой, изогнутым туловом и выступом на хвосте	красно-вишнево-коричневый	целое	6,0x2,2 x0,3-0,9	Ползущая змея или ползущая - плывущая рыба (сом, угорь, налим), вид сверху	
23	3:8	16100 № 15215	1982 г. гор. III кв. 13	"Орудие с пуговкой" (?) на пластинчатом отщепе с ретушированными приострающей ретушью с двух сторон выемками и ретушью по краю на брюшке, без следов работы	светло-серый	фрагментировано, обожжено	2,1x2,6 x0,6	Антропоморфное фронтальное изображение - привеска	
24	5:7	16100 № 15124	1982 г. гор. III кв. 13	Фигурка зооморфная с выделенной головкой или "хвостом", двусторонне ретушированная по всей поверхности, с острыми кромками, без следов работы	темно-коричнево-темно-вишневый с белыми пятнами	фрагментировано	1,8x0,9 x0,1-0,2	Профильное изображение хвостовой части рыбы или задней части или головы животного	
25	5:6	16100 № 15983	1982 г. гор. III кв. 14	Фигурка-привеска зооморфная с эллипсовидным туловом и выступом "хвостом", с полностью ретушированной с двух сторон поверхностью, с притупленными выемками, без следов работы	пестрый темно-коричнево-оранжево-серо-белый	фрагментировано	4,0x1,6 x0,9	Изображение рыбы профильное или сверху	
26	2:1	16100 № 17827	1982 г. гор. IV кв. 5	Проколка, возможно, двужальная на отщепе с краевой нерегулярной ретушью на спинке и на брюшке	желто-оранжевый с известняковой коркой	целое	3,6x1,8 x0,1-0,4	Профильное справа изображение белки с моделированными мордой, ухом и передними лапами; тулово и хвост показаны монолитно	

Таблица 1 (продолжение)

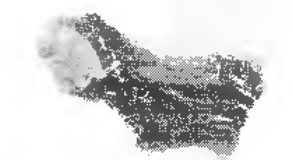

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
27	5:11	16100 № 18414	1982 г. гор. IV	Фигурка символическая (лунарная) с ретушированной с двух сторон поверхностью, без следов работы	светло-серый	фрагментировано, обожжено	1,9x1,0 x0,4	Лунница	
28	1:3	16100 № 19215	1982 г. гор. IV кв. 11	Нож-скабель на пластинчатом отщепе с нерегулярной ретушью по краям; приостряющей и крутой на спинке и пологой - на брюшке	коричнево-серый (белый)	целое	4,7x2,5 x0,1-0,7	Профильное изображение рыбы, водоплавающего животного или пресмыкающегося (заготовка)	
29	3:3	16100 № 20901	1982 г. гор. IV кв. 13	Фигурка зооморфная на отщепе с правильной регулярной обработкой. Ретушь крутая и полукрутая на спинке по краям, плоская и полукрутая на брюшке. Выделена подтреугольная голова животного, намечены конечности. Возможно, заготовка. Без следов работы	коричневый	фрагментировано	3,8x2,3 x0,7	Профильное изображение млекопитающего животного или заготовка изображения змеи (вид сверху)	
30	2:7	16100 № 24415	1982 г. гор. VI кв. II	Сверло двузубальное на куске, с полностью ретушированной с двух сторон поверхностью	коричневый инкрустированный с коркой	целое	3,1x6,3 x1,3	Фронтальное спереди изображение головы быка	
31	4:13	14711 № 1210	1983 г. гор. I отвал 1970 г. кв. 6	Фигурка зооморфная или/и символическая на отщепе с краевой противоположной и противоположащей ретушью, с притупленными кромками, без следов работы	темно-коричневый с белым пятном	фрагментировано слегка	2,1x2,9 x0,3	Профильное изображение птицы или животного, сидящего на пне и приготовившегося к прыжку, или символическое	
32	4:3	14711 № 20228	1983 г. гор. I кв. 14	Фигурка зооморфная с треугольной с боковыми выступами головой (?), с прямым туловом, ретушированная по всей поверхности с двух сторон, без следов работы	коричневый	фрагментировано	3,4x0,6 x0,3	Изображение змеи (?) сверху	

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
33	3:2а, 2б	14711 № 20404	1983 г. гор. I кв. 15 гг.-141 см от R	Фигурка зооморфная или символическая на хвостовой части отщепла. Ретушь краевая с двух сторон, дополнительная преднамеренная затупленность края с хаотичной забитостью и затертостью выемки. Без следов работы	коричнево-оранжевый	фрагментировано	3,7х2,5 х0,2-0,5	Профильное изображение головы лоса или стилизованное изображение токующей птицы	
34	5:3	14711 № 3890	1983 г. гор. II кв. 7	Фигурка зооморфная двусторонне ретушированная по всей поверхности, с притупленными кромками, без следов работы. Выделена длинная шея и конечности	темно-коричнево-вишнево-красный	фрагментировано	2,8х2,4 х0,6	Профильное изображение млекопитающего животного (медведя ?)	
35	4:11, 5:9	14711 № 4040	1983 г. гор. II кв. 8	Фигурка зоо- или антропоморфная с выемкой в основании и двумя отростками-выступами, двусторонне ретушированная по всей поверхности, без следов работы	коричневый	небольшой слом на конце одного отростка	3,3х2,9 х0,4	Фронтальное изображение сающейся на жертву хищной птицы, морда животного (лось, олень) с рогами или антропо-зооморфная фигурка с расставленными в стороны нижними конечностями и стилизованными туловищем и головой	
36	3:1	14711 № 4794	1983 г. гор. III кв. 2	Фигурка зооморфная, ретушь на брюшке по краям полукруглая. Без следов работы	коричневый	фрагментировано на концах, основание без слома (?)	3,4х 1,3-2,0 х0,1-0,4	Профильное изображение (справа) верхней части тулова животного (медведя, собаки) или фронтальное изображение хищной птицы (х "якоревидным" фигуркам)	

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
37	2:4	14711 № 7354	1983 г. гор. IV кв. 1 гл.-215 см от R	Резец на скобеле по кости на сильно сработанном орудии на отщепе (тыльная часть). Ретушь по периметру приостряющая, полукруглая и круглая на спинке и, частично, на брюшке	белосерый с оранжевым и лиловым	целое, обожжено	3,0x2,3 x0,7-0,3	Профильное изображение (справа) морды животного (медведя?)	
38	4:4	14711 № 7358	1983 г. гор. IV кв. 1	Фигурка зооморфная с выделенной подтреугольной головой и прямым туловом, с полностью ретушированной поверхностью, с острыми краями, без следов работы	коричневый	фрагментировано, скол на хвосте	3,0x1,2 x0,2	Изображение ползущей змеи (вид сверху) или профильное антропоморфное изображение	
39	5:2	14711 № 8151	1983 г. гор. IVa кв. 4	Фигурка зооморфная с вытянутой (длинной) мордой с ухом, коротким туловом, конечностями и хвостом, с полностью ретушированной спинкой и, частично, брюшком (скол?), без следов работы	лиловый полупрозрачный	целое	2,7x0,9 x0,3	Профильное (слева) изображение кабана	
40	1:1	14711 № 11665	1983 г. гор. IV кв. 6	Скобель двулезвийный, возможно, по дереву, на пластинчатом отщепе. Ретушь приостряющая по краям с брюшка	темнокоричнево-красновисневый	фрагментировано слегка	4,9x2,1 x0,6-0,2	Профильное изображение (справа) рыбы	
41	4:6	14711 № 9366	1983 г. гор. IVa кв. 8 гл.-158 см от R	Фигурка с выделенной головкой и двумя небольшими выступами под ней, с полностью ретушированной спинкой и, частично, брюшком, с притупленными краями, без следов работы	оранжевый	фрагментировано	1,6x0,7 x0,2	Антропо-зооморфное или символическое изображение	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
42	4:10	14711 № 9363	1983 г. гор. IVa кв. 9 яма гл.-208 см от R	Фигурка символическая или зооморфная, двусторонне ретушированная по всей поверхности, с частично притупленными кромками, без следов работы	светло-серый	фрагментировано, обожжено	1,4x1,5 x0,4	Лунница "со стержнем" или фронтальное изображение хищной птицы или морды животного с рогами	
43	4:7	14711 № 28508	1983 г. гор. V кв. 2	Фигурка антропоморфная с прямым туловом и двумя выступами по краям на разной высоте, ретушированная по всей поверхности с двух сторон, с притупленными кромками, без следов работы	коричневый с оранжевыми и сиреневыми пятнами	фрагментировано	3,2x1,1 x0,5-0,6	Изображение профильное женское или пресмыкающегося, или символическое	
44	2:3	14711 № 15943	1983 г. гор. V кв. 6	Скобель многолезвийный на изогнутом отщепе. Решуть крутая и полукрутая на спинке по краям и, частично, на конце	темно-светло-коричневый	целое	3,4x2,2 x0,1-0,4	Профильное (слева) изображение животного (медведя, зубра и пр.)	
45	3:5	14711 № 28510	1983 г. гор. V кв. 6	Фигурка зооморфная ретушированная на спинке по периметру и по одному краю на брюшке, без следов работы	серый от коричневого с розоватыми включениями	целое	3,3x1,4 x0,9	Профильное изображение рыбы	
46	4:1	14711 № 28511	1983 г. гор. V кв. 10 гл.-255 см от R	Фигурка зооантропоморфная с выделенной подтреугольной головой, боковыми выступами (верхними конечностями) и изогнутым туловом, двусторонне ретушированная по всей поверхности, с острыми кромками, без следов работы	коричневый	фрагментировано	5,3x 1,4-1,7 x0,3	Изображение ящерицы сверху или "танцующей" женской фигуры с разворотом головы и рук (?)	

лосовской культурно-исторической общностью - в пределах III тыс. до н.э., вероятно, 2-ой пол. его. Несколько выделяется из общей массы как будто бы фигурка медведя, отличающаяся по технике изготовления, сырью и реалистичности изображения. Возможно, она связана уже с эпохой бронзы - нач. II тыс. до н.э. (культ медведя у племен, в частности, фатьяновской культуры).

В заключение хотелось бы отметить, что за время, прошедшее после выхода первого обобщающего исследования, посвященного мелкой кремневой пластике [18], количество подобных находок значительно увеличилось, расширились их география, культурно-хронологические рамки. Появился ряд работ, как вводящих в научный оборот отдельные скульптурки из раскопок памятников или сборов на них, так и обобщающих материалы целых регионов или анализирующих отдельные категории фигурного кремня. Тем не менее, нельзя сказать, что все аспекты, связанные с данными древностями, изучены и интерпретированы в достаточной степени. Автор надеется, что публикация одной из самых крупных коллекций мелкой кремневой пластики, происходящих с одного памятника, послужит дальнейшим исследованиям этой темы, не только интересной сама по себе, но и важной для решения многих вопросов материальной и духовной жизни древних людей в контексте культурно-исторического развития лесной зоны Восточной Европы [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черных И.Н. Отчет об археологических исследованиях в Максатихинском, Лесном и Осташковском районах Калининской области в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. NN 8895 и 8895а.
Он же. Отчет о разведках в Калининском районе и раскопках в Бологовском и Осташковском районах Калининской области в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. NN 9114 и 9114а.
Он же. Отчет о раскопках поселений Непеено 1 и "Синяя Гора" 1 в Калининской области в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. NN 9707 и 9707а.
Он же. Исследования на севере и северо-западе Калининской области // АО-1980 г. М., 1981.
Он же. Работы в Калининской области // АО-1982 г. М., 1984.
Он же. Раскопки поселений Непеено 1 и "Синяя Гора" 1 // АО-1983 г. М., 1985.
2. Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
3. Урбан Ю.Н. Отчет о раскопках стоянки Синяя Гора на озере Селигер // Архив ИА РАН. Р-1. N 4555.
Он же. Исследования неолитических памятников в Калининской области // АО-1970 г. М., 1971.
4. Крайнов Д.А. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции за 1973 год // Архив ИА РАН. Р-1. N 5033.
5. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
6. Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки: Тр. ГИМ. М., 1994. Вып.85.
7. Ошибкина С.В. Поселение Юртик на Средней Вятке // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
8. Никитин В.В. Кремневая скульптура и мелкая глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып.1.
9. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т.2. Неолит. Л., 1978.
10. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.
11. Зимина М.П. Каменный век бассейна реки Мсты. Российский этнограф. М., 1993. Вып.16.
12. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
13. Жульников А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1993. Вып. 1.
14. Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967.
15. Костылева Е.А., Уткин А.В. Фигурный кремль со стоянки Сахтыш II-A // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып.1. Иваново, 1994.
16. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
17. Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987.
Савватеев Ю.А. Каменная летопись Карелии. Петроглифы Онежского озера и Белого моря. М., 1990.
18. Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.
19. Столяр А.Д. Новое в старом материале ("миниатюрные" свидетельства исторического взаимодействия культур лесного неолита на мировоззренческой основе) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Археологические изыскания. СПб., 1994. Вып. 13.
Он же. Трансляция идей как многообразная археологическая реальность (по мезоэнеолитическим материалам Северо-Запада европейской России) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит- средневековье). СПб., 1994.

**Тверской государственный
объединенный музей**

I.N. Tchernykh
SMALLER FLINT PLASTICS FROM THE "SINYAYA
GORA" 1 SETTLEMENT (Botovo 1)
AT THE SELIGER LAKE

Summary

The article describes a collection of flint figures and shaped flints found during the excavations performed in the 1980s at the multi-layer "Sinyaya Gora" 1 (Botovo 1) settlement at the Seliger lake in the Tver region.

The author gives a brief account of this monument which had been existing since the Early Neolithic (5th millenium B.C.) till the Bronze Age (2d millenium B.C.) and on.

46 units specified preliminarily were subjected to traceological analysis (M.G.Zhilin). The data obtained, together with the observation on the units morphology, helped to subdivide them into 4 categories, including "shaped" tools and flint figures which, probably, played a special role in the spiritual life of the primeval man, reflecting his attitude towards the immediate environment and Cosmos in general. Among the prototypes for these flint sculptures were animals: bear, boar, possibly - beaver, otter, moose, European bison, squirrel, hedgehog; birds: duck, wood grouse (?), birds of prey; fish: silurus, eel, burbot (?); reptiles: snake, lizard. The figures reflect the dynamics of these creatures movements. In addition antropo-zoomorphic figures (man-bear-?) were found, together with cosmic symbols (crescent-shaped sign, moon) and a figure of phallos, etc.

These finds, representing one of the largest collections, discovered at the monument described, may be attributed to the Late Neolithic - Eneolithic (copper-stone age) - to the 3d millenium B.C., namely - to its second half. The finds seem to have originated from the Valday culture and/or the Volosovo cultural and historic unity.

*The Tver State Union Museum.
5, Sovetskaya St., 170000,
Tver, Russia*

И. В. Калинина

ОРНАМЕНТАЦИЯ СОСУДА С ПОСЕЛЕНИЯ СКРАБЫ III

Известные в настоящее время орнаменты для неолитической керамики естественного происхождения аналогичны предметам, используемым с эпохи палеолита в качестве "украшений", "подвесок-оберегов". В статье "Архаические орнаменты", написанной в соавторстве с Е.А. Гаджиевой, поставлен вопрос о преемственности семантических функций "подвесок-оберегов", "украшений" и орудий для нанесения орнаментов: инструментов татуировки, орнаментиров. Каменные, костяные, изготовленные из раковин подвески исторически предшествуют появлению керамики. Было высказано предположение, что такие подвески "оберегали", "украшали" не только человека, но и докерамические сосуды [1, с.84]. Однако в качестве этнографических аналогий авторы смогли тогда сослаться лишь на плетеные сосуды у индейских племен, украшенные перьями и подвесками из раковин. В этой связи внимание привлек берестяной орнаментированный сосуд удэгейцев из собрания В.К. Арсеньева, хранящийся в Музее Антропологии и Этнографии РАН (рис.1).

К цилиндрическому сосуду на кожаном ремешке с двумя петлеобразными ручками, опоясывающими сосуд, подвешены, чередуясь с бусинами красного, синего, белого и зеленого цвета, 15 косточек *os renis* медведя. По сообщению В.К. Арсеньева, "*os renis* медведя собирают мужчины и отдают на хранение женщинам, как амулеты, напоминающие о происхождении орочей от медведя. Амулеты эти исцеляют женщин от бесплодия и облегчают роды". Сосуд не опубликован и заслуживает всестороннего изучения. Перечислю только некоторые общие вопросы и проблемы с ним связанные.

Подобные женские сосуды известны не только у народов Амура. Так, у индейцев бороро "женщины владеют", по словам К. Леви-Стросса, "настоящими ларчиками, которые передаются от матери к дочери, с украшениями из зубов обезьяны или клыков ягуара, оправленных в дерево и закрепленных с помощью тонких перевязок. Такие трофеи они получают после охоты" [2, с.108]. Семантика архаических представлений, связанных с женскими сосудами (коробочками, ларчиками), этнографами остается не раскрытой.

Орнамент на удэгейском сосуде сходен с опубликованными С.В. Ивановым орнаментами из коллекции Д.К. Соловьева (рис. 2; 3). В музейной описи первый значится как "медвежья голова", второй назван "медвежьим орнаментом". В монографии "Орнамент народов Сибири" С.В. Иванов ссылается на работу В.К. Арсеньева, в которой отмечено, что в орнаменте удэгейцев имеются стилизованные медвежьи головы [3, с.324-325]. Сам же С.В. Иванов придерживался иной точки зрения, считая, во-первых, что до тех пор, пока в современном орнаменте не будут открыты реалистически трактованные прототипы личин и не будет показано развитие их в парные спирали, выдвинутые в связи с их происхождением положения будут носить гипотетический характер [3, с.332]. Во-вторых, по его мнению, у народов Амура изображений медведя вообще нет в женском искусстве дореволюционного периода. По-видимому, женщине уже нельзя было изображать медведя, что, конечно, следует отнести за счет вполне развившегося отцовского

Рис. 1. Берестяной сосуд
удэгейцев

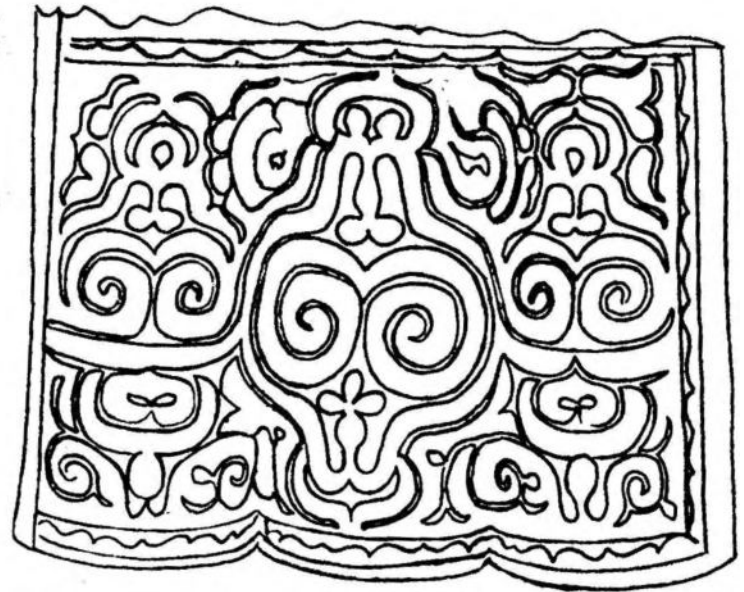
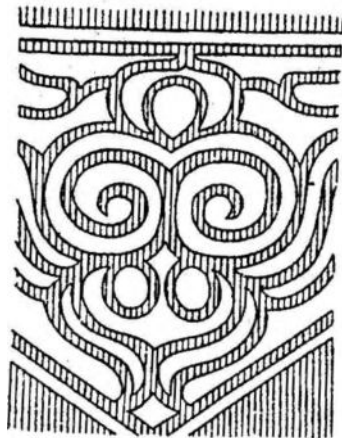

Рис. 2. Орнамент на удэгейском
сосуде

1

2

Рис. 3. Орнаменты:
1 - "медвежья голова";
2 - "медвежий орнамент"

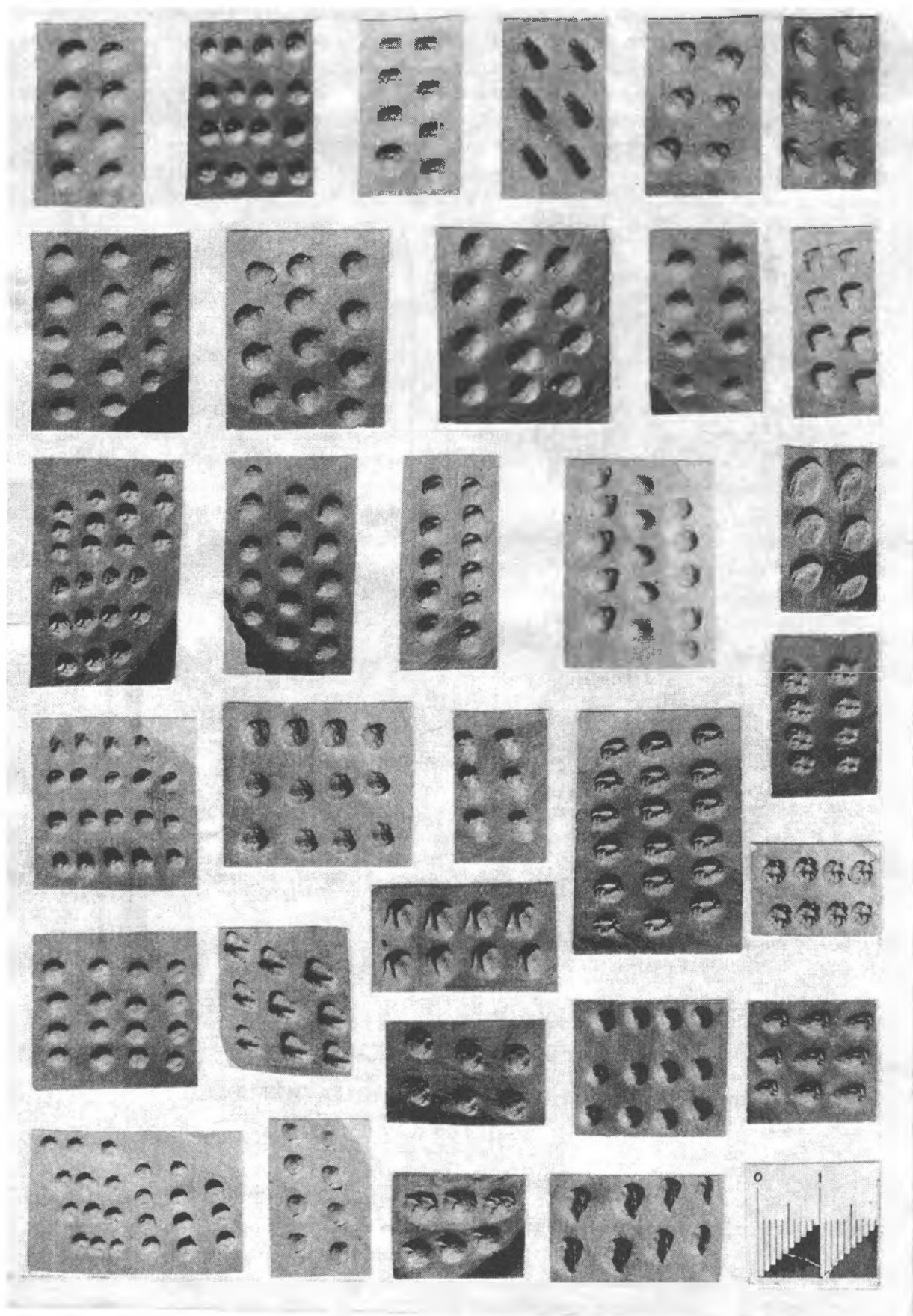
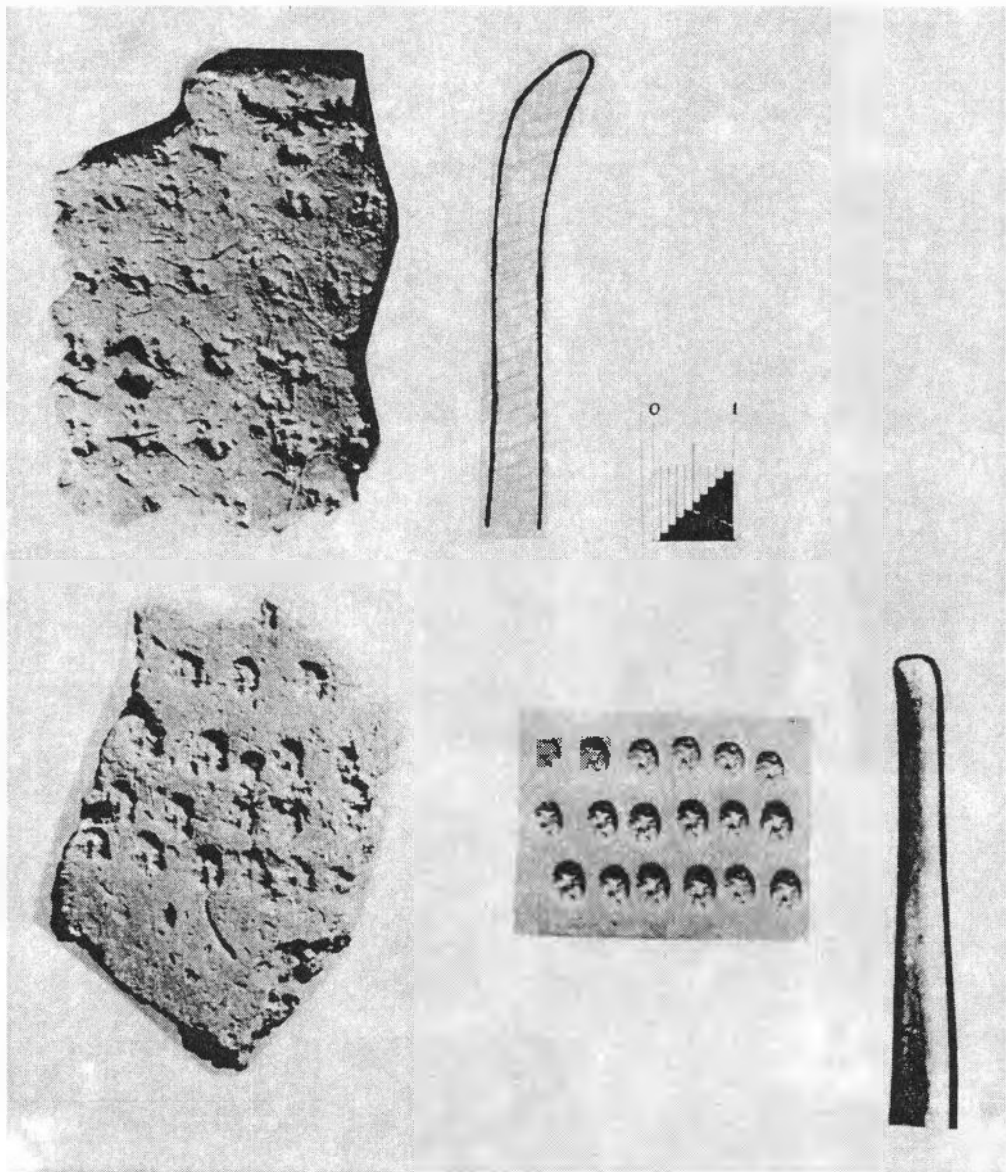

Рис. 4. Экспериментальные орнаменты

Фиг. 5. Фрагменты сосуда с поселения Скрабы III
и экспериментальный орнамент

рода, при котором женщина устраняется от участия в некоторых обрядах и праздниках, а вместе с тем лишается возможности исполнять те рисунки, которые имеют отношение к этим обрядам [4, с.4]. Однако положения С.В.Иванова не бесспорны. Вопрос о наличии медвежьего орнамента неоправданно увязывается им с вопросом появления в орнаменте парных спиралей, но последние могут иметь иное, более древнее происхождение. Относительно второго положения заметим, что, тем не менее, "изображения медведей имеются на предметах женского искусства манси и хантов, главным образом на рукавицах, надеваемых во время медвежьего праздника, затем в орнаментике берестяных сосудов". При этом "изображения медведей имеют очень стилизованные формы" [4, с.1-2]. У коми медвежьих личины присутствуют на женских сумках тучу, предназначенных для хранения предметов рукоделия [5, с.129]. Следовательно, орнамент на сосуде требует дальнейшего изучения.

Кости *os penis*'а медведя археологи неоднократно отмечали среди находок на ананьинских памятниках. В отчете Н.А.Прокошева о раскопках жертвенной пещеры Бычки на р.Чусовой указаны 6 подвесок из *os penis*'а медведя. Одна из подвесок имеется в коллекции, хранящейся в Гос. Эрмитаже.

Поскольку в качестве подвесок и орнаментиров, как выяснилось, употреблялись одни и те же предметы, костями *os penis*'а медведя были выполнены экспериментальные образцы ямочных орнаментов (рис.4). Орнаменты морфологически различаются, так как кости *os penis*'ов неодинаковы и по размерам, и по естественной конфигурации концов, использованных в качестве орнаментиров.

Один из вариантов такого орнамента удалось обнаружить на фрагментах сосуда с поселения Скрабы III (р.Западная Двина), раскопанного А.В.Кольцовым (рис.5). Сосуд относится к комплексу волосовской керамики. Таким образом, появился и дополнительный аргумент в пользу распространения у волосовцев культа медведя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П.Хлобыстина. Археологические изыскания.СПб., 1993.
2. Леви-Стросс К. Печальные тропинки. М., 1984.
3. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. М.; Л., 1963. Т.81.
4. Иванов С.В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Сб. Памяти В.Г.Богораза (1865-1936). М.;Л., 1937.
5. Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.

*Государственный Эрмитаж,
С.-Петербург*

I.V. Kalinina

ORNAMENTATION OF THE VESSEL FROM SKRABI III SETTLEMENT

Summary

The article deals with the historic regularity in the usage of "talisman-decorations" and ornamentation tools for producing ornaments and tattoos.

Since the Paleolithic Era the pendants seemed to have been "protecting" and "decorating" both the man and the preceramic pottery. This sort of pottery is included into wellknown ethnographic materials.

An Udegei birchbark ornamented vessel with pendants made of 15 bear's penis small bones, is kept in the Anthropology-Ethnography Museum of the Russian Academy of Sciences. The concept of the bear as the predecessor of the Udegei people is reflected in the latter's custom to use and keep these small bones for a talisman.

Experimental ornaments were made of the bear's penis small bones. A variant of such an ornament was found on the fragments of a vessel from the Skrabi III Settlement (the Western Dvina River), which is related to the Volosovo ceramics complex. This is yet another proof of the fact that the bear cult had an impact on the Volosovo culture.

*The State Hermitage
34-36, Dvortsovaya Emb.,
St. Peterburg, Russia*

Е.Л.Костылева, А.В.Уткин

КАЛЕНДАРНАЯ СИМВОЛИКА ВОЛОСОВСКОГО СОСУДА СО СТОЯНКИ САХТЫШ II

Появление первых календарей обычно связывают с древневосточными цивилизациями (Вавилон, Египет, Китай, Индия) IV-III тыс. до н.э. [1, с.41-48; 2, с.107; 3, с.125]. Однако отраженные в них достаточно развитые системы счета времени, основанные на глубоких астрономических и математических познаниях, позволяют говорить о значительно более раннем времени их зарождения. Вместе с тем, о первобытных формах определения времени известно очень немного.

Счет времени, как и арифметический счет вообще, по-видимому, возник уже в палеолитическую эпоху, на что неоднократно обращали внимание исследователи палеолитического искусства (Э.Ларте, Г.Кристи, Г.Хантце, Б.Фролов и др.) [4, с.71-81; 5, с.168-171; 6]. В ритмичном чередовании элементов орнамента на костяных изделиях, найденных в верхнепалеолитических памятниках Европы и Сибири, они видели отражение определенных (чаще всего лунных и десятичных) ритмов счета времени, хотя интерпретация многих палеолитических орнаментов как календарей достаточно проблематична.

В последующие эпохи появляется значительное разнообразие воплощения систем счета времени. Наряду с "костяными" используются "каменные" (петроглифы, менгиры и проч.), "деревянные", "металлические", а также "глиняные" календари. Среди последних особый интерес представляют сосуды с календарной символикой орнамента.

Подобных сосудов-"календарей" известно не слишком много. На территории Восточной Европы все они зафиксированы в культурах с производящим хозяйством эпохи бронзы - раннего железа. К их числу можно отнести колоколовидный кубок XV в. до н.э. из Альмашфюзите в Венгрии [7, с.320], часть посуды из Пепкинского абашевского кургана XV-XIII вв. до н.э. в Среднем Поволжье [8, с.129], а также около десятка черняховских сосудов IV в. н.э. с территории Украины и Молдавии (Ромашки, Лепесовка, Черняхов, Каменка, Войсковое, Малаешты, Раковец, Гнатки, Баглаи, Брага) [7, с.320, 322-325; 9; 10, с.164-194; 11, с.62]. Орнаментация всех упомянутых сосудов трактуется как отражение системы счисления времени с годовыми или сезонными циклами.

Необходимо также упомянуть, что отдельные элементы и мотивы с календарной символикой (свастика, меандры, спирали, солярно-лунарные знаки) встречаются на посуде гораздо чаще, однако они не всегда поддаются расшифровке, или на них просто не обращают должного внимания.

До недавнего времени почти ничего не было известно о счислении времени населением Восточной Европы в более ранние эпохи. Этот пробел позволяет восполнить находка сосуда волосовской культуры, датируемого руб. III-II тыс. до н.э., при раскопках стоянки Сахтыш II в 1985 г. в Тейковском районе Ивановской области. Орнаментация сосуда и особенности его нахождения позволили рассматривать его как ритуальный, отражающий космогонические представления древних [12, с.88]. Вместе с тем, предельно лаконичная расшифровка орнамента, предложенная Д.А.Крайновым, вкравшиеся неточности в описании условий местонахождения сосуда, его

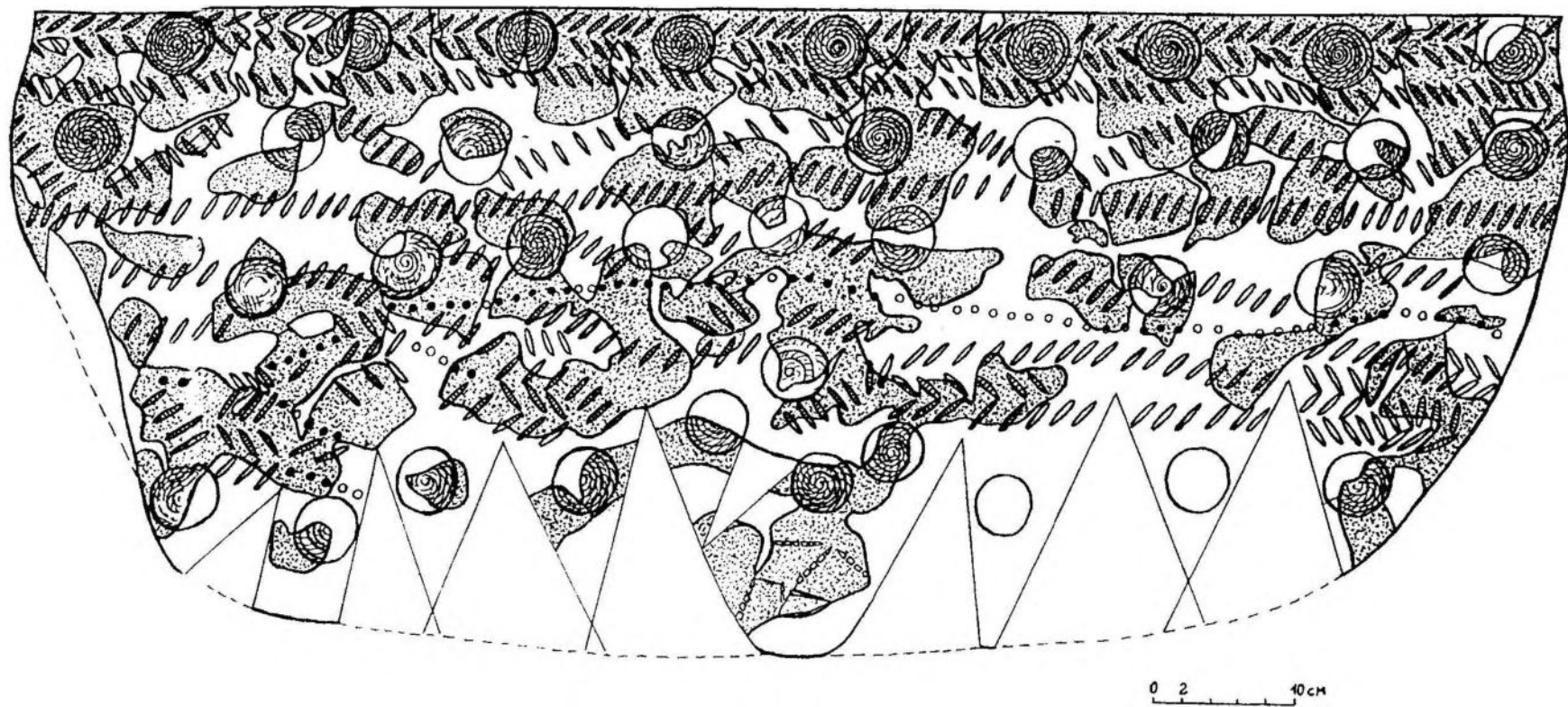

Рис. 1. Развертка орнамента ритуального волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II

параметров, реконструкции орнаментальной композиции заставляют нас еще раз обратиться к этой находке.

Сосуд был найден в культурном слое на глубине 0,4-0,5 м от современной поверхности, на юго-западной окраине ритуальной площадки, связанной с волосовским могильником, где обнаружены десять кладов с орудиями, украшениями и костями животных, кострища и проч. Развал сосуда залегал компактно, с юга он вплотную примыкал к кладу № 10 и, судя по положению обломков, лежал на боку, устьем на ЮЗ, т.е. его ориентация по длинной оси соответствовала ориентировке некоторых волосовских погребений. Реставрированный сосуд имеет неправильную асимметричную полуяйцевидную форму со слегка прикрытым горлом. Высота его по вертикали 40 см, длина по окату тулова 107 см. В верхней части, на 7-10 см ниже горловины сосуд слегка расширен и составляет в окружности 112 см. Толщина стенок колеблется от 0,8 до 0,9 см.

Сосуд изготовлен из глины с примесью мелкотолченой раковины и органики, снаружи имеет розовато-желтый цвет, по дну - серо-коричневый, а внутри - серо-желтый. Внешняя поверхность горшка тщательно заглажена, внутренняя - со следами затирки зубчатым штампом. Орнамент выполнен тремя различными элементами:

1. Зубчатый штамп подовальной формы длиной от 15 до 35 мм (с преобладающей длиной в 24 мм) и шириной 4 мм. Количество зубцов на большинстве оттисков не более 8-10. Длина отпечатка и число оттиснутых зубцов зависели от угла наклона штампа при нанесении оттиска. Сам же штамп представлял собой типичную для волосовской культуры плоскую плитку из какого-то прочного материала с неглубокими нарезками по краю.

2. Плоскодонная ямка подокруглой формы глубиной 1-2 мм и диаметром 4-6 мм, которая могла быть нанесена любым предметом с тонким концом.

3. Закрученный в спираль в девять оборотов перевитой шнур из сухожилия или кожаного ремешка. Оттиски в плане имеют подовальную форму размером 40 x 43 ± 2 мм. На большинстве отпечатков шнур закручен плотно и по часовой стрелке. Правда, в некоторых случаях кончик его свисает со спирали в виде короткого хвостика. Этот элемент орнамента уникален и никогда ранее не встречался на керамике волосовской культуры. Закрученная спираль в символике древних, в том числе и ее изображения на керамике, обычно трактуется исследователями как космогонический элемент (символ движущихся сил Вселенной, "солнечных змей", символ Луны, солярный символ) [13-16].

Судя по особенностям нанесения элементов орнамента (четкость оттисков, наклон гребенчатого штампа), орнаментировался сосуд от венчика. Первоначально он лежал на боку устьем к мастеру, затем, когда горшок был украшен до нижней трети, его поставили вверх дном и продолжили орнаментацию. По-видимому в начале были нанесены отпечатки спирали (по крайней мере, в верхней половине сосуда), а после - между и под ними - ряды оттисков зубчатого штампа, которые иногда частично перекрывали спирали.

Орнаментальная композиция сосуда имеет четкое членение на две части - верхнюю и нижнюю, разделенные горизонтальным поясом из ямчатых вдавлений, расположенных по тулову сосуда на 19-20 см ниже венчика (т.е. почти по его середине). Такие же ямки идут и по срезу венчика. Таким образом, верхняя часть композиции как бы вычленяется, ограничиваясь сверху и снизу поясами ямчатых вдавлений.

В верхней части, в свою очередь, выделяются три четкие орнаментальные зоны, отделенные друг от друга двумя горизонтальными поясами отпечатков наклонного зубчатого штампа.

Первая зона располагается в самом верху сосуда и занимает полосу в 65-70 мм. В ней находятся девять отпечатков спирали на расстоянии 6-10 см друг от друга. Между ними - отпечатки зубчатого штампа в два ряда с противоположным наклоном. Здесь обнаруживается стремление мастера разместить между спиралями по десять оттисков гребенки. Однако это удается лишь в семи случаях из девяти: на шести отрезках между спиралями присутствует ритм 5+5, на одном 6+4 и, наконец, на двух соседних отрезках ритм нарушается - 7+8 и 3+4. Это нарушение ритма было обусловлено сбоем в расстоянии между спиралями. По-видимому, они наносились на ту

сторону сосуда, на которой он лежал во время орнаментации, и мастер не смог точно рассчитать интервалы.

Во второй зоне также нанесено девять спиралей, которые располагались на расстоянии 4,5-11 см друг от друга. Между ними помещены образующие горизонтальный зигзаг ряды отпечатков зубчатого штампа. В каждом наклонном ряду фиксируется 7-8 оттисков.

Наконец, и в третьей зоне опять присутствуют девять отпечатков спирали, отстоящих друг от друга на 4,5-14 см. Интервал между двумя оттисками в 14 см может быть связан как с просчетом мастера при их нанесении, так и с тем, что здесь помещалась еще одна спираль (сосуд в том месте имеет серьезные утраты). Однако предполагаемая спираль "втискивается" между неутраченными частями сосуда с большим трудом, да и то в деформированном виде, поэтому мы склонны полагать, что было все-таки девять спиралей, т.е. и здесь мастер стремился поместить именно девять спиральных оттисков. Между спиралями третьей зоны также располагаются короткие наклонные ряды гребенчатых отпечатков. Однако в отличие от второй зоны, эти ряды имеют одинаковое направление и не образуют зигзага. К сожалению, сохранность последней орнаментальной зоны значительно хуже двух первых, поэтому количество зубчатых оттисков в каждом ряду устанавливают исходя из расстояний между спиралями и по аналогии с сохранившимися частями орнамента. В результате выделяется следующий ритм: 5, 5, 4, 4, 3, 4, 5 (10?), 5, 5.

Ритмичность чередования элементов орнамента с использованием солярно-лунарных символов и своеобразие мотивов наводят на мысль о попытке отразить в данной композиции существовавшую систему счисления времени. Использование при изображении спирали именно шнура также, возможно, не случайно. Уже с глубокой древности люди считали дни с помощью узелков, завязываемых на специальных шнурах или ремешках. И выражение "нить времени", сохранившееся до наших дней, отнюдь не случайно. Подобный счет времени фиксируется и в древних письменных источниках. Вспомним рассказ Геродота о персидском царе Дарии I, который, отправляясь в поход на скифов, оставляет ремень с завязанными на нем 60-ю узлами, чтобы ожидающие его возвращения считали дни, развязывая узлы [17, с.212]. Известно, что узелковыми календарями в конце XIX столетия пользовались некоторые народности Сибири (якуты, эвенки, манси). И до сих пор подобный счет времени сохранился у ряда племен в глухих районах Восточной Африки и на островах Полинезии [2, с.16,17].

Обратимся к расшифровке предполагаемой календарной символики на сахтышском сосуде. Первой естественной системой измерения времени были сутки. Сначала считали их по пальцам одной руки - пятидневками, затем по пальцам обеих рук - десятидневками [2, с.14-15]. Этим счетом времени - пентадами и декадами или только декадами пользовались в историческое время египтяне, греки и китайцы [2, с.47,126; 1, с.59]. По-видимому, пользовались ими и население волосовской культуры, что нашло отражение в ритмах первой зоны орнаментальной композиции сосуда. Здесь каждая спираль играет роль своеобразного "декана" - разделителя зубчатых оттисков, группирующихся по десять (за исключением двух случаев). Спираль в первой зоне можно одновременно рассматривать и как солярный знак, т.к. смена дня и ночи в ходе суток связана, прежде всего, с появлением и исчезновением Солнца на небосводе.

Счет времени в первой зоне равен девяти декадам и по современному исчислению соответствует примерно трем месяцам. Ритмы второй зоны заставляют предположить, что волосовцы были знакомы и со счетом времени по лунным фазам и лунным месяцам. Именно лунный месяц явился второй после суток мерой времени, которой стал пользоваться древний человек. Лунный (синодический) месяц, как известно, длится примерно 29,5 суток, а каждая четверть лунного месяца - 7-8 дней. Эти ритмы в 7-8 дней и представлены во второй зоне. Они также разделяются спиралью, которая в данном случае может рассматриваться как символ Луны. Таким образом, волосовцам была знакома 7-8-дневная неделя. Необходимо отметить, что традиционная семидневная неделя возникает лишь у народов, пользовавшихся лунным календарем. По традиции полагают, что как счет времени неделя сложилась в Древнем Вавилоне, откуда перешла к евреям, затем к грекам и римлянам, а благодаря последним широко распространилась по всей Западной Европе. А вот древнейший солнечный календарь Египта семидневной недели не знал [2, с.173, 178].

Если наше предположение верно, то во второй зоне представлен период времени, соответствующий двум лунным месяцам и одной неделе.

Другими словами, в первой зоне орнаментальной композиции отражен счет времени своеобразными десятидневными "неделями" (декадами), который производился по пальцам рук и основывался на наблюдениях за сменой дня и ночи, а во второй - 7-8-дневными "неделями", и основывался на наблюдениях за сменой лунных фаз.

Сложнее расшифровать ритмы третьей зоны. Можно предположить, что здесь представлен счет неделями и каждый отпечаток зубчатого штампа соответствует не одному дню, а одной 7-8-дневной "неделе". На эту мысль нас наводит и расположение оттисков гребенки наклонными рядами, как при счете дней по лунным фазам. В интервале между двумя спиралями помещается три-пять отпечатков, соответствующих 29-30 дням, т.е. орнаментация третьей зоны может обозначать своеобразный "лунный год", состоящий из 9-10 лунных месяцев.

Обычно полагают, что древние люди сначала не знали хронологического отрезка в год и для счета времени пользовались лишь месяцами [18, с.60]. Представленный календарь позволяет предположить, что наряду со счетом по дням, неделям и месяцам волосовцы пользовались и более крупной единицей измерения времени, которую лишь условно можно называть годом, соответствовавшим девяти или десяти лунным месяцам. Кроме того, число девять, представленное количеством спиралей в зонах верхней композиции, возможно, имело еще дополнительный магический смысл.

Не исключено, что три зоны календарного орнамента были связаны с тремя основными зонами, на которые приходилась наиболее активная часть хозяйственной деятельности волосовцев. Подобные сезонные календари известны как с глубокой древности [9], так и по этнографическим данным [3, с.76].

Гораздо труднее поддается осмыслению орнамент в нижней части сосуда, т.к. рисунок, расположенный ниже разделительного пояса из ямчатых вдавлений, оказался в значительной мере утраченным. Сохранившиеся обрывки позволяют разделить его на две зоны. В верхней располагаются отдельные группы зубчатых и ямчатых вдавлений. Зубчатые оттиски иногда группируются по три вертикальных четырехчастных зигзага. В зависимости от реконструкции можно выделить 6-9 таких групп. Здесь же находится и один достаточно затертый отпечаток спирали.

В нижней зоне, на придонной части, плотно прилегая друг к другу, располагаются восемь спиралей. Кроме того, на утраченной части могли быть помещены еще две-три. И, наконец, на самом дне сосуда отпечатками тонкого зубчатого штампа была изображена какая-то геометрическая фигура (шестиугольник?). Может быть, в представлении волосовцев это были "врата вечности", вход в потусторонний мир, куда на ночь прячется Солнце, а днем - Луна, куда отбывают души умерших предков. Не случайно сосуд находился на ритуальной площадке. Он был изготовлен только для совершения погребальной (или поминальной) церемонии, поэтому ни о каком бытовом использовании его не могло быть и речи. Группирующиеся в придонной части спирали могли символизировать вечное движение светила в потустороннем мире (мире мертвых). А группы вертикальных зигзагов можно трактовать как изображение змей - одного из самых устойчивых хтонических символов у населения мезолита - неолита лесной зоны Восточной Европы.

Другими словами, в орнаменте этого сосуда, с одной стороны, отражена система счисления времени - первобытный календарь, а с другой - представления волосовцев о двух мирах: мире реальном и мире "потустороннем".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980.
2. Селешникова С.И. История календаря и хронология. М., 1977.
3. Каменцева Е.И. Хронология. М., 1967.
4. Фролов Б.А. О чем рассказывала сибирская мадонна. М., 1981.
5. Ларичев В.Е. Колесо времени. Новосибирск, 1986.

6. *Маршак А.* Истоки цивилизации. Нью-Йорк, 1980 (на англ. языке).
7. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
8. *Никитин В.В.* Погребальный обряд как источник для реконструкции древнейшего мировоззрения: По материалам Пепкинского кургана абашевской культуры эпохи бронзы // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны: Тезисы докладов. Липецк, 1992.
9. *Рыбаков Б.А.* Календарь IV века из земли полян // СА. 1962. N 4.
10. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
11. *Винокуров И.С.* Идеологические представления черняховских лесостепных племен как отражение постепенного перехода от первобытного строя к раннеклассовому // Идеологические представления древнейших обществ: Тезисы докладов. М., 1980.
12. *Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П.* Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
13. *Васильевский Р.С.* Идеологические представления неолитических племен тихоокеанского региона // Идеологические представления древнейших обществ. М., 1980.
14. *Демирханян А.* Символика трехчленных композиций в идеологии древнего мира // Идеологические представления древнейших обществ: Тезисы докладов. М., 1980.
15. *Свешников И.К.* Первобытное искусство Прикарпатья и Волыни как отражение верований и экономики древнего общества // Идеологические представления древнейших обществ: Тезисы докладов. М., 1980.
16. *Чебунишвили Т.Н.* Стражение земледельческого календаря на памятниках Южного Кавказа III тыс. до н.э. // Идеологические представления древнейших обществ: Тезисы докладов. М., 1980.
17. *Геродот.* История в девяти книгах. Кн. IV. М., 1993.
18. *Хренов Л.С., Голуб И.Я.* Время и календарь. М., 1989.

*Ивановский государственный университет,
НПЦ по охране и использованию
памятников истории и культуры
Ивановской области*

E. L. Kostyleva, A. V. Utkin

CALENDAR SYMBOLS OF THE VOLOSOVO VESSEL FROM THE SITE SAKHTYSH II

Summary

An unusually ornamented clay vessel was found there in the ritual ground connected with the Volosovo culture cemetery (the 2nd half of the IIIrd millennium B.C.) at the site Sakhtysh II (the Ivanovo region). The main elements of the ornament were imprints of comb stamps and a winding spiral cord. The latter element is unique in the volosovo ornamentation. We interpret it as a solar-lunar symbol (symbol of the Sun and the Moon).

Certain rhythm may be traced in the alternation of the ornament elements. The upper zone consists of 9 spiral imprints between which there are the imprints of the comb stamps mainly in the rhythm 5+5 (counting time in days - the Sun in 5 - and 10-days periods).

In the central zone there are 9 spiral imprints, between which there are the inclined rows of 7-8 imprints of the stamps (counting time 7-8-days i.e. corresponding to the lunar phases).

The rhythm of the lower zone is indefinable because of its fragmentary character.

Unusual character of the elements and composition of the ornament, its rhythm, the location of the vessel in the ritual ground signify its special meaning and function. We may consider it to be the most ancient evidence of the elementary counting of time on the territory of the centre of the Russian Plain.

*The State University of Ivanovo,
The Research-Industrial Centre for Protection
and Use of the Monuments of Culture
and History of the Ivanovo Region*

А.В.Уткин, Е.Л.Костылева

К ВОПРОСУ О ВОЛОСОВСКИХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Коллективные захоронения - одна из особенностей погребального обряда волосовцев, не получившая, правда, у них, как и скорченная ингумация, массового распространения [1, с.299-306]. На сегодняшний день они исследованы на шести памятниках, разбросанных по всей волосовской территории.

По положению останков погребенных захоронения разделяются на два типа: первый - погребения, в которых костяки сохраняли полный (или почти полный) анатомический порядок; второй - захоронения в виде беспорядочно набросанных человеческих костей. Если о первых по публикациям можно составить более-менее полное представление, то сведения о вторых отрывочны, носят информативный характер и не позволяют делать каких-либо выводов, поэтому в предлагаемой заметке они не рассматриваются.

К первому типу мы относим семь погребений. Одно из них раскопано в 1970 г. Ю.Н.Урбаном на стоянке Языково I (Кашинский р-н Тверской обл.). Оно состояло из шести костяков. Два скелета взрослых субъектов без черепов лежали на спине вытянуто в западном направлении, а между ними и в ногах с той же ориентировкой, но скорченно на левом боку расчищены четыре детских костяка [2, с.38-39].

Шесть скелетов было обнаружено и в единственном коллективном захоронении (N 18), исследованном Е.Д.Каверзневой в 1986 г. на стоянке Шагара I (Спас-Клепиковский р-н Рязанской обл.). Все погребенные находились в вытянутом положении, но в разных позах и с различными ориентировками. Нижний костяк мужчины, у которого отсутствовали череп и часть конечностей, лежал на спине по направлению на ЮЗ. Его вплотную перекрывали скелеты женщины и подростка, положенные на бок с аналогичной ориентировкой. Параллельно им, но на спине и в диаметрально противоположную сторону лежал костяк второй женщины с разведенными руками. На них покоились останки двух младенцев, лежавших на боку головами на СВ [3, с.60; 4, с.147-159].

Три коллективных погребения обнаружены Д.А.Крайновым в 1963, 1978 и 1984 гг. на многослойном поселении Сахтыш II (Тейковский р-н Ивановской обл.). В первом (N 4) расчищены один женский и три мужских скелета, последние не имели черепов и некоторых костей конечностей. Все погребенные лежали, частично перекрывая друг друга, в вытянутом положении; два - на спине, два - на животе. Три из них были ориентированы на СВ, один - в противоположную сторону, на ЮЗ [5, с.29-39].

Второе погребение (N 12) состояло также из четырех костяков, густо засыпанных охрой. Полуразрушенные скелеты подростка и ребенка, положенные на спине вытянуто в ССЗ направлении, были перекрыты двумя костяками взрослых, которые лежали скорченно на правом боку с антиподальной ориентировкой: женщина - на ССЗ, мужчина - на ЮЮВ. Мужской череп, отчлененный вместе с шейными позвонками от туловища, покоился на костях женских ладоней, в районе сильно раздробленного таза [6, с.65-66; 7, с.79-86].

Третье коллективное погребение (N 15) на Сахтыше II поражает воображение количеством погребенных, располагавшихся компактно на площади примерно 330 x 155 см. В этом захоронении находились останки как минимум 18 индивидуумов, которые лежали в два ряда голова к голове и одновременно в два яруса друг на друге. Верхний ярус состоял из восьми костяков, все в положении на спине вытянуто. Скелеты северного ряда (NN I-III и VIII) черепами ориентированы на ЮЗ, в южном ряду один (N VII) имел аналогичную ориентировку, остальные (NN IV-VI) - встречную, на СВ. Подобное расположение имели и костяки нижнего яруса с той лишь разницей, что их сохранность была значительно хуже. Позы определены всего у пяти скелетов. Три из них в северном ряду лежали на спине в вытянутом положении головами на ЮЗ (NN X, XII и XIII). Костяк IX из южного ряда лежал вытянуто на спине, но в СВ направлении. Соседний костяк XI был положен в несколько необычной позе: кости таза и слабо подогнутые ноги находились на левом боку, а верхняя часть туловища - на спине, с ориентировкой на ССВ; череп не сохранился. Анатомический порядок остальных костяков (примерно пяти - NN XIV-XVIII) сильно разрушен. Большинство костей скелетов оказалось смещенным со своего первоначального положения или вообще утраченным. Непотревоженными сохранились лишь отдельные части: в двух случаях - это остатки позвончиков с ребрами, лежавших по направлению на СВ (костяки XIV и XV); в одном - кости таза, на которых был раздавленный череп (костяк XVIII); и в одном - кости таза с позвончиком, ориентированным на ЮЗ (костяк XVII). Наконец, от одного погребенного (ребенка) сохранилась только раздробленная черепная коробка с несколькими шейными позвонками (костяк XVI) [8, с.56; 9, с.38-45].

Четвертым памятником, где обнаружены коллективные захоронения, является известная стоянка Володары (Дзержинский р-н Нижегородской обл.). Здесь И.К.Цветкова в 1946 г. раскопала могилу (N 2) с тремя полностью разрушенными костяками взрослых субъектов. Кости лежали в беспорядке, кроме согнутых в коленях ног одного из покойников [10, с.3-14]. Судя по приведенному в последней публикации фрагменту плана раскопок, погребенные были ориентированы на ЮЮЗ [11, с.38-52, рис.1].

Седьмое погребение обнаружено в 1984 г. М.Г.Жилиным при раскопках многослойного поселения Жуковка IV (Борский р-н Нижегородской обл.). К первому типу захоронений оно отнесено нами условно, т.к. скелеты в сильно опесоченном грунте не сохранились. На их присутствие в могильной яме внушительных размеров указывали находки украшений и многочисленные осколки зубной эмали, происходившие явно не от одного индивидуума [12, с.49-50].

Принадлежность этих погребений к волосову не вызывает сомнений. Все они входили в состав неолитических могильников, где доминировали одиночные ингумации, и сопровождалась типично волосовскими украшениями и орудиями. Инвентарь отсутствовал лишь в одной языковской могиле.

Хронологически коллективные погребения первого типа одновременны и относятся к позднему этапу волосова. На стоянке Сахтыш II, где получен пока самый большой блок радиоуглеродных дат для одного волосовского памятника, жилой комплекс датирован 2600-2200 гг. до н.э., а ритуально-погребальный, возникший на месте поселения, - 2200-1850 гг. до н.э. [13, с.33-42]. (Волосовские жилища на Сахтыше II датируются 2620±60, 2520±80 и 2370±80 (АЕ-1900, 1892, 1893) л. до н.э.; ритуальные кострища - 2240±50, 1950±40 и 1870±40 (АЕ-2615, 2613, 2617) л. до н.э.; одиночное погребение 18 - 2130±60 (ГИН-5239) л. до н.э.). С последней датировкой хорошо согласуется и инвентарь, в частности, на тазовых и бедренных костях женского скелета в 12-м погребении расчищено большое количество простых костяных пронизок, которыми сплошь был расшит подол одежды, что более характерно для костюма фатьяновцев [14], а в захоронении 15 найден массивный кулон из янтаря трапециевидной формы с широким основанием, имеющий прямые аналогии с янтарными подвесками из фатьяновских захоронений 80 и 83 Волосово-Даниловского могильника [15, с.36, табл. 55,8-12]. Кроме украшений в 15-м погребении находился обломок прекрасной костяной скульптуры, изображающей змею.

На основании находки подвески из кости в виде птичьей головы, выполненной в аналогичной технике объемной скульптуры, к руб. III-II тыс. до н.э. мы относим и 18-е шагарское захоронение. Полученная же для него единственная абсолютная дата - 4870±80 (ГИН-5451) л.н. - по нашему

мнению, удревнена. Вероятнее всего, отобранные на анализ образцы оказались засоренными более древней органикой, о чем косвенно свидетельствуют условия залегания самого погребения, могильная яма которого прорезала культурный слой и была углублена в материк.

Коллективное языковское погребение точно не датировано, однако его расположение в центральной части памятника вместе с рядом одиночных захоронений, составлявших небольшой бессистемный могильник, указывает, по-видимому, на поздневолосовское время; более ранние волосовские могилы с янтарем и охрой раскопаны на северной окраине поселения [16].

Кон. III - нач. II тыс. до н.э. И.К.Цветкова датировала в 1970-е гг. володарский могильник [17]. Позднее она отнесла его к более раннему периоду - сер. III тыс. до н.э., не приведя, правда, никаких аргументов и обоснований этой передатировки [11]. О времени функционирования кладбища на стоянке Жуковка IV судить трудно из-за скудности опубликованной информации, хотя отрывочные сообщения о находках в могилах большого числа кремневых орудий вроде бы позволяют считать его также поздненеолитическим.

Волосовским коллективным погребениям Центральной России синхронны по времени и тождественны по обряду групповые захоронения, открытые на неолитических памятниках Латвии. Раскопанный на стоянке Абора I некрополь, где помимо одиночных труположений в четырех случаях было погребено по три субъекта, отнесен И.Лозе к 1-ой четв. II тыс. до н.э. [18]. 2-ой пол. III - нач. II тыс. до н.э. в целом датирована Ф.Загорским четвертая группа захоронений в Звейниекки, среди которых - девять коллективных могил с тремя-шестью покойниками в каждой [19]. В некоторых могилах погребенные сопровождалась янтарными украшениями (массивными кольцами, бочковидными бусинами-пронизками, шайбами), аналогичными находкам из 15-го сахтышского погребения, а в могиле с костяками 220-225 найдена единственная во всей Восточной Прибалтике фигурка птичьей головы, вырезанная из обломка кости [19, табл. XXIV,12].

Причины, вызвавшие у носителей культуры с пористой керамикой спонтанное появление коллективных захоронений, археологами специально не рассматривались. Исследователи ограничивались лишь простой констатацией фактов и, в лучшем случае, выдвиганием версий. Последние можно свести к следующим. Это - 1) семейные погребения, 2) специальные культовые захоронения, 3) складированные в зимний период трупы, но в силу каких-то причин непerezахороненные летом в индивидуальные могилы, 4) "братские" усыпальницы погибших в столкновениях с иноплеменниками, наконец, 5) погребения умерших во время эпидемий.

Против принятия первой версии свидетельствует ряд захоронений, в частности, шагарское и два сахтышских (NN 4 и 15), половозрастной состав костяков которых явно не укладывается в рамки одной семьи, напротив, коллективное погребение в Языкове I, скорее всего, принадлежало именно членам малой семьи.

Вторая версия выглядит более предпочтительной: все погребения в могилах одновременны (или почти одновременны), ряд скелетов анатомически неполон, у некоторых черепа и длинные кости имеют незаживленные следы ударов рубящих орудий. Казалось бы, этих фактов достаточно, однако, обряд расчленения трупов отмечается не только в коллективных погребениях, но и в одиночных. Причем, в позднем волосове он принимает характер почти устоявшейся нормы, поэтому в индивидуальных ингумациях с элементами трупорасчленения, как и в коллективных, вряд ли следует видеть жертвы ритуальных убийств.

Третью версию можно принимать только в качестве чисто гипотетического предположения, т.к. доказать или опровергнуть ее невозможно, по крайней мере, на современном уровне изученности имеющихся материалов.

Наиболее распространенной версией является четвертая - захоронения убитых в военных столкновениях. Противниками волосовцев обычно называют пришлые пастушеские племена культур "боевых" топоров. Но, согласившись с этим объяснением, мы должны тогда будем признать, что на руб. III-II тыс. до н.э. в лесах Восточной Европы от Рижского залива до Среднего Поволжья шла истребительная война, сопровождавшаяся этническими чистками, когда вырезалось поголовно все население противника, включая и младенцев. Представить подобное трудно, т.к. отсутствовали объективные причины для этого [20, с.190, 191], а именно, пришельцы, расселившиеся по во-

доразделам рек, не покушались на биоценоз, окружавший и кормивший аборигенов, которые изначально жили на сырых берегах водоемов.

Последняя версия, интерпретирующая коллективные могилы как захоронения сородичей, умерших во время эпидемий, по нашему мнению, более приемлема. Действительно, только она объясняет без каких бы то ни было натяжек все имеющиеся сведения о каждом коллективном погребении: одновременное (или почти одновременное) захоронение трупов, полное отсутствие в некоторых могилах преднамеренно поврежденных скелетов, различный половозрастной состав погребенных, отсутствие какого-либо обособления коллективных могил от обычных одиночных на территории всех известных ныне могильников и т.д.

Характер и вид эпидемии, повлекшей массовую смертность населения культур пористой керамики, мы, наверное, никогда не узнаем, но время и причины, вызвавшие ее, рискуем предположить. Случилось это в самом кон. III - нач. II тыс. до н.э., когда в лесную зону Восточной Европы началось переселение племен шнуровой керамики и "боевых" топоров, что привело к столкновению двух противоположных миров - туземного, основанного на охоте, рыболовстве и собирательстве, с пришлым, базировавшимся уже на производящем хозяйстве. В результате контактов на уровне отдельных групп (а такие контакты документируются появлением скорченных погребений у волосовцев и параллельно в Прибалтике [1]) аборигенам был передан неизвестный для них возбудитель какой-то болезни, что в итоге и привело к трагическим последствиям, немymi свидетелями которых являются коллективные захоронения.

Это предположение не будет выглядеть абсурдным, если вспомнить многочисленные свидетельства письменных источников, беспристрастно фиксирующих распространение эпидемий на огромные пространства в результате массовых контактов людей, дотоле живших изолированно: будь то пандемия, поразившая Европу в сер. XIV в., после начала интенсивной эксплуатации торговой трассы "шелкового пути", или убийственное воздействие гриппа на индейцев Америки, завезенного европейцами в XVI в., или, наоборот, трагические последствия для населения Европы от завезенного тогда же из Нового Света трансформировавшегося сифилиса и т.п. [21, с.102-104].

Небезобидными оказались контакты и для фатьяновцев. По ним, очевидно, прошла ответная эпидемия. И как следствие - у них также появились коллективные погребения: одна такая могила раскопана на Николо-Перевозе I, две - в Болшневе и семь - в Баланове [22, с.28-37; 23, с.173-181; 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уткин А.В., Костылева Е.А. К вопросу о скорченных волосовских погребениях // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы конференции. Нижний Новгород, 1991.
2. Урбан Ю.Н. Исследования неолитических памятников в Калининской области // АО-1970. М., 1971.
3. Каверзнева Е.Д. Раскопки многослойного поселения и могильника Шагара I в Рязанской области // АО-1986. М., 1988.
4. Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III - начала II тыс. до н.э. в центральной Мещере // РА. 1992. N 3.
5. Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып.100.
6. Крайнов Д.А. Раскопки Сахтышских стоянок // АО-1978. М., 1979.
7. Крайнов Д.А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. 1982. Вып. 169.
8. Крайнов Д.А. Раскопки стоянки Сахтыш II // АО-1984. М., 1986.
9. Крайнов Д.А. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М., 1988.
10. Цветкова И.К. Стоянка Володары: По материалам раскопок 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX.
11. Цветкова И.К. Погребения на стоянке Володары // Тр.ГИМ. 1990. Вып.74.
12. Жилин М.Г., Шакулова Л.Д. Работы в Горьковской области // АО-1984. М., 1986.
13. Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Костылева Е.А., Уткин А.В. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // АПКМ. 1991. Вып.5.
14. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э. М., 1972.
15. Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье // САИ. 1987. Вып. VI-22.

16. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
17. Архипов Г.А., Цеткова И.К. Работы Чебоксарской экспедиции // АО-1971. М., 1972.
18. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
19. Загоркис Ф.А. Могильник каменного века Звейниеки. Рига, 1987 (на латыш. языке).
20. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
21. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986.
22. Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Тр.ГИМ. 1960. Вып.37.
23. Крайнов Д.А. Болшневский могильник фатьяновской культуры // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
24. Бадер О.Н. Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.

*ИПЦ по охране и использованию
памятников истории и культуры
Ивановской области,
Ивановский государственный
университет*

A.V.Utkin, E.L.Kostyleva

ABOUT VOLOSOVO COMMUNAL GRAVES

Summary

In the present article the authors analyse the Eneolithic communal graves excavated at different times at the Volosovo culture cemeteries where they were usually situated at the same ground together with individual graves. The sites Jasykovo I, Shagara I and Shukovka IV contained one communal grave each, the site Volodari - two, the sites Sakhtysh II and Chernaya Gora - three communal graves. Some group burials contained from 3 to 6 deceased, in same pits 12-18 skeletons were found and in one grave from the site Chernaya Gora there were 30 people buried. Sex and age of the deceased were different: babies and old men were put in the same grave pit.

Taking into consideration the stratigraphy of the grave pit, as well as the number of decorations and tools, the authors consider all these communal burials to be synchronous and date them 2200-1850 B.C.

The appearance of communal graves belonging to the Volosovo culture people is accounted for by their contacts with the Corded Ware ceramic and Battle Axe culture tribes. These lead to the collision of two opposite economic modes of life: native, based on hunting, fishing and gathering, and that of the newcomers, based on producing. As a result of the contacts on the level of separate groups the aborigens were infected by an unknown disease which lead to the mass epidemic. Analogous processes encompassed other territories where cultures of tempered pottery lived. Two communal burials are known at the site Repishche in the North-Western part of Russia, and several burials in Latvia (the site Apora 1 and Zvejnieki cemetery).

These contacts were also harmful for the newcomers. They were attended by the epidemic too. Consequently there appeared communal burials. One of them was excavated at the Nikolo-Perevoz I site, two - at the Bolshnevo cemetery, seven - at Balanovo.

*The Research-Industrial Centre for Protection
and Use of the Monuments of Culture
and History of the Ivanovo Region,
the State University of Ivanovo*

В. В. Сидоров

СТАН 1 - СТОЯНКА И РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

Небольшой островок среди древнего узкого плеса при истоке р. Съежи из оз. Удомля резко выделяется на фоне болота. Соседние такие же округлые холмики были крупнее и покрыты тяжелым суглинком, этот же оказался песчаным, покрытым разнотравьем и шиповником. Шурф, заложенный здесь в 1979 г., попал в яму, которая была принята за край неолитической землянки. В 1984 г. раскоп в 440 кв. м накрыл остров практически целиком. Памятник оказался сложным.

Островок сформирован флювиогляциальными песками с небольшими прожилками несортированного моренного суглинка. Первоначальные его размеры 15 x 18 м. К СЗ тянется песчаная коса. Когда остров был окружен открытой водой, его подмытые берега были отвесны (рис. 1,1). Островок при входе в озеро не был пригоден для сколько-нибудь длительной стоянки, но был очень заметен (рис. 1,4). В конце неолита остров служил местом кратковременных стоянок. Неолитический материал рассеян довольно равномерно, у подножия острова в донных отложениях есть скопления крупных, но окатанных черепков, нередко собирающиеся в сосуды. Лучше сохранилась керамика в толще песка, оползшего на древнее озерное дно после того, как размыв берегов прекратился. Видимо, произошло естественное обрушение, из-за чего размеры острова увеличились до 20 x 26 м. С собственно неолитическим материалом не удастся связать какие-либо ямы и пятна. Можно отметить только скопление крупных осколков с начатой оббивкой, отбойники в СВ части площадки.

На следующей стадии использования острова, которая связана с комплексом пористой керамики поздневолосовского типа, размыва берегов уже не происходит (рис. 1,2), появляются неглубокие (0,5-0,8 м от поверхности) и относительно небольшие (0,55-0,8 м диаметром) ямы с темно-гумусированным заполнением (гумус в значительной мере замещен гидрокислами железа) и плоским дном - таких ям выявлено 6, все они частично срезаны более поздними ямами. На острове были две каменные кладки - кладка в СВ части площадки была рассеяна - растрескавшиеся в огне камни (среди них шлифовальная плита) встречались на площади около 15 кв. м. Вторая кладка состояла из 10 плотно лежавших в один слой камней диаметром по 15-18 см. На камнях - следы действия огня, но угля кругом мало. Под кладкой были найдены сланцевое тесло и наконечник дротика.

Затем на острове были устроены еще 10 ям, занимающих почти 20% его площади. За счет выброса из ям и его расползания размеры острова увеличились до 27 x 33 м (рис. 1,3). Практически вся поверхность оказалась переработанной и покрытой на 20-25 см перекопанным песком, включавшим разновременный материал: рассеянную неолитическую керамику, кремни, скопления пористой керамики волосовского облика, своеобразную сетчатую керамику.

Крупные ямы диаметром по верхнему уровню фиксации 2,1-3,5 м (на уровне материка 1,1-2,5 м) при глубине от современной поверхности 0,8-1,5 м (рис. 1-2 в ст. К.В. Воронина в данном сборнике, далее - К.В., рис.) занимают центральную часть острова, образуя цепочку, проходящую от косы через центр. С боков к цепочке примыкают ямы поменьше (К.В., рис. 1). Форма ям котлообразная с уплощенным дном, врезанная в материковый песок часть имеет

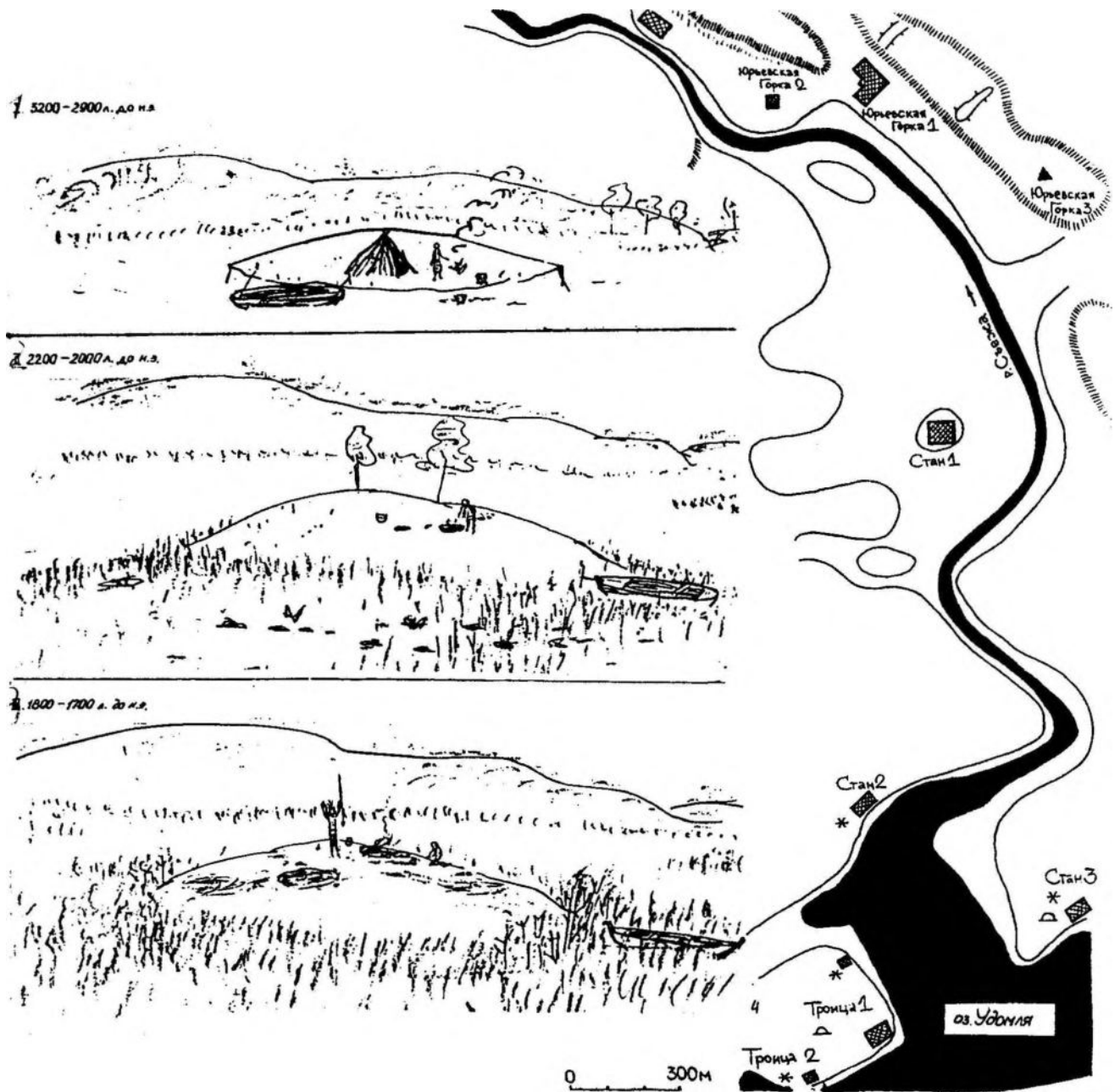

Рис. 1. Реконструкция внешнего вида острова со стоянкой Стан I на стадии позднего неолита, энеолита и бронзового века. Местоположение стоянки Стан I и других памятников археологии при истоке р. Съежи

Рис. 2. Стоянка Стан 1. Неолитическая керамика:
 1-15 - мопожского типа; 16-27 - мстинского типа

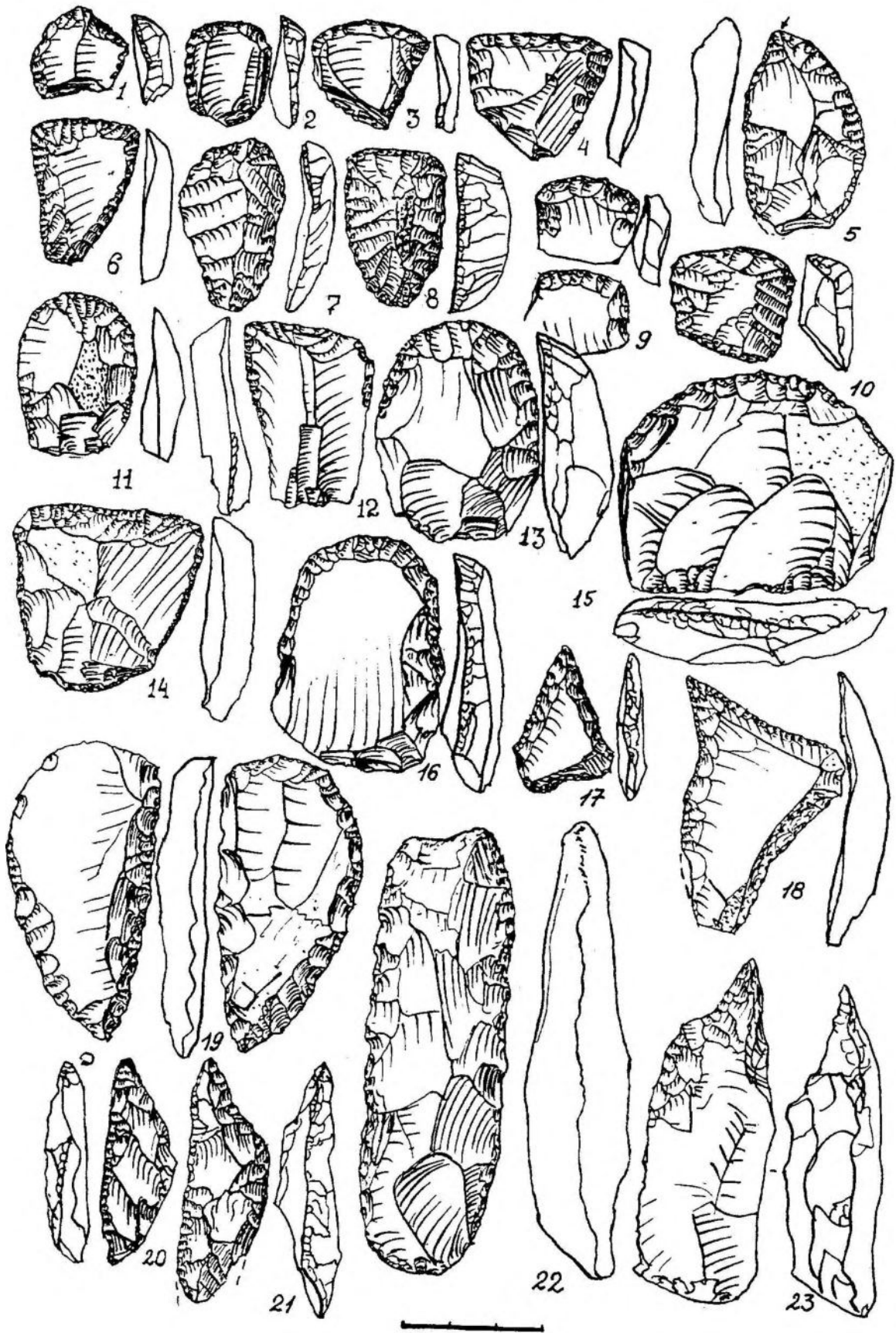

Рис. 3. Стоянка Стан 1. Неолитический комплекс. Орудия. Кремьнь

довольно крутые стенки, что говорит об относительно быстром их заполнении. В заполнении ям встречаются тонкие угольные прослойки, линзы более или менее чистого песка, в том числе с моренным материалом, которые могут фиксировать засыпание ямы выбросом из более поздних соседних ям. Это позволяет определить последовательность их сооружения. Первыми среди ям этой группы были ямы 1 и 11, затем выкопаны ямы 2, 4, 5, 7, самые поздние - ямы 3, 6, 8 и 12. В заполнении на разных глубинах встречен археологический материал, чаще он тяготеет к краям ямы и попадал туда при обрушении стенок. Ни одного развала сосудов в ямах не было, но присутствие в нижних частях заполнения керамики позволяет определить время, не позднее которого данная яма начала заполняться. В 11 ямах такой керамикой является пористая сетчатая, в четырех - пористая волосовская и в двух - гребенчатая валдайская. Ямы с сетчатой керамикой существенно отличаются от ям с керамикой поздневолосовского типа четкой формой, большей глубиной, слоистым и менее гумусированным заполнением. Уголь есть во всех ямах. Резко отличается пятно на западном склоне, принимаемое за яму N 13 условно. Его размеры 3,8 x 2,8 м, мощность 25-45 см, оно пестрое по составу, включает линзы гравия и моренного суглинка, угольные прожилки, серый гумусированный песок - те же компоненты, которые заполняют ямы с сетчатой керамикой. Здесь был максимум концентрации находок.

Верхний слой - обесцвеченный песок с многочисленными углями, единичными гончарными черепками, западает в яму N 17, уголь в ней отличается по сохранности от угля в других ямах. В нижней части заполнения рассеяны фрагменты гончарного сосуда с линейным орнаментом, который можно датировать XIV в.

В геометрическом центре острова, в самой высокой точке его, на глубине 25-33 см найден был череп человека, стоявший теменем вверх. Лицевые кости, нижняя челюсть, зубы отсутствовали, несмотря на относительно хорошую сохранность кости, сильно окрашенной гидроокислами железа. Никакой ямы здесь не прослеживалось. Череп был перекрыт выбросом из ям 1 и 6. В полуметре к югу от него на том же уровне был найден небольшой ситулообразный плоскодонный сосуд с отогнутым венчиком, орнаментированный зигзагом, выполненным створкой раковины. Тесто пористое (К.В., рис.7,3).

Об использовании острова в качестве неолитической стоянки говорит обилие своеобразной ямочно-гребенчатой керамики - 773 фрагмента от 33-40 сосудов (рис.2,1-15). Она довольно однородна, тесто отощено дресвой и песком, толщина стенок 5-9 мм, негативы бугорков четкие. Расчес поверхностей не применялся. Форма сосудов яйцевидная с параболично-коническим дном, верхняя часть не профилирована. Венчик чаще всего утолщенный, орнаментирован по верхнему обрезу и фасаду. Орнамент выполнен довольно небрежно, применение белемнита для выполнения ямочного орнамента сомнительно - ямки делались разными округлыми штампами, заменителями белемнита, часто установленными наклонно; ямки образуют пояски и довольно широкие зоны, шахматный порядок ямок встречается редко, обычно разделение поясков гладкими, незаполненными полями. Все эти признаки характерны для редкоямочной керамики финального этапа пъяловской культуры разных ее вариантов (Языково, Неро и Нерль, Дубна, Западная Мещера). Рисующие штампы - перевитой шнур, метаподии собаки (?) - плюсневый штамп, редко - обычный зубчатый штамп. Один сосуд, орнаментированный поясками подпрямоугольных ямок, отдаленно напоминает белевскую ромбоямочную керамику; у другого - ямка также приближается к округленному ромбу.

Второй неолитический комплекс характеризуется гребенчатой керамикой, характерной для мстинской [1] или валдайской [2, с.31-45] культуры - 1042 фрагмента от 45-52 сосудов (рис.2,16-27). Различить валдайскую и ямочную керамику удастся не всегда. Их объединяют технология, формы венчиков, некоторые штампы. Отличия в деталях: нередко отмечается расчес на внутренних поверхностях, дно круглее, более выражена профилировка горла. Помимо дресвы у некоторых сосудов заметна слабая пористость.

Основным орнаментом валдайской керамики является зубчатый штамп. Далее следует плюсневый, образующий широкие зоны. Орнамент разнообразен даже в пределах одного сосуда. Чаще всего встречаются широкие зоны поясков зубчатых оттисков, установленных наклонно,

разделенные гладкими просветами. Иногда пояски образуют геометрические фигуры. У большинства сосудов имеются дополнительные элементы орнамента: редкие ряды ямок, выполненные углом зубчатого штампа или иным штампом, пояски штампа, установленного под иным углом, зигзагом, горизонтально, один раз отмечен поясок, рисующий дугу или спираль.

Формы сосудов котлообразные, имеются и небольшие открытые чаши диаметром 12-15 см. Одна из чаш диаметром 20 см орнаментирована по тулову неглубокими овальными ямками, а под венчиком идет пояс заполненных зубчатым штампом треугольников.

Залегают позднеолитическая керамика в основном у подножия острова в донных отложениях и слегка окатана. Лучше сохранилась та, что попала на склоны острова из обрушенного в древности берега, перекрывшего древнее озерное дно. В донных отложениях преобладает ямочная керамика, залегающая скоплениями в основном с северной стороны острова, в оползшем слое заметно преобладание гребенчатой. Это позволяет рассматривать их как разновременные, хотя и близкие по времени. М.П.Зиминой оба типа включает в состав мстинской культуры. Типологическая датировка ямочной керамики определяется ее близостью к редкоямочной - кон. IV тыс. до н.э. Вероятна близость к этому же времени и гребенчатой, но она продолжает существовать и в III тыс. до н.э. Именно с таким керамическим комплексом связывается значительная часть погребений с янтарем в могильниках Кончанское и Репище [2]. Такая же керамика в прибалтийских комплексах называется типичной ямочно-гребенчатой [3] и датируется 1-ой пол. III тыс. до н.э.

Третий керамический компонент памятника - керамика волосовского типа - всего 272 фрагмента от 11-13 сосудов. Все они имеют пористое тесто с примесью птичьего пуха, у одного, кроме того, есть следы выщелоченной раковины. Наружная поверхность хорошо заглажена, почти лощена, толщина стенок 8-10 мм (К.В., рис.7; 8,1-10).

Орнаментация волосовских сосудов двух видов: около 7 сосудов с гребенчатым штампом, довольно крупным, у большинства редкозубым, поставленным разреженными рядами косых оттисков; лишь сосуд со следами раковины имеет более архаичный облик - ряды густые, как у сосудов среднего этапа волосовской культуры. 5-6 сосудов орнаментированы скобчатым штампом - створкой беззубки, поставленным разреженно. Такая керамика характерна для поздне-волосовских комплексов, в которых обычна и лапчатая верхнеднепровская (или деснинская). Оба вида орнамента встречены на сосудах с Г-образными и со слегка оттянутыми венчиками, с плоским дном. Она очень широко распространена - от Прибалтики и Карелии до Среднего Поволжья - в очень схожих формах. Аналогичная керамика отмечается М.П.Зиминой на стоянках Мстинского бассейна. Но такие же сосуды включены А.М.Микляевым в состав усвятской культуры [4, с.7-29]. Они же характеризуют верхний слой Модлоны [5].

Четвертый компонент - своеобразная сетчатая керамика (273 фрагмента от 10-20 сосудов), из-за сильной измельченности - что определяется свойствами теста и тонкостенностью - она плохо поддается реконструкции. Стенки всего 3-5 мм, только два сосуда имеют стенки 7-8 мм, у всех в тесте пух и какая-то органика, оставляющая плоские чешуйчатые поры (примесь яиц со скорлупой?). Поверхность сосуда до нанесения сетчатости, которая выполнялась зубчатым штампом с прямоугольными зубцами (местами поверхность не имеет сетчатости), хорошо заглаживалась, почти лощилась. Расчес внутри применялся редко (К.В., рис.8,11-18; 9). Орнаментированы только венчики - это пояски зигзага, выполненные коротким зубчатым штампом, пояски разнонаклонных гладких оттисков; но чаще венчик гладкий. Профилировка горла у большинства незначительна, но есть сосуды и с резко отогнутым горлом, даже с ребром с внутренней стороны. У двух сосудов есть пояски гребенчатого штампа на тулове. Дно округлое и уплощенное.

Пористая сетчатая керамика характерна только для Восточной Прибалтики. Те формы, что встречены на нашем памятнике, находят там полные аналогии и датируются довольно ранним временем - XIX-XVIII вв. до н.э. [3]. В Восточной Прибалтике она встречена в сочетании с теми же формами пористой керамики, какие описаны выше. Сложение прибалтийской сетчатой пористой керамики происходит после того, как потомки аборигенной нарвской культуры ассимилировали культуру шнуровой керамики, а несколько ранее - носителей гребенчато-ямочной прибалтийской

керамики, мигрировавших в Прибалтику вниз по Даугаве с Валдая. Следовательно, появление прибалтийской сетчатой керамики на Валдае - это свидетельство возвращения потомков мигрантов. Но они вернулись уже будучи знакомы с навыками производящего хозяйства, полученными ими от шнуровиков, и, скорее всего, именно эта группа привнесла в среду волосовской общности компонент сетчатой керамики вместе с навыками скотоводства, а возможно и земледелия. Распространить их среди родственного населения всей зоны культур, родственных волосовской, было гораздо проще им, чем чуждым туземцам фатьяновцам. При этом сетчатость керамики - всего лишь элемент культуры, свидетельствующий об интеграции, но вовсе не об ассимиляции населения лесной зоны какой-либо пришлой группой. Кроме того, я не исключаю синхронное существование в единичных комплексах и иных пережиточно-волосовских типов керамики.

С неолитическим комплексом связана также большая часть кремня. Распределение в слое памятника довольно равномерное, особенно чешуек, на северном склоне и у подножия встречены нуклеидные куски, значительная часть отходов (всего 2244 отщепа, 718 осколков, 1689 чешуек, 206 заготовок и нуклеидных кусков). Сырье низкосортное - беловатый трещиноватый кремь, дающий неровные поверхности скалывания и значительное количество брака. Есть желваки, едва опробованные. Значительную серию составляют орудия без специального оформления рабочих кромок: отщепы и осколки со следами использования как ножи, резцы (без резцового скола), скребки и скребки (всего 247). Орудий, морфологически определимых, 406 (рис.3).

Невелика и довольно аморфна группа резцов - 17 и 2 резцовых отщепа, при этом техника скалывания нестандартная, со следами многих неудачных попыток. Орудия изношены так, что подправить их уже нельзя. Скребки выразительнее, но большая часть из 163 аморфны. Более или менее стандартизировано несколько многосторонних коротких, часто у них сохраняется пологое оформление боков при круто изношенном в результате многочисленных подправок рабочем крае. Форма овальная, трапецевидная, получена оформлением боков, что характерно для волосовской и позднеолитической техники. Концевые скребки единичны и случайны - используются отщепы подходящей формы. Один сделан из правильного пластинчатого отщепа. С волосовской техникой можно связывать пришлифовку лезвия одного из аморфных скребков. Имеются скребки с продольным пологим лезвием и подтеской концов с брюшка - струги. Ножи (82) тоже довольно аморфны, плоская ретушь нерегулярна, минимальна, снимает только утолщения и неровности лезвий. Интересен один из ножей - в комбинации с проколкой. Весьма выразительны сверла (38). Среди них - макросверло из наконечника копья, сточенное до полной округлости концов, волосовское сверло с двусторонней обработкой крупными сколами широкой листовидной рукояти и четко выделенным массивным жальцем с резцовым сколом. Значительная часть сверл типологически близка к нему, но гораздо примитивнее. Делались они из отщепов и обломков, один из краев обрубался крутой ретушью, спинка выположена, жальце подправлено с брюшка плоской ретушью. Износ сверл очень сильный, конец сточен округло. Еще проще сверла из трапецевидных отщепов с углом, выделенным противоположащей ретушью. Особый тип - массивные трехгранные острия. Много отщепов и осколков со следами использования в качестве сверл.

Рубящих очень немного: узкий кремневый клин линзовидного сечения с почти параллельными краями, оформлен плоской ретушью, шлифовки не имеет; сланцевые тесла - 2 обломка; стамесковидный клин и желобчатое тесло из песчаника. Два орудия резко выделяются. Оба сделаны из зеленоватого сланца. Одно - крупное прямолезвийное тесло с острым обушком, валдайского типа, и другое - с продолбленным и расточенным проухом из неполовностью шлифованной гальки, два лезвия ориентированы как у тесла или мотыжки. Оба найдены на бортах крупной ямы.

Имеются осколки и 4 целые шлифовальные плиты, гранитная плита зернотерки, песчаниковое крестообразное шлифованное грузило (К. В., рис. 3).

Особый характер придают памятнику многочисленные наконечники стрел и копий. Это 18 целых и 3 почти целых наконечника копий (обломков 20) и столько же целых наконечников стрел (38 обломков). В достоверно неолитическом слое у подножия острова найдены только три почти целых наконечника стрел и небольшой кремневый кинжал из отщепа с неполной ретушью. Считать

его наконечником не позволяет резко выраженная асимметрия и прямая база при полной законченности орудия. Остальные найдены в слое мешанного песка на глубине 25-30 см.

Наконечники копий и стрел разнообразны по форме (К.В., рис.4-6). Преобладают треугольно-черешковые сейминского типа - с четким выделением пера шипами, с относительно круглым пером. Среди наконечников дротиков чаще встречаются широкие с короткими шипами около середины изделия - насад составляет половину длины. Наконечники копий имеют те же пропорции и детали, что и наконечники стрел, отличаясь лишь размером. Интересен наконечник копья листовидной формы с четкими шипами на трети длины. Листовидные наконечники встречаются как узкие, иволистные, так и лавролистные. Некоторые черешковые имеют по одному шипу, видимо, находясь в процессе переделки в иволистные. Среди наконечников есть как вполне волосовской формы, так и несомненно связанные с более поздним комплексом. К нему, в частности, относятся треугольно-черешковые с неполной и краевой ретушью пера. Техника обработки остальных вполне волосовская. Среди заготовок, достаточно многочисленных и связанных с неолитическим комплексом, такая техника не наблюдается.

Наконечники встречаются, как правило, группами, лежащими на глубине 25-35 см, вне ям. Только в пятне ямы 13 встречено скопление их. Иногда они западают в ямы с обрушившимися бортами. Вполне волосовский наконечник, обработанный струйчатой ретушью, найден в яме 14, относящейся к волосовскому этапу.

Таким образом, прослеживаются следующие моменты использования острова. 1. Единичное посещение его на стадии позднего мезолита и раннего неолита, когда остров находился при входе в озеро среди чистого плеса. 2. Кратковременная неолитическая стоянка в то время, когда у острова образовалась коса, но берега оставались отвесно подмытыми. От нее сохранились развалы и скопления ямочной керамики моложского типа и гребенчатой мстинского, мастерские, обычный для стоянок набор орудий. 3. Устройство неглубоких ям и, видимо, первых жертвенных мест, а также кладок со следами действия огня. Размыв острова в это время прекратился. 4. Устройство ямы в центре острова, прикрывавшей отвалом несколько отборных орудий, а также установка черепа и небольшого сосуда поздневолосовского типа на вершине острова. 5. Периодическое повторение устройства ям с кострами в них, с раскладыванием близ ям на поверхности копий, стрел, возможно, тесел и сосудов. Поверхность и склоны острова в это время засыпаны песком - выбросом из ям.

Каков смысл наблюдаемого здесь обряда? Устройство волосовских жилищ иногда сопровождалось, как отметил А.В.Уткин, раскладыванием отборных орудий на поверхности, засыпаемой отвалом котлована. Ямы явно не жилые, но схема обряда та же. Кроме того, на стоянке Языково 1 неоднократно отмечались крупные фрагменты человеческих черепов, положенные при устройстве волосовских очагов под очажную подсыпку. Совпадение таких деталей позволяет высказать предположение о том, что этот крошечный уединенный островок использовался для ритуального, магического сотворения жилищ людьми волосовской и генетически связанной с ней культуры сетчатой керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимица М.П.* Неолит бассейна р.Мсты. М., 1981.
2. *Гурина Н.Н.* Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. N 3.
3. *Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
4. *Микляев А.М.* Неолитическое свайное поселение на Усвятом озере // АСГЭ. 1971. Вып.13.
5. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V.Sidorov

STAN 1 - THE SITE AND THE RITUAL COMPLEX

Summary

A little island near the Udomlya lake was used as a site at the Late Neolithic (the end of IV mln. B.C.). The pottery, the flint tools and the debris found there belong to Valday culture and Mologa variant of the Pit-comb pottery culture. Later a ritual complex appeared there. The men of the late Volosovo culture made masonry with bears traces of fire, pits, arrow and spear heads. A human skull was found in the middle of island. Later pits were deeper and had the traces of bonfire. The arrows, spears and axes were found around the big pits too. This inventory was made by men of the Net-pottery culture. This pottery originated from the territory of Latvia in XIX-XVIII c. B.C. after the assimilation of the culture of battle axes here. The distribution of the net-pottery at the forest zone was connected with stock-breeding and agriculture adopted by the local relative peoples. The rituals, performed at the island, were ment, possibly, to provide for secure foundation of the future habitations.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm.Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

К. В. Воронин

СТОЯНКА СТАН 1 И ЕЕ МЕСТО В КРУГЕ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА - БРОНЗОВОГО ВЕКА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ И ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Стоянка Стан 1 открыта разведкой Волго-Окской археологической экспедиции, проведенной в Удомельском районе Тверской области в 1979 г. В сезон 1984 г. она была полностью исследована неолитическим отрядом Волго-Окской экспедиции под руководством В.В.Сидорова [1].

Памятник занимал небольшой округлый песчаный островок диаметром 20 м, расположенный в заболоченном русле р.Съежи у ее левого берега, напротив д.Юрьевская Горка, в 300 м от находящегося ниже по течению автомобильного моста. Высота островка над урезом воды составляла 1,6 м. Он был сложен из разнозернистых песков, местами расчленяемых глинистыми прослойками толщиной до 5 см, имеющими, скорее всего, моренное происхождение.

Ориентированный по сторонам света раскоп в 440 кв. м из квадратов 2 x 2 м занял практически всю площадь островка. Незатронутым остался только участок площадью около 9 кв. м на его северном склоне. Работы велись зачисткой с горизонтами взятия 5 см (рис.1).

Культурный слой памятника со средней мощностью в 35 см разделился на 3 литологических горизонта. 1 (верхний) горизонт - желтый песок с угольками мощностью 12-25 см; 2 горизонт - темно-бурый песок неравной окраски, переходящий на склонах в серый, мощностью 17-25 см; 3 горизонт - желто-бурый пятнистый песок мощностью 5 см. Подстилающий материковый слой - алевроит с линзами гравия и красноватого суглинка (рис.2). Встреченные в слое находки относятся к четырем комплексам: среднеолитическому (ямочно-ребенчатая керамика льяловского типа, изделия из валунного кремня низкого качества), позднеолитическому (ямочно-ребенчатая валдайская керамика, изделия из валунного кремня низкого качества), энеолитическому (тонкостенная пористая керамика с геометрическим орнаментом, орудия из высококачественного кремня), эпохи ранней бронзы (орудия из высококачественного кремня, пористая сетчатая керамика), а также средневековому (фрагменты гончарного сосуда с линейно-волнистым орнаментом, глиняное острорезное пряслице).

В данной работе внимание будет уделено комплексам энеолита и раннего бронзового века. Включающий эти комплексы культурный слой, желтый песок с угольками, являет собой суммированный выброс из ям энеолитического - раннебронзового времени, которыми изрыта значительная часть острова (около 30% всей площади). Энеолитические ямы и ямы бронзового века хронологически хорошо выделяемы, т.к. непосредственно в верхних горизонтах культурного слоя проявлялись только контуры ям бронзового века. Энеолитические ямы в верхнем горизонте культурного слоя не прослеживались. В эпоху бронзы поверхность острова была полностью изменена.

Ямы с энеолитической керамикой (NN 11, 13, 14, 16) - неглубокие плоскодонные с темно-гумусированным заполнением, глубиной 40-60 см и диаметром 40-120 см, занимают западную

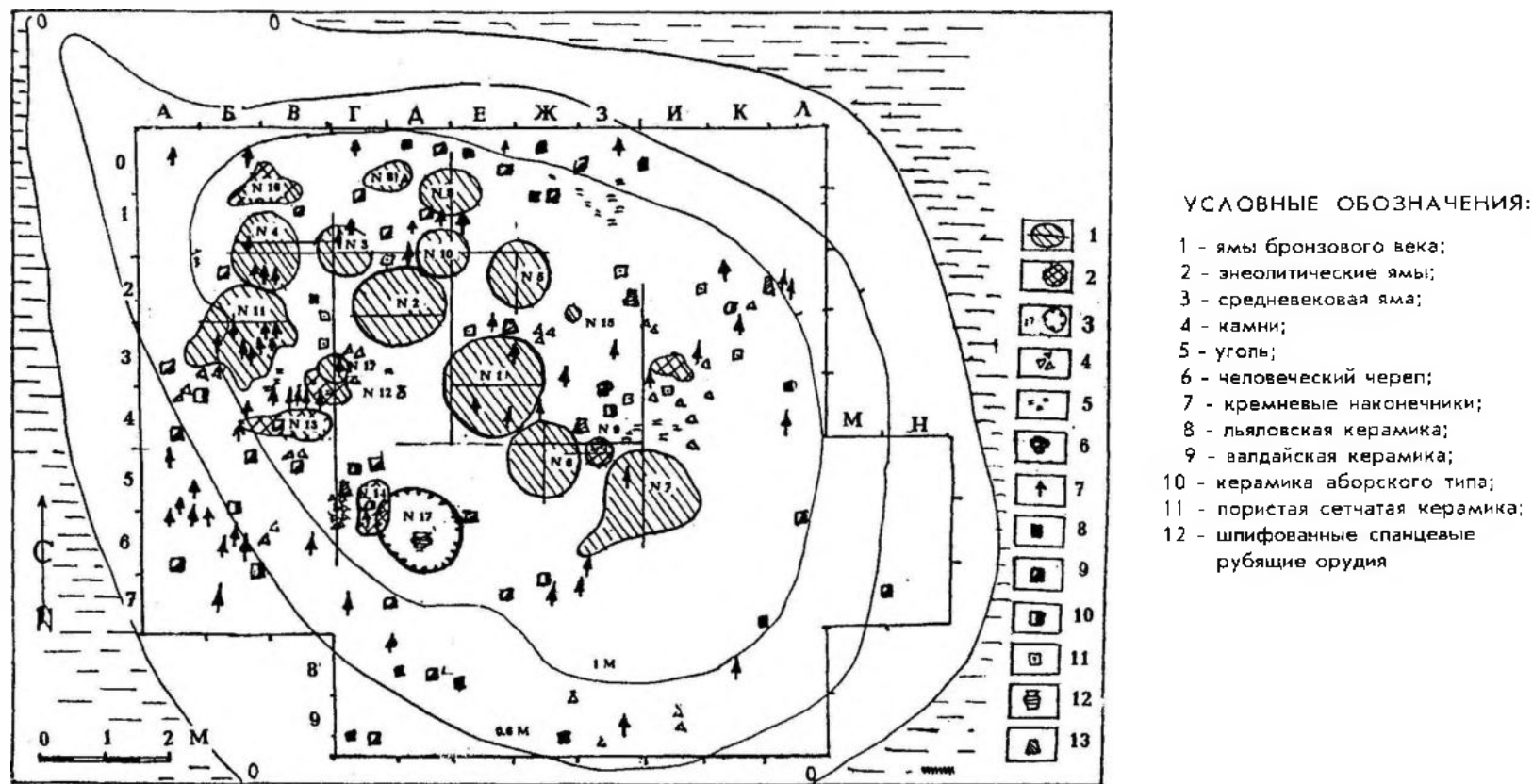

Рис. 1. Генеральный план стоянки Стан 1

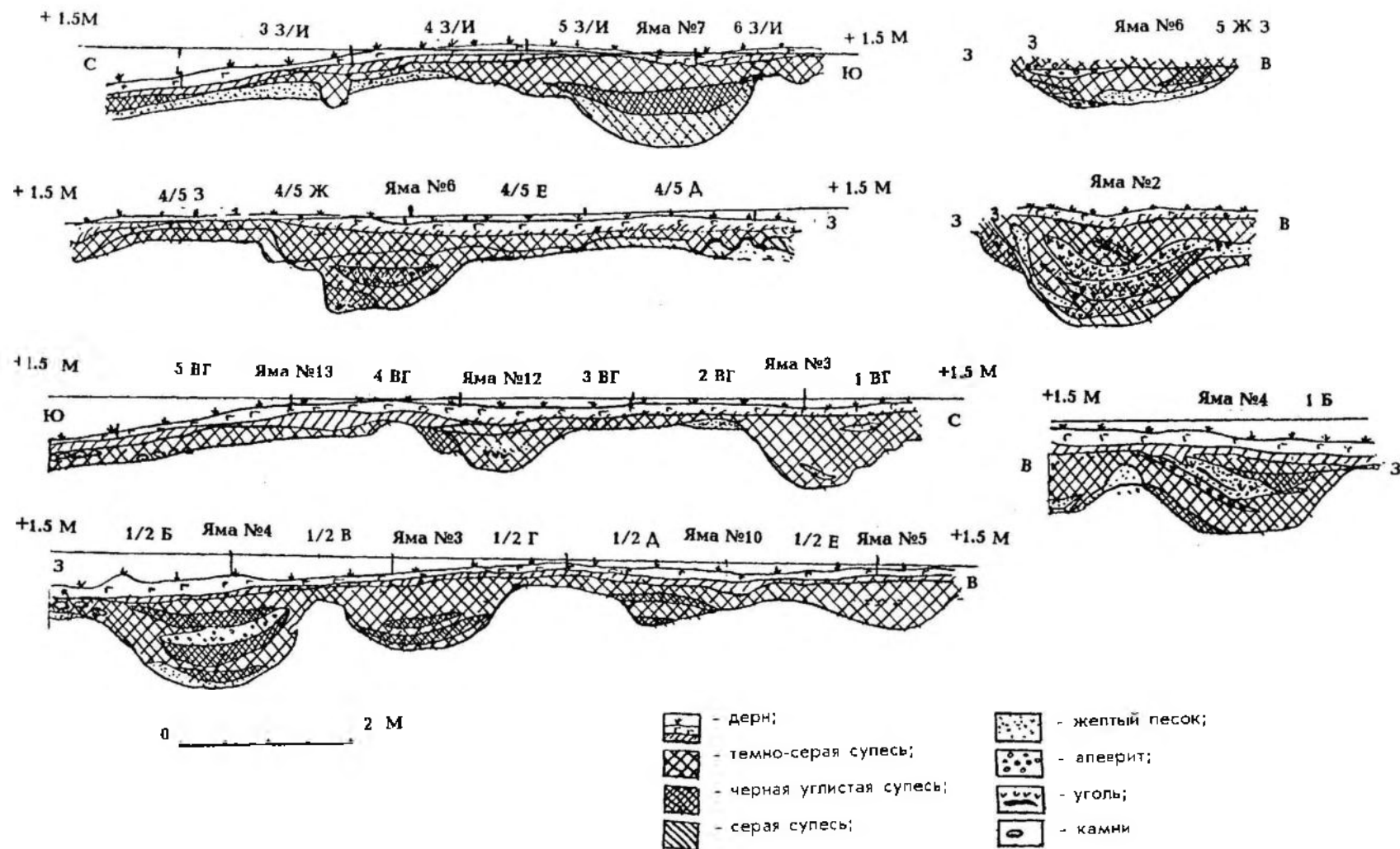

Рис. 2. Стоянка Стан I. Разрезы ям

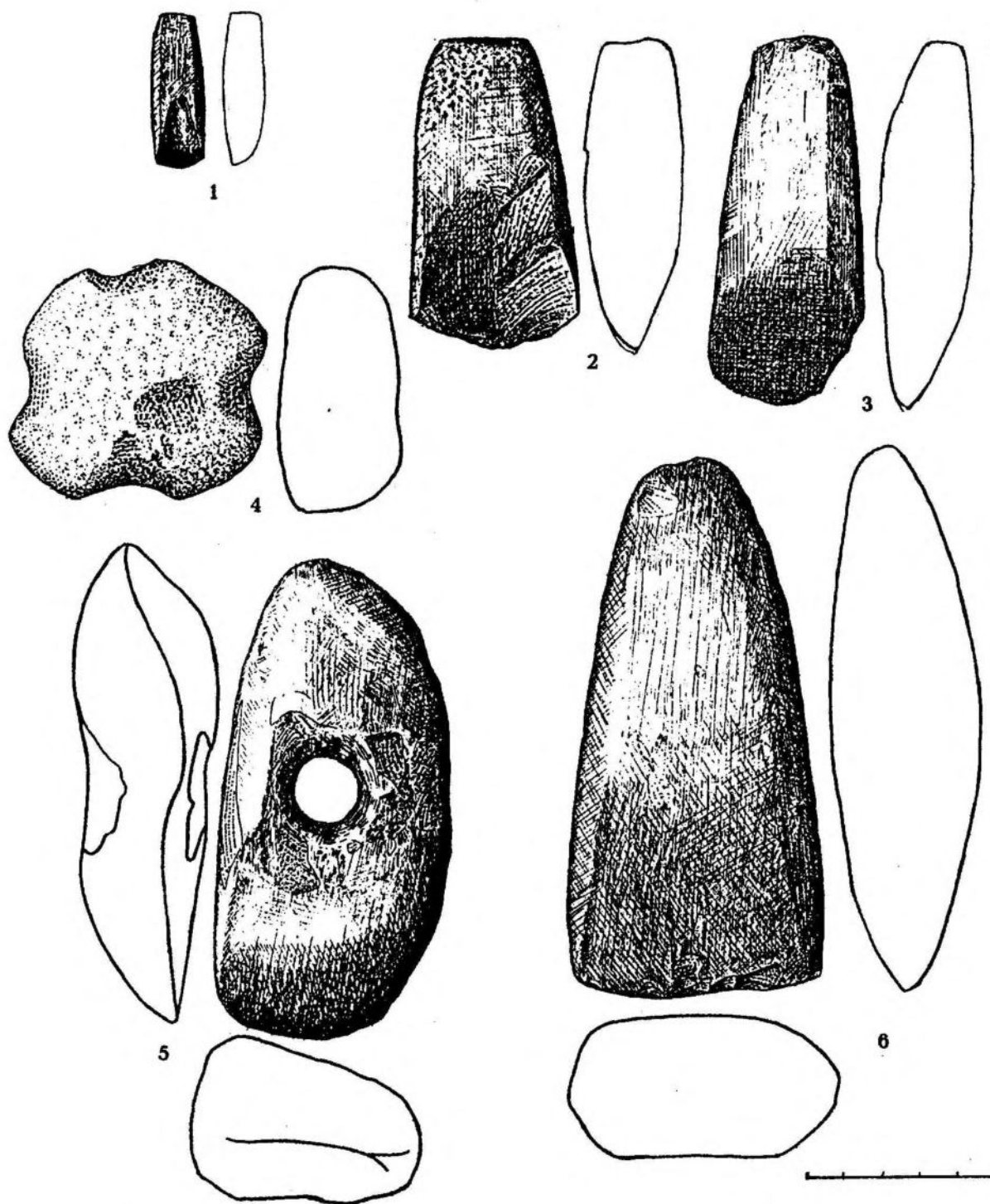

Рис. 3. Стоянка Стан I. Комплексы энеолита - бронзового века. Орудия: 1 - стамеска; 2, 3, 6 - тесла; 4 - грузило; 5 - топор. Сланец, песчаник (4)

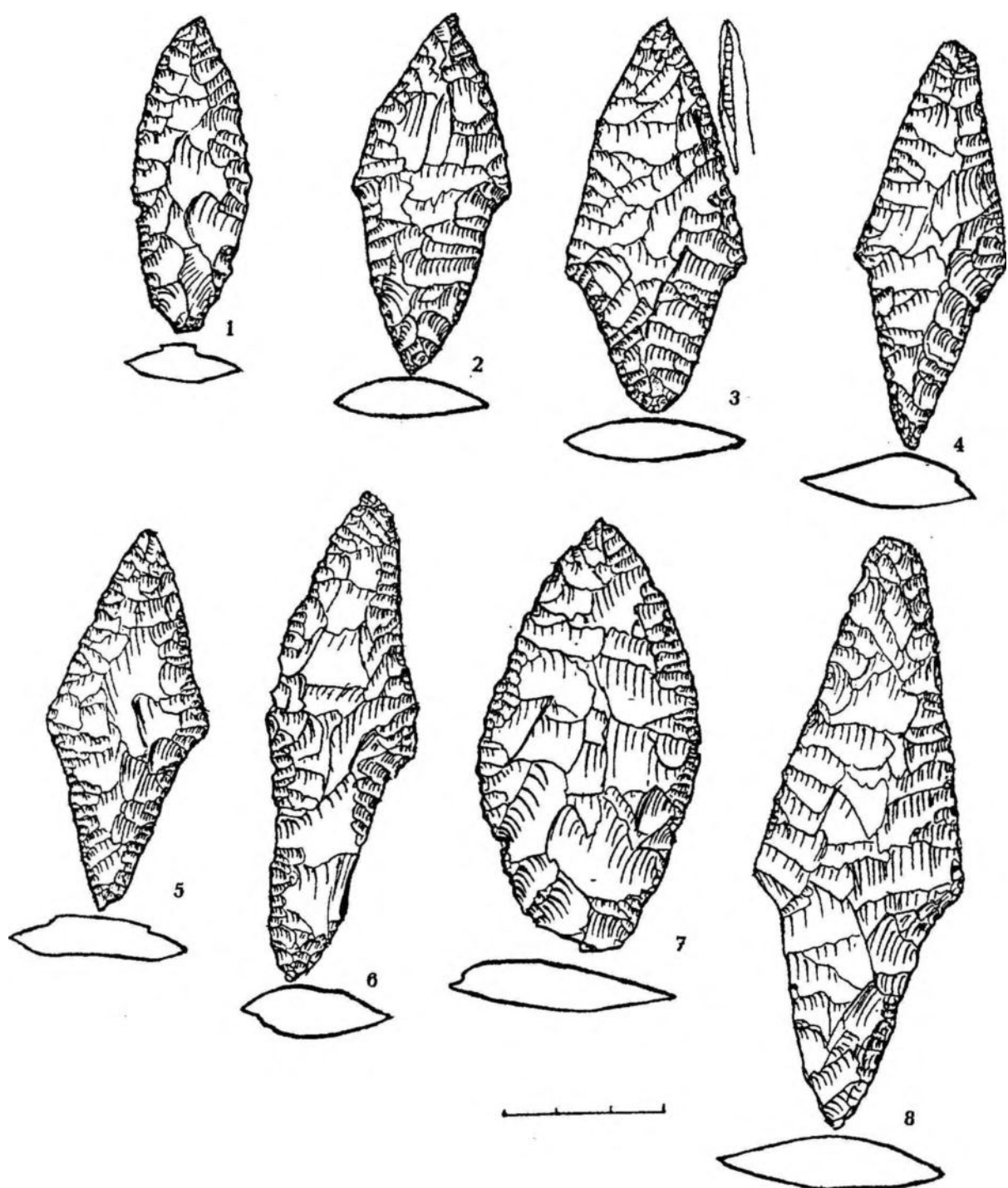

Рис. 4. Стоянка Стан I. Комплексы знеолита - бронзового века.
 Наконечники дротиков и копий. Кремень

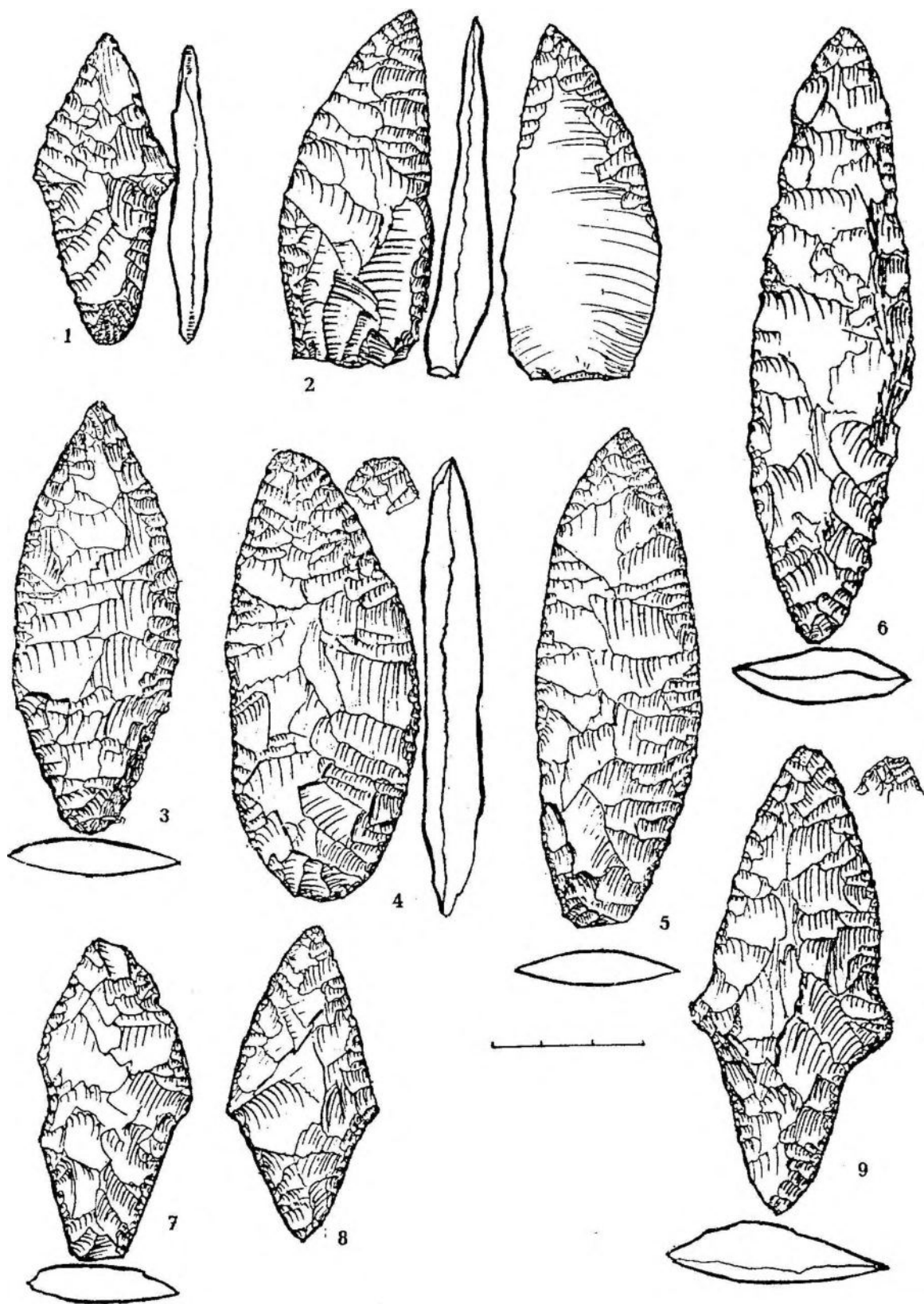

Рис. 5. Стоянка Стан I. Комплексы энеолита - бронзового века. Наконечники дротиков и копий, нож (2). Кремьень

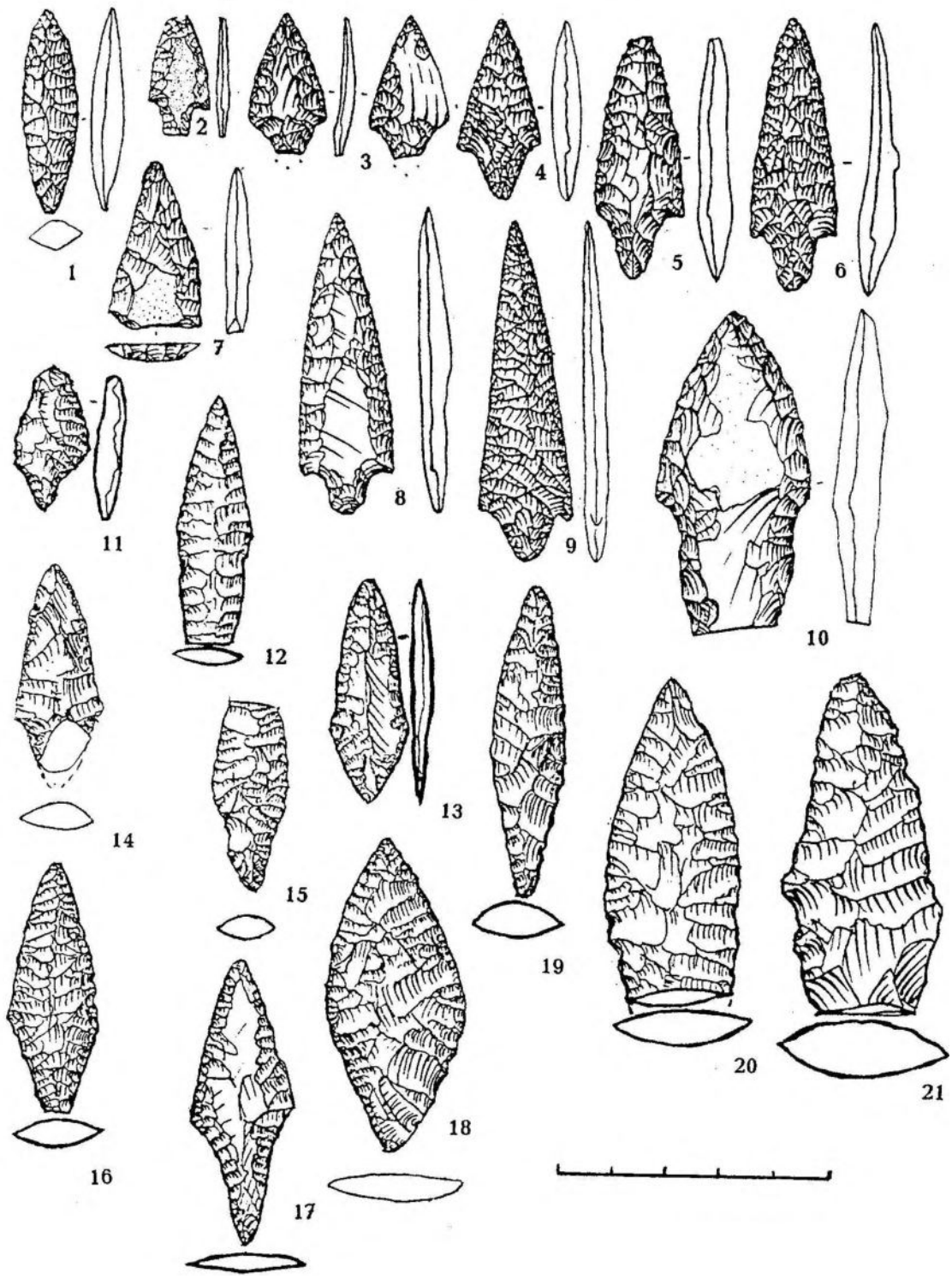

Рис. 6. Стоянка Стан I. Комплексы энеолита - бронзового века.
 Наконечники стрел и дротиков. Кремь

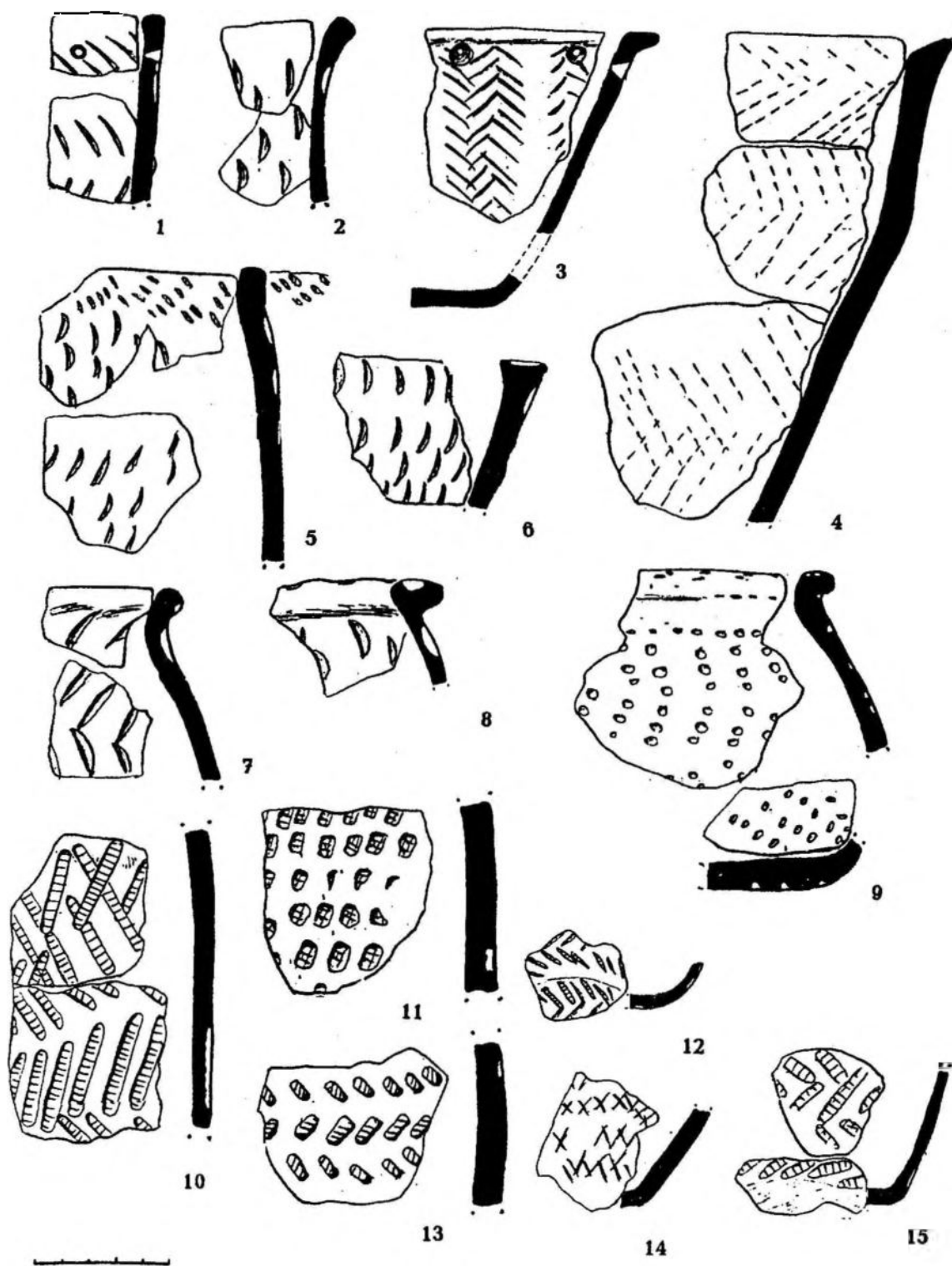

Рис. 7. Стоянка Стан I. Керамика эпохи неолита

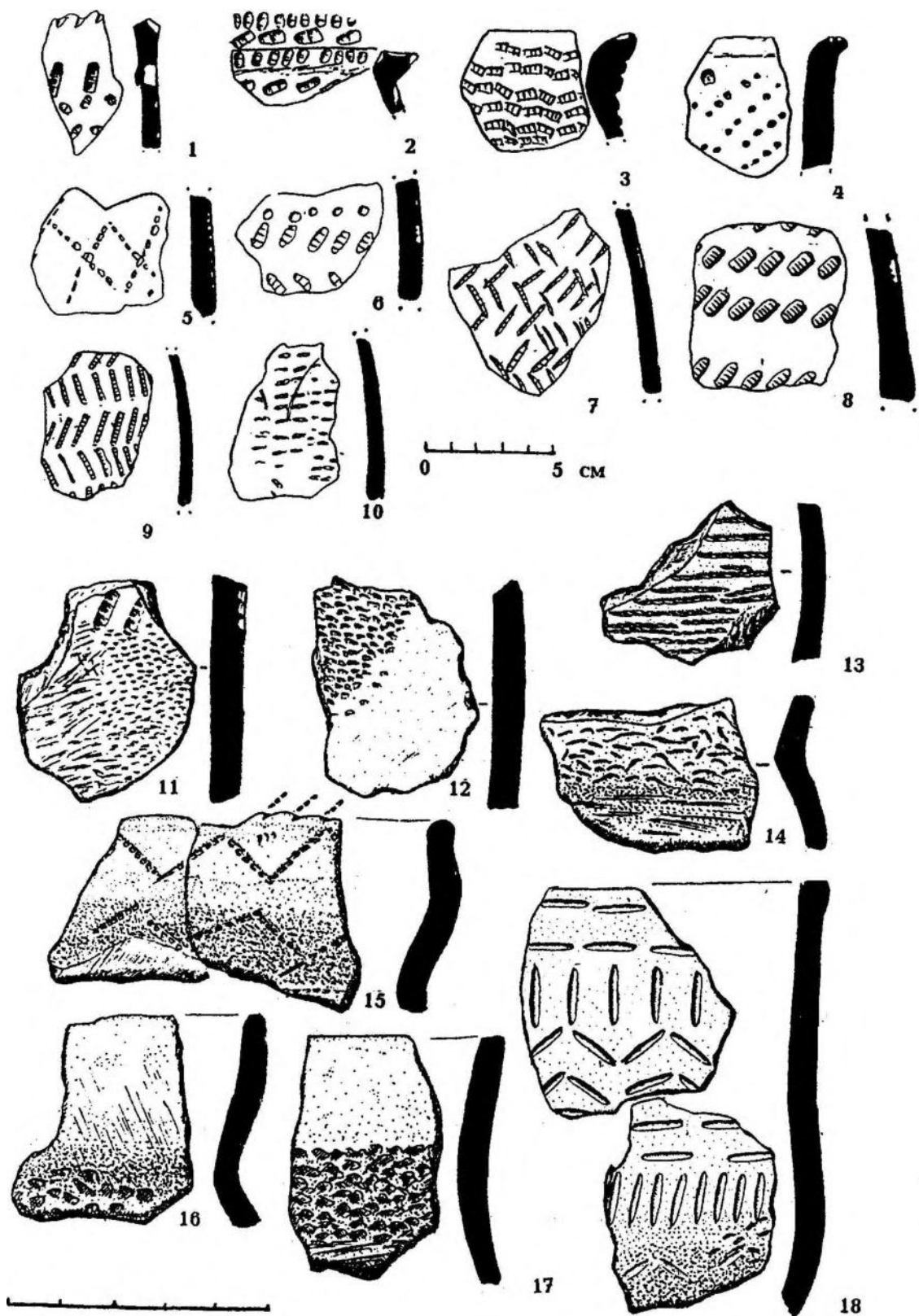

Рис. 8. Стоянка Стан I. Керамика:
 1-10 - эпохи неолита; 11-18 - бронзового века

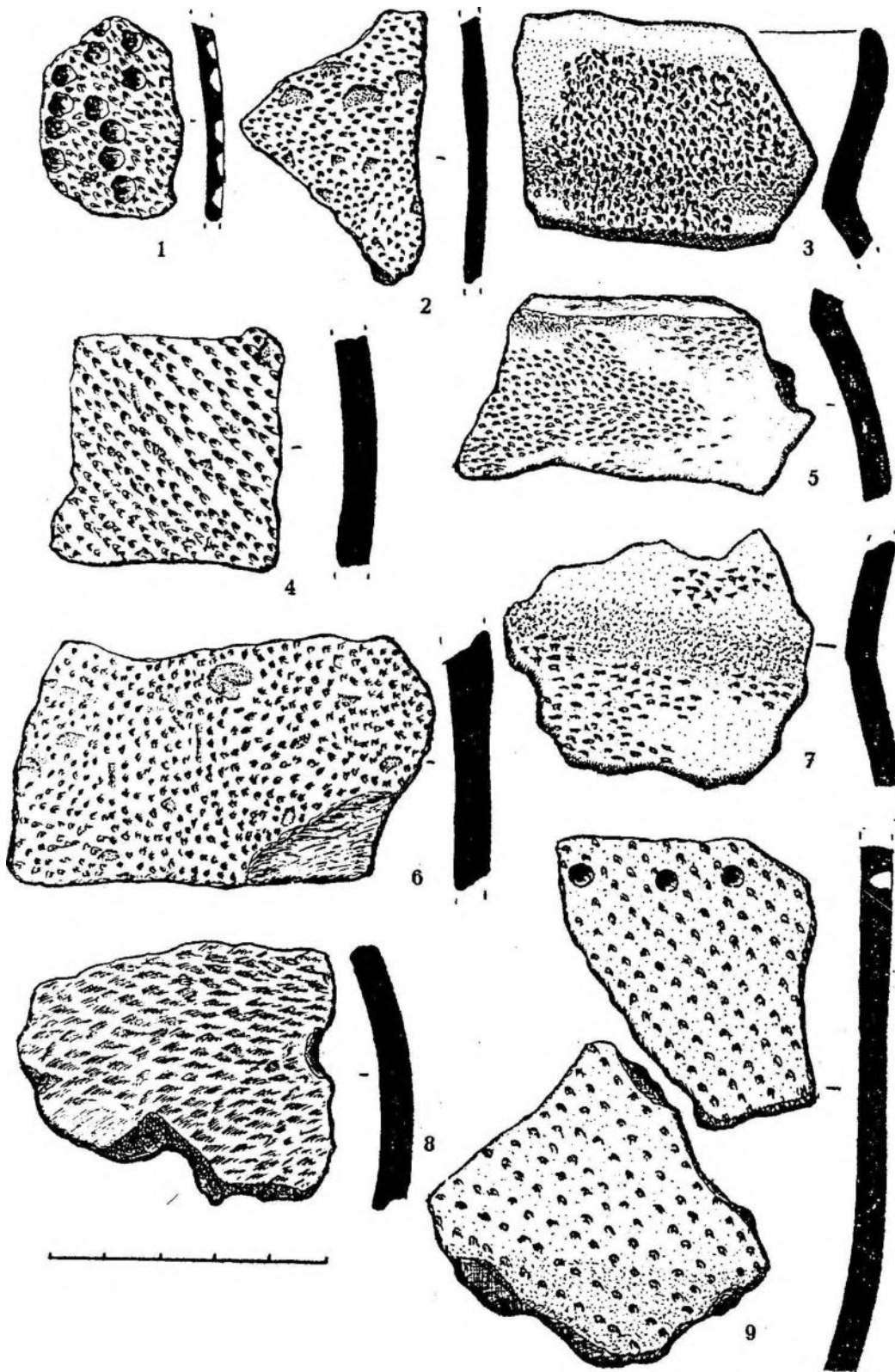

Рис. 9. Стоянка Стан I. Керамика бронзового века

часть острова, располагаясь полукругом (рис.1; 2). В кв. 6 ГВ на восточном краю ямы N 14 прослежена плотная кладка из 10 небольших камней до 20 см в поперечнике, лежавших в один слой. Диаметр кладки 80 см (рис.1). Плохая сохранность гранитных галек предполагает возможность разведения огня. Углей в кладке нет. Под камнями лежал наконечник дротика, сработанный как сверло (рис. 5,1). В горизонте проявления энеолитических ям в центральной части острова, в самой высокой его точке, на гл. 22-28 см найден череп человека, лежащий лицевой частью на ЮВ, прикрытый отвалом из ямы бронзового века (рис.1). В 0,9 м к Ю от черепа располагалось скопление фрагментов энеолитического тонкостенного плоскодонного сосуда с подлощенной поверхностью, изготовленного из керамической массы с большой примесью органики, орнаментированного вертикальным зигзагом, выполненным ногтевидным штампом (рис.7,3).

Ямы раннебронзового времени (NN 1-8, 11, 12) - глубокие котловидные со слоистым углисто-песчаным, в верхних слоях гумусированным, заполнением, глубиной 130-175 см и диаметром 220-350 см (рис.1; 2). Крупные ямы бронзового века хорошо сохранили форму в рыхлом песчаном грунте. Вероятно, они существовали недолгое время, довольно быстро заполняясь землей, или намеренно засыпались (выбросы грунта из одних ям попадают в заполнение других). Наличие в них перемежающихся с песчаным заполнением слегка расползшихся углистых прослоек, не имеющих под собой прокала, говорит о периодическом разведении в этих ямах легкого кратковременного огня; в большинстве ям количество углистых прослоек - три (рис.2). При очень близком расположении ямы бронзового века не налегают друг на друга, протянувшись по поверхности острова полосой СЗ - ЮВ ориентировки (рис.1).

В большинстве случаев заполнение ям содержит небольшое количество находок (за исключением ямы N 2) - отдельные фрагменты керамики и кремневые отщепы иногда в сочетании с предметами метательного вооружения (ямы NN 11, 14). В непосредственной близости от всех ям, у их краев, встречены находки кремневых наконечников стрел и дротиков, лежащих по одному или попарно, каменных шлифованных топоров (рис.1).

Энеолитические материалы и материалы раннего бронзового века залегают в едином литологическом горизонте. Членение на разные комплексы оказалось возможным только для керамики, каждый тип которой встречался обособленно в разных ямах. Относительная хронология разных типов керамики была определена на основе стратиграфических наблюдений за содержащими их ямами (см. выше).

Энеолитическая керамика представлена фрагментами гладкостенных сосудов с геометрическим орнаментом, выполненным мелкозубчатым и ногтевидным штампами. Эти сосуды имели отогнутый венчик, котловидное тулово и плоское дно, были изготовлены из керамической массы с большой примесью волокнистой органики, вероятно, травы или пуха (рис.7; 8,1-10).

Керамика раннего бронзового века состоит из фрагментов сосудов с сетчатой орнаментацией, венчики некоторых из сосудов покрыты геометрическим рисунком (елочки, зигзаги), выполненным мелкозубчатым штампом. Сосуды имели эсвидную профилировку, отогнутый край, высокую шейку с четким переходом в тулово под тупым углом; были изготовлены из керамической массы с большой примесью чешуйчатой органики, скорее всего, раковины (рис.8,11-18; 9).

Эта посуда находит прямые аналогии в материалах Восточной Прибалтики, датируемых по С-14 рубежом III-II - 1-й четв. II тыс. до н.э. [2, табл. XXXVIII-XLI, XLV, с.81-93; 3, с.143-151; 4, с.120]. Энеолитическая керамика стоянки Стан 1 сходна с керамикой аборского типа со стоянок Абора 1, Малта, Лейманишки, расположенных в Лубанской низменности на территории Восточной Латвии. Сосуды аборского типа также имеют отогнутый венчик, котловидное тулово и плоское дно, орнаментированы зубчатыми штампами [2, табл. XXXVIII, с.82,88]. Пористая сетчатая керамика может быть отнесена к типу восточноприбалтийской сетчатой керамики. Она наиболее близка к текстильным сосудам 3 формы по И.А.Лозе со стоянок Лубанской долины, имеющим отогнутый наружу край, удлиненную шейку и чуть намеченное ребро при ее переходе в тулово [2, табл. XL, с.88], к формам сетчатой посуды со стоянок Акали и Кулламяги в Эстонии, которой во многих случаях свойственна хорошо выраженная эсвидная профилировка [3, с.143-151]. Зуб-

чатая орнаментация ранней текстильной керамики со стоянки Стан 1 сближается с гребенчатыми орнаментами пористой сетчатой керамики с вышеупомянутых памятников. А по характеру сетчатой орнаментации большая часть текстильной керамики со стоянки Стан 1 аналогична керамике с отпечатками ткани на дощечках с поселений Абора 1, Эйни Лубанской долины, стоянки Лейманишки на р.Малта [2, табл.XLI; 3; 5, с.92-93].

Орудийный комплекс энеолитического-раннебронзового времени стоянки Стан 1 представлен шлифованным сверленным сланцевым топором с горизонтальным лезвием (рис.3,5), тремя шлифованными узкообушковыми сланцевыми теслами (рис.3,2,3,6), сланцевой шлифованной желобчатой стамеской (рис.3,1), песчаниковым грузилом подчетыреугольной формы с выбитыми по краям канавками (рис.3,4), двусторонне оформленным кремневым ножом из пластинчатого отщепы (рис.5,2), 35 предметами метательного вооружения, представленного кремневыми треугольно-черешковыми наконечниками стрел (рис.6,2-6,8,9,14,17), в т.ч. сейминского типа (рис.6,2,5,6,8,9), наконечниками стрел с расширенным (рис.6,13) и прямым основанием (рис.6,7), наконечниками дротиков и копий листовидной (рис.4,1,7; 5,3-5,6; 6,18,20,21), треугольно-черешковой (рис.4,2-6; 5,1,7-9) и черешковой (рис.6,10) формы. Все наконечники обработаны пологой двусторонней ретушью. Формы встреченных кремневых изделий в целом имеют широкое территориально-хронологическое распространение, встречаясь по всей лесной зоне Восточной Европы в позднем неолите и бронзовом веке. Определенной спецификой обладают только наконечник стрелы с прямым основанием (рис.6,7), находящий аналогии в восточноприбалтийских материалах, и черешковый наконечник дротика, край пера которого оформлен короткой полукрутой ретушью (рис.6,10). Подобный прием оформления пера наконечника характерен для кремневой индустрии позднего неолита - бронзового века Восточной Прибалтики [2, табл.III, 7,10,11, с.62-63]. Найденный в яме с пористой сетчатой керамикой сверленный топор с горизонтальным лезвием оформлен в технике пикетажа, а затем зашлифован. Отверстие в нем изготовлено методом встречного продавливания с последующей расточкой (рис.3,5). Прямых аналогий этому топору нет. Сходные по способу изготовления отверстия орудия известны среди материалов Северо-Запада лесной полосы [5, рис.8,1-3,5]. Шлифованные узкообушковые тесла, изготовленные также в технике пикетажа с последующей шлифовкой, имеют узкую атрибуцию. Они характерны для времени позднего неолита - бронзового века и распространены в ареалах Восточной Прибалтики и Верхнего Поволжья.

Памятник Стан 1 эпохи энеолита - бронзового века обладает рядом не находящих аналогий оригинальных черт. К ним относятся малые размеры занимаемого стоянкой островка (20 x 24 м, включая периферию), отсутствие хозяйственно-бытовой зоны (мест обработки камня, бытовых кострищ с присущим им очажным мусором и т.п.) (рис.1), узкая специализированность найденного каменного инвентаря (превосходные образцы метательного вооружения, сверленный топор, три экземпляра узкообушковых тесел) (рис.3; 4; 5; 6), необычная планиграфическая структура памятника, включающая погребение (?) черепа в сочетании с дугой из ям и каменной кладкой (финальнонеолитический комплекс) и полосу из котловидных ям со следами разведения непродолжительного огня повторяющееся число раз, как правило, 3 раза (комплекс бронзового века) (рис.1; 2). Находки в ямах и около них состоят из большого количества предметов метательного вооружения и топоров (рис.1). Можно предположить, что в финальнонеолитическое время и в раннем бронзовом веке памятник использовался для отправления каких-то обрядов, в видимых деталях заключающихся в подготовке "жертвенных ям", разведении в них непродолжительного огня (не более 3 раз) и подношении даров: сосудов, предметов метательного вооружения и топоров. Судя по расположению находок, в качестве "дара" приносилось не более двух предметов. Их большое количество есть следствие многократного выполнения ритуала на памятнике.

Находки энеолита - раннего бронзового века со стоянки Стан 1 нетипичны для районов Валдая и Верхнего Поволжья. В среде населения этих территорий в это время бытуют, прежде всего, принципиально иные виды керамической посуды - котловидные круглодонные сосуды эсовидной профилировки, покрытые по тулову сетчатыми оттисками, а по шейке и плечикам - геометрическими

гребенчато-ямчатыми рисунками (стоянки Юхоть, Троица 1) [6, с.68-72]. В противоположность керамике со стоянки Стан 1 сосуды, связанные с культурой местного населения, изготовлены из керамической массы с минеральной примесью. Признаки местной керамической традиции в посуде энеолита- бронзового века стоянки Стан 1 отсутствуют полностью, и, напротив, она находит прямые аналогии в материалах Восточной Прибалтики среди керамики аборского типа и восточноприбалтийской сетчатой керамики. В том же регионе существуют аналогии для некоторых из найденных на стоянке орудий - наконечников стрелы с прямым основанием, дротика и узкообушковых сланцевых шлифованных тесел.

Приведенные в работе материалы позволяют проследить линию связей древнего населения Валдайской возвышенности с населением Восточной Прибалтики. Относить формирование этих связей к рубежу энеолита - бронзового века не стоит. Несомненно, их истоки лежат в глубине неолитической эпохи. Свидетельствами активных равноинтенсивных контактов того времени являются находки гребенчато-ямчатой керамики в слоях прибалтийских памятников (поселения Звидзе, Сулька) [7, с.52-59,86-90] и наличие янтарных украшений в неолитических слоях валдайских многослойных стоянок и комплексах могильников (стоянки Репище IV, V, могильники Репище, Кончанское) [8, рис.19; 21; 46,13-20; с.41-42,71-72,125-126; 9, рис.21; 46,13-20; 59,2-16, 18-21,24-26; 60,1-19; с.71-72]. По всей видимости, культурный коридор между регионами Восточной Прибалтики и Валдая активно функционировал и в энеолите - раннем бронзовом веке, способствуя периодическим проникновениям на Валдай отдельных групп восточноприбалтийского населения.

Материалы стоянки Стан 1, являясь одним из свидетельств этих проникновений, позволяют решить вопрос относительной хронологии восточноприбалтийских комплексов с аборской и пористой сетчатой керамикой. До настоящего времени исследователям не удавалось достоверно разделить эту керамику на отдельные хронологические группы [2, с.81]. Судя по литературе, оба типа керамики на восточноприбалтийских стоянках в закрытых комплексах не встречены. Залегая в одних литологических горизонтах, они получали одинаковые естественнонаучные датировки - руб. III-II - 1-я четв. II тыс. до н.э. [2, с.121-122]. На основании типологических особенностей керамика аборского типа определялась специалистами как более ранняя, а пористая сетчатая керамика - как более поздний тип, формирующийся в комплексах с аборской керамикой в результате какого-то инокультурного влияния. При этом пористая сетчатая керамика не рассматривалась как хронологически самостоятельный тип, встречающийся в отдельно функционировавших комплексах. Обособленные находки этих типов керамики на стоянке Стан 1 в ямах двух последовательно существующих комплексов позволяют достоверно решить этот вопрос. Керамика аборского типа действительно является более ранней по сравнению с пористой сетчатой керамикой. Но более поздняя пористая сетчатая керамика представляет собой самостоятельный культурно-хронологический тип, генезис которого еще ждет своего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров В.В. Отчет о раскопках стоянок на оз.Удомля в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N 11002.
2. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
3. Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р.Эмайыги. Таплин, 1959.
4. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
5. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т.2. Л., 1978.
6. Воронин К.В., Сидоров В.В. Стоянка эпохи бронзы на р.Юхоть // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып.1.
7. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Рига, 1988.
8. Зимина М.П. Неолит бассейна р.Мсты. М., 1981.
9. Зимина М.П. Каменный век бассейна р.Мсты. М., 1993.

*Институт археологии РАН,
Москва*

K. V. Voronin

**THE STAN I SITE AND ITS POSITION AMONG
THE MONUMENTS OF THE ENEOLITHIC - BRONZE AGE IN THE VALDAY HILLS
AND THE UPPER VOLGA REGION**

Summary

The article surveys the Eneolithic and the Bronze Age materials taken from the insular site Stan I at the Syezha river in the Udomlya district, Tver region. The monument was discovered in 1979 and almost completely excavated in 1984 by V.V.Sidorov.

The finds located in the archaeological layer belong to four complexes: the Middle Neolithic (the Lyalov type), the Later Neolithic (the Valday type), the Eneolithic (similar to the Abora type from the Eastern Latvia), the Early Bronze (the East Baltic net - pottery type), and the Middle ages.

The monument's characteristics are rather peculiar. The island itself is of a comparatively small size. There are pits and stone masonry for making fire, highly specialized stone tools and an obviously ritual (?) grave where a human skull is buried. There is also planigraphy and no special area for household activities. This all lead us to the assumption that during the Final Neolithic and the Early Bronze Age (the end of IIIrd - the first quarter of the IIrd millenium B.C.) the monument was used for the ritual purposes.

The finds from the Stan I dated by the Eneolithic and the Bronze Age are not typical for the Valday region and the Upper Volga. Materials akin to them are found in the East Baltic region. The relations of the Valday Hill's people and the populations of the East Baltic region are rooted in the Neolithic period (the pit-comb ware in the Baltic region, the amber decorations in the Valday). The materials found in the Stan I site show that there were contacts of the Valday people and the population of the Baltic region, the latter intensively penetrating into the neighbouring areas. In additions, these materials help to chronologically position the East-Baltic complexes with their Abora and porous netpottery. The latter type represents a later and independent culture-chronological phenomenon, the origins of which should be studied.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

Е. В. Волкова
КЕРАМИКА ВОЛОСОВО-ДАНИЛОВСКОГО
И БАЛАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКОВ.
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ
ТРАДИЦИЙ

Широко применяемый в последнее время историко-культурный подход к изучению древней глиняной посуды предполагает, в первую очередь, выделение и изучение конкретных культурных традиций в гончарстве древнего населения.

Культурными традициями в гончарстве принято называть устойчивые навыки труда по изготовлению глиняной посуды, передаваемые из поколения в поколение путем непосредственного обучения мастером ученика. Такая передача навыков труда в доремесленную эпоху проходила преимущественно по родственным каналам. Поэтому изменение культурных традиций в гончарстве определенной группы населения говорит, как правило, об изменении в составе этой группы за счет притока в нее носителей иных гончарных традиций и их смешения с местными гончарами.

С помощью разработанной А.А.Бобринским системы технико-технологического анализа керамики, направленной на выделение и изучение навыков труда древних гончаров, выяснилось, что навыки труда, относящиеся к разным ступеням гончарного производства, реагируют на процессы смешения с разной скоростью: быстро, в течение жизни одного поколения (приспособительные навыки) и медленно, в течение жизни 5-6 поколений (субстратные) [1]. К первым относятся навыки по отбору и подготовке исходного сырья, составлению формовочных масс, механической обработке поверхностей сосудов, ко вторым - навыки по изготовлению начина, полового тела и формообразованию. По изменению приспособительных навыков можно судить о процессах, происходивших непосредственно в среде изучаемого населения (усложнение его состава и т.п.). Субстратные навыки служат источником информации о предыстории и истории сложения этого населения.

В рамках данного подхода разработана система методов, направленная на выделение исходной информации о гончарстве и изучение на ее основе этнокультурной истории древнего населения.

Система включает в себя методы: микроскопического анализа, физического моделирования, технологического и структурного анализа орнамента, анализа форм сосудов по их общей пропорциональности и метод реконструкции культурных традиций в гончарстве, о котором кратко сказано выше.

Суть микроскопического метода исследования керамики состоит в изучении археологического черепка под микроскопом с целью выделения "следов" тех или иных навыков труда древнего гончара. Наблюдаемые "следы" для их интерпретации сравниваются с различными эталонными сериями, изготовленными сотрудниками лаборатории "История керамики" ИА РАН.

Метод структурного анализа орнамента был разработан автором для выделения и изучения орнаментальных стилистических традиций в гончарстве древнего населения. В структуре любого

орнамента на посуде выделяются 4 уровня: элемент, образ, мотив и композиция (рис.1). В качестве простейшей части орнамента (элемент) принято рассматривать один отпечаток или одну проведенную линию. Из элементов складываются образы. Образ - это совокупность элементов, воспринимаемая как целое на уровне мотива. Под мотивом понимается система организации образов. Система организации мотивов на поверхности сосуда представляет собой композицию. Такой подход позволяет выделить стилистические орнаментальные традиции на каждом из четырех структурных уровней и проследить отдельно динамику их развития.

Метод анализа форм сосудов по их общей пропорциональности является частью системы изучения форм сосудов, разработанной А.А.Бобринским на большом этнографическом и археологическом материале [2]. Выявленные с его помощью объективные зависимости отражают степень сформированности представлений гончара о пропорциях сосудов разных категорий.

Данная система методов анализа была применена при исследовании глиняной посуды фатьяновских и балановских племен, обитавших на территории Верхней и Средней Волги во II тыс. до н.э. и генетически связанных с кругом культур "шнуровой керамики и боевых топоров".

В настоящее время остается открытым вопрос о том, являются ли памятники балановских племен особой археологической культурой [3] или их следует рассматривать как средневожскую локальную группу единой фатьяновской культуры [4]. Ряд фатьяновских могильников на Верхней Волге, керамика которых имеет как фатьяновские, так и балановские черты, сторонники выделения особой балановской культуры относят к памятникам последней. Волосово-Даниловский могильник (раскопки Д.А.Крайнова) не является таким спорным памятником, тем не менее некоторая часть его керамики имеет балановские черты. По количеству погребений (более 100), характеру расположения могильных ям (родовое кладбище), а также по аналогиям в погребальном обряде и инвентаре Волосово-Даниловский могильник, датируемый примерно 1700 г. до н.э., особенно близок Балановскому могильнику балановских племен. Поэтому сравнительный анализ гончарных традиций населения, оставившего эти могильники, поможет уточнить характер взаимоотношений между фатьяновскими и балановскими племенами в период расцвета фатьяновской культуры.

Исследование культурных традиций проводилось соответственно ступеням гончарного производства. У фатьяновских гончаров зафиксированы доминирующая традиция использования сильноожегленной глины (98% от всей керамики могильника) и слабая традиция использования слабоожегленной глины (2%). У балановских гончаров на этой ступени производства выделяются три традиции: 1) использование сильноожегленных глин (64%), 2) слабоожегленных глин (28%) и 3) нежегленных глин (8%).

После добычи глины фатьяновские гончары какое-то время выдерживали ее, а перед употреблением переминали. У балановских гончаров помимо этого существовала также традиция высушивания и дробления глины при ее подготовке (18% от всей керамики могильника). Искусственные минеральные примеси - шамот и дресва - после дробления просеивались, и в формовочную массу вводились частицы не более 2,5 мм в диаметре. Для изготовления шамота фатьяновские и балановские гончары использовали свою собственную посуду.

При исследовании навыков труда по составлению формовочных масс глиняной посуды у фатьяновцев выделены три традиции: 1) Г+О+Ш (69%, Г - глина, О - экскременты животных, Ш - шамот), 2) Г+О+Д (2%, Д - дресва), 3) Г+О+Ш+Д (28%), у балановцев одна - использование рецепта Г+О+Ш (100%), а в отдельных случаях при том же рецепте зафиксированы смеси из двух природных глин.

По имеющимся данным, фатьяновские и балановские гончары имели одинаковые субстратные навыки труда. Они делали сосуды с помощью форм-моделей, преимущественно спирально-лоскутным способом. Причем, различные части сосуда сначала лепились отдельно и лишь затем соединялись. Кроме того, для гончаров обоих племен зафиксирована традиция "двуслойного" налета. Форму сосуду гончары придавали не только с помощью специальной формы-модели, но и путем последующего выбивания специальной колотушкой его стенок.

У фатьяновцев и балановцев были распространены два способа механической обработки поверхностей сосудов: заглаживание и лощение. Обычно внешняя поверхность сосуда лощилась,

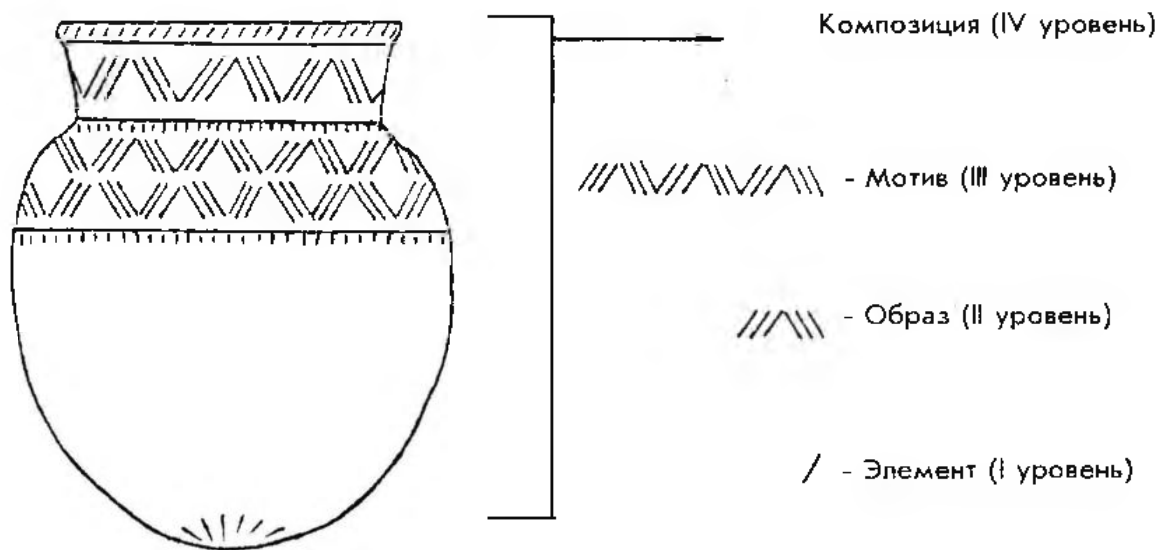

Рис. 1. Структурные уровни орнамента

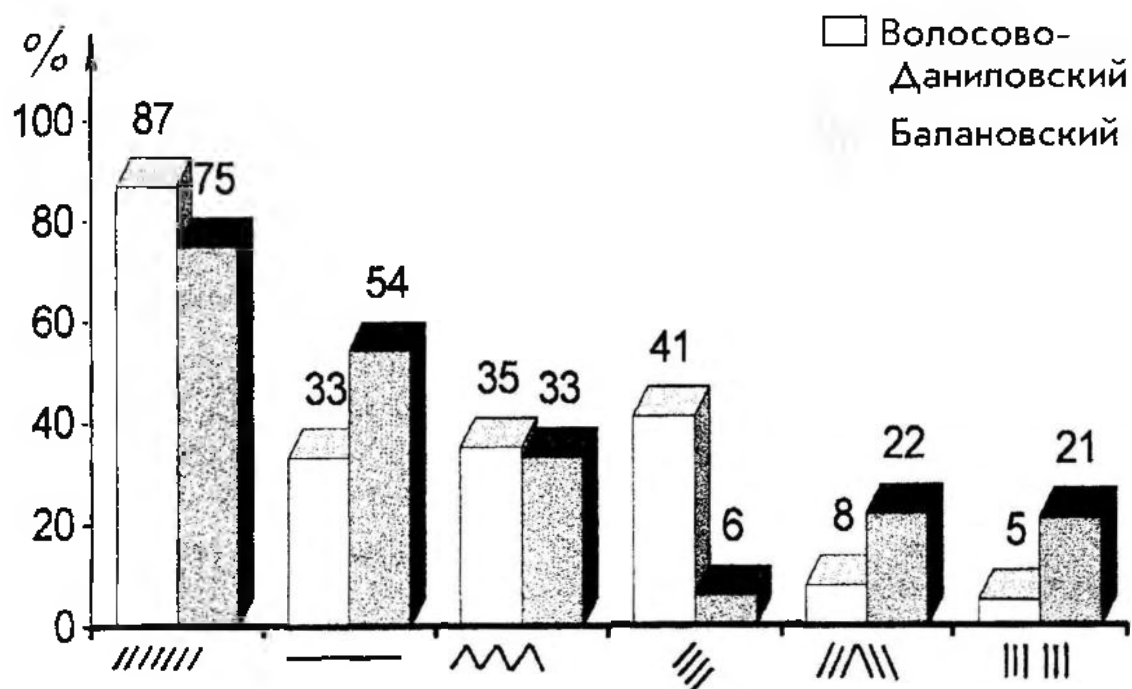

Рис. 2. Соотношение массовых орнаментальных образов на посуде Волосово-Даниловского и Балановского могильников

а внутренняя - заглаживалась. Но у фатьяновцев доминировала традиция лощения по еще влажной основе, а у балановцев - по полностью высушенной основе.

Анализ форм показал, что категории фатьяновских амфор и кубков не имели своего собственного стандарта, а делались по одной модели пропорциональности с шаровидными горшками. Среди балановской посуды отсутствует категория кубков, а амфоры, шаровидные горшки и амфоровидные сосуды имели в своей основе по две разных, с точки зрения общей пропорциональности, модели. Учитывая широкое использование гончарами форм-моделей, можно предположить, что общая пропорциональность сосудов определялась именно использованной мастером моделью. Если это действительно так, то у фатьяновских гончаров были достаточно близкие формы-модели для изготовления шаровидных горшков, амфор и кубков, а балановские гончары имели особые формы-модели для разных категорий посуды. В обоих могильниках преобладает орнаментированная посуда. По технологическому анализу орнамента наиболее распространенными орнаментами у обеих групп населения были зубчатый и гладкий штампы. Ими наносили отпечатки либо под прямым углом к поверхности сосуда, либо наклонно к ней. Специфика орнаментальных традиций исследуемых племен проявляется при стилистическом анализе орнамента (начиная со второго структурного уровня).

При выделении массовых образов (более 20% от всей орнаментированной керамики могильника) на волосово-даниловской и балановской посуде отмечены три общих образа - горизонтальный ряд вертикальных и наклонных линий, горизонтальный зигзаг и прямая линия - и образы, специфичные для каждой группы (рис.2). У волосово-даниловцев к ним относится неоконтуренный ромб (41%), а у балановцев - группы параллельных переменного наклона линий (22%) и группы вертикальных линий (21%). У каждой группы населения есть также свои характерные, но не являющиеся массовыми образы. У волосово-даниловцев - это различные варианты ромба, у балановцев - заштрихованный зигзаг.

На третьем структурном уровне (мотив) различия фатьяновских и балановских орнаментальных традиций усиливаются. Общий массовый образ "горизонтальный зигзаг" на фатьяновской посуде чаще всего расположен в 1 ряд, на балановской - в несколько рядов. Косая решетка, распространенная на посуде обеих групп, у фатьяновцев служит разделителем (или ограничителем) орнаментальных зон, а у балановцев выступает преимущественно в качестве основного орнамента. Два ряда параллельных переменного наклона линий на балановской посуде составляют косой крест (рис.1), что совершенно не свойственно фатьяновской керамике. Различные варианты фатьяновских ромбов также имеют свои мотивы. Так, для неоконтуренного ромба характерен шахматный мотив, а все остальные ромбы, исключая ромб с решеткой, расположены, главным образом, в 1 ряд.

На четвертом структурном уровне (композиция) в ходе количественного анализа выяснилось, что у обеих групп населения доминирует двухзональный орнамент (не считая орнаментов на донной части сосудов), хотя у балановцев больше сосудов с тремя орнаментальными зонами и есть сосуды с четырехзональным орнаментом.

При сопоставлении различных балановских традиций (в технологии, формах и орнаментике), проявившихся в керамике Волосово-Даниловского могильника, сделаны следующие наблюдения:

1. Балановская традиция использования слабоожеженной глины зафиксирована по 8 сосудам, пять из которых - амфоры. Она сочетается, в основном, с рецептом Г+О+Ш. Анализ орнамента на этих сосудах показал, что на четырех из них представлены только балановские орнаментальные традиции, на трех - традиции, свойственные и тем и другим гончарам, а на одном - смешанные - фатьяновско-балановские орнаментальные традиции. При сопоставлении этих сосудов с остальными сосудами из данных погребений выяснилось, во-первых, что сосуды из одного погребения делались, как правило, разными гончарами, во-вторых, что все остальные сосуды в исследуемых погребениях имеют либо смешанный фатьяновско-балановский, либо фатьяновский орнамент.

2. Девять волосово-даниловских амфоровидных сосудов имеют пропорции, близкие балановским амфорам. Пять из них сделаны по рецепту Г+О+Ш+Д, остальные - по рецепту Г+О+Ш.

Только по трем сосудам зафиксированы смешанные фатьяновско-балановские орнаментальные традиции, на остальных сосудах орнамент фатьяновский. Остальные сосуды, находившиеся в погребениях с данными амфорами, также дают преимущественно фатьяновские технологические и орнаментальные традиции.

Это можно объяснить тем, что появление фатьяновских амфор низких пропорций не связано с балановским влиянием, либо тем, что данное влияние было опосредованным (использование балановских форм-моделей или подражание балановским амфорам).

3. Почти все фатьяновские сосуды с балановскими орнаментальными образами и мотивами сделаны по рецепту Г+О+Ш, а остальные сосуды в этих погребениях имеют смешанный фатьяновско-балановский орнамент и сделаны по двум рецептам Г+О+Ш и Г+О+Ш+Д.

Трехзональный орнамент присутствует, главным образом, на амфорах. На них фиксируются либо фатьяновско-балановские смешанные орнаментальные традиции, либо орнаментальные традиции, характерные для обеих групп населения. Сосуды сделаны по двум рецептам: Г+О+Ш и Г+О+Ш+Д.

В небольшой группе керамики из Балановского могильника выделяются фатьяновские орнаментальные традиции, в частности "ромбы", организованные, в основном, в один ряд. Но при этом здесь абсолютно не фиксируется рецепт Г+О+Ш+Д, широко распространенный у фатьяновцев.

Таким образом, сравнительное исследование культурных традиций в гончарстве населения, оставившего Волосово-Даниловский и Балановский могильники, показало, что фатьяновские и балановские гончары имели одинаковые субстратные навыки труда и близкие, но имеющие некоторые особенности приспособительные навыки труда.

При общей близости имеют свою особенность и балановские формы сосудов, что, возможно, объясняется наличием у балановских гончаров особых форм-моделей для каждой категории посуды. То же можно сказать и об орнаментальных традициях: есть общие для обеих групп населения и присущие каждой из них в отдельности.

В целом по керамике исследуемых могильников фиксируются как несмешанные фатьяновские и балановские, так и смешанные фатьяновско-балановские гончарные традиции. Это смешение проявляется практически во всех приспособительных навыках труда, а также в орнаментальных традициях на разных структурных уровнях.

Знание источниковедческих особенностей культурных традиций в гончарстве позволяет утверждать, что эти смешанные традиции есть результат взаимных брачных контактов между фатьяновским и балановским населением. Различные по глубине уровни смешения культурных традиций населения, оставившего Волосово-Даниловский могильник, свидетельствуют о достаточной устойчивости этих брачных связей.

Анализ гончарных традиций населения всех локальных групп фатьяновской культуры показывает, что основной контактной зоной фатьяновских и балановских племен была территория ивановской локальной группы. Поэтому в Волосово-Даниловском могильнике, расположенном западнее, фиксируются преимущественно не чистые балановские, а смешанные фатьяновско-балановские традиции.

Результаты исследования культурных традиций в гончарстве хорошо согласуются с данными о наличии в Волосово-Даниловском могильнике представителей населения балановского (т.е. средиземноморского) антропологического типа, отличного от антропологического типа фатьяновцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
2. Бобринский А.А. Форма бытвой глиняной посуды Черняховской культуры (Методы анализа и классификации). М., 1984 (рукопись плановой темы - архив лаборатории "История керамики", ИА РАН).
3. Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
4. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E. V. Volkova

**CERAMICS FROM VOLOSOVO-DANILOVO AND BALANOVO CEMETERIES.
COMPARATIVE STUDY OF CULTURAL TRADITIONS**

Summary

The transformation of tradition in producing pottery reveals the way the pattern of the group culture changes with the arrival of the bearers of a different tradition and their mix-up with native potters. The research of the cultural tradition of the population, which lived around Volosovo-Danilovo and Balanovo cemeteries, based on the technological analysis of the ceramics, allows to specify the peculiarities of the relations between fatjanov's and balanov's tribes at the period of prosperity of the Fatjanov's culture. The mix-up of the fatjanov's and balanov's traditions in some groups of vessels from Volosovo-Danilovo could arise only as a result of close contacts between fatjanov's and balanov's population. The analysis of the tradition in producing pottery through all local groups of Fatjanov's culture shows that the main zone of contact between fatjanov's and balanov's tribes was the territory of Ivanov's group. That is why the Volosovo-Danilovo cemetery does not reveal a clear balanov's tradition, but shows the mix-up of both - the fatjanov's and the balanov's traditions.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

Е. В. Волкова
КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ
ФАТЬЯНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
(по материалам могильников Новинки 1-2)

Статья посвящена изучению культурных традиций в гончарстве фатьяновского населения, оставившего могильники Новинки 1 и 2 на р.Шоше в Калининском р-не Тверской обл. За пятилетнюю работу на этих могильниках получен большой керамический материал. Результаты предварительного исследования керамики (по раскопкам 1990-92 гг.) были опубликованы в 1994 г. [1]. Материалы, накопленные за последующие годы, ставят перед нами новые вопросы по истории древнего населения, часть из которых можно решить с помощью анализа культурных традиций данного населения в сфере гончарного производства.

В течение 1990-1994 гг. экспедицией Тверского государственного объединенного музея исследовалась полоса, тянущаяся между грунтовой дорогой и рыбоотстойниками 2 и 3 в 1,8 км от д.Новинки, на которой было обнаружено (И.Н.Черных, А.П.Ланцевым и А.В.Курбатовым) два грунтовых фатьяновских могильника (Новинки 1 и 2), занимающих площадь около 27000 кв. м. К настоящему времени раскопаны 4 участка на могильнике Новинки 1 и 2 участка на могильнике Новинки 2. Ввиду того, что работы имели охранный характер, раскопы были заложены в местах находок фатьяновских вещей на раздернованной или поврежденной современной поверхности.

Материалы всех раскопанных участков хронологически соотносятся с Никольским и Волосово-Даниловским этапами развития фатьяновской культуры по периодизации Д.А.Крайнова, т.е. датируются XVIII-XVI вв. до н.э. [2, с.39].

Выделение двух могильников на исследованной площади достаточно условно, хотя расстояние между могильниками (около 360 м) значительно превышает расстояние между отдельными раскопанными участками в пределах каждого могильника. Так, расстояние между участками 1 и 2 могильника Новинки 1 около 200 м, а между участками 2 и 3-4 - 15 м. На могильнике Новинки 2 расстояние между двумя участками - 180 м.

Дневная поверхность площадки, на которой расположен могильник Новинки 2, практически вся раздернована. Тщательное ее исследование между участками 1 и 2 показало полное отсутствие здесь других фатьяновских вещей. Это говорит о вероятном отсутствии здесь других фатьяновских погребений. Нет фатьяновских вещей также на раздернованных участках между могильниками Новинки 1 и 2. Несколько иная ситуация на могильнике Новинки 1, где пространство между раскопанными участками, в основном, представляет собой хорошо задернованную поверхность. Здесь, скорее всего, можно ожидать продолжение могильника.

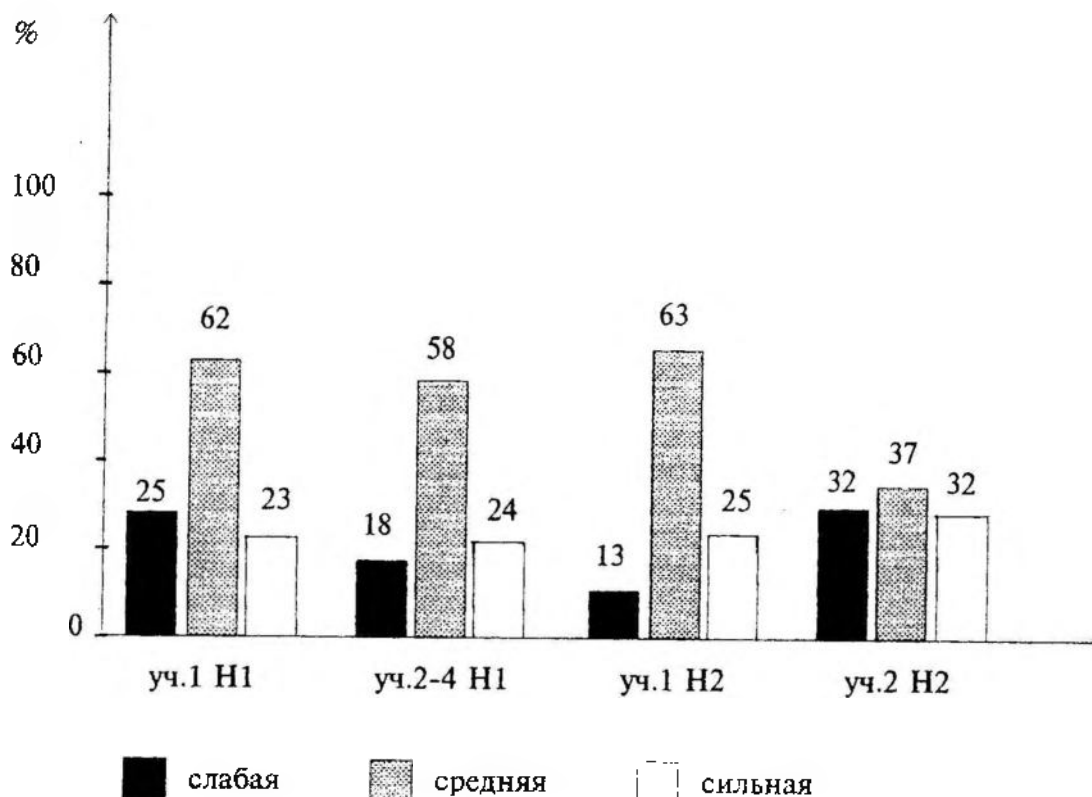

Рис. 1. Степень запесоченности природных глин посуды разных участков могильников Новинки 1 и 2

Таким образом, можно предполагать неслучайную обособленность раскопанных могильных групп.

Участки различаются между собой раскопанной площадью, количеством и плотностью расположения могильных ям и, частично, погребальным инвентарем. На участке 1 могильника Новинки 1 (Н1) (раскопанной площадью 464 кв. м) найдены 3 могильные ямы на расстоянии 6-8 м друг от друга. На участке 2 Н1 (площадью 24 кв. м) раскопаны 4 могильные ямы, две из которых частично перекрывают друг друга. Расстояние между остальными ямами 0,5-3 м. После соединения раскопом участков 3 и 4 Н1 их общая площадь составила 526 кв. м. Здесь было обнаружено 8 могильных ям, четыре из которых перекрывают друг друга или примыкают вплотную друг к другу. Расстояние между остальными могилами 0,5-3,5 м.

На участке 1 могильника Новинки 2 (Н2) (площадью 232 кв. м) раскопано 5 могильных ям, расстояние между которыми было 2-3 м. Наконец, на участке 2 Н2, площадью 52 кв. м, раскопан погребальный комплекс, который включает в себя основное и дополнительное погребения. Над основной могилой, возможно, была сооружена наземная конструкция, от которой сохранилось 5 больших столбовых ям и две ямы поменьше, сдвоенные в виде восьмерки. Судя по стратиграфии, дополнительное захоронение в отдельной яме было сделано чуть позже, чем основное. Вероятно, из-за него удлинени наземную конструкцию, и в этом месте сохранилась еще одна небольшая столбовая яма. Кроме того, в верхних частях обеих могильных ям фиксируются мощные кострища со следами сильного прокаливания грунта.

Предварительные исследования материалов могильника Новинки 1, проведенные И.Н.Черных, А.П.Ланцевым и мною, показали, что участки 2 и 3 представляют собой единый культурный комплекс, несколько отличный от комплекса участка 1 (1;3). Дальнейшие работы на участках 3 и 4 подтвердили эти выводы. Таким образом, участки 2-4 Н1 можно рассматривать как единую могильную группу. Большая плотность расположения могил и наличие частично перекрывающихся друг друга могил позволяют предположить, что здесь было родовое кладбище типа Волосово-Даниловского могильника в Ярославской области. Все остальные раскопанные участки отличаются

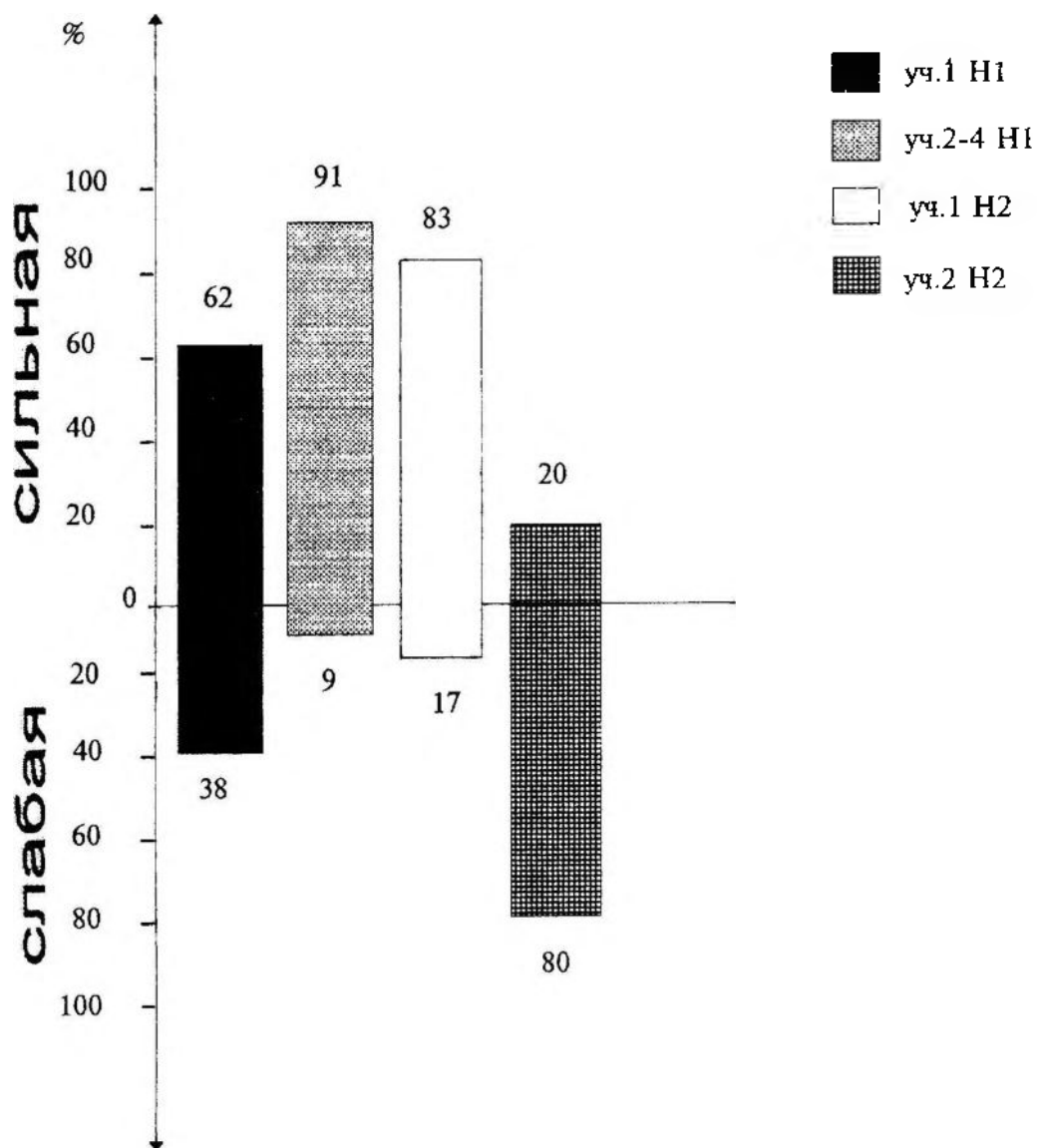

Рис. 2. Степень ожелезненности природных глин посуды разных участков могильников Новинки 1 и 2

друг от друга плотностью расположения могил, погребальным обрядом и инвентарем. Это позволяет предполагать, что за данными различиями стоят разные культурные микрогруппы фатьяновского населения.

Выявленные различия между участками определили цель данного исследования - сравнительный анализ культурных традиций в гончарстве фатьяновского населения выделенных четырех микрогрупп. По результатам такого анализа делается попытка ответить на ряд вопросов об истории изучаемого населения: во-первых, существовали ли действительно эти четыре культурные микрогруппы; во-вторых, если они существовали, то как они были взаимосвязаны.

Всего было изучено 80 сосудов (8 - уч.1 Н1, 37 - уч.2-4 Н1, 11 - уч.1 Н2 и 24 - уч.2 Н2) различной сохранности. Обычно сосуды, сохранившие форму в земле, сразу после их извлечения из грунта, подсыхая, начинают разваливаться по имеющимся многочисленным трещинам. Большая часть сосудов найдена в погребениях уже в раздавленном виде. Эти сосуды практически не поддаются реставрации.

В заполнении отдельных могильных ям встречаются также отдельные фрагменты фатьяновских глиняных сосудов. В целом, из 80 сосудов 49 - целые или их развалы, а остальные представлены лишь обломками.

Целых и реставрированных сосудов пока недостаточно для изучения их формы, но уже сейчас можно определенно сказать, что здесь имеются все четыре категории посуды, распространенные у фатьяновцев. Это сосуды с шаровидным туловом и выделенной шейей, амфоровидные сосуды, кубки и миски.

В результате специального анализа посуды были реконструированы, во-первых, субстратные технологические традиции, которые, как хорошо известно, обладают очень большой устойчивостью в условиях смешения населения и по которым, в силу этого, можно судить об истории сложения изучаемого населения; во-вторых, приспособительные технологические традиции, которые, напротив, первыми начинают изменяться во время процессов смешения [4, с.242-244] и поэтому могут быть источником информации о процессах, протекавших непосредственно в среде изучаемого населения (в частности, изменение его культурного состава); в-третьих, орнаментальные традиции на посуде, которые также меняются определенным образом в условиях смешения населения разных культурных групп [5].

Наиболее устойчивые субстратные навыки фатьяновских гончаров, к которым относятся навыки по конструированию сосудов и навыки придания сосудам формы, оказались общими у населения всех участков. Новинковские гончары лепили сосуды с помощью форм-моделей лоскутно-спиральным налепом. Сосуд лепился из нескольких частей, обычно емкость его делалась из двух-трех отдельно вылепленных частей, а затем к ней примазывалось горло. Часто дно и стенки сосуда создавались путем наращивания друг на друга двух последовательных слоев глины (так называемая "двуслойность"). Лепка сосудов с помощью особых форм-моделей обычно сочеталась с последующим выбиванием их стенок и дна специальной колотушкой.

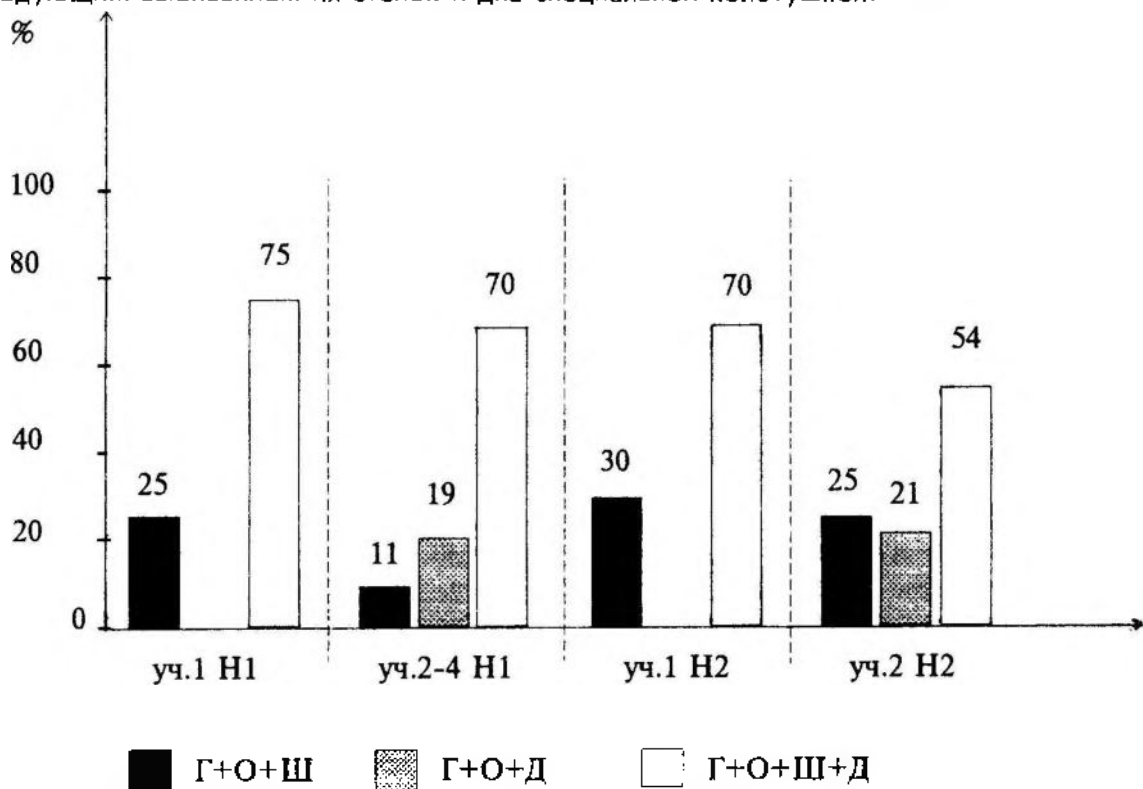

Рис. 3. Соотношение рецептов формовочных масс посуды на разных участках могильников Новинки 1 и 2

Общие традиции фиксируются также и в приспособительных, быстро меняющихся при смешении, навыках труда гончаров. Так, для всех групп (кроме уч.2 Н2) было характерно преимущественное использование среднезапесоченных, сильноожеженных глин (рис.1 и 2). Кроме того, во всех группах доминировал рецепт: глина (Г) + экскременты животных (О) + шамот (Ш) + дресва (Д), который новинковские гончары предпочитали использовать при составлении формовочных масс для своей посуды (рис.3).

Практически все сосуды орнаментированы. Анализ орнаментальных традиций позволяет выделить 10 орнаментальных образов, связывающих друг с другом разные группы (рис.4), три из этих образов (горизонтальная линия, горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий, горизонтальная елочка) были характерны для всех четырех групп.

Тождественные субстратные и близкие приспособительные традиции в технологии, а также наличие общих орнаментальных традиций позволяют сделать вывод о культурном единстве населения, оставившего исследуемые могильные группы, как в далеком прошлом, так и в период существования могильников.

Однако, наряду с отмеченными выше чертами сходства, известные различия между населением разных групп проявлялись и в приспособительных навыках труда гончаров, и в орнаментальных традициях. По навыкам отбора исходного сырья отличались от других только гончары уч.2 Н2. Они предпочитали использовать слабожелезненные глины разной степени запесоченности (рис.1 и 2). У гончаров этой группы шире, чем у гончаров других групп, были распространены рецепты Г+О+Ш и Г+О+Д (рис.3).

Наиболее близкими по приспособительным навыкам труда оказались, с одной стороны, гончары уч.1 Н1 и уч.1 Н2, а с другой - гончары уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2. У первой пары были распространены только две традиции составления формовочных масс (Г+О+Ш и Г+О+Ш+Д), у второй - три (Г+О+Ш, Г+О+Д и Г+О+Ш+Д).

Но наиболее ярко своеобразие керамических комплексов разных микрогрупп проявляется в орнаментальных традициях (технологических и стилистических).

Гончары уч.1 Н1 орнаментировали свою посуду преимущественно гладким штампом. Гончары уч.1 Н2 в равной мере пользовались как зубчатым штампом, так и инструментом с гладким лезвием, которым прочерчивали орнамент на поверхности сосуда. Причем, эти гончары совсем не использовали для орнаментации своей посуды "шнур", характерный для остальных новинковских групп. Посуда с участков 2-4 Н1 и уч.2 Н2 орнаментирована, главным образом, зубчатым штампом, но на посуде с уч.2 Н2 достаточно часто фиксируется и гладкий штамп.

При структурном анализе орнамента специфические традиции для каждой группы выделяются на уровнях "образа" и "мотива".

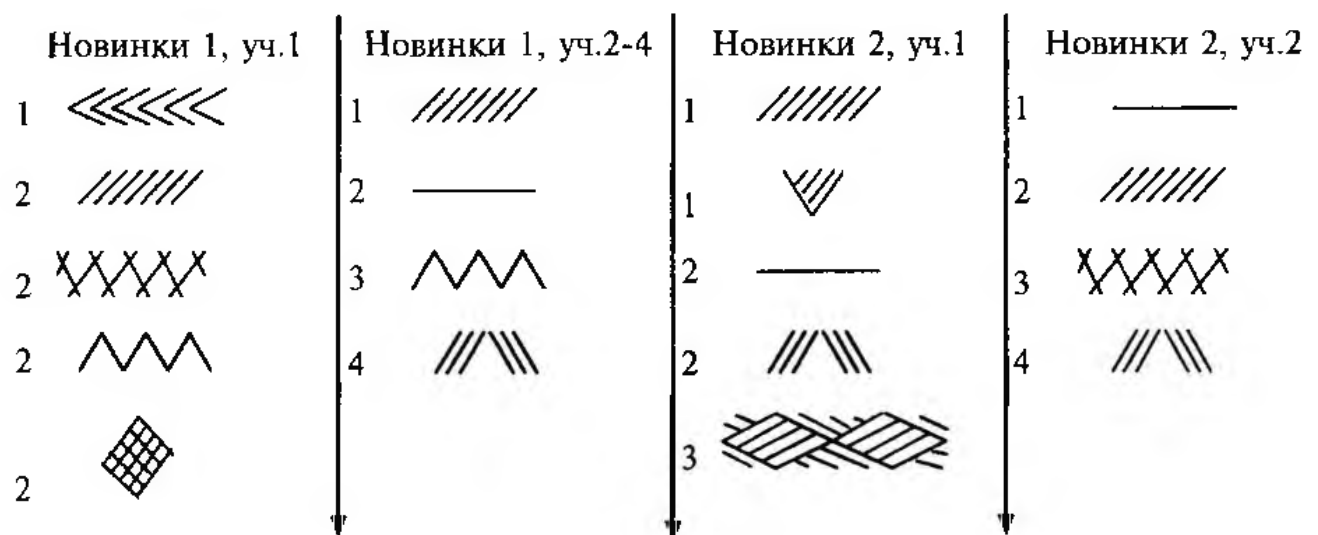

Рис. 4. Массовые орнаментальные образы на посуде разных участков могильников Новинки 1 и 2.
Примечание. Цифрами обозначена относительная степень встречаемости массовых образов на посуде каждого участка

Выяснилось, что каждая группа имеет свой собственный набор массовых орнаментальных образов (рис.5). (В данном случае массовыми принято называть образы, которые встречаются более чем на 20% орнаментированной посуде от каждой группы). На рисунке 5 изображены

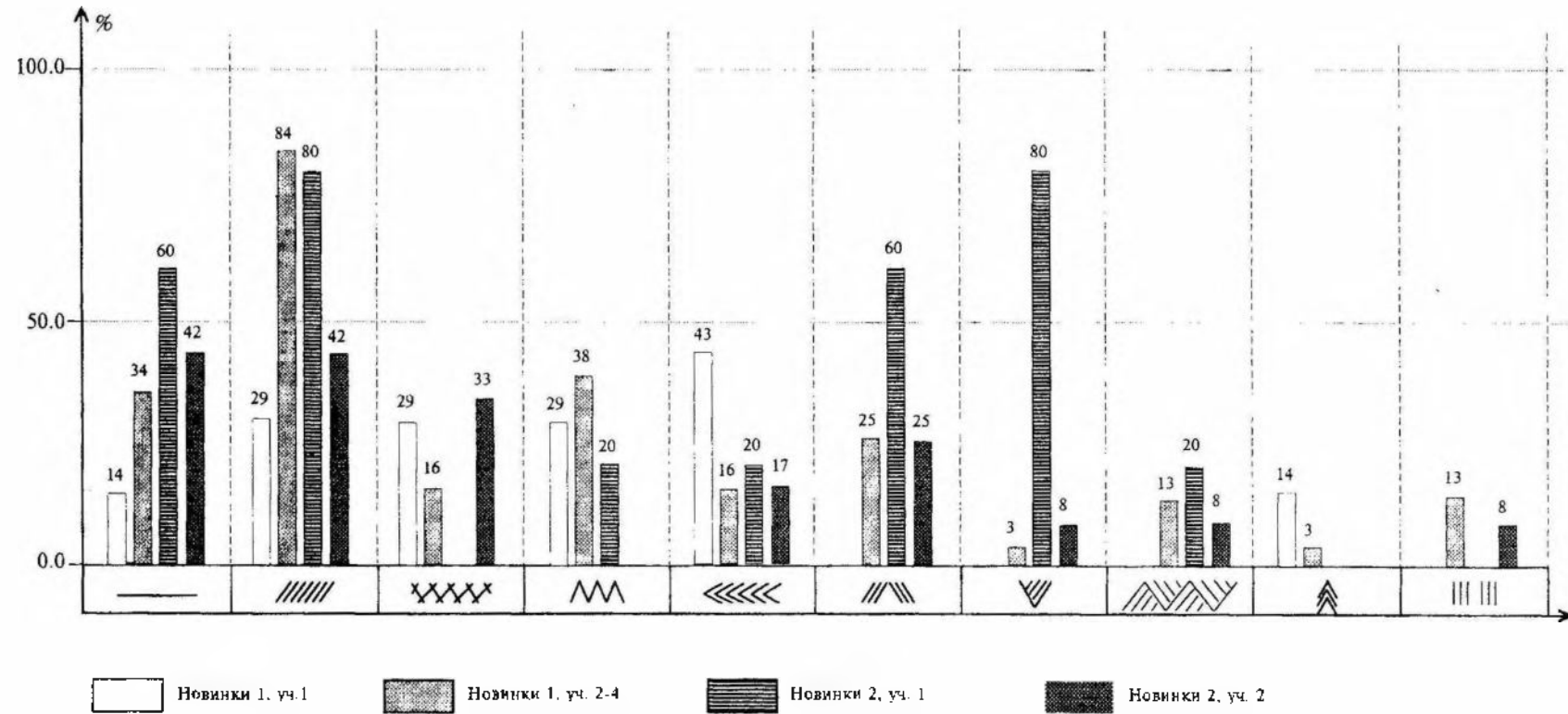

Рис. 5. Массовые орнаментальные образы на посуде разных участков могильников Новинки 1 и 2

массовые образы в порядке убывания их распространенности в рамках каждой группы. На этом уровне наиболее близкими оказались традиции населения уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2.

Керамика уч.1 Н2 имеет наиболее сложные орнаментальные образы. Причем, эти образы устойчиво повторяются на разных сосудах. Так, заштрихованный треугольник вершиной вниз на двух сосудах этого участка имеет как бы "бахрому" по двум сторонам. Кроме того, для этой группы массовым является достаточно редкий образ заштрихованных ромбов, сочетающихся с заштрихованными треугольниками. Керамика уч.1 Н1 выделяется массовым использованием в орнаменте горизонтальной елочки и ромба с решеткой.

На уровне орнаментальных мотивов специфика каждой группы еще больше углубляется. Оказывается, что образы, общие для всех или почти всех групп, употребляются в каждой группе в своих мотивах. Так, прямая линия на посуде уч.1 Н2 и уч.2 Н2 выступает только в качестве разделителя орнаментальных зон, на уч.1 Н1 - только в качестве основного орнамента, а на уч.2-4 Н1 - в качестве и разделителя, и основного орнамента. Горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий используется во всех группах как разделитель зон, но на посуде уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2 он встречается также в качестве основного мотива. Образ "косая решетка", распространенный на керамике трех участков (уч.1 Н1, уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2), на первом имеет только функцию разделителя, а на двух последних - и разделителя, и основного мотива, причем, преимущественно именно основного мотива. Горизонтальный зигзаг на посуде уч.1 Н1 располагается только в два ряда, а на посуде уч.2-4 Н1 - только в 1 ряд.

Таким образом, на уровне мотивов, так же, как и на уровне образов, ближе всего по орнаментальным традициям оказались группы уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2.

Отмеченные особенности в приспособительных навыках труда и орнаментальных традициях разных культурных микрогрупп свидетельствуют об определенных различиях в составе населения этих групп. Наряду с этим, сходство как технологических, так и орнаментальных традиций населения, оставившего уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2, отражает большую культурную близость населения данных двух микрогрупп.

Важно подчеркнуть, что керамический комплекс уч.2 Н2, несмотря на явную близость к уч.2-4 Н1, по приспособительным технологическим традициям сильно отличается от всех групп. Все многообразие видов исходного сырья и рецептов формовочных масс керамики данного комплекса связано, главным образом, с посудой из кострища дополнительного погребения, в котором были найдены обломки от 15 сосудов. В кострище основного погребения обнаружены обломки только двух сосудов. Причем, сосуды, найденные в кострищах обоих погребений, были принесены на тризну уже в разбитом виде. Особый характер погребальной конструкции и инвентаря комплекса уч.2 Н2 позволяет предположить, что основное захоронение представляет собой погребение нерядового фатьяновца. В связи с этим выявленное культурное многообразие сосудов склоняет к выводу, что в данном случае на тризну приносили сосуды не только близкие родственники погребенного, как это было обычно, но и более дальние родственники.

В результате анализа культурных традиций в гончарстве исследуемого населения можно предположить практически одновременное существование населения двух микрогрупп: уч.2-4 Н1 и уч.2 Н2, а также достаточно большой временной интервал между населением двух остальных микрогрупп: уч.1 Н1 и уч.1 Н2. По плотности расположения могильных ям, характеру погребального инвентаря, а также по выделенным культурным традициям в гончарстве можно предположить, что в рамках общего времени функционирования могильников население уч.1 Н1 было наиболее ранним.

Таким образом, хотя население всех этих групп принадлежало к единой фатьяновской культуре, состав его в разных группах имел свои особенности. Это отражает, во-первых, различия во времени бытования исследуемых микрогрупп фатьяновского населения и, во-вторых, различия культурных и социальных процессов, протекавших в каждой из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е. В. Керамика могильника Новинки 1 (по материалам раскопок 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Тверь. 1994. Вып.1.
2. Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. 1987. Вып.В1-22.
3. Волкова Е. В., Ланцев А. П., Черных И. Н. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1.
4. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
5. Волкова Е. В. Культурные традиции в гончарстве неолита: по материалам Деснинской экспедиции // КСИА. 1990. Вып.201.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E. V. Volkova

CULTURAL TRADITIONS REFLECTED IN THE POTTERY OF THE FATJANOV'S POPULATION (ON THE MATERIAL OBTAINED AT THE NOVINKI 1-2 CEMETERIES)

Summary

The article is devoted to the analysis of the cultural traditions reflected in the pottery of the fatjanov's population, which left Novinki 1-2 cemeteries near the village Novinki (Tver region, Kalinin district). Both the stable and the transient traditions in the pottery were reconstructed on the basis of 80 vessels found at these two cemeteries. The author supposes that these two cemeteries were the place of the burial for four different microgroups of the fatjanov's population, and tests this hypothesis by means of comparative tecnico-technological analysis of the ceramics. As a result the author comes to the conclusion that although the population of all four microgroups belonged to the same Fatjanov's culture, the compositions of each group had its own peculiar features. This fact reflects, first, the chronological differences for each of microgroups, and second, the difference of the cultural and social processes, which these groups were characterized by.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

А. В. Курбатов

КАМЕНЬ С ПЕТРОГЛИФАМИ ИЗ г.ТВЕРИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЕВРОПЫ

В зоне современной городской застройки г.Твери, в Центральном районе, между домами № 26/1 и 28/1 по ул.Фадеева местным жителям давно известен камень с несколькими отчетливо видными знаками, лежавший на газоне у полотна проезжей части улицы. Это эрратический валун гранитогнейсовых пород серого цвета, подпрямоугольной в плане формы размером 1,3 x 1,08 м при высоте 0,47-0,59 м с заглублением основания на 0,12-0,16 м. На гранях имеются сколы и потертости позднейшего времени. Верхняя сторона плоская, несколько наклонная, с шероховатой фактурой. На ней в технике точечной выбивки сделаны изображения и/или знаки, пространственно соотносимые, и отчасти симметричные, с длинной осью валуна [1, с.67; 2, рис.1-3]. Ширина линий выделяемых знаков 1,0-1,2 см при заглубленности 0,2-0,4 см. Наиболее отчетливо видны знаки "следа", "овала", "креста" и две группы из трех параллельных линий (рис.1-2). Контурный "след" стопы человека имеет длину 28 см при ширине в пятке 7 см и в области пучков - 10 см. Видна поперечная линия внутри "следа" у пальцев и, возможно, аналогичная линия у пятки, выраженная неотчетливо. Надо подчеркнуть, что окончательное и полное выявление знаков возможно только специалистами с применением необходимой аппаратуры и методики. На продольной оси "следа" ниже "пятки" выбиты "овал" и "крест" размерами соответственно 9 x 8 см и 14 x 12 см. С двух сторон от оси "следа" под ним высечены две группы из трех параллельных линий с едва различимыми перекладинами (?) (рис.1-2). Другие возможные изображения или знаки невыразительны, а частично уничтожены современными скопами. Поверхность валуна и самих знаков патинирована и визуальнo отличается от поврежденных позднейшего времени - отколотого угла камня, выбоин на всех гранях и длинных процарапанных полос, видимо, оставленных механизмами при перемещении валуна. Известно, что район ул. Фадеева начал застраиваться в 60-е гг. нашего столетия. Так, на плане города 1913 г. современное местоположение камня установить сложно, т.к. оно выходит далеко за границы застройки, возможно, локализуется южнее дороги на немецкое кладбище. Прорезка почвы у камня показала отсутствие культурного слоя, в основании лежал строительный мусор и щебень времени планировки улицы. По словам старожилов, камень находится здесь "уже давно". Представляется вполне вероятным изначальное нахождение валуна в данной местности и позднейшее его перемещение при строительстве домов и прокладке улицы. Местоположение камня - около 2,7 км южнее берега р.Волги и примерно 0,5 км западнее большого ручья, огибавшего Бобачевскую рощу, как отмечено на современных схемах - до застройки, видимо, представляло собой часть заболоченного лесного массива. В настоящее время валун перевезен к новому зданию Тверского областного музея (ул.Советская, 5) как в целях сохранения этого уникального памятника, так и для создания в дальнейшем экспозиции природных историко-культурных объектов в продолжение опыта А.К.Жизневского в этом направлении [3, с.55-58].

Рис. 1. Камень с петроглифами на месте нахождения.
Вид с ЮВ. Фото (октябрь 1994 г.)

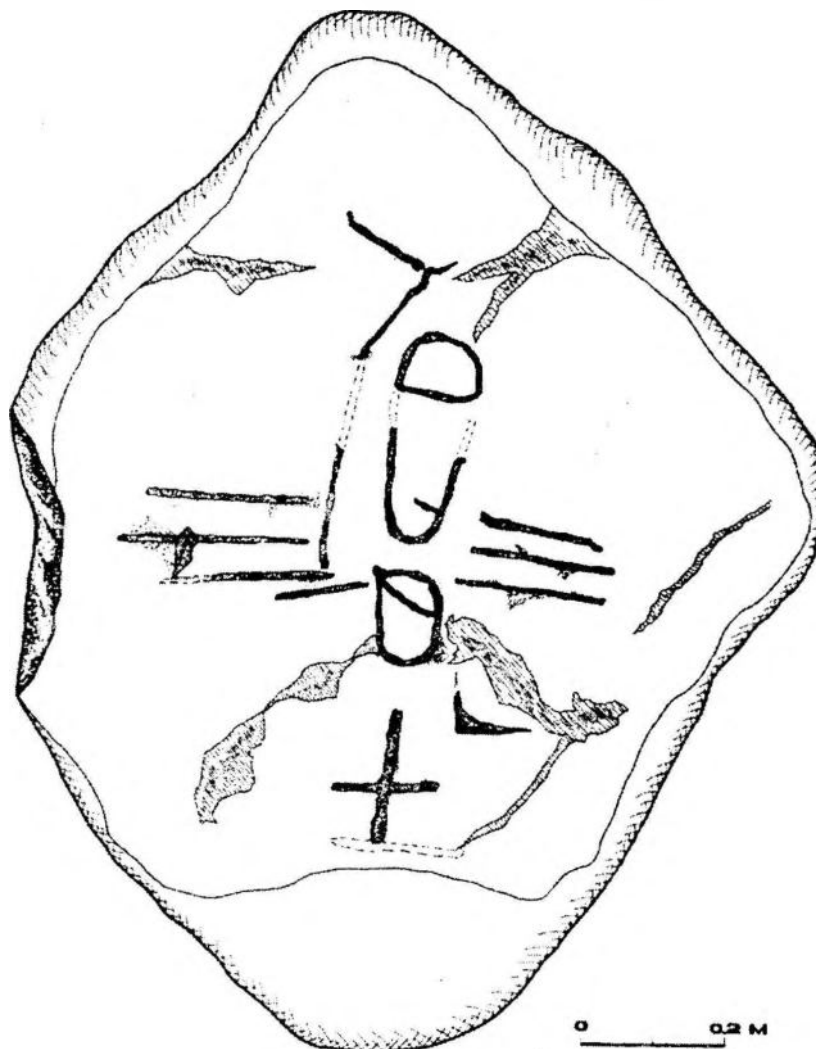

Рис. 2. Камень с петроглифами. Схема-прорисовка знаков

При отсутствии археологического контекста возле тверского валуна попытка дать культурно-хронологическую "привязку" самих изображений приводит нас к широкому спектру известных, близких по содержанию объектов: от валунов со "следами" стоп человека, распространенных на разных континентах [см, например, 4], до многочисленных комплексов петроглифов, в том числе и в Северной Европе [5, с.146]. По нашему мнению, стилистические особенности знаков и техника их нанесения позволяют сопоставлять тверскую находку с известным камнем "Щеглец", изображения на котором исследователи склонны связывать с петроглифами Скандии [6, с.130-138]. Все знаки на тверском валуне выполнены в одной технике - точечной выбивки - и сходной манере изображения - плоскостной выбивки контурной линией, что позволяет считать нанесение всех знаков одноактным действием (в условно короткое время). Композиционная связь изображений (симметричность относительно продольной оси "следа") подразумевает рассмотрение их как единого блока информации. Среди петроглифов Скандии, относимых к эпохе бронзы, находятся и многочисленные знаки "следа" стопы человека. По данным Ульфа Бертильсона для Северного Богуслена, число "стоп" колеблется в разных комплексах от 0,6 до 3,5%, составляя в среднем 1,2% [7, с.68]. Согласно разработанной М.Мальмером классификации отдельных изображений, "стопа" на тверском валуне относится к группе одиночных контурных знаков стопы в обуви с дополнительными поперечными линиями внутри контура (вид В1 в2) [8, с.59,61, рис.21,6]. В приводимых им статистических таблицах, где учтено 1016 изображений "стоп" из разных областей Скандии, знаки "обутой стопы" значительно преобладают над "босой ступней", а тип В1 (обутая одиночная "стопа") составляет среди них 36% [8, рис.12]. Знаки с внутренними поперечными линиями, по мнению М.Мальмера, являются самыми ранними изображениями подобных видов и появляются на рубеже II-III периодов эпохи бронзы [8, с.62], что соответствует в абсолютной хронологии периоду 1200-1000 л. до н.э. [9, с.173], и продолжают выбиваться в дальнейшем на протяжении IV и V периодов, т.е. между 1000 и 750 гг. до н.э. Отдельные изображения среди скандинавских групп петроглифов высекались значительно позднее - между 400 г. до н.э. и рубежом эр и даже в первые века нашей эры [9, с.173]. "Овал" на тверском камне также имеет скандинавские аналогии среди групп "кругов" и по классификации М.Мальмера является видом А0а [8, с.68, рис.22,1]. Здесь же находятся и крестовидные знаки, вписанные в окружности. Среди скандинавских изображений в разных группах часто встречаются и отдельные линии, возможно, обозначающие незавершенные изображения, например, кораблей, как это видно в группе Ёстфолда [10, табл.45,1; 60,1]. Не обращая в настоящее время к семантике тверских знаков, можно лишь отметить, что знаки "стопы в обуви" с внутренними поперечными линиями имеют прямые аналогии в реконструируемых для эпохи бронзы моделях обуви, имеющих вертикальную обмотку кожаным ремнем вокруг стопы [10, с.225; 11, с.18]. В Норвегии сейчас известны находки примитивной обуви с таким видом крепления [12, рис.5]. В разных районах Европы и Малой Азии в погребениях и в культурном слое встречаются миниатюрные подвески в виде ноги человека, где схематично показана подобная обмотка [10, рис.56; 13, кат. N 189], а также глиняные модели ноги в обуви или "сапог" с характерными признаками крепления на ноге, как, например, предметы из погребений эпохи гальштадта под Будапештом [14, рис.10,3,4].

Долгое время камень "Щеглец" на реке Вишере в Мстинском районе Новгородской области считался едва ли не единственным в лесной полосе Восточной Европы петроглифическим комплексом, кроме наскальных групп Урала и Беломорья. Изображенные на нем в технике точечной выбивки контурные знаки "стоп и ладоней", а также солярные и "грибовидные" изображения А.А.Формозов сопоставил с аналогичными рисунками из Каменной Могилы под Мелитополем и с петроглифами Скандинавии, где последние трактуются как изображения колесниц [6, с.132-133]. Близкие по стилю и технике нанесения знаки в последние годы опубликованы по территории Белоруссии. Они обнаружены на валунах у д.Стайки Логойского района, где на одном из валунов контурной линией выбиты знаки "падобны на лук са стралой ц на чалавека". Здесь же есть и изображения креста, а также "конверты" и "сонейки". Размеры стайковских знаков 0,1-0,42 м [15, с.163-167]. "Лук со стрелой" напоминает "грибовидные" знаки на "Щеглице" и также может представлять стилизованное изображение колесницы [15, с.164, рис.]. Отметим, что среди скандинавских

знаков число колесниц очень невелико. У М.Мальмера систематизирован всего 61 знак, из них 58 сосредоточены в южной части Швеции. Появление таких изображений исследователь относит к эпохе ранней бронзы [8, с.43-46].

Таким образом, находка валуна с петроглифами в Твери, равно как и другие подобные объекты, выделенные в последнее время в лесной полосе Восточной Европы (и можно надеяться, что их число будет увеличиваться), вместе с известным валуном из Новгородской области уже с большими основаниями могут включаться в единый блок подобных памятников Северной Европы, отражающих миграционные процессы общеевропейского масштаба во II-I тыс. до н.э. Большая часть петроглифических комплексов сосредоточена в прибрежных районах Европы, свидетельствуя о морских передвижениях населения, оставившего наскальные знаки [9, с.99-108]. Однако можно предполагать, что отдельные группы мигрантов продвигались и в глубинные районы Восточной Европы, доходя до Верхнего Поволжья. Археологические свидетельства для эпохи бронзы в г.Твери в настоящее время ограничены сериями отдельных находок каменных и кремневых орудий в средневековом культурном слое. Обнаружение в Твери петроглифов позволяет надеяться на выявление в дальнейшем здесь поселений и могильников 2-й пол. II - нач. I тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курбатов А.В. Камень с петроглифами в Твери // Изучение культурных взаимодействий. Новые археологические открытия: Материалы Пленума ИИМК РАН 11-14 апреля 1995 г. СПб., 1995.
2. Курбатов А.В. Разведки в Тверской области // АО-1994. М., 1995.
3. Курбатов А.В. Природные историко-культурные объекты как основа ландшафтной экспозиции // Музей в современной культуре. ТД НК. СПб., 1995.
4. *Baruch Maximilian.* Boze stopki. Warszawa, 1907.
5. *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
6. *Формозов А.А.* Камень "Щеглец" близ Новгорода и камни-"следовики" // СЭ. 1965. N 5.
7. *Bertilsson Ulf.* The Rock Carving of Northern Bohuslan // Stockholm Studies in Archaeology. Stockholm, 1987. 7.
8. *Malmer Mats P.* A Chorological Study of North European Rock Art. Stockholm, 1981.
9. *Kühn Herbert.* The Rock Pictures of Europe. London, 1966.
10. *Marstrander Sverre.* Østfolds Jardbruksristninger. Oslo, 1963.
11. *Hald Margrette.* Primitive shoes. Kopenhagen, 1972.
12. *Schia Erik.* Norges eldste sko // Viking 1985/86. Oslo, 1986.
13. Les Scandinaves et l'Europe 800-1200. 22-e exposition d'art du Conseil de l'Europe. Paris, 1992.
14. *Kalicz-Schreiber von, Rozsa.* Das spätbronzerzeitliche Graberfeld von Budapest // Praehistorische Zeitschrift. Bd.66. H.2. Frankfurt-am-Main, 1991.
15. *Ляўкоў Э.А.* М'яўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск, 1992.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

A. V. Kurbatov

THE STONE WITH CARVED PETROGLYPHS FOUND IN TVER IN THE CONTEXT OF THE ROCK ART OF EUROPE

Summary

The article deals with pieces of rock-art found in the area of the modern residential construction in Tver - an archaeological monument of the type rarely found in the forest zone of the European part of Russia. A "foot" of a man in primeval footwear, an "oval", a "cross" and two groups made of three parallel lines are carved on a boulder. The carvings are punched in a dotted contour line. All the signs carved are located symmetrically on both sides of the "foot's" axis. The author compares the newly-found signs with petroglyphs of the "Tsheglets" stone of the Novgorod region and those found on a boulder near Stayki village in Logoy district of Belorussia: both are

comparable to the rock art carvings detected in various regions of Scandia. The picture of a "foot" which can be dated by the end of the second and the beginning of the third period of the Bronze Age, is mostly wide-spread. The Tver find proves the fact that the Upper Volga region was affected by the European migration processes reflected in abundance of rock art signs concentrated along the Atlantic coast and the Baltic Sea coast.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Palace Emb., St. Peterburg,
191065, Russia*

Д.А.Крайнов

ЗАХАРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Селище и стоянка в урочище "Захарьино" Старицкого района Тверской области были открыты Верхневолжской экспедицией в 1965 г. Памятник расположен на левом берегу р.Волги за деревней Козлово в урочище "Захарьиная лощина". Вся лощина представляет собой широкую ровную площадку - "луговину", зажатую со всех сторон высокими скатами левого берега р.Волги. Высота ее над уровнем современной Волги около 4-6 м.

Еще в 1965 г. нами здесь было заложено несколько шурфов, прокопанных до глубины 70-100 см. В этих шурфах найдены вещественные остатки, характеризующие культуру Верхней Волги различных эпох: неолита, поздней бронзы и дьяковского времени. Правда, находки были очень немногочисленны.

В 1967 г. в центре лощины ближе к берегу нами был заложен более значительный раскоп. Основной раскоп располагался около шурфа N 1 1965 г. Он вытянут с С на Ю и к нему прирезана траншея, ориентированная с З на В. Раскоп был разбит на 32 квадрата 2 x 2 м каждый.

Он пройден до глубины 70-80 см.

Стратиграфия.

1. Дерн - 5 см.
2. Рыжеватая супесь - поддерновая почва - 10-25 см.
3. Гумус (черный слой - супесь) - 10-30 см.
4. Сероватый песок - 20-30 см.
5. Глина - материк.

Культурные остатки.

Культурные остатки, обнаруженные на селище и стоянке Захарьино, состоят из вещественных материалов и бытовых памятников.

Вещественные материалы обнаружены в разных геологических слоях. В раскопе наблюдаются следующие культурные слои:

1. Слой в черном гумусе - относится к дьяковскому времени;
2. Слой в сероватом песке - к эпохе бронзы и позднему неолиту.

Культурные остатки дьяковского времени состоят в основном из обломков лепной плоскодонной посуды с зубчатым и шипковым орнаментом и без орнамента. Вещей не обнаружено.

Культурные остатки, встреченные в сероватом песке, также немногочисленны. Они относятся в основном к эпохе бронзы, но есть и отдельные обломки сосудов неолитической эпохи.

Находки состоят из кремневых изделий и обломков глиняной посуды. Основную массу их составляет керамика, среди которой, главным образом, обломки сосудов с сетчатым и мелкозубчатым орнаментом. Подобная посуда встречается и на ближайших городищах Пентурово и Дулево в их нижних слоях. Эта керамика характерна для культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века всего Верхнего Поволжья. Она всюду подстилает городищенские слои дьякова типа и часто встречается в верхних поздневолосянских слоях т.н. неолитических стоянок Верхнего Поволжья.

Встречено также несколько обломков тонкостенной керамики с примесью песка и фатьяновским орнаментом в виде тонких зубчатых насечек по венчику и зигзагов, штрихованных мелкозубчатым штампом. Венчики этих сосудов также близки фатьяновским. находка подобных сосудов заставляет думать о существовании на памятнике фатьяновского населения (какое-то короткое время), тем более, что здесь около берега найден обломок ромбически-усеченного сверленного топора-молотка. Недалеко от поселения были также найдены и др. фатьяновские топоры-молотки (Пентурово, Холохольня, Новое и др.).

Наряду с указанными находками на стоянке обнаружено несколько обломков сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом, типичным для неолита Среднего и Верхнего Днепра. Особый интерес представляет находка обломка сосуда с ромбическими вдавлениями, характерными для т.н. белевской культуры. В соседней Смоленской области также встречается эта керамика. Наряду с этим найдены обломки сосудов с орнаментом в виде отпечатков гребенчатого штампа (продолговатых овальных), встречены и обломки керамики с т.н. ямчатым орнаментом.

В сером песке вместе с керамикой найдены кремневые изделия. Они состоят из орудий, отщепов и осколков. Из орудий найдены: черешковый наконечник стрелы, крупные ножи с ретушью по одному или двум краям, скребковидные орудия, скребки на сколах, обломки наконечников дротиков, скобели, обломки топорovidных орудий, обломок шлифованного каменного клиновидного топора из гальки, отщепы и осколки кремня в количестве около 10 экз.

Находок немного. Возможно, наш раскоп был заложен не в центре селища или стоянки. Состав находок указывает на неоднократное посещение Захарьиной лощины в различное время.

Из бытовых памятников в раскопе обнаружено одно большое кострище, углубленное в серый песок на 20 см. Около этого кострища в основном и были сосредоточены находки в сероватом песке.

Итак, Захарьинское селище и стоянка представляют значительный интерес уже тем, что здесь на большой площади расположено селище дьяковского времени. Оно указывает, что в данной местности, где обнаружены городища (Пентурово, Дулево, Юрьевское и др.), есть и селища, т.е. около сер. I тыс. до н.э. наряду с укрепленными местами существовали уже и открытые поселения, население которых в случае опасности скрывалось на укрепленных городищах.

Второе значение Захарьиной лощины состоит в том, что здесь найдены вещественные остатки и других исторических эпох. Здесь останавливались фатьяновцы. Раньше сюда приходили люди неолитического времени.

Третье значение этого памятника в том, что он дает возможность судить о контактах населения Приднепровья и Верхнего Поволжья.

Находка обломка сосуда с ромбическо-ямочным орнаментом представляет исключительный интерес для решения спорного вопроса о передвижении обитателей Приднепровья к северу, как предполагали ранее (А.Я.Брюсов и др.).

На основании позднейших исследований выяснилось, что передвижение племен с ромбической ямочной керамикой происходило, наоборот, с севера на юг, а не с юга на север [1, с.66-72]. Это открытие имело большое значение для дальнейшего развития вопроса о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Изучение Верхневолжской экспедицией городищ (Пентуровского, Дулевского, Казаковского и др.) в Тверской области, произведенное в 1960-70-е гг., также внесло много нового в решение вопроса об их смешанном дьяковско-юхновском типе. Возможно, эти городища стоят ближе к прабалтам, чем к угро-финнам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д.А.* К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья (Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР). Н.Новгород, 1991.

*Институт археологии РАН,
Москва*

D. A. Kraynov
THE SETTLEMENT SAKHARJINO

Summary

The paper is dedicated to the investigations of the settlement Sakharjino located in the Staritsky district of the Tver region on the bank of the river Volga. The investigations were carried out in 1965 and 1967. The area of more than 130 m² was excavated to the depth of 0,8 m. The revealed remains belong to different ages from the Neolithic up to the Early Iron Age. Generally there was not so much revealed, because the centre of the settlement was not excavated.

Different tools and production waste that were found, belong to the Neolithic. At the same time the vessel fragments were discovered including those with ornament typical for the Neolithic of the Middle and Upper Dnieper and the Belyovo culture, so it is possible to make a conclusion about contacts between the populations of the Dniepr region and the Upper Volga region and to confirm the advancement of the tribes with rhombic-pit ware from the north to the south and not in the opposite directions as claimed before.

The pottery of the Fatjanov's culture belongs to the Early Bronze Age.

The flint ware and different vessel fragments with the predominance of the pottery with netted and fine jagged ornament belong to the Late Bronze Age. This pottery lies beneath the urban site layers of Djakovo type and are often found in the upper Late Volosovo layers of the so called neolithic sites of the Upper Volga region.

The Djakov's culture of the Early Iron Age is represented by moulded plane bottom vessel fragments with the jagged and inched ornament and without ornament. In the middle of the 1st millennium B.C. the settlement Sakharjino coexisted with the near-by urban sites (Penturovo, Dul'yovo, Kazakovo). The investigations of these sites allow's us to define them as the mixed sites of the Djakovo and Yukhnovo type. They may be closer to the Baltic than to the Finno-Ugric peoples.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

А. Д. Максимов

О КУЛЬТУРНЫХ ОТЛИЧИЯХ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время достаточно обоснованным и доказанным следует признать мнение ученых о наступлении древнего этапа раннего железного века на территории Верхней Волги в VIII-VII вв. до н. э. - с момента появления здесь укрепленных поселений. Завершение переходного этапа от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу с первыми государственными образованиями происходит в этом регионе в VI-VII вв. н. э. [1, с. 89].

Неравномерность размещения поселений раннего железного века на территории современной Тверской области (учтено 233 городища и 317 селищ) позволила выделить здесь 3 основных микрорегиона их наибольшей концентрации, которые соответствуют северным, западным и юго-восточным районам области. К последней группе примыкают также и памятники южных районов, образуя с ней единое целое [2, с. 108-115]. Северная группа поселений включает 11, западная 7, а юго-восточная и южная группы 11 районов Тверской области.

По местоположению, топографии, размерам и системе земляных оборонительных сооружений, фиксирующихся визуально для городищ, характерных особенностей для памятников 3 обособленных микрорегионов пока не выделено. По характеру укреплений все городища области объединяются в 3 группы. Первая представлена укрепленными поселениями без земляных оборонительных сооружений, выраженных на поверхности в настоящее время. Вторая объединяет городища с простой системой земляных оборонительных сооружений, представленной 1 рвом и 1 валом, а иногда только или 1 рвом или 1 валом. Третья, наиболее многочисленная группа, включает памятники со сложной системой оборонительных сооружений, состоящей из нескольких рвов и валов, максимальное количество которых не превышает 8 (до 4 рвов и 4 валов одновременно на одном городище). Так же как и укрепленные поселения 1 и 2 групп, памятники с многоярусной системой обороны встречены на территории всей области: городища Крева (Пекуново) - Кимрский р-н [3, с. 109-132]; Змеевы Горки 1 - Старицкий р-н [4]; Чеполшево 1 (Усть-Бродиха) - Вышневолоцкий р-н [5]; Глубочица 1 (Райгородок) - Бологовский р-н [6, с. 67-68]; Золотухи 1 - Западнодвинский р-н [7, с. 226-227, табл. XXXIV, 2, п. 84]; Боталы 1 (Малое Стеклино) - Андреапольский р-н [7, с. 220, п. 20]; Бор 1 - Торопецкий р-н [7, с. 98, 99, 101, 239, п. 152] и др. В среднем высота валов и глубина рвов составляют в настоящее время 1-2 м, но известны памятники, на которых они достигают 4-5 м: городища Орлов Городок 1 и Анниково 1 - Молоковский р-н [8-11]; Поминово 1 - Калининский р-н [12] и др.

При всей внешней однотипности поселений раскопки городищ, где исследовались укрепления, выявили не только их различные конструктивные особенности, но и особые системы обороны, которые характерны только для определенных микрорегионов Тверского края со скоплениями памятников раннего железного века. На городище Ново-Бридино 1 (Торопецкий р-н), известном больше как городище Подгай, в основании вала были обнаружены каменные вымостки, чего нет

в более изученных северных и юго-восточных районах. Подобные вымостки открыты и на городище Курово 1 в Андреапольском р-не [7, с. 41-44, 46-51, 186-190]. На городищах Лесничино 1 (Зубцовский р-н) и Пентурово 1 (Старицкий р-н) наряду с земляными валами и рвами, располагающимися за пределами поселений с напольной стороны, оборонительную функцию выполняли и стены жилищ, которые сооружались на краю площадок и тянулись по всему периметру [13, с. 54; 14, с. 170-180]. Кроме того, на городище Лесничино 1 на вершине вала раскопаны остатки деревянных конструкций в виде тына. На городище Отмичи 1 (Калининский р-н) при исследовании вала были также обнаружены остатки деревянных укреплений типа плетня, но жилища занимали центральную часть поселений [15, с. 148-164; 16, с. 81-92; 17, с. 135-144]. На городище Орлов Городок 1 большую часть периметра занимал земляной вал, на котором находилась деревянная стена. К ней примыкали жилые и хозяйственные постройки, располагавшиеся по всей длине вала и выходившие на край площадки городища только в наиболее укрепленной части поселка - со стороны реки [8-10].

Обобщенные материалы раскопок памятников раннего железного века в Тверской области позволяют достаточно определенно выделить лишь два этапа их существования. Первый этап охватывает время с VIII-VII вв. до н. э. по I-II вв. н. э., второй соответствует III-VII вв. н. э. Эти этапы характерны для всех известных археологических культур, имевших распространение и в Тверском крае и на соседних территориях в раннем железном веке и в раннем средневековье [2, с. 108-109]. Основу хозяйства населения территории современной Тверской области на I этапе составляли скотоводство и охота, на II этапе - скотоводство, земледелие и охота. Определение остеологического материала проводилось на 19 памятниках: 17 городищах и 2 селищах. К ним относятся городища: Кафтинский Городок в Бологовском р-не [18, с. 235-236]; Лесничино 1; Кимры 1 (Графская Гора) [19, с. 77-81], Прислон 1 [20, с. 213-219] и Крева 1 [21, с. 133-147] в Кимрском районе; Отмичи 1; Городня 1, Бабня 1, Заборовье 1 (Топорок) [22, с. 148-151], Городище 1 (Корчевское) [23, с. 136-140], Ивановско 1 [3, с. 90-96] в Конаковском р-не; Городищи 1 (Калязинское) в Кашинском р-не [24, с. 19-23, 32-33, 43-44, 48-49, 101-104]; Козлово 1 (Дупевское) в Старицком р-не [25, с. 185-191]; Ржев 3 (Ермоловское) в Ржевском р-не [26, с. 150-156]; Ахромово 1 [7, с. 18, 20, 22, 25, 28, 29, 34, 36, 152-153, п. 120], Городок 1, Ново-Бридино 1 в Торопецком р-не и селищ Избрижье 1 в Калининском р-не [27], Речане 8 [28] в Торопецком р-не.

Данные раскопок свидетельствуют, что на всем протяжении раннего железного века на поселениях домашние животные преобладают над дикими. Это определяется и количеством костей, и количеством выделяемых особей. Среди остеологического материала есть практически все виды диких животных, которые встречаются в фауне лесной зоны.

Видовой состав стада домашних животных Западного микрорегиона значительно отличается от состава стада Юго-Восточного микрорегиона. В первом преобладают мелкий рогатый скот и бык, во втором - лошадь, крупный рогатый скот и свинья. По исследованиям Ю. А. Краснова, эти территории принадлежат двум различным локальным зонам скотоводства, выделяющимся в лесной полосе Европейской части России [29, с. 128-130].

На территории Тверской области зерна культурных растений обнаружены пока только на 3 городищах: Ново-Бридино 1; Городок 1 (Варварина Гора) [30-33] в Фировском р-не и Орлов Городок 1. На всех памятниках были найдены зерна мягкой пшеницы и ячменя. Злаки происходят из слоев, датирующихся поздним этапом, поэтому отложение их в культурном слое произошло не ранее первых веков н. э. Серпы обнаружены на 10 городищах: Бологое 1 [34, с. 36-41]; Николо-Рожок 1 [35-36] в Осташковском р-не; Ново-Бридино 1; Лесничино 1; Пекуново 1, Кимры 2 (Дьяков Лоб) [37, с. 103-107] в Кимрском р-не; Орлов Городок 1; Городок 1; Курово 1; Отмичи 1. Интересно отметить, что для всех 3 микрорегионов памятников раннего железного века Тверской области характерны разные типы серпов [29, с. 73-76; 38, с. 79-80].

Жилища полностью или частично изучены на 19 памятниках. Среди них 14 городищ и 5 селищ. Городища: Кимры 1 и 2, Старое Селище [39] (Кимрский р-н); Отмичи 1; Поминово 1; Казаково 1 [40, с. 93-117] (Селижаровский р-н); Лесничино 1; Городок 1; Дубровка 1 [41-42] (Западнодвинский р-н); Курово 1; селища: Избрижье 1; Ваулино 1 [43, с. 232-236] (Кимрский р-н); Захарьино 1 [44-48] (Старицкий р-н), Суходол 2 [46-47] и Рогово 2 [48] (Ржевский р-н).

Материалы Тверской области не дают оснований для утверждения [49, с. 15-16], что здесь на протяжении всего раннего железного века существовали одни и те же типы жилищ. Совершенно разные постройки характерны не только для раннего и позднего этапов, но и для выделенных на этой территории микрорегионов памятников.

С VIII-VII вв. до н. э. по I-II вв. н. э. в юго-восточных районах области бытуют землянки овально-подчетыреугольной в плане формы и подпрямоугольные наземные дома срубной конструкции. Остатки первых представляют собой ямы с подконическими стенками, их максимальные размеры 4х6 м. Они углублены в материк на 1,25 м (глубина от современной поверхности 1,75 м) и имели, предположительно, очаги из глины и камней. У западной стенки внутри одного из жилищ прослежены остатки деревянных нар (селище Ваулино 1). Вторые, удлиненные наземные постройки срубной конструкции, изучены лучше. Их размеры 3,2-4,1х5,5-7,8 м. Все помещение делилось перегородкой на две равные части, в каждой из которых был преимущественно глинобитный очаг, полы обмазывались смесью глины и песка (городища Кимры 1 и Кимры 2, Старое Селище 1).

По конструкции жилищ в особую группу выделяются памятники южных районов Тверской области, хотя они и не обособлены территориально от юго-восточной группы памятников. Здесь уже на самом раннем этапе раннего железного века (2-я четв. I тыс. до н. э.) фиксируется совсем иная культурная традиция. На городище Лесничино 1 выявлены длинные дома типа жилых стен, имевшие столбовую конструкцию и располагавшиеся по периметру площадки памятника, являясь одновременно и оборонительными сооружениями. Ширина постройки 2,4-2,8 м, деление ее на камеры четко не фиксируется, очагами служили небольшие костры без каменной обкладки, стены были обмазаны глиной. Ближайшие аналогии таким жилищам известны в среде балтских культур в верховьях рек Днепра, Десны и Сейма, Оки и Москвы [13, с. 54]. На более поздних памятниках I этапа длинные дома имеют здесь дальнейшее развитие. Во 2-й пол. I тыс. до н. э. они разделяются на несколько прямоугольных жилищ столбовой конструкции, которые тоже располагаются по периметру площадки городища, но представляют собой уже отдельные постройки размерами 3-4х6-7 м. Эти жилища находятся еще в непосредственной близости друг от друга и выполняют функцию оборонительных сооружений. Часть из них наземного типа, другие представляют полуземлянки, но во всех постройках очаги были сложены из камней. В некоторых жилищах полы выложены известняковыми плитами, а при входе была каменная вымостка (городище Пентурово 1, жилище 1).

В западных районах Тверской области в сер. 2-й пол. I тыс. до н. э. существуют жилища типа землянок. Остатки их зафиксированы в виде округлых ям диаметром 4 м, углубленных в материк на 0,6 м. Открытые очаги находились в их центральной части (городище Ново-Бридино 1, нижний слой). В первых веках н. э. здесь появляются наземные дома прямоугольной формы, сооруженные из деревянных плах и камней, на что указывают значительные скопления последних, обнаруженные вдоль всех стен постройки. Такие жилища были размерами 2,8х5,4 м и имели три глинобитных очага, располагавшихся по длинной оси дома (городище Городок 1).

На позднем этапе раннего железного века в конструкции жилищ и планиграфии поселений прослеживаются еще более существенные отличия, являющиеся характерными только для отдельных микрорегионов Тверской области.

В юго-восточных районах открыты остатки наземных срубных построек небольших размеров от 3х3,2 м до 3,5х5 м. Очаги были преимущественно глинобитные и располагались по центру или у одной из стен жилых сооружений (городище Отмичи 1, селище Избрижье 1). Эти дома, по всей видимости, предназначались для одной парной семьи. Они находились на значительном удалении друг от друга, но в то же время, все концентрировались вокруг больших коллективных домов. Последние занимали центральную часть поселка, были также срубной конструкции и имели размеры 4,5х9 м. Судя по тому, что на такой большой дом был всего один очаг, они не являлись жилищами, а предназначались для других целей (городище Отмичи 1).

Совершенно иная планировка поселений и типы жилищ обнаружены в северных районах Тверской области. В III-VII вв. н. э. центральную часть поселков здесь занимают производственные комплексы, связанные с выплавкой бронзы и варкой железа (городища Орлов Городок и Городок 1), а жилища располагались по краям площадок городищ. Дома имели срубную конструкцию, прямо-

угольно-удлиненную форму и максимальные размеры 4,4x15,5 м. Жилище делилось бревенчатыми перегородками на три отдельных помещения со средними размерами 4,4x5,5 м. В каждой камере имелся очаг из камней (городище Орлов Городок 1, нижний слой). В V-VI вв. н. э. эти большие дома разделяются на отдельные жилища, которые, однако, еще соединены крытыми переходами между собой (городище Орлов Городок 1, средний слой). Размеры переходов 1-1,2 м x 1,4-2,2 м. В более западных районах северного микрорегиона памятников, но уже за пределами Мстинско-Моложского междуречья, таких переходов между жилищами нет (городище Городок 1). Кроме того, здесь встречается и другой тип жилищ, который характерен только для западных и южных районов Тверской области. Наземная постройка столбовой конструкции, слегка углубленная в материк, размерами 3,5x5,2 м, с очагом из камней, расположенным не по центру сооружения, а ближе к северной стене, была раскопана на городище Бологое 1.

В южных районах открыты разные типы жилищ столбовой конструкции, свидетельствующие о неоднородности балтского населения этой зоны III-VII вв. На городище Поминово 1 найдено жилище, аналогичное бологовскому, но имеющее некоторые отличия. Его размеры 4x6 м, очаг из камней располагался по центру постройки, к входу примыкала каменная вымостка 1,2x3,5 м. Эти дома, предположительно, можно рассматривать как дальнейшее развитие построек, обнаруженных на городище Пентурово 1 и существовавших в этом микрорегионе в предшествующее время. На селище Суходол 2 раскопана постройка, представлявшая собой наземную столбовую конструкцию из жилой камеры 4,3x4,7 м с примыкавшим к ней крытым входом размерами 1,5x3,2 м. Позднее это жилище было перестроено и превратилось в более сложное сооружение. Жилое помещение увеличилось немного в размерах и стало 4,7x5,2 м, удлиненно-прямоугольный вход остался прежним, но к нему и юго-восточной стене дома была сделана пристройка 2x2 м, по всей видимости, хозяйственного назначения. Подобное жилище было частично изучено в этом же районе, но чуть ниже по р. Волге, на селище Рогово 2. Во всех случаях обнаружены очаги из камней, располагавшиеся в центральной части постройки.

Для западного микрорайона в III-VII вв. н. э. также характерно несколько типов столбовых жилищ, но они совсем иного облика и имеют существенные отличия от подобных сооружений южных районов. По-иному выглядит здесь и планиграфия укрепленных поселений. Наземные прямоугольные жилища столбовой конструкции, наряду с другими постройками хозяйственного и производственного назначения, занимали центральную часть площадок городищ. Их размеры 2,8-3x3,2-3,6 м, полы были глинобитными или в виде деревянных настилов, стены в нижней части обмазывались глиной. Преобладают песчано-глинобитные очаги, но есть и сложенные из камней. Все они устраивались в центре построек (городище Ново-Бридино 1 и Курово 1). На первом памятнике выявлено четыре столбовых конструкции, располагавшихся параллельно друг другу.

Второй тип жилищ представлен длинными домами 4x12 м, разделенными тонкими перегородками на два отдельных помещения. Эти постройки имели также глинобитные очаги и полы, но половины домов предназначались для различных целей. Одна была жилой, а вторая - производственного назначения. В них обнаружены небольшие печи для варки железа. Следует еще добавить, что в некоторых жилищах западной микрогруппы памятников Тверской области обнаружены небольшие жертвенники, представлявшие собой грудки костей молодых особей овцы и быка, располагавшиеся рядом с очагами.

Наряду с жилищами во время раскопок неоднократно исследовались хозяйственные и производственные постройки. Более того, открыты целые комплексы и мастерские по получению и обработке черных и цветных металлов, однако этих данных еще недостаточно для того, чтобы выделить их микрорегиональные особенности. Пока только в общих чертах можно представить все эти стороны жизни населения Тверского края в раннем железном веке. Хозяйственные и производственные сооружения найдены на 15 памятниках. Среди них 8 городищ: Кимры 2; Липовец 1 (Борки) в Вышневолоцком р-не [50-51]; Пентурово 1; Отмичи 1; Орлов Городок 1; Ново-Бридино 1; Стан 1 (Юрьевская Горка) в Удомельском р-не [52, 53]; Городок 1 и 7 селищ: Курово 2 и Троица 1 в Удомельском р-не [53-58]; Нелеино 1 в Калининском р-не [59, 60]; Суходол 2 и нижний слой Бобронники 1 (Благовещенье) в Ржевском р-не [61-63]; Подол 1 в Бологовском р-не [64]; Глыбы 2 в Фировском р-не [65].

Для VIII – VII вв. до н. э. – I – II вв. н. э. известно пока 6 видов хозяйственных сооружений и производственных конструкций. К первому принадлежат небольшие срубы без очагов, размерами 0,9x1,8 м (городище Кимры 2). Второй соответствует развалам специальных печей для варки железа, обнаруженных на не занятых постройками участках поселений (городище Липовец 1, селище Бобронники 1). Реконструкция их не проводилась. Третий представляет собой ямы, углубленные в материк на 0,6 м, имеющие максимальные размеры 2x2,6 м. Ямы находились под навесом, а общие размеры сооружения составляли, ориентировочно, 3x3,5 м (селище Курово 2). Четвертый включает комплекс из двух ям без навесов, одна из которых была заполнена глиной (городище Пентурово 1, селище Непеино 1). К пятому относятся очаги из камней, находящиеся за пределами деревянных сооружений (селища Непеино 1 и Глыби 2). Шестой вид объединяет ямы различных размеров, находящиеся на свободных от построек местах, так же как и сооружения вида 5 (городище Отмичи 1, нижний слой; селище Непеино 1; Подол 1; Глыби 2).

Постройки вида 1 служили, вероятно, для хранения припасов. Назначение парных ям (вид 4) вполне определено. Это был комплекс, связанный с производством керамических изделий. Универсальными по использованию являлись сооружения видов 5, 6. Различные ямы (вид 6) предназначались, как правило, для отходов, за исключением углублений от столбов и конструкций. В настоящее время есть все основания связывать сооружения вида 3 с бронзолитейным производством, так как на позднем этапе раннего железного века такие конструкции имеют дальнейшее развитие и связаны, главным образом, с получением и обработкой цветных металлов.

В III-VII вв. н. э. количество видов хозяйственных сооружений и производственных конструкций заметно увеличивается, а виды 1-4, кроме того, усложняются и существенно изменяются. Хозяйственные постройки вида 1 в юго-восточных районах Тверской области продолжают существовать отдельно от жилищ, но имеют уже размеры около 1,5x2 м (городище Отмичи 1). В южных и северных районах они соединены одной стеной с жилищем, а другой – с его крытым входом. Следует только добавить, что хозяйственные постройки этих двух регионов принципиально отличаются друг от друга своими конструктивными особенностями (виды 7 и 8 по общей классификации хозяйственных сооружений и производственных конструкций). В первом случае это столбовые сооружения 2x2 м, а во втором – срубные 1,2-1,4x2,4 м (селище Суходол 2, городище Орлов Городок 1). Прямым доказательством назначения этих построек является, например, находка трех железных топоров в одном из таких помещений на городище Орлов Городок 1.

Сооружения, связанные с железоделательным производством, представлены на позднем этапе уже двумя видами. Помимо железovarильных печей на свободных от застройки участках городищ и селищ (вид 2) появляются небольшие домицы в специально предназначенных для этого постройках, которые были соединены одной стеной с жилищами (вид 9). Печи вида 2 представляют собой в это время усеченно-конические сооружения из камней и глины с открытым верхом, который первоначально замазывался глиной. В процессе производства железа в глиняной пробке делались отверстия для регулирования температуры внутри печи. Размеры конструкции по основанию, имеющему грушевидную форму, 0,4-1,2x2 м. Высота печи была, предположительно, около 1 м (городища Орлов Городок 1 и Городок 1). Железovarильные горны вида 9 встречены только в западных районах Тверской области (городище Ново-Бридино 1).

В III –VII вв. н. э. бронзолитейное производство от сооружений под навесами переходит к выплавке и обработке цветных металлов в специальных мастерских. Сооружения вида 3 преобразуются в более сложные конструкции. Они становятся значительно в размерах и представляют теперь комплекс из 2-3 пар ям и очагов из камней, находящихся под навесом, вытянутых в линию. Общие размеры таких сооружений от 5,8x6–8 м до 3,6x8,8 м (городища Орлов Городок 1 и Городок 1). Одновременно с этими существует и другой вид построек, связанных с бронзолитейным производством. Речь идет о специально предназначенных для этих целей отдельных помещениях внутри многокамерного жилого дома. Такие постройки открыты на городище Орлов Городок 1 (вид 10). Немного позднее появляются и специальные мастерские по производству и обработке цветных металлов (вид 11). Они представляют собой срубы размерами от 1,8-3x2,4x3,6 м до 4x4 и 4x5,6 м с печью из камней по центру (городище Городок 1, Отмичи 1, Орлов Городок 1).

На позднем этапе раннего железного века простым ямам по обжигу глиняных изделий (вид 4)

приходят на смену специальные печи, сооружавшиеся из глины и камней (вид 12). Развал такой конструкции был обнаружен лока только на одном памятнике (городище Орлов Городок 1, верхний слой). Она имела размеры по основанию 2,2x2,6 м и находилась в непосредственной близости от входа в жилище. Печь была под навесом. Рядом с ее развалом обнаружено много керамического брака как в виде целых форм сосудов, так и в обломках, куски обожженной глины и фрагменты глиняных плиток.

В III - VII вв. н. э. без особых изменений продолжают существовать только конструкции видов 5 и 6 (городище Стан 1; селища Троица 1, Непеино 1, Суходол 2, Глыби 2).

За все время изучения различных конструкций и сооружений на поселениях раннего железного века Тверской области ни разу не удалось обнаружить комплексы, которые достоверно можно было бы связать с остатками долговременных могильников, включая и погребальные сооружения типа "домиков мертвых", известных в Ярославской, Московской и Вологодской областях [66, с. 51-60; 67, с. 25-29]. В нашем распоряжении имеются лишь некоторые, главным образом, косвенные данные, свидетельствующие о своеобразном погребальном обряде населения Тверского края в период разложения первобытнородовой общины. Прежде всего следует отметить ритуальный комплекс на городище Заборовье 1 (Топорок), открытый и подробно описанный еще в 1903 г. Ю. Г. Гендуне. Он состоял из двух обожженных глиняных сооружений округлой (диаметром 61 см) и округло-овальной (размерами 38x61 см) формы, находившихся почти в центре площадки городища. Толщина каждого круга была по 10 см, а в центре имелись сквозные отверстия от столбов диаметром более 20 см. На этих сооружениях и вокруг найдено 49 преимущественно votивных глиняных предметов в виде колокольчиков, привесок, блях, бус и фигурок животных. Этот комплекс датируется IV - III вв. до н. э. - I - II вв. н. э. Следует отметить, что votивные предметы известны в могильниках раннего железного века, например, в погребениях юхновской археологической культуры в бассейне рек Десны и Сейма [68, с. 234-235].

Особого внимания заслуживает кратковременный погребальный комплекс, обнаруженный на городище Орлов Городок 1. Здесь, близ южного края жилой площадки, на глубине 0,2-0,3 м от поверхности выявлено 4 скопления пережженных костей. Они были приурочены к подсыпке светло-желтой супеси подпрямоугольной формы размерами 1,16x0,24-0,34 м, ориентированной длинной осью по линии 3-В и имеющей толщину 0,12 м. В одном из скоплений и рядом найдены крупные кости животных, две небольшие грудки камней и лепной керамики. По определению сотрудника ИА РАН Г. П. Романовой, преобладающее количество пережженных костей принадлежит животным, но есть кости и человека. Ниже, на глубине 0,9-1 м от поверхности, на этом же самом месте было обнаружено еще и культовое сооружение. Оно представляло собой прямоугольное материковое возвышение с искусственно подрезанными склонами. Размеры площадки 1,1x0,8 м, высота 0,15 м, она также ориентирована длинной осью по линии 3-В. С Ю, З и С это сооружение было оконтурено небольшими канавками с остатками древесного тлена, под которым выявлены ямки от столбиков и кольев. С В стороны по углам сооружения прослежены две столбовые ямы диаметром 0,35-0,4 м. Общие размеры остатков всей конструкции 1,6x1,4 м. На площадке возвышения зафиксированы следы прокала и углей, но пережженных костей не обнаружено.

Не вызывает сомнений то, что оба сооружения связаны с каким-то одним обрядом, но несколько измененным во времени. Направление и местонахождение их одинаково, а размеры площадки и подсыпки почти совпадают. Прямоугольная форма конструкции и отдельные элементы ритуала: скопления камней, сожжения животных вместе с человеком, ровики по краям материкового возвышения, - указывают на какую-то отдаленную связь этих сооружений с раннесредневековыми курганами подпрямоугольной формы и сопочным погребальным обрядом с каменными кладками [69, с. 46-66]. В период существования городища Орлов Городок 1 (III-VII вв. н. э.) все эти элементы имеют зачаточную форму.

Ритуальные комплексы, обнаруженные на территории Тверской области, объединяет обязательное присутствие в них столбовых ям. В этой связи очень важным представляется сообщение начальной русской летописи о погребальном обряде "на столбах на путях" или на "столах на путях", который был распространен среди радимичей, вятичей, северян, кривичей и прочих "поганных" народов [70, с. 14]. Принимая во внимание то, что эти сведения помещены летописцем в

начале повествований, до событий IX в., вполне допустимым выглядит предположение о прямой связи между ритуальными комплексами, открытыми на территории Тверской области, и обрядом погребения, упомянутым в летописи. Таким образом, на Верхней Волге в раннем железном веке существовал, скорее всего, наземный обряд погребения на столбах или в конструкциях на столбах. Кремация умерших производилась на стороне, их останки собирались в сосуды и помещались над землей.

Вещественный комплекс периода раннего железного века с изучаемой территории, полученный за все годы исследований, насчитывает около 5 тысяч изделий и обломков предметов из железа, бронзы и других цветных металлов, кости, глины, стекла и камня, без учета фрагментов керамики. Для 2 тысяч из них сохранились только описания или краткие упоминания в литературе и архивных источниках. Следует заметить, что в обобщающих работах по материальной культуре периода раннего железного века Верхней Волги и Волго-Окского междуречья привлекались данные, в том числе и по вещевому комплексу, лишь с 15-20 наиболее изученных памятников Тверской области [71; 72, с. 9-14; 73, с. 156-168, табл. VIII, 171, рис. 39]. Здесь до сих пор нет ни одного поселения этого времени, изученного раскопками полностью, однако частичные исследования проводились уже на 78 объектах.

По функциональному назначению весь вещевой комплекс разделяется на 44 группы находок: 1 - наконечники копий и дротиков; 2 - наконечники стрел; 3 - гарпуны и остроги; 4 - топоры, топоры-тесла, тесла, долота; 5 - ножи; 6 - рукоятки, навершия; 7 - пластины и пластинки от доспехов; 8 - серпы; 9 - косы, косари; 10 - мотыги; 11 - наконечники лахотных орудий; 12 - зернотерки; 13 - молоты, кувалды; 14 - стамески, резцы; 15 - пробои, чеканы, керны; 16 - острия, иглы, проколки, шилья; 17 - фибулы, пряжки, застежки, сьюльгамы; 18 - булавки; 19 - подвески, привески, серьги, височные кольца; 20 - бусы, пронизки (составные части ожерелий); 21 - гривны; 22 - бляхи, бляшки, скорлупки, нашивки; 23 - накладки, обоймы, заклепки; 24 - браслеты; 25 - перстни, кольца; 26 - наконечники ремней, поясов; 27 - пинцеты; 28 - льячки; 29 - тигли; 30 - литейные формы; 31 - оселки, точильные и шлифовальные камни; 32 - кресала, фитильные трубочки, светильники; 33 - кочедыки; 34 - струги, скребла, скобели; 35 - удила, псалии; 36 - грузила; 37 - крюки, крючки; 38 - пряслица; 39 - грузики "дьякова типа"; 40 - антропоморфные и зооморфные фигурки, керамические плитки, "рогатые" кирпичи, глиняные шарики и погремушки; 41 - амулеты, votивные предметы; 42 - целые формы сосудов; 43 - заготовки орудий труда и украшений из различных материалов; 44 - римские монеты.

Изделия 16 групп находок (7, 10, 11, 13-15, 21, 23, 26, 27, 30, 33-35, 41, 43, 44) известны только на отдельных памятниках и представлены пока единичными экземплярами. Предметы 11 групп находок (3, 12, 16, 18, 28, 31, 32, 36-39) обнаружены почти на всех, исследованных раскопками, памятниках Тверской области и образуют значительные серии, но они большей частью тоже не могут быть использованы для сравнительного анализа, потому что их типы встречаются на большой территории Европейской части России и в разных археологических культурах, а характерные их особенности для различных микрорегионов пока не выделены. Булавки со спиралевидным навершием, например, известны с памятников от Центральной Европы на западе до Верхней Волги на востоке и от Прибалтики на севере до среднего течения Днепра на юге [74, с. 59]. Оставшиеся 16 групп находок (1, 2, 4-6, 8, 9, 17, 19, 20, 22, 24, 25, 29, 40, 42) представляют наибольший интерес. К ним относятся самые важные для определения культурной принадлежности орудия труда, детали костюма и головного убора. Кроме того, они представлены сериями предметов, в которых отмечается не только разнообразие типов, но и локализация большинства из них в определенных микрорегионах, выделенных в Тверской области. Вместе с тем наблюдается наличие или отсутствие тех или иных групп находок в различных территориальных скоплениях памятников Тверского края.

В связи с тем, что у населения и Волго-Окского междуречья и верховьев рек Днепра и Западной Двины в раннем железном веке существовали простые и близкие технологические схемы изготовления железных изделий [75, с. 62-77; 76; 77, с. 27-34], имеющиеся различия по форме у предметов одного и того же назначения, а также наличие у них своих характерных особенностей нужно считать культуроопределяющими признаками. Следует еще отметить, что отдельные пред-

меты не характерны для больших локальных групп памятников края. К ним относятся железные гарпуны и остроги, некоторые типы булавок, петлевидные кресала, пряслица, грузики "дьякова типа" и др.

Изучение керамической посуды с памятников раннего железного века Тверской области только началось. Полных форм восстановлено еще мало, а характер поверхности, примеси и орнаменты практически вообще специально не изучались. Несмотря на это, уже первые исследования позволяют считать, что сосуды по всем этим параметрам существенно различаются в разных микрорегионах Верхней Волги [78, с. 22-35].

В целом, накопленные на сегодняшний день материалы свидетельствуют, прежде всего, о том, что территория современной Тверской области была зоной соприкосновения западного и восточного миров. Здесь противостояли друг другу два разных этноязыковых массива. Граница между ними проходила по р. Волге. Центральные, северные, восточные и юго-восточные районы населяли финно-угорские, а западные и южные - балтские племена, причем на протяжении всего периода разложения первобытнообщинного строя.

По данным археологии, этнографическая карта области в это время выглядела следующим образом. На раннем этапе, в VIII - VII вв. до н. э. - I - II вв. н. э. локальные группировки памятников в северных и юго-восточных районах, соединенные между собой двумя узкими коридорами поселений, входят в общность дьяковской археологической культуры и представляют ее локальные варианты. В последние годы собраны убедительные доказательства того, что дьяковскую культуру следует отождествлять с описанным у греческого историка Геродота народом йирков [79, с. 25, 107, 117-118, 127, 186, 191-192; 80, с. 40-43].

К III в. н. э. большинство поселений, связывавших северную и юго-восточную группы памятников, прекращают свое существование, и эти локальные скопления городищ и селищ развиваются независимо друг от друга. Северная группа представлена теперь культурой типа городища Орлов Городок 1, сложившейся на базе северного локального варианта дьяковской культуры. В настоящее время есть все основания связывать эту новую культуру с известным по сообщениям готского историка Иордана племенем инаунксов [81]. Локальный вариант дьяковской культуры в юго-восточных районах постепенно исчезает, преобразуясь на самом юго-востоке области в раннемерянскую культуру.

В южных районах, хотя и не обособленных территориально, на раннем этапе существует вариант верхнеокской археологической культуры, а на позднем этапе эта территория входит в ареал распространения мощинской археологической культуры балтов.

В западных районах Тверской области в VIII - VII вв. до н. э. - I - II вв. н. э. распространены памятники одного из вариантов днепро-двинской археологической культуры, а в III - VII вв. н. э. - типа среднего слоя городища Тушемля.

Выводы, сделанные на археологическом материале, подтверждаются и данными языкознания [82, с. 99-113; 83, с. 26-33; 84, с. 104-111]. По всей видимости, именно этим обстоятельством, главным образом, и были обусловлены принципиальные отличия в конструкциях погребальных насыпей ранних славян. Длинные курганы распространены на территории, занятой в предшествующее время балтами, а сопки охватывают территорию прибалтийских финнов.

Яркие, самобытные культуры раннего железного века, существовавшие на территории Тверской области и исчезнувшие к концу I тыс. н. э., серьезно повлияли на формирование раннегосударственных образований Северной Руси. В начале средневековья Тверская земля, сохраняя традиции прошлого, долгое время еще остается разделенной на три части. Западные районы принадлежат Смоленскому княжеству, северо-западные и северные земли - Новгородской республике, а юго-восточную территорию контролируют владими́ро-суздальские князья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов К. А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4.
2. Максимов А. Д. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1.

3. Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге // МИА. 1950. № 13.
4. Бодунов Е. В. Отчет о разведках в Старицком Поволжье в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10827.
5. Бодунов Е. В. Отчет о разведках в Мстинско-Моложском междуречье в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12144.
6. Спицын А. А. Поездка в 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска // Известия ИАК. 1904. Вып. 6.
7. Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. МИА. 1960. № 76.
8. Максимов А. Д. Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках на оз. Селигер в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8477.
9. Максимов А. Д. Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках в Осташковском и Конаковском районах Калининской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8385.
10. Максимов А. Д. Отчет о раскопках городища Орлов Городок в Молоковском районе Калининской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10012.
11. Ланцев А. П. Отчет о разведках в Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13569.
12. Портнягин И. Г. Отчет о работах экспедиции Калининского областного краеведческого музея по раскопкам городища у д. Поминово Калининского района и области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7980.
13. Смирнов К. А. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // РА. 1992. № 1.
14. Крайнов Д. А., Бухтеева М. А. Пентуровское городище // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1967 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 3567.
15. Бухтеева М. А. Отчет об археологических раскопках городища Отмичи Калининского района Калининской области в 1968 г. // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1968 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 3706.
16. Бухтеева М. А. Отчет о работе дьяковского отряда Верхневолжской экспедиции в 1969 г. // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1969 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 4008.
17. Бухтеева М. А. Отчет о работе дьяковского отряда Верхневолжской археологической экспедиции за 1970 г. // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1970 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 4551.
18. Спицын А. А. Из собрания Н. К. Рериха // ЗОРСА РАО. 1907. Т. VII. Вып. 2.
19. Смирнов К. А. Городище Графская Гора // КСИА. 1971. Вып. 148.
20. Евтюхова Л. А. Городище у деревни Прислон // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 4.
21. Бибикина В. И. Шауна Пекуновского городища // МИА. 1950. № 13.
22. Алексахина К. С. Остатки фауны из некоторых городищ Верхнего Поволжья // МИА. 1950. № 13.
23. Смирнов К. А. Находки с Корчевского городища из раскопок Ю. Г. Гендуны // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
24. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА. 1941. № 5.
25. Комаров К. И., Крайнов Д. А. Раскопки городища Дулево // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1973 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 5033.
26. Бычинский С. А. Ермоловское городище // Ржевский край. Сборник Ржевского общества краеведения. Ржев, 1926. № 1.
27. Арсланова Ф. Х. Отчет о раскопках курганов и обследовании селища у д. Избрижье Калининского района Калининской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6354.
Она же. Отчет о раскопках курганов и селища у д. Избрижье Калининского района Калининской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6853.
28. Максимов А. Д. Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7526.
29. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. - первая половина I тысячелетия н. э. // МИА. 1971. № 174.
30. Буров В. А. Отчет об археологических исследованиях Деревского отряда ИА АН СССР в Фировском районе Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12683.
31. Буров В. А. Отчет об археологических исследованиях Деревского отряда ИА АН СССР в Фировском районе Калининской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13517.
32. Буров В. А. Отчет об археологических исследованиях Деревского отряда ИА АН СССР в Фировском районе Калининской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13484.
33. Буров В. А. Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников в бассейне оз. Шдино (Фировский район Тверской области) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15539.
34. Третьяков П. Н. Бологовское городище // КСИА. 1962. Вып. 87.
35. Успенская А. В. Отчет о раскопках Селигерской археологической экспедиции ГИМа 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3303.
36. Успенская А. В. Отчет о раскопках в Новодевичьем монастыре 1967 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 3572.
37. Смирнов К. А. Городище Дьяков Лоб // КСИА. 1973. Вып. 133.
38. Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. 1978. Вып. 19.
39. Трубникова Н. В. Отчет о раскопках городища у д. Старое Селище в окрестностях Белого Городка Калининской области в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3296.
40. Крайнов Д. А. Исследование археологических памятников в районе оз. Волго // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1969 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 4008.
41. Малыгин П. Д. Отчет о раскопках в г. Торжке и разведках в Верхнем Подвинье в Калининской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7971.

42. Бодунов Е. В. Отчет о разведках в Западнодвинском районе Калининской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9598.
43. Трубникова Н. В., Фехнер М. В. Памятник дьяковского времени в Верхнем Поволжье // СА. 1971. № 1.
44. Комаров К. И. Раскопки на Захарьинском селище // Отчет Верхневолжской археологической экспедиции за 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5033.
45. Харитонов Г. В. Отчет о разведках в Калининской области (Калининского отряда Верхневолжской экспедиции) в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5181.
46. Максимов А. Д. Отчет о раскопках у д. Суходол Ржевского района Калининской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10670.
47. Максимов А. Д. Отчет о раскопках селища Суходол 2 и стоянки Суходол 12 в Ржевском районе Калининской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11473.
48. Черных Е. М. Отчет об археологических исследованиях в Ржевском районе Калининской области летом 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12346.
49. Вишневецкий В. И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII - VII вв. до н. э. - VII - VIII вв. н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.
50. Репман А. Х. Отчет об археологических работах в Вышневолоцком районе Калининской области в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1905.
51. Репман А. Х. Отчет об археологических работах в Вышневолоцком районе Калининской области в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2348.
52. Испанова И. В. Отчет о работе 3 отряда Калининской экспедиции ИА АН СССР в Калининской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10846.
53. Испанова И. В. Отчет о работах Верхнемстинской экспедиции в Удомельском и Вышневолоцком районах Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12139.
54. Леонтьев А. Е. Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7442.
55. Леонтьев А. Е. Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8306.
56. Испанова И. В. Отчет о работах 3 отряда Калининской экспедиции ИА АН СССР в Удомельском и Вышневолоцком районах Калининской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11323.
57. Сидоров В. В. Отчет о раскопках стоянок озера Удомля в Калининской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11002.
58. Сидоров В. В. Отчет о раскопках на озерах Удомля и Неро в Калининской и Ярославской областях в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11032.
59. Черных И. Н. Отчет о раскопках поселений Непеино 1 и Синяя Гора 1 в Калининской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9707.
60. Черных И. Н. Отчет о раскопках поселения Непеино 1 в Калининском районе Калининской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10623.
61. Испанова И. В. Отчет о работах Славянского отряда Калининской экспедиции ИА АН СССР в Калининской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10511.
62. Олейников О. М. Отчет о работе 3 отряда Калининской экспедиции в Калининской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10915.
63. Олейников О. М. Отчет о раскопках древнерусского поселения Благовещение в верховьях р. Волги в Ржевском районе Калининской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11311.
64. Черных И. Н. Отчет об исследованиях на оз. Кафтино в Бологовском районе Калининской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8606.
65. Черных И. Н. Отчет о раскопках поселения Глыби 2 в Фировском районе Калининской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13343.
66. Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры. // СА. 1990. № 2.
67. Башенькин А. Н. Исследование памятников I тысячелетия н. э. в бассейне р. Мологи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992.
68. Мельниковская О. Н. Новые раскопки на Десне. // АО-1966. М., 1967.
69. Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. н. э. Археология СССР. М., 1982.
70. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
71. Дьяковская культура. М., 1974.
72. Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья VI - IX вв. н. э. М., 1982.
73. Короткевич Б. С. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и в Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.
74. Гусаков М. Г. Булавки со спиралевидным навершием в зарубинецкой культуре // КСИА. 1988. Вып. 194.
75. Хомутова А. С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры // СА. 1978. № 2.
76. Хомутова А. С. История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
77. Хомутова А. С. Кузнечная обработка на поселениях Смоленщины в эпоху железа // КСИА. 1982. Вып. 170.
78. Максимов А. Д. Некоторые формы лепных сосудов с затертой поверхностью с городища Орлов Городок // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
79. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.
80. Смирнов К. А. Геродот о населении Волго-Окского междуречья // СА. 1987. № 4.

81. *Иордан*. О происхождении и деянии готы, ""Getika"". Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скрижинской. М., 1960.
82. *Седов В. В.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА. 1971. № 184.
83. *Седов В. В.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. 1974. Вып. 94.
84. *Агеева Р. А.* Субстратная гидронимия западной части Калининской области (в границах исторической Деревской пятины) // Вопросы географии. 1974. Вып. 94.

*Государственная инспекция по охране
и использованию памятников истории
и культуры Тверской области*

A. D. Maksimov
ON CULTURAL DIFFERENCES IN LOCAL GROUPS
OF THE EARLY IRON AGE MONUMENTS IN THE TVER REGION

Summary

The article is based on the materials of report read by the author at the first Tver archaeological conference in March, 1993 and presents the results of further investigations of the problem.

It summerises all the available data on the material culture of the population of the Early Iron Age Tver region. The analysis of the accumulated artefacts and the remains of the houses, household and production premises proves the statement formerly formulated by the author, that the local groups of the Early Iron Age monuments in the Tver region belong to different cultural traditions.

*The State Inspection for Protection
and Use of Monuments of History and
Culture of the Tver Region
9, Novotorzskaya St., Tver, Russia*

И. В. Исланова

СЕЛИЩЕ ТРОИЦА I НА ОЗ. УДОМЛЯ

(о культурных изменениях в середине I тыс. н. э.)

Вопросы периодизации и культурной дифференциации памятников I тыс. н.э. Северо-Запада Восточной Европы остаются слабо разработанными из-за малой источниковедческой базы. В литературе установилось мнение, что все памятники, вплоть до посл. четв. I тыс. н.э., исключая КДК, относятся к железному веку и связаны с дьяковской культурой или ее вариантами [1, с.67-68; 2]. Материалы, полученные при исследовании селища Троица I, ставят под сомнение выводы о столь длительном и непрерывном существовании дьяковских поселений.

Участок, занятый селищем Троица I, был неоднократно заселяем: в эпоху неолита, бронзы, в сер. I тыс. н.э., в кон. I - нач. II тыс. н.э. Раскопки многослойного памятника проводились в 1984-85 гг. В.В.Сидоровым, в 1987 г. - И.В.Ислановой. Здесь в общей сложности исследовано 340 кв. м. Селище занимает мыс, образованный левым берегом протоки из оз.Песьво в оз.Удомля и заливом оз.Удомля, из которого вытекает р.Съежа, правый приток Мсты (Тверская обл., Удомельский р-н). В 0,5 км к ЮЗ, через протоку находится Троицкая церковь бывшего Никольского Удомельского погоста. Высота берега до сооружения плотины Калининской АЭС была 2-3 м. Размеры поселения сер. I тыс. н.э. - 8,4 тыс. кв. м (рис.1).

Основной материал был получен из южного раскопа 1. Анализ полученных материалов осложняется тем, что культурные напластования разных эпох перемешаны из-за распушки и оползания грунта. На основной площади верхний слой представлен серо-коричневой супесью мощностью 0,2-0,3 м, распаханной до материка; на склонах этот слой достигал 0,45-0,5 м. На мысовом участке материалы селища сер. I тыс. н.э. связаны в основном с нижележащим слоем - темно-серой до черной углистой супесью мощностью от 0,2 до 0,5 м. Ниже фиксировалась светло-серая и светло-бурая супесь (0,1-0,2 м). Единичные фрагменты керамики селища встречались и в предматериковых западинах желто-серой супеси. В целом, на склоне материалы сер. I тыс. н.э. прослеживались вплоть до глубины 0,8-0,9 м от дневной поверхности.

Вещевые находки немногочисленны. 4 железных кресала (рис.2,4-7), 3 глиняных грузика дьякова типа (рис.2,1-3) и фрагменты неопределимых железных предметов. Длина кресал 13, 11,2, 11 и 8,2 см. Трапециевидная пластина расширена и заострена на конце. Вершина заканчивается крючком, расположенным в одной плоскости с пластиной. Подобные изделия относятся к типу II по В.Б.Перхавко [3, с.48] и к типу II, виду I по И.Г.Розенфельдт [4, с.144-145]. Ближайшие аналогии происходят с Верхней Оки (Огубское и Мощинское городища), Верхнего Поднепровья (городище Демидовка и селище Слобода-Глушица), из верхневолжского бассейна (городища Отмичи, Карманово, Березняки, Кикинское, Дулевское, Орлов Городок) [4, рис.36,5а,7,9,17; 5, рис.23,3,4; сообщение А.Д.Максимова]. Кресала с дьяковских городищ Москворечья и Сарского городища несколько иной формы [6, табл.VIII; 7, рис.14,2; 4, с.145; 8, табл.X, 10]. Такие предметы датируются 2-ой четв. I тыс. н.э. - VII в. н.э.

Грузики обнаружены в слое пахоты и черной супеси. Два относятся к типу 5а по К.А.Смирнову

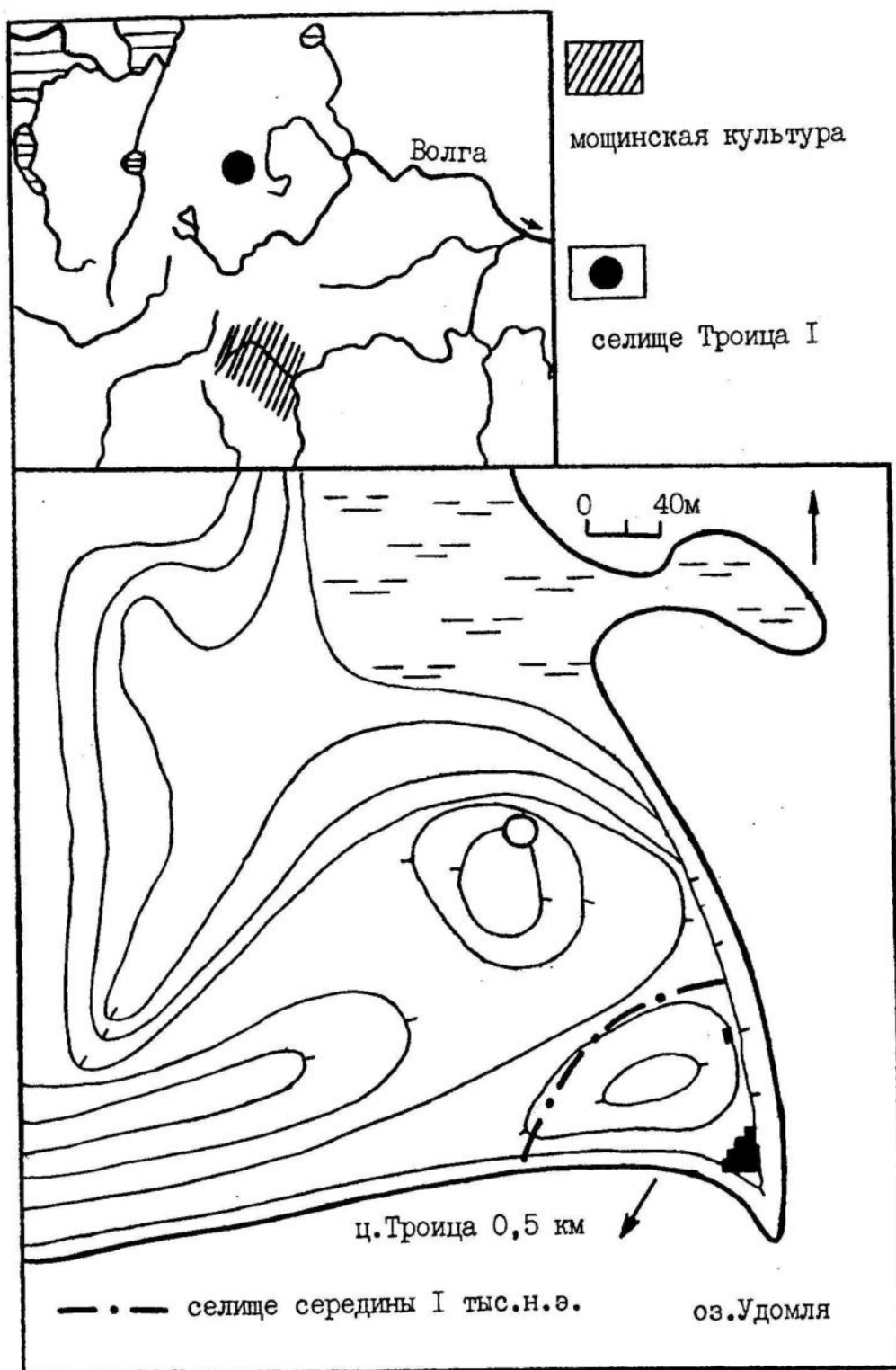

Рис. 1. Местонахождение и план селища Троица I

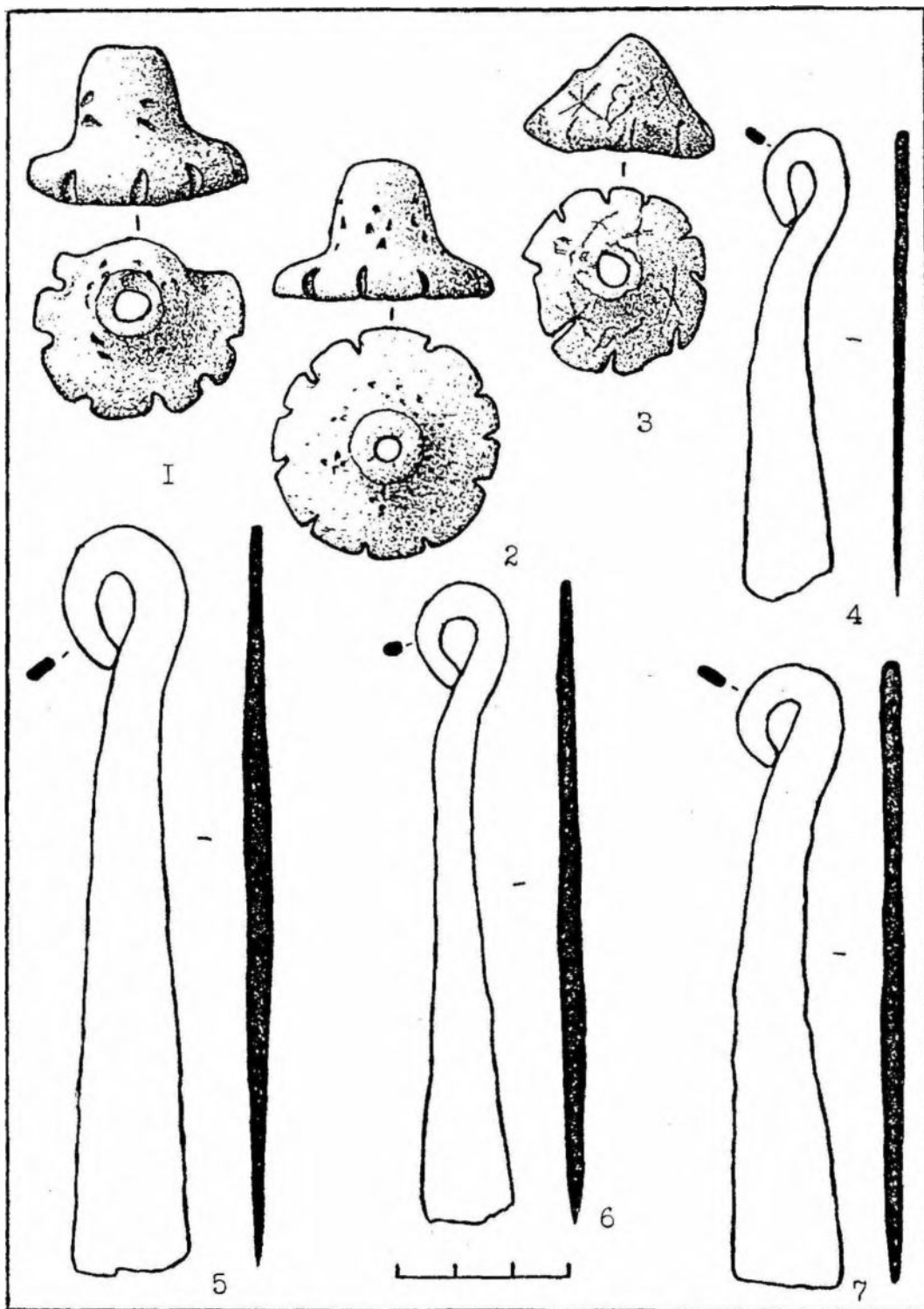

Рис. 2. Находки из раскопок селища Троица 1:
1-3 - дзяковские грузики; 4-7 - пластинчатые кресала

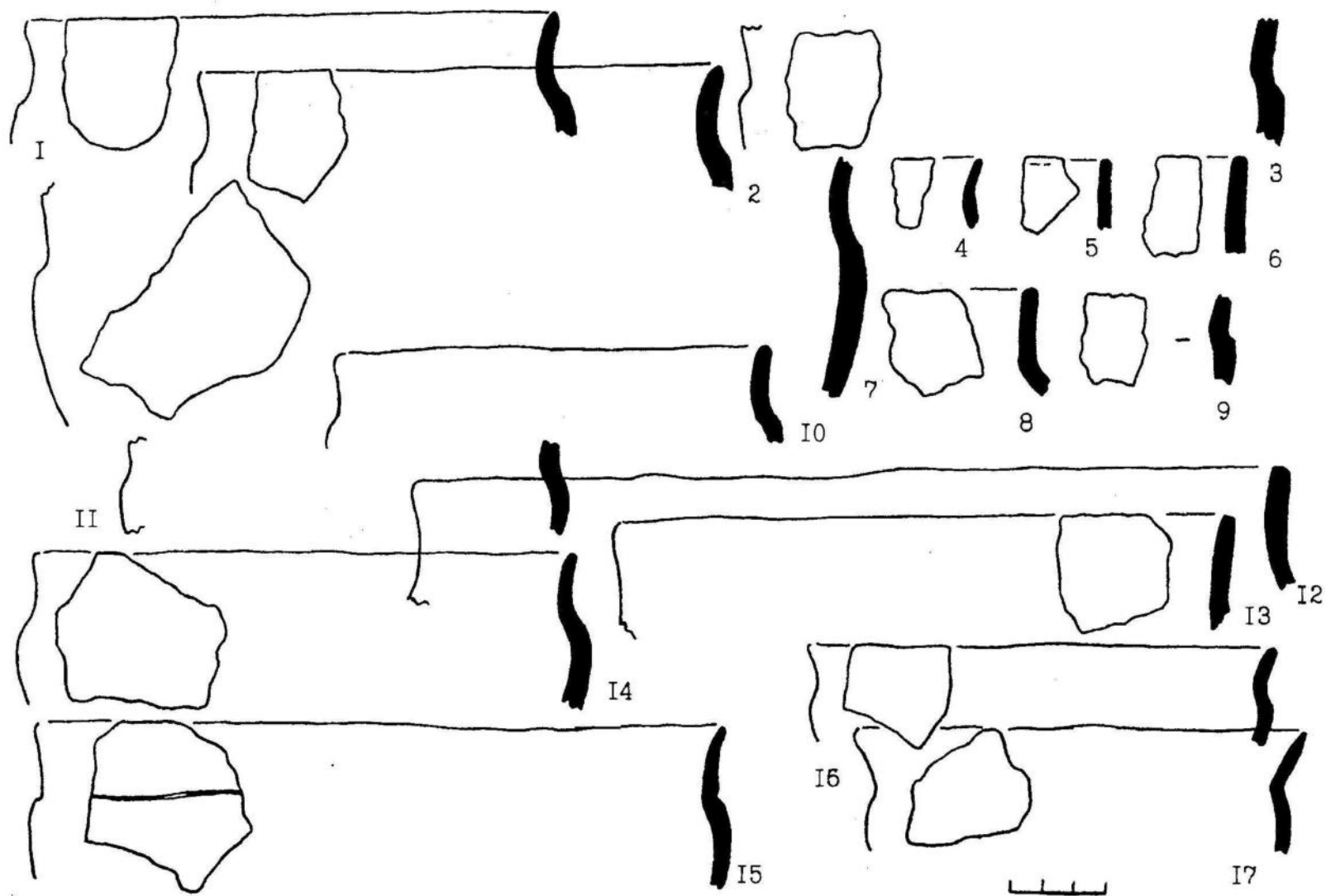

Рис. 3. Керамика селища Троица 1: 1-3, 7, 9 - форма 1; 10, 11, 14, 15 - форма 2; 16, 17 - форма 3;
4-6, 8, 12-13 - мелкие фрагменты

[9, рис.1,6] и украшены вдавлениями заостренной палочки. Один, украшенный нарезками, – к типу 126 [9, рис.1,17]. Такие изделия часто встречаются и известны на памятниках железного века Москворечья, Верхнего Подвинья и Поднепровья [9, с.82,85, табл.6]. Время бытования типа 5а – I тыс. до н.э. – III в. н.э., типа 126 – до III в. н.э. [9, с.96,97].

Особо следует остановиться на керамическом материале южного раскопа. Обнаружено 500 обломков лепных неорнаментированных сосудов. Стенки лепных сосудов с рыхлым тестом и сильно шероховатой поверхностью в основном относятся к селищу I тыс. н.э. Они малочисленны: 1% и 4% (разные участки раскопа) от общего количества лепной керамики. Керамика с незначительно- или слабошероховатой поверхностью, плотным тестом, примесью мелких зерен дресвы и песка в основном связана с селищем сер. I тыс. н.э. От общей массы такая посуда составляет 50, 69 и 84% на разных участках. К тому же времени отнесены единичные фрагменты лощеной посуды черного и темно-коричневого цветов: 1%, менее 1%, 4%. Среди посуды с плотным тестом выделяются находки так называемой затертой керамики: 13, 26 и 37%. Внешняя поверхность такой керамики не просто заглажена, а затерта твердым предметом, не произведено лишь лощение [10, с.24-25].

Среди профилированных обломков (72 экз.) затертые в основном преобладают: у 54% форма не определена, 25% формы 1, 69% формы 2. 42 экз. являются мелкими фрагментами верхних частей, относящихся к тонкостенным (3-6 мм) сосудам с высокой прямой или слабо отогнутой шейкой (рис.3, 4-8,12,13). По небольшим профилированным фрагментам верхних частей (30 экз.) предварительно устанавливаются три формы сосудов.

Форма 1 (33% от анализируемых). Горшки имели короткое плечико в виде уступа, слегка округлое тулово с наибольшим расширением в верхней части, высокую прямую или слабо изогнутую шейку (рис.3,1-3,7,9). Диаметр горла от 14 до 26 см. Преобладают фрагменты со слабошероховатой внешней поверхностью. Ближайшие аналогии такой керамике происходят с памятников мощинской культуры, где она является одним из основных признаков этой культуры [11, с.51, рис.3,3,4, рис.4,5-8; 12, с.10]. Сосуды этой формы преобладают на селище и городище Мощины (63,2 и 57,7%), на городище Серенск (34%) [12, с.10]. Е.А.Шмидт считает подобную посуду специфической особенностью мощинского населения [13, с.310-315], например, на городищах Федотково и Неквасино. Отдельные находки ее есть на городищах Верхней Волги: Орлов Городок (сообщение А.Д.Максимова), Синьковское [14, рис.1,6]. Близкие, но не аналогичные фрагменты происходят с поселения Удомельского Поозерья последующего периода (3-я четв. I тыс. н.э.) – Юрьевская Горка [15, рис.6,4].

Форма 2 (54%). Горшки с округлым туловом, коротким приподнятым плечиком; есть фрагменты с высокой прямой или плавно изогнутой шейкой (рис.3,14). Часть сосудов относится к переходной между 1 и 2 форме (рис.3,10,11). У трех сосудов при переходе от шейки к плечику – бороздка (рис.3,15). Диаметр горла горшков от 8 до 28 см. Близкая керамика известна на Мощинских городище и селище [11, рис.1,26,27], на городище Николо-Ленивец (сообщение Г.А.Массалитиной), на дьяковских памятниках: городищах Орлов Городок (сообщение А.Д.Максимова), Щербинском [16, рис.24,8], на поселении VI-VII вв. Юрьевская Горка [15, рис.6,5].

Форма 3 (13%). Мисковидные сосуды (рис.3,16,17). Хорошо профилированные с округлым туловом, коротким плечиком, резко отогнутой наружу шейкой. Диаметр устья от 12 до 16 см. Два фрагмента подлощенные. Аналогичная керамика известна на памятниках мощинской [11, рис.1,14] и дьяковской культур [17, рис.10,2-4], а также найдена в основании кургана группы Овсищи I на кострищном слое (Тверская обл., Вышневолоцкий р-н, раскопки автора 1986 г.).

Итак, основной керамический набор селища сер. I тыс. н.э. Троица I имеет близость с мощинскими древностями и отдельными позднедьяковскими памятниками. В то же время в ближайшем регионе на дьяковских памятниках 1-ой пол. I тыс. н.э. такой посуды нет. Единичные фрагменты, найденные на поселении 3-й четв. I тыс. н.э. Юрьевская Горка, скорее всего, являются отголоском традиций Троицы I (возможно, преемственностью местной группы населения). Эти памятники расположены в одном микрорегионе в 2 км друг от друга. Заслуживает внимания то, что очень

близкие обломки верхних частей сосудов с высокой прямой шейкой найдены в основании кургана в могильнике Овсищи I, расположенном в 22 км к югу от Троицы I. В этом могильнике кроме небольших курганов известны крупные сопковидные насыпи, сооруженные в сосновом бору на берегу р. Волчины.

Предварительно намечается культурная ориентация памятника нового для Северо-Запада типа - селища Троица I - на районы распространения мощинских древностей. Похоже, следует говорить не только о культурном импульсе из районов, лежащих юго-восточнее, но и перемещении групп населения. Подтверждением служит массовый керамический материал, явно не бывший предметом импорта, традиции изготовления которого попали в Удомельское Поозерье вместе с людьми - их носителями. Отдельные вещевые находки не противоречат такому предположению, хотя дата Троицы I может быть расширена до 2-ой четв. - сер. I тыс. н.э.

В работах Г.А.Массалитиной [12; 16] аргументированно удревнено время мощинской культуры: II-V вв. н.э., ранее опирались на дату IV-VII вв. н.э. [18, с.44]. Интересно, что погребальные памятники мощинской культуры представлены крупными курганами высотой 2-4,5 м и диаметром до 20 м и более, расположенными на высоких коренных берегах [12, с.14]. Ряд признаков погребального обряда и топография совпадают с группой насыпей в Овсищах I: сожжение, наличие кострищ, перенос основной массы костей с кострища в сооруженную выше насыпь, наличие сосудов-приставок [12, с.14]. Вопреки существовавшему ранее мнению, кольцевые оградки под насыпью не являются характерным признаком мощинской культуры [12, с.14], отсутствуют и достоверные данные о наличии в курганах деревянных домовин [19, с.11-12]. Более детальное сопоставление древностей разных регионов невозможно, так как мощинских курганов раскопано около 20, а в группе Овсищи I - всего один.

Следует подчеркнуть отсутствие генетической преемственности между мощинской культурой, распространенной в бассейне левых притоков Верхней Оки, и памятниками боршевского типа (хронологическая лакуна более чем в 300 лет) [12, с.17]. При этом Г.А.Массалитиной отмечается распространение элементов мощинской культуры в западном и северо-восточном направлениях в среду тушемлинских и дьяковских племен [12, с.17].

Исходя из вышесказанного, вероятно, следует вернуться к гипотезе о появлении традиции сооружения крупных погребальных насыпей на Северо-Западе Восточной Европы из Верхнего Поднепровья (П.Н.Третьяков [20, с.284]) или из бассейна Верхней Оки (Е.Н.Носов [21, с.231-234]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев А.Е. Древнерусские поселения верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Капанин, 1983.
2. Вишневецкий В.И. Дьяковская культура в верхнем Поволжье VIII-VII вв. до н.э. - VII-VIII вв. н.э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.
3. Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. N 4.
4. Розенфельдт И. Г. Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
5. Вишневецкий В.И. Приложение к диссертации... "Дьяковская культура в верхнем Поволжье VIII-VII вв. до н.э. - VII-VIII вв. н.э.". Архив ИА РАН. Р-2. N 2486.
6. Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
7. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. Т.1. М., 1970.
8. Эдинг Д. Сарское городище. Ростов Великий, 1928.
9. Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков "Дьякова типа" с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. Т. 2. М., 1971.
10. Максимов А.Д. Некоторые формы лепных сосудов с затертой поверхностью с городища Орлов Городок // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
11. Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. 1993. Вып.208.
12. Массалитина Г.А. Мощинская культура: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
13. Шмидт Е.А. Днепро-Двинские племена в I тысячелетии н.э. Дисс. ... докт. ист. наук. Смоленск, 1974. (Архив ИА РАН. Р-2. № 2151).

14. *Вишневский В.И.* Синьковское городище (по раскопкам О.Н.Бадера в 1928 г.) // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
15. *Исланова И.В.* Керамика селища Юрьевская Горка // РА. 1995. № 2.
16. *Розенфельдт И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
17. *Розенфельдт И.Г.* Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. Т.2. М., 1971.
18. *Седов В.В.* Восточные славяне VI-XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
19. *Носов Е.Н.* К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры // КСИА. 1974. Вып. 139.
20. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
21. *Носов Е.Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. VI.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I. V. Islanova

**TROITSA 1 SETTLEMENT AT THE UDOMLYA LAKE
(ON CULTURAL CHANGES IN THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENIUM A. D.)**

Summary

Data obtained upon investigations performed at the Troitsa 1 settlement (the Udomlya district of the Tver region) lead to revaluation of the generally acknowledged concept of stable and continuous existence of Djakov's culture in the North-Western part of the Eastern Europe, which lasted till the final quarter of the 1st millennium A.D. The materials found at the settlement are represented by single personal belongings and compact collection of plastic pottery. The ceramics found are very much alike those of the Moschinsk's culture spread over a totally different region (the Upper Oka basin) in II-IV centuries A. D. Presumably one can speak about the migration of certain groups of population belonging to this culture, to the north (the Volga-Baltic watershed, the Udomlya Lake district), in the middle of the 1st millennium A.D. The similarity of ceramical forms, as well as high barrows found here, make it possible to return, with some reservations, to the hypothesis according to which the tradition of building conical-shaped barrows was imported to the North-West of the Eastern Europe from the territory occupied by the Moschinsk's culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

В. М. Воробьев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВЕРСКОЙ ГИДРОНОМИИ

В большинстве случаев при планировании и проведении археологических разведок специалисты обходятся без анализа топонимических материалов, и это не влечет за собой заметных информационных потерь. Учитываются обычно лишь названия населенных мест типа ГОРОДИЩЕ (ГОРОДНЯ, ГОРОДОК и пр.), СЕЛИЩЕ, КУРГАНЫ, СОПКИ.

Полевой опыт показывает, что в Тверской области подавляющее большинство названий населенных мест с основой "город" действительно является надежным индикатором в поисках укрепленных поселений. Но иногда название ГОРОДОК может соответствовать одиночной новгородской сопке или содержательно совпадает с более поздним понятием "поселок". Увы, поныне не картографированы все упомянутые в источниках топонимы с этой основой в Тверской области и не проведены специализированные разведки по научному выявлению сопутствующих им археологических объектов с постановкой их на государственную охрану. А ведь ввиду их визуальной притягательности и связанных с ними легенд они служат частой добычей дорожных строителей и кладоискателей. Потери здесь ощутимы, они множатся и известны специалистам. Но, как ни парадоксально, еще не осмотрено даже самое ближнее к Твери место с подобным топонимическим индикатором - д.Городня на ручье, идущем от пос.Заволжский к левобережью р.Тьмы.

Термин "селище" имеет в русском языке несколько иной смысл, чем привыкли видеть в нем археологи. "Селище" - место, где прежде было селение. Археологи же, как известно, именуют "селищами" неукрепленные поселения раннего железного века и средневековья. Но названия населенных мест СЕЛИЩЕ, очень распространенные, в том числе и в Тверской области, могут указывать и на наличие поблизости укрепленного поселения. Смысловой акцент в данном случае приходится на слово "поселение", а не на определение "укрепленное". В такой ситуации становится понятным, почему, скажем, у дд. с названием СЕЛИЩИ, СЕЛИЩЕ, СЕЛЯНЕ в Западнодвинском, Максатихинском, Селижаровском и других районах находятся именно городища, а не селища.

Кроме того, название населенного пункта СЕЛИЩЕ может описывать и не очень древнее поселение, основанное в XVIII-XIX вв. и предшествовавшее современному. В этом случае попытка поиска древнего археологического культурного слоя не даст результата.

Далеко не всегда выявляются погребальные памятники близ селений с названиями КУРГАНЫ, СОПКИ и т.п. В одних случаях это объясняется тем, что к настоящему времени древние некрополи разрушены, в других - такой терминологией описываются не археологические, а природные объекты: холмы, гряды, озы, камы и др. Единственный известный мне положительный топонимический пример этой группы в Тверской области - д.ЖАЛЬЦЫ в Вышневолоцком районе. Но близ нее находятся не жальники, а группа сопки. Видимо, в основе названия данного селения лежит не специализированный археологический термин, а слово "жаль, жель" в значении "кладбище, могила" (в широком смысле).

Названия населенных мест ГОРА, ГОРКА и производные от них обычно не несут в себе археологического содержания. Но всем известна народная традиция именования по этой модели непосредственно городищ: ЧЕРНАЯ ГОРА, ЗОЛОТАЯ ГОРА, ВАРВАРИНА ГОРА, ЧЕСНОЧНАЯ ГОРА, ВЫСОКАЯ ГОРА. Населенных же мест с такими названиями в Тверской области нет.

Перспективны при поиске средневековых объектов названия населенных мест, образованные от терминов подсечно-огневого земледелия: ЖАРЫ, ПАЛИХА, РАМЕНЬЕ, ТЕРЕБЕНИ, ГАРИ, ИЗОРЫ, ЛЯДЫ, ОСЕЧНО, ПОЛЯНЫ и др.

Для поиска мест добычи и обработки сырья индикаторами могут служить названия населенных мест от основ "камень", "кремень", "опока", "железо", "глина".

Рассмотрим археологические возможности тверской гидронимии. Они двойки. Во-первых, картографирование древнеевропейских, балтских, финских и славянских гидронимов, казалось бы, может дать пищу для этнокультурных выводов. Но в действительности это непростая проблема. Очень редкие древнеевропейские гидронимы могут указать лишь на древность номинации. Финские гидронимы повсеместны и разновременны. Славянская гидронимия также не локализована и качественно преобладает (главным образом, в группах средних и небольших водоемов). Многие славянские гидронимы являются кальками или полукальками субстратных названий. Продуктивно в целях этнического картографирования рассмотрение балтских гидронимов, а именно степени их продвинутости на восток. Семантика субстратных гидронимов Великого водораздела - сложная и нерешенная проблема, в рассмотрении которой неэффективны и вредны любительские упражнения. Во-вторых, археологические возможности тверской гидронимии вытекают из семантики славянских названий рек и озер этого региона. Реки и озера - довольно обширные по площади или по протяженности природные объекты. Археологические же памятники, которые мы пытаемся найти, локальны и невелики по размерам. Это объективное противоречие и ограничивало продуктивность такого типа номинации, поэтому число гидронимов с археологическим содержанием невелико. Если все-таки такое содержание в гидрониме есть, то отмеченное выше противоречие затрудняет поиск конкретного небольшого объекта на берегах водоема.

В Тверской области более 1500 рек, а озер, по подсчетам лимнологов, более 4500. Все реки имеют названия, что же касается озер, то по топографическим картам устанавливается чуть более 1000 названий. Справедливости ради скажем, что остальные озера очень невелики по размерам и могут не иметь индивидуального наименования, а сотни из них - "окна" в болотах.

Анализ всей гидронимической информации по рекам и озерам позволил выделить предварительно 11 групп названий, имеющих прямое или косвенное отношение к археологической проблематике.

1. По этнонимам: р. МЕРЗКАЯ, Ржевский р-н (от "меря"); р.МАРЕВКА, Пеновский р-н (от "морева"); р. СЛАВЯНКА, Бологовский р-н.

2. По типу селений:

а) с основой "село" - р.СЁЛКА, Жарковский р-н (в устье - средневековое селище); р. СЕЛЬНИЦА, Лихославльский и Рамешковский р-ны; р. СЕЛЬНЯ, бассейн р.Обши, Бельский р-н; оз.СЕЛИЩЕ, басс.р.Березайки, Бологовский р-н; оз.СЕЛИЩЕ, басс. р.Сережи, Андреапольский р-н; оз.СЕЛЬЦЫ, басс. р.Торопы, Андреапольский р-н; р.СТАРОСЕЛЬСКАЯ и оз.СЕЛЬСКОЕ, басс. р.Торопы, Торопецкий р-н;

б) с основой "город" - р.ГОРОДЕНКА, басс. р.Березы, Нелидовский р-н; р.ГОРОДЕНКА, из оз.ГОРОДЕНКА, басс. р.Полы, Пеновский р-н; р.ГОРОДЕНКА, басс. Нижней Старицы, Старицкий р-н (в устье - Старицкое городище); р.ГОРОДЕНКА, басс. р.Тудовки, Оленинский р-н; р.ГОРОДНИЦА, басс. р.Волкоты, Пеновский р-н; р.ГОРОДНЯ, басс. р. Бойни, Ржевский р-н (на левом берегу - городище раннего железного века); р.ГОРОДНЯ, в оз. Витбино, Пеновский р-н (на берегу городище раннего железного века и эпохи средневековья); р.ГОРОДНЯ, левый приток р.Волги, Конаковский и Калининский р-ны (в устье - городище раннего железного века у д.Еди-моново); р.ГОРОДНЯ, басс. р.Кокши, левого притока р.Волги, Ржевский р-н; р.ГОРОДНЯ, басс. р.Тьмы, Капининский район; р.ГОРОДНЯ, басс. р.Дрезны, Рамешковский р-н; р. ГОРОДНЯ, басс. р.Западной Двины, г.Андреаполь (в устье - городище раннего железного века и эпохи

средневековья); р. ГОРОДНЯНКА, басс. р.Обши, Бельский р-н; оз.ГОРОДНО, басс. р.Волчины, Вышневолоцкий р-н (на острове у западного побережья озера - городище раннего железного века у д.Шелемиха); оз.ГОРОДНО, басс. р.Торопы, Торопецкий р-н (городище раннего железного века у д.Лучки); оз.ГОРОДНО, басс. р. Серези, Андреапольский р-н (городище раннего железного века у д.Конаи); оз. ГОРОДНЯ, бассейн оз.Шишово, правобережье р.Мсты, Вышневолоцкий р-н (городище раннего железного века).

3. Названия озер от двусосновых древнеславянских мужских личных имен.

Анализ названий населенных мест показывает, что они очень древни, соответствуют ранней волне славянского расселения. Если на берегу такого водоема ныне нет эпонимного населенного пункта, то перспективны поиски места его прежнего расположения. Обращает на себя внимание необычное обилие гидронимов с основой ЛЮБ-, служившей первой или второй частью многих двусосновых славянских личных имен: оз.ЛЮБЦЫ, басс. р.Руны, Пеновский р-н; оз.ЛЮБЫНЬ, басс. оз.Упин, Западнодвинский р-н; оз.ЛЮБИНО, истоки р.Полы, Андреапольский р-н; р.ЛЮБЕШ, басс. р.Оки, Торопецкий р-н; р.ЛЮБИМКА, басс. р.Кесьмы, Весьегонский р-н; р.ЛЮБИНКА, басс. р.Осеченки, Вышневолоцкий р-н; р.ЛЮБИНКА, басс. р.Мелечи, Молоковский р-н; р.ЛЮБИХА, басс. р.Рени, Сандовский р-н; р.ЛЮБИЦА, басс. р.Поведи, Кувшиновский р-н; р.ЛЮБУТКА, в оз.Велия, басс. р.Торопы, Андреапольский р-н; р.ЛЮБЧИНА, в оз.Жижицкое, басс. р. Торопы, Торопецкий р-н.

Имена с этой основой были очень распространены, а гидронимы, как известно, очень устойчивы во времени. Но не исключается и прямое образование гидронима от апеллатива "любимый", то есть "дорогой, хороший" (эпитет, характеризующий местность). К этой же группе отнесем названия: оз.ХОТИЛОВО, восточный берег оз.КАФТИНО, Бологовский р-н (от основы ХОТ- в значении "желать, желанный"); р.ГОСТИЖА, басс. р.Вазузы, Ржевский и Зубцовский р-ны (от основы ГОСТЬ-); р.ВЕДЕМЬЯ, басс. р.Тверцы, Калининский р-н (от основы ВЕД- в значении "ведать", "знать"); оз.ЛАДОМИРО, басс. р.Торопы, Андреапольский р-н (от основ со значениями "лад" и "мир"); озера Большой ЖИТОНЕГ и Малый ЖИТОНЕГ, Сосницкий плес оз.Селигер, Осташковский р-н (от основ со значениями "жить" и "нега"); оз.ВИНИГОЩИ, левобережье р.Западной Двины, Западнодвинский р-н (значение первой основы не вполне ясно, вторая основа ГОСТЬ-).

Насколько мне известно, попытки поиска раннесредневековых памятников по таким отантропонимным названиям небольших водоемов пока не предпринимались.

4. От терминов подсечно-огневого земледелия произведены названия водоемов, не требующие специальных пояснений:

- а) от "рамень": р. РАМЕНКА, Бельский р-н; р. РАМЕНКА, Оленинский и Ржевский р-ны;
- б) от "лядо": р. ЛЯДКА, Вышневолоцкий р-н;
- в) от "осек" : оз. ОСЕЧНО и р.ОСЕЧЕНКА, Вышневолоцкий р-н;
- г) от "дервь, тереб": оз.Б.ДЕРБОВЕЖ и М.ДЕРБОВЕЖ, Западнодвинский р-н; оз.ДЕРБЕЖ, Западнодвинский р-н; р.ДЕРБИТКА, Западнодвинский р-н; р.ДЕРНА, Старицкий р-н; р. ДЕРТНЯ, Бельский р-н; р.ТЕРЕБОТКА, Андреапольский р-н;
- д) от "дор": р. ДОРЕЕВКА, Зубцовский р-н; руч.ДОРИВЕЦ, Осташковский р-н; руч. ДОРИНЕЦ, Фировский р-н; р. ДОРИЩЕНКА, Торопецкий р-н; р. ДАРНЯ, Ржевский р-н; р.ЗАДОРНЯ, Пеновский р-н.

Учет гидронимов этой группы может помочь в отработке методики поисков полей древнего земледелия.

5. Названия, соотносящиеся с обозначением могильников:

- а) от "калм, колм", то есть кладбище (фин.) : оз.КОЛОМЕНСКОЕ, Вышневолоцкий р-н; оз.КОЛОМИНЕЦ, Бологовский р-н;
- б) от "жалъ, жель", то есть кладбище, могила (др.рус.): оз. ЖЕЛЬНО, Андреапольский р-н; оз.ЖЕЛИБЬЕ, Вышневолоцкий р-н; р.ЖЕЛЕМЬЯ, Весьегонский р-н; р.ЖАЛЕНКА, Торжокский р-н; р.ЖАЛЬЦА, Торопецкий р-н.

6. Есть некоторое число названий озер и ручьев, связанных с ритуальным почитанием этого

источника: оз.СВЯТОЕ, Западнодвинский р-н; Рамешковский р-н; Бологовский р-н; Осташковский р-н; руч. СВЯТОЙ, Рамешковский р-н; Сандовский р-н и др.

Заметим, что основная часть источников с такими названиями – ключи и родники. Суммарных сведений на этот счет нет.

7. С волоковой лексикой связано немного гидронимов. Возможно, потому, что Великий водораздел буквально испещрен сотнями переходов-волоков. Значит, различительная функция таких названий здесь обычно невелика. Исключение – наиболее значимые переходы. Так, название оз.ОХВАТ (Пеновский и Андреапольский р-ны) производят от финских терминов “охт”+“вад”, в значении “озеро на лесном волоке”. Здесь лежит важнейший переход с истоков Западной Двины в систему Верхневолжских озер. От понятий “всходить”, “съезжать”, “переходить” образованы следующие гидронимы: оз.ЕЗЖИНСКОЕ и р.ЕЗЖИНИЦА, Осташковский и Пеновский р-ны (это кратчайший и единственный удобный путь между оз.Селигер и Верхневолжскими озерами с востока на запад. В устье ЕЗЖИНИЦЫ большие скопления средневековых поселений и могильников на берегу оз.Вселуг); оз.ВЫСКОДНО, Бологовский р-н (переход из басс. оз.Кафтино на р.Мсту); р.ВОСКОДЫНКА, Удомельский р-н, (местный волок); р.СЪЕЖА, Удомельский р-н (по ней сплавлялись в Мсту из Волжского басс., с р.Волчины); р.ВЗВОЗКА, Молоковский р-н, (переход на р.Сить и р.Мологу). От термина “волок” образованы такие гидронимы: р. ВОЛОШНЯ, Спировский р-н (знаменитый переход между рр.Медведицей и Тверцой на пути между Ростовом Великим и Новгородом); р.ВОЛОШНЯ, Кувшиновский р-н (в ее верховьях самый короткий и прямой переход на р. Б.КОША, левый приток Волги, из басс. Тверцы, то есть это основной мост Тверца-Волга); оз.ВОЛОШНО, Вышневолоцкий р-н (лежит в полосе Главного Европейского водораздела, в начале волока из басс. Мсты к оз.Волчино в басс. Волги. Водоем занимал ключевое положение в миграционном отношении). Любопытна загадка названия р.ВОЛЖАНКИ в басс. р.Съежи, Удомельский р-н. Проработка мною всех разумно допустимых вариантов переходов через полосу Главного Европейского водораздела на Валдайской возвышенности показала, что пути движения из басс. Мсты на Тверцу и Волгу завершаются в восточном направлении следующим маршрутом: Мста – Уверь – Шабодерка – оз. Шабодро – Волжанка – волок на истоки Волчины – далее на Мологу или через второй волок (с оз. Судомля на оз. Осечно) на Тверцу.

8. Известно, что районы гнездования перелетных птиц и маршруты их перелетов не меняются на протяжении тысячелетий. Известна также исключительная роль охоты на водоплавающую дичь в первобытности. Второй фактор определялся лервым и был очень стабилен. Небезынтересно, в связи с этим, провести детальные разведки по берегам необследованных пока речек и озер: оз. ЛЕБЕДИНЕЦ и р. ЛЕБЕДИНКА, Андреапольский р-н; р. ЛЕБЕДКА, Торжокский р-н; оз. ГУСИНОЕ, Осташковский р-н; оз. КОЛПИНЕЦ, Бологовский р-н (дважды); Лесной, Удомельский р-ны; оз. КОЛПИНО (дважды), Пеновский р-н; р. КОЛПИНКА, Пеновский, Весьегонский, Молоковский р-ны.

Еще три группы топонимов с археологическим содержанием образованы от терминов, обозначающих ископаемое сырье.

9. Термин “глина” произносился и писался в древнерусское время как “гнила”, поэтому не менее 8 названий небольших водоемов (ГНИЛИЦА, ГНИЛОВКА, ГНИЛОВИК и даже ГНИЛУХА) следует восстанавливать скорее от названия этого минерала, а не от обозначения гниения. Эти названия стоят в одном ряду с чрезвычайно широко распространенными гидронимами ПЕСЧАНКА и КАМЕНКА. Специалисты по керамике имеют возможность проверить это предположение при поисках мест добычи глин в древности и мест ее обработки, в том числе и поселений.

10. В Тверской области открыты сотни городищ и селищ раннего железного века и еще большее число средневековых поселений. На очень многих из них встречаются железные шлаки и изделия из железа местного производства. А городище 1 тыс.н.э. ОРЛОВ ГОРОДОК на р.Могоче в Молоковском р-не дало при раскопках исключительные по разнообразию, числу и значимости материалы для изучения металлургии железа в лесной зоне. Это производство держалось на местном сырье. Даже в средневековых городах, не говоря уже о сельском округе, доля привозных железных изделий и привозного сырья была поначалу невелика. Но мне неизвестны по-

пытки поиска конкретных месторождений болотных и луговых железных руд археологами - специалистами по раннему железному веку и средневековью в Тверской области. Если методика этого поиска еще не создана, то, возможно, учет гидронимов поможет движению в этом направлении. Ведь речь идет об основном сырье для производственной деятельности человеческих коллективов на протяжении более 2000 лет - самом лучшем, самом необходимом и довольно распространенном и доступном.

В этом лексическом поле лежат следующие тверские гидронимы:

от "руда, рудница" - р. РУДЕНКА, Калининский р-н; р.РУДИНКА, Вышневолоцкий р-н; р.РУДНЕВКА, Вышневолоцкий р-н; р.РУДНИЦА, Торжокский р-н; р.РУДОМОШЬ, Кимрский и Кашинский р-ны; р. РУДЫНЯ, Торопецкий р-н;

от "ржа, ржавец" - р.АРЖАТЬ, Бельский р-н; р.РЖАТЬ, Зубцовский и Старицкий р-ны; р. РЖАВИЦА, Пеновский р-н; р.РЖАНКА, Осташковский р-н;

от "железо" - оз.ЖЕЛЕЗИНСКОЕ и р.ЖЕЛЕЗИНКА, Лесной р-н; оз.ЖЕЛЕЗНОЕ, Удомельский р-н; р.ЖЕЛЕЗЕНЕЦ, Максатихинский р-н; р. ЖЕЛЕЗЕНКА, Торопецкий р-н.

11. Группа гидронимов происходит от обозначения каменного сырья. Обычно название речки или ручья КАМЕНКА объясняют как "водоем с каменистым ложем". Но в верховьях Волги, Западной Двины и Мсты, где многочисленны выходы в береговых обнажениях кремнесодержащих известняков, это объяснение можно конкретизировать. Во многих случаях за таким названием стоит обозначение кремня как синонима камня вообще.

Мне удалось найти 29 названий водоемов КАМЕНКА или производных от этой основы. Обычно это очень небольшие водотоки, и разведок по их берегам, как правило, не было. Изредка осматривались лишь мысы в приустье, при впадении такой речки в более крупный водоем. Приведу сведения об обследованных водоемах:

р.КАМЕНЕЦ, басс. Ветожетки, Пеновский р-н - в устье стоянка эпохи неолита Горовастаца 1, раскопанная на большой площади Н.Н.Гуриной;

р.КАМЕНЕЦ, в оз. Лучане, Андреапольский р-н - в приустье около 10 стоянок неолита у дд. Ям, Борзово, Колотилово;

р.КАМЕННИЦА, левый приток Волги, Ржевский р-н - в устье мастерские эпохи мезолита, открытые автором и раскопанные А.В.Мирецким;

р.КАМЕНКА, басс. Обши, Бельский р-н - в приустье стоянки у д. Верховье и местонахождение эпохи мезолита у д. Рыделово;

р.КАМЕНКА, левый приток Волги, Конаковский р-н - автором статьи открыты в приустье 10 поселений каменного века;

р.КАМЕНКА, левый приток Межи, Нелидовский р-н - автором открыты 9 мастерских и поселений мезолита и неолита у дд. Б.Каменка и Шабаны в приустье КАМЕНКИ;

р.КАМЕНКА, в оз.Тихмень, Фировский р-н - тверскими археологами открыты и частично раскопаны 4 неолитических поселения у д. Кузино, давшие богатый инвентарь.

Несколько гидронимов произведены непосредственно от термина "кремень":

оз.КРЕМНО, из него р.КРЕМЯНКА, басс. Межи, Нелидовский р-н - не обследованы;

р.КРЕМЕНА, левый приток Западной Двины, Андреапольский р-н - в ее приустье, выше по течению З.Двины (на оз.Охват) и ниже по течению (д.Курово) открыты десятки поселений каменного века, индустрия которых существовала на местной сырьевой базе;

оз.КРЕМНО, басс. Мологи, Лесной р-н - не обследовано;

р.КРЕМНА, левый приток Обши, Оленинский р-н. Ее исток лежит на Главном Европейском водоразделе, в 3 км от истока Днепра. В ее приустье в 1994 г. открыты выходы высококачественного кремня. В этом микрорайоне сопрягаются бассейны всех трех рек: Волги, Днепра и Западной Двины, поэтому он нуждается в детальном разведочном обследовании.

В целом тверской гидронимический материал не является столь уж весомым по своему объему информационным дополнением к традиционным археологическим источникам и методикам. Но для изучения эпохи первобытности он может оказаться весьма важным, особенно при поисках городищ и месторождений минерального и рудного сырья.

Будучи дополненным микротопонимическими наблюдениями и названиями населенных мест (в том числе исчезнувших), он поможет археологам и в локализации объектов, и в прояснении деталей хозяйственной деятельности, и в картографировании древних путей сообщения на Великом водоразделе.

*Тверской областной институт
усовершенствования учителей*

V. M. Vorobyov
ARCHAEOLOGICAL ASPECTS OF TVER HYDRONYMY

Summary

The toponymy as a branch of science can offer materials for complete evaluation of the aims of archaeology. The article is an attempt to make a review of these materials taken from the territory of the Tver region. Here on the Valdai Hills the sources of the great European rivers are located: the Volga, the Dnieper and the Zapadnaya (Western) Dvina (Daugava). Besides hundreds of other rivers and lakes are situated here.

Briefly touching upon the theme of the settlements whose names have an archaeological context, the author analyzes in detail the Tver hydronymy. Many of the names of the rivers and lakes were formed on the basis of the terminology that concerns ancient settlements and graves, the places that the people crossed going from one river basin to another, deposits of flint, clay, iron and other raw materials. Field researches confirm that the main part of such hydronyms corresponds to the real archaeological objects located on the banks of these rivers and lakes.

It's necessary to map all such toponyms that may be found in the historical documents. It will complete the scope of methods for research work in the field of archaeology.

*The Tver Regional Institute
for Teacher's Professional Perfection
7, Volokolamsk Ave.,
Tver, 170009, Russia*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ - Археологические Вести. С.-Петербург
АИЧПЕ - Ассоциация по изучению четвертичного периода в Европе
АН СССР - Академия наук СССР
АО - Археологические открытия. Москва
АПВКМ - Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново
АСГЭ - Археологический сборник Гос. Эрмитажа. С.-Петербург (Ленинград)
АЭ МИГМ - Археологическая экспедиция Музея истории города Москвы
АЭМК - Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БМОИП - Бюллетень Московского общества испытателей природы. Москва
ВКМ - Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск
ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры (Москва - Ленинград)
ГИМ - Государственный исторический музей (Москва)
ГИН - Геологический институт РАН (АН СССР). Москва. Индекс радиоуглеродных анализов
ЗОРСА РАО - Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. С.-Петербург-Петроград
ИА - Институт археологии (Москва)
ИАК - Известия археологической комиссии. С.-Петербург-Петроград
ИГАИМК - Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Ленинград
ИГАН - Институт географии РАН (АН СССР). Москва. Индекс радиоуглеродных анализов
ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры РАН (С.-Петербург)
КДК - Культура длинных курганов
КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛЕ - Лаборатория археологической технологии Ленинградского отделения ИА АН СССР (ИИМК РАН. Ленинград - С.-Петербург). Индекс радиоуглеродных анализов
ЛОИА АН СССР - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГУ - Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МК - Министерство культуры
МКФУ - Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 1985
НИР - Научно-исследовательская работа
НК - научная конференция
НПЦ - Научно-производственный центр
РА - Российская археология. Москва
РАН - Российская Академия наук
РЭ - Российский этнограф. Москва
СА - Советская археология. Москва
САИ - Свод археологических источников. Москва, Ленинград (С.-Петербург)
СКУ - стратиграфический контрольный участок
СЭ - Советская этнография. Москва
ТА - Институт зоологии и ботаники АН Эстонии. Тарту. Индекс радиоуглеродных анализов
ТАС - Тверской археологический сборник. Тверь
Тр ГИМ - Труды Государственного исторического музея. Москва
ТД НК - Тезисы докладов научной конференции
Тр. СА (ТСА) РАНИОН - Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва
ФАН - Филиал Академии наук
AA - Acta archaeologica. København
AUN - Societas Archaeologica Uppsalensis. Uppsala
FA - Fennoscandia Archaeologica. Helsinki
FM - Finskt Museum. Helsingfors
JWP - Journal of World Prehistory. New York - London
IMCH - Institute of Material Culture History. Russian Academy of Sciences. St-Peterburg
ISKOS - Suomen muinais muistoyhdistys finska form min nesföreninden. Helsinki - Helsingfors
MLUHM - Meddelanden från Lunds Universuets Historiska Museum. Lund
NAR - Norwegian Archaeological Review. Oslo
Ri - Научно-исследовательский институт морской геологии и геофизики. Рига. Индекс радиоуглеродных анализов

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

К 60-летию Льва Владимировича Кольцова To the 60-s Anniversary of Lev Vladimirovich Koltsov	3
Кольцов Л. В. Некоторые аспекты изучения археологических культур Koltsov L. V. Some aspects of research of the archaeological cultures	5
Воробьев В. М. Волоки в Верхнем Подвинье (к разработке методики изучения древних путей сообщения) Vorobyov V. M. The ways of transition in the basin of the upper part of Zapadnaya Dvina (to working-out of methods of study of the ancient ways of movement)	9
Сидоров В. В., Энгватова А. В. Основания палеоэкономических реконструкций присваивающего хозяйства Sidorov V. V., Engovatova A. V. The basis of paleoeconomical reconstructions of extensive economy	15
Шахнович М. М. Индустрия кварца в Северной Европе: качественный аспект Shahnovich M. M. The quartz industry in the Northern Europe: the qualitative aspect	27
Шумкин В. Я. Проблемы изучения раннеолитического периода Северной Фенноскандии Shumkin V. Ya. Problems of the Early Neolithic studies in the Northern Fennoscandia	34
Цетлин Ю. Б. Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) Tsetlin Y. B. The general principles for decoration of the ancient pottery (first approach to the problem)	39
Жилин М. Г. Наконечники стрел "шигирского" типа в мезолите и раннем неолите Восточной Европы Zhilin M. G. Arrowheads of the "Shigir" type in the Mesolithic and Early Neolithic of Eastern Europe	50
Ланцев А. П., Мирецкий А. В. Стоянка Троицкое 3 - один из древнейших памятников Тверского Поволжья Lantsev A. P., Miretsky A. V. Troitskoye 3 site - one of the most ancient monuments of the Tver-Volga region	57
Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита Spiridonova E. A., Alezhinskaya A. S. The features of the vegetation formation and structure in the Volga-Oka rivers interstream area during the Mesolithic	65
Кольцов Л. В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы Koltsov L. V. The mesolithic cultures located between the Volga and the Oka in the East-European cultural context	71
Сидоров В. В. Мезолит бассейна р. Съези Sidorov V. V. The Mesolithic of the Syezha basin	75
Сорокин А. Н. О связях населения бутовской и иеневской культур Sorokin A. N. About the contacts of the Butovo and the Jenevo culture's inhabitants	93
Кравцов А. Е., Спиридонова Е. А. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье Kravtsov A. E., Spiridonova E. A. On the age and natural environment of the Jenevo culture sites at the Volga-river basin near Tver	99
Зотько М. Р. Стоянка Озеренки 4 в контексте памятников иеневской и песочноровской культур Zotko M. R. Ozerenki 4 site within the context of the Jenevo and the Pesochniy Rov (Sand-Ditch) cultures	108
Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг. Zhilin M. G. Some results of excavations of peat site Ozerki 5 in 1990-1994	118
Жилин М. Г., Фролов А. С., Крымов Е. Ю. Стоянка Прислон 1 на Верхней Волге Zhilin M. G., Frolov A. S., Krymov E. A. The site Prislion 1 on the Upper Volga	126
Синицына Г. В., Кильдюшевский В. И. Хронологические комплексы археологического памятника Подол III Sinitsyna G. V., Kildyushevsky V. I. Chronological complexes of the archaeological monument Podol III	133
Леонова Е. В. Функционально-планиграфический анализ стоянки Беливо 6В Leonova E. V. Functional analysis and distribution of flint artifacts on Belivo 6V site	141
Энгватова А. В., Хрусталева А. В. Исследования копролитов со стоянок каменного века в Подмосковье Engovatova A. V., Hrustal'eva A. V. Coprolites from Stone Age sites of Podmoskovye	148
Цетлин Ю. Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) Tsetlin Y. B. The periods in the Early Neolithic in the UpperVolga region (based on the ceramics investigation data)	155
Сидоров В. В., Энгватова А. В. Протоволосовский этап или культура? Sidorov V. V., Engovatova A. V. The Protovolosovo stage or culture?	164
+ Тимофеев В. И. К проблеме юго-восточных связей неолита Восточной Прибалтики Timofeev V. I. On the south-eastern contacts of the East Baltic Neolithic	183

Герман К. Э. Культура сперрингс на территории Карелии	190
Herman K. E. The Sperrings culture at the territory of Karelia	
Лобанова Н. В. Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (некоторые итоги изучения)	198
Lobanova N. V. The Karelian pit-comb ceramics culture of the Neolithic (some results of the survey)	
Суворов А. В. Археологические разведки на Кубенском озере	212
Suvorov A. V. Archaeological survey at the Kubenskoye lake	
Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Новые памятники эпохи камня и средневековья в бассейне р. Оять	219
Gusentsova T. M., Andreeva N. A. Newly-found monuments of the Stone Age and Middle Ages in the Oyat's basin	
Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Некоторые особенности изготовления ранненеолитической керамики Междозерья (Юго-Восточное Приладожье и Прионежье)	226
Gusentsova T. M., Andreeva N. A. Some characteristics of manufacturing of the Early-Neolithic ceramics in Mezhozerye (South-Eastern Ladoga-Onega basin)	
Урбан Ю. Н. Стоянка Забелье - памятник раннего неолита Северного Валдая	235
Urban Y. N. The site Zabelye - the archaeological monument of the Early New Stone Age in the Northern Valday	
Тимофеев В. И. Стоянки каменного века близ д. Запесье Тверской области (по материалам исследований Н. Н. Гуриной)	245
Timofeev V. I. The Stone Age settlements near Zalesye village in the Tver region (based on materials obtained by N. N. Gurina)	
Сидоров В. В. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите	249
Sidorov V. V. The lake systems of the Dubna river basin in the Neolithic	
Уткин А. В., Костылева Е. Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры	259
Utkin A. V., Kostyleva E. L. Antropomorphous figurines of Volosovo culture	
Черных И. Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки "Синяя Гора" 1 (Ботово 1) на оз. Селигер	271
Chernykh I. N. Smaller Flint Plastics from the "Sinyaya Gora" 1 settlement (Botovo 1) at the Seliger lake	
Калинина И. В. Орнаментация сосуда с поселения Скрабы III	293
Kalinina I. V. Ornamentation of the vessel from Skrabi III settlement	
Костылева Е. Л., Уткин А. В. Календарная символика волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II	299
Kostyleva E. L., Utkin A. V. Calendar symbols of the Volosovo vessel from the site Sakhtysh II	
Уткин А. В., Костылева Е. Л. К вопросу о волосовских коллективных погребениях	305
Utkin A. V., Kostyleva E. L. About Volosovo communal graves	
Сидоров В. В. Стан 1 - стоянка и ритуальный комплекс	310
Sidorov V. V. Stan 1 - the site and the ritual complex	
Воронин К. В. Стоянка Стан 1 и ее место в круге памятников энеолита - бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья	319
Voronin K. V. The Stan 1 site and its position among the monuments of the Eneolithic-Bronze Age in the Valday Hills and the Upper Volga region	
Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского и Балановского могильников. Сравнительное изучение культурных традиций	333
Volkova E. V. Ceramics from Volosovo-Danilovo and Balanovo cemeteries. Comparative study of cultural traditions	
Волкова Е. В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1-2)	339
Volkova E. V. Cultural traditions reflected in the pottery of the Fatjanovs population (on the material obtained at the Novinki 1-2 cemeteries)	
Курбатов А. В. Камень с петроглифами из г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы	347
Kurbatov A. V. The stone with carved petroglyphs founded in Tver in the context of the rock art of Europe	
Крайнов Д. А. Захарьинское поселение	352
Kraunov D. A. The settlement Sakharjino	
Максимов А. Д. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области	355
Maksimov A. D. On cultural differences in local groups of the Early Iron Age monuments in the Tver region	
Исланова И. В. Селище Троица 1 на оз. Удомля (о культурных изменениях в середине I тыс. н. э.)	366
Islanova I. V. Troitsa 1 settlement at the Udomlya lake (on cultural changes in the middle of the 1st millennium A. D.)	
Воробьев В. М. Археологические аспекты Тверской гидронимии	373
Vorobyov V. M. Archaeological aspects of Tver hydronymy	
Список сокращений	379

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ (ТГОМ)

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская область, г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-264) 2-11-11, 2-13-88.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172770, Тверская обл., Пеновский р-н, пос. Ворошилово.
Тел. (8-233) 3-17-33.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Зубцовский краеведческий музей**
172330, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-262) 2-12-43, 2-12-09.
Авторы археологических разделов экспозиции А. В. Мирецкий, А. Н. Хохлов, И. Н. Черных. 1988 г.
- 4. Калязинский краеведческий музей**
171550, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-249) 2-04-79.
Авторы археологических разделов экспозиции И. Н. Черных, А. Н. Хохлов. 1987-1991 гг.
- 5. Кимрский краеведческий музей**
171510, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1990 г.
- 6. Конаковский краеведческий музей**
171280, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-242) 3-14-49, 3-14-50.
Авторы археологических разделов экспозиции А. В. Мирецкий, А. Н. Хохлов, И. Н. Черных. 1990 г.
- 7. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-237) 22-711.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1994 г.
- 8. Лихославльский краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-261) 2-10-56.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1995 г.
- 9. Осташковский краеведческий музей**
172750, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-235) 2-16-46, 2-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1986 г.
- 10. Старицкий архитектурно-художественный и археологический музей**
171360, Тверская обл., г. Старица, ул. Пушкина, д. 1а.
Тел. (8-26300) 3-85.
Авторы экспозиции "Археология Тверской области" И. Г. Портнягин и др. 1978 г.

11. **Тверской областной краеведческий музей** - головное учреждение объединения (основан в 1866 г. как историко-археологический музей).

170000, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.

Тел. (8-222) 33-51-27 (приемная генерального директора объединенного музея), факс 33-37-90; 55-10-97 (отдел археологии объединенного музея); 33-77-76 (сектор археологических фондов отдела фондов объединенного музея).

Автор археологических разделов экспозиции (территория совр. Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н. э. - сер. II тыс. н. э.) И. Н. Черных. 1996 г.

12. **Торопецкий краеведческий музей**

172850, Тверская обл., г. Торопец, ул. Комсомольская, д. 2.

Тел. (8-268) 2-26-94.

Автор археологических разделов экспозиции И. Г. Портнягин. 1974 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ

оказывает услуги юридическим и физическим лицам в осуществлении на хоз. договорной основе различных археологических исследований:

полевых - разведывательные обследования, инвентаризация памятников археологии, надзор за проведением земляных работ на памятниках археологии, раскопки археологических объектов всех эпох как на территории области, так и на сопредельных территориях;

камеральных - реставрация археологического металла, обработка остеологических коллекций из археологических раскопок (домашние животные), отрисовка находок;

в разработке историко-археологических **опорных планов**;

в подготовке и оформлении археологических **экспозиций**.

Адрес отдела археологии ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15. Телефоны для справок: (8-222) 55-10-97, 33-77-76.

АОЗТ "Тверьстрой"

предлагает свои услуги по выполнению строительных и ремонтно-строительных работ, в т. ч. связанных с обеспечением проведения охранных археологических исследований, в г. Твери и на территории Тверской и сопредельных областей, а также по приобретению строительных материалов непосредственно с предприятий-изготовителей.

Адреса АОЗТ "Тверьстрой": 171338, г. Тверь, пос. Савватьево,
170039, г. Тверь, ул. П. Савельевой, д. 78.

Телефоны: АОЗТ "Тверьстрой" - (8-222) - 42-18-68.

Отдел археологии ТГОМ - (8-222) - 55-10-97.

**Тверской археологический сборник
Выпуск 2**

Отв. редактор выпуска *И. Н. Черных*
Технические редакторы: *И. Н. Черных, М. А. Ефимов*
Корректоры: *Т. М. Маренко, И. Н. Черных, М. А. Ефимов*
Компьютерный набор: *Н. А. Сарафанова, Т. Н. Грачева*
Оригинал-макет: *М. А. Ефимов, И. Н. Черных*
Перевод на англ. язык и корректура: *В. А. Миловидов*

ЛР № 040632 от 9.06.93 г.

Подписано к печати 28.03.96 г. Формат бумаги 84x108^{1/8}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Объем 24 п. л. Усл. п. л. 40,3. Уч.-изд. л. 35,9.
Тираж 500 экз. Заказ 1731. Цена свободная.

Тверская областная типография,
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

ВАЖНЕЙШИЕ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	11 снизу	In order to need ...	In order to review the system of settling during Prehistory and Middle Ages we need ...
54	12 сверху	раннепребореальное	раннебореальное
56	13 снизу	Kunda	Khunda
60	Рис.2, подпись	3,5 - резцы; 4-8 - сверла;	3 - резец; 4-5,8 - сверла;
68	24 сверху	8859 + 700 л.н.	8859 + 70 л.н.
76	35 сверху	флювиогляциальными	флювиогляциальными
87	8 снизу	с двусторонней ...	с двусторонней обработкой...
88	8 сверху	использование	использование
110,	1 снизу	повторение строки	
111	1 сверху		
182	12 снизу	tesnology	technology
210	16 сверху	Саватеев Ю.А.	Саватеев Ю.А.
220	1 сверху	орнамента	орнаментира
231	10 снизу	А.В.Иванищева	А.М.Иванищева
257	3 сверху	Верхне-Волжской	Верхневолжской
283	изображение N 7	перевернуто вниз "головой"	
289	п.38, графа 5, 2 сверху	прямым	изогнутым
290	п.46, графа 5, 1 сверху	зооантропоморфная	зоо-антропоморфная
291	5 снизу	мезонеолитическим	мезо-неолитическим
309	5 сверху	Загоркис Ф.А.	Загорскис Ф.А.
309	14 снизу	tribs	tribes
318	7 сверху	with	which
320	Рис.1, условные обозначения	12 - шлифованные сланцевые рубящие орудия	12 - средневековая керамика; 13 - шлифованные сланцевые рубящие орудия
329	8 сверху	энеолитического	энеолитического
346	2 снизу	Mosckow	Moscow
354	12 сверху	Dnierг	Dniereg
356	28-29 сверху	р-не и селищ	р-не, - и селища
364	14 снизу	Радзивилловская	Радзивилповская
366	20 снизу	сложняется	осложняется
373	3 сверху	гидрономии	гидронимии
378	11 снизу	analizes	analyses
378	12 снизу	archaeological	archaeological
379	между 16 и 15 снизу	пропуск	ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР.Москва
383	4,32,38-39 сверху	(8-222)	(8-082-2 + 6 зн. 8-082-22 + 5 зн.)

